

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 071 360

C 84275

1945

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

№ _____

ИЗДАНИЕ 34. _____

ПОСЛА 3. _____

МЕСТО 20. _____

1904.

ОБРАЗОВАНИЕ.

ІЮЛЬ.

Гг. подписчики, пользующіеся разсрочкой платежа, приглашаются сдѣлать своевременно взносы, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

BERKE
LIBRA
UNIVERSI
CALIFOR

СОДЕРЖАНІЕ № 7.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАНА
† Памяти А. П. Чехова. Ник. Ашешова	I—VIII
1. Вокругъ жизни. Драматическія сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ. З. Ковалько	1— 59
2. На вечерней зарѣ. Стихотвореніе Г. Галиной	60
3. Уроки жизни. Романъ Гюстава Жеффура , перев. съ франц. Е. С. (Продолженіе)	61-- 86
4. Госпожа нищета. Разсказъ З. Карево . (Окончаніе)	87—116
5. За свободу. Романъ Алоиза Ираска , перев. съ чешскаго. В. Южанкина (Продолженіе)	116— 135
6. * * * Стихотвореніе Е. Чернобаева	136
7. Музыканты. Разсказъ О. Беспалова . (Окончаніе)	137—163
8. Сумерки. Стихотвореніе Н. Крандѣвской	164
9. Тамъ, гдѣ кончается Висла. Повѣсть А. Грушецкаго , перев. съ польскаго А. Даманской . (Окончаніе)	165—196

ОТДѢЛЪ II.

10. Корея и корейцы. А. Ц.	1— 23
11. Воззрѣнія Б. Н. Чичерина на право и государство І. В. Михайловскаго	24— 38
12. Значеніе учительскихъ курсовъ по отзывамъ земск. учителей Вал. Денисова	39— 67
13. Шопенъ. Экспромптъ. Ст. Пшебышевскаго . Пер. съ польск. Н. Корниловой	68— 79
14. Къ исторіи сектантства. Назарены въ Венгрии и Сербіи. В. Ольховскаго . (Окончаніе)	80— 98
15. „Живописатель нравовъ“ А. И. Левитовъ . А. П. Налмова	99—104
16. Лубочная литература о японско-русской войнѣ. И. П. Бѣлоконскаго . (Окончаніе)	105— 112

ОТДѢЛЪ III.

17. Пересмотръ законодательства о крестьянахъ. М. Лунцъ	1— 23
18. Въ тискахъ идейной растерянности. Н. Юрданскаго	24— 39
19. ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ . Объ интересѣ къ войнѣ и его законности.—Калужское общество взаимопомощи	

ХШ.

1904.

ОБРАЗОВАНИЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

и

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ.

№ 7.

І Ю Л Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1904.

СВѢДѢНІЯ
О ПУБЛИКАЦІИ
ДЛЯ ПЕДАГОГОВЪ

Дозв. цѣн. С.-Петербургъ, 19 іюля 1904 г.

LOAN STACK

251
035
4.13.7СТРАН
I—VIII

- † Памяти А. П. Чехова. Н. Ашешова I—VIII
1. Вокругъ жизни. Драматическія сцѣны въ 4-хъ дѣйствіяхъ. З. Ковалько 1— 59
 2. На вечерней зарѣ. Стихотвореніе Г. Галиной 60
 3. Уроки жизни. Романъ Гюстава Жеффура перев. съ франц. Е. С. (Продолженіе) 61— 86
 4. Госпожа нищета. Разказъ З. Кареву. (Окончаніе) 87—116
 5. За свободу. Романъ Алоиза Ирасна, перев. съ чешскаго В. Южанина (Продолженіе) 116—185
 6. * * * Стихотвореніе Е. Чернобаева 186
 7. Музыканты. Разказъ О. Безпалова (Окончаніе). 137—163
 8. Сумерки. Стихотвореніе Н. Крандѣвской 164
 9. Тамъ, гдѣ кончается Висла. Повѣсть А. Грушецкаго, перев. съ польскаго А. Даманской. (Окончаніе) 165—196

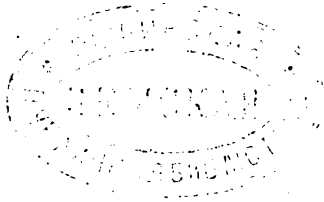
ОТДѢЛЪ II.

10. Корея и корейцы. А. Ц. 1— 28
11. Возврънїя Б. Н. Чичерина на право и государство І. В. Михайловскаго 24— 88
12. Значеніе учительскихъ курсовъ по отзывамъ земск. учителей Вал. Денисова 89— 67
13. Шопенъ. Эжепромптъ. Ст. Пшебышевскаго. Пер. съ польск. Н. Корниловой 68— 79
14. Къ исторїи сектантства. Назарены въ Венгріи и Сербїи. В. Ольховскаго. (Окончаніе) 80— 98
15. „Живописатель нравовъ“ А. И. Делитовъ. А. П. Налимова 99—104
16. Лубочная литература о японско-русской войнѣ. М. П. Бѣлоконскаго. (Окончаніе) 105—112

ОТДѢЛЪ III.

17. Пересмотръ законодательства о крестьянахъ. М. Лунцъ. 1— 28
18. Въ тискахъ идейной растерянности. Н. Иорданскаго 24— 39
19. ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ. Объ интересѣ къ войнѣ и его законности. — Калужское общество взаимопомощи народнымъ учителямъ. — Культурно-просвѣтительныя начинанія въ Черниговѣ и ихъ судьба. — Революція петербургскаго

- общества врачей по дѣлу генерала Ковалева.—Циркуляръ Казанскаго губернатора.—Экстренная сессія Саратовскаго губернскаго земскаго собранія.—Судебные процессы въ Могилевѣ губернскомъ и Смоленскѣ.—Убійство финляндскаго генераль-губернатора Бобрикова. **В. Б.** 40— 57
20. **ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.** (Изъ курск. губ.) Монополія въ деревнѣ. **Несторъ Гришанковъ.** (Изъ Калуги). О нашихъ земскихъ дѣлахъ **Калужанинъ.** (Изъ г. Уржума) **Влад. Селенжинъ.** (Изъ Нахичевани-на-Дону). Тридцатилѣтіе ходатайства о средней школь. **А. Л.** 58— 80
21. **РОДНЫЯ КАРТИНКИ.** О войнѣ и переопѣнкѣ цѣнностей.—Какъ отразилась война на журналистахъ: 1) г. Столыпинъ, 2) Вас. Ив. Немировичъ-Данченкѣ.—Споръ кievскихъ врачей о врачахъ-военнопльнныхъ.—Споръ о воинской повинности и о привилегіи талантовъ.—Г. Василевскій и его Троянскій конь.—Мелочи. **Александра Яблоновскаго** 81—101
22. **КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.** 1. Евгений Марковъ. Разбойница Орлиха. **А. Наимова** 2. Полное собраніе соч. **И. А. Крылова.** Т. I. **С. Ашевскаго.** 3. Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX стол. **П. Морозова.** 4. **А. С. Пругавинъ.** Религіозные отщепенцы. **П. Морозова.** 5. Записки княгини **М. Н. Волконской.** **С. Ашевскаго.** 6. **Е. Тарле.** Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX в. **И. Степанова.** 7. **Н. В. Краинскій.** Ученіе о памяти, съ точки зрѣнія теор. психической энергіи. **Л. В.** 8. **А. Елистратовъ.** О прикрѣпленіи женщинъ къ проституціи. **Л. Василевскій.** 9. Акваріумъ. Составилъ **В. П. Миллеръ.** **И. Леонтьева.** 10. Хрущъ. Воспоминанія крысы натуралиста. **А. Л. Яценко.** **И. Леонтьева.** 11. I Изданіе историческаго об-ва, при Московск. Универс.; II Изданія Исторической комиссіи учебн. отдѣла, Об-ва распротр. технич. знаній. **В. Величкиной** . . . 102—126
23. **ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.** („Русс. Мысль“ февраль и мартъ, „Міръ Божій“ мартъ) **А. Луначарскаго** 127—136

† Памяти А. П. Чехова.

Въ ночь на 3 іюля въ одномъ изъ тихихъ и уютныхъ курортовъ Германіи, въ Баденвейлерѣ, умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Онъ умеръ въ расцвѣтъ таланта и славы, еще молодымъ— всего 44 лѣтъ отъ роду. Смерть слишкомъ рано унесла отъ насъ крупную художественную силу, обѣщавшую еще много дивныхъ произведеній своего печальнаго, пера... Смерть оборвала его работу въ важную пору, въ моментъ необычайнаго подъема моральныхъ и общественныхъ исканій, когда къ каждому талантливому голосу прислушиваются съ интенсивнымъ вниманіемъ...

Въ туманные годы русской общественности выступилъ Чеховъ въ русской литературѣ. Это была не пора всеобщаго весенняго расцвѣта, когда ясное солнце зоветъ и возбуждаетъ къ жизни все окружающее: это была пора тяжелаго увяданья, того отлива 80-хъ годовъ, который унесъ съ собой, вмѣстѣ съ бесполезными иллюзіями, и почти все цѣнное наслѣдство прошлаго. Съ тяжелымъ грузомъ вліянія 80-хъ годовъ на плечахъ начиналъ свою работу покойный писатель, и это вліяніе сильно отразилось на всей послѣдующей его дѣятельности и даетъ одинъ изъ многихъ ключей для пониманія сложнаго механизма его творчества.

Однако, мы напрасно стали бы искать исключительно въ общественной обстановкѣ работы писателя объясненіе характера и сущности его литературной дѣятельности. Крупный талантъ, т. е. тотъ,—пока еще неизвѣстно, откуда берущійся,—даръ созиданія и воплощенія въ словѣ „вещей и призраковъ“, подчиняется постольку же внѣшнимъ условіямъ, легко учитываемымъ объективно, постольку и внутреннимъ загадочнымъ причинамъ, трудно доступнымъ для психологіи и ея анализа.

Внѣшнія условія его дѣятельности сложились въ исключительно неблагоприятную сторону. Нервный, тонкій и чуткій художникъ попалъ въ полосу жизни, которая рождала не героевъ мысли и дѣла, а сѣрыхъ и пришибленныхъ людей.

Но и помимо этого по всему философскому складу своего ума, по всѣмъ органическимъ своимъ влеченіямъ Чеховъ былъ глубокой скептикъ и пессимистъ, острымъ анализомъ своимъ раскрывавшій душевныя тайны русскаго человѣка и обнажавшій глубоко скрытыя черты его характера съ безпощаднымъ реализмомъ ни во что не вѣрящаго человека...

И вмѣстѣ съ тѣмъ Чеховъ никогда не былъ борцомъ, проповѣдникомъ или непосредственнымъ учителемъ жизни, а между тѣмъ мятушійся духъ русскаго человѣка жадно внималъ всему, о чемъ говорилъ покойный художникъ, особенно въ послѣдніе годы его дѣятельности, и въ данномъ случаѣ мы можемъ видѣть одинъ изъ любопытнѣйшихъ контрастовъ русской жизни, одно изъ тѣхъ видимыхъ противорѣчій, которыя объясняются и сложностью, и красивыми особенностями этаповъ нашего духовнаго развитія.

Вся исторія нашего духовнаго роста и образовавшіяся подъ ея вліяніемъ классическія особенности русской литературы,—все это требовало бы обратнаго къ нему отношенія: мы слишкомъ привыкли видѣть въ искусствѣ только каеодру... Однако, широта, глубина и сила русской мысли сумѣли разглядѣть и при отсутствіи (какъ казалось) проповѣдничества силу таланта и его философски-общественное (а не конкретно-тенденціозное) содержаніе. Правда, это

признаніе пришло довольно поздно, но въ этомъ была вина не столько общества, сколько писателя.

Писатель же опредѣлился довольно поздно. Его серьезной литературной дѣятельности предшествовала мелкая работа, отъ значительной части которой писатель впоследствии отказался и самъ. Эта мелкая работа, озаренная яркими блесками глубокаго дарованія, текла незамѣтно для общества и притомъ въ тѣхъ сферахъ, откуда нельзя было ожидать ни правдиваго, ни совѣстливаго отвѣта на текущіе запросы. И когда Чеховъ выступилъ, наконецъ, съ солидными работами („Степь“, „Скучная исторія“, въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“), то понятно, что его прошлое навязало и его критикамъ такую же ноту предубѣжденія, какую самъ писатель носилъ и за своей спиной, въ видѣ безразличнаго отношенія къ теченіямъ нашей общественности.

Этотъ періодъ,—весьма важный для неудачливой полосы въ жизни А. П. Чехова,—миновалъ довольно быстро и почти забытъ. Напѣ Чеховъ, т. е. тотъ писатель, котораго мы любимъ и цѣнимъ, это Чеховъ втораго, послѣдняго періода его развитія, окончательно сформировавшійся писатель, художественный аппаратъ котораго представляетъ собою многогранную величину.

Объ этой величинѣ было много споровъ въ критикѣ, но крупный талантъ покрылъ своей силой эти споры и разногласія. Чеховъ добился общаго признанія, побѣдилъ первоначальную холодность критики и сдѣлался тѣмъ желаннымъ работникомъ литературы, отъ котораго мы жадно ожидали все новыхъ и новыхъ произведеній.

Сила таланта Чехова обнаруживается прежде всего въ его самобытности, оригинальности, полной самостоятельности, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи творчества.

Тѣмъ былъ чуждъ Чехову: въ основѣ его художественнаго творчества лежала тоска, и скорбныя мелодіи неизмѣнно звучали въ каждомъ его словѣ даже тогда, когда, казалось, писатель смѣялся. Наличие элемента тоски должна исключить возможность упрека по адресу писателя въ холодной, ледяной объективности. Первое впечатлѣніе

отъ его произведеній было, дѣйствительно, таково, и понятны были недоумѣнные вопросы первыхъ критиковъ Чехова, спрашивавшихъ, какому же Богу молится писатель, во что онъ вѣритъ и гдѣ лежатъ его общественныя симпатіи? Время и послѣдующая дѣятельность Чехова показали, что у ледяного объективиста — неисчерпаемый запасъ тонкаго, глубокаго лирическаго чувства и что сердце писателя, опредѣляющее, обыкновенно, его „Бога“, полно той скорби, которая и безъ кричащихъ плакатовъ и лагерныхъ этикетовъ прекрасно обрисовываетъ центръ тяжести его общественныхъ симпатій. Эти симпатіи у писателя были очень широки. Перспективы того, что мы называемъ „направленіемъ“, не укладывались у Чехова строго въ рамки того или иного изъ господствующихъ теченій: художникъ и пѣвецъ русской скорби принадлежалъ къ общему теченію широкаго гуманизма, который искони былъ присущъ передовой русской литературѣ, со времени Новикова и Радищева.

Сумерки русской провинціальной жизни, обывательской, простой и несложной жизни, во всей неприглядности ея грубаго индивидуализма и разобщенности, нашли въ Чеховѣ изумительнаго фотографа. Но фотографіи, которыя рисовалъ Чеховъ, не только реально воспроизводили доподлинную жизнь: онѣ были проникнуты субъективнымъ пессимизмомъ автора, съ притворною холодною плакавшего надъ тѣми трагедіями, какія поставляетъ наша все убивающая, все уничтожающая обывательщина. Элементъ трагизма составляетъ чрезвычайно яркую черту во всѣхъ произведеніяхъ Чехова. Вся галлерейя его жизненныхъ картинъ точно покрыта прозрачнымъ, но траурнымъ флеромъ, запечатлѣна безнадежностью и безысходностью. И всю эту галлерейю символически можно представить одной трагедіей жизни — „Тремя сестрами“, бесплодно рвущимися къ далеко мерцающему свѣту истинно-человѣческой жизни, задыхающимися въ тинѣ ограниченнаго, тупого мѣщанства, вынужденнаго духовнаго бездѣйствія, пошлости и потери человѣческаго достоинства. Трагизмъ русской жизни вообще и жизни русскаго обывателя въ частности обрисовывается Чеховымъ

съ безпощаднымъ реализмомъ и съ громадною художественною силой. Если мы представимъ себѣ наблюдателя, который принималъ бы картины Чехова, какъ фактъ, и не могъ бы связать ихъ съ общими причинами и условіями, то онъ долженъ былъ бы придти къ самымъ безотраднымъ выводамъ относительно нашего будущаго.

Все это вѣрно, но Чеховъ былъ честнымъ фотографомъ жизни, простой массовой жизни провинціи, спавшей чуткимъ сномъ и еще не всколыхнувшейся. Чеховъ не лгалъ на жизнь, и въ то же время передаваемая имъ правда жизни глубоко соотвѣтствовала, при художественномъ ея конструированіи писателемъ, его философски-пессимистическимъ возрѣніямъ. Чеховъ глубоко не вѣритъ въ человѣка и точно считаетъ его какимъ-то ничтожнымъ атомомъ, потеряннымъ Богомъ среди мощной и величественной природы. Въ духовномъ мірѣ писателя жизнь повернулась къ нему не своей радостной стороной широты и полноты, не борьбой Ормузда и Аримана, не красотами исполняемаго долга *coûte que coûte*, не подвигами и жертвами, подчасъ страшными, а своими деталями, той громоздкой массой придавливающихъ и раздавливающихъ духъ мелочей, которыя видны только острому художественному взору. Мечтанія, вольный полетъ фантазіи, идеалистическій подъемъ тока высокаго напряженія,—далеки отъ писателя. Если его герои и мечтаютъ о будущей жизни, то очень робко, несмѣло, туманно, осторожно, даже трусливо. И эти черты авторъ густо подчеркиваетъ не только въ силу фотографическихъ способностей своего таланта, не только въ силу общей пришибленности нашей жизни, но и въ силу своего философскаго настроенія, крѣпко привязывающаго его мысли къ бренности человѣка.

На этихъ особенностяхъ его творчества точно отразилась жизнь современной деревни, окруженной задумчивой, грустной природой, влачащей свои дни среди докучныхъ мелочей, въ духовномъ безсиліи, въ разобщенности со всѣмъ міромъ. Маленькіе люди глядятъ на свѣтъ Божій черезъ маленькія оконца и свою грустную жизнь коротають, какъ

улитки, съ печальнымъ и унылымъ однообразіемъ, почти безъ надежды на грядущій разсвѣтъ. И писатель вторитъ этимъ маленькимъ людямъ, но передаетъ намъ не жалобы ихъ, а только ихъ настроеніе въ рамкѣ реальныхъ условій, тяжелыхъ, какъ кошмаръ...

Пессимизмъ слить съ Чеховымъ органически. Единственнымъ утѣшеніемъ у писателя является загробная жизнь, когда „мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонуть въ милосердіи, которое наполнить собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою какъ ласка“. (Соня въ „Дядѣ Ванѣ“). Это тотъ пессимизмъ, который не закутывается въ мантию мизантропіи, гордаго презрѣнія, холодно-эгоистическаго неуваженія къ людямъ, а выстрадаанный пессимизмъ сквозь слезы, пессимизмъ очищенный страданіемъ и состраданіемъ и въ результатѣ создающій трагическій взглядъ на міръ...

Не мудрено поэтому, что у Чехова вы не подслушаете бодрыхъ, здоровыхъ рѣчей.

Если баронъ Тузенбахъ („Три сестры“) говоритъ: „Пришло время, надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идетъ, уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку“,—то на то онъ человѣкъ не русской наслѣдственной культуры. Если же авторъ вкладываетъ такіа мечтанія въ уста своихъ излюбленныхъ обывателей, то эти мечтанія звучатъ фальшью (какъ рѣчи Петра Трофимова въ „Вишневомъ садѣ“). Чеховъ не вѣритъ этимъ рѣчамъ...

Но хотѣлъ этого писатель или не хотѣлъ, его картинная галлерей зоветъ насъ не подъ сѣнь сосредоточеннаго пессимизма, а наоборотъ, къ дѣятельной активной жизни. Фотографіи жизни у Чехова слишкомъ ярки, чтобы не будить общественной совѣсти и не двигать ея въ сторону самоанализа, выясненія всѣхъ условій, при которыхъ русскій культурный дѣятель въ концѣ-концовъ начинаетъ сомнѣваться, человѣкъ онъ или нѣтъ (докторъ Чебутыкинъ въ „Трехъ

сестрахъ“). Общественный и моральный позоръ нарисованный писателемъ безпощадными красками. является для насъ „воплощенной укоризной“ и заставляетъ заняться переоцѣнкой жизни.

И въ этомъ крупная общественная сторона его литературной дѣятельности. Не проповѣдникъ, не боецъ, Чеховъ тѣмъ не менѣе сыгралъ въ исторіи нашей общественности крупную роль; съ неотразимой силой трагизма онъ говорилъ намъ *своимъ* волшебнымъ перомъ, *какъ не надо жить*. Эти отрицательные, такъ сказать, способы и приемы его литературной дѣятельности являются однимъ изъ положительныхъ ея достоинствъ.

Какъ художникъ, Чеховъ является замѣчательнымъ миниатюристомъ, единственнымъ въ русской литературѣ. Его аппаратъ поразительно воспринималъ мельчайшія черты человѣка и движеній его души. Детализированіе анализа доведено Чеховымъ до наивысшаго совершенства. Чеховъ былъ царемъ въ области небольшого рассказа, мелкой фотографіи, сжатой композиціи. Къ крупнымъ, сложнымъ картинамъ его не влекло, но детальный анализъ привлекалъ его преимущественное вниманіе. И даже въ драмахъ, которыя естественно должны развертывать болѣе широкія картины жизни, Чеховъ оставался тѣмъ же миниатюристомъ, поэтомъ мелкой жизни и мелочей жизни.

Спокойнымъ изяществомъ запечатлѣны всѣ его произведенія. Превосходный стилистъ и тонкій знатокъ языка онъ владѣлъ мастерствомъ слова, какъ немногіе русскіе писатели. Въ этомъ отношеніи Чеховъ можетъ быть поставленъ въ ряды нашихъ классиковъ. И это изящество не покидаетъ Чехова даже въ его чисто-юмористическихъ миниатюрахъ, въ которыхъ дѣло не обходится безъ нѣкоторой доли шаржа.

Мы потеряли этого писателя, эту крупную художественную силу. Но слѣды его вліянія чрезвычайно глубоки, и не сотрутся никогда со страницъ исторіи русской литературы, мысли и общественности.

Предъ раскрытой могилой трудно учесть всю понесенную Россіей въ лицѣ Чехова потерю. Въ этихъ строкахъ мы хо-

тѣли лишь возложить на гробъ писателя небольшой вѣнокъ. Быть можетъ, только въ будущемъ будетъ сдѣланъ настоящій учетъ этой потерѣ. А пока произведенія Чехова будутъ жадно читаться грядущими еще многими поколѣніями, которымъ и самъ авторъ пожелалъ бы, чтобы сфотографированныя имъ картины жизни казались бы только кошмаромъ далекаго прошлаго...

Ник. Ашешовъ.

Вокругъ жизни.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующія лица:

Павелъ Ивановичъ Волжинъ, помѣщикъ.

Марія Петровна, его жена.

Борисъ Павловичъ, помѣщикъ }
Алексѣй Павловичъ, врачъ } ихъ дѣти.

Ксенія Александровна } племянницы Маріи Пет-
Ольга Александровна } Лучицкія, ровны Волжиной.

Евгеній Юльевичъ Эбергартъ, врачъ, товарищъ Алексѣя
Волжина.

Петръ Петровичъ Ремезовъ.

Анатолій Дмитріевичъ Ройскій.

Вышеславцевъ, литераторъ.

Степанъ, старшій слуга Волжиныхъ.

*Всѣ дѣйствія происходятъ въ Петербургъ, первое и четвертое
у Алексѣя Волжина и Эбергарта второе и третье у Лучицкихъ.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ Алексѣя Волжина.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ольга и Эбергардтъ.

Ольга (*ходитъ по комнатѣ*). Евгений Юльевичъ, который часъ?

Эбергардтъ. Такъ какъ вы меня объ этомъ спрашиваете, по меньшей мѣрѣ, уже въ десятый разъ, и такъ какъ ваши вопросы возрастаютъ обратно - пропорціонально времени, то считаю болѣе удобнымъ и для себя, и для васъ положить часы передъ вами. (*Кладетъ часы на столъ, мимо котораго ходитъ Ольга*). Скажите, пожалуйста, что это у васъ за нетерпѣніе такое необычайное увидѣться со своими родственниками? Любите, что-ли, вы ихъ такъ, привязаны?

Ольга (*рѣзко*). Ничего необычайнаго въ моемъ нетерпѣніи нѣтъ... Жду своихъ тетку и дядю, которыхъ люблю и которыхъ давно не видала, вотъ и все.

Эбергардтъ. Зачѣмъ же сердиться? Напротивъ, мнѣ это нравится,—женщина должна любить, должна быть нѣжной, привязанной, должна ждать, надѣяться, вѣрить...

Ольга. Мужчина не долженъ говорить глупостей.

Эбергардтъ. Сегодня пріѣдетъ также вашъ братъ двоюродный... Что онъ изъ себя представляетъ?

Ольга. Пріѣдетъ—увидите.

Эбергардтъ. Ну а вы ему также симпатизируете?

Ольга. Это просто невыносимо. Что вамъ за дѣло, несносный вы человекъ, ну какое вамъ дѣло, симпатизирую я ему или нѣтъ, люблю-ли, ненавижу,—вамъ то что до этого? Вообразите, люблю безъ ума, вотъ жду, мучаюсь, горю нетерпѣніемъ,—что вы на это скажете?

Эбергардтъ. Одинъ умный человекъ сказалъ, что

женщина—листъ бумаги; съ одной стороны пишетъ ангель, съ другой — дьяволь.. Я думаю, что сегодня больше усердствуетъ не ангель. (*Молчаніе*). Удивительно, въ тѣ рѣдкія мгновенія, когда у меня является желаніе поговорить, — со мной никто говорить не хочетъ. А сегодня я въ болтливомъ настроеніи.

Ольга. Вотъ, подождите, придетъ Аксюша—наговоритесь

Эбергардтъ. Да, правда, что-же до сихъ поръ нѣтъ вашей сестры? Вы къ намъ чуть ли не съ разсвѣта забрались, разбудили Алешу, надоѣли ему своими понуканіями и опасеніями, какъ бы не опоздалъ поѣздъ, теперь все время надоѣдали мнѣ съ часами, а сестры вашей еще и нѣтъ. Что-же, меньше любить она, что-ли, своихъ родныхъ, или чувства у нея не такія суетливыя?

Ольга. Должно быть, и то, и другое...

Эбергардтъ. Или, быть можетъ, она прямо проѣхала на вокзалъ? Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, вы то что думали? Что-бы вамъ отправиться вмѣстѣ съ Алешей?

Ольга (*чуть не со слезами*). Евгений Юльевичъ, голубчикъ, дорогой, ну, бросьте, ну, перестаньте... Мнѣ очень нехорошо сегодня... Мнѣ неадоровится... Оставьте...

Эбергардтъ (*пристально глядывается въ Ольгу, говоритъ совершенно серьезно*). Простите. (*Молчаніе*).

Ольга. Вотъ они, вотъ они пріѣхали! (*Подбѣгаетъ къ окну*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Степанъ, входитъ и вноситъ вещи. Ольга сначала подбѣгаетъ къ двери, потомъ быстро уходитъ въ боковую дверь.

Степанъ (*взволнованный*). Пріѣхали. А баринъ-то старый похудалъ. А Марья Петровна еще распухла. На лѣстницу то влѣзла, да и раздышаться не можетъ. А Борюшка то лысѣть началъ.

Эбергардтъ. Какъ это вы успѣли все замѣтить?

Степанъ. Эхъ, баринъ, долго ли замѣтить. Нашъ глазъ старый, да проворный. Да какъ и не примѣтитъ, коли нѣтъ тебѣ на свѣтѣ людей милѣй.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Павелъ Ивановичъ, Марія Петровна, Борисъ, Алеша входятъ.

Алексѣй (*шумно, весело*). Вотъ, мама, рекомендую, Евгений Юльевичъ Эбергардтъ, съ которымъ меня чортъ вер-

вочкой связаль. И студентами вмѣстѣ жили, да и теперь развязаться не можемъ. Надѣюсь, слышаны о немъ достаточно изъ моихъ писемъ. Неисправимый меланхоликъ, скучаетъ, потому что живетъ, и живетъ, потому что скучаетъ!

Э бергардтъ. Для перваго знакомства какъ будто этого и мало! (*Глядя на Алешу*). Неисправимый лгунъ—лжетъ даже тогда, когда говорить правду. (*Общій смѣхъ*).

Алексѣй. Смотри, Борисъ, ты будешь съ нимъ помѣщаться въ одной комнатѣ, остерегайся, чтобы не заразиться отъ него бактеріями тоски жизни. Болѣзнь опасная и заразная.

Борисъ. Глядя на тебя, — этого, пожалуй, не скажешь.

Алексѣй. О, я принимаю всѣ предосторожности. Каждый разъ, какъ ехожу съ нимъ въ соприкосновеніе,—обливаюсь карболкой.

Марія Петровна. Ну, Алеша, будетъ. Дай еще разъ тебя хорошенько поцѣловать, да и веди насъ съ отцомъ въ нашу комнату. Видишь, Павелъ Ивановичъ еле на ногахъ стоитъ. Шутка сказать,—двѣ ночи не спалъ. (*Обнимаетъ и целуетъ Алексѣя*.)

Павелъ Ивановичъ. Что ты, матушка моя, на меня клепешь. Не могу все еще осмотрѣться, да въ себя притти отъ этого Петербурга проклятаго. Да и Алешу не узнаю, сильно паремь измѣнился. Купрыи сталъ какой то, да поджарый. Алексѣй, давно это тебя такъ подвело?

Алексѣй. Что вы, папа, я здоровъ, даже черезчуръ здоровъ, какъ хорошій индѣйскій пѣтухъ.

Павелъ Ивановичъ. Ну, какое тамъ черезчуръ! Воздуху у васъ тутъ мало, простору! Живи я въ этихъ клеткахъ—давно бы задохся. Да и занятія твои, вѣрно, тебя досадили, профессоръ мой ученый! (*Треплетъ его по плечу*.)

Алексѣй. Хорошо вы это сказали—именно досадили.

Павелъ Ивановичъ. Вотъ, Степанъ; дождались мы съ тобой праздника. Понимаешь ли, кѣмъ теперь Алешенька сталъ нашъ, а?

Степанъ. Понимаю, какъ не понимать. Только вотъ ужъ, баринъ, Павелъ Ивановичъ, Христомъ-Богомъ прошу васъ, возьмите меня въ деревню, къ себѣ. Будетъ.

Павелъ Ивановичъ. Вотъ тебѣ и на!

Алексѣй. Да ты это что, Степанъ? Евгенийъ, слышишь, Степанъ то что выдумалъ? Да какъ же мы безъ тебя то останемся?

Степанъ. А ужъ какъ хотите, мнѣ что!

Алексѣй. И не стыдно тебѣ, и не грѣшно? Только бы намъ съ тобой жить начать, а ты вдругъ...

Марія Петровна. Что же ты такъ, Степанушка, а?

Степанъ (*указывая на Алексѣя*). Характеръ у нихъ болѣно лажелый сталь, вотъ. (*Общій смѣхъ*).

Алексѣй. Развей свою мысль.

Степанъ (*махнетъ на него рукой*). Сами знаете, правду говорю. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же безъ Степана.

Марія Петровна. А онъ мнѣ письмо, вѣдь, прислалъ. Пишетъ,—хочу вернуться въ деревню, не вмоготу больше оставаться, скучно, тошно...

Алексѣй. Господи, даже Степанъ нашъ заскучалъ! (*Указывая на Эбергардта*). А все ты.

Эбергардтъ (*смѣясь*). Да, вѣдь, не мой характеръ сталь тяжелымъ.

Алексѣй. Да мой то испортился, на твой глядя. Пожди, я тоже отъ тебя въ деревню уѣду.

Эбергардтъ. Степанъ то не вернется, а ты...

Алексѣй. Ну, не въ деревню, такъ въ другое мѣсто!

Эбергардтъ. Вотъ ужъ и на попятный!

Павелъ Ивановичъ. Чудной вы народъ, какъ на васъ поглядѣть! Зачѣмъ тебѣ въ деревню, ты у насъ ученый, лекціи читать будешь, открытія дѣлать, знаменитостью станешь! Ужъ мы и въ газетахъ читали про твои научные труды... Какъ тамъ сказано было?—„Восходящее свѣтило науки, единодушные отзѣвы ученаго міра“... Марія Петровна-то плакала, разливалась, когда читала... Сосѣди пріѣзжали, поздравляли...

Марія Петровна. Да и самъ то газету все въ карманѣ носилъ, пока не продырявилась, наизусть зналъ. Борисъ ужъ потомъ новую выписалъ.

Павелъ Ивановичъ. Нарочно и съ пріѣздомъ поторопились, чтобы самимъ услышать, какъ ты свою диссертацию защищать будешь. Вѣдь, пустятъ насъ?

Алеша. Пустятъ, отчего не пустить...

Павелъ Ивановичъ. Кто же ты теперь? Какъ званіе то твое?

Алеша. Кто я? По правдѣ говоря, я самъ этого не знаю... А званіе мое, по занятіямъ, мудреое, натошакъ не выговоришь. Я, вѣдь, не какой-нибудь врачъ-практикантъ,

въ родѣ его, напимъ... (*Указываетъ на Эбергардта*) Я—птица рѣдкая, пошелъ по учебной части, совершенствую еще не-усовершенствованную науку...

Марія Петровна. Работы, поди, много?

Алеша. И не говорите,—у меня, вѣдь, тоже въ родѣ вашего, свое сельское хозяйство: тоже сѣю, развожу разныхъ породы, улучшаю и т. д... Только скотинку то мою надо въ микроскопъ разсматривать.

Марія Петровна. Это что же такое?

Алеша. Да бациллы всякія, бактеріи, микрококки, просто кокки,—имя имъ легионъ...

Марія Петровна. Ахъ, ты, ученый нашъ, поди сюда. (*Цѣлуетъ его*).

Алеша (*цѣлуетъ ея руку*). Чтобы вамъ, мама, привезти съ собою ту продырявленную газету.

Марія Петровна. Это зачѣмъ тебѣ?

Алеша. Я тоже носилъ бы ее постоянно въ карманѣ...

Павель Ивановичъ. Надъ отцомъ смѣешься!.. Молодецъ!

Алеша. Ахъ, что вы, папа, напротивъ. Я постоянно щупалъ бы ее въ карманѣ у себя, и еще усерднѣе разводилъ бы своихъ микрококковъ..

Павель Ивановичъ. Нескладное говоришь ты что то. Ну, поидемъ, веди насъ въ нашу комнату.

Алексѣй. Вотъ сюда. (*Беретъ подъ руку отца и мать, пропускаетъ ихъ впередъ въ боковую дверь, и на порогъ, оборачиваясь, говоритъ.*) А ты, Борисъ, побудь пока въ сообществѣ этого элѣфанта. Ты не бойся, что онъ на видъ такой страшный, онъ у насъ смиренный, ручной, самъ себя на веревочку привязалъ... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Борисъ, Эбергардтъ. За сценой слышны голоса.

Марія Петровна. Господи, Олечка, это ты ли? Родная моя, голубка моя!

Павель Ивановичъ. Олечка, здравствуй!

Марія Петровна. Милушка ты моя! Да дай на тебя поглядѣть. Тамъ Борисъ въ гостиной. Мы съ отцомъ только вотъ умоемся, да пригладимся, такъ ужъ наговоримся вволю. Золото ты мое ненаглядное! А Аксюша что? Ну, да потомъ расскажешь...

Алексѣй. (*за сценой*). Эбергардтъ, сюда на минутку! (*Эбергардтъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Борись, Ольга входитъ и приостанавливается у порога. Борись къ ней спѣшитъ.

Борись. Оля, ты ли это? Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Какъ я радъ тебя видѣть! (*Цѣлуетъ у нея руку.*) Да тебя теперь и не узнать. Ты страшно намѣшилась,—выросла, возмужала, похорошѣла! Ты просто красавицей стала, Оля!

Ольга (*тихо и серьезно*). Я тоже очень рада васъ видѣть, Борись.

Борись. Васъ? Что это, развѣ мы на „вы“? Вотъ какъ, мы стали чужими!

Ольга. А развѣ мы были близкими?

Борись (*смѣясь*). Надѣюсь, вѣдь, ты меня продолжаешь считать своимъ братомъ?

Ольга. Продолжаю, но изъ этого ничего не слѣдуетъ.

Борись. Ну, Богъ съ тобой, моя нехорошая сестра, не хочу съ тобой ссориться съ первой же встрѣчи... Потомъ привыкнешь и сама перейдешь на „ты“. Ну, Расскажи мнѣ, мнѣ такъ хочется знать о тебѣ, какъ ты живешь, что дѣлаешь, чѣмъ живешь? Вѣдь, ты мнѣ даже и не писала, не отвѣчала на мои письма. А помнишь, когда то мы были друзьями, Оля, большими друзьями!

Ольга (*лѣниво и неохотно*). Мало ли что было и что прошло, Борись. А о жизни моей, ей Богу, увольте рассказывать. Скучная, глупая, пошлая жизнь,—да къ тому же и сами увидите!

Борись. Что ты, Оля, мнѣ Алеша писалъ, да и сейчасъ по дорогѣ рассказывалъ, какъ вы живете. Открытый домъ, кругъ литераторовъ, артистовъ, художниковъ, масса интересныхъ людей!

Ольга. Чтобы казаться интереснымъ, надо быть интереснымъ. У насъ нѣкоторые думаютъ, что кажутся, вотъ и все.

Борись. Какъ меня все это поражаетъ, Оля, что ты говоришь! Ты кажешься усталой, недовольной,—развѣ жизнь тебя ужъ успѣла обидѣть?

Ольга. Что говорить обо мнѣ! Вотъ вы расскажите, какъ вы живете. Вы прекрасно выглядите, жизнерадостны, бодры... у васъ, должно быть, жизнь, что-ли, такъ хороша, или живете, какъ... (*запинаясь*) канарейка!

Борись (*смѣется*). Ты стала злой, Оля. На жизнь свою не жалуясь и канарейкой себя тоже не считаю... да и вооб-

ще никакой птицей. Я—существо безкрылое, летать не умѣю. А если хочешь ужъ меня чѣмънибудь обозвать, такъ какимънибудь земноводнымъ: живу на землѣ и для земли.

Ольга. Но, вѣдь, смотрите же на небо?

Борисъ (*смѣется*). Только для того развѣ, чтобы рѣшить, стоитъ ли завтра начинать сѣять или убирать сѣмя!

Ольга. Вы раньше иначе думали...

Борисъ. Ты сама недавно сказала: мало-ли что было и что прошло,—я повторяю... Я на землѣ много нашелъ хорошаго, Оля!

Ольга. Поздравляю и радуюсь.—Ну, что, какъ ваши всѣ сосѣди поживаютъ, что Катя Подгорская?—Попрежнему по утрамъ кормить гусей и индюшекъ, по вечерамъ играетъ сонаты Моцарта, а днемъ плачетъ надъ романами Диккенса?

Борисъ (*съ удивленіемъ смотритъ на нее*). Евкатерина Андреевна—прекрасный человѣкъ, она много работаетъ и дѣлаетъ много хорошаго и полезнаго; она завела у себя въ имѣньи школу, теперь хлопочетъ съ больницей... Она попрежнему считаетъ тебя своей подругой и просила очень кланяться.

Ольга. Благодарю. Передайте ей, что я ей тоже кланяюсь и желаю продолжать ея душеполезную дѣятельность, подругой же своей ее я не считаю.

Борисъ (*смотритъ на нее съ изумленіемъ.—Молчаніе*). А что же нѣтъ Аксюши? Она придетъ?

Ольга. Придетъ непременно. Это—человѣкъ точнѣе самого солнца. Весь день у нея размѣренъ по часамъ... Сегодня она сказала, что придетъ въ три часа,—ровно въ три часа и появится. Осталось полчаса,

Борисъ. Что же у нея, дѣла, занятія?

Ольга. Да не знаю, право, какъ сказать, дѣло это или нѣтъ... Только занята она постоянно. Она любитъ искусство, интересуется имъ, посѣщаетъ всякія выставки, сама рисуетъ и лѣпитъ...

Борисъ. Вы, вѣдь, вмѣстѣ живете?

Ольга. Вмѣстѣ, но видимся рѣдко. Только по вечерамъ, когда у насъ гости; или когда сами куданибудь вмѣстѣ ѣдемъ... У меня другой порядокъ!

Борисъ. Какой-же?

Ольга. У меня ни одинъ день не проходитъ такъ, какъ другой.

Борисъ. Почему же?

Ольга. Да такъ... иногда встаю въ полдень, иногда къ

обѣду, иногда къ вечеру, иногда съ разсвѣтомъ... а иногда и вовсе не ложусь...

Борисъ. Зачѣмъ же такъ жить, Оля?

Ольга (*смѣется*). При всѣхъ моихъ порокахъ,—у меня нѣтъ одного—богохульства, и потому свое времяпрепровожденіе я никогда не называю „жизнью“.

Борисъ. Оля, Оля, что ты съ собой сдѣлала? Какъ мнѣ жаль тебя, Оля!

Ольга. Одной жалости, Борисъ, иногда бываетъ мало.

Борисъ. Оля, голубчикъ, знаешь что? Брось все это, поѣдемъ вмѣстѣ съ нами въ деревню. Подумай: прежняя, славная, здоровая жизнь... Вѣдь, она такъ тебѣ нравилась, Оля!

Ольга (*смѣется*). Какой вы, въ самомъ дѣлѣ, милый и добронравный братъ! Если бы я была такая же сестра,—я, навѣрное, васъ бы послушала. Вы такъ мило сказали,—брось, ѣдемъ!

Борисъ (*удивленный*). Я не могу понять тебя, Оля.

Ольга. Я это вижу... Представьте,—у меня есть приязанности, дружба, любовь, наконецъ, ради которой я не могу съ вами ѣхать!

Борисъ. Прости, Оля!.. Этого я предположить не могъ...

Ольга. Да, это правда, этого вы предположить не могли... А между тѣмъ, это такъ. Я люблю одного человѣка, Борисъ...

Борисъ (*тихо*). А онъ?

Ольга (*смѣется*). А онъ? А онъ, вотъ какъ вы сейчасъ сказали,—онъ этого и предположить не можетъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Павелъ Ивановичъ, Марія Петровна, Алексѣй, Эбергартъ входятъ.

Марія Петровна. Устала, батюшки мои, какъ устала. Нѣтъ, не въ моченьку! Вотъ на Олю посмотрю, да и пойду—лягу. Ну что, стрекоза моя, поиди ко мнѣ. (*Ольга садится на скамеечку около Маріи Петровны.*) Ну, рассказывай, какъ живешь, что дѣлаешь, что сестра? Зачѣмъ это лѣто къ намъ не пріѣзжала? Ужъ мы ждали, ждали,—чтобъ порадовать стариковъ? А ужъ нынче сама за тобой пріѣду и увезу, и какъ ты тутъ хочешь. У насъ то тамъ какъ хорошо, хозяйинъ то нашъ новый Борисъ,—вѣдь, онъ у насъ теперь всѣмъ управляетъ, отецъ все ему отдалъ,—такъ онъ у насъ чего, чего не завелъ! Не узнала бы ты прежняго Поддубнаго!

Ольга. Вотъ этого-то я и боюсь, тетя. Мнѣ и Поддубное прежнее, и вообще все прежнее больше нравилось...

Марія Петровна. Новый садъ на двухъ десятинахъ развелъ, насадилъ все плодовые деревья, новыя породы скота завелъ... Хозяйство образцовое... И самъ, видишь, какой молодецъ сталъ! А? Сила...

Ольга. Да онъ измѣнился... Страшно это, что люди мѣняются, тетя, что вообще все мѣняется... (*Обнимаетъ Марью Петровну.*) А мы вотъ остались все тѣ же...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Ксенія входятъ.

Марія Петровна. Господи, Боже мой, да кого я вижу Аксюша, да ты-ли это?

Алексѣй (*беретъ Аксюшу подъ руку и комично подводитъ ее къ Марьѣ Петровнѣ и Павлу Ивановичу*). Раньше сія особа называлась Аксюшей,—теперь она—„la belle et célèbre“ Ксенія Александровна. Что, вѣдь, словъ не хватаетъ,—великолѣпна!

Аксюша. Да отстань, Алеша. Тетя, дорогая, здравствуйте. Дядя!

Павелъ Ивановичъ. Поди-ка, поди-ка сюда, великолѣпная особа, дай-ка на тебя посмотрѣть. Поди, забыла теперь, какъ разъ я тебя высѣкъ, да еще какъ,—положилъ на колѣнику, платишко поднялъ, да такъ хорошо, разъ два, разъ два... А за что?—А за то, что и этихъ дураковъ (*показывая на сыновей*) накормила, и сама съ сестрой зеленымъ крыжовникомъ объѣлась до того, что животы распухли. Да, было время, теперь не высѣчь, куда тебѣ. (*Общій смѣхъ.*)

Аксюша. А... Борисъ. Боже, какой онъ сталъ... Рустикусъ! Растолстѣлъ, раздобѣлъ, загорѣлъ! Но глаза все тѣ же—добрые, добрые...

Борисъ. Здравствуй, Аксюша!

Аксюша (*къ Эбергардту*). Здравствуйте!

Эбергардтъ. Боже мой, и сегодня такъ же хороши, какъ и вчера!

Аксюша. Боже мой, и сегодня такой же скучный, какъ и вчера!

Павелъ Ивановичъ. Вижу я, Алеша, что и впрямь за ученіемъ своимъ ты голову потерялъ. Не подумаль, небось, сестеръ то своихъ замужъ выдать!

Алексѣй. Ахъ, да что и говорить, папа... (*Комично*

декламация). Сколько юношей прекрасныхъ, сколько витязей отважныхъ почли бы за счастье назвать этихъ дочерей Евы своими.. Но развѣ Аксюшѣ пара такой мужъ, какъ я, съ моимъ носомъ, или (*указывая на Эбергардта*) сей неповоротливый экземпляръ человѣческаго рода? Для нея мужио, чтобы самъ Аполлонъ Бельведерскій сошелъ съ пьедестала, а для Оли... Кто ее разберетъ, что ей нужно. Да и сама она врядь ли это знаетъ. Иду туда,—не знаю куда, хочу то,—не знаю что,—правда, Оля? Разъ она за нашего дворника Петра замужъ собиралась, ей Богу... что вы смѣтаете, господа? Возвращаемся мы какъ то разъ съ Эбергардтомъ, а она у насъ сидитъ.—Сейчасъ, говоритъ, съ вашимъ дворникомъ познакомилась, онъ дрова принесъ, ну мы и разговорились, часа два проговорили... Все онъ мнѣ про свою деревню рассказывалъ... Жена тамъ у него, дѣти, хозяйство... Очень онъ мнѣ, говоритъ, понравился; честный такой, чистый человѣкъ, вы, говоритъ, его подметки не стоите... И чего, чего только она въ нашемъ Петрѣ не нашла; и душу поэтическую, и нравственность высокую... помнишь, Оля? (*Общій смѣхъ.*) Жаль, говоритъ, что онъ женатъ, а то вышла бы я за него замужъ, поѣхала бы съ нимъ въ деревню, выучилась бы косить, жать, доить коровъ!.. И до сихъ поръ съ нимъ за руку здороваются!

Ольга. Да будетъ тебѣ, что-ли. Евгений Юльевичъ, заступитесь, развѣ это правда? Я что-то забыла.

Эбергардтъ (*смѣется*). Все правда и все ложь, Ольга Александровна!

Алексѣй. Ну эту пию нечего спрашивать. Тоже своего рода антикъ и раритетъ. Эбергардтъ, скажи, дорогой мой, для сегодняшняго высокаторжественнаго дня, меужели ты не согласишься съ нами пообѣдать? Ужъ сдѣлай милость! Вѣдь, онъ никогда не обѣдаетъ, мама!

Марія Петровна. Что такое?

Алексѣй. Да, помилуйте,—такая это скука — обѣдать! Сидѣть за столомъ, повязаться салфеткой, ждать кушаній,—а они всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ: сперва супъ, потомъ жаркое, потомъ сладкое, и никогда не наоборотъ, и сладкое всегда сладко...

Марія Петровна. Да какъ же это вы, Евгений Юльевичъ?

Эбергардтъ (*смѣется*). Да такъ, какъ видите, я доволенъ, не худѣю.

Марія Петровна. А еще докторъ, ай, ай, ай!

Эбергардтъ (*смѣется*). Вотъ именно потому я такъ и

поступаю. Во-первыхъ, у меня не всегда бываетъ достаточно времени, чтобы пообѣдать, какъ подобаетъ, а во-вторыхъ, я предпочитаю ѣсть тогда, когда мнѣ хочется ѣсть, а ѣсть мнѣ не всегда хочется въ пять часовъ безъ пяти минутъ.

А лек с ѣ й. Да не потому,—что врать-то, скажи, просто скучно. Такая ужъ у него душа скучающая. Онъ, я думаю, какъ на свѣтъ родился, такъ сейчасъ и затосковаль, — зачѣмъ это я, молъ, родился обычнымъ порядкомъ, а не какимъ другимъ; а что молоко материнское сосаль, стоя вверхъ ногами, чтобы не такъ, какъ всѣ,—въ этомъ я увѣренъ. Да и теперь, поди, только и думаетъ, какъ бы улизнуть, потому что родственныя объятія наши и поцѣлуи надоѣли ему, навѣрное, до...

Э бер гар дт ѣ (смѣется). Вотъ на зло тебѣ останусь.

П ав е л ь И в а н о в и ч ѣ. Ну, и народецъ у васъ въ Питерѣ. Это, что-же, у васъ тутъ всѣ такіе?

А лек с ѣ й. Въ томъ то и горе, папа, что это не питерскіе, а, такъ сказать, цвѣтъ всея Россіи. (Указывая на Эбергардта). Это въ вотъ съ юга,—откуда ты тамъ, рассказывай.

Э бер гар дт ѣ. Я родился въ Бессарабіи.

П ав е л ь И в а н о в и ч ѣ. Между тѣмъ фамилія ваша не русская.

Э бер гар дт ѣ. Мои предки выходцы изъ Швеціи, отецъ же былъ бессарабскимъ помѣщикомъ.

П ав е л ь И в а н о в и ч ѣ. Вотъ оно что. Видно, русская земелька не по вкусу пришлась шведской крови.

А лек с ѣ й. Нѣтъ, папа, тутъ дѣло не въ національности, а въ индивидуумѣ, въ индивидуумѣ! Вотъ Олечка — вѣдь, это чистѣйшій нашъ продуктъ, а тоже вокругъ обойдешь, да руками разведешь!

Ма рі я П е т р о в н а. Да про Олечку мнѣ и сестра покойница все твердила: „за Аксюшу, говорить, я не боюсь, а вотъ Оля... у нея, говорить, кровь безпокойная“, а почему безпокойная,—кто разбереть? А? Оля, какъ ты объ этомъ думаешь?

О л ь г а. Не знаю, тетя, не задумывалась объ этомъ... должно быть, мама права была...

П ав е л ь И в а н о в и ч ѣ. Что это съ Борисомъ нашимъ вдругъ сдѣлалось? За все время словечка не проронилъ, словно аршинъ проглотилъ! Усталъ, братъ, что-ли съ дороги?—Такъ поиди, лягъ, отдохни!

Б о р и с ѣ. Нѣтъ, ничего, папа, я слушаю.

П ав е л ь И в а н о в и ч ѣ. Слушаешь? Такъ это ты отъ разговоръ питерскихъ осоловѣлъ? Есть, братъ, отъ чего

осоловѣтъ: народъ здѣсь не простой, а съ замочкомъ, и съ прехи-и-трымъ,

Марія Петровна. Ну, други милые, не знаю, какъ вы, а я пойду, лягу. Къ обѣду соберемся всѣ. (*Обращаясь къ Эбергардту*). И васъ прошу съ нами отобѣдать.

Эбергардтъ. Съ удовольствіемъ принимаю ваше приглашеніе.

Алексѣй. Ужъ будто съ удовольствіемъ?

Эбергардтъ. Ты слышалъ,—я сказалъ.

Марія Петровна. Ну, до свиданія пока. А ты какъ, Павелъ Ивановичъ?

Павелъ Ивановичъ. И я съ тобой отправлюсь.

Марія Петровна. Вотъ и отлично.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же безъ Павла Ивановича и Маріи Петровны.

Ольга. И я пойду.

Алексѣй. А у тебя что? Сиди, знай; куда рвешься, кровь безпокойная?

Ольга. Голова что-то болитъ...

Алексѣй. Ну, пустое, сиди. Вотъ Борисъ пріѣхалъ, видишь, какой онъ сталъ. Такъ отъ него, кажется, и пахнетъ свѣжимъ сѣномъ или навозомъ... Вотъ мы его сейчасъ и понюхаемъ... Ну, рассказывай, надолго пріѣхалъ къ намъ?

Борисъ. Да на недѣли на три, четыре... Вотъ диссертацию твою послушаю, да и дѣла тутъ надо нѣкоторыя устроить...

Алексѣй. Экой ты какой дѣловой сталъ! Все дѣла да дѣла. А я думалъ, что ты вотъ ко мнѣ, на мой, такъ сказать, ученыхя именины пожаловалъ, просто такъ, безъ всякаго дѣла...

Борисъ. Я нарочно такъ все и пригналъ, чтобы къ одному времени; деревня наша не ждетъ. Да, вѣдь, и вы тутъ тоже безъ дѣла не сидите?

Алексѣй. Кто, мы то? Да, да, какъ же. По горло всякаго дѣла, дохнутъ некогда! Вотъ спроси Олю!

Ольга. Алеша!

Алексѣй. Ну, а, скажи пожалуйста, какъ мы тебѣ нравимся? А? Какъ ты насъ находишь?

Борисъ. Ну на это я тебѣ отвѣчу попозже,—надо разобратъся.

Алексѣй. Осторожность и осмотрительность! Молодецъ

ты, право, Борисъ. Ну, а все-таки скажи, какъ ты насъ нашелъ? Вотъ меня, Аксюшу, Олю? Эбергардтъ, хотя и новый твой знакомый, а ты все-таки скажи, какъ онъ тебѣ нравится? Онъ не обидится, не бойся!

Аксюша. Алеша, перестань!

Алексѣй (*подходитъ къ ней и беретъ ея руку*). Вотъ ты только посмотри на эту ручку, какая красивая, нѣжная, изящная ручка! Развѣ у васъ въ деревнѣ есть что-нибудь подобное?

Борисъ (*смѣется*). Нѣтъ нѣту. Да такія ручки и не нужны для деревни,

Алексѣй. Нѣтъ, врешь, онѣ вездѣ нужны, потому что это красота. На такую красоту посмотришь—и легче станетъ,—вѣдь, правда, Эбергардтъ.

Аксюша. Только ты на нее, видно, рѣдко смотришь, такъ какъ все становишься тяжелѣе и тяжелѣе...

Алексѣй. Ну, это ты не новость сказала, это даже Степаши сегодня изволили замѣтить. Вотъ, видишь ли, Борисъ, дѣло то какое, характеръ то мой испортился. И какъ ты думаешь, отчего бы это могло приключиться?

Борисъ. Не знаю, Алеша, тебѣ самому виднѣе... Только вотъ мнѣ не нравится тонъ, съ какимъ ты все это говоришь!

Алексѣй. Да онъ мнѣ и самому не нравится, да не могу же я безъ тона говорить.

Ольга (*встаетъ въ сильномъ возбужденіи*). Безобразно все это, гадко, мерзко, отвратительно... Неужели и сегодня тебѣ надо ломаться, разыгрывать какого то шута, сразу показать себя, каковъ ты!

Алексѣй. Ты вотъ только себя не показывай, а я то себя не покажу.

Ольга (*ходитъ ломая руки*). Невозможно все это, невозможно! И изо дня въ день все одно и то же! Вотъ, Борисъ, почти каждый вечеръ мы сходимся вмѣстѣ, или здѣсь, или у насъ, и вотъ каждый вечеръ все одни и тѣ же разговоры, насмѣшки, этотъ тонъ, который можетъ довести до изступленія. Аксюша молчитъ и улыбается, Евгений Юльевичъ молчитъ и куритъ, а этотъ (*указывая на Алексѣя*) говорить, говорить... Для него нѣтъ ничего святого: это ужасный, несчастный человѣкъ! Надо всѣмъ смѣется...

Алексѣй. Милая моя сестра Оля, вѣдь, я и надъ самимъ собой смѣюсь...

Ольга. Молчи, пожалуйста, молчи! Чтобы ни случилось, чтобы мы ни узнали, ни услышали,—все онъ сумѣетъ осмѣять, оскорбить, разрушить...

Борисъ. Ну, а какъ же занятія твои, Алеша, наука?

Ольга. Да и науку свою онъ вовсе и не цѣнить, и не любить. Вотъ придетъ другой разъ и начнетъ: посѣялъ я, говоритъ, сегодня двадцать тысячъ бактерій, можетъ быть, разнесутся потомъ какънибудь, заразить кого-нибудь, Эбергардтъ лѣчить будетъ... И все это онъ съеть какія то бактеріи, какія то заразы, гадость одна! (*Общій смѣхъ*).

Алексѣй. О, женщина. Прости ей, Боже!

Ольга (*горячо*). Можетъ быть, это очень и хорошо, и умно, и полезно, почему я знаю, только самъ то онъ никакого не можетъ внушить уваженія ни къ своей наукѣ, ни къ своей работѣ... И самъ ее не уважаетъ!

Алексѣй. Вотъ, видишь, какъ аттестовала, настоящей я, выходитъ, Неуважай-Корыто!

Ольга. Скажите, Борисъ, вѣдь, есть же люди сильные, смѣлые, дѣлающіе важное, нужное дѣло?.. Я знаю, я чувствую, что они есть, только не могу найти—гдѣ?

Борисъ. Господи, Оля, какъ меня все это удивляетъ. Гдѣ же, какъ не у васъ искать этихъ людей? И развѣ дѣятельность врача, ученаго по-твоему не заслуживаетъ довѣрія и одобренія?

Ольга. Конечно, заслуживаетъ,—дѣятельность! Но, вѣдь, дѣлаютъ то эту дѣятельность вотъ такіе люди! (*Указываетъ на Алексѣя и Эбергардта. Общій смѣхъ.*)

Алексѣй. Вотъ тебѣ и на! А я только что началъ, было, думать,—не жениться ли мнѣ на тебѣ.

Борисъ. Но отчего же, Оля, ты сама, прости меня, ничего не хочешь предпринять? Запялась бы чѣмънибудь, поступила бы на какіе-нибудь курсы?

Ольга. Ахъ, Борисъ вы забыли, что я получила домашнее воспитаніе, меня не принимаютъ на курсы! Да дѣло и не въ курсахъ, я, вѣдь, и сама не лучше ихъ! (*Указываетъ на Алексѣя и Эбергардта. Общій смѣхъ.*)

Алексѣй. А дѣло въ томъ, видишь ли, Борисъ, что мы всѣ, такъ сказать, люди безъ традицій...

Борисъ. То есть, что ты хочешь этимъ сказать?

Алексѣй. А вотъ сейчасъ поясию. Есть у меня тутъ одна знакомая семья, палаша, мамаша, двѣ дочки... Хожу я къ нимъ не то, чтобы очень часто, но раза два въ годъ непременно бываю... Такъ вотъ, только это отворять дверь, сейчасъ горничная въ бѣломъ чепчикѣ, румяная такая, съ-тенъкая, спрашиваетъ: „что это, Алексѣй Павловичъ, давно не изволили жаловать?“ Ну, буркнешь ей чтонибудь въ отвѣтъ, идешь въ гостиную. А гостиная краснѣетъ што-

фомъ обита; кресла такія мягкія, просторныя, сядешь это—и какая то нѣга такъ по всему тѣлу и разольется... Дочки входятъ, одна консерваторка, другая курсистка, и сейчасъ это онѣ тебя такъ вопросами и засыплютъ: „Были вы третьяго дня въ симфоническомъ концертѣ? Ахъ, какъ чудесно прошло Andante Бетховенской сонаты!..“ „Читали вы послѣднее сочиненіе американскаго психолога?“ И всегда оказывается, что я этого сочиненія не читалъ... Тутъ мнѣ сейчасъ все его содержаніе и выложить, да по отдѣльнымъ главамъ, да съ примѣчаніями!.. Мамаша входитъ—и съ нею всякія городскія новости, благотворительныя концерты, комиссіи, приюты и ясли... Переходимъ въ столовую: скатерть, какъ смѣгъ, самоваръ мельхиоровый шумитъ, а за столомъ ужъ папаша дожидается и сейчасъ на англійскую политику набрасывается... И сидишь это, и слушаешь, и какія то вкусныя булки ѣшь, и думаешь,—не надо и въ кругосвѣтное путешествіе отправляться: столько за одинъ вечеръ новостей узналъ... Вотъ оно, какъ люди то живутъ! А все оттого, что хорошее воспитаніе и традиціи.

А к с ю ш а (*смѣется*). Да не вѣрь ему, Борисъ, самъ придетъ домой и бранится, вотъ, говорить, нелегкая занесла, чуть не умеръ отъ скуки!..

А л е ш а. Удивительно у тебя поверхностный взглядъ на вещи, Аксюша. Развѣ ты не понимаешь, что я это отъ зависти говорю? (*Аксюша смѣется*.) Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Борисъ, я завидую этимъ людямъ, да и вообще всѣмъ, кому дамы, какъ бы это выразиться, формы, что ли, порядокъ жизни... Все равно, какъ рельсы проложенныя, ну и катишься себѣ по нимъ... И легко это такъ, и хорошо, и покойно... А намъ вотъ этому то самому порядку какъ то не пришлось обучиться... Понимаешь ли, основъ то вотъ никакихъ и нѣтъ... Такъ вразбродъ и пошли... А долго ли заблудиться!..

Б о р и с ъ (*смѣясь*). Ну, разъ у тебя есть компасъ, такъ это не страшно.

А л е к с ѣ й. Компасъ? О, да ты остроумень. Для деревни это излишняя роскошь,—видишь ли, мой другъ, я иду и смотрю на солнце и думаю, что это достаточный компасъ.

Б о р и с ъ (*смѣясь*). Пожалуй, лучше было бы, если бы ты смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

А л е к с ѣ й (*въ комическомъ ужасѣ*). Можешь возвращаться въ деревню, червякъ.

Б о р и с ъ (*смѣясь*). Часъ отъ часу не легче: то червякъ, то канарейка.

Алексѣй (*подходитъ къ Ольгѣ*). Ахъ, Оля, Оля, сиротка ты моя горемычная! Это что еще? Слезы?.. (*Становится передъ ней на колѣни*). „Плачь, Маргарита, плачь же, бѣдняжка, скорбь души твоей становится моею“... Оля, куда ты, стой, Оля! (*Ольга быстро выходитъ. Неловкое молчаніе*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же безъ Ольги.

Аксюша. Зачѣмъ ты ее дразнишь, Алеша! Она такъ близко принимаетъ все къ сердцу.

Алексѣй. Что же ты ее не научишь не принимать все къ сердцу?

Аксюша (*смѣется*). Ну, это — трудная наука... Чтобы ее постичь,—надо уничтожить это самое сердце!

Алексѣй. Я догоню ее...

Аксюша. Врядъ ли она вернется...

Алексѣй. Все-таки!..

Аксюша. Напрасно!

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Павелъ Ивановичъ и Марія Петровна, входятъ.

Марія Петровна. Ты куда?

Алексѣй. За Олей. Мы съ ней немного разоплись во взглядахъ, а она ваяла да и очистила поле сраженія... Я сейчасъ...

Павелъ Ивановичъ. Только что сошлись и ужъ спорите. Эхъ, вы, силы молодья! Идемте-ка лучше обѣдать.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

Большой вечеръ у Лучицкихъ. Много гостей.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Павель Ивановичъ, Марія Петровна, Алексѣй, Борисъ, Аксюша, Эбергартъ, Ремезовъ, Вышеславцевъ и другіе.

Ремезовъ (*обращаясь къ Павлу Ивановичу*). Да-съ, батюшка вы мой, дожили мы съ вами до времечка, я вамъ доложу... Ужъ по-истинѣ, какъ какой-то поэтъ сказалъ: „Бывали хуже времена, а не было подлѣй“. Именно подлѣй! Ужъ не знаю, какъ у васъ тамъ въ деревнѣ, а у насъ (*Разводитъ руками*) людей нѣтъ, батюшка вы мой, людей нѣтъ. Были, да вышли...

Алексѣй. А вы возьмите фонарь, какъ Диогенъ, и поищите!

Ремезовъ. Искать-съ, усталъ искать... Всѣ жалуются людей нѣтъ. Uebermensch'ы какіе то развелись, а по моему,—такъ просто жулики. Трехъ рублей довѣрить нельзя. Да-съ, вотъ у насъ въ департаментѣ кассиръ былъ, ужъ на что вамъ Uebermensch—и декадентъ, и волосы какъ то стригъ по особенному, и разговоръ такой туманный, все о чемъ то нездѣшнемъ толковалъ!.. Бывало, слушаешь, его слушаешь—плюнешь и отойдешь!.. А ревизія подошла,—глядь: въ кассѣ то недохватъ. Вотъ вамъ и Uebermensch!..

Алексѣй. Что-жъ? Развѣ плохо? Отличная теорія: капиталъ идетъ навстрѣчу интеллигенціи, а интеллигенція идетъ навстрѣчу капиталу. И не все ли равно, какъ они идутъ, лишь бы только дошли другъ до друга!

Ремезовъ (*обращаясь къ Павлу Ивановичу*). Да, батюшка, вырожденіе, да и все тутъ. И людишки-то—все мелкота, недотроги какія то дохлыя; тутъ нервы, здѣсь нервы, а поди-ка рассуждать начнетъ—такъ куда тебѣ: мы да мы,

весь свѣтъ нами держится. И перечить не смѣй,—сами себѣ судьи и господа. Чужія мнѣнія ни за что считаютъ, авторитетовъ не признаютъ, выше своей головы прыгнуть хотятъ.

А лексѣй. Боже мой, я гдѣ то все это уже слышалъ!

Ремезовъ. А слышали, такъ и прекрасно, еще послушайте... Сократиться надо-съ, съежиться, сжаться, съ пьедесталовъ то своихъ неприступныхъ слѣзть. Да-съ! И причуды эти всякія, да выверты вонъ изъ головы повыкинуть. Попроще, сударь мой, такъ то лучше будетъ.

А лексѣй. Попроще, попроще, не такъ то это легко, Петръ Петровичъ! Жизнь то вокругъ очень ужъ не проста, такъ что страшно и въ дуракахъ остаться!

Ремезовъ (*обращаясь къ Павлу Ивановичу*). И это наши дѣти, Павелъ Ивановичъ,—вотъ что всего то обидѣе!

А лексѣй. Конечно, ваши, не экивоки же мы какіе-нибудь, а ваши собственныя дѣти. Вы за насъ и отвѣчать должны.

Ремезовъ. Добры были черезчуръ,—вотъ наша вина, гуманны были-съ и снисходили.

А лексѣй. Нѣтъ, не то, Петръ Петровичъ; просто сами не знали, что намъ въ наслѣдство оставить: съ одной стороны, черезчуръ много выходило, съ другой—черезчуръ мало, а потому и порѣшили просто голенькими на свѣтъ Божій насъ выпустить. А какъ мы такимъ то манеромъ на свѣтѣ Божіемъ очутились, тутъ насъ съ разныхъ сторонъ и обвѣяло. Вотъ и вышли потому такими обвѣянными...

Ремезовъ. Нѣтъ, Алексѣй Павловичъ, не такъ вы говорите...

Аксюша. Поавайте, господа, мнѣ тоже хочется сказать нѣсколько словъ...

А лексѣй. Ну, говори, только скорѣй. Надоѣло до смерти!

Аксюша. Петръ Петровичъ, вы такъ жестоко нападаете на насъ, на молодежь, на вашихъ дѣтей... А мнѣ хотѣлось бы сказать...

Ремезовъ. Я радъ васъ слушать.

А лексѣй. А вы радоваться подождите!

Аксюша. Видите-ли, Петръ Петровичъ, это вы, можете быть, и правы, что мы и вырождающіеся, и Uebermensch'ы, но увѣряю васъ, что очень часто, даже почти всегда, человѣкъ становится Uebermensch'омъ, потому что... ну, какъ бы это выразиться... потому что онъ не можетъ быть, потому что ему отказано быть самымъ простымъ, самымъ обыкновеннымъ Mensch'омъ! (*Вокругъ восклицанія: „Браво, браво, Ксенія Александровна“*).

Ремезовъ. Но кто же это ему отказаль?

А ксюша. Не знаю, Петръ Петровичъ, кто! Это ужъ я у васъ должна спросить.

Ремезовъ. Мудрено что-то, барышня милая, мудрено.

А ксюша. Мудрено? По вашему? По моему тоже мудрено, да ничего не подѣлать. А я бы тоже хотѣла простоту проповѣдывать, увѣряю васъ.

Ремезовъ. Не оправданіе все это!..

А ксюша. Да я и не хотѣла оправдываться, Богъ съ вами, Петръ Петровичъ! виноватыхъ нѣтъ... да и правыхъ также... Есть только несчастные... (Вокругъ: „Браво, браво“).

А ксюша. Я сказала... (Уходитъ).

Ремезовъ. Нѣтъ, господа, я не...

Вышеславцевъ. Господа, прошу слова.

Алексѣй. Господи, еще!

Вышеславцевъ. Позвольте мнѣ вамъ разсказать одну маленькую сказочку, которую я гдѣ-то, когда-то вычиталь... Все дѣло въ нѣсколькихъ словахъ... Видите-ли, живетъ кузнецъ,—дѣйствіе происходитъ въѣ времени и пространства, а если хотите, то въ древней миеической Греціи... И вотъ этотъ кузнецъ,—удивительный кузнецъ,—дошелъ до полнаго сознанія своего человѣческаго достоинства, развилъ свой духъ человѣческой, такъ сказать, до абсолюта, сознаетъ всѣ свои права и обязанности, и ужасно гордится своимъ человѣческимъ естествомъ и что это онъ его раскультивироваль до такой степени... У кузнеца жена,—существо, какъ всѣмъ извѣстно, всегда медовольное и причудливое... И вотъ къ этому кузнецу случайно забѣгаетъ центавръ,—вы знаете, центавръ,—получеловѣкъ, полуживотное, существо на четырехъ ногахъ, красивый образъ, соединяющій и примиряющій въ себѣ человѣческой духъ и природу... Дѣло кончается тѣмъ, что центавръ похищаетъ женщину, жену кузнеца, или лучше сказать, она сама убѣгаетъ съ нимъ и покидаетъ своего мужа, человѣка на двухъ ногахъ... Вотъ и все.

Ремезовъ. Ну, и что же изъ этого слѣдуетъ?

Вышеславцевъ. И все тутъ, и ничего дальне не слѣдуетъ.

Алеша. То-есть, что-же вы хотите сказать, чтобы мы всѣ пошли на четверенкахъ?

Вышеславцевъ. Нѣтъ, господи нѣтъ, этого я сказать не хочу... Но такъ какъ вы вотъ тутъ спорили о разныхъ Mensch'ахъ и Uebermensch'ахъ, то я вотъ хотѣлъ вамъ сказать,—какіе странные вкусы бываютъ у женщинъ!..

Алексѣй. А вы такіе вкусы одобряете?

Вышеславцевъ. Я вполне.

Алексѣй. Ну, знаете... Петръ Петровичъ предлагалъ авторитеты и субординацію, а ужъ вы, съ позволенія сказать,—чортъ знаетъ что!..

Вышеславцевъ. А я вотъ вамъ объясню...

Алексѣй. Да ужъ какія тутъ объясненія... (*Вокругъ восклицанія: „Пожалуйста, пожалуйста, просимъ“*).

Вышеславцевъ. Да, господа, выслишкомъ всѣ, въ родѣ того кузнеца, ушли въ свою человѣчность, слишкомъ, такъ сказать, очеловѣчились и потому остались одиноки, такъ какъ потеряли связь со всѣмъ остальнымъ міромъ, со всей остальной природой. Остались одиноки при всѣхъ своихъ человѣческихъ союзахъ и соединеніяхъ, при всѣхъ своихъ несовершенствованнѣйшихъ формахъ общенія и, мало того, сдѣлались несчастными, неудовлетворенными, скучными людьми!

Алексѣй. Напротивъ, мнѣ весело чрезвычайно!

Вышеславцевъ. Ну, въ этомъ я сомѣваюсь, а вы не перебивайте.—Въ вашихъ религіяхъ вы проклинали природу, въ вашей наукѣ вы стремились ее поять съ высоты человѣческаго величія,—все равно, какъ если бы муравей, взобравшись на свой муравейникъ, возмечталъ бы открыть тайны бытія!.. Въ нашемъ искусствѣ вы стремились ее очеловѣчить, и потому сузить и исказить, и вотъ природа вамъ мститъ,—вы потеряли великое чувство, чувство радости бытія, чувство непосредственнаго наслажденія жизнью; потеряли его съ того самаго дня, когда появилась гордая надпись: „познай самого себя“,—безъ прибавленія,—познай самого себя, какъ песчинку въ громадномъ мірозданіи, какъ одно изъ звеньевъ необъятной природы...

Алексѣй. Господи, батюшки, да что же намъ дѣлать-то теперь! Вотъ грѣхи-то!

Вышеславцевъ. Да, господа, слишкомъ мало искать только человѣка! Ищите большаго, стремитесь къ представленію всего міра, всей вселенной, всей природы, какъ единого, гармоничнаго цѣлага, въ которомъ нѣтъ ни зла, ни страстей, ни страданій... Дальше, глубже устремляйте свои взоры, шире раздвигайте свои горизонты, уходите, бѣгите отъ себя самого и себѣ подобныхъ, сбросьте съ себя все это только и чисто человѣческое, сбросьте весь этотъ вредный балластъ, который привязываетъ васъ къ землѣ и заставляетъ опускаться ваши крылья, сбросьте это и будьте свободны, какъ воздухъ, какъ волны въ морѣ, свободны и радостны, какъ

свободна и радостна вся природа! Слейтесь съ природой и будьте счастливы!

(Вокруг аплодисменты, крики „браво“, смѣхъ).

Алексѣй *(обнимаетъ и цѣлуетъ Вышеславцева)*. Слейтесь съ природой и будьте счастливы! Господа, прочь фраки и сюртуки, и прочій человѣческій балластъ, слейтесь съ природой и будьте счастливы! *(Общій смѣхъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Ольга быстро входятъ.

Ольга. Ахъ, господа, какъ это вамъ не надобно все спорить?

Алексѣй. Олечка, я съ сегодняшняго дня—центавръ, и похищаю тебя.

Ольга. Ахъ, оставь! *(Быстро уходитъ, всѣ остальные гости тоже мало-по-малу уходятъ, смѣясь и разговаривая, изъ гостиной)*.

Марія Петровна *(беретъ подъ руку Павла Ивановича)*. Вотъ уморили-то, Господи прости! *(Проходя мимо Эбергардта)*. Евгений Юліевичъ, вы это что? Смотрите, всѣ кругомъ веселятся, смѣются, а вы одинъ, какъ туча.

Эбергардтъ *(разсѣяннo)*. Благодарю васъ, я ужъ насмѣялся. *(Павелъ Ивановичъ и Марія Петровна останавливаются, взглядываютъ другъ на друга и громко смѣются)*.

Павелъ Ивановичъ. Ну, и шутникъ же вы, батюшка мой, юмористъ, ха, ха, ха! *(Уходитъ съ Маріей Петровной)*.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Эбергардтъ одинъ, садится за рояль, что-то наигрываетъ, входитъ Аксюша съ шумомъ и смѣхомъ.

Аксюша. Паря держу, что вы сейчасъ развеселитесь... Вы себѣ представить не можете!.. Нѣтъ, вы только вообразите!..

Эбергардтъ *(встаетъ изъ-за рояля)*. Чему это вы такъ радуетесь?

Аксюша. Поздравьте меня,—баронъ Лимденъ предложилъ мнѣ сейчасъ свою руку и сердце!..

Эбергардтъ *(быстро)*. Ну и что же, вы согласились?

Аксюша *(качаетъ головой, смѣется)*. Поблагодарила за честь и отказалась отъ нея.

Эбергардтъ. Почему же?

А к с ю ш а. O, mon cher ami, tout ce que vous voulez, mais pas ça, какъ говорить одна героиня въ романѣ Зола, mais pas ça! (*Садится на диванъ и обмахивается вѣеромъ*). Просто успокоиться не могу!

Э бер гар д т ь (*стоитъ передъ ней, пристально смотритъ на нее, говоритъ медленно и задумчиво*). Вотъ какъ, на васъ можно жениться! Мнѣ никогда не приходило въ голову, что на васъ можно жениться! Вы такъ прекрасны, такъ вы похожи на остальныхъ женщинъ, что обычныя человѣческія отношенія и состоянія къ вамъ какъ-то неприменимы. На васъ можно жениться, можно васъ любить, любоваться вами, не только какъ рѣдкимъ экземпляромъ природы, не только какъ мраморной статуей!.. Удивительное открытіе!..

А к с ю ш а (*комичнымъ тономъ*). Которое, увы, не принесетъ успѣха открывателю!

Э бер гар д т ь. А что, если бы мнѣ попробовать на васъ жениться? А? Что, если бы я вамъ сдѣлалъ предложеніе,—вы бы мнѣ тоже отказали?

А к с ю ш а. Попробуйте, рискните, поди, ужъ испугались, что соглашусь?

Э бер гар д т ь. Нѣтъ, серьезно, скажите.

А к с ю ш а. Полноте, куда вамъ жениться! Вы только представьте себѣ, какая это будетъ тоска и скука. Вѣдь, вамъ придется сказать мнѣ: „я васъ люблю“, фразу, которую, навѣрно, говорилъ еще Адамъ, придется сказать: „будьте моей женой“,—иначе, вѣдь, я никакъ не узнаю, что вы меня любите и хотите жениться. Безъ нихъ не обойтись, безъ этихъ избитыхъ пошлыхъ фразъ! (*Смѣется*). А, вѣдь, только ради того одного, чтобы ихъ не произносить, можно отказаться отъ всякой женитьбы, не правда ли? Затѣмъ, вамъ придется, хоть одинъ день, да быть женихомъ, и все будутъ говорить: вотъ женихъ,—и никто не скажетъ: вотъ человѣкъ, завязавшій себѣ петлю на шею. Вы только подумайте, на что вы идете! Да вы не только въ окошко, вы въ трубу дымовую выскочите передъ свадьбой, а что дальше!..

Э бер гар д т ь (*не слушая ее*). Какъ вы хороши... Знаете-ли вы, сознаете-ли вы, какъ вы хороши, какъ красиво, гармонично все, что вы дѣлаете, какъ двигаетесь, какъ смѣетесь, какъ говорите, какъ думаете? Откуда это у васъ? Откуда у васъ эта ясность, спокойствіе, равновѣсіе, это счастливое равнодушіе, эта гармонія, красота и свобода? Откуда? Когда я васъ вижу, мнѣ становится легче, я удивляюсь, глядя на васъ, и забываю о себѣ. Такая ровность характера, такая увѣренность въ своей правдѣ, такая полнота жизни! Откройте

миѣ вашу тайну, научите этому божественному самодовольству, заразите меня вашимъ спокойствіемъ и счастьемъ! Вы, должно быть, очень счастливы!

А к с ю ш а. У васъ не жарь-ли начинается, вы не больны-ли? (*Дотрагивается до его руки, Эбергардтъ беретъ ея руку*).

Эбергардтъ. Да, это правда, я боленъ, не знаю чѣмъ, но боль ѣдкая и щемящая... Въ обществѣ, среди людей она становится нестерпимой... Но сегодня миѣ показалось, что... быть можетъ, почемъ знать... эта боль могла бы утихнуть...

А к с ю ш а (*смотритъ на него съ комическимъ ужасомъ*). Боже, какой ужасъ!.. Вѣдь, это чистый романтизмъ... Я попала изъ огня да въ полымя... Обращаюсь въ бѣгство, чтобъ самой не заразиться этой горячкой. Прощайте, рыцарь Зигфридъ фонъ-Эбергардтъ! (*Убѣгаетъ, Эбергардтъ смотритъ ей вслѣдъ, потомъ медленно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Павелъ Ивановичъ, Борисъ входятъ.

Павелъ Ивановичъ. Благодарю васъ, я ужъ насмѣялся... По-истинѣ, вволю насмѣялся! Знаешь что, Борисъ, думаю я, давай-ка, братъ, продадимъ наше Поддубное, переѣдемъ сюда на житье. О человѣческомъ и нечеловѣческомъ и всякой такой исторіи толковать станемъ, — хорошо, вѣдь, будетъ, а? Какъ ты объ этомъ думаешь? Вѣдь, это, я тебѣ скажу, все химики, чистѣйшіе, братъ, химики, вѣдь, они не живутъ, а стряпаютъ свою жизнь, и чего, чего они только не настряпали! Одинъ пересолилъ, другой переперчилъ, третій пересахарилъ, и стоятъ голодные вокругъ своей стряпни съ разинутыми ртами. А жизнь-то идетъ себѣ, да идетъ своей дорогой, по усамъ текло—въ ротъ не попало! На свѣжій воздухъ бы ихъ всѣхъ, да повывѣтрить, какъ слѣдуетъ,—вышла бы эта химія изъ головы!

Борисъ (*задумчиво*). Помните, папа, прошлымъ лѣтомъ мы ѣздили съ вами по Волгѣ...

Павелъ Ивановичъ. Ну помню, такъ что-жъ изъ этого?

Борисъ. Помните, вмѣстѣ съ нами ѣхалъ одинъ больной, чахоточный...

Павелъ Ивановичъ. Помню.

Борисъ. Такъ вотъ, знаете, всякій разъ, когда я проходилъ мимо этого болъного, у меня являлось какое-то не-

опредѣленное чувство, не то меловкости, не то стыда, не то какой то виноватости передъ нимъ, что я вотъ здоровъ, а онъ вотъ такъ боленъ...

Павелъ Ивановичъ. Дальше-то что, не мучь, ради Бога!

Борисъ. Такъ вотъ и теперь у меня тоже что-то въ родѣ того чувства, я тоже чувствую себя какъ будто виноватымъ, стараюсь сдѣлаться незамѣтнымъ... Потому что помочь... помочь, пожалуй, я и здѣсь не могу... И такіе они всѣ хорошіе люди!..

Павелъ Ивановичъ. Ну, братъ, это ты напрасно распустилъ свою фантазію,—люди они, конечно, не злые, да что толку въ нихъ. Знаешь, Борисъ, я хотѣлъ все тебя спросить: скажи, ты не замѣчаешь никакой... никакой перемѣны въ Алешѣ?

Борисъ. Въ Алешѣ? А вы, вы развѣ замѣтили?

Павелъ Ивановичъ. Да какъ тебѣ сказать... безпокойный онъ сталъ какой-то, раздражительный, точно ему что-то не по душѣ... Скрытный сталъ, отъ меня сторонится, какъ отъ чужого... Спросишь,—все шуточкой, да насмѣшкой отвѣчаетъ, да и смѣется-то онъ какъ-то нехорошо.

Борисъ. Что вы, папа, какіе пустяки! Онъ просто усталъ, много работалъ... Вотъ нервы и расходились...

Павелъ Ивановичъ. Да я, вѣдь, не знаю, Борисъ, я, вѣдь, не утверждаю... Я не знаю... ничего не знаю... Ты съ нимъ не говорилъ?

Борисъ. Нѣтъ, не пришлось...

Павелъ Ивановичъ. А ты бы поговорилъ съ нимъ, Борисъ, разспросилъ его... Ваше дѣло молодое, онъ тебѣ скорѣе скажетъ.

Борисъ. Да, когда будетъ случай...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Алексѣй.

Павелъ Ивановичъ. А вотъ и ты.

Алексѣй. А что?

Павелъ Ивановичъ. Да ничего, такъ... Съ Борисомъ мы вотъ тутъ толковали о томъ, о другомъ... Спрашивалъ его, не хочетъ ли Поддубное продать и сюда на житье переѣхать...

Алеша. А онъ что-же? Согласился?

Павелъ Ивановичъ. Нѣтъ, философію какую-то

развель... Да вотъ онъ тебѣ разскажетъ... А я пойду, погляжу, гдѣ Марія Петровна. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Борисъ и Алексѣй.

Алексѣй. Такъ, значить, и ты умѣешь философію разводить! Вотъ какъ!.. Надоѣло до тошноты, а то послушалъ бы тебя! А у тебя философія, должно быть, интересная, ты много молчишь, значить, есть что сказать..

Борисъ (*смѣется*). Зато ты много говоришь.

Алексѣй. Ахъ, мой милый, я потому и говорю, что мнѣ нечего сказать... А, впрочемъ, чушь все это... Надоѣло!.. Все, все!.. Другой разъ взялъ бы, да плюнулъ бы на все, и закатился бы куда-нибудь, куда глаза глядятъ!.. Раздражаетъ меня все иногда чрезвычайно, самыя обычныя вещи... И вотъ то, что я здѣсь торчу, и то, что дѣлаю видъ, что мнѣ страхъ какъ весело, и всѣ эти рожи, да и твоя въ томъ числѣ, ужъ прости, пожалуйста...

Борисъ (*смѣется*). Ничего, я не обидчивъ.

Алексѣй. И знаешь, что меня больше всего въ тебѣ раздражаетъ? То, что вотъ я чувствую, какъ ты все это слѣдишь, наблюдаешь, за каждымъ моимъ шагомъ слѣдишь и дѣлаешь тамъ у себя въ умѣ всякія выкладки и соображенія... И точно такъ, аккуратно, все равно, какъ задачу рѣшаешь,—это, молъ, черты наслѣдственныя, а это благопріобрѣтенныя, а въ концѣ, пожалуй, черту подведешь, да какой-нибудь знакъ съ минусомъ поставишь,—вѣдь, такъ?

Борисъ. Ну, такъ не такъ, а въ родъ этого...

Алексѣй. Эхъ, братъ, не стоитъ, не трудись!.. А я пить началъ...

Борисъ. Да, я замѣтилъ...

Алексѣй. И это замѣтилъ? Трудно, правда, и не замѣтить... Да, я пью, пью жадными устами не изъ чаши бытія, положимъ, а просто изъ чаши хорошаго вина... Ну и что же, осуждаешь, порицаешь?

Борисъ. Нѣтъ.

Алексѣй. Одобряешь, значить?

Борисъ. И не одобряю.

Алексѣй. Ну такъ что-же?

Борисъ. Я удивляюсь... Удивляюсь всему, что я здѣсь вижу... Вы всѣ такъ измѣнились: и ты, и Аксюша, и Оля, точно васъ подмѣнили, я никогда бы не ожидалъ... Какихъ-

нибудь два-три года—и такъ измѣниться! Удивляюсь и на себя, какъ я могъ за все это послѣднее время видѣться съ тобой только по нѣсколько дней въ году... Это ужасное, непоправимое несчастье! Мы стали чужими людьми, Алеша. *(Молчаніе)*.

Алексѣй *(серьезно)*. Да, мы стали чужими!.. Но что же, давай, познакомимся снова, если ты этого хочешь...

Борисъ. Да, я хочу.

Алексѣй. Видишь ли, Борисъ, мнѣ кажется, что я временами схожу съ ума, и думаю, что скоро и совсѣмъ сойду... Или... или мнѣ надо что-нибудь сдѣлать такое коренное, настоящее... бросить все это, начать другую жизнь...

Борисъ. Вотъ этого-то самаго-я и не могу понять... Развѣ твоя наука тебя больше не удовлетворяетъ? Вѣдь, ты самъ выбралъ эту дорогу?

Алексѣй. Да, да, я самъ...

Борисъ. Ну, что же?

Алексѣй. Это очень длинная дорога... Одному человѣку до ея конца не дойти... Только не говори мнѣ, пожалуйста, о грядущихъ поколѣніяхъ, о будущемъ человѣчествѣ... Я его не знаю, и знать не буду и не хочу.

Борисъ. Нѣтъ, я хочу говорить только о тебѣ... Какъ это ты сказалъ: не дойти до конца,—вѣдь, ты все время въ своихъ занятіяхъ до чего-нибудь доходишь?

Алексѣй. Вотъ именно: до чего-нибудь. А этого мало, это не удовлетворяетъ... меня не удовлетворяетъ... Я ошибся, я не того искалъ... Я требовалъ отъ науки большаго, чѣмъ то, что она даетъ, чѣмъ то, что она можетъ дать... А оказалось, что это какое-то священнодѣйствіе предъ какимъ-то невѣдомымъ богомъ!.. И я усталъ! И жизнь ушла...

Борисъ. Ну полно, вотъ сказалъ.

Алексѣй. Да, да, жизнь ушла, я чувствую это. Сила прошла, надежда, отвага, размахъ, и я не замѣтилъ, куда все это ушло и для чего... И результатовъ никакихъ, очевидныхъ, крупныхъ... Наукъ нужны или гени, или коллекціонеры... А я ни то, ни другое!

Борисъ. Я не совсѣмъ съ тобой согласенъ. По моему, наукѣ, какъ всякому общественному дѣлу, прежде всего нужны хорошіе работники... Но не будемъ спорить... А вотъ если ты не удовлетворишь, — оставь чистую науку, стань практикомъ...

Алексѣй. Да, я и самъ объ этомъ думаю... Да жаль какъ-то все прошло, ужъ слишкомъ многимъ я для него

пожертвовалъ, всего себя отдалъ... А теперь у меня постоянно такое чувство, что меня кто-то обмануль...

Борисъ. Но, помилуй, Алеша, о тебѣ такіе отзывы, о всѣхъ твоихъ трудахъ... и, наконецъ, твоя диссертація!..

Алексѣй. Ахъ, мой милый, да я то самъ о себѣ плохо отзываюсь... Вотъ покончу съ диссертаціей и рѣшу окончательнѣе, куда держать путь: въ храмъ ли славы, или въ рядовые... Да, кромѣ того, вообще мнѣ моя жизнь какъ-то не по сердцу пришлась...

Борисъ. Скажи, пожалуйста, а Эбергардтъ... вѣдь, онъ твой другъ, что онъ тебѣ совѣтуетъ?

Алексѣй. Эбергардтъ? Онъ говоритъ, что все зависитъ отъ точки зрѣнія, а этихъ точекъ зрѣнія у него тысячи.

Борисъ. Онъ мнѣ кажется больнымъ, твой Эбергардтъ!

Алексѣй. А почему знать, быть можетъ, онъ самый здоровый изъ всѣхъ насъ!

Борисъ. Вотъ еще о чемъ я хотѣлъ тебя спросить: отчего ты не женишься, Алеша?

Алексѣй. Мнѣ понравилось, какъ это ты сейчасъ спросилъ, все равно, какъ если бы: отчего ты, Алеша, не бреешься!

Борисъ. Нѣтъ, я серьезно тебя спрашиваю.

Алексѣй. Ахъ, полно, Борисъ, дѣлать еще одного человѣка несчастнымъ! Да и на комъ жениться? Надо еще полюбить, да чтобы тебя полюбили... А раньше это сдѣлать все какъ-то было некогда, ну а теперь поздно!.. Да и на кой чортъ, и что это ты выдумалъ? Видно, деревня тебя настроила на патріархальный ладъ!

Борисъ. Да, знаешь, я придаю большое значеніе браку, семьѣ, привязанностямъ...

Алексѣй. А самъ-то ты отчего же до сихъ поръ не женился?

Борисъ. Я... да какъ тебѣ сказать... Я думаю... собираюсь...

Алексѣй. Такъ ты, чего добраго, ужъ женихъ?

Борисъ. Нѣтъ, нѣтъ, что ты.. видишь ли, есть одна чудная, рѣдкая дѣвушка, и я не рѣшаюсь... я думаю,—я ея не достоинъ...

Алексѣй. Вотъ что! Кто же это, я ее знаю?

Борисъ. Да, ты ее встрѣчалъ у насъ, въ деревнѣ, но... мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты меня сейчасъ объ этомъ разспрашивалъ...

Алексѣй. Вотъ оно что!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Ольга быстро входитъ, за ней Ройскій.

Ольга (*очень возбужденно*). Ахъ, вотъ, Борисъ, пожалуйста-ста, я обращаюсь къ вамъ съ просьбой... Послушайте, вотъ этотъ господинъ сейчасъ сказалъ: „я васъ люблю, Ольга Александровна, но я женатъ; но такъ какъ я знаю, что вы человѣкъ безъ предразсудковъ, то предлагаю вамъ раздѣлить со мной мое заграничное путешествіе“. Вотъ что онъ сказалъ, или что-то въ этомъ родѣ. Что въ такихъ случаяхъ отвѣчаютъ, Борисъ?

Борисъ (*удивленный и растерянный*). Я... я, право, не знаю... Я сказалъ бы, для шутки это слишкомъ грубо.

Ольга (*болѣзненно*). А!.. (*Обращаясь къ Ройскому*). Для шутки это слишкомъ грубо. А... вы шутили?

Ройскій (*серьезно и тихо*). Простите, Ольга Александровна, вы передали не совсѣмъ точно, что я вамъ сказалъ, мои слова не должны были васъ оскорбить!.. Но я не шутилъ, вы это хорошо знаете...

Ольга. А... въ такомъ случаѣ я согласна!

ЯВЛЕНИЕ ВСЬМОЕ.

Тѣ же и Аксюша входитъ.

Ольга (*бросается*). Ахъ, Аксюша!

Аксюша. Господи, что съ тобой, Оля, что ты кричишь? (*Ольга выбггаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же, безъ Ольги.

Аксюша. Господа, что вы сдѣлали съ моей сестрой? Что такое?

Ройскій. Ксеція Александровна, вы мнѣ можете удѣлить нѣсколько минутъ вниманія?

Аксюша. Да, конечно, конечно, пожалуйста. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Борисъ и Алексѣй.

Борисъ. Какъ все это странно!

Алексѣй. Что это только она выдумала? Господи, да неужели она въ самомъ дѣлѣ!.. (*Быстро выходитъ изъ ту дверь, въ которую вышла Ольга*).

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ Ш.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ Ксеніи Лучицкой. Художественная обстановка. Много произведеній скульптуры.

Ольга и Аксюша.

Ольга. Когда же ты рѣшила ѣхать, Аксюша?

Аксюша. На будущей недѣлѣ.

Ольга. Куда?

Аксюша. Сначала хочу поѣхать въ Венецію, тамъ открылась новая выставка картинъ, а потомъ дальше, куда нибудь на югъ Италіи.

Ольга. А когда вернешься?

Аксюша. Не знаю, право, точно не сумѣю тебѣ сказать,—когда... У меня къ тебѣ просьба, Оля.

Ольга. Что? Говори.

Аксюша. Поѣдемъ вмѣстѣ, Оля, прошу тебя!

Ольга. Ну, вотъ выдумала. Зачѣмъ я поѣду? Нѣтъ, я не хочу...

Аксюша. Отчего?

Ольга. Да не все ли равно: здѣсь-ли, тамъ-ли!.. Вездѣ все одно и то же!

Аксюша. Развлеклась бы, посмотрѣла бы... У тебя такой нехорошій видъ за послѣднее время.

Ольга. Пустяки... пройдетъ!

Аксюша. И мнѣ непріятно, что ты остаешься тутъ одна въ такомъ болѣзненномъ состояніи... Право, ѣдемъ.

Ольга. Нѣтъ, спасибо тебѣ большое, Аксюша, только нѣтъ, я не поѣду... Мнѣ одной легче будетъ, такъ лучше, что я одна останусь.

Аксюша. Ахъ, Оля, Оля... Скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ зло подшутила надъ Анатолиемъ Дмитриевичемъ? Онъ принялъ твои слова въ серьезъ. И, вѣдь, онъ совсѣмъ иначе

тебѣ тогда говорилъ, онъ сказалъ, что будетъ требовать развода у своей жены... Вѣдь, онъ тебя очень любитъ, Оля!..

Ольга. Ахъ, не все ли равно, о чемъ и какъ онъ тогда говорилъ! Но зачѣмъ ты мнѣ объ этомъ говоришь? Какъ мало вы меня, однако, уважаете... и ты, и Анатолий Дмитриевичъ, и всѣ! Я надъ нимъ подшутила?... Нѣтъ, я надъ самой собой подшутила... Но не будемъ больше объ этомъ говорить. (*Садится около Аксюши*). Вотъ ты и увъязаетъ!.. Прощай!.. Вѣдь, у меня никого нѣтъ на свѣтѣ, Аксюша, никого, кромѣ тебя одной!.. Ты меня любишь, Аксюша? А, скажи, любишь?

Аксюша (*сметается*). Что же, ты хочешь, чтобы я тебѣ на прощаніе въ любви объяснилась?

Ольга. Нѣтъ, не объясняйся, я знаю—любишь, только какъ-то по своему, не такъ, какъ мнѣ надо... Я знаю, что ты меня любишь, только не чувствую этого... Мы съ тобой различно любимъ... А когда мы были маленькія, мы, должно быть, этого не понимали... Помнишь, мы постоянно были вмѣстѣ, вмѣстѣ играли... Помнишь, нашей любимой игрой была игра въ „семью“... Заберемъ, бывало, въ чуланъ, приведемъ дѣтей сосѣдней прачки,—это были наши дѣти, а чуланъ—нашъ домъ... Какое это было хорошее, счастливое время!.. Ты вотъ выросла, намѣшилась, все-то ты знаешь, все-то ты умѣешь, такая ты умная, талантливая, образованная! Тебѣ, должно быть, все иначе представляется, чѣмъ мнѣ... Ты знаешь, зачѣмъ живешь, какъ надо жить... (*Съ горечью*). А мнѣ иногда кажется, что я осталась такой же, какою была, только вотъ съ чужими дѣтьми теперь ужъ больше играть не могу... Никакихъ у меня нѣтъ ни способностей, ни талантовъ... Не повезло мнѣ въ жизни, Аксюша!

Аксюша. Что ты, Оля, полно, успокойся, голубчикъ!

Ольга. Мнѣ больно, мнѣ тяжело, я не хочу больше... я больше жить не хочу, Аксюша!

Аксюша. Что ты это, Оля, что съ тобой? Отчего ты такъ говоришь?

Ольга. Ахъ, Аксюша, я все надѣялась, все мнѣ казалось... Нѣтъ, конечно... Ты знаешь... Борисъ не любитъ меня... Совсѣмъ, совсѣмъ не любитъ! (*Аксюша молчитъ изумленная*).

Ольга. Онъ презираетъ меня, я знаю... Развѣ иначе онъ могъ бы сказать, какъ тогда: „для шутки это слишкомъ грубо!“ Тутъ вопросъ о жизни моей, о чести, а онъ...

Аксюша. Что ты, Оля! Онъ просто растерялся, не зналъ, что отвѣтить...

Ольга. Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь, столько есть словъ, зачѣмъ же именно эти...

Аксюша. Да, но я не вижу ничего оскорбительнаго даже въ этихъ словахъ...

Ольга. Не говори мнѣ ничего, я какъ-то плохо все понимаю... Можетъ быть, дѣло и не въ словахъ...

Аксюша. Оля! *(Ольга плачетъ)*.

Аксюша. Ну что-же дѣлать ну, что же дѣлать, Оля, милая моя!.. Время пройдетъ, ты его забудешь. Забудется все это... Тебѣ еще много жить... *(Ольга качаетъ головой)*.

Аксюша. Вѣдь, надо же какъ-нибудь жить... Надо чѣмъ-нибудь замѣнять, Оля, неудавшееся личное счастье...

Ольга. Ахъ, Аксюша, для того, чтобы жить, надо имѣть опору жизни, что-нибудь одно, свое... Вѣру, что-ли, убѣжденіе, чувство,—у меня нѣтъ такой опоры!

Аксюша *(задумчиво)*. Да, это ты права, чтобы жить,—надо имѣть опору жизни, что-нибудь одно, свое... Но, по-дожди, все измѣнится къ лучшему...

Ольга. Нѣтъ, нѣтъ, ничего для меня лучшаго не будетъ! Только съ нимъ я сама могла бы стать лучше, измѣниться, не быть такой ничтожной и жалкой, ужасно жалкой, Аксюша... потому и онъ меня не любитъ...

Аксюша. Оля, милая, я опять прошу тебя, поѣдемъ со мной, пожалуйста!

Ольга. Нѣтъ, не проси, я могу уступить, а для меня это будетъ такое мученіе!..

Аксюша *(прислушивается)*. Какъ будто, звонокъ. — Оля, что съ тобой?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и горничная.

Горничная. Евгеній Юльевичъ Эбергардтъ! Прикажете принять?

Аксюша *(изумленно)*. Эбергардтъ? Примите. *(Къ Ольгѣ)* Оля!

Ольга. Нѣтъ, ничего, оставь, пройдетъ... *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Аксюша и Эбергардтъ.

Аксюша *(одна)*. Эбергардтъ? Что такое? Уже не случилось ли что-нибудь у нихъ? *(Эбергардтъ входитъ серьезный и грустный. Аксюша идетъ ему навстрѣчу)*.

А к с ю ш а. Евгений Юльевичъ, что такое? Что случилось? Всѣ ваши здоровы?

Э бер гар д т ь. Здоровы.

А к с ю ш а. А вы?

Э бер гар д т ь. И я.

А к с ю ш а. У васъ какой-то необычайный видъ, — что такое? (*Молчаніе*).

Э бер гар д т ь. Ксенія Александровна, я пришелъ вамъ сказать, что я васъ люблю и прошу васъ быть моей женой...

А к с ю ш а (*разсерженная*). Евгений Юльевичъ, что это такое, зачѣмъ это вы, что за шутки?

Э бер гар д т ь. Ксенія Александровна, я васъ люблю и прошу васъ быть моей женой...

А к с ю ш а (*встаетъ*). Но, вѣдь, это невозможно, то, что вы говорите, невозможно!

Э бер гар д т ь. То есть что именно?

А к с ю ш а (*горячо*). И то, что вы меня любите... и остальное все!..

Э бер гар д т ь. Я не знаю, возможно или невозможно мнѣ васъ любить, но я васъ люблю!.. А остальное зависитъ отъ васъ.

А к с ю ш а. Евгений Юльевичъ, это правда?

Э бер гар д т ь. Ксенія Александровна!

А к с ю ш а. Когда же это случилось?

Э бер гар д т ь. Что случилось?

А к с ю ш а. То, что вы... меня полюбили?

Э бер гар д т ь. Что, вы хотите, чтобы я рамъ отвѣтилъ: послѣ дождичка въ четвергъ? Развѣ я знаю, — когда? Должно быть, давно, очень давно, но понялъ это совершенно ясно только тогда, когда могъ васъ потерять... (*Молчаніе*).

А к с ю ш а. Боже мой, какое несчастье!

Э бер гар д т ь (*тихо*). Несчастье, вы сказали?

А к с ю ш а (*быстро*). Да, да, несчастье!.. Нѣтъ, постойте, погодите, дайте мнѣ притти въ себя.. Послушайте, Евгений Юльевичъ, вѣдь, мы столько лѣтъ знакомы, я, вѣдь, привыкла къ вамъ, очень привыкла, уважаю васъ, люблю, наконецъ, какъ друга, какъ самаго близкаго, лучшаго друга, а теперь, — вдругъ конецъ... Ужасно!..

Э бер гар д т ь. Ксенія Александровна, я васъ не понимаю...

А к с ю ш а. Да, да, конецъ, конечно, конецъ нашимъ хорошимъ прежнимъ отношеніямъ!.. Послушайте, развѣ не могло бы остаться все по старому? Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело васъ терять! Евгений Юльевичъ,

мы будемъ самыми близкими друзьями, но зачѣмъ это жениться?

Эбергардтъ. Ксенія Александровна, вы, кажется, смѣетесь надо мной? Я васъ люблю, а вы мнѣ предлагаете свою дружбу!

Аксюша (*измѣнившимся голосомъ*). А... въ такомъ случаѣ благодарю васъ, но женой вашей быть я не могу. (*Молчаніе*).

Эбергардтъ. Это вашъ отвѣтъ, послѣднее слово?

Аксюша. Да, послѣднее, послѣднее!.. (*Отворачивается. Долгое молчаніе*).

Эбергардтъ. Ксенія Александровна, вотъ вы сейчасъ сказали: мы были друзьями, такъ вотъ ради этой дружбы... простите меня, но скажите, почему вы мнѣ отказываете?.. Вы любите другого?

Аксюша. Нѣтъ, не люблю.

Эбергардтъ. Быть можетъ, любили?

Аксюша. Нѣтъ, не любила...

Эбергардтъ. Такъ что-же,—я радъ, Ксенія Александровна, ужасно радъ! Быть можетъ, теперь вамъ почему-нибудь дико и странно слышать, что я васъ люблю, но потомъ, послѣ, въ будущемъ... Дайте мнѣ надѣяться, пусть у меня будетъ надежда, Ксенія Александровна. Надежда—вѣдь, это ужъ очень много... Вы сказали, что мы были близкими людьми, что вы меня уважаете, любите, какъ друга, да, это правда, вы всегда хорошо ко мнѣ относились, быть можетъ, лучше, чѣмъ къ другимъ,—я всегда чувствовалъ искренность вашихъ отношеній,—но я не знаю,—знаете ли вы меня, знаете ли, что я, почему я васъ люблю, что вы для меня...

Аксюша. Можетъ быть, я васъ и не знаю, но теперь я не хочу васъ знать!

Эбергардтъ. Нѣтъ, именно теперь я хочу вамъ рассказать о себѣ. Дайте же мнѣ это... Я врачъ... съ юности я мечталъ быть врачомъ... Я увлекался мыслью помогать, избавлять, исцѣлять,—я вѣрилъ тогда въ чудеса! Мнѣ казалось, что это единственное дѣло, въ которое можно вложить всю душу, въ которомъ можно растопить сердце... Я стремился къ самопожертвованію, мечталъ о подвигахъ... Да, я много тогда мечталъ... Теперь я врачъ. Остался живъ, здоровъ—и больше не мечтаю... Но я не хотѣлъ бы быть никѣмъ другимъ не потому, что мои юношескія надежды и мечтанія оправдались,—нѣтъ, напротивъ, я убѣдился въ своемъ безсиліи, безсиліи человѣка, въ безсиліи медицины и всякой тому подобной науки,—но я радъ, потому что я близко узналъ,

что такое смерть... и жизнь... Да и жизнь, и никакъ иначе я лучше узнать бы этого не могъ!..

А ксюша. Вы думаете? Нѣтъ, жизнь можно узнать и не будучи врачомъ!

Эбергардтъ. Приходилось ли вамъ видѣть, какъ умираютъ? Смерть—это такое обычное слово и такой необычный фактъ! Я это вижу почти каждый день... Сколько людей—сколько смертей прошло передъ моими глазами! Нѣкоторыхъ я не могу забыть до сихъ поръ!.. Давно уже тому назадъ на моихъ рукахъ умиралъ одинъ ребенокъ,—умиралъ медленно и мучительно... И когда это свершилось, и я вышелъ въ нашъ больничный садъ и увидалъ голубое, ясное небо, молодую зелень и все это весеннее трепетаніе жизни, я самъ тогда захотѣлъ умереть... Потомъ я сталъ привыкать, привыкъ, совсѣмъ привыкъ, какъ только можно привыкнуть къ смерти; я не желалъ уже больше умереть, когда видѣлъ, какъ умирали вокругъ меня. Но тутъ явилось одно обстоятельство... Мои больные часто говорили и говорятъ со мной... О, не думайте, я не краду ихъ довѣрія и не дѣлаю такого рода вивисекцій,—я только слушаю, когда мнѣ говорятъ, говорятъ, быть можетъ, въ надеждѣ, что, узнавъ, я больше постараюсь, быть можетъ, въ отчаянїи, потому что надо кому-нибудь сказать... Ахъ, эти признанія! Говорятъ: врачъ и духовникъ—одно и то же: имъ можно все открыть, все сказать... Нѣтъ, неправда, врачу говорить безконечно больше; ему говорить тѣло во всей своей маготѣ и откровенности, въ надеждѣ на жизнь земную... Ахъ, эта жажда жизни, эта страшная жажда жизни, когда жить нельзя! Какъ часто все, что было дорогого, лучшаго, свѣтлаго въ прошломъ, все, что составляло цѣну жизни, какъ часто все это забывалось, вычеркивалось, уничтожалось для того, чтобы только жить, только жить, не спрашивая зачѣмъ и какъ!

А ксюша. И вы, вы рѣшались за это осуждать?

Эбергардтъ. Нѣтъ, я не осуждалъ, я не былъ судьей, потому что я не могъ найти, кто въ этомъ виноватъ. Я пугался всего того, что узнавалъ... Видите-ли, кто привыкъ къ смерти, тотъ не можетъ привыкнуть къ жизни; научившись презирать смерть, начинаешь предъявлять другія, новыя, быть можетъ, невозможныя требованія къ жизни. Въ ней искалъ я, стремился найти что-нибудь выше, сильнѣе смерти—и не находилъ... Отъ больныхъ я сталъ присматриваться къ здоровымъ, и здѣсь увидѣлъ тѣхъ же самыхъ оглушенныхъ, затерявшихся людей, неувѣренныхъ въ завтрашнемъ днѣ и стремящихся все захватить сегодня, сейчасъ. И здѣсь, на

каждомъ шагу я встрѣчалъ смерть, смерть въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ побужденіяхъ!.. Она, казалось мнѣ, овладѣла жизнью, и я уже не различалъ, гдѣ кончается смерть и гдѣ начинается жизнь... Какой-то запахъ тлѣнія сталъ всюду меня преслѣдовать!.. И вся эта жизнь, эта погоня, травля, борьба безъ смысла, достоинства, красоты и свободы казалась мнѣ жизнью для смерти, ежеминутно умирающей жизнью... И я тосковалъ по жизни.. И вотъ вы, вы—свѣтъ, красота, гармонія и свобода!.. Въ васъ одной я не видѣлъ этого рабскаго страха смерти, этого судорожнаго стремленія жить... Легко и спокойно вы идете впередъ и несете въ своихъ рукахъ свою жизнь... Вы прекрасно живете, только такъ и стоять жить, чтобы потомъ стоило бы умереть! Узнавъ васъ, я постоянно думалъ о васъ, на все, что случилось со мной, вокругъ меня, я искалъ отвѣта у васъ, отвѣта свободнаго и безпристрастнаго, и всегда его у васъ находилъ... А на эту тоску, на эту скуку жизни,—вы, вы сами были живымъ отвѣтомъ!.. Я уже тогда васъ любилъ, но боялся признаться себѣ въ этомъ, потому что это было бы или огромнымъ счастьемъ, или огромнымъ несчастьемъ!.. Случай,—вы его помните,—заставилъ меня очнуться... Я могъ васъ потерять, васъ могли отнять у меня! Когда я послѣдъ думалъ объ этомъ,—я почти сходилъ съ ума!.. Вотъ, Ксенія Александровна, теперь вы знаете, теперь скажите. Или нѣтъ, не говорите, ничего не надо говорить, я буду ждать, очень долго и очень терпѣливо, до тѣхъ поръ, пока вы сами... Не бойтесь, вы будете такъ-же свободны, какъ и теперь, во всемъ; я ничѣмъ вамъ не напомню о сегодняшнемъ,—вѣдь, вы мнѣ вѣрите,—но только возьмите назадъ это ваше послѣднее слово!

Аксюша. Нѣтъ, я его не возьму, я не могу его взять! Эбергардтъ. Ксенія Александровна!

Аксюша. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! (*Молчаніе*). Нѣтъ, потому что вы меня не любите, меня вы не любите! Вы любите свою мечту, свою фантазію, но не меня, потому что меня вы тоже не знаете! Свобода, вы говорите,—у меня ея нѣтъ! Это пустота, а не свобода!.. Красота, красота... жизни не вѣрнее ей,—это поддѣлка, искусство, мишура!.. Мнѣ тоже надо было умереть, но хотѣлось жить, только жить!.. У меня тоже была эта жажда жизни, эта слѣпая, инстинктивная жажда жизни, и ради нея я тоже пожертвовала всѣмъ! Что вы стоите и смотрите? Идите, идите, вы ошиблись, вы ошиблись! Я не виновата въ этомъ, потому что я тоже ошиблась! Мечтатель, фантазеръ, идеалистъ—вотъ вы кто! Объ идеалахъ думаете,

поэзію какую-то ищите,—голубое небо, серебряныя трели,—вы ребенокъ, а не человѣкъ! Вы говорите, вы знаете жизнь,—вадоръ, никакой жизни вы не знаете, представленія не имѣете!.. Если бы вы ее знали, вы не мечтали бы объ идеалахъ, свѣтъ и красотѣ,—въ жизни ихъ нѣтъ, нѣтъ!.. (*Въ страшномъ возбужденіи*). Ахъ, да что тутъ... Знаете ли вы, что такое жизнь? Вотъ слушайте! Когда мнѣ было десять лѣтъ, я увидала у насъ въ прихожей одну женщину... Ахъ, мало ли какія женщины бываютъ на свѣтѣ!.. Но эта женщина была въ близкихъ, черезчуръ близкихъ отношеніяхъ къ моему отцу... И къ чему то мнѣ пришлось это узнать... Это было въ десять лѣтъ!.. Въ шестнадцать лѣтъ я своими собственными, вотъ этими ушами слышала, какъ ночью къ моей матери шелъ ея любовникъ, нашъ родственникъ и такой порядочный человѣкъ... Что вы такъ поплѣднѣли? Вѣдь, вы мужчина, а мнѣ было шестнадцать лѣтъ! И когда въ отчаяньи, въ ужасѣ я бросилась къ одной своей близкой, очень близкой родственницѣ,—ближе у меня никого не было,—она меня спросила: въ какомъ онъ былъ костюмѣ!.. И, вѣдь, это только главное, только выдающееся, а все что было вокругъ него... Съ тѣхъ поръ я осталась одна, совсѣмъ одна,—какія у меня могли быть подруги! Я завидовала ихъ незнанію, ихъ чистотѣ, ихъ надеждамъ на будущее, ихъ вѣрѣ въ людей!—Ничего этого у меня не было! Ахъ, это ужасное чувство одиночества, чувство паріи!.. Я никому не смѣла сказать о себѣ самой, о своей жизни, о своемъ прошломъ,—я съ проклятіемъ выучилась молчать!—Какія мысли, какіе планы самоубійствъ приходили мнѣ въ голову! Увы,—только планы... Мнѣ было жаль себя, цѣлыми ночами я плакала о самой себѣ... Умереть тогда, такъ рано, самой лишитъ себя жизни,—это было невозможно! Не призирайте меня,—это было невозможно!—И вотъ тогда пошла работа—найти чѣмъ жить... Я набросилась на книги, занятія, но все это меня не трогало, во всемъ и вездѣ я видѣла одну и ту же грубую, свирѣпую жизнь, въ разныхъ формахъ и проявленіяхъ, но все одну и ту же...—Религія, что она могла мнѣ сказать? Умѣй терпѣть и прощать! Ахъ, я давно все простила, только вотъ забыть не могла! Мораль, нравственность,—эти слова звучали мнѣ насмѣшкой!.. И вотъ искусство, міръ иллюзіи и химеръ, но свѣтлыхъ и прекрасныхъ, прекрасныхъ только потому, что неосуществимыхъ въ жизни!.. Я остановилась и осталась!.. И вотъ я воздвигла цѣлый культъ красотѣ, стала художницей жизни, причудливыми и дорогими красками раскрашиваю свою жизнь, но, вѣдь, это только прекрасное

искусство! Я живу только для себя, больше никого не знаю и знать не хочу, ничего не ищу, но изъ всего извлекаю свое удовольствіе... Ничѣмъ я никогда ни для кого бы не пожертвовала... потому, быть можетъ, что, въ сущности, и жертвовать мнѣмъ... (*Съ горькой ироніей*). Теперь вы видите, какой свѣтъ, какая красота и какая гармонія во мнѣ самой, въ моей жизни. (*Долгое молчаніе*).

Эбергардтъ (*тихо*). Ксенія Александровна, я васъ прошу, возьмите назадъ ваше послѣднее слово...

Аксюша (*глухо*). Это что-же, милостыня, подачка, жадность или упрямство?

Эбергардтъ. Нѣтъ, это любовь...

Аксюша (*съ гнѣвомъ*). Слишкомъ много любви! Подите, неужели вы не понимаете, послѣ всего того, что вы слышали, что къ той любви, которую вы предлагаете мнѣ, я ничего не могу чувствовать, кромѣ тошноты, гадливости, отвращенія... Вѣдь, тотъ ореоль, которымъ вы меня надѣлили, вѣдь, его нѣтъ,—что же вамъ еще отъ меня надо?

Эбергардтъ встаетъ въ сильномъ волненіи.

Аксюша. Ахъ, эта ваша любовь! Вся моя жизнь, я сама вся исковеркана изъ-за этой вашей любви. О, какъ въ ней расходятся названіе и дѣйствительность. Названіе заманчиво, тоже своего рода ореоль, но я сначала узнала, а потомъ поняла, что то, что узнала, называется любовью... Никогда, слышите-ли, никогда не смѣйте мнѣ говорить, что вы меня любили, любите... Вѣдь, я хочу васъ уважать, а что вы, что вы ищете во мнѣ? (*Закрываетъ лицо руками. Долгое молчаніе*).

Аксюша. Евгений Юльевичъ, постараемся забыть, никогда не вспоминать о сегодняшнемъ и останемся попрежнему друзьями... Простите меня, если какое-нибудь неосторожное слово... Ну, полно, давайте руку, миръ... (*Протягиваетъ руку*).

Эбергардтъ. Нѣтъ, я не могу вамъ дать руки, я обманулъ бы васъ, если бы далъ вамъ руку... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аксюша одна, входитъ Борисъ.

Борисъ. Аксюша, здравствуй! Что, Алеша у васъ сегодня не былъ?

Аксюша. Нѣтъ.

Борисъ. Пропаль сегодня куда то съ утра... Всю ночь занимался, а утромъ чуть свѣтъ куда-то ушелъ!.. У меня къ нему дѣло... Сейчасъ встрѣтилъ тутъ Эбергардта, тоже не знаетъ... Да что это съ Эбергардтомъ? Идетъ такой растерянный, странный. Здоровъ ли онъ?

Аксюша. Не знаю...

Борисъ. Господи, да и на тебѣ лица нѣтъ! Что съ тобой?

Аксюша. Что ты говоришь, какой вздоръ! *(Встаетъ, проходитъ по комнатѣ, говоритъ въ сильномъ возбужденіи.)* Напротивъ, мнѣ весело сегодня чрезвычайно, чрезвычайно!..

Борисъ. Почему именно сегодня?

Аксюша. Сегодня я услышала много разныхъ вещей... Нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ и показались смѣшными!.. А я, вѣдь, очень смѣшлива...

Борисъ. Что съ тобой, Аксюша? Ты сегодня сама на себя не похожа!

Аксюша. Ахъ, почему ты знаешь, можетъ быть, именно сегодня я и похожа сама на себя... Ахъ, Борисъ, какія бываютъ смѣшныя вещи на свѣтѣ!

Борисъ. Ну расскажи!

Аксюша. Нѣтъ, я боюсь, что ты будешь очень много смѣяться, до слезъ смѣяться... А я не хочу, чтобы ты плакалъ!

Борисъ. Богъ съ тобой, не понимаю я тебя... А гдѣ Оля, дома?

Аксюша. Дома. Хочешь я ее позову?

Борисъ. Да, позови. Послушай, Аксюша, я хотѣлъ бы спросить тебя относительно Оли...

Аксюша. Нѣтъ, нѣтъ, лучше ты самъ ее спрашивай... *(Быстро уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Борисъ одинъ. Алеша входитъ, входя, говоритъ горничной.

Алексѣй. Доложите барышнѣ, Ксеніи Александровнѣ, что я желаю ее видѣть, что ея братъ, Алексѣй Павловичъ, желаетъ ее видѣть!—Ахъ, Борисъ, вотъ неожиданная встрѣча! Ты что тутъ дѣлаешь? Искусствомъ занимаешься? Вѣдь, это настоящій храмъ искусства. *(Беретъ его подъ руку.)* Смотри, какія все вокругъ прекрасныя статуи! Я хотѣлъ бы остаться и жить среди этихъ прекрасныхъ статуй! И главное ихъ достоинство это то, что онѣ бронзовыя и каменныя!

Борисъ (*удивленный*). Алеша!

Алексѣй. Это не новость ты сказалъ! Да, я—Алеша, а ты —Борисъ! (*Оборачивается къ Аксюшѣ, которая въ это время входитъ.*) А вотъ и Аксюша.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Аксюша.

Алексѣй. Привѣтъ мой вамъ, наибожественная среди этихъ божествъ! Не дѣлайте удивленныхъ минъ и не смотрите на меня,—сегодня я неинтересенъ, но выслушайте, Аксюша, никогда въ жизни моей я ни о чемъ тебя не просилъ, ни о чемъ никогда!—Но сегодня у меня къ тебѣ просьба, огромная просьба! Видишь-ли, сегодня, сегодня... ну, да это все равно, что такое сегодня... Дѣло въ томъ, что я хочу сегодня веселиться, пѣть, смѣяться, радоваться,—вотъ и пріѣхалъ за тобой! Поѣдемъ куда-нибудь на тройкѣ за городъ... Хорошія лошади, духъ захватить, мы повеселимся, Аксюша! Съ тобой одной только и будетъ весело! Прошу тебя, поѣдемъ, сдѣлай одолженіе, по гробъ моей жизни буду благодаренъ! Ты не думай, что я пьянъ, нѣтъ, это я только такъ немного выпилъ, отъ свѣжаго воздуха это пройдетъ. Не бойся, я тебя не скомпрометирую... Ну, ѣдемъ, по рукамъ, что ли?

Аксюша (*серьезно*). Ёдемъ.

Алексѣй. Эхъ, за Эбергартдомъ надо было бы сбѣгать!

Аксюша (*поспѣшно*). Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

Алексѣй. Не хочешь? Почему? Можетъ быть, сегодня его укусила какая-нибудь муха, и онъ тоже захочетъ пѣть и смѣяться! Вотъ была бы расчудесная компанія, даже моровъ по кожѣ подираетъ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Ольга, входитъ и останавливается у порога. Алексѣй спѣшитъ къ ней.

Алексѣй. Ахъ, вотъ и Оленька! И ты съ нами, непременно и ты съ нами! Офелія, о нимфа, помани меня въ твои святыхъ молитвахъ!

Ольга (*съ отвращеніемъ, глухо*). Шутъ! (*Долгое молчаніе. Алексѣй тихо отходитъ, садится, закрываетъ лицо руками, потомъ говоритъ серьезно и тихо.*)

Алексѣй. Ты хотѣла меня оскорбить, Оля, а сказала правду. Я вчера въ этомъ убѣдился... (*Встаетъ.*) Вчера, Борисъ, я получилъ извѣстіе, что одинъ заграничный ученый, который работалъ надъ тѣмъ же, надъ чѣмъ и я, пришелъ въ своихъ занятіяхъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ!..

Борисъ. Что ты говоришь?

Алексѣй. Да, да, его результаты и мои—двѣ диаметрально-противоположныя точки зрѣнія...

Борисъ. Но... но, вѣдь, ты можешь доказать...

Алексѣй. Что я могу доказать? Я знаю этого ученаго и уважаю его труды, и вѣрю его добросовѣстному, честному отношенію къ работѣ... Но я долженъ также вѣрить и самому себѣ, потому что я тоже добросовѣстно и честно относился къ своимъ занятіямъ... Но кто то изъ насъ выходитъ шарлатаномъ и шутомъ!..

Борисъ. Но, вѣдь... развѣ нельзя, развѣ ты не можешь узнать отъ него, почему собственно такъ случилось, узнать о ходѣ его занятій?

Алексѣй. Да, да, конечно, я могу... Я все могу узнать..

Борисъ. Ты можешь и лично повидаться...

Алексѣй. Конечно, я и это могу... Только я лучше подожду, пока онъ ко мнѣ пріѣдетъ... Мнѣ торопиться некуда. Я сегодня заявилъ нашему высшему начальству, что отказываюсь отъ защиты диссертациі... и уничтожилъ все, что было сдѣлано!..

Борисъ. Алеша!

Алексѣй. Ахъ, дѣло не въ томъ, что я отказался или нѣтъ, дѣло въ томъ, что могутъ существовать два мнѣнія о такихъ вещахъ, о которыхъ должно быть одно!

Борисъ. Алеша, но, вѣдь, можетъ быть, ты ошибся гдѣ-нибудь, какъ-нибудь...

Алексѣй. Конечно, я ошибся, иначе и быть не можетъ... Но я не хочу больше ошибаться... Пять лѣтъ я работалъ, цѣлыхъ пять лѣтъ, изо дня въ день!.. Сколько вложено было сюда жизни, силы, надежды!..

Борисъ. Но, Алеша, послушай, вѣдь, другіе...

Алексѣй (*въ возбужденіи*). Ахъ, что мнѣ за дѣло до другихъ! Что ты хочешь сказать? Что другіе не пять лѣтъ, а цѣлую жизнь работаютъ и въ концѣ-концовъ тоже ошибаются,—жалкіе глупцы!

Борисъ. Алеша, это непростительное, это дѣтское малодушіе! Первая неудача—и ты уже складываешь оружіе! Стыдись!

Алексѣй. Да, да, я стыжусь, самого себя стыжусь, что столько времени потратилъ даромъ.

Борисъ. Алеша, ты просто голову потерялъ! Но, вѣдь, можетъ быть, ты правъ, ты, ты въ своихъ результатахъ, а не тотъ!

Алексѣй. Конечно, можетъ быть, и я! Но развѣ я не долженъ страдать отъ того, что другой могъ такъ ошибиться? Такъ ошибиться! Развѣ эта чужая ошибка не лишаетъ всякой цѣны и мою истину! Ахъ, мой милый, есть вещи, въ которыхъ нельзя ошибаться, понимаешь, нельзя.

Борисъ. У тебя не хватило мужества изложить, доказать свой взглядъ, свои выводы.

Алексѣй (*въ раздраженіи*). Ахъ, замолчи, ради Бога! Ты не понимаешь меня! Я, я, я самъ важнѣе для себя, чѣмъ кто бы то ни былъ! Если я самъ себя ничего не могу доказать, что я буду доказывать другимъ!

Борисъ. Надо бороться, надо отстаивать себя, свою работу...

Алексѣй. Я всю ночь сегодня не спалъ... Усталъ... Я не могу больше ни о чемъ слышать!.. (*Отходитъ и садится. Молчаніе*).

Ольга (*подходитъ къ Алексию*). Алеша, прости меня, Алеша милый... Какое несчастье!

Борисъ (*встаетъ разсерженный*). Я удивляюсь на тебя, Оля, положительно удивляюсь! Ты взрослая дѣвушка и говоришь такія вещи! (*Ольга отступаетъ*.) Что это за несчастье? Какое это несчастье? Развѣ такія бываютъ несчастья? Ну, ошибка, недоразумѣніе (*Алексѣй нервно смѣется*), которое всегда можно объяснить, раскрыть и дальше продолжать работать! Вы меня все когда то приравнивали къ разнымъ животнымъ и птицамъ, ну такъ я вамъ теперь скажу, что вы всѣ,—мягкотѣлые какіе то! Да, никакой въ васъ нѣтъ упругости, крѣпости, вашего „я“ въ васъ нѣтъ! (*Ходитъ въ возбужденіи*). Счастье, несчастье, жизнь, — у васъ, у всѣхъ ежеминутно на языкѣ эти слова! Я никогда не слышалъ такъ часто этихъ словъ, какъ здѣсь, у васъ! Всѣ вы стремитесь къ какому то счастью, всѣ вы ищете какой то жизни и не замѣчаете того, что дѣлается вокругъ васъ! И каждый изъ васъ подразумеваетъ подъ этими словами что то свое, особое... Да такъ и должно быть, потому что счастье и жизнь, это не понятія, а такъ, междометія какія то, и каждый воленъ выразить ими, что ему вадумается!

А лексѣй. Ну, а что же ты выражаешь этими междометіями?

Борисъ. Я стараюсь ихъ вовсе не употреблять. И то, и другое я замѣнилъ однимъ словомъ: работа. Да, жизнь — это работа; въ этой работѣ — все мое возможное счастье, и эта работа въ моихъ собственныхъ рукахъ! Развѣ есть внѣ меня, внѣ моего существованія еще какая-то жизнь? Вотъ мы сейчасъ съ тобой говоримъ—и жизнь наша въ томъ, что мы съ тобой говоримъ; вы вотъ все ищите—и жизнь ваша въ томъ, что вы все ищите... А я когда думаю, что прожилъ сегодняшній день,—думаю, что столько и столько успѣлъ за этотъ день сдѣлать. Только работой измѣряется жизнь и счастье!

А лексѣй. Какая философія!

Борисъ. Нѣтъ, это не философія, это только логика жизни. Нельзя философствовать, если ты не рожденъ быть философомъ; изъ чувства самосохраненія нельзя... А вы всѣ—непризнанные философы... и разрушаете сами себя!

А лексѣй. Ну, а кто же ты такой?

Борисъ. Я—не философъ, я—только рабочій жизни... Изъ всѣхъ магическихъ словъ я выбралъ самое послѣднее: работа, — на которую вы привыкли смотрѣть, какъ на средство,—я его выбралъ, какъ цѣль.

А лексѣй. Толченіе воды—это тоже работа!

Борисъ. Нѣтъ, это не работа, потому что въ работѣ подразумѣвается и ея сознательность, и ея польза, и ея необходимость.

А лексѣй. Хотѣлъ бы я знать, въ чемъ ты видишь такую работу?

Борисъ. Тебѣ ли спрашивать, Алеша! У тебя, у самого въ рукахъ такая работа. Предположимъ, что ты теперь ошибся,—но, вѣдь, и ошибки бываютъ полезными и необходимыми!

А лексѣй. Ну, знаешь ли, я до такого смиренія еще не дошелъ!

Борисъ. А ты дойди! Вѣдь, вы всѣ одиноки, всѣ, и простите меня, нельзя сказать, чтобы это было гордое одиночество. Напротивъ, никто сильнѣе васъ не ищетъ опоры въ комъ-нибудь другомъ, въ чемъ-нибудь внѣ себя. И вы правы, потому что такого одиночества человѣкъ выносить не можетъ. И если бы вы знали, какое глубокое, радостное чувство овладѣваетъ тобой, когда ты видишь, что работа твоя нужна, что нужны твои силы, твое знаніе, твои руки, когда ты видишь вокругъ себя и рядомъ съ собой такихъ же работниковъ, какъ и ты... И взгляни, сколько во-

кругъ тебя этой работы и жизни! (*Открываетъ портьеру у окна*).

Алексѣй. Да, я вижу эту толпу несчастныхъ и глупцовъ!

Борисъ. Какъ ты несправедливъ и какъ ты самъ чувствуешь, что ты несправедливъ! Спроси, кто изъ нихъ добровольно отказался бы отъ жизни?—Нѣтъ, всѣ хотятъ жить, и вы, быть можетъ, сильнѣе всѣхъ! Не ищите же хорошей жизни, но живите хорошо! Живите такъ, чтобы каждое мгновеніе вашей жизни было идеальнымъ въ отношеніи къ самому себѣ и къ другимъ!

Аксюша (*быстро встаетъ съ своего мѣста*). Ну, что же, Алеша, ѣдешь ты со мной или нѣтъ?

Алексѣй. Куда? Ахъ, да... Нѣтъ, я не хочу, мнѣ не хочется больше... Я остаюсь.

Борисъ. Остаешься и ты, Аксюша!

Аксюша (*въ сильномъ возбужденіи*). Нѣтъ, я не могу остаться, я не могу остаться, я не принадлежу къ тѣмъ, которые могутъ остаться! Я могу только одно, — уйти отъ васъ! (*Быстро уходитъ*).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Обстановка перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Алексѣй и Степанъ увязываютъ вещи.

Алексѣй. Видишь ли, Степанъ, дѣло то какое выходитъ, — ты въ деревню и я въ деревню; не могу, значить, безъ тебя ни одной минуты прожить!

Степанъ. А мнѣ что-жъ. Въ деревнѣ, чай, мѣста много!

Алексѣй. Вотъ, братъ, это я и самъ думаю, что мѣста много... А здѣсь-то намъ съ тобой мѣстовъ-то не отыскалось!

Степанъ. А только что же вы въ деревнѣ дѣлать будете?

Алексѣй. А помнишь, самъ ты мнѣ недавно рассказывалъ, что невѣстка твоя Акулина безъ ногъ лежитъ, и вшученка твоего Сидорку лихорадка треплетъ, такъ вотъ лѣчить ихъ ѣду!

Степанъ. Смѣяться бы вамъ все только...

Алексѣй. Экій ты, братъ, чудакъ, какъ я на тебя посмотрю! Не вѣришь... Положимъ, я и самъ плохо вѣрю... ѣду, братъ, ѣду, всѣхъ твоихъ Акулинъ и Сидоровъ на ноги ставить... Запляшутъ они у насъ!..

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Марія Петровна.

Марія Петровна. Господи, да такъ, вѣдь, и опоздать можно! Скоро ужъ и ѣхать надо, а дѣла еще пропасть! Степанъ, чемоданы готовы?

Степанъ. Готовы-съ!

Марія Петровна. Ну, хорошо. Бѣги скорѣе ящики связывать, да дворниковъ позови на помощь! (*Степанъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марія Петровна, Алексѣй.

Марія Петровна (*садится*). Вотъ устала-то, прости Господи! А Павелъ Ивановичъ ушелъ и пропалъ!

Алексѣй (*подходитъ къ ней, цѣлуетъ ея руку*). Да вы не волнуйтесь такъ, мама! Все успеется. Времени еще много, такъ много, что можно еще двадцать разъ передумать, вѣхать или нѣтъ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, и Борисъ входитъ.

Марія Петровна. Ахъ, Алешенька, рада я, что все такъ случилось, что съ нами ты въ деревню ѣдешь... Все лучше со своими-то, съ близкими... Вотъ только боюсь, что соскучишься ты тамъ!

Алексѣй. Какъ ты думаешь, Борисъ, соскучусь я или нѣтъ?

Борисъ (*смѣется*). Не знаю, какъ тебѣ сказать, можетъ быть, и соскучишься... Только, по моему мнѣнью, ты не должишь соскучиться!..

Алексѣй. Слышите, мама, что Борисъ говоритъ,—не должишь... Ну, я и буду стараться!

Марія Петровна. Ахъ, Господи, опять я съела! Дождаться не могу, когда вырвусь отсюда! Надоѣлъ, опостылѣлъ мнѣ вашъ Петербургъ... Пойду я.. А вы времени то не теряйте, книги Алешины хорошенько уложите и заколотите!.. И всегда это надо все до послѣдней минуты оставить!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, безъ Маріи Петровны.

Алексѣй. Знаешь, Борисъ, я вчера получилъ отвѣтъ отъ того земскаго врача, съ которымъ мнѣ придется служить...

Борисъ. Ну, и что же?

Алексѣй. Пишетъ мнѣ обо всемъ, о чемъ я его спрашивалъ... Все мнѣ нравится... Нѣтъ, дѣло не въ томъ... А подписался онъ какъ-то странно: остаюсь уважающій васъ Александръ Поповъ...

Борисъ. Что же тутъ страннаго?

А л е к с ѣ й. Да вотъ „уважающій!“ Какъ онъ можетъ меня уважать, когда въ глаза не видалъ? Теперь уважаетъ, а вдругъ послѣ то и перестанетъ уважать!

Б о р и с ѣ (смѣется). Ну, тогда онъ тебѣ и писемъ писать не станетъ!

А л е к с ѣ й. Но трогательно все это, чрезвычайно трогательно... И знаешь, мнѣ это нравится!

Б о р и с ѣ. А я радъ отъ души, что ты рѣшился и взялъ это мѣсто... Поживешь, увидишь, не понравится,—бросишь... Но мнѣ всегда казалось, что практическая дѣятельность къ тебѣ больше подходитъ...

А л е к с ѣ й. Эхъ, мнѣ тоже много что казалось... Ну, да что толковать, бери веревку, за тотъ конецъ... Ну держи, тяни... Что, братъ, видишь, силы то во мнѣ еще есть!

Б о р и с ѣ (смѣется). Да, въ этомъ я и не сомнѣвался!

А л е к с ѣ й. Ну, кажется, все кончено. Разгромъ то какой! (*Полушутя, полусерьезно*). Эхъ, только пепла на голову не хватаетъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Эбергардтъ входятъ.

Эбергардтъ. Что, уже все готово? А завтра и я начинаю собираться.

Б о р и с ѣ. Вы черезъ недѣлю уже думаете уѣзжать?

Эбергардтъ. Да, черезъ недѣлю...

Б о р и с ѣ. Ну, Алеша, я пойду еще кое-что тамъ соберу... Ты крикни, если будетъ нужно.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же безъ Бориса. Алеша подходитъ и садится рядомъ съ Эбергардтомъ.

А л е к с ѣ й. Вотъ и намъ пришлось расставаться... Думали ли мы когда-нибудь объ этомъ? Прощай, Евгений, пожили мы съ тобой... Не поминай лихомъ! (*Молчаніе*). Но я все-таки не понимаю, почему ты бросаешь свое здѣшнее мѣсто въ больницѣ? И совершенно неожиданно и для чего? Тебя здѣсь такъ цѣнятъ, любятъ!

Эбергардтъ (*говоритъ медленно, какъ бы съ трудомъ*). Поступить другой на мое мѣсто, и его будутъ такъ-же цѣнить и любить!

А л е к с ѣ й. Зачѣмъ ты такъ говоришь? Самъ знаешь,

что это неправда! Ты идеальный врач, больные твои на тебя молятся, и вдругъ все бросить... И зачѣмъ тебѣ понадобилось ѣхать въ эту самую эпидемію? Работать тамъ при такихъ тяжелыхъ, опасныхъ, исключительныхъ условіяхъ... И ты всегда такъ особенно неостороженъ! Знаешь, можно было бы подумать, что ты замыслилъ самоубійство!

Эбергардтъ. Ты вотъ тоже уѣжаешь, и я, вѣдь, не удивляюсь.

Алексѣй. Ну мое дѣло совсѣмъ другое... Ты давно зналъ, что я не былъ удовлетворенъ тѣмъ, что выбрала чистую науку...

Эбергардтъ (*съ глубокой грустью*). Я тоже не удовлетворенъ.

Алексѣй. Боже мой, Евгеній, какъ ты это сейчасъ скааалъ!.. Помнишь, вотъ въ этой самой комнатѣ сколько бессонныхъ ночей мы провели съ тобой въ разговорахъ о нашемъ будущемъ, о нашемъ будущемъ!.. Какіе планы! Какъ хотѣли мы тогда быть удовлетворенными!

Эбергардтъ. Одного хотѣнія оказалось мало... Мы были тогда дѣтьми и рассуждали по-дѣтски!.. Мы ничего не знали, а думали, что знаемъ все!.. И, главное, мы не знали самихъ себя!

Алексѣй. Миѣ жаль того времени!

Эбергардтъ. Что пользы жалѣть.

Алексѣй. Да, правда, ничего исправить нельзя!

Эбергардтъ. Исправить! Ненавижу я это слово! Исправить—и утѣшиться, и забыть!.. Когда не должно было бы быть того, что нужно исправлять!

Алексѣй. Евгеній, что съ тобой? Ты боленъ, ты нездоровъ, ты страшно измѣнился за послѣднее время!.. Что съ тобой? Неужели это все та же скука?

Эбергардтъ. Нѣтъ, я больше не скучаю... Скука,—это тоже была дѣтская забава... и такая простая и удобная!.. Теперь я не могу больше забавляться...

Алексѣй. Ты страдаешь, ты ужасно страдаешь!

Эбергардтъ (*тихо и очень серьезно*). Страдаю? Не знаю, можетъ быть, я и страдаю... Но миѣ кажется, что это что-то большее!..

Алексѣй. Что съ тобой случилось, что? Скажи миѣ, какъ другу своему, скажи!

Эбергардтъ. Что случилось? Видишь ли, раньше я всегда старался честно и добросовѣстно исполнять разъ взятая на себя обязанности относительно общества и остальныхъ людей, но самъ въ отношеніи къ самому себѣ я ни-

когда не могъ найти никакихъ обязанностей, никакого долга, никакого способа жизни... Теперь я его тоже не нашель, но теперь я не вижу больше необходимости исполнять свои обязанности и относительно другихъ...

А лексѣй. Какъ можешь ты, ты говорить это?

Эбергардтъ (*въ глубокой задумчивости*). Да, я не вижу больше рѣшительно никакой необходимости исполнять свои обязанности и относительно другихъ...

А лексѣй. Какъ могъ ты придти къ этой мысли?

Эбергардтъ. Видишь ли, я до сихъ поръ все ждалъ какого-то чуда, которое должно было бы для меня самого объяснить и оправдать всю мою дѣятельность... теперь я не жду больше чудесъ...

А лексѣй. Я не понимаю тебя, я не знаю, какъ все это понять!.. Зачѣмъ же теперь ты ѣдешь?

Эбергардтъ (*тихо*). Это будетъ моя послѣдняя обязанность ..

А лексѣй (*въ волненіи*). Что же потомъ?

Эбергардтъ. Потомъ... я... я не знаю!..

А лексѣй. Послушай, послушай, дай мнѣ слово, что ты приѣдешь ко мнѣ, лѣтомъ или осенью, какъ только освободишься, дай мнѣ слово!

Эбергардтъ. Если я приѣду, то приѣду безъ словъ. Спасибо тебѣ! Прощай!

А лексѣй (*обнимаетъ его*). Прощай! Помни всегда, постоянно, что у тебя есть близкій человѣкъ! Смотри же, не забывай о немъ!

Эбергардтъ. Благодарю тебя, Алеша, прощай! Ты хорошо для себя выбралъ... Надо все испробовать... И, можетъ быть, ты не будешь больше сворачивать... Прощай. (*Обнимаются. Эбергардтъ медленно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Алексѣй одинъ. Марія Петровна, Ольга, Борисъ входятъ.

Марія Петровна. Просто изъ силъ выбилась... Что, Оленька, такъ поздно ты пришла? Я тебя съ утра поджидала... Ну, садись, рассказывай... Отъ Аксюши, говоришь ты, письмо есть... Ну что же пишетъ она?

Ольга. Она уже въ Венеціи, тетя... Пишетъ, что очень довольна, хочетъ ѣхать дальше, на югъ Италіи... Пробудетъ за границей все лѣто и осень, къ зимѣ вернется.

Марія Петровна. Тебя, поди, туда зоветъ?

О л ь г а. Зоветь...

Ма́р я Пе́т ров на. Ну, а ты объ этомъ и думать не смѣй, слышишь, и думать не смѣй! Ты къ намъ этимъ лѣтомъ прѣдешь, а если сама не прѣдешь, такъ я за тобой прѣду и увезу, такъ и знай! И отчего тебѣ теперь съ нами не ѣхать, просто ума не приложу!.. Всѣ бы вмѣстѣ, какъ хорошо... И весело бы какъ было! Право, собирайся, мы ихъ отправимъ, а я тебя еще денька три подожду!

О л ь г а. Нѣтъ, тетя, спасибо, вамъ большое.

Ма́р я Пе́т ров на. Нѣтъ да нѣтъ, а отчего нѣтъ?

Бо́р ис съ. Право, Оля, поѣдемъ! Я ужъ думалъ объ этомъ... Прекрасно это было бы, поѣдемъ!

О л ь г а. Нѣтъ, я, можетъ быть, поѣду къ Аксѹшѣ, я не знаю...

Бо́р ис съ. А какъ это было бы хорошо! Ты бы очень поправилаь, Оля!

О л ь г а. Нѣтъ, нѣтъ!

Ма́р я Пе́т ров на. Не сговоришь съ тобой, право... Ну теперь не хочешь, такъ въ началѣ мая прѣзжай! А не то я за тобой тутъ какъ тутъ!.. Поцѣлуй меня, вотъ такъ! Ну, посиди рядомъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Павелъ Ивановичъ входятъ.

Ма́р я Пе́т ров на. Наконецъ-то, Павелъ Ивановичъ! Ты это гдѣ пропадалъ? Ушелъ и сгинулъ, хорошо! Скоро ужъ и ѣхать надо! И куда это ты запропастился?

Па́в ель Ива но в и ч ѣ. Ходилъ... по дѣламъ своимъ...

Ма́р я Пе́т ров на. Да куда?

Па́в ель Ива но в и ч ѣ (*сердито*). Ужъ авать ходилъ, можетъ ли Алексѣй нашъ, если дурь его пройдетъ, снова диссертацию свою защищать! (*Общее удивленіе. Борисъ и Алексѣй громко смѣются*). Что смѣтесъ? Смѣшного-то ничего нѣтъ!

А л екс ѣ й. Да куда же это вы ходили, папа, къ кому?

Па́в ель Ива но в и ч ѣ. Это ужъ мое дѣло, къ кому...

А л екс ѣ й. Ну а отвѣтили вамъ что-же?

Па́в ель Ива но в и ч ѣ. Отвѣтили, что ты съ ума спятилъ! (*Общій смѣхъ*).

Ма́р я Пе́т ров на. Павелъ Ивановичъ, и какъ это тебѣ не стыдно, и какъ это тебѣ только не стыдно?

А л екс ѣ й. Неужели такъ таки и отвѣтили? Много бы я далъ, чтобы узнать: кто!

Павелъ Ивановичъ (*сердито молчитъ*).

Алексѣй. Кто же это, папа, отвѣтили такъ?

Павелъ Ивановичъ. Никто, я самъ такъ отвѣчаю!

Алексѣй. Господи, папа, сколько разъ вы мнѣ сами совѣтовали свѣжимъ воздухомъ подышать, а теперь, когда я на этотъ свѣжій воздухъ собираюсь,—вы недовольны!

Павелъ Ивановичъ. Не того я ждалъ отъ тебя...

Борисъ. Полноте, папа, Алеша будетъ прекрасно работать, и не все-ли равно: гдѣ и на какомъ поприщѣ!

Павелъ Ивановичъ. Не того, не того я ждалъ... Земскихъ врачей тысячи, а ученыхъ единицы!

Борисъ. Тысячи-то важнѣе единицы!

Павелъ Ивановичъ (*къ Борису*). Знаю я, что это твоихъ рукъ дѣло, ты его спуталъ... Ты бы всѣхъ къ себѣ въ деревню переманилъ!

Борисъ. А развѣ намъ въ деревнѣ люди не нужны? Развѣ мало у насъ дѣла?

Павелъ Ивановичъ. Какъ-то оно такъ, да за Алексѣя обидно...

Алексѣй (*подходитъ къ отцу и обнимаетъ его*). Не стоитъ обижаться; все равно обидой не помочь, а настроеніе испортите!

Марія Петровна. И всегда это они въ самую послѣднюю минуту спорить начнутъ! Чтобы посидѣть, да подумать, все ли уложили, не забыли ли чего, а они возьмутъ да и начнутъ!.. Ну такъ и есть, ничего, о чемъ я тебя просила, ты не купилъ, Павелъ Ивановичъ! Одѣвайся, пойдемъ. Экій старый!

Алексѣй. И я пойду!

Марія Петровна. Иди, да смотри, не запоздай, ровно въ восемь часовъ дома будь! Въ половинѣ девятаго я выѣжаю. (*Марія Петровна, Павелъ Ивановичъ и Алексѣй уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Борисъ и Ольга.

Борисъ. Ну, что же, Оля, если теперь ты не хочешь съ нами ѣхать, то лѣтомъ пріѣдешь?

Ольга. Нѣтъ, не пріѣду...

Борисъ. Опять нѣтъ! Ахъ, какая ты, право! Вотъ сколько времени я здѣсь прожилъ, а, вѣдь, намъ ни разу съ тобой не пришлось поговорить, какъ слѣдуетъ, по душѣ... И я

тебя попережнему не знаю! И отчего это могло такъ случиться? Мнѣ хотѣлось бы думать, что не по моей винѣ...

Ольга. Нѣтъ, не по вашей...

Борисъ. Ты упорно хочешь меня считать чужимъ! Всякій разъ, когда я старался подойти къ тебѣ поближе, узнать: какая ты стала, перемѣнилась ли въ чемъ,—тутъ выростала какая-то стѣна. И я терялся и недоумѣвалъ... Отчего это такъ, Оля?

Ольга. Я не знаю...

Борисъ. И потомъ, прости меня, мнѣ казалось иногда, что все это что-то не то, что во всемъ этомъ есть какая-то фальшь, какая-то неправда... Не сердись, Оля, но мнѣ тяжело... (*Подходитъ къ ней*). Оля, милая, скажи мнѣ, ты что-то задумала, мнѣ кажется, у тебя въ головѣ есть какой-то планъ...

Ольга. Нѣтъ, Борисъ, вы ошибаетесь, у меня нѣтъ никакихъ плановъ.

Борисъ. Скажи, Оля, помнишь, тогда у васъ на вечерѣ... Послушай, скажи мнѣ, какъ ты на самомъ дѣлѣ относишься къ словамъ того господина... (*Ольга отступаетъ, глубоко пораженная. Молча смотритъ на Бориса*).

Борисъ. Оля, что съ тобой? Что ты такъ смотришь? Оля, дорогая, что съ тобой... (*Ольга отходитъ въ сторону, отвертывается*).

Борисъ (*идетъ къ ней*). Оля, ты сердисься, что такое?

Ольга. Прощайте, Борисъ, а обо мнѣ не беспокойтесь,

Борисъ. Я уѣзжаю сегодня. Богъ знаетъ, когда мы увидимся, и ты такъ говоришь!

Ольга. Уѣзжайте!

Борисъ. Оля, какъ это, право, нехорошо...

Ольга. Уѣзжайте!

Борисъ. Ну, что-же, тогда прощай! Ты сама не хочешь быть откровенной... Я ничего не могу понять... Прощай, Оля, желаю тебѣ отъ души всего лучшаго. (*Хочетъ уйти. Ольга бѣжитъ къ нему*).

Ольга. Борисъ, прости меня, простите меня! Я, я сама во всемъ виновата! Да, да, все это не то, все это неправда, ложь! Вы правы, ты правъ, Борисъ, ты правъ! Но все-таки я не такая гадкая и злая, какъ ты думаешь! Нѣтъ, все это было нарочно, чтобы узнать, чтобы убѣдиться въ томъ... (*Вдругъ запинается*).

Борисъ (*удивленный*). Для чего, въ чемъ?

Ольга. Въ чемъ? Борисъ, милый, дорогой Борисъ, въ томъ, что ты меня не любишь!

Борисъ (*глубоко пораженный*). Я... тебя... не люблю?

Ольга. Молчи, молчи, не говори, я знаю, что ты меня не любишь! Въ первый разъ, какъ только я тебя увидѣла, я ужъ знала, что ты меня не любишь!.. А я тебя люблю... Ты этого и предположить не могъ, и догадаться не могъ!.. Вотъ ты сейчасъ меня оскорбилъ своими разспросами о моихъ какихъ-то плахахъ, и не замѣтилъ этого, что оскорбилъ!

Борисъ. Оля!

Ольга. Да, да, ты меня такъ искренне не любишь, что тебѣ даже въ голову не могло притти, что это оскорбленіе! Какъ мало ты меня знаешь, и какъ на самомъ дѣлѣ вовсе и не хочешь знать!

Борисъ. Оля, умоляю тебя, перестань!

Ольга (*въ сильномъ возбужденіи*). Нѣтъ, нѣтъ, дай мнѣ сказать, дай мнѣ все сказать! Ты самый лучший для меня человѣкъ изъ всѣхъ, кого я знаю! Тебѣ одному я вѣрю, вѣрю тому, что ты говоришь, что ты дѣлаешь, всему тебѣ вѣрю! Вотъ ты измѣнился теперь,—очень измѣнился, пересталъ мечтать о небѣ, живешь на землѣ, но, мнѣ кажется, ты такъ и долженъ былъ измѣниться! Мнѣ кажется, только такъ ты и могъ остаться самимъ собою... Ахъ, прости, я не умѣю совсѣмъ говорить!.. И потому ты видишь, какъ мы живемъ... Развѣ это жизньъ, вся эта вывѣтрившаяся сутолока? Ты не думай, я сама презираю себя за это, но одна я ничего не могу, не умѣю сдѣлать! Вѣдь, я совсѣмъ, совсѣмъ одна среди всѣхъ этихъ людей... И я все думала, что это все только теперь, пока, на время... Я все ждала тебя... Три года я тебя ждала... Милый мой, ты писалъ мнѣ, помнишь тогда, давно, я не отвѣчала... Мнѣ казалось, что писать,—это всегда выходитъ такъ грубо и невѣрно!.. Тогда ты тоже пересталъ писать... и потомъ забылъ меня!.. Ты все, все забылъ! А помнишь, какъ я жила у васъ, въ твоей семьѣ, въ деревнѣ... Ты помнишь, Борисъ, что это было за время! Боже мой, сколько счастья, радости, свѣта! И жизнь казалась такой прекрасной! Ты знаешь, я все помню, все, все, ты знаешь, я иногда закрою глаза и цѣлыми часами думаю о прошломъ... И мнѣ кажется тогда, что все вернулось, что я снова тамъ, у васъ, снова вижу тебя, слышу твой голосъ!.. Ахъ, Борисъ, сколько воспоминаній! Ты помнишь, какъ разъ вечеромъ мы катались съ тобой по нашей рѣкѣ... Солнце закатывалось и золотая полоса дрожала на водѣ... И мы плыли съ тобой по этой полосѣ къ солнцу... Я стояла на рулѣ, и кричала тебѣ, и смѣялась: „гребн скорѣе, торопись, оно ух-

дить!“ А ты сложилъ весла и отвѣчалъ мнѣ: „зачѣмъ мнѣ стремиться къ солнцу, мое солнце передо мною!..“ А розовыя облака, такія легкія и нѣжныя, скользили по небу... А помнишь, какъ мы зашли въ далекое незнакомое село... Была весна... Цвѣла сирень... Какъ много тогда цвѣло сирени!.. Вѣтви гнулись подъ цвѣтами... Ты нарвалъ огромный букетъ и, найдя въ немъ гусеницу, помнишь, такую большую сиреневую гусеницу, догонялъ меня, чтобы бросить ее на мое платье... Потомъ, усталые, мы вошли въ церковь... Шла всеюнощная... Старый сѣдой священникъ и дячокъ и только мы двое, молящіеся... Окна были растворены настежь, запахъ сирени мѣшался съ ладономъ, залетѣвшая ласточка кружилась подъ куполомъ,— а лучи солнца цѣлыми снопами врывались въ окна... Я молилась и плакала, и душа моя тоже плакала отъ счастья и восторга!.. И мы возвращались домой тихіе и торжественные, и молчали... моя знала все, что ты могъ бы тогда сказать... И когда мы отдыхали, сидя на плетнѣ, помнишь, большое стадо овецъ пробѣжало мимо насъ, вадымая облако золотистой пыли!.. А помнишь ты ту бурю, ту страшную жестоку бурю, когда на нашихъ глазахъ былъ съ корнемъ вырванъ старый дѣдовскій дубъ!.. Боже мой, это былъ какой-то потокъ разрушенія и смерти... Я помню, неудержимое желаніе явилось у меня выйти въ садъ, спуститься къ рѣкѣ и посмотреть, что дѣлается тамъ... Я хотѣла пройти потихоньку,—но ты замѣтилъ и вышелъ за мною. Я стремглавъ бѣжала по дорожкѣ, ты звалъ меня вернуться, кричалъ, сердился... Вотъ я и у рѣки.. Ты догналъ меня, стоишь рядомъ, но отъ гнѣва не можешь вымолвить слова... А волны тяжелыя, одна громадиѣ другой, грозятъ насъ затопить, разбиваются съ ревомъ у нашихъ ногъ, обдавая холодными брызгами!.. И помнишь, какъ вдругъ мы оба тогда почувствовали себя такими безпомощными, жалкими и одинокими предъ этой силой и властью, и помнишь, какъ ты, позабывъ, что только что сердился на меня, нагнулся ко мнѣ и укрывая платкомъ, прошепталъ съ такой заботливой лаской: „Тебѣ не холодно, Олюша?..“ „Тебѣ не холодно, Олюша“ (*Подбѣгаетъ къ Борису*). Ты плачешь, Борисъ! Ты видишь самъ, ты понимаешь, что я не могу такъ больше жить, что я гибну, что я тону съ каждымъ днемъ все глубже и глубже... А жить такъ хочется, Борисъ, такъ хочется счастья, чистаго, свѣтлаго, хорошаго счастья! Борисъ, дорогой мой Борисъ, возьми меня съ собою, я здоровая, сильная, я всему выучусь, я буду такъ же работать, какъ и ты... А если всетаки

ты не въ силахъ будешь меня выносить, я уйду, дамъ тебѣ слово, что я уйду, уйду тихо, незамѣтно, ты и не узнаешь!.. Но только дай мнѣ попробовать, но только попробуемъ!.. Ну скажи, ну скажи, Борисъ, дорогой, скажи!

Борисъ. Оля, моя бѣдная, бѣдная Оля! (*Долгое молчаніе*).

Ольга. Господи, минута надежды, и стало такъ легко, такъ свободно, и все прошло, все забылось, цѣлые годы тоски и сомнѣній какъ будто бы и не существовали!.. Но почему же я не могу постоянно надѣяться, постоянно радоваться, почему ты меня не любишь, Борисъ?—Бѣдная, ты сказалъ, нѣтъ, это не то, скажи—самая жалкая, самая послѣдняя нищая... Но почему же это случилось такъ, кто меня обокралъ, кто отнялъ у меня мое право на счастье, на жизнь? Развѣ у меня нѣтъ этого права? Кто же отнялъ его у меня? Ты? Нѣтъ, не ты, ты честный, хорошей человѣкъ... Я,—не знаю, не думаю... Развѣ стремиться всею душою, это уже значитъ терять?.. Но кто же? Прости, Борисъ, у меня голова кружится, я не понимаю, что говорю... Ты не думай, ради Бога, о томъ, что я тебѣ сказала... Забудь все это... Тебя это не должно касаться, ты долженъ быть покоенъ, ты долженъ быть счастливъ, вѣдь, ты ни въ чемъ, ни въ чемъ не виноватъ... Представь себѣ, у меня, вѣдь, до сихъ поръ все-таки была какая то надежда!.. Ну полно, что дѣлать, не думай объ этомъ, милый, не думай, вѣдь, ничего поправить нельзя, смѣется жизнь надъ нами!.. Но скажи мнѣ одно, Борисъ, скажи мнѣ одно, мнѣ это такъ важно знать, скажи мнѣ, въ то время, въ тѣ минуты, ты меня любилъ, ты любилъ?

Борисъ. Я не знаю, Оля... (*Молчаніе*).

Ольга. Это очень хорошо, что ты такъ сказалъ... Это очень хорошо, что ты не сказалъ „да“, когда ты не былъ совершенно увѣренъ въ этомъ „да“! Какой ты правдивый, Борисъ, какъ ты любишь правду! Но, быть можетъ, было бы лучше, если бы ты сейчасъ солгалъ!.. Ахъ, эти воспоминанія! Вся моя жизнь была въ этихъ воспоминаніяхъ! Теперь мнѣ больше нечего вспоминать, теперь у меня нѣтъ даже воспоминаній! Ты ихъ раздавилъ сейчасъ своей правдой! Да, въ этомъ то все и горе, что ты не зналъ, а я уже тогда знала, что я тебя люблю... Но не думай, вѣдь, я тебя не обвиняю, развѣ ты виноватъ въ томъ, что ты меня не любишь, или развѣ я права, потому что я тебя люблю... Вѣдь, нельзя себя заставить ни любить, ни разлюбить, и мнѣ кажется, что теперь, когда я вижу тебя въ послѣдній разъ.

когда я прощаюсь съ тобой, быть можетъ, надолго, быть можетъ, навсегда, мнѣ кажется, теперь я люблю тебя еще сильнѣе!.. Ну прощай, подыми голову, посмотри мнѣ въ глаза, скажи мнѣ, что иногда, совсѣмъ рѣдко, ты будешь вспоминать обо мнѣ, думать обо мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ я это говорю, не надо, ничего не надо, все, все забудь!.. Прощай, Борисъ, прощай, будь счастливъ, живи, прощай!.. Борисъ, прощай. (*Быстро выходитъ, Борисъ сидитъ, закрывъ лицо руками, потомъ встаетъ и медленно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Марія Петровна входитъ, потомъ Степанъ.

Марія Петровна. Да это что же такое! Да это невозможно! Да вы просто въ Бога не вѣруете! Степанъ, Степанъ, я тебѣ что говорила! Ящички ты такъ и не связалъ! Сейчасъ ѣхать, а ящички до сихъ поръ не связаны! Баринъ Алексѣй Павловичъ вернулся?

Степанъ. Никакъ нѣтъ.

Марія Петровна. Нѣтъ! Ну такъ и знала, что нѣтъ!.. И надо все до послѣдней минуты оставить! Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ, на вотъ тебѣ зонтики, увяжи ихъ, ради Бога! А Борисъ гдѣ?

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Павелъ Ивановичъ.

Павелъ Ивановичъ. Да не кричи ты такъ, матушка, смотри, даже въ потъ ударило!

Марія Петровна. Ахъ, до того ли тутъ! Наконецъ-то ты, слава Богу!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Алексѣй.

Марія Петровна. А Оля гдѣ?

Алексѣй. Я ее встрѣтилъ на лѣстницѣ, сказала, что сейчасъ вернется.

Марія Петровна. Вернется? Ну хорошо. Кажется, все готово!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Эбергардтъ.

Марія Петровна. Ждемъ васъ лѣтомъ къ себѣ въ деревню. Милости просимъ погулять у насъ. Тамъ у насъ хорошо. Алеша, аваль ли ты товарища своего?

Алексѣй. Да, я то аваль!

Марія Петровна. Непремѣнно, непремѣнно прїѣзжайте! У васъ, я слышала, родныхъ нѣтъ никого, ни отца, ни матери, такъ вотъ считайте насъ своей семьей!

Эбергардтъ (*цѣлуетъ ея руку*). Благодарю васъ, вы очемъ добры.

Марія Петровна. Такъ помните, что мы васъ ждемъ! Пожалуйста! Алеша, а Борисъ дома? Борисъ, Борисъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Борисъ.

Марія Петровна. Все ли у тебя готово, Борисъ?

Борисъ (*крайне разстроенный*). У кого? У меня? Да, да, все готово.

Марія Петровна. Ну такъ собирайся, сейчасъ ѣдемъ.

Павель Ивановичъ (*кричитъ изъ-за двери*). Марія Петровна, выйди-ка сюда, какія вещи выносить?

Марія Петровна. Сейчасъ, сейчасъ, сію минуту!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же безъ Павла Ивановича и Маріи Петровны.

Эбергардтъ. Я хотѣлъ тебя спросить, Алеша, не могу ли я прислать къ тебѣ мои книги и нѣкоторыя вещи... Жаль, если онѣ такъ пропадутъ...

Алексѣй. Конечно, конечно, но только къ чему, вѣдь, ты вернешься!

Эбергардтъ. Не знаю, право, когда я вернусь и куда... Посмотри, я тамъ кое-что сложилъ... Можетъ быть, тебѣ что-нибудь и пригодится!

Алексѣй. Такъ что же, отлично, пойдемъ... если ты хочешь! (*Уходятъ. Борисъ одинъ. Алеша возвращается*).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Борисъ и Алексѣй.

Алексѣй. Знаешь, Борисъ, я тоже начинаю радоваться, что уѣзжаю отсюда! Не понимаю почему, а чувствую, что

просто растеть во мнѣ какая-то радость, и самъ не знаю, отчего... Ахъ, Борисъ, хочется жить, жить, жить! Развернуться хочется во всю силу, хочется дѣла, захватывающаго, живого дѣла! Я точно снова родился на свѣтъ!

Борисъ (*очень разстроенный*). Я радъ, что ты ѣдешь... Ты мнѣ будешь нуженъ, Алеша, ты мнѣ будешь очень нуженъ... Лично для меня нуженъ... Быть можетъ, тебѣ придется меня поддерживать!

Алексѣй. Ну я этого не думаю!

Борисъ. Да я этого тоже не думалъ, я этого тоже не думалъ... Но, вѣдь, могутъ быть такія вещи, Алеша, которыя вдругъ, сразу, неожиданно столкнутъ тебя съ дороги, съ обычныхъ твоихъ мыслей, чувствъ, настроеній... Я боюсь, чтобы со мной не случилось этого!..

Алексѣй (*смѣется*). Борисъ, что съ тобой? Вотъ это мнѣ нравится! И ты, кажется, въ философію ударился, отъ насъ заразился. Вотъ что значить пожить среди насъ! Нѣтъ, братъ, ѣдемъ, ѣдемъ, а то, чего добраго, мнѣ еще придется тебя уговаривать ѣхать!..

Борисъ. Да, да, ѣдемъ, ѣдемъ... (*Алексѣй подходитъ къ нему и обнимаетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Марія Петровна и Павелъ Ивановичъ входятъ.

Марія Петровна. Ну, господа, все собрали, все готово... Степанъ, извозчики готовы?

Степанъ (*изъ-за двери*). Готовы-сь.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Эбергардтъ.

Марія Петровна (*къ Алексію*). Шляпу мнѣ подай! Одѣвайтесь, господа! Павелъ Ивановичъ, сумка дорожная у тебя?

Павелъ Ивановичъ. У меня, у меня...

Марія Петровна. Ну, господа, по христіанскому обычаю, присѣсть надо... (*Всѣ садятся.—Марія Петровна встаетъ и молится*). Ну, дай-то Богъ, дай-то Богъ доѣхать благополучно... (*Расходятся, всѣ одѣваются, выносятъ вещи, шумъ, суматоха*).

Павелъ Ивановичъ (*къ Эбергардту*). Позвольте вамъ

пожелать всего лучшаго! Надѣюсь васъ видѣть у себя, въ деревнѣ!..

Марія Петровна. Да, да, непременно ждемъ васъ до свиданія!

(Всѣ прощаются съ Эбергардомъ).

Алексѣй. Прощай, Евгений, пиши, помни, что я тебя жду... Помни, что у тебя есть другъ, Евгений! Всего лучшаго!

Эбергардтъ. Всего лучшаго.

Борисъ. До свиданія, надѣюсь, до скорого свиданія!

Эбергардтъ. Благодарю васъ. *(Алексѣй подходитъ къ Эбергардту, обнимаетъ и цѣлуетъ его).*

Марія Петровна. Ну, съ Богомъ! *(Крестится, уходитъ. За ней уходятъ всѣ другіе. За сценой слышны крики, шумъ, суматоха. Эбергардтъ подходитъ къ камину, садится, остается въ глубокой задумчивости. Входитъ Ольга, останавливается у порога и тихо плачетъ, прислонившись къ косяку двери).*

Занавѣсъ.

3. Ковалько.

На вечерней зарѣ.

Догоравшее небо пылало.
Съ камышами шепталась трава.
И волна на песокъ мнѣ шептала
Воскресавшія въ сердцѣ слова...
И горячія краски заката
Отражались въ живомъ серебрѣ...
Все какъ было когда-то, когда-то—
На далекой вечерней зарѣ...
Только тихая рѣчь не звучала...
Только сердце, сжимаясь въ тоскѣ,
Дорогія слова повторяла,
Что писала волна на песокъ...

Г. Галина.

УРОКИ ЖИЗНИ.

РОМАМЪ ГЮСТАВА ЖЕФФРУА.

(Продолженіе).

III.

Трагедіи и комедіи предмѣстья.

Весною 1873 года Помье перемѣнили квартиру и даже кварталъ и перешли изъ Менильмонта на въ Белльвиль. Разстояніе было небольшое: нужно было всего только пересѣчь Chaussée Ménilmontant и пройти улицу Жюльенъ-Лакруа. Тамъ, почти на самомъ углу улицы Белльвиль, они наняли маленькую квартиру на верхнемъ этажѣ самаго высокаго дома, съ котораго открывался видъ на весь холмъ предмѣстья и все, то ясное, то утопающее въ туманѣ, обширное пространство Парижа.

Белльвильскій кварталъ отличается своеобразной красотой. Въ глазахъ наблюдателя, хорошо изучившаго жизнь толпы, нѣкоторыя улицы и переулки этого особаго города, раскинувшася надъ Парижемъ, уже запечатлѣны глубокимъ историческимъ смысломъ. На каждомъ шагѣ вы видите цѣлый міръ дѣйствія и чувствъ. Дома, прохожіе — все говоритъ о настоящемъ и надвигающемся будущемъ. Печать человѣческой исторіи лежитъ на этихъ поднимающихся улицахъ, на широкихъ бульварахъ, на скучившихся домахъ. Нищета протестуетъ или покорно подчиняется, и приводитъ къ бѣшенству или преступленію. Повседневный трудъ поддерживаетъ населеніе въ силѣ и надеждахъ. Внезапное веселье наполняетъ улицу, отгѣсня на задній планъ грубыя инстинкты. И все это проникнуто въ одно и то же время и мягкостью, и возмущеніемъ, и проницей, и ужасомъ, и величіемъ. И это глубокое и захватывающее зрѣлище то какъ бы успокаиваетъ наблю-

дателя, то воодушевляетъ его, до того мѣняясь въ своемъ раз-
нообразіи, что постоянно вызываетъ все новыя и новыя ощу-
щенія.

Въ сущности, Белльвиль начинается еще съ канала и
окаймляется широкимъ предмѣстьемъ Тампля, который въ то
время охранялся еще Куртильской казармой.

Дальше идетъ верхняя часть этого предмѣстья, линія внѣш-
нихъ бульваровъ и передняя часть улицы Белльвиль. Въ те-
ченіе дня кварталъ оживленъ и шуменъ, кишитъ рабочими и
торговцами. Трудно пробивать себѣ дорогу межъ бѣгущими
фіакрами и омнибусами, межъ грузно двигающимися повоз-
ками, ломовыми и ручными дрогами. Иногда мостовая не вы-
держиваетъ давящей на нее тяжести, и цѣлые ряды камней
проваливаются въ прорытые подъ улицами каналы. На тро-
туарахъ такая же тѣснота и давка. Между лавками и повоз-
ками съ овощами ходить, стоять, болтаетъ и закупаетъ не-
престанно смѣняющаяся толпа. Улица постояннымъ движеніемъ
и шумомъ походить скорѣе на рынокъ. Торопливо бѣгущіе въ
разныхъ направленіяхъ люди говорятъ о срочномъ трудѣ, о
скромныхъ работахъ, о покорно принимаемыхъ обязанностяхъ
и тяготахъ существованія.

По вечерамъ, послѣ того, какъ со всѣхъ сторонъ стекаются
изъ города приказчики и рабочіе и на всѣхъ башняхъ про-
било уже девять часовъ, Белльвиль почти до полуночи имѣетъ
тихий и спокойный видъ большой провинціальной улицы. Лѣ-
томъ у воротъ домовъ собираются кучками и долго бесѣдуютъ.
Зимою играютъ въ карты, попыхивая трубками, въ нѣсколь-
кихъ кабакахъ, освѣщенные окна которыхъ одни свидѣтель-
ствуютъ о томъ, что не всѣ еще спятъ въ кварталѣ. Но вскорѣ
и въ трактирахъ закрываются двери и ставни, всѣ возвращаются
домой и спать тяжелымъ сномъ до зари, когда продавцы го-
рячаго супа и кофе устраиваютъ свои импровизированные
буфеты въ подворотняхъ домовъ и на краю тротуаровъ.

Привлекательность парижскихъ предмѣстій состоитъ въ томъ,
что каждый изъ этихъ кварталовъ, почти каждая изъ улицъ
имѣетъ свой особый отпечатокъ. Длинная Белльвильская улица
не похожа ни на Монружъ, ни на Монмартръ, ни на Сентъ-
Антуанское предмѣстье, ни на столь близкій Менильмонтанъ.
Первые дома этой улицы, съ ихъ трактирами, въ которыхъ
наибольшую часть помѣщенія занимаютъ огромныя стойки, съ
ихъ концертами, балами и гостиницами, на которыхъ свер-
каютъ вывѣски изъ зажженныхъ газовыхъ рожковъ, — эти пер-
вые дома свидѣтельствуютъ не о тяжеломъ трудѣ населенія

квартала, а скорѣе о ночныхъ походахъ разврата и кулачныхъ расправахъ.

Но это первое впечатлѣніе скоро вытѣсняется другими. По мѣрѣ того, какъ вы поднимаетесь вверхъ, улица расширяется и затихаетъ. Ярко освѣщенные витрины уступаютъ мѣсто скромнымъ выставкамъ небольшихъ провинціальныхъ лавочекъ. Ряды торговыхъ предприятий, размѣстившихся въ нижнихъ этажахъ, обширное рабочее населеніе съ постояннымъ заработкомъ, скучившееся въ высокихъ домахъ, занимаютъ окружающія крутой холмъ улицы. Мизерныя ренты безшумно проживаются въ хрупкихъ павильонахъ, украшенныхъ скудной растительностью.

Помѣе, переселившись въ Белльвилль, узнали, такимъ образомъ, и кипучую жизнь начала улицы, и спокойствіе тихой жизни наверху, и постоянный отливъ и приливъ міра труда, и драмы гнѣва, пьянства и преступленія, разыгрывающіяся внизу, на вѣшнемъ бульварѣ и въ верхней части предмѣстья Тампля. Въ опредѣленные часы вечеромъ и поздно ночью овладѣваютъ улицей публичныя женщины и сутенеры. Развратъ безстыдно выступаетъ передъ всѣми, и въ темныхъ углахъ сутенеры устраиваютъ свои засады. По субботамъ рабочіе, засиживающіеся за бутылкою вина, входятъ въ соприкосновеніе съ негодями и лѣнтяями, которыхъ они презираютъ, то за стойкою трактира, то на тротуарѣ. То и дѣло возникаютъ споры, драки, и на наивныхъ работниковъ сыплются удары и въ-за угла.

Однажды старикъ Помѣе вернулся домой, сильно помятый въ одномъ изъ такихъ столкновеній. Онъ настолько путался въ объясненіяхъ по этому поводу, что такъ и не удалось добиться отъ него, дрался-ли онъ за собственный счетъ или хотѣлъ вступить за кого-нибудь. Въ слѣдующія субботы жена уже приходила за нимъ, когда онъ кончалъ работу, и провожала его домой. Но потомъ, замѣтивъ, что старому рабочему стыдно предъ товарищами за этотъ надворъ, мать стала посылать Селину и Сесиль, которыя выходили папѣ навстрѣчу, мило держась за руки. Старикъ понялъ деликатность и былъ благодаренъ за нее женѣ.

— Это для того, чтобы погулять немного съ дѣтками, — объяснилъ онъ товарищамъ.

И онъ уходилъ, въ самомъ дѣлѣ довольный тѣмъ, что можетъ показываться съ обѣими дѣвочками, всегда такими веселыми и мило одѣтыми. А потомъ мать постаралась придумать и особую программу для субботнихъ вечеровъ. Сердце ея не очень лежало къ веселью, но бѣдная женщина понимала, что тяжелый

трудъ и заботы нуждаются въ отдыхѣ и удовольствіи. Квартира Помье была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Белльвильскаго театра, и мать предложила, чтобы по опаснымъ субботамъ вся семья отправляясь въ театръ. Для этого нужно было раньше возвращаться домой, чтобы успѣть пообѣдать и немного приодѣться, и если это сопряжено было съ нѣкоторыми расходами, то, по ея расчетамъ, это все-таки выходило дешевле.

Театръ отстоитъ далеко отъ сверкающей линіи бульваровъ и находится на самой крутизнѣ холма. Залъ весьма характеренъ, и публика, наполняющая его, чувствуетъ себя, какъ дома. Составъ этой публики мѣняется въ различные дни недѣли. Рабочіе и торговцы, цѣлыми семьями, по окончаніи трудового дня, проявляютъ тихую радость и буржуазное спокойствіе. Въ другіе вечера на темно-красномъ фонѣ стѣнъ вырисовываются свирѣпыя силуэты, и къ бархатнымъ спинкамъ скамей прислоняются какія-то безпокойныя спины. И каждый вечеръ одинаково шныряютъ, напѣвая пѣсенки, по лѣстницамъ и коридорамъ молодыя дѣвушки безъ шляпокъ.

Иногда между различными классами этого провинціального общества возникаютъ различныя столкновенія, и происходитъ обмѣнъ грубостями и оскорбленіями. Шумъ верхнихъ галлерей раздражаетъ мирныхъ зрителей партера и ложъ. Слишкомъ крикливые туалеты вызываютъ насмѣшки амфитеатра, и тогда оттуда летятъ грубые оклики и даже предметы. Потомъ наступаетъ тишина, снова прерываемая всеобщими восклицаніями, смѣхомъ и шутками по адресу увлекающихся артистовъ и чувствительныхъ зрителей, потрясенныхъ недоговоренной фразой или жестами какой-нибудь *jeune-première*. Грубыя и циничныя шутки обнаруживаютъ вліяніе кафе-шантановъ.

Драматическія сцены раздѣляютъ многочисленную публику, переполняющую залъ. Когда на сценѣ ведется какой-нибудь страстный діалогъ, лица зрителей напрягаются и вытягиваются, прерывается дыханіе, руки сжимаются въ кулаки, женщины вынимаютъ свои платки, но вдругъ какое-нибудь глупое словечко разсѣиваетъ это настроеніе, и напряженное вниманіе отвлекается перебранками и протестами. Иногда какое-нибудь неожиданное замѣчаніе вызываетъ какое-то всеобщее оцѣпенѣніе.

Но гдѣ проявляется полное единодушіе публики, ея общее настроеніе, ея дѣйствительный характеръ, ея желаніе веселья, — это въ смѣхѣ; она смѣется всему и обо всемъ, съ самаго начала до конца представленія, по всякому подходящему и совсѣмъ не подходящему поводу. Сцены, въ которыхъ нѣтъ ни-

чего смѣшного, которыя должны были бы внушать горькую иронию или ужасъ, вызываютъ веселыя замѣчанія и даже взрывы хохота. И такъ каждый вечеръ, все равно, ставятъ-ли «Монте-Кристо» или «Три лавочника», «Звонарь собора св. Павла» или «Романъ бѣднаго молодого человѣка», драму-ли, водевиль или комедию.

Зрители обнаруживаютъ въ этомъ поведеніи свое, въ сущности, мягкое и добродушное, отношеніе къ порядку вещей, — они и не подозреваютъ, что вопросы страсти могутъ стоять предъ людьми, скованными общественными условностями и физиологическими недугами. Всѣ они ищутъ въ театрѣ не столько эмоцій, сколько веселья. Веселье имъ нужно прежде всего — и одинаково во всѣхъ пьесахъ. Больше всего ожидается и вызываетъ восторгъ комическая роль мелодрамы, и при выходѣ, главнымъ образомъ, говорятъ о водевилѣ, въ особенности женщины; даже если ихъ удовольствіе было чѣмъ-нибудь испорчено, онѣ, уходя, все-таки говорятъ, что довольны, потому что онѣ все-же вдоволь насмѣялись. И, конечно, онѣ только для этого и пришли, для веселаго смѣха, котораго онѣ тщетно ищутъ въ дѣйствительной жизни и который можно найти только въ обстановкѣ освѣщенныхъ газомъ театральныхъ декораций, въ жестяхъ и гримасахъ актеровъ.

Что порождаетъ эту потребность смѣха, почему она испытывается и какъ стараются ее удовлетворить, — это ясно видно на лицахъ этихъ мирныхъ людей, этихъ несчастныхъ, которые на театральной эстрадѣ ищутъ иллюзіи и бодрости.

Старикъ Помье ходилъ на эти представленія съ такой-же наивной радостью, какъ и его дочери. Онъ дѣйствительно забывалъ свою собственную жизнь и проникался жизнью дѣйствующихъ лицъ, интересовался судьбою преслѣдуемой невинности, надѣялся, что преступленіе будетъ наказано, восхищался героемъ пьесы и ненавидѣлъ измѣнника. Онъ снова становился самимъ собою только во время антрактовъ, и его обычная добродушная насмѣшливость легко побѣждала только что испытанные увлеченіе и интересъ. Для матери наиболѣе мрачныя драмы были ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя она сама пережила, но иногда слишкомъ большое сходство между перипетіями сцены и пережитыми ею событіями причиняло ей боль, и ей хотѣлось поскорѣ очутиться на улицѣ. Однако, она, сдержанная, какъ всегда, ничѣмъ своего настроенія не обнаруживала; она вообще никогда не обнаруживала слишкомъ тѣхъ чувствъ, которыя съ такой силой волновали ее внутри, — ни горе, ни радость. Какъ она почти всегда умѣла сдерживать слезы, такъ она рѣдко отдавалась веселому смѣху. Ея

веселье или, вѣрнѣе, тотъ родъ веселья, который она могла испытывать, выражалось лишь въ улыбкѣ, сквозившей въ глазахъ и на устахъ. Это была женщина нервная, но и нервозность ея была концентрированная, и она умѣла скрывать внутри себя, даже цѣною физическихъ страданій, цѣною мукъ, тѣ жгучія ощущенія, которыя она испытывала. Нѣсколько разъ она возвращалась изъ театра прямо больной отъ пережитыхъ страданій, но старалась, чтобъ никто этого не замѣтилъ, не желая помрачить веселье семьи. Но, въ сущности, она, какъ и всѣ женщины, предпочитала водевилъ мелодрамѣ, хотя такъ же не любила фарсъ, какъ и насиліе.

Салина, наоборотъ, забавляло все, что происходило какъ на сценѣ, такъ и въ залѣ. Ея натурѣ, постоянно подчинявшейся вліянію окружающаго, нравилось то, что она въ театрѣ, среди шума и яркаго свѣта, что ее толкаютъ сосѣди, и она стиснута людьми, что она вдыхаетъ запахъ толпы, тяжелую атмосферу, пропитанную запахомъ апельсиновъ, что она слышитъ гулъ разговоровъ, что ея взглядъ встрѣчаетъ столько другихъ взглядовъ,—и ужъ, конечно, не она опустила бы глаза даже передъ тѣмъ, кто сталъ бы самымъ безстыднымъ образомъ оглядывать ее. Среди толпы она была въ своей сферѣ, и никогда она не размышляла о томъ, что играли на сценѣ, думая лишь о самой себѣ или, вѣрнѣе, не думая даже и о самой себѣ, потому что и это могло бы вызвать ее на размышленія, а просто оставаясь самой собой, какой она была, безъ сознанія, безъ стѣсненія, безъ тѣни деликатности.

Сесиль же знакомилась постепенно съ окружающимъ, даже помимо своей воли. Все ее интересовало, волновало, служило для нея урокомъ, вызывало въ ней размышленія, на которыя она, по своему возрасту, была способна. Ко всему она жадно присматривалась, все внимательно слушала и, подобно своему отцу, проникалась той жизнью, изображеніе которой проходило въ теченіе вечера на сценѣ, съ тою лишь разницею, что она гораздо меньше его увлекалась тѣмъ, что наблюдала, и въ нѣкоторомъ родѣ анализировала и критиковала разыгрывавшееся на ея глазахъ дѣйствіе. Каждый разъ она какъ бы совершала путешествіе въ невѣдомую ей страну и возвращалась оттуда съ нѣкоторыми новыми пріобрѣтеніями. Она не предпочитала, подобно своей матери, одни жанры пьесъ другимъ. Если бы ей все-же нужно было выразить свое предпочтеніе, то оно, быть можетъ, было бы въ пользу изящной комедіи. Въ ней была какая-то сдержанность и размѣренность, которыя вполне соответствовали разнымъ нюансамъ и которыя не допускали тривіальности и вульгарности. Но она не была еще въ состояніи

улавливать чистые звуки истины въ преувеличенности чувствъ и грубой пышности фразъ. Драмы интересовали ее, такимъ образомъ, столько же, сколько и другія пьесы, и порою волновали ее до такой степени, что блѣднѣло лицо и захватывало духъ. Она отыскивала тогда руку матери, чтобы чувствовать возлѣ себя опору и быть въ состояннн вынести ужасъ катастрофъ, смѣнявшихъ другъ друга на сценѣ.

И ко всему остальному она относилась не такъ, какъ Селина. Ей было не по себѣ, когда толпа толкала ее въ коридорахъ и на галлерей поднимался шумъ. Изрѣдка лишь поднимала она глаза къ верхней галлерей, и когда тамъ возникали громкіе споры, зачастую переходившіе въ дикія баталіи, она всегда боялась, что вотъ-вотъ оттуда что-нибудь или кто-нибудь свалится. Рядомъ съ этими дикими побоищами ужасы мелодрамы уже не казались ей столь невѣроятными, и самыя гнусныя измѣнники, сидѣвшіе въ засадѣ за декораціями, не казались ей столь жестокими и опасными, какъ нѣкоторыя личности, прикосновеніе которыхъ пугало ее, которые пропитаны были одуряющимъ запахомъ вина и абсента, бѣшенствомъ алкоголя и преступленія. Она чувствовала себя въ безопасности только тогда, когда сидѣла между матерью и Селиной, вблизи отца, и занавѣсъ поднимался надъ сценой при внимательной тишинѣ залы, въ которой раздавались лишь рѣзкіе звуки оркестра, сулившіе потрясающія сцены предстоявшаго дѣйствія.

Театръ имѣлъ, несомнѣнно, глубокое вліяніе на развитіе маленькой Сесиль. Онъ открылъ передъ ней міръ дѣятельности, страсти и борьбы интересовъ, котораго она не знала и даже еще не могла знать, онъ заставилъ ее проводить сравненія между зрѣлищемъ, освѣщеннымъ рампою, и зрѣлищемъ дѣйствительной жизни, онъ развилъ въ ней работу ума, которая часто проявлялась въ увѣренныхъ и справедливыхъ замѣчаніяхъ. Она часто высказывала такія сужденія объ окружающемъ, которыя поражали родныхъ.

— Она наблюдательна и многое понимаетъ уже, — говорила мать.

— Да, она потѣшна! — заявлялъ отецъ.

И именно благодаря этимъ чертамъ своего сдержаннаго и благоразумнаго характера, еще болѣе опредѣлившагося подъ вліяніемъ театра, Сесиль избѣгла мученій религіозной экзальтаціи и мистическаго кризиса, которые такъ часто волнуютъ и разстраиваютъ двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ. Она спокойно совершила свое первое причастіе.

Въ тотъ день всѣ были съ ранняго утра на ногахъ въ квартирѣ Помье. Поблекшее платье, спитое еще для перваго

причастія Селины и старательно сохраненное, было теперь передѣлано для Сесиль. Ей пришлось купить только новые башмачки. Никому въ домѣ не удалось въ ту ночь, какъ слѣдуетъ, поспать. Мать думала о томъ, что еще предстояло сдѣлать, желая, чтобы все сошло хорошо. Селина радовалась, что надѣнетъ новое платье, а Сесиль была въ ожиданіи предстоявшаго праздничнаго дня.

Когда она облачилась въ длинный бѣлый вуаль, ей въ первую минуту казалось, что это молочное облако отдѣляетъ небо отъ земли, и она чувствовала себя сильно измѣнившейся, избранницей райа, какъ бы маленькимъ ангеломъ, спустившимся съ другого міра, — такъ отдѣлена была она отъ окружающаго окутывавшимъ ее съ ногъ до головы вуалемъ...

Осмотрѣвъ другъ на другъ туалеты, всѣ трое вышли. Отецъ отказался присутствовать на церемоніи. Когда онѣ пришли въ церковь, Сесиль оставила мать и сестру и заняла мѣсто въ глубинѣ, среди своихъ бѣлыхъ, какъ голубки, товарокъ.

Послышались гулкие улары палокъ и появились священники и дьяконы. Великолѣпныя священническія одѣянія, богатство разукрашеннаго алтаря, множество зажженныхъ свѣчей, радостные звуки органа, — вся эта религіозная поэзія дѣйствовала на нервы публики. Думы юныхъ дѣвъ направились къ алтарю. Онѣ горѣли желаніемъ познать таинство своего единенія съ Богомъ. Въ теченіе цѣлаго года ихъ готовили стать «достойными женами» Иисуса; ихъ головы славили божественнаго жениха; ихъ учили, особенно въ послѣдніе дни, тому, что все прахъ и обманъ на землѣ внѣ любви къ милостивому Господу: Онъ одинъ можетъ дать полное удовлетвореніе потребностямъ души и запросамъ ума.

Долго ожидавшаяся минута наступила. Маленькія невѣсты, одна за другою, направлялись къ свадебному пиру. Тихо двигались онѣ, съ полузакрытыми глазами, похожія скорѣе на идущихъ къ покою могилы юныхъ мертвецовъ, чѣмъ на празднующихъ великій праздникъ жизни. Онѣ встали на колѣни рядомъ и взяли свою долю божественныхъ яствъ. Нѣкоторые были близки къ обмороку.

Затѣмъ всѣ вернулись на свои мѣста такъ-же медленно, какъ онѣ подходили къ священному столу. Всѣ застыли, задерживая дыханіе. И эти двѣсти избранницъ Божества подняли головы лишь тогда, когда запѣли «Ite missa est».

Теперь, въ дѣйствительной жизни, другіе виды любви овладѣюгъ ихъ сердцами, но сейчасъ онѣ открыто обнаружили свою первую любовь передъ разодѣтой по праздничному толпой, служившей имъ свидѣтелями.

Сесиль, отбросивъ назадъ вуаль, вдохнула съ облегченіемъ, какъ только перешагнула черезъ порогъ церкви и очутилась на свѣжемъ воздухѣ, внѣ атмосферы ладона и религіозной музыки. И увлеченіе, которое она испытала, не имѣя глубокой вѣры, разсѣялось.

Теперь она снова смотрѣла на окружающее ясными глазами. И первое, что она увидѣла, были нищія въ лохмотьяхъ, сидѣвшія на паперти и на ступенькахъ крыльца и протягивавшія руки съ мольбой о милостынѣ участницамъ мистическаго вѣнчанія. «А, вѣдь, это тоже жены Христа!» — промелькнуло въ головѣ дѣвочки.

Каждую минуту, на каждомъ шагѣ контрасты и уроки жизни будутъ вставать теперь предъ ея глазами.

Послѣ перваго причастія Сесиль была отдана въ ученіе къ той же портнихѣ въ улицѣ Жюльенъ-Лакруа, мадамъ Боссъ, у которой работала ея сестра. Она увидѣла новыхъ людей. Міръ ея наблюденій расширился. Ей не нужно было далеко ходить, чтобы узнать, что такое жизнь. Все приходило само собою — въ бесѣдахъ, въ разсказахъ, въ фактахъ дѣйствительности. Предмѣстье, въ гораздо большей степени, чѣмъ театръ, каждый день въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ разыгрывало передъ нею свои трагедіи и свои комедіи.

Занавѣсъ поднимается. Ей остается только смотрѣть, слушать и стараться понять.

Ряды преступленій.

По вечерамъ отецъ читаетъ газету, между тѣмъ какъ мать сидитъ за работой, а Селина стоитъ, прислонившись лицомъ къ окну, постоянно интересуясь тѣмъ, что происходитъ на темной улицѣ. Сесиль легла въ кровать. Всѣ думаютъ, что она спитъ. Глаза ея закрыты. Она слушаетъ и видитъ все.

Чтеніе отца проводитъ предъ ея закрытыми глазками, въ ея думавшей головкѣ, возмутительныя «происшествія дня», въ которыхъ кровь течетъ ручьями и слышны раздирающіе стоны умирающихъ. Выдаются дни, когда всѣ эти «происшествія» принадлежать къ одной и той-же категоріи. Въ улицѣ Жюльенъ-Лакруа молодой человекъ двадцати четырехъ лѣтъ получилъ нѣсколько ударовъ кинжаломъ въ сердце: любовное соперничество. Въ улицѣ Мучениковъ одна дѣвушка облила сѣрной кислотой своего любовника. Въ улицѣ Тифенъ, въ Гренелль, шестидесятилѣтній старикъ убилъ выстрѣломъ изъ револьвера жену, которая отказывалась продолжать совмѣстное сожителство. Въ улицѣ Папеннъ одна женщина убила другую изъ

ревности. Любовь свирѣпствуетъ во всѣхъ кварталахъ города, повсюду проявляясь съ бѣшеной жестокостью.

Есть и другія драмы, въ которыхъ нищета бьется въ неравной борьбѣ съ социальнымъ равнодушіемъ и жестокостью.

Сесиль узнаетъ, что бѣдняки не всегда имѣютъ опору и помощь, что одинокія старухи могутъ умереть подъ ударами молодыхъ разбойниковъ. Еще виже міра бѣдноты предъ нею мало-по-малу открывается другой міръ, еще ужаснѣе перваго, кровавый міръ преступленія, отвратительный и преступный адъ проституціи. Поневолѣ ей приходится встрѣчать хитрыя и жестокія фигуры сутенеровъ, слѣдящихъ за одѣтыми въ бѣлыя юбки дѣвками внѣшнихъ бульваровъ, и она дрожить отъ ужаса, слушая рассказы объ ихъ дикихъ похиженіяхъ.

Бродяжество.

— Вотъ послушайте, — говоритъ старикъ Помье, — что случилось съ Поллэ.

Поллэ былъ кучеръ, съ которымъ онъ познакомился во время прусской осады, въ своемъ батальонѣ; это былъ гигантъ, который часто, бывало, игралъ съ дѣвочками Помье и танцевалъ съ ними, держа ихъ на рукахъ.

Всѣ стали слушать чтеніе «происшествія». Въ одну ночь, когда лилъ проливной дождь, Поллэ, безъ работы, безъ крова, возмѣлъ мысль, которая естественно должна притти каждому человѣку, изнуренному тщетными поисками заработка и лишенному крова, найти хоть какое-нибудь убѣжище отъ вѣтра и дождя. Такое убѣжище онъ, наконецъ, открылъ подъ парусиннымъ чахломя, прикрывавшимъ кучу мѣшковъ съ известью у одного строящагося дома. Лилъ дождь. Поллэ подумалъ, что чахолъ, укрывающій мѣшки, можетъ точно также укрыть и человѣка, и онъ измѣнилъ назначеніе чахла, не подвергнувъ, однако, вліянію дождя и мѣшки: онъ вытянулся подъ чахломя, но на извести. И нужно сказать, что это не вызвало никакого смятенія въ кварталѣ Марсоваго поля, гдѣ приключеніе имѣло мѣсто. Буржуа, спокойно спавшіе въ своихъ великолѣпныхъ спальняхъ на авеню Бурдоннэ и на бульварѣ Латурь-Мобуръ, съ закрытыми воротами и ставнями, не проснулись въ ужасѣ отъ этого колебанія основъ общественнаго порядка. — и дождь продолжалъ лить.

Но вотъ на сцену являются охранительные законы общества въ лицѣ двухъ городскихъ, любопытствовавшихъ узнать, какой это нѣженка пріютился въ этомъ альковѣ. Кучеръ Поллэ спалъ глубокимъ сномъ. Подъ прикосновеніемъ начальства, онъ вскакиваетъ, вытягивается и кричить: «Да ну! Чего! Что такое?»

Что же ему было сказать? Даже самъ префектъ полиціи не держалъ бы другихъ рѣчей въ такомъ положеніи. Одному изъ городскихъ краснорѣчіе кучера, однако, не понравилось, ибо онъ отвѣтилъ на его вопросы ударомъ сабли по головѣ. Вотъ оно что, бравый Поллэ! Человѣкъ, которому послѣ сна подносятъ, вмѣсто кофе съ молокомъ, ударъ саблей, пытается, тѣмъ не менѣе, мягко убѣждать. «Никому я никакого зла не причиняю!»—заявляетъ онъ. Тутъ онъ начинаетъ чувствовать, что по головѣ и по лбу течетъ у него какая-то жидкость. Онъ подноситъ руку къ головѣ и говоритъ: «Вы видите, я весь промокъ,—я хотѣлъ только переждать, чтобы дождь прошелъ». При свѣтѣ газоваго рожка, авторы нападенія видятъ, что рука жертвы вся окрасилась кровью, и Поллэ, несмотря на свой миролюбивый характеръ, вынужденъ признать, что онъ раненъ. Тогда его ведутъ въ полицейскій участокъ; въ дѣйствительности-же, онъ ведетъ туда префектуру полиціи. И газета, которую читаетъ старикъ Помье, въ самомъ дѣлѣ, сообщаетъ, что городской смѣщенъ, но что Поллэ будутъ судить за бродяжество.

— Бѣдняга Поллэ!—воскликаетъ отецъ.

— Несчастный человѣкъ!—вздыхаетъ мать.

Селина не очень прислушивалась къ чтенію. Сесиль не пропустила ни одного слова. Это приключеніе и нѣкоторыя другія постепенно пріучили ее слѣдить за собою и быть благодарумной на улицахъ Парижа, такъ-же, какъ серна въ лѣсу наловчается уходить отъ преслѣдующихъ ее хищныхъ звѣрей. Она проворнѣе всякой другой дѣвушки исчезаетъ при видѣ подозрительныхъ лицъ и даже, со времени приключенія кучера, людей съ саблями—солдатъ и городскихъ. Она, правда, останавливается посмотрѣть, когда собирается толпа, потому что она любопытна, но она умѣетъ держаться на приличномъ разстояніи. Лицо ея сжимается отъ волненія, и она тащитъ за собою Селину, которой всегда хочется втиснуться въ самую толпу. И чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе старается она уйти, когда видитъ, что какая нибудь подозрительная группа вступаетъ въ перебранку, старается не отвѣчать и даже не оглядываться, когда прохожій пристаётъ къ ней съ вопросами, когда негодяй или пьяница бросаетъ ей въ догонку какое-нибудь оскорбленіе.

Она удивляется, что люди на улицѣ такъ слабо охраняются, а послѣ одного приключенія, случившагося съ одной изъ сосѣдокъ пятаго этажа, она начинаетъ сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно-ли правду говорятъ, что бѣднымъ людямъ оказываютъ помощь.

Общественное призрѣніе.

Эта сосѣдка пятаго этажа, оставшись вдовой, въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности, безъ всякихъ средствъ, идетъ въ Сентъ-Антуанскій госпиталь и проситъ, чтобы ей позволили тамъ разрѣшиться. Завязывается разговоръ между нею и какимъ-то служащимъ, который, быть можетъ, очень хорошій человекъ, прекрасный отецъ семейства внѣ госпиталя, но который тутъ, на своемъ посту, не больше какъ холодный, немолимый представитель администраціи. Жѣнщина говоритъ о своемъ положеніи, о своей безысходной нуждѣ. Она одинока и живетъ на Белльвильской улицѣ. Сосѣди—такіе-же бѣдные, какъ и она. Она чувствуетъ, что слабость увеличивается, что роды, вѣроятно, скоро наступать. Съ робостью и вмѣстѣ съ довѣріемъ проситъ она помощи и пріюта въ одномъ изъ этихъ огромныхъ и красивыхъ домовъ, которые, говорятъ, построены для бѣдныхъ.

Служащій отвѣчаетъ измученной и изстрадавшейся жѣнщинѣ банальными, разъ навсегда заученными фразами, въ которыхъ заключается вѣжливый отказъ. Онъ заявляетъ, что сейчасъ нѣтъ мѣста, что во всякомъ случаѣ, ей еще можно подождать, а пока пусть обратится въ какой-нибудь другой госпиталь.

И дверь захлопывается. Несчастная опять одна, среди мрака и тишины больничнаго двора. Уже горя въ лихорадкѣ, она припоминаетъ названіе другого госпиталя и, пошатываясь, медленно тащится къ другимъ дверямъ, которыя, можетъ быть, откроются предъ нею.

Госпиталь Ларибуазьеръ! Туда направляетъ она теперь шаги свои, еле таща за собою свою тяжесть. Какой безконечный путь совершаетъ она въ эту ночь! Всю линію внѣшнихъ бульваровъ, идущихъ вдоль Менильмонта, Белльвиля, Вилеттъ, Лашапельль—по пути, по обѣимъ сторонамъ котораго вытянулись хижины, подозрительныя гостиницы, мрачныя стѣны, чахлая деревья, газовые рожки, еле освѣщающіе грязныя клоаки, немощные тротуары. Наконецъ, она припша,—чистая постель приметъ маленькое существо, которое движется въ ея чревѣ, и она сама согрѣется и утолитъ мучающую ее жажду.

Она стучится въ дверь, успокоенная, счастливая.

Ей бросаютъ тотъ же отвѣтъ. Такой же ударъ снова выталкиваетъ ее на грязную, холодную улицу.

И она уходитъ, куда глаза глядятъ, по бульварамъ и переулкамъ. Всюду закрываютъ лавки и тушатъ фонари. Она

ничего уже не ищетъ, ничего больше не просить, ибо нѣтъ мѣста для нея въ большихъ домахъ, въ которыхъ есть столько врачей, хожатокъ, прислуги, которымъ общество поручило ухаживать за бѣдными людьми. И она идетъ до тѣхъ поръ, пока глаза ея перестаютъ видѣть, пока ноги отказываются дальше носить ея тяжелый животъ. Тогда она останавливается или, вѣрнѣе, сваливается у подворотни одного дома на Белль-вильскомъ бульварѣ, не зная, ни какъ она туда попала, нигдѣ она находится.

И тамъ она рождаетъ. Ребенокъ падаетъ на мостовую, и она не въ состояніи сдѣлать движеніе, чтобы схватить его, удержать, подобрать. Оба остаются въ крови, въ грязи.

На зарѣ городовые находятъ эту группу: ребенокъ мертвъ, мать въ агоніи. Ихъ отводятъ въ полицейскій участокъ. Мать въ нѣсколькихъ словахъ рассказываетъ, что съ нею было, какъ она пришла въ Сентъ-Антуанъ, потомъ въ Ларибуазьеръ, успѣваетъ дать свой адресъ и — умираетъ. Рожаящая женщина, не принятая въ двухъ госпиталяхъ во имя регламента, разрѣшается на улицѣ, среди ночи, и находитъ пріютъ, чтобы умереть, только въ участкѣ, куда сажаютъ воровъ и пропойцъ...

Обнаруженное существованіе.

Въ улицѣ Жюльенъ-Лакруа, совсѣмъ близко отъ дома Селины и Сесиль, совершенно было преступленіе, вызвавшее ужасъ и возбуждившее любопытство жителей квартала, нѣсколько удивленныхъ тѣмъ, что они такъ слабо защищены всей сѣтью законовъ, регламентовъ и всякихъ другихъ преградъ, которымъ они должны подчиняться на каждомъ шагѣ, при самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ жизни, и которые вдругъ исчезаютъ на нѣкоторое время, когда торжествуетъ разбой, какъ бы бросающій вызовъ уголовному кодексу, полиціи, судьямъ, тюрьмѣ, гильотинѣ, власти, всѣмъ общественнымъ силамъ.

На этотъ разъ бѣдная шестидесяти-семилѣтняя дѣва, бѣдная и деньгами, и умомъ, Жюли Ру, доставила новое доказательство, что волкъ все еще въ лѣсу, что онъ умѣетъ выбѣгать оттуда, рыскать въ городахъ и даже забираться въ дома. Когда Жюли Ру была найдена задушенной, то узнали только слѣдующее: что агентъ страхового общества, одинъ изъ жильцовъ этого дома, г. Бланше, слышалъ около девяти часовъ вечера какой-то крикъ, послѣ котораго до него донесся ударъ падающаго тѣла; что рыботорговецъ, г. Дюрие, возвращаясь въ свою квартиру часъ спустя, встрѣтилъ на лѣстницѣ двухъ молодыхъ людей, на видъ отъ двадцати пяти до тридцати лѣтъ, въ приличныхъ костюмахъ, въ мягкихъ шляпахъ, — и тѣ же

молодые люди наканунѣ преступленія, по словамъ другихъ жильцовъ, нѣсколько разъ проходили мимо дверей дома.

Пока агентъ сыскной полиціи производилъ слѣдствіе и изыскивали способы открыть преступниковъ, біографія исчезнувшей старухи вдругъ стала распространяться въ тысячахъ и миллионахъ экземпляровъ по всему обитаемому пространству земли. Сесиль, зная сосѣдку въ лицо и слышавшая мелькомъ исторію ея жизни, была сильно взволнована тѣмъ, что эта исторія теперь всюду печаталась.

Селинѣ, которая съ удивленіемъ смотрѣла на нее, она сказала, что, не будъ этого преступленія, никто бы никогда не заинтересовался мадемуазель Ру.

И въ самомъ дѣлѣ, кто обращаетъ вниманіе на чахлыя фігуры, на образъ жизни столькихъ людей, которые мелькаютъ на улицахъ, точно тѣни, и ведутъ свое скрытое для всѣхъ существованіе въ одной изъ тѣхъ многочисленныхъ конуръ, которымъ отводится мѣсто въ темныхъ углахъ высокихъ домовъ...

Жюли Ру была не совсѣмъ въ здоровомъ умѣ еще съ 1848-го года, когда она потеряла своего жениха. Ее немного лѣчили, но не вылѣчили, и съ тѣхъ поръ она заговаривалась. Ея отецъ былъ конюхомъ въ Тюлерійскомъ дворцѣ, во времена Луи-Филиппа, и она стала воображать себя кузиной королевы Амеліи, переняла ея прическу съ длинными локонами, и заявляла всѣмъ, что ее зовутъ мадамъ де-Сенъ-Жанъ. Все наслѣдство, полученное ею отъ отца, состоитъ въ стофранковой пенсіи отъ министерства земледѣлія; комнатка ея, стоящая полтора ста франковъ въ годъ, оплачивается одной благотворительницей, оказывающею ей помощь черезъ одну монахиню; она живетъ подаваніями сосѣдей, не въ состояніи даже вечеромъ освѣщать свою комнату—и въ то же время утверждаетъ, что она богата, даетъ цупать тѣмъ, кого встрѣчаетъ, куски мѣди, которыя она зашиваетъ въ своемъ поясѣ и выдаетъ ихъ за пятифранковыя монеты. Цѣлые года уже она не ложилась въ кровать и спала въ креслѣ. Въ двѣнадцать часовъ, каждый день, изъ ея комнаты раздавалось пѣніе.

Для многочисленныхъ обитателей этого большого дома—служащихъ, рабочихъ, болтливыхъ кумушекъ было достаточно и этого, чтобы дать пищу ихъ воображенію. Странную старуху всѣ хорошо знали, о ней говорили, на нее указывали пальцами, а мальчишки, смѣясь и дразня, бѣгали за нею. Къ тому же, старуха была болтлива и большую часть дня проводила на рынкѣ или на улицѣ, останавливая своими разговорами почти каждого прохожаго. Во всемъ кварталѣ она слыла сумасшедшей,

скупой и притомъ богатой, и нѣкоторые утверждали даже, что она носить кольчугу. Но, въ сущности говоря, ея никто не зналъ: ни встревоженные ея необычнымъ молчаніемъ въ полдень, ни увидѣвшіе ея мертвой въ замочную скважину и побѣжавшіе за комиссаромъ полиціи, ни вообще всѣ тѣ, что могли ее знать, но не знали просто потому, что считали ее совсѣмъ другой, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. И вотъ, два убійцы сорвали завѣсу, скрывавшую жизнь этой никому неизвѣстной старухи. Только тогда всплыли хоть нѣкоторыя свѣдѣнія объ ея дѣйствительной жизни, когда ее нашли задушенной, со связанными ногами, со скрученными на спинѣ руками и тряпкой во рту.

Трупъ старой дѣвы, найденный утромъ въ ея жалкой конурѣ и внезапно ставшій сюжетомъ наскоро набросанныхъ и безцеремонныхъ замѣтокъ газетныхъ репортеровъ—вотъ и все, что узнаеть толпа необъятнаго города объ этомъ незамѣтномъ существованіи, затоптанномъ на самое дно человѣческой жизни. Понадобились драма, убійство, «присшествіе», чтобы обнаружить такимъ, каково оно было, жалкое униженное существо, прозябавшее на одномъ и томъ-же мѣстѣ столько лѣтъ. Только такимъ путемъ эта, лишенная чувства солидарности, толпа познаеть порою самое себя, замѣчаетъ съ ужасомъ, какая масса горя скрыта въ ней, замѣчаетъ все то, что страдаетъ безъ жалобъ и умираетъ безъ стога. Смерть, одна только смерть вскрываетъ ужасающую тайну жизни.

Три франка въ недѣлю.

На слѣдующей недѣлѣ, въ томъ-же кварталѣ, но повыше, тамъ, гдѣ начинаются садики рядомъ съ Белльвильской церковью, была убита вдова Бизаръ, урожденная Жанна Петиклейнъ, при такихъ-же условіяхъ, что и старуха Ру. Эта новая жертва прожила тридцать лѣтъ въ одной и той же квартирѣ съ окнами во дворъ, во второмъ этажѣ одного дома на улицѣ Компансъ. Ей было уже 81 годъ, и она имѣла пожизненную ренту въ семьсотъ пятьдесятъ франковъ. Сосѣди считали ее очень скупой, и шла молва, что она скопила значительное состояніе.

Она не только откладывала сбереженія, но и успѣла собрать весьма интересную коллекцію въ своей спальнѣ. Очень набожная, она любила окружать себя всякими вещицами, которыя продаются у входа церквей, и въ ея импровизированномъ музее нашли себѣ мѣсто чуть ли не всѣ обычныя принадлежности католическаго культа: кресты, распятія изъ чернаго дерева, свѣчки, и т. д.

мѣднымъ Христомъ, гипсовыя и алебастровыя статуэтки Св. Иосифа и Богоматери, различныя рѣзныя изображенія, на которыхъ, за гирляндами цвѣтовъ, виднѣлись фигурки ангеловъ, четки изъ крупныхъ бусъ, парамники, медали, ладонки. Она жила спокойно и набожно въ своей комнатѣ, напоминавшей деревенскую часовню, и отлучалась только тогда, когда отправлялась въ церковь... Каждое утро она выходила къ обѣднѣ, и одна изъ послѣднихъ оставляла свое мѣсто. Вернувшись домой, она находила у себя почти такую же церковную обстановку, переставляла собранныя вещицы, обметала пыль съ комода и камина, заставленныхъ священными предметами, съ такимъ благоговѣніемъ, точно-бы она убирала алтарь. Такъ протекали ея дни, и ей, безъ сомнѣнія, хотѣлось еще продолжать такое существованіе.

Съ спокойнымъ характеромъ, съ тѣсно замкнутымъ кругозоромъ, вдова, повидимому, никому не могла мѣшать, лишь бы ей предоставили ея убогое жилище, ея мессу, ея музей съ распятіями и Святыми Дѣвами. Весь кварталъ подсмѣивался надъ ней, надъ ея застѣнчивыми манерами, но, благодаря ея возрасту, добродушно, сдержанно, а ея рента и сбереженія вызывали извѣстное уваженіе. И если кто-нибудь могъ быть увѣренъ въ мирной спокойной кончинѣ и естественной смерти, такъ именно это безобидное существо, занимавшее такъ мало мѣста и не беспокоившее никого на свѣтѣ. Но вышло не такъ. Старуха была задушена. Существованіе такое замкнутое, такое правильное внезапно окончилось катастрофой; набожная старушка, которую каждый привыкъ встрѣчать только по дорогѣ изъ ея комнаты въ церковь, сдѣлалась героиней громкаго дѣла. Всѣ спорили, искали виновника, но никто ничего не зналъ.

Никто не могъ указать ни одного врага вдовы Бизаръ. Ея карманные часы были найдены при ней, вся мебель оказалась нетронутой; только стѣнные часы исчезли. Растерялся-ли грабитель, или это былъ убійца - маниакъ? Въ самый день преступленія мужчина въ сюртукѣ и съ дорожной сумкой приходилъ къ убитой. Сосѣди видѣли его, какъ они всегда видятъ въ подобныхъ случаяхъ. Другіе утверждали, что видѣли двухъ молодыхъ людей въ мягкихъ шляпахъ, тѣхъ самыхъ, что задушили Ру. Несомнѣнно все же, что нашелся кто-то, чтобы убить восьмидесятилѣтнюю старуху, жившую на три франка въ недѣлю. Три франка въ недѣлю! Даже такой бюджетъ не можетъ предохранить отъ зависти, жестокости и преступленія такое незамѣтное созданіе, старуху, которой осталось жить всего лишь нѣсколько лѣтъ или даже только нѣсколько мѣсяцевъ.

Супруги Коттазь.

Не успѣли забыть объ этихъ преступленіяхъ, какъ всѣхъ взволновало двойное самоубійство. Когда жизнь становится ужъ совсѣмъ не вмоготу, несчастные сами покидаютъ ее. Выбившись изъ силъ въ борьбѣ за существованіе, бѣдняки зажигаютъ жаровню. Супруги Коттазь умерли по той простой причинѣ, что больше не могли жить.

Они служили привратниками у г. Бернарденна, оптоваго торговца винами и ликерами. Мужъ, шестидесятипятилѣтній старикъ, больной, калѣка, не вставалъ съ постели, и женѣ его, тоже шестидесятилѣтней старушкѣ, приходилось выносить всю работу на своихъ плечахъ. Она чистила дворъ, домъ, контору хозяина, замѣняла всюду своего увѣчнаго мужа, умудряясь всячески облегчать его положеніе. Зарабатывала она двадцать пять франковъ въ мѣсяцъ, что составляло триста франковъ въ годъ. За вычетомъ изъ этого бюджета расходовъ на одежду и отопленіе, оставалось такъ мало, что имъ часто приходилось голодать. Пять лѣтъ тянулось такое существованіе,—пять лѣтъ мученія для мужа, калѣки, который не могъ двигаться и страдалъ, видя, какъ его добрая жена убивается подъ непосильнымъ трудомъ,—нравственныя муки вдобавокъ къ физическимъ страданіямъ! Вѣчно изыскивая, чѣмъ увеличить свои ресурсы, Коттазь получила, наконецъ, неподалеку мѣсто поденщицы. Съ радостью ухватилась она за эту прибавочную работу. Пятнадцать лишнихъ франковъ въ мѣсяцъ для бѣдняковъ были неожиданной улыбкой судьбы. Хозяинъ, однако, распустилъ иначе. Онъ находилъ, что привратницѣ хватаетъ съ избыткомъ работы въ его домѣ и конторѣ и ужъ, конечно, считалъ вполне достаточнымъ положенное имъ жалованье. Онъ боялся, чтобы она не проявила небрежности и поспѣшности въ исполненіи тѣхъ важныхъ обязанностей, за которыя онъ вознаграждалъ ее двадцатью пятью франками въ мѣсяцъ. Казалось бы, онъ могъ сдѣлать самое простое,—прибавить Коттазь столь желанныя пятнадцать франковъ. Но онъ и не подумалъ объ этомъ слишкомъ простомъ рѣшеніи.

Уныніе еще сильнѣе прежняго овладѣло тогда старыми привратниками. Пятнадцать франковъ, на которые они рассчитывали, давали надежду спокойно прожить остатокъ дней и честно сводить концы съ концами,—предметъ мечтаній широкихъ массъ народа. Теперь все снова рухнуло, и не было уже никакой надежды опять обрѣсти подобное счастье! Въ шестьдесятъ лѣтъ врядъ-ли можно найти новую работу. Госпожа Коттазь указала мужу на жаровню, какъ на послѣдній выходъ, и

старикъ безъ колебаній согласился на это рѣшеніе, къ которому пришла даже его жена, всегда такая бодрая, но теперь не имѣвшая больше силъ на дальнѣйшую борьбу. Жаровня была зажжена, и когда служащіе г-на Бернардена, встревоженные тишиной въ комнатѣ привратника и запертой дверью, позвали комиссара полиціи и проникли къ Коттазъ, они нашли ихъ мертвыми: старуху въ креслѣ, старика на кровати.

На столѣ лежало письмо. Въ немъ было сказано: «Вчера мы получили двадцать пять франковъ жалованья и расплатились съ долгами. На деньги, вырученныя отъ продажи нашей мебели, можно будетъ заплатить за похороны». И далѣе: «Просимъ прощенія у г. комиссара полиціи за безпокойство, причиненное нашимъ самоубійствомъ, но жизнь для насъ сдѣлалась поистинѣ невозможной... Мы занимали очень мало мѣста на землѣ, положите же насъ въ одну яму, чтобы мы занимали не больше мѣста и подъ землею; умоляю васъ не выставлать наши тѣла взорамъ любопытныхъ».

Такъ проявилась въ послѣднемъ письмѣ бѣдной женщины ея скромность, деликатность, постоянная забота о томъ, что будутъ говорить люди. Даже послѣ смерти она оставалась робкой и извинялась, что своей особой занимаетъ столько людей. Она уплатила долги, она безпокоится объ издержкахъ на погребеніе, которыя можно покрыть продажей имущества, она проситъ прощенія у комиссара за то, что умираетъ отъ голода; казалось, она готова была смиренно оправдываться передъ хозяиномъ, который не позволилъ ей зарабатывать эти честные пятнадцать франковъ, передъ обществомъ, которое выбрасываетъ къ старости, какъ ненужную ветошь, тѣхъ, кто всю жизнь ему служилъ.

Прежде, чѣмъ зажечь угли, супруги Коттазъ надѣли свои лучшія платья, нацѣпили всѣ жалкіе остатки украшеній, которыя они приобрѣли за долгую жизнь упорнаго труда и бережливости. Наволочка на подушкѣ была снѣжной бѣлизны, и жена просила въ письмѣ, чтобы эту подушку положили въ гробъ подъ голову мужа. Эта гордая и покорная, слишкомъ покорная бѣднота, которая никогда не протестуетъ, принимаетъ все, какъ должное, и безъ одного слова упрека уходитъ на вѣчный покой.

Весь кварталъ провожалъ оба гроба, и на лицахъ тѣхъ, что шли за погребальными дрогами, выражалась та же покорность судьбѣ, что и на лицахъ тѣхъ, чьи безжизненные тѣла слѣдовали къ мѣсту вѣчнаго успокоенія. Бернарденъ не почтилъ своимъ присутствіемъ погребальной процессіи, но онъ прислалъ прекрасный вѣнокъ изъ иммортелей и фіалокъ, и всѣ воздавали должное его благородству и великодушію.

Сутенеры.

Жизнь мало-по-малу цѣликомъ раскрывается передъ Сесиль, хотя она еще слабо разбирается въ ней. Вся улица наполнена какими-то ужасными тайнами и поворомъ.

Вотъ, съ пяти часовъ вечера взадъ и впередъ прогуливаются несчастныя дѣвушки, двадцатилѣтнія, восемнадцатилѣтнія и даже моложе: бѣдное платье, взбитая прическа, яркая лента на шеѣ и въ волосахъ, болѣзненный блескъ глазъ, преждевременно увядшее тѣло. За ними или рядомъ съ ними появляются и ихъ любовники. Они стоятъ на углахъ тротуаровъ, въ темныхъ закоулкахъ, въ заднихъ комнатахъ мрачныхъ кабаковъ, въ коридорѣ грязнаго отеля, засунувъ руки въ карманы панталонъ, облегающихъ ихъ выпуклыя формы, съ шелковой фуражкой на напомаженной головѣ, съ завитками на вискахъ, папиросой въ зубахъ. Всѣ черты ихъ жирныхъ, испытанныхъ лицъ выражаютъ хищное и безпокойное ожиданіе; вытянувъ шею, слѣдятъ они за своей работой, пристающей къ прохожимъ. Время отъ времени они перебрасываются съ нею короткими замѣчаніями, даютъ ей совѣты, отбираютъ у нея деньги.

Съ наступленіемъ ночи, при свѣтѣ газовыхъ фонарей, тѣ же сцены разыгрываются съ большей грубостью и цинизмомъ. Сутенеры слѣдуютъ по пятамъ своихъ жертвъ, присутствуютъ при сговорѣ въ цѣнѣ, поджидаютъ ихъ у воротъ подозрительныхъ домовъ, отбираютъ у нихъ вырученныя деньги и осыпаютъ ихъ ударами, когда выручка оказывается недостаточной. Каждый вечеръ, въ опредѣленное время, эта свора голодныхъ собакъ выбѣгаетъ изъ своихъ кануръ на охоту.

На улицахъ Парижа часто возникаютъ побоища между сутенерами—и побоища не въ шутку, не изъ удалства, не для развлечения прохожихъ и не на потѣху праздныхъ зѣвакъ. Такъ, Никезъ и Грелю сдѣлались на бульварѣ Менильмонтанъ. Сперва они съ ожесточеніемъ осыпали другъ друга ударами, наконецъ, Грелю, въ пылу боя, ловкимъ ударомъ вонзилъ ножъ въ грудь противника. Никезъ упалъ, убійца успѣлъ скрыться. Раненаго перенесли въ аптеку; черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался.

Другая драма произошла на Нѣмецкой улицѣ. Во время ночного обхода городовые нашли посреди улицы трупъ какого-то человѣка, одѣтаго въ полотняные штаны, фуфайку съ люстриновыми рукавами и шелковую фуражку—специфическую принадлежность сутенеровъ. На шеѣ зияла очень широкая и глубокая рана, тѣло плавало въ лужѣ крови. Удалось уста-

новить личность убитаго. Это былъ еще молодой человекъ двадцати шести лѣтъ, жившій на улицѣ Près-Saint-Gervais; узнали также, что въ эту ночь онъ поссорился съ дѣвицей Момонъ; мѣсто ея ночныхъ походовъ было тутъ же неподалеку, на площади Виллеттъ. Она была немедленно арестована вмѣстѣ со своимъ сутенеромъ. Легко представить себѣ сцену ссоры и убійства, угадать мотивы и вскрыть грубые инстинкты, лежавшіе въ основѣ драмы.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ натурами хитрыми, подчасъ скрытными, но чрезвычайно простыми. Ихъ хитрость никого не обманываетъ, ихъ скрытность ничего не скрываетъ. Миръ ихъ чувствъ и мыслей столь ограниченъ и несложенъ, что можно безъ труда возстановить всю картину ихъ существованія. Основная черта сутенеровъ—безграничная лѣнь. Съ рѣдкимъ искусствомъ устраиваютъ они свою жизнь такъ, чтобы рѣшительно ничего не дѣлать въ теченіе цѣлаго дня.

Спать они очень поздно, не спѣша обѣдаютъ въ кабачкѣ или въ отдѣльномъ номерѣ въ отелѣ, куда имъ подаютъ устрицы и котлеты. Все послѣобѣденное время они проводятъ за стаканомъ кофе, который медленно выпивается; за нимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ разноцвѣтныхъ стаканчиковъ съ ликерами и настоячками, со сладострастіемъ выкуривается папироса за папиросой, идетъ карточная игра, снова и снова слѣдуютъ ликеры, чтобы наполнить время до обѣда. Достаточно взглянуть на нихъ, когда они проходятъ на улицѣ или сидятъ за столиками въ кафе, чтобы сразу увидѣть безграничную лѣнь, наполняющую все ихъ существо, полную неспособность къ работѣ ихъ мизернаго мозга. Вечеромъ повторяется то же: ужинъ, кофе, игра на билліардѣ. Но къ наслажденіямъ дня примѣшиваются безпокойства. Надзорко слѣдить за доброй, матерински-преданной имъ женщиной, которая работаетъ тамъ, на перекресткахъ, на углахъ улицъ, ходить взадъ и впередъ, напряженно всматривается въ каждую тѣнь, подстерегаетъ и охотится за каждымъ мужчиной.

Если бы сутенеру не нужно было неотступно слѣдить за своей жертвой, ему совершенно нечего было бы дѣлать. Когда ему случается иногда проѣхать въ деревню или совершить прогулку на лодкѣ по Марнѣ,—онъ въ теченіе недѣль ноетъ, жалуясь на боль въ ногахъ, съ нѣжностью разсматривая мозоли отъ веселья на холеныхъ рукахъ. Но съ наступленіемъ вечера начинается его работа, регулярная, точная, необходимая, работа, требующая постоянной осторожности и напряженности, въ особенности, когда приходится вытолкнуть кого-нибудь изъ трактира или совершить смѣлое нападеніе на врага, который вдругъ можетъ появиться на пустынныхъ улицахъ

внѣшнихъ бульваровъ. Здѣсь сутенеръ серьезно берется за дѣло. Трудно найти болѣе аккуратнаго бюрократа, болѣе преданнаго своему дѣлу рабочаго, болѣе прочипательнаго дѣльца. Онъ за-щаетъ свой обѣдъ и вино, свою одежду и жилище, табакъ, все, что необходимо для его празднаго существованія. Онъ ставитъ тогда все на карту, онъ становится храбрымъ и беспощаднымъ, онъ знаетъ, что женщина, на глазахъ которой онъ бьется, не простила бы ему отступленія, и онъ держитъ на готовѣ ножъ, чтобы пустить его въ дѣло, если дрогнетъ сердце или ослабѣетъ рука.

Въ общемъ, если, конечно, оставить въ сторонѣ всю грязь и развратъ этого класса людей въ современномъ городѣ, онъ представляетъ собою какъ-бы новое возрожденіе средневѣковаго рыцарства. Сутенеры также бьются за своихъ дамъ и на ихъ глазахъ. И не для ихъ прекрасныхъ глазъ, не для того, чтобы получить въ награду цвѣтокъ, перчатку, перевязъ на шпагу. Это — борьба за существованіе въ самомъ грубомъ ея смыслѣ. Да кто знаетъ, — можетъ быть, мотивы гордости и чувства играютъ для нихъ большую роль, тѣмъ это обыкновенно думаютъ, и, можетъ быть, средневѣковые рыцари, въ свою очередь, вовсе не были такъ безкорыстны, какъ намъ повѣствуютъ романы?

Можно замѣтить, что ночныя драки учащаются или становятся рѣже въ зависимости отъ временъ года. Въ профессіяхъ бродягъ, воровъ и сутенеровъ происходятъ такіе-же кризисы, какъ и въ области торговли. И вотъ въ такіе періоды, когда «гости» становятся рѣдкими, когда зазыванія уличныхъ Венеръ не встрѣчаютъ отклика, сутенеръ выходитъ на улицу, пробуя взять насиліемъ то, что не достается ему добромъ. И не ради удовольствія рѣшается онъ на эти дикія походы. Зачастую онъ жиренъ, трусливъ, лѣнивъ и на драку идетъ не иначе какъ въ пьяномъ видѣ. Но нужда дѣлаетъ изъ него искателя приключеній. Онъ долженъ имѣть свой обѣдъ и ужинъ, свое вино, табакъ, онъ долженъ имѣть возможность поиграть въ карты и аккуратно платить хозяину гостиницы. Онъ вынужденъ, слѣдовательно, выходить на улицу искать добычи, предварительно задавъ основательную трепку той, которая не сумѣла обезпечить ему покой. И онъ выходитъ и восстанавливаетъ равновѣсіе въ бюджетѣ своего хозяйства.

Октябрь въ этомъ году былъ однимъ изъ тѣхъ тяжелыхъ мѣсяцевъ, когда сутенеру приходится особенно часто рисковать своей особой.

На бульварѣ Менильмонтанъ подвергся нападенію сутенеровъ одинъ бухгалтеръ. Ему удалось обратить ихъ въ бѣгство,

но на другой день, на улицѣ Chemin-Vert онъ получилъ ударъ ножомъ отъ одного изъ бѣжавшихъ накакунѣ. У стѣны кладбища Перъ-Лашевъ едва не задушили одного кузнеца, здороваго малаго, и украли у него серебряные часы. На улицѣ Этьевъ-Доле одному приказчику пришлось отбиваться отъ цѣлой дюжины грабителей и едва удалось спастись отъ нихъ съ тяжелыми ранами на головѣ и колѣняхъ. Какой-то прохожій на улицѣ Туртиль хотѣлъ защитить женщину отъ двухъ убійцъ и былъ жестоко избитъ. Ихъ узнали и поймали: Луи, по прозванью Булдогъ, и Людвигъ, бывшій подъ кличкой Жаръ. Около девяти сутенеровъ напали на двухъ обитателей улицы Пиа въ Белльвиллѣ, троихъ удалось арестовать. На судѣ, предъ которымъ первый предсталъ въ пятый разъ, а второй въ восьмой, они показывали кулаки и произносили угрозы по адресу своихъ двухъ жертвъ, вызванныхъ въ качествѣ свидѣтелей. Послѣ этого бурнаго періода наступило временное затишье. И снова сутенеры цѣлыми стаями ходятъ изъ кабака въ кабакъ и слѣдятъ незамѣтно за женщинами, работающими на тротуарахъ. Какъ только ихъ соберется кучка, они становятся циничны, нахальны, грубы и то-и-дѣло заводятъ споры о своихъ дѣлахъ и сводятъ счеты вокругъ газовыхъ фонарей.

Бѣдная дѣвушка.

Въ ночь съ субботы на воскресенье была зарѣзана проститутка Маргарита — Марія Гильомъ, двадцати пяти лѣтъ, прозванная Китайкой за желтый цвѣтъ лица, длинные, узкіе, приподнятые глаза. Жила она въ поразительной нищетѣ. Ея квартира помѣщалась въ маленькой улочкѣ въ одномъ изъ тѣхъ ужасныхъ домовъ, которые наводятъ на мысль о пьянствѣ, развратѣ, преступленіи и нищетѣ. Если бы тѣ, кто попадаетъ въ эти притоны, не были жалкими существами, лишенными слуха и зрѣнія, то цвѣтъ этихъ стѣнъ, языкъ, какимъ говорятъ эти камни, подсказали бы имъ, какая неизбежная участь ихъ ожидаетъ. Существованіе обитательницъ этого вертепа какъ бы заранѣе предсказывается окружающей ветхостью и грязью, и вся обстановка этой западни является какъ бы лояльной, откровенной вывѣской. Внутренность дома вполне соответствуетъ внѣшнему виду. Домъ состоитъ изъ одного только этажа, и входъ съ улицы ведетъ прямо въ кабакъ, выкрашенный въ ярко красный цвѣтъ. Коридоръ ведетъ въ крошечный дворикъ, откуда открываются двери въ четыре маленькія комнаты, занимаемыя проститутками по франку въ день. Обстановка состоитъ изъ постели, комода и стула; стѣны выбѣлены известью.

Мысли, которыя могли родиться въ темномъ мозгу Маріи Гильомъ, доведенной до необходимости довольствоваться подобнымъ жилищемъ, не могли походить на легкихъ мотыльковъ, веселыхъ, блестящихъ цвѣтами розъ и солнца. Если бы нужно было подыскать сравненіе для тѣхъ зародышей мысли и смутныхъ стремленій, роившихся въ ея темномъ мозгу, то оставалось бы обратиться къ насѣкомымъ, рожденнымъ изъ тьмы и пыли, ко всему, что кипитъ и гнѣздится въ вѣчномъ мракѣ погребовъ и сырости запущенныхъ зданій. Неудивительно, поэтому, что дѣвушка научилась пить и браниться. Даже въ ея кругу, гдѣ, какъ и во всякихъ другихъ кругахъ, царятъ своеобразные нравы и понятія, о ней создавалась дурная слава. Она была изъ тѣхъ, которыя придиричивы и сварливы съ «гостемъ», ухщряются обмануть его, выманить деньги впередъ, и затѣмъ отказываются дать ему свое увядшее тѣло. Она широко практиковала измѣну своимъ профессиональнымъ обязанностямъ и даже доходила до того, что воровала кошельки изъ кармановъ въ прибавленіе къ условленной цѣнѣ ея ласкъ.

Въ дни, послѣдовавшіе за убійствомъ, товарки убитой, сходясь то въ задней комнаткѣ молочной, то на углу бульвара или у газоваго фонаря, обсуждали причины убійства Китайки, и всѣ въ одинъ голосъ, и Констанція Ледуарненъ, по прозванью Хромоножка, и Агата Бюиссонъ, и тѣ, которыя были извѣстны только подъ прозвищами, Кривая, Брюнетка, Голубка, наконецъ, другія случайныя посѣтительницы квартала,— всѣ соглашались, что это должно было случиться, что ее не разъ предупреждали, но она никогда ничего не хотѣла слушать и съ каждымъ днемъ становилась болѣе неосторожной и дерзкой. Нужно честно дѣлать свое дѣло или не браться за него вовсе. Удивительно-ли, что землекопъ, на котораго указываютъ газеты, и у котораго Марія Гильомъ взяла двадцать су на свѣчу и исчезла съ ними,— удивительно-ли, что онъ обозлился и захотѣлъ отомстить за себя? И если онъ давилъ ее веревкой до тѣхъ поръ, пока она не перестала двигаться, то сдѣлалъ это, повидимому, не съ цѣлью грабежа, потому что въ чулкѣ убитой нашли ея билетъ и единственные три франка, которыми она обладала. Во всѣхъ ящикахъ комода не оказалось ничего, кромѣ пачки папирсной бумаги, но, вѣдь, тамъ ничего больше никогда и не было. Нѣтъ, нѣтъ, она была задушена обманутымъ ею и разсвирѣпѣвшимъ «гостемъ», который рѣшилъ отомстить за обиду и, приставъ къ ней на улицѣ вторично, точно бы въ первый разъ встрѣтилъ ее, не узнанный и ею, удовлетворилъ свою сѣшеную жажду мести.

Мариусъ убилъ Лею.

Мариусъ убилъ Лею въ ясное весеннее утро, въ тотъ часъ, когда по улицамъ проѣзжаютъ тележки, до верха нагруженныя фиалками, подснежниками и сиренью, въ одной изъ «жаркихъ» улицъ квартала. Долго послѣ этого царилъ ужасъ среди женскаго населенія квартала, ютящагося по подозрительнымъ отелямъ, обѣдающаго въ заднихъ комнатахъ кабаковъ и проводящаго вечера за столиками ресторановъ. Никогда еще рабская зависимость проститутки отъ своего сутенера не выступала такъ рѣзко и ярко, какъ въ перипетяхъ этой ужасной драмы. И въ самомъ дѣлѣ, было отъ чего, по крайней мѣрѣ, на одинъ вечеръ, впасть въ грустное раздумье и беззаботнымъ подросткамъ, и даже очень опытнымъ проституткамъ, которыя на перебой, многозначительно покачивая головой, обсуждали происшествіе и на тротуарахъ, и на темныхъ перекресткахъ.

Дѣло шло на этотъ разъ не объ обычномъ убійствѣ, не о заурядномъ «происшествіи», не о несчастной встрѣчѣ со случайнымъ «гостемъ». Все это составляетъ обычный рискъ ремесла. *A la guerre comme à la guerre*. Въ этомъ ремеслѣ есть столько-же непредвидѣннаго, случайнаго, какъ и на полѣ битвы, и проститутка должна быть готова ко всякаго рода происшествіямъ. Пристала по ошибкѣ къ дурному человѣку или любовника не было вблизи въ критическую минуту... Убійца скрывается, полиція его разыскиваетъ. Вотъ и вся исторія. Но теперь дѣло было не такъ, и убійство имѣло ужасающе-ясное значеніе. Бѣдная Лея была убита Мариусомъ за то, что отказалась содержать его, не хотѣла безропотно перенести кражу своихъ драгоценностей.

Еще въ самомъ началѣ ихъ связи произошло крупное недоразумѣніе между дѣвушкой и сутенеромъ. Онъ требовалъ точной отчетности денежныхъ поступленій. Онъ хотѣлъ, чтобы она ему каждое утро отдавала всю свою ночную выручку. Въ ихъ кругу это было въ обычаѣ. Онъ зналъ, каковъ средний доходъ его товарищей, какія колебанія бывають въ выручкѣ, зналъ, на какую сумму приблизительно можно разсчитывать въ мѣсяцъ, онъ уже надѣялся, что ему удастся свести концы съ концами въ этомъ году, и вотъ, когда всѣ расчеты сдѣланы, смѣта установлена, эта негодная Лея вдругъ отказывается войти съ нимъ въ компанію и отдавать ему свой заработокъ.

Сперва Мариусъ не очень удивлялся. Онъ зналъ уже по опыту, что жертва въ такихъ случаяхъ не всегда сразу покоряется и что иногда надобно крутыми мѣрами сло-

мить упорство и подавить строптивый характер. И онъ прибѣгъ къ испытаннымъ въ такихъ случаяхъ средствамъ и нѣсколько разъ основательно прибилъ свою любовницу, изукрашивъ ее съ ногъ до головы синяками. Но цѣль не была достигнута,—она попрежнему отказывалась отдавать ему вырубку. Мариусъ нашель инны средства укротить строптивую,—онъ украсть ей кольца, серьги, колье, платья и все это спустиль. Лея, взбѣшенная, пожаловалось комиссару полиціи.

Мариусъ былъ пораженъ. Въ первый разъ ему пришлось видѣть, чтобы въ подобныя дѣла вмѣшивали блюстителей закона. Когда онъ пришелъ въ себя, негодованію его не было границъ. Онъ разсказаль объ этой исторіи другимъ, самымъ старымъ товарищамъ по ремеслу, выдавшимъ всякіе виды, но и они, какъ ни напрягали память, не могли припомнить такого необыкновеннаго случая въ своей практикѣ. Никакихъ разговоровъ тутъ не могло быть,—это было невиданное и неслыханное нарушеніе самой простой профессиональной обязанности. Традиціи ремесла, изустно передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, не знали примѣра такого пренебреженія къ требованіямъ профессиональной солидарности.

Мариусъ никогда не отказывался отъ лишней работы. Онъ былъ готовъ жертвовать собою во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ «безработицы» и нужды. Но ему казалось, что если онъ такъ беззавѣтно принимаетъ общій удѣлъ, со всѣми его опасностями и возможными пораженіями, то, разумѣется, онъ въ правѣ требовать такихъ же жертвъ, заботливости и полного довѣрія и отъ отдавшейся ему женщины. И вся банда, спрошенная по этому поводу, высказалась за него.

Но негодованіе достигло апогея, когда Мариусъ былъ арестованъ, препровожденъ въ тюрьму и приговоренъ исправительнымъ судомъ къ четыремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за кражу и нанесеніе побоевъ и увѣчий. Въ теченіе этихъ четырехъ мѣсяцевъ бѣшенство заключеннаго разрасталось съ каждымъ днемъ. Все это время онъ обдумываль, какъ отомститъ непокорной. И когда онъ вышелъ изъ камеры, Лея была уже приговорена къ смерти.

Мариусъ встрѣчаетъ Лею и открыто предупреждаетъ ее объ ожидающей ея участи глухимъ голосомъ, со стиснутыми зубами и безумнымъ взоромъ человѣка, рѣшившагося на убійство. Онъ снимаетъ комнату въ нижнемъ этажѣ того же дома, въ которомъ живетъ Лея, у кабатчика, гдѣ обыкновенно собираются всѣ публичныя женщины квартала со своими сутенерами. Задняя комната кабака черезъ стеклянную дверь сообщается съ лѣстницей. Черезъ эту то дверь и слѣдитъ неустанно суте-

нертъ, одержимый постоянно одной и той же мыслью и горя страшной злобой любовника, у котораго отняли его табакъ, ликеры, туфли, карманныя деньги и, вдобавокъ, еще посадили въ тюрьму. Два раза открываетъ онъ дверь, поднимается на первыя ступеньки лѣстницы, но оба раза привратникъ мѣшаетъ ему подняться выше, грозя заряженнымъ револьверомъ.

Въ третій разъ, утромъ, ему удается обмануть бдительность привратника. Проворно черезъ четыре ступени на пятую взбѣгаетъ Мариусъ по лѣстницѣ. Его прежняя любовница, его Лея не ускользнетъ на этотъ разъ. Стремительнымъ прыжкомъ бросается онъ къ двери. Его мускулы напряжены, какъ у хищнаго животнаго, увѣреннаго въ своей добычѣ. Онъ звонитъ. Дѣвушка пріоткрываетъ. Движеніемъ плеча онъ вламывается въ дверь, другимъ движеніемъ заслоняетъ ее кроватью. Съ кухоннымъ ножомъ въ рукѣ озвѣрѣвшій убійца бросается на женщину. Глаза ея расширены, полуоткрытыя губы застыли въ нѣмомъ ужасѣ. Онъ хватаетъ ее за волосы, опрокидываетъ на полъ и однимъ ударомъ ножа отрѣзываетъ голову.

Сосѣдъ, который не смѣетъ войти, боясь револьвера, которымъ угрожаетъ Мариусъ, бѣжитъ за городовыми. Но все кончено уже. Пока идетъ суматоха, сутенеръ совершилъ свое дѣло, взявъ отрѣзанную голову, привязавъ ее за волосы къ ставнѣ, показываетъ прохожимъ, сзываетъ толпу къ окошку и съ злобнымъ рычаніемъ рассказываетъ о мести за поруганную любовь. Когда, наконецъ, вламываютъ дверь, онъ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ.

Это ужасающее происшествіе всюду страстно обсуждается. Воспоминаніе объ этой рѣзнѣ встаетъ среди разговоровъ, какъ постоянная угроза, прорывается въ слезахъ, возбуждаетъ въ склонной къ фатализму душѣ дѣвушекъ смутную боязнь и тяжелое предчувствіе. мелькаетъ въ туманныхъ взорахъ въ моменты скверныхъ перебранокъ и безшабашнаго пьянства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переводъ съ французскаго Е. С.

Госпожа Ницета.

РАЗСКАЗЪ.

(Продолженіе).

17-го Декабря. Парижъ.

„Художникъ ищетъ модель“—прочла я сегодня въ старой газетѣ. Такъ какъ газета была еще за недѣлю тому назадъ, то я совершенно ни на что не рассчитывала. Пошла потому, что было невыносимо оставаться въ бездѣйствіи. Нужно было себя какъ нибудь обманывать надеждами. Прихожу по адресу. Роскошная мастерская. Встрѣчаетъ меня художникъ, нѣмецъ, судя по выговору.—„Гартингъ“—рекомендуется мнѣ оиъ. Я невольно улыбнулась. Моделямъ обыкновенно не представляются.

— Вы ищете модель?—спрашиваю его по-нѣмецки.

— Да. Я хочу писать картину „Равнодушіе“ и вотъ ужъ болѣе двухъ недѣль ищу модель. Все не подходитъ,—жалуется оиъ.

— Смотрите?—При этихъ словахъ я сдѣлала равнодушное лицо.

— Bravo! Великолѣпно, это-то я и искалъ!

— Такъ я для васъ подходящая?

— Какъ нельзя лучше, мои условія 8 фр. въ часъ, работать буду часа четыре въ день. Согласны?

— Согласна.

— Вотъ вамъ 20 фр. задатокъ... И, такъ, до завтра!..

Отъ художника я не шла, а бѣжала въ первый попавшійся дешевый ресторанъ. Удовлетворивъ свой трехъ-дневный голодъ, я только тогда пошла домой. Я шла по улицѣ съ видомъ побѣдителя, покоровшаго весь міръ... Никто изъ встрѣчающихъ меня по улицѣ не могъ бы подумать, что я всего на всего приобрѣла мѣсто модели;—да еще позировать въ качествѣ „равнодушія“!..

27-го Декабря. Парижъ.

Моя работа мало утомляетъ меня. Даже мнѣ пріятно сидѣть четыре часа безъ движенія. Надъ мускулами лица работать не приходится. Когда я спокойна, мое лицо выражаетъ полное равнодушіе.

Художникъ не изъ разговорчивыхъ: — это своего рода удобство. — Думаешь, думаешь... Въ думкахъ переживаешь всю прошлую жизнь. Въ итогѣ ни одного радостнаго свѣтлаго дня. Въ жизни странно все распредѣлено: одному вся жизнь—триумфальное шествіе, другому цѣлый вѣкъ узкая, нищенская тропа, усыпанная голодомъ и позоромъ. Жизнь—великая загадка... Кто разгадаетъ ее?—Тотъ, кто разгадаетъ, царство Божіе на землю принесетъ... Намъ, нищимъ, намъ, покрытымъ позоромъ, намъ, придавленнымъ жизнью, однимъ лишь намъ предстоитъ право разгадать ее... И мы разгадаемъ эту загадку, загаданную намъ богатыми!

29-го Декабря. Парижъ.

Я задумалась, не слышала голоса художника.

— Конечно! — крикнулъ онъ мнѣ. Я невольно вздрогнула.

— Какъ конечно?

— На сегодня. Посмотрите, выходитъ?—сказалъ онъ, показывая на полотно картины.

— Хорошо. Но мнѣ кажется...

— Что кажется?

— Здѣсь нужно немного свѣтлѣе,—сказала я, указывая ему одно мѣсто на картинѣ.

— Посмотримъ! — проговорилъ онъ, дѣлая мазокъ. — Вы правы. Вы рисуете.

— Немного.

— Вы художница? Какой вы національности?

— Я русская.

— Русскія женщины интересны.

— Вы знакомы съ кѣмъ-нибудь?

— Да, я знаю здѣсь нѣсколькихъ русскихъ.

— Мнѣ кажется, ваши нѣмки не уступятъ русскимъ?

— Дѣвушки, да; что же касается дамъ, то онѣ не интересны.

— Почему?

— Право не знаю; замужество превращаетъ ихъ въ ка-

кихъ то божьихъ коронокъ. Нѣтъ, никогда не жениюсь на нѣмкѣ, хотя я самъ нѣмецъ.

— Но на молодой дѣвушкѣ изъ нѣмецкаго семейства?

— Ни одна не пойдетъ за меня.

— Что такъ?

— Художниковъ считаютъ народомъ опаснымъ, а тотъ, кто время отъ времени живетъ въ Парижѣ, считается окончательно погибшимъ и теряетъ довѣріе.—

— А потому—вы отказались раньше времени.

— Меня ждетъ проигрышъ въ нѣмецкомъ семействѣ... Не хотите ли со мной позавтракать?

— Спасибо, я спѣшу.

— Не смѣю васъ удерживать,—говоритъ онъ, и въ первый разъ со дня моей у него службы въ качествѣ модели протягиваетъ мнѣ руку.

9-го Января. Парижъ.

Сегодня послѣ работы Гартингъ спрашиваетъ меня:

— Вы знакомы здѣсь съ русскими?

— Мало.

— Сейчасъ ко мнѣ придетъ одинъ русскій писатель.

— Какъ фамилія?

— Нуменъ. Не знаете?

— Не знакома.

— У него бываетъ интересное общество.

— Вы также?

— Единственный — не интересный! Но у меня особая привилегія.

— Какая-же?

— Отецъ съ Нуменомъ—большіе пріатели еще съ университета.

— Чѣмъ занимается вашъ отецъ?

— Онъ профессоръ, въ лейпцигскомъ университетѣ. Мой отецъ большой идеалистъ и старый ребенокъ... Представьте, онъ меня поручилъ заботамъ Нумена! Боится, что я окончательно испорчусь въ Парижѣ.

Въ дверь постучали.

— А вотъ и Нуменъ! Войдите,—приглашалъ Гартингъ, открывая двери. Въ мастерскую вошелъ Нуменъ. Насъ представилъ художникъ.

— Какъ работа?—спросилъ Нуменъ.

— Подвигается. Ваша русская землячка — идеальная модель.

- Вы русская?—обратился ко мнѣ Нуменъ.
- Да.
- Чѣмъ занимаетесь?
- Да вотъ работаю.
- Она превосходно рисуетъ. Я вамъ говорилъ, — прибавилъ Гартингъ.—Простите, я сію минуту приду, лишь пошлю консьержа за сигарами,—прибавляетъ онъ и убѣгаетъ.
- Такъ вы художница?—говоритъ Нуменъ.
- Немножко. Простите, я хочу воспользоваться нашей съ вами встрѣчей и напомнить вамъ о нашемъ мимолетномъ знакомствѣ. Помните, вы какъ-то въ кафе встрѣтились съ одной англичанкой, которую поучали уму-разуму... Это была я. Я тогда была въ парикѣ и вся накрашена.
- Такъ это вы! А я все думаю, гдѣ я раньше вашъ голосъ слышалъ. Почему же вы ко мнѣ не зашли?
- Мнѣ было какъ-то неловко. Я трусила.
- Не врагъ убиваетъ героевъ, а трусость.
- Мнѣ стыдно было моего прошлаго.
- Нужно считаться съ богатствомъ настоящаго, а не съ убытками прошедшаго.
- Изъ памяти воспоминаній не стереть.
- И не стирайте,—пусть они всегда служатъ вамъ путеводной звѣздой и освѣщаютъ страданія другихъ. Ничего нѣтъ страшнѣй совершенства. Оно такъ гордится своимъ собственнымъ блескомъ, такъ имъ ослѣплено!
- Что не стоитъ быть совершенствомъ!—сказалъ, смѣясь, Гартингъ, войдя въ мастерскую и услыжавъ эту фразу.
- Представь, я не узналъ свою старую знакомую,—сказалъ Нуменъ, обратившись къ нему.
- А вы мнѣ говорили, что незнакомы? Хитрая!—съ упрекомъ сказалъ Гартингъ мнѣ. Я и Нуменъ, мы невольно переглянулись и разсмѣялись.
- Нуменъ просилъ меня зайти къ нему въ четвергъ.
- По четвергамъ у него собирается большое общество. Итакъ, судьба еще разъ столкнула меня съ старымъ идеализмомъ.

13-го Января. Парижъ.

Жизнь начала подносить мнѣ небольшіе сюрпризы.

Въ четвергъ прихожу къ Нумену. Общество собралось большое: извѣстные писатели, художники, ученые, политическіе дѣятели и вмѣстѣ съ этими избранными неизвѣстныя личности въ родѣ меня. Словомъ, большіе корабли съ

маленькими лодочками. Гартингъ оказался тутъ же. Онъ тотчасъ же усѣлся около меня и сталъ посвящать меня въ біографическія подробности каждаго изъ присутствовавшихъ здѣсь. Оказалось, что каждая маленькая лодочка имѣла также свою собственную оригинальную фізіономію.

— Вотъ видите представительнаго шатена? Это извѣстный ораторъ анархистовъ,—Френъ.

— У него умное лицо.

— Всѣ дамы находятъ то же. Это видно по его возрастающей плѣши.

— Ай, ай, какъ вы злы!

— Я вамъ покажу еще одного любимца всѣхъ дамъ. Онъ сидитъ, нальво, въ укромномъ уголкѣ за книжнымъ шкафомъ и разговариваетъ съ хорошеюшкой брюнеткой. Видите, смуглый брюнетъ, съ синими глазами? Это будущая звѣзда австрійскаго Рейхсрата, извѣстный либераль Ярничъ. Не правда-ли, идеально красивъ? Его красота повсюду служить ему рекомендательной карточкой, особенно-же у женщинъ... Что съ вами? Чего вы такъ поблѣднѣли?

— Здѣсь много собралось, и я чувствую себя дурно... страшная духота!—бормочу я, боясь выдать себя. Я чувствую, что мое лицо стало бѣлѣе моей бѣлой кофточки, которая одѣта на мнѣ.

О, эти синіе глаза, я могу узнать ихъ среди тысячи народа! Мнѣ вѣли не узнать моего послѣдняго барина, который такъ изводилъ меня своими жестокими вопросами: „Зачѣмъ я живу?“

— Не смотрите же такъ на Ярнича, а то ничего не останется отъ вашихъ глазъ для другихъ смертныхъ,—замѣчаетъ мнѣ Гартингъ.

— Я художница, мнѣ можно.

— Да, этотъ добродѣтельный молодой человекъ отъ женщинъ покоя не имѣетъ. Посмотрите, какъ за нимъ ухаживаетъ эта хорошеюшка брюнеточка.

— Кто она?

— Извѣстная пьянистка Трамъ, нѣмка. Она сейчасъ старается какъ можно нѣжнѣе сыграть на его сердцѣ свою страстную пѣсню. Она извѣстная кокетка и давно любитъ его.

— Онъ женатъ?

— Официально нѣтъ. Но такъ, Аллахъ его вѣдаетъ! Либераловъ не разберешь, они живутъ по своимъ законамъ...

— Свободная любовь!

— Самыя страшныя цѣпи. Всѣ ея звенья построены изъ совѣсти.

— Какъ изъ совѣсти?

— Да такъ, стоитъ лишь бросить женщину, какъ сейчасъ же объявить тебя весь дамскій либерельный синклитъ „бессовѣстнымъ, безчестнымъ“. Нѣтъ цѣпей неприятыи этихъ!

— Кто этотъ высокій старикъ, разговаривающій сейчасъ съ Нуменомъ? У него такое симпатичное лицо.

— Даримъ, онъ русскій, отличается тѣмъ, что презираетъ двѣ вещи, славу и деньги.

— Вы почему знаете?

— Онъ кончилъ четыре факультета,—получалъ пять разъ приглашеніе отъ иностранныхъ университетовъ на кафедру философіи, и отказался.

— Можетъ быть, были другія причины?

— Единственная та, что онъ предпочитаетъ свою независимость всему на свѣтѣ.

— Чѣмъ же онъ живетъ?

— Сотрудничаетъ въ журналахъ.

— Русскихъ?

— Нѣтъ, въ иностранныхъ. Въ русскихъ онъ не можетъ. Въ Россію онъ также не можетъ вернуться. А рядомъ съ нимъ сидитъ художникъ-декадентъ, онъ все видитъ въ буромъ цвѣтѣ и въ обратную сторону. Такъ что людей рисуетъ головою внизъ.

— Какой у васъ злой языкъ!

— Это единственное преимущество среди всѣхъ собравшихся здѣсь знаменитостей.

— Хорошій талантъ!

— Что Богъ далъ.

— Онъ ужъ здѣсь злословить?—спросилъ Нумень, подойдя къ намъ.—Какой языкъ!

— Хотѣлъ сегодня его спрятать, но у васъ нѣтъ мѣста.

— Развѣ онъ такъ длиненъ?

— Какъ плотно Лярона на послѣдней выставкѣ декадентовъ. Вы замѣтили, на двухсаженномъ полотнѣ, выкрашенномъ синей краской, три сѣрыхъ пятна, что должно изображать „кривой путь“,—смѣясь, рассказывалъ Гартингъ.

— У васъ ограниченный взглядъ на искусство,—вмѣшался въ разговоръ небольшого роста худощавый господинъ, сидѣвшій вблизи насъ.

— Ну, теперь они ужъ сцѣпились на весь вечеръ,—смѣясь, шепнулъ мнѣ Нумень.

— Кто онъ?

— Критикъ Энеръ. А вы еще ни съ кѣмъ не познакомились? Пойдемте, я васъ сейчасъ со всѣми познакомлю.

— Нельзя ли сегодня меня не знакомить?

— Вы хотите наблюдать подъ шапкой невидимкой?

— Только сегодня, прошу васъ.

— Какъ хотите, можно въ другой разъ.

— Да, да, лучше въ другой разъ!

— Вамъ не избѣжать знакомства, вонъ къ намъ направляется Ярничъ, придется хотя съ нимъ познакомиться. Вотъ, рекомендую вамъ мою землячку, — говоритъ Нумешъ, обращаясь къ Ярничу, стоявшему уже передъ нами.

— Она отличается тѣмъ, что ни во что доброе не вѣритъ. Прошу обратить ее въ вашу религію, — съ улыбкой прибавляетъ онъ, рекомендуя насъ другъ другу. Нумешъ тотчасъ же отходитъ отъ насъ, и мы остаемся лицомъ къ лицу.

— Нора!

— Мое имя Татьяна Лынина. Вы, вѣроятно, приняли меня за кого-нибудь другого.

— Мнѣ безразлично! Я радъ, что вижу васъ.

— Я не могу раздѣлить съ вами вашу радость. Я вижу васъ первый разъ въ жизни.

— Какія всѣ женщины кривляки, ломаки! — вспылчиво говорилъ онъ. — Ничего у нихъ нѣтъ простого, человѣческаго... Пусть другія, но вы, вы моя Нора, какъ можете вы такой быть?

— Я повторяю вамъ, вы ошиблись. Я первый разъ васъ вижу въ жизни.

— За это время, что я васъ не видалъ, у васъ еще больше доброты прибавилось.

— Это я обогатилась въ томъ аду, изъ котораго вы меня такъ старательно вытащили, — невольно вырвалась у меня эта злая фраза упрека.

— Не понимаю, о какомъ адѣ вы изволите упоминать? Я первый разъ имѣю честь васъ видѣть, — отвѣчаетъ онъ съ насмѣшкой.

— Вы правы. Это все, что требовалось доказать. — Я быстро пошла отъ него въ сторону.

— Нора, погодите, куда же вы убѣжали, — говорилъ онъ, слѣдуя за мной.

— Я не желаю больше говорить съ вами.

— Если вы не выслушаете меня, я сію минуту объявлю всѣмъ здѣсь присутствующимъ, что вы моя жена.

— Я! Я ваша жена? Я съ вами вѣнчама?

— Больше чѣмъ вѣнчаны!

— Больше? Это мнѣ еще нѣкоторые могутъ сказать!

— Мнѣ нѣтъ дѣла до другихъ. Другіе васъ не любили.

— А вы меня полюбили съ перваго же дня?

— Да, съ перваго же дня встрѣчи.

— Какой идеализмъ! Я не помню только, кто меня предупредалъ не рассчитывать на васъ, что вы женаты?

— Я не признаю рабства. Я хотѣлъ знать ваше мнѣніе, насколько вы считаете меня обязаннымъ вамъ.

— Пусть такъ. Но вы знали, что купили меня не вашей любовью, а деньгами, что я васъ не любила.

— Деньги я считалъ второстепенной вещью. Я имѣлъ глупость думать, что вы меня немного любили.

— Съ первой же встрѣчи? Вы очень много возмечтали о себѣ!

— Я все объяснялъ вдругъ налетѣвшей страстью... Я могъ такъ думать, потому что когда я встрѣтился съ вами,— это случилось со мной: на меня налетѣла буря,—ничего нѣтъ удивительнаго, что среди нея я не замѣтилъ вашего холода. Потомъ я понялъ уже на другой день, что ко мнѣ вы были совершенно равнодушны. Но я не могъ уйти, я любилъ васъ. Я думалъ, все равно она никого не любитъ, зачѣмъ же я буду ее уступать другимъ, которые ее не любятъ, я, имѣющій больше правъ, потому что люблю.

— Вы знали, что я не люблю васъ; зачѣмъ же вы мнѣ потомъ предлагали вѣнчаться? Вы говорите, что для васъ всѣ цѣпи ненавистны...

— Никакой бракъ не можетъ меня удержать, если я разлюблю... Я предложилъ вамъ потому, что вы, именно вы, нуждались въ немъ! Я зналъ, что большинству женщинъ, ведущихъ дурной образъ жизни, стоитъ лишь войти въ свою узкую колею, водвориться въ своей скорлупѣ супружества, и онѣ тотчасъ же становятся примѣрными женами, добродѣтельными женщинами...

— А, такъ вы и меня желали запереть въ эту скорлупу добродѣтели!

— Да. Я знаю, что многія женщины падаютъ окончательно, лишь въ силу того, что онѣ нечаянно выбиваются изъ своей узкой колеи... Въ то же время это мнѣ ничуть не мѣшало думать, что въ семьѣ не безъ уroda, что есть малая горсть женщинъ дѣйствительно порочныхъ, какъ и нѣкоторые мужчины.

— И вы меня причислили къ этой горсти?

— Нѣтъ, я потомъ понялъ, что вы вообще ненавидите

цѣпи, несмотря на то, что ваша госпожа ницета на каждомъ шагѣ вамъ ихъ давала чувствовать.

— Зачѣмъ же вы меня такъ много оскорбляли, если такъ хорошо поняли?

— Я ревновалъ; я человѣкъ, какъ всѣ. Потомъ, когда вы совершенно отъ меня убѣжали, я понялъ, что у меня нѣтъ надеждъ на вашу любовь. Да и многое приходило мнѣ въ голову.

— Что-же?

— Я думалъ, вы кого-нибудь полюбили... Ахъ, какъ часто я ненавидѣлъ васъ! Я бранилъ васъ вѣтреной, порочной отъ рожденія. Скажите мнѣ, что дѣлаете вы? Какія мечты у васъ на будущее?

— Мечты! Пока единственная у меня мечта: работы, работы побольше, чтобы хотя сносно можно было существовать, учиться, читать, жить осмысленной жизнью, не прозябать амебой, да еще въ грязной водѣ... Это главная моя мечта.

— А второстепенная?

— Тамъ видно уже будетъ, какая еще глупость придетъ въ голову.

— Полюбите?

— Да, имѣть право свободы выбора, какъ вы его имѣете сейчасъ.

— Свобода выбора! Я потерялъ это право, благодаря вамъ. Я васъ избралъ, вы меня не захотѣли. Что теперь дѣлать, посоветуйте.

— Право сильнаго вы не хотите признавать. Придется вамъ смириться и выбрать вонъ ту хорошенькую дѣвушку, съ которой вы такъ усердно недавно разговаривали.

— Что общаго между маленькой кокеткой и мной? Я вамъ достану сколько угодно работы, только право выбора отниму.

— А, вы опять задумали меня работой купить. У меня сейчасъ есть хорошо оплачиваемая работа. Нумень мнѣ еще общалъ.

— Какая-же у васъ сейчасъ работа?

— Я работаю въ качествѣ модели у Гартинга.

— Вы ему, вѣроятно, уже вскружили голову и думаете выйти за него замужъ. На него, вѣроятно, пальъ вашъ свободный выборъ?

— Онъ относится ко мнѣ по-человѣчески, а это очень цѣнно.

— Вамъ онъ нравится?

- Добрый малый съ злымъ языкомъ.
- А вы съ злымъ сердцемъ.
- Слѣдовательно, было бы равновѣсіе.
- Гдѣ ваша совѣсть?
- Зачѣмъ она вамъ понадобилась?
- Я же васъ люблю.
- Лучше обратитесь къ моему сердцу. Тамъ вы скорѣе толка добьетесь, чѣмъ у совѣсти.
- У васъ злое сердце. Но мнѣ все же иногда казалось, что вы меня любите.
- Самообманъ, не больше! Недаромъ вамъ казалось. Вотъ увидите, что ваша любовь ко мнѣ окажется тоже однимъ миражомъ...

Я пришла домой и раздумывала о моей горькой долюшкѣ почти до утра.— Не любить—не весело, а полюбить—тяжело. Куда ни кинь,—все клинъ. Все же я счастлива, что опять встрѣтилась съ Яричемъ. Отчего такъ глупо слагается жизнь? О, госпожа Нищета, много ты мнѣ зла натворила, ужъ не хочешь ли теперь благодѣяніе оказать.

17-го Января. Парижъ.

Вчера у меня былъ Яричъ. Принесъ мнѣ цѣлую кипу книгъ, цвѣтовъ. Теперь моя маленькая комната, точно невѣста въ бѣломъ подвѣсочномъ нарядѣ: столько въ ней лилій.

- Я не забылъ ничего?—спросилъ Яричъ.
- У васъ хорошая память.
- Завтра рояль принесутъ.
- Рояль я не возьму.
- Я большой эгоистъ, мнѣ хочется иногда самому поиграть. У меня въ квартирѣ невозможно его поставить.
- Почему?
- Визу живетъ какая-то большая женщина.
- Зачѣмъ вы обманываете?
- Я не понимаю, зачѣмъ всѣ эти церемоніи, лишнія стѣсненія? Я счастливъ, что могу хотя это доставить вамъ, вѣдь, я ничего не прошу отъ васъ!
- Хорошо. И пусть ваши благодѣянія этимъ ограничатся.
- Цвѣты, книги, работу,—кромѣ этого, ничего никогда не принесу. Я вамъ обещаю. Согласны?
- Я всему этому буду рада.

— Первый разъ заговорила по-человѣчески! Вчера я два раза былъ у васъ и не засталъ васъ дома.

— Я работала.

— Гдѣ?

— Я, вѣдь, вамъ говорила, что служу моделью Гартинга.

— Больше вы туда не пойдете! Я дамъ вамъ работу болѣе производительную и интересную.

— Пока Гартингъ не кончитъ свою картину, я не имѣю права бросить эту работу.

— Вы бросите. Я не желаю, чтобы онъ по цѣлымъ днямъ торчалъ передъ вами!

— При чемъ тутъ ваши желанія?

— Зачѣмъ вы придираетесь къ словамъ? Когда человѣкъ любить, то его логика проваливается къ чорту въ адъ. Оттуда ничего добраго не выходитъ, кромѣ ревности...

— Вы ревнуете меня къ нему?

— Ничего нѣтъ удивительнаго, я васъ люблю.

— Я не дѣлаю же вамъ сценъ. Вы по цѣлымъ вечерамъ ухаживаете за другими.

— Разница,—вы меня не любите... За кѣмъ же я ухаживалъ?

— За этой хорошенькой Трамъ.

— Спросите меня, кто былъ въ тотъ вечеръ, я вамъ не могу даже отвѣтить.

— Вы такъ смотрѣли ей въ глаза?

— Совсѣмъ нѣтъ. Я пришелъ туда ради васъ.

— Какъ ради меня? Вы знали!..

— Едва дождался того дня.

— Кто сказалъ вамъ?

— Нумемъ.

— Какимъ же образомъ вы узнали отъ него?

— Когда вы убѣжали, я старался самымъ добросовѣстнымъ образомъ васъ разлюбить. Всѣ мои усилія оказались тщетными. Я понялъ, что заболѣлъ серьезнѣе, чѣмъ самъ предполагалъ. Я пошелъ къ Нумему и сталъ спрашивать его о его русскихъ знакомыхъ. Онъ меня спросилъ, почему они меня такъ интересуютъ. Вы знаете, что, разъ познакомившись съ Нумемомъ, его трудно не полюбить, не говоря уже объ уваженіи, которымъ онъ пользуется среди всѣхъ его знакомыхъ. Ему можно было довѣрить. Я рассказалъ ему все откровенно. Но ни его розыски, ни мои не увѣнчались успѣхомъ, пока онъ не столкнулся съ вами, какъ теперь оказалось, вторично...

— Вы и это уже успѣли узнать? Слѣдовательно, Нумень насъ съ вами познакомилъ не случайно?

— Не сердитесь! Тутъ ужъ я самъ виновать. Нумень просилъ меня совсѣмъ не приходить въ тотъ вечеръ. Онъ хотѣлъ самъ ѣреговорить съ вами, предупредить васъ.

— Все же онъ меня съ вами познакомилъ!

— Я не могъ выдержать и самъ подошелъ. Ему ничего больше не оставалось.

— Не вѣрю, это все было заранѣе условлено.

— Увѣряю васъ, мнѣ. Я обѣщаль Нумему не приходить въ четвергъ. Но при мысли, что вы тамъ будете цѣлый вечеръ кокетничать съ этимъ осломъ Гартингомъ, я не могъ сдержать моего обѣщанія. Да, наконецъ, я стосковался по васъ. Вы можете меня не любить, но я имѣю право, право—любить васъ.

— Я вамъ его вполнѣ предоставляю — лишь безъ моего участія.

— И то поль-выигрыша.

— Почему?

— Моя тайна, не скажу.

21-го Января. Парижъ.

У меня теперь ежедневно бываетъ Яричъ. О своей любви онъ пересталъ говорить, относится ко мнѣ по-товарищески. Сегодня утромъ ко мнѣ зашелъ Нумень.

— Перестали уже сердиться?—спросилъ онъ меня.

— На кого?

— На меня.

— За что-же?

— Да за этого безумца Ярича. Я все хотѣлъ зайти къ вамъ извиниться. Такъ тогда глупо вышло.

— Я теперь рада нашей встрѣчѣ.

— Онъ васъ сильно любитъ.

— Когда то еще сильнѣе изводилъ.

— Все отъ ревности.

— Спасибо за такую любовь!

— Онъ не виновать.

— Кто же виновать, я?

— Дьяволъ. Всему причиной этотъ милый джентльменъ. Когда Богъ хотѣлъ создать чувство любви въ сердцѣ человѣка, кто то изъ ангеловъ его отозвалъ по другому дѣлу. Въ это время дьяволъ, пользуясь отсутствіемъ Бога, подкрался къ сердцу и бросилъ въ него горсть грязи.

Итакъ, творецъ хотѣлъ создать что-то дивное, поэтическое, полное очарованья, да дьяволъ подмѣшалъ своей грязью.

— И изъ этого вышла любовь?

— И животная ревность. Вы замѣтите, какая бы идеальная ни была любовь между мужчиной и женщиной, — все это въ концѣ-концовъ кончится свинствомъ.

— Вы поэтому никогда не женились?

— Не потому. Я не нашелъ женщины, соответствующей моему идеалу.

— Можно узнать вашъ идеалъ?

— Когда я былъ молодъ, я мечталъ о лунѣ, соловьяхъ и „о ней“. Луна, соловьи и „она“ — три эти вещи такъ сильно сливались въ моемъ представленіи о любви, что одно безъ другого было невысказуемо. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей начали подсмѣиваться надъ моимъ поэтическимъ представленіемъ о любви. Они мнѣ говорили: „что свѣтъ луны обманчивъ, что соловьи поютъ не ради моего удовольствія, а для своего, увы! самаго неизменнаго чувства, лишь для привлеченія самки, и что „она“ не болѣе какъ женщина со всѣми присущими ей фізіологическими потребностями. И что мое собственное поэтическое представленіе о любви не болѣе какъ обыкновенное половое влеченіе къ женщинѣ“.—Тогда я отбросилъ всѣ мои поэтическія представленія о любви, „о сродствѣ душъ“ и сталъ искать при яркомъ сіяніи дня здоровую, красивую и умную женщину. Я бросилъ всѣ стихи и поэтическіе вымыслы Гете, Шекспира и вмѣсто нихъ началъ увлекаться Золя, Мопасаномъ. Въ это время я познакомился съ двумя женщинами. Одна была некрасива, молчалива, ея голова была набита сказками, легендами, философіей, Богомъ,—словомъ, поэзіей. О ней говорили, что она добра, умна и не принадлежитъ ни къ одной партіи; другая была красавица, докторъ философіи, знала всего Маркса на-зубокъ, женщина ученая и твердыхъ убѣжденій. Вотъ между этихъ то двухъ огней я и попалъ. Моя душа тянулась къ первой, мой разумъ и тѣло ко второй. Я слагалъ, не переставая, всю сумму нравственныхъ и физическихъ достоинствъ первой, затѣмъ второй. Вторая оставалась съ плюсомъ, а первая за вычетомъ,—съ минусомъ. А между тѣмъ мое глупое сердце начинало неволью сильно биться при встрѣчахъ съ первой. Я неволью мѣнялся въ лицѣ, но первую мнѣ страшно было бы обнять, я не посмѣлъ бы сдѣлать этого; вторую я смѣло обнялъ и назвалъ своею. Кажалось бы, обладая такой очаровательной женщиной, я долженъ былъ бы ликовать отъ

счастья. Я же почувствовалъ себя еще несчастнѣе; и когда я встрѣчался съ первой, я еще болѣе блѣднѣлъ и рвался къ ней душой. Я началъ первую любить и ненавидѣть вмѣстѣ, тогда какъ вторую, незамѣтнымъ образомъ самъ для себя, я сталъ презирать.

— За что?

— Она была хорошей хозяйкой. Ея голова была разделена на ящички, изъ которыхъ что угодно отпускалось, смотря по требованіямъ. Вамъ угодно Маркса, — ящичекъ открывался и оттуда высыпалось ученіе Маркса. Вамъ угодно философіи, — открывался другой ящичекъ и оттуда сыпалась философія. Вы всегда изъ этихъ многочисленныхъ ящичковъ могли получить все требуемое, но ея марксизмъ, философія и вся ученость было что-то совершенно отдѣльное отъ человѣка.

— А человѣкъ?

— Она была не человѣкъ, а женщина.

— Я не понимаю васъ.

— Она была мелочна, мстительна, упряма, тщеславна. Марксизмъ, философія—все это было въ родѣ красиваго наряда. Она одѣвала его лишь въ мужскомъ обществѣ. Но среди женщинъ, въ домашнемъ обиходѣ она облакалась въ свой настоящій бабій халатъ.

— А другая?

— Другая еще хуже.

— Чѣмъ?

— У той была настоящая окрошка въ головѣ. Такъ, бывало, прійдешь къ ней, чтобы добиться хотя какого-нибудь толка отъ нея: какими идеалами она живетъ, къ какой партіи принадлежитъ, на что надѣется. На всѣ вопросы она съ улыбкой отвѣчаетъ: „Оставьте меня въ покоѣ! Я сама по себѣ“. — Такъ что же вы? — Я? Ничего. — Какъ ничего? — Нуль. — Какъ, такая умная женщина, какъ вы, вѣрите въ Бога? — бывало, спросишь ее. — Если вы докажете, что его нѣтъ, я перестану въ него вѣрить. Кажется, Каэтъ, этотъ великій гемій, пришелъ къ единственному абсолютному выводу, что онъ отказывается отъ всѣхъ доказательствъ по этому вопросу. Если вы что-нибудь открыли разумнѣе этого, то будьте добры подѣлитесь со мной вашимъ открытіемъ. — Зачѣмъ же вы вѣрите въ то, чего никто не знаетъ? — Какъ можете вы отрицать то, чего нельзя ни отрицать, ни доказать? — Но все же, какъ можно вѣрить, не зная? — Разумъ не знаетъ, а моя душа чувствуетъ потребность въ немъ. —

Я, бывало, иду и спрашиваю мою умную жену: Есть Богъ, какъ ты думаешь?—Стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ! Не понимаю тебя. Умные люди давно уже покончили съ этимъ вопросомъ. Все простая матерія, — никакого Бога нѣтъ.—Тогда я думаю, да, ты права, все простая матерія, никакого Бога нѣтъ, никакой любви внѣшней нѣтъ, кромѣ полового влеченія къ женщинѣ. Ну, а отъ чего же моя душа стремится помимо моей воли къ той другой, глупенькой и не красивой женщинѣ? И такъ я бился надъ этимъ неразрѣшеннымъ вопросомъ, пока; совсѣмъ не сбѣжалъ отъ моей умной, красивой жены.

— Ваша сказка не такъ печальна, какъ моя.

— А ваша?

— Моя еще хуже. Я совсѣмъ не имѣла права любить, благодаря моей нищетѣ.

— Вы можете теперь всегда рассчитывать на мою работу.

— Хорошія вещи поздно приходятъ.

— Думайте, что вы только что родились. Смотрите на все прошлое, какъ на страшный сонъ. Пробудились вы—будите другихъ! Нѣтъ времени плакать надъ умершимъ... Ступайте въ общій бой!..

— Пора позаботиться о счастіѣ на землѣ? Это хотите вы сказать?

— Да, каждый долженъ заботиться о немъ. Иначе богатство задавитъ насъ всѣхъ, подъ горами своего золота, собраннаго въ одни мѣшки...

30-го Января. Парижъ.

Моя жизнь, какъ волшебная сказка. Я боюсь, какъ бы злые демоны не унесли ее опять у меня. Дни я работаю, по вечерамъ приходитъ ко мнѣ Яричъ. Онъ садится у камелька и подъ веселый трескъ огня фантазируетъ на разныя темы.

Я люблю слушать разныя сказки. Онъ мастеръ ихъ рассказывать. Я теперь не любовница его; несмотря на это, я съ каждымъ днемъ все больше люблю его. Когда я подумую, что онъ можетъ уйти отъ меня, мою душу объемлетъ холодъ и ужасъ. Мнѣ кажется, что вся моя жизнь уйдетъ съ нимъ...

31-го Января. Парижъ.

Сегодня я была на французскомъ общественномъ собраніи. Меня сопровождалъ Гартингъ. За это я получила нѣ-

сколько молниеносныхъ взглядовъ со стороны Ярнича, съ которымъ какъ разъ при вхождѣ столкнулась... Какъ богачу никогда не попасть въ рай, такъ женщинѣ съ дурнымъ поведениемъ никогда не убѣдить никого въ своемъ безупречномъ поведеніи. Чувствую, что приближается буря. Завтра она разразится надо мной грозой.

3-го Февраля. Парижъ.

Такая злость и тоска, что не хочется ни работать, ни писать. Вчера вечеромъ пришелъ Ярничъ и устроилъ мнѣ сцену ревности. Я, въ свою очередь, не молчала и между нами произошла маленькая размолвка. Потомъ онъ просилъ у меня прощенія, я простила. Но не могу забыть всѣхъ дерзостей, которыми онъ меня угостилъ. Точно я ему какія-нибудь давала обязательства...

5-го Февраля. Парижъ.

Такая досада! Завтра моя работа у Гартинга кончается. Хотѣла просить Ярнича. Теперь не могу, послѣ всей происшедшей сцены языкъ не поворачивается просить его о чемънибудь. Нужно будетъ сходить въ американскій клубъ, попросить тамъ работы у библиотечкарши мистриссъ Лейсъ, съ которой я познакомилась на одномъ изъ четверговъ Нумена.

9-го Февраля. Парижъ.

Просила работу у мистриссъ Лейсъ. Она обѣщала, если что набѣжить... Пока могу прекрасно прожить на заработанныя деньги у Гартинга. Онъ обѣщаль мнѣ также поискать работы у знакомыхъ. Просить Нумена—значить будетъ извѣстно Ярничу; лучше ужъ подождать немного... Не любить—горе, полюбить—того хуже...

13 Февраля. Парижъ.

Бѣдная моя головушка! Вчера при Ярничѣ ко мнѣ явился Гартингъ и съ сіяющимъ видомъ возвѣстилъ мнѣ, что исполнилъ мою просьбу, нашель работу лектрисы. За два часа 15 фр. въ день. Ярничъ, ни слова не говоря, тотчасъ же простился и ушелъ. Онъ забылъ подать руку Гартингу, на прощанье.

— Что съ нимъ?—спросилъ удивленно Гартингъ.

— Онъ пришелъ немного разстроеннымъ, вѣроятно, какая-нибудь неприятность у него,—отвѣтила я.

— Странно, ради неприятныхъ дѣлъ, забыть даже известную форму вѣжливости.

— Онъ вообще разсѣянъ.

— Синьорина, зачѣмъ защищаете вы его? Это просто что-то фатальное; куда ни поворачитишься, этотъ человѣкъ непременно на дорогѣ стаетъ.

— Какъ на дорогѣ?

— Да такъ... ухаживалъ я за Трамъ, думалъ тамъ ужъ приютить свое сердце, онъ ужъ тутъ какъ тутъ! Теперь рѣшилъ приударить за вами, онъ опять мнѣ на дорогѣ сталъ. Согласитесь, что это, чортъ возьми, совсѣмъ не по товарищески, не гуманно изъ подъ носа...

— Утаскивать дичь? Не такъ ли?

— Если вамъ это слово по сердцу...

— Ее прежде надо убить...

— Да какъ же убьешь, когда онъ повсюду раньше поспѣваетъ. Нѣтъ, нѣтъ, несчастный я человѣкъ! Пойду брошусь въ Сену...—смѣясь, говорилъ онъ, убѣгая.

Ему-то до Сены далеко, а мнѣ близко. Кому смѣхъ, а кому слезы...

27 Февраля. Парижъ.

Яричь все время не приходилъ. Вчера онъ, наконецъ, пришелъ. Моё сердце забилось шибко и я не могла скрыть моей радости.

— Почему вы такъ долго не приходили? Были больны, уважали куда-нибудь, что съ вами?—По глупости сердечной на радостяхъ, я его забросала всѣми этими вопросами. Но когда я посмотрѣла на него, то мнѣ жаль стало своей глупой радости и больно... Его лицо выражало полное презрѣніе и насмѣшку. И я невольно замолчала.

— Какъ поживаете?—спросилъ онъ, не отвѣчая ни на одинъ мой вопросъ.

— Кончила работу, нашла новую, посѣщаю лекціи, все по старому.

— Ваши цвѣты всѣ завяли,—сказалъ онъ, равнодушно поглядывая по сторонамъ.

— Какъ доказательство вашего долгаго отсутствія.

— Я забылъ сегодня принести вамъ ихъ. Простите.

Завтра я пришлю вамъ большой букетъ на прощанье. Я уѣзжаю въ Германію.

— Надолго?

— Навсегда.

— Какъ навсегда, зачѣмъ?

— Я не думалъ жить въ Парижѣ.

— Я знаю. Но вы, кажется, собирались покинуть Парижъ еще черезъ годъ.

— Я такъ думалъ, но не такъ вышло.

— Вамъ не жаль вашихъ парижскихъ знакомыхъ?

— Съ Нуменомъ я встрѣчусь еще не разъ. Мы перелетныя птицы. Онъ часто бываетъ въ Германіи.

— Ваша родина Австрія.

— Черезъ годъ я поселюсь тамъ.

— Что будете вы дѣлать въ Германіи?

— То же самое, что здѣсь.

— Значитъ, вамъ нѣтъ необходимости сейчасъ покидать Парижъ?

— Я хочу тишины и спокойствія, а это лишь можетъ дать мнѣ Германія.

— Нервы разстроены?

— Парижъ дѣйствуетъ на меня дурно.

— Итакъ, вы рѣшили уѣхать?

— Непремѣнно.

— Я привыкла слушать ваши сказки. Вы такъ мастерски ихъ умѣете рассказывать.

— Жизнь не болѣе, какъ громадная случайность. Люди расходятся, опять встрѣчаются.

— Мнѣ съ вами трудно будетъ встрѣтиться.

— Зачѣмъ?

— Вы находите, что нѣтъ необходимости?

— Ну, мнѣ пора! Я еще долженъ зайти проститься къ Нумену. Будьте счастливы, Таня.—Онъ простился и ушелъ.

Не знаю, буду ли я счастлива, какъ пожелалъ мнѣ Яричъ. Я первый разъ вчера заплакала не отъ злости, а отъ сожалѣнія. Въ глубинѣ души я все же вѣрила и надѣялась, что онъ меня любитъ серьезно, чѣмъ оказалось. Пусть уѣзжаетъ, пусть! Изъ прошлаго моего ада ничего добраго не могло выйти. Я его встрѣтила тамъ, въ этомъ проклятомъ аду нищеты и позора... Что хорошаго могло оттуда выйти... А букета такъ и не прислалъ, забылъ или не уѣхалъ? Скорѣй всего, что забылъ. На него теперь повѣяло холоднымъ вѣтромъ и заледенило его сердце...

Видно, намъ нищимъ не знать радостей.

28-го февраля. Парижъ.

Сегодня получила работу. Работа тяжелая, но хорошо оплачивается. Я взялась вести весь парижскій отдѣлъ въ одной женской американской газетѣ, издаваемой въ Чикаго. Я буду корреспондировать туда. Эту работу мнѣ предоставила мистрисъ Лейсъ.

3-го марта. Парижъ.

Вотъ уже пять дней, какъ мнѣ изъ цвѣточнаго магазина ежедневно приносятъ цѣлую корзину цвѣтовъ. Больше ни отъ кого, какъ отъ Ярничя. Мальчикъ, приносящій эти цвѣты, говоритъ, что они заказаны были какимъ-то господиномъ, который далъ имъ мой адресъ. Не знаю, долго ли этотъ цвѣточный дождь будетъ продолжаться, не такъ же ли, какъ любовь Ярничя ко мнѣ? Вѣроятно, онъ ихъ заказалъ передъ своимъ отъѣдомъ въ Германію.

7-го марта. Парижъ.

Вчера была у Нумеа. Мнѣ неловко было спросить его о Ярничѣ. Онъ, въ свою очередь, о немъ ни слова не упоминалъ. И пришлось мнѣ уйти, какъ той лисѣ, не солоно хлебавши... Я ничего не узнаю о немъ.

13-го марта. Парижъ.

Былъ у меня Гартингъ. Онъ продалъ свое „Равнодушіе“ за большія деньги. Теперь онъ волосы чуть ли на себѣ не рветъ. Картину купилъ какой-то любитель, черезъ комиссіонера. Гартингъ увѣренъ былъ, что этотъ покупатель настолько деликатенъ будетъ, что позволить ему выставить раньше картину на выставку. Покупатель перепродалъ эту картину другому, послѣдній же уѣхалъ въ Америку—и увезъ картину съ собой. Гартингъ, узнавъ объ этомъ, опять хотѣлъ взять обратно картину. Онъ побѣждалъ къ своему старому покупателю, и тотъ тоже выѣхалъ совсѣмъ изъ Парижа. И Гартингу приходится лишь посылать имъ всѣмъ во слѣдъ свои проклятія.

— Мнѣ пришла идея, не написать ли мнѣ картину—Госпожа Ницета?—говорю я Гартингу.

— Я ищу подходящаго сюжета, уступите мнѣ вашу мысль. Выставка на носу, а эти жулики увезли мою картину.

— Я дала ему мое согласіе. И вотъ онъ теперь пишетъ новую картину „Госпожа Нищета“. Все же жаль, что онъ упустилъ такъ глупо передъ самимъ салономъ свою картину. Она была мастерски написана. Сегодня заходилъ ко мнѣ Нумень, я ему разсказала о несчастіи Гартинга. Онъ очень сожалѣлъ о немъ и пошелъ его утѣшать. Дѣйствительно, покупатель сыгралъ съ нимъ злую шутку. Теперь ему придется по цѣлымъ днямъ работать, чтобы успѣть къ выставкѣ въ салонѣ.

15-го Марта. Парижъ.

Была на картинной выставкѣ декадентовъ. Она производитъ на меня странное впечатлѣніе: будто цѣлая гонпа людей ломится изъ каменной душной тюрьмы на свѣжій воздухъ. Не знаю, почему ихъ прозвали декадентами?... Вѣроятно, потому, что наша прилизанная нравственность, наша прилизанная добродѣтель, наши идеи добра безъ души, наше общественное мнѣніе—все это не могло спокойно терпѣть, не могло совершенно безпристрастно отнестись къ нимъ, къ ихъ идеямъ, къ желанію вырваться изъ всей пошлости лицемерія, окружавшей ихъ. Мы сами не замѣтили, какъ превратились въ какихъ-то жалкихъ нищихъ, и сердимся на нихъ за то, что они ищутъ хоть какого-нибудь ничтожнаго богатства духа. Мы не подумали, что еще осталось у насъ, чтобы предложить имъ? Богъ, религія, искусство, поэзія, личность, любовь,—все это мы давнымъ давно превратили въ одинъ общій желудокъ. Мы ему поклоняемся, мы ему служимъ, мы его воспѣваемъ! Мы отдали ему нашу „личность“, любовь. И за то, что они не хотѣли поклоняться ему, мы ихъ прозвали ненормальными, сумасшедшими декадентами. Но зато мы терпимъ такую нормальную вещь, какъ проституція, мы закрываемъ глаза на дома терпимости, мы даже даемъ имъ патентъ на ихъ торговлю. Мы караемъ голодныхъ проституттокъ презрѣніемъ за то, что мы ихъ соблазняемъ, за то, что ради нашего будто-бы темперамента нельзя было устоять, но нельзя было и не карать. „Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать“. Мы общаемъ въ будущемъ новое царство любви, но сейчасъ не желаемъ подать даже крупичу любви для человѣка; и созидаемъ наше будущее обновленіе на проституціи, оборванныхъ голодныхъ дѣтяхъ, просящихъ „копеечку“ по улицамъ. Мы безчисленные томы исписываемъ „рецептами спасенія“ для будущаго абстрактнаго человѣчества, которое точно должно было родиться изъ воз-

духа. И тѣхъ, кто не хочетъ этой нашей безсознательной лжи, тѣхъ мы прозвали выродками. И пусть эти выродки дѣлаютъ безсознательныя глупости, но мы поступаемъ еще хуже. Мы требуемъ, чтобы они старались дышать нашимъ воздухомъ, не искали ничего лучшаго, потому что мы сами задыхаемся въ этомъ затхломъ, смрадномъ мирѣ лжи, полной духовной нищеты. Никто не смѣй вылѣзть изъ нашей гостеприимной клоаки до тѣхъ поръ, пока надумаемъ какъ-нибудь всѣ вмѣстѣ сразу изъ нея вылѣзть! И наши думы дальше нашего желудка не идутъ... И въ то же время мы отъ души желаемъ людямъ помочь, но мы не знаемъ, что намъ для этого дѣлать, и сидимъ, какъ тѣ евреи надъ рѣками вавилонскими, и плачемъ. Но не ради нашего погибшаго царства любви среди людей, а отъ разстройства нашихъ собственныхъ нервовъ, отъ того, что всѣмъ намъ и каждому въ отдѣльности такъ холодно, такъ „одинокое“ среди людей...

Я встрѣтила на выставкѣ Гартинга. Его языкъ нашель тамъ обильную пищу. Онъ увѣрялъ меня, что посѣщеніе декадентской выставки столько же доставляетъ ему удовольствія, какъ домъ умалишенныхъ. Я, наконецъ, рѣшилась спросить его о Ярничѣ. Онъ увѣрялъ меня, что два дня тому назадъ онъ видѣлъ его на одномъ изъ общественныхъ собраний, гдѣ тотъ говорилъ блестящую рѣчь.

27-го Марта. Парижъ.

Цвѣточный дождь продолжается. Недавно посыпался книжный. Но тотъ, кто осыпаетъ меня своими дарами, со всѣмъ не показывается. Завтра пойду къ нему въ гости,— авось, онъ дѣйствительно не уѣхаль.

28-го Марта. Парижъ.

Сегодня пошла къ Ярничу на квартиру. Спрашиваю:

— Дома?

— Дома.

Я вошла. Первый моментъ онъ такъ смутился, точно пойманный преступникъ. Мы стояли, оба смущенные, и смотрѣли другъ на друга.

— Итакъ, вы только отъ меня уѣхали?

— Я не уѣхаль, раздумаль... Какъ поживаете?

— Встаю и ложусь, осыпанная цвѣтами. А вы?

— Я счастливъ. Работаю и созерцаю ежеминутно ваше

равнодушіе, — смѣясь, сказалъ онъ, указывая мнѣ на стѣну. Тамъ висѣла картина Гартинга.

— Вы здую шутку сыграли съ нимъ, — сказала я.

— Онъ со мной еще злѣе...

— Онъ съ вами?

— Онъ отнялъ васъ у меня.

— Я не вещь. Меня нельзя ни взять, ни отнять. Я поражаюсь вашей дерзости! — проговорила я, начиная уже сердиться.

— Вы будете отрицать что любите его?

— Буду.

— Такъ я вамъ и повѣрю! Нѣтъ, уходите себѣ, я васъ не желаю видѣть. Ложь, порокъ это ваши спутники. Я васъ ненавижу, презираю! Скажите этому ослу вашему Гартингу, что я къ нему моихъ секундантовъ пришлю. Что же вы сидите, чего еще ждете? Можетъ быть, хотите еще большихъ оскорбленій! — съ гнѣвомъ обратился онъ ко мнѣ. Меня вдругъ охватила страшная усталость, я не въ состояніи была двинуться съ мѣста. Мнѣ хотѣлось заснуть надолго. Вѣроятно, онъ замѣтилъ мое страшное душевное состояніе, потому что я услышала его голосъ вблизи меня. — Таия, что съ вами? — спросилъ онъ меня. Его приближеніе разбудило меня отъ моей душевной летаргіи. Я моментально схватилась съ мѣста и пошла къ дверямъ. Вдругъ Яричъ взялъ меня на руки. Онъ цѣловалъ мои руки, говорилъ нѣжныя слова. Я слушала спокойно. Мое сердце точно окаменѣло. Въ этотъ день я имѣла глупость принести ему мое сердце. Онъ не понялъ. Я тихонько унесла его обратно.

4-го Апрѣля. Парижъ.

На дняхъ встрѣтила Тѣнича, онъ опять весь ушелъ въ какія то новыя колониальныя общественныя дѣла и въ новую любовь. Бѣдная Мидина, никогда ей не увидать его докторомъ!

Яричъ бываетъ у меня каждый вечеръ, но я не могу ничего подѣлать съ собой, я не могу забыть той сцены, которая произошла между нами, и я не могу вырвать любовь изъ сердца... Я люблю его. Бываютъ моменты, когда мнѣ хочется обнять его, сказать ему о моей любви. У меня пока есть работа, а потому я имѣю право на такую роскошь... Но уста нѣмѣютъ, и всѣ эти желанія, точно испуганныя птицы, куда-то улетаютъ при мысли, что онъ не повѣритъ и никогда не будетъ вѣрить.

8-го Апрѣля. Парижъ.

Я часто посѣщаю, благодаря Ярничу, разныя общественныя собранія, на которыхъ слушаю великихъ политическихъ дѣятелей, ораторовъ. Меня поражаетъ громадное изобиліе любви къ человѣчеству, совершенно намъ чуждому, абстрактному, и страшная ницета любви къ настоящему порочному, страдающему вокругъ насъ человѣку. Всѣ желаютъ любить, но никто не умѣетъ. Большинство человѣчества сами для себя незамѣтно перенесли свою любовь изъ сердца въ голову; и выходитъ что-то въ родѣ искусства ради искусства, любви ради теории, а не теории ради любви. Я теперь вполнѣ начинаю прозрѣвать, почему мы всѣ нищѣ, несмотря на такое множество спасителей человѣчества, чувствуемъ себя такими безпомощными, одинокими, точно въ пустынѣ. Кругомъ насъ во всѣхъ сердцахъ полное банкротство любви, полная ницета.

Отъ этой ницеты вѣетъ повсюду холодомъ.

13 го Апрѣля. Парижъ.

— Скажите Таня, отчего вы въ послѣднее время такъ измѣнились ко мнѣ, такъ замкнулись сами въ себя?

Недавно съ такимъ вопросомъ обратился ко мнѣ Ярничь.

Я отвѣтила ему то, что думала:—что мое сердце охватило какой-то холодъ одиночества и полное недовѣріе въ возможности личнаго счастья для меня.

Онъ взялъ мои руки, нѣжно пожимая ихъ, увѣрялъ меня, что я обѣими руками крѣпко, точно въ тискахъ держу все его сердце, его любовь; увѣрялъ меня, что онъ несправедливъ отъ ревности, тоски, потому что я не хочу жить съ нимъ какъ жена. Всѣ эти нѣжныя увѣренія проходили какъ-бы мимо меня и мало радовали мое сердце. Я устала тѣломъ и душой. Иногда мной овладѣваетъ полнѣйшая апатія ко всему на свѣтѣ. Въ борьбѣ съ ницетой я потратила не мало здоровья, энергіи.

Я не знаю даже, ушла ли я навсегда отъ крѣпкихъ объятій госпожи Ницеты; все же нѣкоторое время я радовалась богатству любви и ласкъ, посыпавшихся на меня, благодаря Ярничу. Но съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось такъ дорого расплачиваться за эти богатства, съ тѣхъ поръ меня охватываетъ все больше тоска.

Я чувствую, что ни сердца, ни души не хватитъ мнѣ рас-

платиться за всю эту роскошь. Въ любовь Ярнича я вѣрю настолько, насколько полагается вѣрить, мѣряя ее по его сытому масштабу.

Мы—чужіе другъ другу, несмотря на всю нашу взаимную любовь. Что общаго между нами?

Его никогда не варили въ котлѣ нищеты. А лишь заглядывая въ котелъ, никогда не понять его адскаго жара. Онъ наблюдаетъ всѣхъ корчившихся въ этомъ аду и любитъ ихъ въ идеѣ. Это своего рода астрономія и астрономы. Тѣ холодно и безстрастно смотрятъ въ свои подзорныя трубы на небо и наблюдаютъ спокойно его явленія;—эти на землѣ заглядываютъ въ нашъ котелъ нищеты, позора, сквозь призму своего холоднаго разсудка, а не сердца. Несчастье Ярнича состоитъ въ томъ, что онъ нечаянно полюбилъ женщину съ дурнымъ прошлымъ. Онъ ищетъ во мнѣ, главнымъ образомъ, любовницу, а потомъ уже человѣка. Я же въ немъ ищу только человѣка, потому что любовники мнѣ до смерти надоѣли. Существуютъ люди съ страстными тѣлами и холодными сердцами, но есть такіе у которыхъ холодныя тѣла и страстныя сердца. Къ послѣднему разряду принадлежу я. Поэтому ни къ одному барину я не привязалась. Мнѣ нужно было полюбить и непременно человѣка, а не животное. Я полюбила въ Ярничѣ человѣка. Но я хорошо понимаю, что, какъ человѣкъ, онъ честенъ, потому что его честность не стояла у края пропасти; нищета, голодъ не толкали его туда; онъ гордъ, самолюбивъ, потому что ни его гордость, ни его самолюбіе никогда не терпѣли отъ такихъ же сытыхъ, какъ онъ; онъ безупреченъ, потому что его богатство предохраняетъ его отъ всѣхъ искушеній нищеты. Какъ можетъ онъ страдать страданіями другихъ, когда во всю его жизнь онъ не болѣлъ этими страданіями, не носилъ ихъ ношу на своихъ плечахъ; мозгами же, головой ему никогда этого не понять. Между страдающими онъ будетъ всегда чужой, его сердце никогда не загорится однимъ страстнымъ желаніемъ имъ помочь. Оно можетъ горѣть любовью лишь у такихъ же нищихъ, какъ мы.

Я помню, какъ насмѣхался онъ, какъ мучилъ меня своей ревностью, но никогда не пожалѣлъ.

Для него мои страданія ровно ничего не значили, потому что такъ страдаетъ цѣлый легіонъ, все идетъ по строгимъ законамъ экономической зависимости. Къ тому же онъ самъ не знаетъ, еще не рѣшилъ, къ какому разряду причислить меня: къ страдающимъ или порочнымъ? Можно подумать, что мы всѣ родились порочными! Ахъ, какъ было

бы хорошо, если-бы всѣ спасители рода человѣческаго, прежде чѣмъ другихъ спасать изъ ада, сами бѣ побывали, хотя года два, въ его котлѣ. Они тамъ только могли бы понять и научиться любви къ человѣку!.. Я знаю, что противъ любви Ярнича я не устою. Я стану вѣрить безъ думъ. Мое сердце слишкомъ изголодалось, измучилось среди позорныхъ объятій моихъ бывшихъ любовниковъ. Я не святая, я человѣкъ; я жажду настоящей привязанности, ласки.

Находиться постоянно въ обществѣ такого человѣка, какъ Ярничь, къ тому же любящаго, хотя и по своему идеалу, но все же любящаго, трудно отказаться отъ любви, мимолетнаго счастья. Вѣрить же въ его прочность я не могу. Меня охватываетъ ужасъ при мысли, что мнѣ потомъ не уплатить по счету за такую большую роскошь. И адѣсь дьяволъ—нищета мнѣ насолила. Отчего не полюбила я какогонибудь нищаго, такого же, какъ сама, а непременно сытаго барина?..

15-го Апрѣля. Парижъ.

Всю ночь меня преслѣдовала во снѣ госпожа Нищета, въ видѣ оборванной, въ лохмотьяхъ, страшной старухи. Лицо ея было ужасно, лицо скелета, съ горящими отъ голода глазами. Она все время гналась за мной, хватала меня, я вырывалась, она снова схватывала и кричала, что не можетъ жить безъ меня, что я ее обнищала, что она, благодаря мнѣ, окончательно разорена, обѣднѣла. Мы боролись до утра. Ясное апрѣльское солнце заглянуло ко мнѣ и разбудило меня. Звонко у дверей звонилъ, не переставая, продолжительнымъ звономъ. Я побѣжала и открыла двери. Это былъ посыльный съ роскошной корзиной цвѣтовъ,—обыкновенная ежедневная дама Ярнича... Я невольно, при взглядѣ на цвѣты, вспомнила мой отвратительный сонъ... На меня нахлынула тоска.—Успокойся, моя добрая старушка, г-жа Нищета, ты не обѣднѣла! Вокругъ и повсюду полная нищета, если не въ карманахъ, то въ сердцахъ...

20 го Апрѣля. Парижъ.

Вчера у Нумена собралось большое общество, какъ обыкновенно, по четвергамъ. Сколько было пылкихъ рѣчей, какихъ только рецептовъ не предлагалось тамъ для будущаго! Одинъ лишь Нумень предлагалъ поучиться, прежде чѣмъ спасать человѣчество, любви къ обыкновенному глупому, по-

рочному, несчастному человѣку. Онъ, кажется, такъ и остался одинъ на своихъ бѣлоснѣжныхъ вершинахъ любви. Что-же касается его гостей, то всѣ они совсѣмъ не думали о томъ, что „врачъ, исцѣлился самъ“, они считали себя вполне здоровыми. Френъ увѣрялъ, что стоитъ лишь разрушить эту дряхлую постройку, называемую міромъ, и сразу на ея мѣстѣ, изъ ея же обломковъ вырастетъ дивное зданіе, вмѣсто гнилыхъ болотъ потекутъ рѣки кристальной чистоты, и зацвѣтутъ яркіе душистые цвѣты жизни. Яричъ и его единомышленники спорили съ нимъ, доказывали, что совсѣмъ не нужно ломать гнилое зданіе, достаточно лишь одѣлать всѣхъ пищей и работой, тогда во всѣхъ наболѣвшихъ сердцахъ появится миръ и благоволеніе. Всѣ наши животные инстинкты, страсти, пороки сразу исчезнутъ. „И выйдетъ изъ жизни одно казенное заведеніе подъ фирмой,—трудъ, добродѣтель и умѣренность аппетитовъ“,—насмѣшливо возразилъ Даринъ. Отъ всѣхъ этихъ споровъ меня охватила страшная тоска, какая-то душевная смута... какъ любимъ мы мечтать и какъ плохо дѣйствуемъ!—Дивная музыка Трамъ успокоила меня, и то на короткое время... Къ стыду моему я должна признаться, что вчера, первый разъ въ жизни, я почувствовала страшную ревность. Яричъ вдругъ вздумалъ поухаживать за Трамъ. Онъ выпросилъ у нея розу на прощанье, когда мы уходили домой. Я не могла спокойно это перенести и потеряла всю мою холодную рассудительность. Я ревновала смертельно, сознавая въ то же время, что нѣтъ ничего подлѣе, глупѣе ревности. Яричъ, какъ обыкновенно, зашелъ ко мнѣ отдохнуть и выпить стаканъ чаю на сонъ грядущій. Лицо его было оживленное, веселое, какъ никогда. Я почувствовала, что ненавижу его и люблю вмѣстѣ. Отъ всѣхъ этихъ чувствъ, нахлынувшихъ какъ-то сразу въ мое сердце, я не могла спокойно съ нимъ разговаривать.

— Нора, что съ вами?—спросилъ онъ, съ удивленнымъ видомъ.

— Я не Нора, зачѣмъ вы меня постоянно зовете этимъ именемъ?

— По привычкѣ. Вы знаете, я любилъ когда-то Нору. Мнѣ пріятно вспомнить это имя.

— Когда-то? А!

— Какое дивное личико, какая интересная дѣвушка эта Трамъ! И какъ это я раньше не замѣчалъ?—удивлялся онъ, будто самъ про себя.

— Идите къ ней и объяснитесь въ любви! Чего ради я все это должна выслушивать?

— Ну, чего же вы сердитесь, Нора? Я самъ сейчасъ только узналъ, какъ безумно люблю ее! Какъ это я раньше не догадался? Я самъ себя не понималъ... Мнѣ казалось, я васъ люблю, а сердце мое неволью стремилось къ ней,—заговорилъ онъ вдругъ такимъ искреннимъ и довѣрчивымъ тономъ, что мое сердце неволью сжалось отъ боли и тоски.

— Зачѣмъ вы мнѣ это все говорите?—спросила я.

— Мы съ вами друзья. Я хотѣлъ вамъ первой сообщить мою радость, что, наконецъ-то, я разобрался въ своихъ чувствахъ.

— Ахъ, теперь вы, наконецъ, поняли, когда замучили меня своей ревностью, увѣреніями въ своей любви!

— Человѣку свойственно ошибаться. Я тоже не святой! Да и почему это васъ такъ волнуетъ? Вы меня не любите, слѣдовательно, должны только радоваться...

— Вашему счастью съ Трамъ? Нѣтъ, я еще до такого великаго альтруизма не дошла!.. Ну уходите, пожалуйста, я спать хочу. Любите кого хотите, лишь оставьте меня въ покоѣ, я знать васъ не хочу...

— Вотъ и знакомства лишился,—гм, что за напасть?—размышлялъ онъ, точно недоумѣвая.

— Оставьте вы сегодня меня въ покоѣ?

— Навсегда, хотите вы сказать?

— Да, да, навсегда! Я ненавижу васъ!

— Когда вы ненавидите, то это уже много.

— Да, ненавижу, презираю, уходите!

— И любите?—спросилъ онъ, смѣясь, заглядывая мнѣ въ глаза и обнимая меня.

— Пустите, пустите!—вырвалась я отъ него, потому что чувствовала, что не уйти мнѣ отъ его ласкъ, хотя бы тамъ онъ любилъ еще сотни другихъ женщинъ.

— Не пусти. Теперь я знаю, что вы меня любите! Какъ же я раньше былъ глупъ, что не догадался сыграть съ вами комедію.

— А Трамъ, она вамъ нравится?

— Страшно, я ее безумно люблю!—сказалъ онъ, страстно сжимая меня въ объятіяхъ и цѣлуя.—Какая вы безумная, Нора, я не могу любить двухъ женщинъ, я изъ разряда несчастныхъ „однолюбовъ“. Кто бы ни была та женщина, которую мы полюбимъ, какъ бы она ни относилась къ намъ, мы ее всегда будемъ одну любить и все прощать, потому что иначе сами погибнемъ отъ тоски по ней,—увѣрялъ онъ меня.

18-го Мая. Парижъ.

Какъ давно я не писала! Вѣроятно, потому, что счастлива. Надолго ли, не знаю. Ахъ, не все ли равно? Пусть хотя одинъ день, да мой. На зло госпожѣ Нищетѣ. Попляши, моя старушка!

29-го Мая. Парижъ.

Я живу словно во снѣ. Мое лицо невольно сіяетъ отъ счастья. Только что встрѣтила Гаргина. Онъ мнѣ съ ироніей замѣтилъ:

— Вы знаете новость?

— Какую?

— Одна дама достала солнце съ неба!

— Вы всегда сочините что-нибудь.

— Развѣ оно сейчасъ не у васъ въ карманѣ?—съ глупо-удивленнымъ видомъ спросилъ онъ меня.

— Какъ глупо! Вы вѣчно злословите.

— Знаете, я убѣдился, что вы крѣпко привязали своимъ кокетствомъ бѣднаго Ярнича. Я теперь начинаю смѣлѣе дѣйствовать около Трамъ. Боже мой, ну скажите сами, не лучше ли ей обратить вниманіе на товарища по оружію, такого же артиста, какъ она сама? Нѣтъ, ей непремѣнно захотѣлось Ярнича! Удивительный народъ эти женщины, всегда въ погонѣ за блуждающими огоньками!

— Лучше бы взяли обыкновенный, домашній очагъ,—это хотѣли вы сказать?

— Вотъ, уже обратили меня въ простую кухонную плиту! Нѣтъ, съ этими женщинами никогда никакой справедливости не добьешься. Лучше останусь на вѣкъ холостякомъ.

— Въ такомъ случаѣ, я въ старыхъ дѣвахъ вѣкъ свой проживу.

— Signorina, signorina, не смѣйтесь надо мной! Я не такъ простъ, какъ кажусь вамъ,—съ лукавымъ видомъ сказалъ онъ, раскланиваясь со мной.

30-го Мая. Парижъ.

Сегодня Ярничъ всѣмъ представлялъ меня у Нумена, какъ свою жему. Я сердилась на него за это и лишь изъ приличія не выбрала его тамъ же при всѣхъ. Онъ замѣчалъ мою злость и, смѣясь, переглядывался съ Нуменомъ. У обоихъ былъ видъ заговорщиковъ точно изъ какой-нибудь

комической пьесы. Вообще, эта исторія съ Трамъ безъ косвеннаго совѣта со стороны Нумена, навѣрное, не обошлась. Теперь они новую атаку повели противъ меня. Я не хочу жить въ одной квартирѣ съ Ярничемъ. Нумень знаетъ, что мы живемъ на разныхъ квартирахъ. Сегодня онъ самымъ невиннымъ тономъ спрашиваетъ Ярничя:—„Скажите, когда вы съ женой у себя принимаете?“ Тотъ невозмутимо отвѣчаетъ:—„Мы всегда дома, будемъ всегда рады васъ у себя видѣть“.—На обратномъ пути, я ему за это сдѣлала выговоръ. Онъ упрямо молчалъ. И такъ молча подошелъ къ темному проулочку. Я всегда боюсь темныхъ, парижскихъ улочекъ, въ особенности ночью. Онъ же всегда старается непременно ходить со мной по нимъ, такъ какъ, въ виду ихъ безлюдности, онъ имѣетъ привычку носить меня на рукахъ. Поэтому, вмѣсто отвѣта на всѣ мои упреки, онъ говорить:

— Нора, будьте мѣжнѣ, мы сейчасъ подходимъ къ проулочку. Мнѣ больше ничего не оставалось, какъ замолчать.— Я хотѣла дома поговорить съ нимъ. Но онъ съ такимъ вниманіемъ читалъ вечернюю газету, что я разсердилась и замолчала.

— Нора, когда вы въ слѣдующій разъ задумаете сердиться, то приготовляйте мнѣ вечернюю газету,—подъ аккомпаниментъ вашихъ упрековъ мнѣ такъ пріятно ее читать,—насмѣшливо сказалъ онъ мнѣ.—А теперь придите и поцѣлуйте меня за мое великое терпѣніе,—проговорилъ онъ такимъ мѣжнимъ тономъ, что мое сердце больше не выдерживаетъ, злость проходитъ,—я подхожу къ нему и цѣлую его.— И такъ наши разговоры всегда кончаются. Я начинаю рѣчь „за упокой“, онъ кончаетъ ее „за здравіе“. Своей любовью и мѣжностью онъ обращаетъ всю мою злость и волю ни во что. Не знаю, какъ пойдетъ дальше, пока я счастлива...

2-го Іюня. Парижъ. •

Мы уѣзжаемъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Германію. Я взяла отпускъ въ своей редакціи, хотя все же время отъ времени должна буду вести корреспонденцію изъ Германіи. Госпожа Ницета отстала отъ меня,—вѣроятно, догоняетъ кого-нибудь другого. Я же постараюсь больше не допускать ее къ себѣ, эту проклятую, слишкомъ любезную старушку. Я у нея прошла хорошую, хотя тяжелую, школу жизни. Я научилась любить такихъ же нищихъ, какъ я сама. Я знаю, какъ взойти на сіяющія вершины истины. Путь къ нимъ лежитъ среди чужихъ страданій, нищеты и позора. И если я

больше не запутаюсь въ лохмотьяхъ нищеты, то все же я пойду въ бой противъ доброй старушки, моей старой пріятельницы госпожи Нищеты. Мы, нищіе, должны побѣдить ее, должны вырваться изъ ея страшныхъ котловъ преступлений, пороковъ, голода, позора...

Я не знаю, будетъ ли вѣчно продолжаться любовь Ярничка... Онъ говоритъ, что никогда не разлюбить, потому что принадлежитъ къ „однолюбамъ“.—Я же лично ни на что не рассчитываю. Я знаю, къ какому бы онъ разряду ни принадлежалъ, я все равно пошла бы на всѣ компромиссы, потому что полюбила его. Я такъ измучилась въ моей прошлой жизни, что жажда личнаго счастья убила всѣ размышленія холоднаго разума. Я даже иногда начинаю вѣрить въ возможность счастья на землѣ.

Зинаида Карево.

К о н е ц ъ.

За свободу.

РОМАНЪ.

Алоиза Ирасна.

Перевелъ съ чешскаго В. Южанинъ.

(Продолженіе).

XXIX.

„О, ты, градъ Пильзень!
У насъ въ жилахъ стыла кровь!“
.....!

„Онъ шелъ, билъ барабанъ, о, какъ по-
тусквѣлъ сквозь черное сукно барабана
звукъ!

„Онъ шелъ гордъ и прямъ, а у насъ въ
душѣ кипѣло море адскихъ мукъ“.
Врхлицкій.

„Изъ Лхоты, Кыцова, Тлумацова и Стража по четыре, изъ Починковиць, Медакова, Ходова и Пострпешескова по шести, по восьми изъ Клемчи, по десяти изъ Дражинова и Уѣада—пойдутъ въ Пильзень, дабы они видѣли, какъ будетъ наказанъ бунтовщикъ Кожина. И пусть каждый возьметъ съ собою своихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, чтобы послѣдніе до самой смерти не могли забыть того, что они видѣли въ Пильзень“.

Такъ гласилъ приказъ Максимилиана фонъ-Альбекейтъ. Онъ строго повелѣлъ всѣмъ судьямъ въ точности исполнить это во всѣхъ селахъ, дабы Ходы помнили это, дабы дѣти ихъ передавали изъ поколѣнія въ поколѣніе о томъ, какъ наказалъ Ламмингеръ возмущеніе противъ него.

Онъ долго колебался, прежде чѣмъ обнародовать этотъ суровый приказъ. Но теперь, когда рядъ ходскихъ воевъ въѣзжалъ черезъ Мрачныя ворота въ Пильзенъ, всякій могъ подумать, что онъ научитъ ихъ, наконецъ, послушанію. Какъ онъ и приказалъ, всѣ съѣхались въ Домажлицы, и оттуда, въ сопровожденіи его прислужниковъ изъ Кута и Трханова, немедленно послѣ полуночи, предприняли этотъ грустный путь. Было пасмурно, слегка морозило, когда они, вскорѣ послѣ полудня, достигли города. Люди выбѣгали изъ всѣхъ домовъ на улицу, которая и безъ того была полна любопытныхъ, чтобы посмотрѣть на насильно приведенныхъ свидѣтелей казни, о которыхъ уже разлетѣлась молва. Нѣкоторые смотрѣли съ любопытствомъ, другіе съ сочувствіемъ на статныхъ Ходовъ въ кожухахъ, плащахъ и бараньихъ шапкахъ, которые безмолвно и мрачно сидѣли на возахъ, около своихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ. Эти дѣти, изъ отдаленныхъ горныхъ селъ, смотрѣли со страхомъ и съ любопытствомъ на незнакомыя вещи кругомъ себя, на высокіе дома, на многочисленную пеструю толпу, которая указывала на нихъ пальцемъ.

Ламмингеръ могъ быть спокоенъ. Но если бы онъ слышалъ все то, что говорилось во всѣхъ ходскихъ домахъ, и усадьбахъ, когда былъ объявленъ его приказъ, если бы онъ слышалъ проклятія! А если бы онъ могъ теперь заглянуть въ души людей, сидящихъ на возахъ, и увидать то, что они о немъ думаютъ, и почему они послушали его! Они поѣхали не изъ повиновенія, они поѣхали, чтобы еще разъ увидать того мужественнаго защитника своихъ правъ, чтобы попроситься съ этимъ мученикомъ. А если бы Ламмингеръ слышалъ, какъ они всю дорогу ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о Кожимѣ, какъ они сожалѣли его, какъ прославляли и восторгались имъ. Кутскій управитель Кошъ и бургомистръ это хорошо замѣтили. Но, когда они подѣзжали ближе, разговоры смолкали, и мрачныя Ходы глядѣли, словно нѣмые, прямо себѣ подъ ноги, и ни одинъ изъ нихъ не оглядывался на нихъ.

На послѣднемъ возу, гдѣ сидѣлъ старикъ Шерловскій съ Пайдаромъ, припомнили Сыку и молодого Шерловскаго, Дикаго Брыхту, веселаго Адама, которымъ, въ эту минуту и въ кандалахъ лучше, нежели имъ всѣмъ. Это и высказалъ Пайдаръ, а старый Шерловскій прибавилъ, что лучшую долю избралъ Матвѣй Пршибекъ.

Въ Пильзенѣ царствовало необычайное оживленіе. Со всѣхъ сторонъ съѣхалось множество народа, чтобы видѣть

казнь молодого Хода, объявленную не только въ Прагѣ, но и во всѣхъ областныхъ городахъ королевства. Улицы кишѣли народомъ, среди которыхъ блестяло вооруженіе и яркіе мундиры солдатъ, прогуливавшихся по городу.

Кошъ завезъ Ходовъ въ трактиры, приготовленные для нихъ. Старикъ Шерловскій, наскоро закусивъ, собирался выходить, чтобы отправиться въ городъ, но сейчасъ же вернулся и объявилъ, весь пылая гнѣвомъ, что его не выпустили, что ихъ стерегутъ солдаты.

Когда затѣмъ Пайдаръ съ нѣсколькими другими просили у Коша разрѣшенія выйти, такъ какъ они желали бы добиться свиданія съ Кожиною, что они были бы такъ рады попрощаться съ нимъ, онъ ихъ дерзко оборвалъ:

— Увидите его завтра. Къ нему вамъ нельзя. Вамъ то!.. Чтобы онъ еще напоследокъ началъ проповѣдывать и кружить вамъ головы своими рѣчами, какъ это раньше дѣлалъ. Вамъ все еще мало, вы рады за старое приняться, чтобы и васъ постигло то же? Не смѣете выходить,—такъ приказано.

Ходы кипѣли гнѣвомъ. Они были точно въ клѣткѣ, и къ тому же безоружные. Ходы, нахмурившись, замолчали, потомъ заговорили о Кожинѣ, о его женѣ и дѣтяхъ.пустили ли, по крайней мѣрѣ, этихъ несчастныхъ къ нему? Последніе выѣхали еще за три дня передъ ними. Искра запрегъ пару красивыхъ гнѣдокъ, выращенныхъ самимъ Кожиною, на возъ усѣлось все несчастное семейство хозяина и Дорла. Старый Волкъ бѣжалъ за ними, и, по просьбѣ Павлика, вѣрнаго сторожа тоже посадили.

— Онъ его такъ любилъ,—сказалъ Искра, опроставъ около себя мѣстечко для старой собаки, которая происходила еще изъ породы ходскихъ сторожевыхъ псовъ. За возомъ Кожины выѣхалъ изъ Уѣда и другой, на которомъ сидѣло нѣсколько старыхъ сосѣдокъ въ черныхъ одеждахъ и бѣлыхъ платочкахъ. Такіе же были и на Ганкѣ и старой Кожиновой.

Онѣ поѣхали, чтобы Кожинины не были такъ одиноки во время этихъ страшныхъ минутъ. На этомъ же возу сидѣлъ и старый Пришибекъ, отецъ Матвѣя, котораго Манка напрасно удерживала дома.

Въ то время, какъ Шерловскій разговаривалъ съ Пайдаромъ о Кожининыхъ, къ нимъ вошелъ совершенно неожиданно Искра. Они очень обрадовались ему, и всѣ немедленно обступили волинщика. Внимательно осмотрѣвшись кругомъ, онъ рассказалъ имъ, что только съ трудомъ добрался до нихъ, что ему удалось обмануть часового. Онъ сообщилъ имъ, что Ганна съ матерью и дѣтьми имѣютъ право ходить два раза

въ день въ тюрьму, что и онъ былъ тамъ. Онъ сказалъ имъ, что Кожина спокоенъ и еще утѣшаетъ жену.

— А ужъ какъ онъ этихъ дѣтей любитъ! Трудно удержаться отъ слезъ, когда видишь, какъ онъ разговариваетъ съ ними, какъ гладитъ ихъ по головкамъ и цѣлуетъ; когда онъ Ганинъ поручаетъ ихъ, какъ слѣдуетъ воспитать и помнитъ и не забывать отца,—а изъ Павлика сдѣлать настоящаго Хода.

Всѣ были глубоко растроены, а волышникъ, замолчавъ на минуту, продолжалъ дальше:

— Онъ и о васъ говорилъ, онъ просилъ васъ простить ему, ежели онъ кого обидѣлъ, и помнитъ о старыхъ Ходскихъ правахъ. Онъ спросилъ также, тутъ ли Ломикаръ, и когда я сказалъ, что онъ третьяго дня приѣхалъ, въ одно время съ нами, онъ вдругъ сказалъ: „Приѣхалъ на меня посмотрѣть. О, Господи Боже, дай мнѣ завтра силъ, чтобы этотъ не посмѣлъ!“

И вдругъ Искра вспомнилъ случай, происшедшій третьяго дня, когда они вѣзжали въ Пильзенъ. Они, у самыхъ воротъ, встрѣтились съ Ламмингеромъ, и когда старый Пршибекъ услышалъ, кто приближается, онъ быстро поднялся, точно юноша, и грозя Ламмингеру сжатимъ кулакомъ, началъ плавать въ его сторону; и Мангъ съ другими женщинами съ трудомъ удалось его успокоить, и удержать. Еще счастье, что тотъ, Трхановскій, не видалъ этого.

Вспомнилъ вволюванный волышникъ и о томъ, какъ они вошли въ камеру Кожины и какъ старый Волкъ его сейчасъ же узналъ.

— Вы бы видали, какъ онъ прыгалъ и скакалъ отъ радости, какъ лизалъ Кожинѣ руки, а когда мы уходили, мы не могли выгнать изъ тюрьмы эту нѣмую тварь. Волкъ улегся и не двинулся, что мы ни дѣлали,—такъ онъ тамъ и остался.

— Пойдешь ли еще въ тюрьму?—спросилъ Шерловскій. Искра далъ утвердительный отвѣтъ, и тогда всѣ просили, какъ милости, передать отъ каждаго поклонъ и сказать, что ихъ всѣхъ сильно сокрушаетъ, что они не могутъ его видѣть.

Сумерки ноябрьскаго дня спустились на королевскій городъ Пильзенъ. Было морозно, и вѣтеръ завывалъ. Площадь словно вымерла, повсюду было тихо и пусто. Нигдѣ не виднѣлось огня, повсюду лежали густыя тѣни: на домахъ, на мрачной тюрьмѣ и на величественномъ храмѣ, среди площади. Мерцающій свѣтъ неугасимой лампы грустно пробивался черезъ готическія окна. Передъ тюрьмой прохаживался часовой, закутанный въ плащъ. Немного поодаль, стояло

нѣсколько женщинъ въ коричневыхъ ходскихъ кожухахъ. Онѣ молчали, и только изрѣдка дѣлали невольное движеніе; глаза ихъ были устремлены на костель, надъ которымъ черная, остроконечная башня скрывалась въ густой темнотѣ. Вдругъ, словно по дамному знаку, онѣ обернулись вправо, къ тюрьмѣ. Ворота отворились, и оттуда вышли двѣ женщины, и каждая изъ нихъ несла ребенка. Ходки, между которыми была и Манка, подошли къ нимъ, къ Ганнѣ и старой Кожиновѣ. Онѣ возвращались изъ тюрьмы, гдѣ провели послѣдній вечеръ съ мужемъ и сыномъ. Послѣдній вечеръ! И уже никогда больше! Уже никогда больше не вернутся тѣ вечера, когда они сидѣли всѣ вмѣстѣ дома, когда Ганка распѣвала у колыбели, а Янъ игралъ съ Павликомъ, когда они были такъ спокойны и счастливы!

Ганна смотрѣла на женщинъ, ничего не понимая. „Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ было бы мудро,—подумала про себя старая Буршикова,—если бы у этихъ женщинъ, у этихъ Кожиновыхъ, и помутился разумъ!“

Ходки окружили ихъ, чтобы проводить домой и помочь отнести уснувшихъ дѣтей. Но Ганна не хотѣла возвращаться. Она не выдержитъ тамъ, съ тоски, тамъ все точно давитъ ее. Женщины ее долго уговаривали, и, наконецъ, двѣ изъ нихъ взяли ее рѣшительно подъ руки.

Когда онѣ проходили мимо костела, старая Кожинова вырвалась отъ нихъ и, упавъ передъ дверьми на колѣна, начала плакать и молиться. И Ганна опустилась рядомъ съ нею, а Ходки смотрѣли на нихъ печально, съ глубокимъ состраданіемъ, такъ-же горячо молясь, чтобы Господь Богъ послалъ имъ утѣшеніе.

Въ эту минуту, въ камерѣ, освѣщенной двумя восковыми свѣчами у креста, стоявшаго на покрытомъ столикѣ, было тихо. На стѣнахъ мигала тѣнь Яна Кожинны, когда онъ задумчиво прохаживался взадъ и впередъ. Онъ былъ блѣдеиъ, но спокоенъ. Онъ слышалъ о приготовленіяхъ, слышалъ о сочувствіи своихъ земляковъ, о которыхъ ему передалъ черезъ мать Искра. Это было для него большимъ утѣшеніемъ.

Онъ чувствовалъ, что Ламмингеръ не совсѣмъ побѣдилъ, и что завтрашній день ему тоже не поможетъ, несмотря на то, что онъ добился того, чего желалъ: его смерти.

Но что будетъ дальше съ Ходскимъ краемъ? Что будетъ съ его семействомъ?—Это были двѣ удручавшія его мысли, на которыя онъ не находилъ отвѣта.—Онъ сложилъ руки, и началъ молиться. Затѣмъ сѣлъ на кровать. Но сейчасъ же почувствовалъ усталость, усталость въ мысляхъ и въ чув-

ствахъ вслѣдствіе сильнаго волненія. Онъ положилъ голову на подушку и въ ту же минуту уснулъ. Онъ крѣпко спалъ до самаго разсвѣта, когда вдругъ проснулся, услыхавъ, какъ ключъ загремѣлъ въ замкѣ.

Ему принесли завтракъ, лучшій, чѣмъ когда-либо. Онъ едва дотронулся до него, и только отпилъ немного вина.

Потомъ пришли — мать, жена съ дѣтьми и Искра. При видѣ ихъ, его какъ будто что-то кольнуло. Въ послѣдній разъ! Эти послѣдніе дни, когда онъ уходили изъ тюрьмы, онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что послѣ полудня онъ снова придутъ, завтра, и завтра еще разъ. Теперь для него больше не было завтрашняго дня. Но, увидавъ блѣдныя, разстроенныя лица жены и матери, онъ постарался придать себѣ мужество.

— Господь Богъ не попуститъ, чтобы я напрасно умираю. Ломикарь выигралъ на человѣческомъ судѣ, но тамъ, у Божьяго суда, выиграю я, потому что наше дѣло — дѣло правое, и я невиновно умираю.

Старуха мать ломала руки.

— И все это я сдѣлала, — Ганна права, я во всемъ виновата. Не сохрани я эти грамоты. О, мой сынъ, прости меня, и ты Ганна, прости!

Каждого, кто зналъ эту твердую старуху, потрясъ бы до глубины души этотъ крикъ дикаго отчаянія, этотъ крикъ материнскаго сердца.

Сынъ быстро подошелъ къ ней, онъ утѣшалъ ее, и потомъ, обратившись къ женѣ, сказалъ ей ваволнованнымъ голосомъ:

— Ежели ты, Ганна, думаешь это, то я заклинаю тебя не думать такъ и не сердиться на маму. Не она тому причина. То, что я сдѣлалъ, я и безъ нея бы сдѣлалъ; вѣдь, ты знаешь, что все это у меня было давно на умѣ.

Онъ опять нагнулся къ дѣтямъ, говорилъ съ ними, гладилъ ихъ по головкамъ. Затѣмъ, словно что-то припомнивъ, обернулся къ матери и просилъ ее и жену простить его за то, что онъ причинилъ имъ столько горя.

— Да вознаградитъ васъ Господь Богъ за всю вашу любовь... А ты, Ганна, знай, — онъ снялъ красную ленту со своего, когда то свадебнаго, жупана. — Я ее берегъ и хранилъ. Это была моя единая памятка о домѣ и о васъ. Я могу взять ее съ собою въ гробъ, но не туда, подъ... — Онъ не договаривалъ, что ему не хочется брать съ собою подъ висѣлицу это дорогое для него воспоминаніе, дорогой для него подарокъ.

Двери открылись, вошелъ тюремщикъ, а за нимъ двое

солдатъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Женщины, увидавъ ихъ, испустили громкіе крики, слышались рыданія, Ганна потеряла сознание. Кожина подхватилъ ее, обнялъ ее и мать, потомъ дѣтей,—отъ этихъ онъ не могъ оторваться. Онъ цѣловалъ ихъ, благословлялъ краткими, прерывистыми словами.

На площади собралось несмѣтное количество народа, голова къ головѣ, нельзя было двинуться, каждый былъ такъ со всѣхъ сторонъ прижатъ, что можно было только съ трудомъ дышать. Въ окнахъ, на всѣхъ выступахъ,—однѣ головы, многіе влѣзли даже на крыши. Хуже всего было передъ тюрьмой, гдѣ солдаты едва сдерживали народъ, который валить и напиралъ къ воротамъ, желая взглянуть на осужденнаго. Поближе къ воротамъ, стояла кучка Ходовъ. Тутъ стояло восемьдесятъ человѣкъ, большею частью высокихъ и статныхъ, старыхъ и молодыхъ, безъ палицъ, всѣ мрачные, сосредоточенные.

Взоры всѣхъ были устремлены на нихъ, на ихъ малыхъ дѣтей, которыхъ они держали за руку, на подростковъ, на нѣсколькихъ мрачныхъ Холокъ въ длинныхъ козюкахъ. Люди указывали на нихъ, говорили о нихъ; но Ходы неотступно смотрѣли на тюремный проходъ.

Вдругъ они вадрогнули. Изъ тюрьмы послышался глухой шумъ, причитанія. Солдаты выходили мѣрными шагами, а за ними—онъ! Кожина! Сердце у нихъ замерло. Это онъ, этотъ статный человѣкъ, который былъ прежде кровь съ молокомъ. Какъ онъ худъ и блѣденъ! Но какъ твердо идетъ, какъ высоко держитъ голову! У всѣхъ была одна мысль, всѣ Ходы подались впередъ, чтобы поздороваться съ нимъ, чтобы пожать ему, въ послѣдній разъ, руку. Но солдаты удержали ихъ, и они не могли двинуться съ мѣста. Они только увидали, что Кожина, замѣтивъ ихъ, имъ улыбнулся.

Шествіе остановилось передъ самой тюрьмой. Было ясное солнечное утро. Въ эту минуту тюремщикъ уговаривалъ Ганну и старуху Кожинову успокоиться, потому что будутъ читать приговоръ.

Взоры всѣхъ на площади устремились на балконъ ратуши, гдѣ показалось нѣсколько чиновниковъ, и одинъ изъ нихъ началъ снова читать приговоръ уголовного суда, дабы всѣ тутъ собравшіеся вѣдали, на что осмѣлился осужденный.

Когда онъ дочиталъ, подали знакъ, и печальное шествіе тронулось. Въ эту минуту, одинъ изъ Ходовъ,—это былъ старый Пршибекъ,—снялъ шляпу и, протянувъ правую руку по направлению къ Кожинѣ, воскликнулъ:

— Иди съ Богомъ, ты нашъ мученикъ!

Слова его были заглушены шумомъ и гуломъ топцы, и голосъ старика услышали одни только ближніе. Услыхалъ ихъ и Кожина, потому что онъ обернулся къ нему, и еще разъ, уже въ послѣдній, кивнулъ Ходамъ. Затѣмъ двинулся дальше, сопровождаемый священникомъ, матерью и женой, которая вела Ганалку и Павлика. За ними шли Ходы и Ходки, а неподалеку отъ старухи Кожиновой, Искра Ршехурекъ. Справа и слѣва солдаты, сдерживавшіе народъ. Всѣ ближніе, которые видѣли осужденнаго, его мать и жену въ иѣмомъ отчаяніи, его малыхъ невинныхъ дѣтей, не могли удержаться отъ слезъ.

Шествіе подвигалось медленно. Во главѣ его шель отрядъ войска, очищая дорогу; оттуда раздавался глухой барабанный бой, такъ какъ барабанъ былъ покрытъ чернымъ сукномъ. Они направлялись отъ тюрьмы къ Пражской улицѣ. Съ колокольни послышался заунывный погребальный звонъ. Когда Кожинова съ Ганной его слышали, онѣ заломили руки. Того, что дѣлалось кругомъ, онѣ не видали.

У Ганны туманъ застилалъ глаза. Все сливалось у нея, и оттуда до нея долеталъ лишь какой то неясный грохотъ и только отчетливо доносился заунывный погребальный звонъ. Сердце у нея замирало, судорога сжимала грудь: плакать она больше не могла. Потомъ у нея начали дрожать ноги, подгибаться колѣни. Мысли путались отъ страшной слабости. Ходскіе сосѣди сейчасъ же замѣтили, что она обмираетъ.

Кожина остановился, а съ нимъ и все шествіе. Они только что дошли до Пражской улицы. Всѣ обернулись посмотреть, что случилось; кругомъ говорили, что это его жена упала въ обморокъ! Всѣ глубоко сожалѣли ее: и толпа кругомъ, и горожане, смотрѣвшіе изъ оконъ. Вдругъ въ воздухъ сверкнула одна серебряная монета, за нею другая, третья; за ними блеснулъ и золотой, который упалъ вмѣстѣ съ другими на колѣни Ганны, которую посадили на каменную лавку около дома. Хотѣли ли они этимъ выказать свое сочувствіе, или думали вознаграждать этимъ эту измученную женщину? Она быстро схватила деньги и, отбросивъ ихъ въ сторону, словно это былъ горячій уголь или какая нибудь гадливая вещь, дико вскрикнула:

— Отдайте мнѣ моего мужа!

Ее хотѣли удержать, хотѣли, чтобы она не ходила дальше, но Ганна, словно набравшись новыхъ силъ, опять встала и продолжала этотъ тяжелый путь. Выйдя черезъ Пражскія ворота, они шли нынѣшними помѣстьями, тогда же сплош-

ными садами. Былъ ясный, холодный день. Несмѣтная толпа людей, достигнувъ открытаго мѣста, разлилась въ ширь, многие поспѣшили впередъ къ холму, на которомъ возвышалась висѣлица. Кругомъ расположилось войско и образовало квадратъ. Среди послѣдняго, прямо противъ висѣлицы, передъ войскомъ, судьи, должностныя лица, военачальники верхомъ, и между ними областной гетманъ Гора, а рядомъ съ нимъ Максимилианъ Ламмингеръ, владѣтельный графъ фонъ-Альбешрейтъ. Завернувшись въ темный плащъ, онъ разговаривалъ съ областнымъ гетманомъ. Надменное лицо владѣльца Трханова было блѣдно и спокойно. Но его свѣтлыя рѣсницы быстро замигали, когда осужденный вступилъ въ квадратъ.

Ламмингеръ его, сейчасъ же, замѣтилъ и не спускалъ съ него больше глазъ. Кожина идетъ твердо, безъ малѣйшаго малодушія—упраемая голова! Онъ спокойно выслушалъ приговоръ. Настала минута прощанія. Онъ обнимаетъ жену, мать дѣтей, цѣлуетъ ихъ,—у Ламмингера ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ, когда онъ взглянулъ на эту душу раздирающую картину, на отчаяніе этихъ ходскихъ женъ, когда къ нему донесся плачъ этихъ малыхъ дѣтей.

Онъ видѣлъ одного Кожину и внимательно наблюдалъ за нимъ, когда онъ, вырвавшись отъ родныхъ, направился къ висѣлицѣ. Шаги его увѣрены, ноги не подгибаются, онъ идетъ прямо и мужественно, и теперь, поцѣловавъ крестъ, поднесенный ему ксендазомъ, ступаетъ твердо ногою туда, гдѣ его ожидаетъ палачъ и смерть. Кругомъ настала гробовая тишина.

Тысячи людей смотрѣли, затаивъ духъ. Дулъ холодный вѣтеръ, перья на шляпахъ развѣвались, и оттуда, куда двѣ ходки унесли дѣтей Кожины, доносился душу раздирающій крикъ. У старухи матери помутилось въ глазахъ... Но вдругъ, она вскочила, словно ужаленная. Она глядитъ туда. Осужденный, ставъ подъ висѣлицу, взглянулъ кругомъ, на гордъ, на далекій край, его взоръ остановился на несмѣтной толпѣ людей, которая окружала грустный холмъ, словно живое море. Онъ увидалъ своихъ земляковъ въ нѣмомъ отчаяніи въ квадратѣ войска, многие изъ нихъ сжимали кулаки, и у всѣхъ глаза были полны слезъ, и не одинъ, подобно Искрѣ, громко всхлипывалъ. Онъ увидалъ ихъ, увидалъ жену, мать. Но теперь онъ глядитъ туда, гдѣ судьи, онъ узналъ того, на воронсмъ конѣ, онъ узналъ Ламмингера, который не спускалъ глазъ съ лѣстницы. Кожина выпрямился,—взглянулъ ему прямо въ лицо, какъ тотъ разъ.

у Сыки. И слышь! Всѣ вадрогнули; паны, палачъ, всѣ пришли въ замѣшательство.

— Ломикаръ!—воскликнулъ Кожина звучнымъ голосомъ, который дрожалъ отъ послѣдняго, глубокаго волненія, и въ эту минуту звучалъ грозно. Его блѣдное лицо покрылось, въ послѣдній разъ, румянцемъ, его глаза, въ послѣдній разъ, сверкнули.

— Ломикаръ! Черезъ годъ будемъ вмѣстѣ стоять передъ судомъ Божиимъ, и Онъ укажетъ, кто изъ насъ...

Великій сановникъ опомнился.

Обиженный палашъ сверкнулъ въ воздухѣ, палачъ дернулъ, и голосъ Кожины умолкъ. Яна Сладкаго, по прозванію „Кожина“, не было въ живыхъ.

Областный гетманъ, глубоко взволнованный всѣмъ происшедшимъ, обратился къ Максимилиану Ламмингеру. Тотъ блѣдный, какъ смерть, слушалъ его, едва понимая, что тотъ говорилъ. На его губахъ дрожала неувѣренная улыбка. Только, когда гетманъ прибавилъ, что глаза всѣхъ людей устремлены на него, онъ опомнился. Глаза его остановились на висѣлицѣ.

— Висить, — проговорилъ онъ и пришелъ въ себя; потомъ повернулъ коня. Кругомъ тысячи людей стояли на колѣняхъ, и молились вмѣстѣ съ ксендзомъ за упокой души. Не только тамъ, гдѣ стояли земляки казеннаго, но и во всей толпѣ былъ слышанъ плачъ и всхлипыванія. А когда должностныя лица возвращались въ городъ, Ламмингеръ услышалъ странныя вещи. Онъ услышалъ и увидалъ, какъ на него указывали, какъ изъ толпы раздавались восклицанія: Это онъ! Вотъ этотъ палачъ! Онъ велѣлъ его казнить!

— Каково то ему будетъ тамъ, куда его звалъ Кожина!

— Черезъ годъ и день! Слышали. Черезъ годъ, благородный графъ фонъ-Альбенрейтъ!

Сановники невольно пустили коней рысью.

XXX.

Разнеслась повсюду грустная вѣсть,—
Ее знаетъ старъ и младъ,—
Что нашъ славный Янъ Кожина
Шалъ подъ рукою палача
.....
Но тотъ годъ и день мутитъ его,
Богъ такъ это не оставитъ.

Врхлицкій.

Мертвое тѣло Кожины висѣло до заката солнца. Его земляки были въ это время уже далеко за городомъ. Ихъ принудили къ этому, и они не могли, какъ предполагали,

помолиться у тѣла своего заступника. Областный гетманъ приказалъ имъ немедленно возвращаться домой, и даже велѣлъ проводить ихъ часть дороги солдатамъ; они усѣлись на возы въ глубокомъ огорченіи. Но гнѣвъ ихъ обрушился не на гетмана, а на Ламмингера. Они были все убѣждены, что это онъ одинъ—причина этого распоряженія. Они возвращались домой грустные, печальные; такая же грустная, осенняя картина разстилалась передъ ними. Если Ломикаръ желалъ, чтобы они помнили сегодняшній день, то онъ добился этого. О, кто изъ Ходовъ можетъ когда-нибудь забыть двадцать восьмое число ноября мѣсяца? Они будутъ его по гробъ помнить, будутъ помнить его изъ поколѣнія въ поколѣніе. Не одинъ изъ Ходовъ нагнулся во время пути къ своему сынку и напомнилъ ему не забывать того, какъ Кожина терпѣлъ за Ходскій край и какъ онъ геройски умиралъ; онъ напомнилъ ему никогда не забывать, что во всемъ этомъ виноватъ одинъ Ломикаръ, никогда ему этого не прощать и никогда съ нимъ и его родомъ не мириться.

Весь Ходскій край дрогнулъ. И опять у всѣхъ тѣхъ, которые были въ Прагѣ, глаза наполнились слезами, и голось дрогнулъ, когда они передали обо всемъ происшедшемъ; а слушатели ихъ горько рыдали. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней во всѣхъ Ходскихъ селахъ словно справляли похороны. Никто не шелъ на работу, и изъ Трханова никто не смѣливался выгонять Ходовъ на барщину, какъ это случилось бы раньше. Они не рѣшились даже запретить Ходамъ отправиться въ Домажлицы; мужчины и женщины, молодые, старые, дѣти,—все въ черныхъ одеждахъ двинулись за городъ, къ Ходскому храму, гдѣ ксендъзъ отслужилъ имъ обѣдню за упокой души Кожины. Въ старинномъ готическомъ храмѣ, стѣны котораго были украшены древней живописью, на плитахъ котораго виднѣлись полустертые надгробныя надписи и гербы, сошлось множество народа, не только Ходовъ, но и горожанъ, чтобы почтить память казненнаго. Впереди всѣхъ стояли на колѣняхъ мать, жена и дѣти Кожины. Онѣ молились о душѣ дорогого для нихъ человѣка, у гроба котораго не могли быть. Въ углу костела, подъ хорами, стоялъ на колѣняхъ и молился какой-то человѣкъ. Когда послѣ обѣдни Кожинины проходили мимо него, онъ еще ниже склонилъ голову, чтобы онѣ не видали его. Это былъ Юсть, который, отбывъ наказаніе за подстрекательство, какъ гласилъ приговоръ, недавно вернулся изъ тюрьмы.

Въ это время Ламмингера уже не было въ Трхановѣ. Онъ не вернулся изъ Пильзена, а послалъ гонца къ жемѣ, прося ее пріѣхать къ нему, что онъ ждетъ ее тутъ.

„Страхъ и нечистая совѣсть гонять его прочь отсюда“, такъ говорилось повсюду—и въ городѣ, и по деревнямъ.

Потомъ снѣгъ покрылъ землю. Зима прошла грустнѣе, чѣмъ когда-либо, особенно въ Уѣадѣ. Старый Пршибекъ опять сталъ прежнимъ, и только еще больше погрузился въ свое суровое молчаніе, и ничто не могло развеселить его, даже когда весна наступила, даже когда послѣ жатвы молодой Шерловскій, вернувшись изъ тюрьмы, пришелъ къ нимъ въ Уѣадъ и сталъ ему говорить о Манкѣ. Старецъ согласился, и такъ какъ онъ все хворалъ, то свадьбу положили играть раннею осенью. Но теперь старый дѣдъ Пршибека какъ то подобрался, онъ охотнѣе выходилъ на дворъ, часто заходилъ туда, откуда былъ видѣнъ Трхановъ. Это было въ началѣ осени, какъ разъ въ то время, когда Ламмингеръ неожиданно вернулся въ Трхановъ. Старецъ все наблюдалъ, постигнетъ ли этого нечестивца Божье наказаніе; онъ наблюдалъ тамъ на холмѣ, особенно въ бурю и грозу, словно былъ убѣжденъ, что громъ долженъ поразить Трхановъ. А когда начинавшаяся гроза заставляла его дома, и Манка его не пускала, онъ внимательно прислушивался, кивая иногда головою и часто глядя на двери, точно ожидая извѣстія, что молнія уже покарала эту рыжую голову. Но, когда наступали холодные дни глухой осени, старый Пршибекъ словно застывалъ и, какъ паукъ, уходилъ въ свои мысли.

Максимиліанъ Ламмингеръ пріѣхалъ въ нынѣшнемъ году, только поздно, въ Трхановъ. Въ прошлые годы онъ бывалъ тутъ уже ранней весной, теперь же явился лишь послѣ жатвы. Говорили, что онъ пріѣхалъ на охоты. Но, онъ тутъ провелъ уже нѣсколько недѣль, а между тѣмъ только однажды выѣхалъ въ лѣсъ. Последнее его мало забавляло. Ламмингеръ нисколько не измѣнился, былъ, какъ и прежде, холоденъ и строгъ, пожалуй, еще строже, только былъ уже не такъ смѣль. Онъ никогда не выѣзжалъ одинъ, а старый камердинеръ Петръ замѣтилъ, что пагъ, оставаясь наединѣ, ходилъ взадъ и впередъ, о чемъ-то размышляя. И здоровье его пошатнулось. Петръ уже нѣсколько разъ замѣчалъ, что онъ, идя черезъ комнату, вдругъ хватался за столъ или кресло и, когда черезъ минуту приходилъ въ себя, жаловался на головокруженіе. Онъ жаловался жемѣ, которая была грустнѣе прежняго, на глаза, говорилъ, что ему всѣ предметы кажутся всѣхъ цвѣтовъ радуги, а что, проснувшись

ночью, онъ видитъ передъ глазами искры и молніи. Онъ говорилъ это не изъ желанія вызвать къ себѣ состраданіе, а какъ-то сухо и коротко, нахмурившись; онъ не говорилъ только, что ему часто снятся страшные сны. Но старый Петръ, спавшій рядомъ съ нимъ, слышалъ, какъ панъ стонетъ и кричитъ во снѣ, а однажды, когда онъ отодвинулъ занавѣску, то увидаль при свѣтѣ ночника, какъ Ламмингеръ, проснувшись отъ страшныхъ сновъ, сидѣлъ на постели и смотрѣлъ кругомъ себя широко раскрытыми глазами. Однажды, поодию ночью это было въ концѣ сентября, когда на дворѣ лилъ дождь и завываль вѣтеръ, стараго Петра опять разбудили стоны пана. На этотъ разъ Ламмингеръ его звалъ. Когда послѣдній пришелъ къ нему, Ламмингеръ весь покрытый холоднымъ потомъ, сказалъ слабымъ голосомъ:

— Подай мнѣ календарь.

— Календарь, ваша милость? Теперь?!

— Да, теперь... Я хочу знать, какое сегодня...—говорилъ Ламмингеръ, съ трудомъ приходя въ себя.

— Завтра—двадцать восьмое, — я это по памяти знаю, ваша милость.

Ламмингеръ вздрогнулъ, но сейчасъ же прибавилъ:

— Какого мѣсяца?

— Мѣсяца сентября ваша милость.

— А такъ. Этотъ сонъ меня немного разстроилъ, даже въ потъ бросилъ. Подай мнѣ рубашку.

Старый камердинеръ вернулся къ себѣ въ испугѣ. И что только не болтаютъ паны? Двадцать восьмое! И вдругъ онъ остановился. — Да это было въ Пильзенѣ, тамъ.—О я увѣренъ, это не выходитъ у него изъ головы, — подумаль старикъ и сталъ читать молитву о душѣ въ чистилищѣ.

Но всѣ эти болѣзненные приступы всегда скоро проходили. Максимилианъ фонъ-Альбенрейтъ опять приходилъ въ себя; но чѣмъ далѣе, тѣмъ они чаще повторялись, и Ламмингеръ становился все пасмурнѣе, все неразговорчивѣе, уходилъ все больше и больше въ себя. Жена напрасно попытывалась у него, что съ нимъ, напрасно совѣтовала позвать лѣкаря. Она проводила тяжелые дни. Гостей они не приглашали, съ молчаливымъ, необщительнымъ мужемъ почти нельзя было говорить. Но вдругъ однажды она ожила. Пришло письмо отъ ея младшей дочери, въ которомъ послѣдняя увѣдомляла мать о своемъ скоромъ прїѣздѣ съ мужемъ. Обрадованная этой новостью, она послѣшила навстрѣчу мужу, который только что вернулся изъ Кутъ. Лам-

мингеръ спокойно выслушалъ это; потомъ вдругъ странно улыбулся и сказалъ:

— Дождусь ли ихъ?

— Да почему же?!—съ ужасомъ спросила его жена.

— Развѣ вы забыли, что меня звалъ тотъ Ходъ, тотъ Кожина, звалъ на судъ Божій?—Онъ засмѣялся, но у госпожи Ламмингеръ, при этомъ смѣхѣ, морозъ по кожѣ пробѣжалъ.

Потомъ настала сырая, туманная погода, дождь лилъ почти безостановочно. Въ эту пору Максимилиану фонъ-Альбейрейтъ стало опять хуже; у него сдѣлался шумъ въ ухахъ и ему часто слышался звонъ маленькихъ колоколовъ,— „словно погребальный звонъ“,—какъ онъ съ усмѣшкой сказалъ женѣ. Казалось, что онъ и думаетъ о смерти, и борется съ этой мыслью, и боится вмѣстѣ съ тѣмъ ея. Его младшая дочь Марія, теперь графиня фонъ-Вертебъ, часто жаловалась на эти безконечные, грустные вечера въ Трхановскомъ замкѣ, въ обществѣ молчаливаго, строгаго отца. Что бы она сказала теперь, если бы она увидала съ нимъ мать, теперь, когда онъ сдѣлался еще страннѣе, еще раздражительнѣе прежняго? Въ одинъ изъ такихъ грустныхъ, безконечныхъ вечеровъ, это было въ половинѣ октября, госпожа фонъ-Альбейрейтъ сидѣла со своимъ мужемъ въ столовой. Она что то вышивала, чтобы скоротать время, а мужъ читалъ. Вдругъ она подняла голову: ей показалось, что мужъ сдѣлалъ какое-то страшное, быстрое движеніе. Какъ онъ поблѣднѣлъ! Онъ бросилъ книгу на столъ и смотрѣлъ прямо передъ собою съ остановившимися глазами, съ трудомъ переводя духъ. Настала мучительная тишина; испуганная жена рѣшилась только черезъ минуту спросить, что съ нимъ. Ея голосъ словно пробудилъ его. Онъ вадрогнулъ, потомъ схватилъ книгу на столѣ, брошенную раскрытой тамъ же, гдѣ онъ остановился, и сказалъ слабымъ голосомъ:

— Прочтите это.

Госпожа Ламмингеръ прочла означенное мѣсто французской книжки:

— И вотъ магистръ Темпліеровъ, Яковъ Молэ, стоя на кострѣ, который поджигалъ палачъ, произнесъ громкимъ голосомъ имена папы Климента и короля Филиппа, и звалъ ихъ, черезъ годъ и день, на судъ Божій, какъ виновниковъ смерти его самого и сотни ни въ чемъ неповинныхъ братьевъ. И,—о, ужасъ,—прежде чѣмъ окончился годъ, они оба отошли въ вѣчность: и папа, и король; послѣдній скончался въ 1314 году, дня 29 мѣсяца ноября..

Она уже прочла, но еще не спускала глазъ съ книжки.

Она боялась поднять ихъ на мужа. А все-таки ей пришлось это сдѣлать. Онъ устремилъ на нее свои холодные, словно помутившіеся глаза.

— Вы прочли? Что скажете на это?—проговорилъ онъ, и попробовалъ вызвать свою обычную усмѣшку. — Можете приготовить вдовьи наряды,—прибавилъ онъ, но невольно замолчалъ и схватился за лобъ. Она напрасно его уговаривала, утѣшала, успокаивала.

— Вы бы сдѣлали имъ что-нибудь доброе,—нечаянно сорвалось у нея съ языка. Это было ея самое задушевное желаніе. Она часто объ этомъ думала, но никогда не рѣшалась его высказать.

— Кому? Имъ, тѣмъ Ходамъ?—вскричалъ онъ, словно ужаленный, не успѣла она еще проговорить это.—Имъ, тѣмъ бунтовщикамъ! Я понимаю васъ, вы были всегда за нихъ.

— Нѣтъ, не имъ, не...—возразила перепуганная жена.

— А кому же? Кому, говорите? — приставалъ онъ, все больше и больше раздражаясь.

— Я думала... только... той вдовѣ.

— Довольно! Кожиновой?! За все то, что сдѣлалъ мнѣ ея мужъ? Можетъ быть, вы думаете, какъ и этотъ глупый народъ, что онъ былъ невиновенъ. Все это случилось, благодаря его безумнымъ рѣчамъ,—вскрикнулъ онъ вдругъ.

Въ эту ночь онъ уже не сомкнулъ глазъ и чувствовалъ себя нѣсколько дней хуже. Онъ жаловался Петру на голову и на холодъ въ рукахъ и ногахъ.

Но потомъ, когда небо прояснилось и настали ясные солнечные дни поздней осени, ему стало легче. Въ Трхановскомъ замкѣ сдѣлалось веселѣе. Его тихіе, пустынные покои оживились прибывшими на охоту гостями. Пайна Ламмингеръ была невыразимо счастлива прїѣздомъ своей любимой дочери, и самъ Ламмингеръ больше не хмурился. Онъ былъ разговорчивѣе и принималъ дѣятельное участіе въ охотахъ. Однажды, во время разговора съ зятемъ, онъ похвастался, что ему теперь гораздо лучше и онъ даже немного больше спитъ. Но дочь, его давно невидавшая, нашла отца очень измѣнившимся и похудѣвшимъ. Она сказала это матери. Госпожа фонъ-Альбенрейтъ вздохнула.

— Ахъ, дорогое мое дитя, теперь ему уже легче; вы принесли ему здорье. А что было передъ этимъ! Это все послѣдствіе его одиночества, того, что онъ избѣгаетъ общества,—отсюда и его меланхолія, и всѣ эти страшныя мысли.

— Да, и страшныя рѣчи,—прибавила дочь.—Вчера утромъ, когда мы собирались въ лѣсъ, онъ сказалъ графу: „Сегодня

первое ноября. Я его все-таки дождался. А если я его дождался,—миѣ кажется, что тотъ...“—остальное онъ не договорилъ, а только разсмѣялся. Мы смотрѣли, не понимая его, а онъ началъ другой разговоръ.

Госпожа фонъ-Альбенрейтъ сдѣлалась грустной. Она знала, о чемъ думаетъ мужъ: ему пришелъ опять въ голову срокъ, назначенный этимъ несчастнымъ Кожиною. О, если бы уже прошелъ этотъ мѣсяцъ! Потомъ минуетъ годъ, и онъ, навѣрное, поправится.

Молодая графиня утѣшала мать, говорила, что отцу легче, что онъ веселѣе, не подозрѣвая, что именно эта странная веселость и не нравится ей матери. Она имѣла причины волноваться и не могла быть спокойной и беззаботной.

Паны вернулись съ охоты только подъ вечеръ. Нѣсколькихъ убитыхъ медвѣдей и оленей сложили тутъ же на дворѣ замка. Вездѣ было шумно—и внизу, и на верху, въ пажскыхъ покояхъ. Весь замокъ былъ залитъ огнями, и свѣтъ изъ его оконъ лился потоками, освѣщая темноту ранняго ноябрьскаго вечера. Послѣ утомительнаго лова, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на охотѣ, столовая была особенно мила и пріятна. Огонь въ громадномъ каминѣ весело пылалъ, но трескъ его заглушался веселымъ разговоромъ гостей, большею частью сосѣднихъ пановъ. Гости сидѣли за богато убранымъ столомъ; на почетномъ мѣстѣ—хозяйка дома, рядомъ съ нею ее мужъ, прямо противъ оконъ, изъ которыхъ былъ виденъ садъ и далекіе лѣса на Уѣздской горѣ и на Градку, за которыми расположился злосчастный Уѣздъ.

Пріятный запахъ кушаній, веселый звонъ стакановъ наполняли столовую. Звонъ стакановъ продолжался и дальше, когда были убраны тарелки и блюда. Золотистое и красное вино искрилось въ хрустальныхъ бокалахъ; неутомимые охотники также неутомимо пили.

Бесѣда стала оживленнѣе, проще, среди голосовъ теперь чаще раздавался смѣхъ. Максимилианъ фонъ-Альбенрейтъ говорилъ больше, чѣмъ когда-либо, онъ даже смѣялся, но и пилъ больше, чѣмъ когда-либо, что хорошо замѣтила его жена. Это часто случалось въ послѣднее время. Говорили больше объ охотѣ, о различныхъ случаяхъ и происшествіяхъ.

— А какіе у васъ статные загонщики, — обратился къ Ламмингеру одинъ изъ гостей, пріѣхавшій съ графомъ фонъ-Вертебъ.

Ламмингеръ, который только что допилъ полный стаканъ краснаго искращагося вина, усмѣхнулся и сказалъ:

— Статные—да, но упрямые. Мнѣ пришлось помучиться съ ними. Это было не легко, пока, наконецъ, ясновельможные паны Ходы не свыклись.

— Это были все Ходы? Тѣ?—спросилъ графъ.

— Да, это тѣ бунтари... Панъ областной гетманъ сообщилъ вамъ, графъ, какой пришлось выслать отрядъ войска?

Госпожа Ламмингеръ, замѣтивъ, что мужъ, уже возбужденный виномъ, начинаетъ багровѣть, неохотно слушала этотъ разговоръ.

— Я до сихъ поръ не знаю, что со мною будетъ,—прибавилъ онъ вдругъ и насмѣшливо расхохотался.—Вообразите, графъ: мнѣ назначили срокъ. До года и дня. Тотъ, ихъ вожакъ... О, этотъ гордый, непреклонный народъ! Стоять уже на плахъ...

Его жена, видя, какъ надуваются жилы на шеѣ мужа, слегка дотронулась до его руки и просила перестать. Онъ же, не обращая вниманія, продолжалъ, все больше раздражаясь, въ сильномъ волненіи:

— Съ петлей на шеѣ, онъ еще осмѣливается призывать меня на судъ Божій. О, Кожина, дурной пророкъ! Годъ прошелъ—ты тамъ, а я до сихъ поръ тутъ.

Онъ вдругъ умолкъ и свалился съ кресла. Въ комнатѣ послышались крики дамъ и мужчинъ, нѣсколько кресель упало, когда гости, въ сильномъ смятеніи, быстро вскочили и подбѣжали къ хозяину дома. Ламмингеръ, съ помутившимся взглядомъ, полулежалъ, полусидѣлъ въ своемъ креслѣ.

Глаза у него были открыты, арочки расширены, но неподвижны, точно они остановились. Онъ еще нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ, изъ горла вырвался хрипъ, но продолжалось это недолго. Не успѣли перепуганные гости его обступить, какъ онъ былъ уже бездыханенъ.

Графъ фонъ-Вертебъ дотронулся до его лба. Онъ почувствовалъ липкій потъ, а когда приложилъ руку къ сердцу, то уже не услыхалъ его бѣенія. Напрасно старались воскресить Максимилиана фонъ-Альбенрейтъ, напрасны были крики дамъ, напрасно послали въ городъ за лѣкаремъ. Трхамовскій владѣлецъ ушелъ туда, куда его звалъ Кожина.

И это-то именно и наполняло всѣхъ присутствующихъ неизъяснимымъ ужасомъ. Позванный лѣкаръ, котораго всѣ нетерпѣливо ждали, подтвердилъ то, что говорилось среди гостей шопотомъ.

— Помочь нельзя. Онъ мертвъ.

Да, онъ мертвъ, но всѣ думали о томъ, о чемъ покойный

самъ рассказывалъ, и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, пораженные, со страхомъ и трепетомъ.

Въ Трхановскомъ замкѣ пиршество разомъ остановилось, веселіе умолкло; огни въ окнахъ погасли и только мерцали въ двухъ окнахъ, тамъ, гдѣ горѣла лампада въ головахъ ясновельможнаго графа фонъ-Альбенрейтъ. Въ передней сидѣлъ старый Петръ, совершенно растерянный; онъ сложилъ руки и тихо шепталъ:

— Божій Судъ! Божій Судъ!

Рано утромъ, когда старый сѣдовласый Пршибекъ выходилъ со двора, опираясь на палицу, его еще издалека оставилъ Искра Ршехурекъ. А когда онъ добѣжалъ, едва переводя духъ, то изъ его груди вырвалось:

— Ломикаръ умеръ!

Когда Искра, въ короткихъ, прерывистыхъ словахъ рассказалъ, какъ тотъ умеръ, вызывая Кожину, старецъ сложилъ руки и поднялъ глаза къ небу, не въ силахъ произнести ни слова; потомъ воскликнулъ:

— Еще есть справедливость! Еще есть Богъ! Теперь, я могу умереть.

А когда въ это самое время узнали объ этомъ на усадьбѣ Кожины, Ганна и старуха мать горько разрыдались.

И эта вѣсть летѣла дальше, черезъ весь широкій Ходскій край, и повсюду прославляли Божью справедливость и вспоминали Кожину. Вѣсть разрослась въ цѣлую повѣсть; рассказывали, что тамъ, въ Трхановскомъ замкѣ, Ламмингеръ ругался—и вдругъ разразилась гроза, окна и двери распахнулись съ трескомъ и грохотомъ, въ столовой и среди толпы перепуганныхъ гостей появилась бѣлая фигура.

Максимиліана фонъ-Альбенрейта напутствуемаго проклятіями Ходовъ, похорошили въ Кленецкомъ костелѣ. Когда раздался погребальный звонъ, старикъ Шерловскій находился у сына, который послѣ свадьбы переселился на усадьбу Пршибека. Бывшій починовскій судья, отставленный послѣ послѣднихъ событій, стоя на дворѣ, тамъ, гдѣ еще теперь любилъ стоять старикъ Пршибекъ, среди кучки сосѣдей, указалъ на Кленчу и проговорилъ:

— Кожина выигралъ и мы съ нимъ. Каково-то теперь этому негодяю?

Графиня съ родными немедленно уѣхала послѣ похоронъ и больше не возвращалась въ Трхановъ. Не прошло и года, какъ она продала Куть и Ризембергъ.

На усадьбѣ Кожины было все попрежнему грустно.

Только когда Павликъ съ Ганалкой выросли, и Павликъ сталъ хозяйничать, тамъ настали немного болѣе радостные дни. Но о старыхъ грамотахъ никто больше не рѣшался заговорить,—ни онъ, да и никто другой. Теперь настало настоящее *regretium silentium*. Настали грустные времена, но всѣмъ было все-таки легче, такъ какъ Ламмингеръ не владѣлъ ими больше.

Отъ старинной Ходской славы остались одни воспоминанія, которыя поддерживали бодрость духа статнаго Ходскаго племени въ то время, когда люди томились повсюду въ порабощеніи и въ безпросвѣтномъ рабствѣ.

Молва о Кожинѣ шла изъ поколѣнія въ поколѣніе, его никогда не забудутъ, покуда въ чудномъ Пошумавскомъ краю, во всѣхъ концахъ Домажлищъ, намъ на вѣки памятныхъ, обогрѣнныхъ Ходскою кровью, будетъ жить, говорить и сохранить нравы и покрой одежды своихъ предковъ это крѣпкое племя, вѣрные потомки Песьихъ головъ.

* * *

Бродя въ тѣхъ мѣстахъ, я остановился въ Уѣадѣ передъ усадьбой Кожины. Встрѣтилась мнѣ тамъ старушка, древняя и простодушная; среди разговора я спросилъ ее о Янѣ Сладкомъ. Она взглянула на меня, словно не довѣряя мнѣ, и потомъ вотъ какъ отвѣтила:

— Я ничего не знаю; обо всемъ томъ прописано у пана декана. Я знаю только, что Кожина былъ квиннино замучень, и что онъ святой.

К О Н Е Ц Ъ.

* * *

Завяли тѣни, какъ цвѣты
Отъ стужи осени ненастной,
И безъ порыва, безъ мечты
Слабѣть пламя вѣры страстной.
Придетъ мертвящая зима,
И затрещитъ морозъ сурово,
Зальетъ и даль, и душу тьма,
И мысль не облечется въ слово.
Все глубже будетъ жуткій сонъ,
Все тяжелѣе стануть цѣпи,—
И дрогнетъ вдругъ весенній звонъ,
Будя лѣса, поля и степи.
И рухнутъ снѣжные пласты;
И тамъ войдутъ, гдѣ было горе,—
Въ поляхъ цвѣты, въ душѣ мечты,
А въ сердцѣ пѣсня о просторѣ.

Е. Чернобаевъ.

Музыканты.

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе).

Х.

Лукьянъ жилъ въ одной изъ улицъ, примыкавшихъ къ Кукушкиной дачѣ, занималъ онъ довольно просторную комнату въ подвальномъ помѣщеніи обветшалаго каменнаго зданія, угрюмо глядѣвшаго изъ-за досчатаго забора.

Населеніе двора было довольно разнообразно.

Былъ тутъ молодой тщедушный писецъ изъ части, ежедневно напивавшійся и избивавшій свою жену—мать троихъ худосочныхъ малютокъ; затѣмъ—иностранецъ, игравшій по дворамъ на флейтѣ; были какія-то дамы, бродившія днемъ въ жалкихъ отрепьяхъ, а по вечерамъ превращавшіяся въ изысканно одѣтыхъ леди; были еще лица, именовавшія себя „комиссіонерами“.

Все это была, собственно, аристократія двора, но были и задворки, гдѣ ютились уже вовсе таинственныя личности, покидавшія свои логовища только на ночь.

Лѣтомъ во дворъ высыпали цѣлыя тучи дѣтвора, часто въ сопровожденіи матерей, дѣлившихся между собою „на вольномъ воздухѣ“ незатѣйливыми новостями. Зимой онѣ почти безвыходно сидѣли въ своихъ подзаемельяхъ, задыхаясь и болѣя въ полумгтѣ и сырости этихъ безчеловѣчныхъ сооружений.

— А, пришли!..—привѣтствовалъ Лукьянъ Артемія и Исаака, постучавшихся какъ-то вечеромъ въ его каморку.— Ну и слава Богу!..

— Здорова дочка-то?—освѣдомился Артемій.

— Помаленьку, родименькій, помаленьку!.. Тамъ она,—указалъ старикъ на маленькую ситцевую ширмочку, отдѣ-

лявшую одинъ уголь комнаты.—Боль вотъ только у ней другая—кашляетъ, ровно не хорошо такъ... Да, авось, Господь смилуется; всегда это у ней такъ послѣ... этого. Я и не тревожу... Богъ дастъ, черезъ дежекъ, другой и оправится. Что-же, други, чайку теперъ изопьете? Я ужъ налажу вамъ самъ... Самоварчикъ-то есть у насъ, е-есть...

Артемій успѣшилъ отказать, отговариваясь усталостью, и улегся на полу вмѣстѣ съ Исаакомъ.

Старикъ, крехтя, вѣлѣлъ на печь.

Скоро въ комнатѣ воцарилась тишина. Не спалъ только Исаакъ, размышляя о печальной судьбѣ дѣвушки, дыханіе которой доносилось къ нему изъ-за ширмы.

Ночью, когда онъ уже начиналъ забываться, за стѣною раздался грохотъ; затѣмъ поднялась какая-то возня; слышался сдержанный шопотъ и какъ бы плачь женщины, заглушаемый повременамъ хриплымъ озлобленнымъ:—П-пусти!..

— Охъ, Господи!—вздыхалъ и ворочался на печи старикъ, разбуженный шумомъ.

— Дѣвушка! Что это такое?—не выдержалъ Исаакъ.

— Христось ихъ знаетъ... А, должно, писаря бьются.

— Зачѣмъ?

— Пьяный, должно, писарь-то... одежду поволокъ.

— Куда же онъ ее?

— Куда... Извѣстно, куда—на пропой!

— Артемій, Артемій!—началъ будить товарища Исаакъ.

Но тотъ уже не спалъ.

— Гдѣ это?—спросилъ онъ, въ свою очередь, поднявшись съ пола.

— Да рядомъ вотъ... за стѣнкой—пояснилъ старикъ.—Изводить, окаанный, бабу, изводить... Намянь бы ему, право, намянь!.. И такъ сну нѣту...

Артемій вышелъ въ коридоръ.

За нимъ направился и Исаакъ.

— Направо дверки-то!—крикнулъ старикъ, тоже начинавшій сползать съ печи.

Едва Артемій оцупалъ сосѣднюю дверь, какъ за нею раздался торжествующій возгласъ:— „Получила... заговядку!..“—Затѣмъ дверь шумно распахнулась, и какой-то длинный тонкій мужчина почти упалъ въ объятія Артемія.

— К-къ чертямъ!.. Пусти!!.—завозился онъ, стараясь освободиться изъ желѣзныхъ рукъ Артемія.

— Эка, чудакъ! Куда же это ты ночью-то?..—шутливо возражалъ Артемій, водворяя мужчину обратно въ комнату.— Неужто жъ у тебя и выпить не на что? Да ты бы у добрыхъ

людей попросилъ.. не на хлѣбъ, вѣдь,—никто не откажетъ! Присядь-ка, друже, отдохни!—почти воткнулъ онъ на стулъ задыхавшагося мужчину. Послѣдній дико оглядѣлся во кругъ и; увидя жену, недоумѣвающе радостно глядѣвшую на пришельцевъ, рывкнулъ:

— Подвела, п-подлая!! Любовниковъ подвела!

— Голубчики! Богъ васъ принесъ!—всплеснула руками женщина.—Чтобъ тебѣ подавиться этимъ словомъ, окаменный!—и быстро вырвала изъ рукъ мужа какой-то ситцевый свертокъ.—Послѣднюю, вѣдь, кофтенку содралъ!.. Въ чемъ бы я... вы-шла...

Женщина прислонилась къ печи и горько беззвучно заплакала.

— Ма-ма!..—тянулся къ ней съ кровати ребенокъ съ большими, не по-дѣтски серьезно-задумчивыми глазами на худенькомъ безкровномъ личикѣ.—Ма...ма...

Въ комнатѣ было холодно и непріятно; двѣ-три табуретки, кровать, заброшенная какимъ-то тряпьемъ, и голый некрашеный столъ составляли всю ея обстановку; маленькая лампочка едва освѣщала эти невзрачные предметы; въ углахъ прятались мрачныя тѣни.

Дверь снова скрипнула; въ нее просунулся человекъ съ рыженькою клинообразною бородкою и степеннымъ выраженіемъ лица, одѣтый въ короткое пальто, подпоясанное бѣлымъ фартукомъ.

— Што за шумъ опять?.. А это кто?—строго спросилъ онъ, увидя неизвѣстныхъ ему людей.

— А эту у меня, Кириллычъ, они!—засуетился Лукьямъ.

— Странные люди... пришлые... Дворникъ они!—пояснилъ онъ затѣмъ своимъ жильцамъ.

— Пачпорты есть?

Артемій сунулъ, было, руку въ карманъ, но, вспомнивъ, что у Исаака не было такового, вынулъ кошелекъ.

— Разумѣется, есть, добрый человекъ!—отвѣтилъ онъ.— Да рыться долго,—въ котомкѣ... утречкомъ ужъ А пока нельзя ли спосылать кого за бутылкой?.. Выпили бы; вотъ и онъ отъ компаніи не откажется,—указалъ Артемій на хозяина квартиры.

Послѣдній обрадованно вытянулъ шею.

Это былъ тщедушный молодой человекъ, лѣтъ около тридцати, съ испытными чертами безцвѣтнаго сѣренькаго лица.

Физиономія дворника тоже какъ бы смягчилась.

— Пошто нельзя!—благосклонно замѣтилъ онъ, инстинк-

тивно расправляя усы въ предвкушеніи грядущей выпивки.— Это мы и сами можемъ... Откелева вы?—уже любезно освѣдомился онъ, покосившись на Исаака.

— Съ Адесты онъ...—поспѣшилъ отвѣтить Лукьянъ.

— Съ Адесты!.. А а... — многозначительно потянулъ дворникъ и добавилъ:—Это мы сейчасъ оборудуемъ.

Взявъ отъ Артемія деньги, онъ направился къ двери.

— А, штобъ тебя!—остановился онъ вдругъ, прислушиваясь.

„Съ утр-ра д-дате-мы-най по-ченьки
Сто-ю за ве-рста-комъ!“

раздалось въ коридорчикѣ.

И тотчасъ же въ дверь заглянула разухабистая, замазанная сажею, рожа молодого парня въ заломленномъ на бекрень картузѣ.

Оглянувъ мгновенно собравшееся общество, онъ лукаво сверкнулъ своими бѣлыми зубами и преувеличенно почтительно поклонился дворнику, проговоривъ:

— Наше вамъ почтеніе, нижающій поклонъ!

— Ну, ну... Лѣшій!—съ неудовольствіемъ замѣтилъ дворникъ, обезкураженный прибытіемъ новаго кандидата на выпивку, а быть можетъ, и по чувству личной антипатіи.— Отваливай, откеда пришелъ!

— Ну ужъ это вы—аттанде...—отстранилъ его рукою новоприбывшій, подаваясь въ комнату.—Хапнули?.. Да?.. Ну, и мы приобщимся... Не такъ ли?—весело обратился онъ къ присутствующимъ.—Рекомендуюсь: слесарныхъ дѣлъ подмастерье и за-ка дышный... ххе-хе... другъ Кириллыча! Ежели не остранилъ,—примите въ компанію... А ты, Кириллычъ, Бога побойся! Мурло-то у тебя—во какое, а все жоровишь обойти пріятели! Не бойсь—жильцы новые?—кивнулъ онъ значительно на Артемія и Исаака.

— А хочъ бы и жильцы!..—проворчалъ дворникъ, выходя изъ комнаты.

— Ну вотъ и мы поздравимъ съ прибытіемъ, потому какъ еще изъ за двери слышали щебетаніе этакое... хха-ха!..

— Выпить?.. Я выпью!—оживился вдругъ цисецъ.—Она вотъ—дура, а вы, я вижу, хорошіе люди... и я готовъ съ вами!.. Потому, какъ мнѣ не выпить, если горчайше моей жизни нѣту на всемъ свѣтѣ?.. Я, можетъ, самъ изъ благородныхъ, а принужденъ!.. Она говоритъ: кофта! Неужто же кофта дороже души человѣческой?..

— Желѣанный ты, братъ, человѣкъ! Жалости въ тебѣ нѣту!..—наставительно замѣтилъ Лукьянъ.—А въ ей нешто парь, по твоему?

— Въ ней?.. Ну, да... Это такъ...—смутился нѣсколько писецъ.—Да я-то чѣмъ виновать, если я съ дѣтства испорченъ?... Я и родился то глиста глистой, а вишищемъ-то меня чуть не съ пеленокъ поить начали!.. Раздраженіе во мнѣ,—потому и пью...

— Пилъ бы дома, проклятуцій! — прозвенѣла женщина, укачивая ребенка.— А то все въ питейный поровить!..—

— Ххе-хе-хе... дома! Какъ она понимаетъ человѣка?.. Въ уединеніи-то я, быть можетъ, отъ одной мечты спячу! Какую она мнѣ можетъ компанію составить? Съ вами я выпью, потому, вижу,—люди съ помятѣмъ и опѣнить можете... Я хоть и безъ жалованья, а все же въ должности состою!..

— То-есть какъ это безъ жалованья?—спросилъ Артемій.

— Какъ безъ жалованья?.. Очень обыкновенно, — съ народа! Мало-ли къ намъ приходятъ!.. Вотъ вамъ и жалованье... А что тамъ: почему, да какъ?—такъ отъ этого только порча рассудку... да. Спятилъ этакъ-то у насъ одинъ... изъ духовныхъ, надо полагать, какой-то; волосищи такіе распустилъ и все насчетъ того же: „взятками, говорить, живемъ, и все такое. А самъ весь трясется, ажно зубами стучить!.. ххе-хе... А какъ мащется,—ничего, человѣкъ, какъ всѣ!.. Удивительная исторія... И пилъ же, братцы, до одуренія! Только плакалъ пьяный-то, ну вотъ какъ ребенокъ!.. И все книгу какую-то собирался написать... ей Богу! И что же бы вы думали? Написалъ, вѣдь!.. Ххи-хи-хи хи... Да и поднесъ самому приставу. А всего и книги-то-листъ... Сверху-то, видите-ли, „протоколъ“—написалъ, по положенію, а потомъ и пошелъ, и пошелъ! Смѣху сколько было... Только непомятно! А подъ конецъ еще пуще того скрасилъ: „За отсутствіемъ“, говорить, „Бога вышняго,—управляющій вселенною“... Ххи-хи-хи!..—приснулъ опять рассказчикъ, — „Петръ Худоноговъ“... Хха-ха-ха-ха... Нѣтъ, братцы, всякому свое: кому—мечта, а кому—дѣйствіе... Въ сумасшедшемъ теперь!

— Бога не почитаютъ!—согласился дворникъ, появившійся во время предыдущаго разговора и раскупоривавшій теперь бутылку.—Всякое даяніе—да благо, всякъ даръ совершенъ — свыше исходяй!.. Въ писаніи сказано.

Тьма душевная!.. А теперь пожалуйста!..—указаль онъ на бутылку Артемію.

— Такъ я и зналъ, старый хрычъ!—засмѣялся мастеровой, замѣтивъ посуду.—Попомнимъ твою доброту... Одному налакаться хотѣлось!

— Начинайте!—въ свою очередь, предложилъ Артемій.

— Господи, благослови... Со свиданіемъ!—поклонился жильцамъ дворникъ, игнорируя замѣчаніе мастерового, и выпилъ.

— Поживете,—увидите, — продолжалъ тотъ, кивая на дворника,—большой руки плутъ!

— А ты—шутъ!—огрызнулся послѣдній.

— И то хорошо... Шутъ—дѣло не послѣднее,—съ однимъ брюхомъ въ шуты не выѣдешь! Такъ-то...

Артемій улыбнулся.

— Это вы насчетъ чего?—освѣдомился дворникъ.

— А вотъ насчетъ темноты-то...

— Истинно — темнота! А теперь ли на Бога грѣшить?... Всякое удоблетвореніе человѣку предоставлено! Хочь бы я? Живу себѣ—благодарю Господа!.. Прежде-то насъ палками били, а нынѣ я—вольный человѣкъ! И начальство тоже нашего брата балуетъ... народныя гулянья эти разныя, безлеботеки тоже... Только вотъ это-то ужъ лишнее бы...

— И я такъ думаю,—лишнее... — согласился Артемій, улыбаясь.

Дворникъ какъ-то подозрительно посмотрѣлъ на него.

— То ли дѣло—конюшня!—вставилъ мастеровой и вдругъ рывнулъ:—Никакихъ удоблетвореніевъ не вижу!.. Сады, балы, кятры?... Тамъ, братъ, не по нашему говорятъ, да и не по одежѣ это намъ... А на народное-то я, братъ, не желаю!.. Я туда только скандалить хожу!.. Что-о?..

— А ты не наливай глотки до время, а степенно, съ понятіемъ иди,—возразилъ дворникъ.

— Ишь ты, поди-жь ты,—резолуція какая! Только ты это отъ рыла все... потому што рыло ты наѣлъ очень!..

— А ежели ты насчетъ рыла,—скромно замѣтилъ дворникъ,—дакъ я тебѣ другое скажу: ты и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ!

— Нѣтъ, ты подожди! — горячился мастеровой.—Рыло—што!.. Рыло—въ сторону... до него мы еще доберемся какъ-нибудь на досугъ... ххе-хе!.. Нѣтъ, ты мнѣ скажи напередъ: што такое народъ?.. Имперія вся, али мы только съ тобою?.. Понимаешь ты энту антимонію?.. Народъ!.. Это—я, тоись.

— За народъ-то и въ храмъ Божиємъ молятъ... Слыхи-

валь? Въ полномъ облаченіи:— „И за весь народъ православный!..“ а объ восподахъ не сказано! Значить, сила-то въ народѣ же, а не въ нихъ...—вразумительно пояснилъ дворникъ.

Исаакъ за все время этой бесѣды не проронилъ ни слова и только вдумчиво вслушивался, стараясь угадать источникъ озлобленія одного и благодушія другого изъ спорщиковъ.

— Встѣ ты и договорился, фалалей! Сила-то въ народѣ же!—передразнилъ мастеровой.—А коли въ народѣ, дакъ о чемъ же ты и споришь?.. Я говорю, что это у тебя отъ рыла все!..

— Гнусный ты человекъ!—укоризненно-кратко замѣтилъ дворникъ.—Божіе обличье помосишь... Кто ты есть передо мною, истерзанннй ты человекъ, а? Ну-ка, скажи?

Мастеровой сначала какъ бы озадачился, затѣмъ, свернувъ глазами, рявкнулъ:

— Вѣрно!! Человекъ!.. Правильно говоришь,—при всемъ своемъ характерѣ—человекъ! А ты—хапуга, блюдолизъ!..

— Уйти отъ тебя...—оскорбленно поднялся со стула дворникъ.—Воевода безштанный... да. Въ воеводы бы тебя!..

— Н-да!—завосчиво подхватилъ мастеровой.—Ужъ удружилъ бы.. Дворниковъ бы сейчасъ на осину!. Ххе-хе... Народныя—по боку!.. Богачамъ—крышку!..

— Прощенья просимъ, почтенныя!—отъламялся дворникъ жильцамъ.

— Не выдержала!.. Ххе-хе...—язвительно засмѣялся мастеровой.—Иди, братъ, лучше! Никакъ собаки брешаютъ, хояина вызываютъ... Авось, двухгривеннымъ зашибешься?

Дворникъ сердито хлопнулъ дверью.

— Обезпокоили мы васъ, Алена Аенасьевна!—обратился затѣмъ мастеровой къ хозяйкѣ.—Терпѣнья моего нѣту! Какъ увижу эту морду, такъ бы и сунулъ ему стамеску въ пузо!.. Очевно ужъ онъ доволенъ собой...

— Да я ужъ рада, не рада, что собралися!—облегченно воскликнула жейщина.—Хоть удержали лѣшая-то!..

А „лѣшій“, успѣвшій опростать подъ шумокъ содержимое бутылки, склонилъ голову на грудь и бормоталъ:

— Ммечта... О-о!.. Я бы васъ въ... ччи-жо-вку... Знаете?.. Въ корр-де-гга-рдію... Н-не такихъ... оххла-ждали!..

Въ квартирѣ Лукьяна всѣ спали.

Только Исаакъ попрежнему не могъ уснуть. Словои тяжелой кошмаръ, давило его воспоминаніе и объ этихъ смутныхъ фигурахъ, задыхавшихся въ трюмѣ парохода, и объ этой больной дѣвушкѣ, и объ этомъ, зачашшемъ отъ неизвѣстной

причины писцѣ... Сознаніе какой-то большой [несправедливости въ жизни людей смутно, но настойчиво овладѣвало его мыслью...

Съ печи доносился храпъ старика.

По стѣнамъ что-то шелестѣло.

— Что бы это могло быть? — старался онъ уяснить причину этого шелеста, и мгновенно въ воображеніи его нарисовались сырыя стѣны сруба, усѣяныя полчищами мокрицъ. „А!“ — подумалъ онъ и началъ постепенно забываться.

Но сонъ его былъ такъ же тревоженъ.

XI.

На утро Исаакъ былъ какъ-то особенно серьезенъ и молчаливъ.

Онъ снялъ со стѣны свою скрипку, задумчиво оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и снова повѣсилъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, онъ опять подошелъ къ скрипкѣ и дотронулся пальцемъ до струны; струна отвѣтила печальнымъ тягучимъ отголоскомъ. Исаакъ прислушался, недоумѣвающе потряхнулъ головою и уже быстро началъ прятать инструментъ въ чехоль.

— Ты что это, собираешься куда, что ли? — спросилъ Артемій, наблюдавшій все время за его движеніями.

Исаакъ остановилъ на немъ затуманившійся взглядъ.

— Никуда не собираюсь... — неопредѣленно протянулъ онъ и затѣмъ, отвернувшись къ стѣнѣ, рѣшительно добавилъ: — Я хочу учиться!

— Чему?

— Всему.

Легкая улыбка пробѣжала по губамъ Артемія.

— Но при чемъ же тутъ скрипка? — спокойно спросилъ онъ.

— Скрипка?.. — Губы Исаака дрогнули; онъ помолчалъ съ минуту, какъ бы стараясь подавить какое-то душевное волненіе, и тихо окончилъ: — Я не хочу быть музыкантомъ...

— Не хочешь?.. Ну а какъ же концерты-то въ пользу бѣдныхъ?

— Я не хочу давать концерты, — такъ же упорно продолжалъ Исаакъ и вдругъ съ скорбною страстностью, и загорѣвшимися глазами тихо, но быстро заговорилъ: — Но развѣ я *имъ* буду нуженъ тогда?.. Развѣ деньгами можно... это?.. Я не хочу только деньгами... Я хочу... и такъ...

Казалось, онъ не находилъ соответственной фразы или слова для выраженія своей мысли; это его еще болѣе волновало, но онъ снова продолжалъ попрежнему торопливо:

— Даетъ тотъ, кто имѣеть... А кто имѣеть, тотъ имѣ чужой!.. Укажи мнѣ человѣка, который бы имѣлъ все, все, — и въ то же время жилъ съ ними?... Я не хочу помогать... потому что развѣ имъ не помогаютъ!.. Я хочу такъ, чтобы мы вмѣстѣ... чтобы мнѣ было такъ же тошно, какъ имъ!.. Но я хочу быть умнѣе ихъ!.. Я хочу быть умнѣе ихъ всѣхъ!.. Вотъ, какъ ты, и даже умнѣе... тебя!.. И потомъ я пойду туда—къ тѣмъ, и скажу... Я скажу имъ, что такъ... нельзя!... Что...

Исаакъ вдругъ закрылъ лицо руками и прислонился къ стѣнѣ.

Артемій взволнованно шагалъ по комнатѣ.

Въ это время за ширмою раздался легкій шелестъ; вслѣдъ затѣмъ въ дверцѣ ея показалась дѣвушка, въ которой Исаакъ сразу узналъ дочь Лукьяна.

Она была невысокаго роста, худенькая, съ довольно неправильнымъ, но миловиднымъ личикомъ; на блѣдныхъ щекахъ ея горѣли два розовыя пятнышка.

Она маивно радостно приглядѣлась къ новымъ жильцамъ и затѣмъ нерѣшительно спросила:

— А тятя... ушелъ?

— Да, онъ ушелъ, но онъ не сказалъ куда...—поспѣшилъ отвѣтить Артемій.

— А...—протянула дѣвушка и, помолчавъ, грустно добавила:—А я проспала... значитъ, снова вычетъ!.. Вы знаете, вѣдь, онъ за кусочками?—добавила она вдругъ быстро и вызывающе сверкнула глазами.

— А развѣ вы работаете гдѣ?—спросилъ Артемій, какъ бы не разслышавъ послѣдней фразы.

— Я?...—изумилась дѣвушка.—А какъ же!.. Въ щеточной... щетки вяжу.

— Батюшка вашъ не говорилъ намъ объ этомъ... У васъ тамъ, вѣроятно, скверный воздухъ? У васъ такое малокровное лицо...

— Воздухъ?... Точно. Только не я одна!.. Пыль вотъ больно рѣжетъ горло, особливо, когда чистять...

— Но развѣ вамъ нельзя бросить эту работу?

Дѣвушка недоумѣвающе посмотрѣла на Артемія и задумалась.

— Чудные...—какъ-то пропѣла она затѣмъ.—Кабы можно, развѣ я ходила бы! Я, вѣдь, больше ничего не умѣю!..—созналась она съ задушевною откровенностью.—Кабы шить, да...

— Что же?

— Да, вѣдь, на машинѣ шьютъ-то! А мы, вѣдь... вонъ и

тятья—старый, большой... Нѣтъ, нельзя этого!—рѣшительно закончила дѣвушка и вдругъ, покачнувшись, поблѣднѣла.— Ай, что это?.. Какъ я... устала...—прибавила она, неожиданно упавшимъ, голосомъ и медленно направилась за ширму. На порогъ она обернулась и, виновато улыбувшись, проговорила:—Какъ вы тутъ хорошо... говорили... Добрые вы!— И затѣмъ быстро скользнула за ширму.

Исаакъ вспыхнулъ.

— Пойдемъ!—позвалъ его Артемій.

— Ну?..—началъ онъ, когда они шли по двору, вопросительно глядя на него.

— Я тебя понимаю, Артемій! — тотчасъ же отвѣтилъ Исаакъ, какъ бы прочитавъ въ глазахъ товарища какую-то общую имъ мысль.—Но гдѣ мы возьмемъ?.. Я ничего не умѣю...

— Посмотримъ...—отвѣтилъ Артемій.

ХІІ.

Смокла городская жизнь. Уснули хмурныя громады здавній, еще недавно клокотавшія кипучею жизнью. Словно гигантское чудовище, утомленное кровавою оргіею, раскинулся городъ своими могучими членами и застылъ въ загадочномъ покоѣ и неподвижности...

Спитъ ли онъ?

Нѣтъ, онъ только грезитъ... и тяжело грезитъ; странные, подавленные шорохи толпятся и плывутъ надъ нимъ, сладострастно всхлипывая по временамъ неожиданными отдѣльными звуками... Чей-то смѣхъ, холодный, жестокий, какъ бы посылающій проклетіе всему міру, смѣняется мучительнымъ воплемъ мольбы, заглушаемой, въ свою очередь, дикимъ крикомъ разнузданной ярости... И снова плывутъ только смутные, таинственные шорохи до новаго отдѣльнаго звука.

Луна поднялась высоко-высоко и подозрительно смотреть на городъ изъ глубины темно-синяго неба; по временамъ на нее набѣгаютъ серебристыя тучки. И тогда изъ cadaго закоулка, изъ-подъ cadaго колышка и кустика выскакиваютъ проворныя тѣни; онѣ стараются ускользнуть какъ можно дальше отъ родного убѣжища, торопливо взбираются на встрѣчныя преграды, заглядываютъ въ глубокіе колодцы дворовъ и, встрѣчаясь и перекрещиваясь, какъ бы о чемъ-то таинственно бесѣдуютъ между собою... Но онѣ не выносятъ свѣта! А потому, какъ только луна сброситъ съ себя перламутровые покровы, онѣ стремительно мчатся обратно, боязливо сжимаются и замираютъ въ неподвижности...

Такова участь тѣней!

Спать и обитатели Гнилой улицы; только два человѣка, выбравшись изъ душнаго подвала на вольный воздухъ, сидятъ у крыльца и о чемъ-то говорятъ, прожигая другъ друга горящими глазами. Это Артемій и Исаакъ. Фигуры ихъ кажутся такими маленькими, жалкими, едва видными отъ земли; и исполинская тѣнь, брошенная однимъ изъ угловъ хмураго зданія, какъ бы старается растопить ихъ силуэты и слить съ окружающимъ полумракомъ.

— Почему!.. Ты спрашиваешь: почему, за что?—говорить Артемій.—Трудно отвѣтить на все это... Какъ-то я хотѣлъ тебѣ рассказать исторію моей жизни; теперь это пришлось весьма кстати... Я — сибирякъ. Отецъ мой былъ учителемъ. Когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, его внезапно схватили за что-то и заключили въ тюрьму.. За что? Не знаю... Трудно себѣ представить болѣе теплое сердце, болѣе возвышенную душу, какими обладалъ онъ. Его проповѣдь любви къ человѣчеству была моею колыбельною пѣснью. Онъ былъ бѣденъ, какъ только можетъ быть бѣденъ человѣкъ, отдавшійся служебной идеѣ. Единственное наслѣдство, которое онъ мнѣ оставилъ, это былъ сундукъ съ книгами; кажется, въ немъ было все, что по-истинѣ можетъ считаться перлами чевѣческой мысли и гения. Когда меня уволили изъ школы — я тогда учился, — а это произошло тотчасъ же послѣ того... событія,—я приступилъ къ изученію этихъ книгъ. И больше уже мнѣ нигдѣ и никогда не пришлось учиться. Такимъ образомъ, я сдѣлалъ огромный прыжокъ отъ школьныхъ учебниковъ къ философіи, психологіи, и т. д... Хорошо это, или дурно,—не знаю... все равно. Мы съ матерью испытали всѣ ужасы не только нищеты, но и нравственныхъ униженій и обидъ... Года черезъ полтора она умерла отъ чахотки... Я какъ сейчасъ вижу ее, прозрачную, исхудавшую, съ зловѣщимъ румянцемъ.. и съ смертельной тоскою въ глазахъ, тоскою о моей судьбѣ!.. Я былъ мужественъ и, утѣшая ее, говорилъ, что не погибну... Едва ли она этому вѣрила!.. Послѣдній ея взглядъ, оставившійся и угасшій на мнѣ, былъ полонъ той же смертельной тоски...

Артемій замолчалъ.

— Но, кажется, я сдержалъ свое обѣщаніе!—гѣрдо сверкнувъ глазами, продолжалъ онъ затѣмъ.—Я былъ свободенъ, свободенъ, какъ птица! Роскошь и блескъ жизни, такъ привлекательные для молодости, совершенно не волновали меня,—я стремился къ чему-то другому... Мнѣ было дивно и

скучно на родинѣ, и я покинулъ ее безъ сожалѣнія,—вотъ, какъ ты же... да. Вопросы: за что и почему, которые я распространилъ на все окружающее, бросали меня въ разныя стороны свѣта... И кѣмъ только я не былъ въ теченіе своей жизни!.. Трудно, да и не стоитъ все это перечислять. Ясно, какъ день, что я не заботился ни о какой карьерѣ и мѣнялъ профессіи только для того, чтобы глубоко выикнуть въ ходъ человѣческой жизни и отношеній. Я не нашелъ ни правыхъ, ни виноватыхъ!.. Тогда я возненавидѣлъ все, что такъ или иначе куплено или создано цѣною угнетенія однихъ другими... и потому ты меня видишь въ такомъ положеніи. Я отдалъ тѣло въ рабство для того, чтобы быть властелиномъ душою!.. Ты понимаешь это?.. Однако, я не могъ многого сдѣлать, потому—что я такое?.. Прежде всего—невѣжда, недоучка... Я сталъ искать людей, въ свѣжія, неиспорченныя души которыхъ я могъ бы заронить зерно кипѣвшихъ во мнѣ сознанія и энергіи для того, чтобы они современемъ могли сдѣлаться настоящими властителями жизни, а не мучениками, какъ я... Ты одинъ изъ такихъ людей!.. Я угадалъ тебя сразу... я понялъ твою душу и вижу твое сердце; оно звенитъ, какъ струна, колеблемая рукою, и, какъ губка, пропитывается скорбью тебѣ подобнаго!.. Храни этотъ возвышенный даръ! Когда умъ твой озарится свѣтомъ знанія,—а это будетъ, потому что я поведу тебя въ университетъ;—когда всѣ блага земныя покорно лягутъ у твоихъ ногъ,—вспомни этого бородатаго бродягу, который теперь говорить съ тобою, и отвернись отъ нихъ... Ты скажешь: „Нѣтъ, высшее благо, это—благо человѣка, а благо человѣка—совершенство души!“—И во всемъ блескѣ ума и знанія ты снова спустишься въ эти трущобы, гдѣ возникли первые корни твоего сознанія, и пойдешь на ряду съ поработченными, сѣя всюду сѣмена этого сознанія и знанія. Трудъ твой не пропадетъ, какъ не пропадаетъ и твоя жизнь,—мракъ, въ которой ты опустишься, еще болѣе отгнѣнитъ блескъ твоей души. Пусть видятъ, какъ живутъ лучшіе изъ людей!.. И что такое жизнь? Жизньъ, какъ и все въ природѣ, соединеніе двухъ началъ: добраго и злого. Доброе, это—духъ; злое—тѣло, его слабости, страсти. Во имя чего же мы будемъ жить?.. Во имя ли этого всеобъемлющаго, вѣчно совершенствующаго начала—души, или во имя этого брѣннаго кусочка матеріи, именуемаго тѣломъ?.. Духъ не имѣетъ предѣла; тѣлу же оное положенъ въ смерти... Пусть же оно томится, пусть оно болѣетъ и, наконецъ, гниетъ... Не все ли равно, если смерть такъ неизбежна?.. Но не поработимъ

духъ! Вглянемъ съ презрѣніемъ на все, что можетъ вселить ужасъ человѣку злого начала—плоти,—и докажемъ, что не она властительница жизни, а духъ!.. И это будетъ мщениемъ поработителямъ духа!.. Страданіе—врагъ человѣка. Мы видимъ, какъ люди трепещутъ и бѣгутъ отъ него. Но мы поступимъ иначе: мы пойдемъ навстрѣчу ему, ибо только тогда можно рассчитывать на побѣду, когда вступаешь въ бой. Мы исчеземъ, это—правда; но за нами придутъ другіе... Ихъ будетъ все больше и больше, потому что тоска о совершенствѣ, какъ ураганъ, носится надъ землею! Музыка ихъ душъ, первый аккордъ которой взятъ еще въ глубокой древности, разольется во времени и пространствѣ и покроетъ этотъ нестройный гамъ и шумъ временно торжествующаго злого начала!.. И это будетъ финаломъ искупленія и мщениа!..—Вотъ какимъ музыкантомъ я хочу тебя видѣть...

Тѣни дрогнули и беззвучно втянулись въ себя, уступая мѣсто бѣлесоватой полумгль.

Артемій стоялъ, вытянувшись во весь ростъ, съ откинутыми назадъ волосами, и глазами, горѣвшими внутреннею мощью и отвагой.

Исаакъ сидѣлъ рядомъ, потупивъ голову и чувствуя себя такимъ маленькимъ, маленькимъ передъ этимъ желѣзнымъ человѣкомъ, ставящимъ такіа огромныя задачи.

„Могу ли?..“—зарождалось у него въ умѣ, и неизъяснимый трепеть пробѣгалъ по его тѣлу. Казалось, что-то обрывалось и тонуло въ его душѣ; и сознаніе безсилія, и протестъ противъ него, и страстное стремленіе стать на ряду съ этимъ человѣкомъ зажигались въ его умѣ и бушевали въ немъ, какъ вьюга, полная загадочныхъ голосовъ, то наполняя его чувствомъ пламенной гордости, то безкомечнаго ужаса... И снова охватывалъ его сладостно-мучительный трепеть страха и гордости передъ грядущимъ.

ХІІІ.

Между обитателями коморки Лукьяна установились самыя дружескія, самыя сердечныя отношенія. Исаакъ пользовался со стороны хозяевъ такими же довѣріемъ и уваженіемъ, какія внушалъ имъ Артемій; очевидно, они еще не знали, что такое юдофобство.

Артемій поступилъ на чугуно-литейный заводъ и работаетъ съ удвоенною энергіею, имѣя въ виду цѣль, поставленную еще при первой встрѣчѣ съ Наташей.

Исаакъ служить писцомъ въ какой-то канцеляріи и въ

то же время учится. Артемій руководитъ имъ въ выборѣ книгъ по каталогу городской библіотеки, хотя нельзя не сознаться, что выборъ этотъ нѣсколько страненъ съ точки зрѣнія господствующей педагогики: на ряду съ элементарными учебниками, мы видимъ въ рукахъ Исаака—Бокля, Спенсера и др. Очевидно, Артемій примѣнялъ къ нему систему собственного образованія, имѣя, однако, въ виду при первой же возможности подыскать болѣе опытнаго руководителя.

Наташа попрежнему ходитъ въ щеточную; она ни на что не жалуется, хотя глаза ея дѣлаются все глубже и глубже, а лицо прозрачнѣе. Она слегка кашляетъ, и иногда алая струйка обогрываетъ ея губы.

По вечерамъ всѣ они собираются вмѣстѣ. Исаакъ, забросившій скрипку, читаетъ что-нибудь вслухъ, а Артемій садится куда-нибудь въ уголокъ и, попыхивая неизмѣнною трубкою, думаетъ: это его излюбленная мамера отдыха.

Иногда Исаакъ уходитъ за городъ и приноситъ оттуда появившіеся уже подсиѣжники, которые и даритъ Наташѣ. Она любитъ цвѣты и, принимая ихъ, съ изумленіемъ глядитъ на этихъ странныхъ людей, такихъ простыхъ и неприятельныхъ, и въ то же время такъ непохожихъ на тѣхъ, которыми она была окружена до сихъ поръ.

Въ мастерской къ ней пристають съ пошлыми шутками и циническими предложеніями; тамъ не замѣчаютъ, какъ она больна, какъ она таетъ съ каждымъ днемъ. А тутъ... И теплое чувство отогрѣваетъ ея большое сердце; глаза ея недоумѣвающе ширятся, отражая состояніе разлада, внесеннаго въ ея понятія о жизни этими людьми...

Однажды вечеромъ, сидя у себя за ширмою, Наташа запѣла слабымъ, но довольно чистымъ голоскомъ. Это было въ первый разъ послѣ послѣдняго приступа ея странной болѣзни. Она пѣла извѣстную малороссійскую пѣсню: „Віють вітри, віють буйны...“

Исаакъ слушалъ и по временамъ тоскливо посматривалъ на сундучокъ, въ которомъ хранилась его опасная скрипка. Мелодія коснулась его души и пробудила дремавшіе музыкальные инстинкты.

Наконецъ, онъ не выдержалъ и, отыскавъ шапку, направился къ двери.

— Ты куда?—спросилъ Артемій, оглядывая его глазами, полными сдержаннаго смѣха.

— Никуда... такъ,—отдѣлывался Исаакъ, торопясь проскользнуть въ дверь.

— Стой-ой! — ухватилъ его за плечо Артемій и засмѣялся.

Исаакъ стоялъ передъ нимъ сконфуженный, покраснѣвшій.

— Зачѣмъ же ты бѣжишь? — сердечно какъ-то заговорилъ Артемій. — Неужели ты думаешь, что я имѣю что-нибудь противъ твоего инструмента? Все нѣтъ! Если хочешь, — я радъ, что ты владѣешь такимъ даромъ. Это языкъ, который данъ не всякому, языкъ души...

— Но бесполезный языкъ... — замѣтилъ Исаакъ, глядя въ полъ.

— Зачѣмъ бесполезный?.. У тебя слишкомъ впечатлительное сердце!.. Не нужно такъ круто... Не нужно только влагать всю жизнь въ одну скрипку! Нѣтъ, кто бы ты ни былъ современемъ, люби свой инструментъ. Жизнь, братъ, штука сложная!.. Бываютъ тяжелыя, душные минуты... И вотъ тогда-то онъ тебѣ сослужитъ службу... да. Я вижу, что душа твоя уже настроена; глаза твои сверкаютъ необыкновеннымъ блескомъ... Эта пѣсенка тебя взволновала, — не террай же вдохновенной минуты — сыграй намъ что-нибудь, о чемъ говорить твое сердце!.. Я не гляжу на тебя... — добавилъ Артемій, улыбувшись, и зашагалъ по комнатѣ.

Исаакъ проводилъ его радостно смущенными глазами, затѣмъ, послѣ нѣкотораго раздумья, подошелъ къ ящику, открылъ крышку и вынулъ скрипку; палецъ его коснулся струны, и звучный отголосокъ ея прозвенѣлъ въ комнатѣ.

Исаакъ взволнованно вадрогнулъ и, какъ бы позабывъ обо всемъ, съ углубившимися вдругъ глазами, началъ быстро перебирать струны, какъ бы провѣряя извѣстную ему мелодію.

Изъ-за ширмы показалась Наташа.

— Вотъ... я послушай! — обрадовалась она.

Подстроивъ струны, Исаакъ взялъ сначала какой-то шумный аккордъ, какъ бы давая исходъ охватившему его волненію; затѣмъ опустилъ смычокъ и задумчиво остановилъ глаза на Наташѣ. Въ ухахъ его еще звучалъ грустный напѣвъ ея пѣсни. Казалось, онъ что-то вспоминалъ. Черезъ минуту онъ медленно поднялъ смычокъ и такъ же медленно опустилъ его на струны...

Что-то ясное, прозрачное, какъ греза, воздушное, какъ облачко, чистое и наивное, какъ юность, выплыло изъ груди его инструмента и тихо зазвенѣло радостно-недоумѣвающей гаммою вѣры въ жизнь, наслажденіе и счастье... Звуки росли, ширились и превращались въ восторженный гимнъ ка-

кому-то божественно-прекрасному началу. Казалось, гдѣ-то въ лазурной дали, смѣнившей подвальные своды, возстало юное лучезарное свѣтило и рассыпало по землѣ свои животворные лучи, пробуждая въ ней біеніе жизни... Словно стаи серебряныхъ очертаній и формъ, неуловимыхъ и мгновенныхъ, какъ мысль, хлынули на нее въ потокѣ ослѣпительнаго сіянія...

Но вотъ какой-то мрачный отголосокъ медленно вползъ въ эту ликующую, восторженную мелодію; послѣдняя задрожала и стихла; теперь звенѣла только одна глубокая, грустная, умоляющая нота; на ряду съ нею плыла и другая—чудовищная, мрачная, злобая...

Самъ Исаакъ вадрогнулъ; выраженіе глазъ его еще болѣе углубилось, оставаясь попрежнему прикованнымъ къ Наташѣ.

Слѣдующая нота, такая же глубокая, но еще болѣе грустная, неясная, какъ вдохъ, упала въ пространство и тоскливо забила подъ низкими сводами подвала...

Артемій опустилъ трубку и, прислонившись къ стѣнѣ, глядѣлъ упорнымъ немигающимъ взоромъ въ оконце, откуда глядѣла черная мгла ночи.

Дѣвушка отшатнулась и поблѣднѣла.

Скрипка торопливо жаловалась на что-то; звуки, неоконченные, нервные, какіе-то всхлипывающіе, гнались другъ за другомъ, поглощали другъ друга и, постепенно ступеньваясь, смѣнялись смутнымъ таинственнымъ гуломъ, какъ бы оргіею какихъ-то дикихъ, безжалостныхъ силъ, беспощадно заглушившихъ едва зарождающуюся мольбу... Она звякнула рѣзкою надорванной нотой и угасла... Словно какія-то мрачныя, блѣдныя тѣни кружились и метались теперь въ нахлынувшемъ со всѣхъ сторонъ мракѣ тоски и отчаянія...

Наташа стояла—блѣдная, съ испуганно расширенными глазами, ухватившись рукою за грудь.

Но что это?.. Сонъ?.. мечта?.. благодѣтельный геній?.. Что-то необъятно - глубокое, безкомечно - милосердное разверзлось надъ этою пучиною мрака и зазвучало кроткимъ, но властнымъ призывомъ...

Мрачные аккорды дѣлаются глуше и глуше; они негодующе ропщутъ и какъ бы убѣгаютъ куда-то, а кроткая гамма звуковъ побѣдно несется за ними, дѣлается всеобъемлющею и, постепенно стихая и уравниваясь, колышется теперь, какъ морская волна, озаренная послѣдними лучами догорающаго свѣтила...

Эти звуки понятны всякому. Это пѣснь любви и примиренія!.. Любви возвышенной, объединяющей, человѣчней!

— Какъ это вы.. закончили!—облегченно проговорила Наташа глубокимъ груднымъ тембромъ.—Какъ будто я скова васъ въ первый разъ увидѣла...—И, улыбнувшись сквозь слезы, скрылась за ширмою.

Исаакъ опустилъ руку; голова его была откинута; онъ нервно сжималъ смычокъ и какъ бы слѣдилъ еще полными вдохновенія глазами за разлетѣвшими въ воздухъ звуками.

— Ты что это игралъ?—серьезно спросилъ его Артемій.

— Жизнь!—отвѣтилъ Исаакъ.—Жизнь...—И уже почти шопотомъ добавилъ:—Наташи...

Смычокъ выпалъ изъ его рукъ; губы нервно затрепетали и, опустившись на стулъ, онъ заплакалъ тихими, дѣтскими слезами...

XIV.

— „Сегодняшній день есть день величайшаго торжества!“—говорилъ Артемій, спустя мѣсяць, разглядывая на ладони грудку золотыхъ монетъ. Это были ихъ общій съ Исаакомъ заработокъ.

— Какъ иногда мало нужно для того, чтобы скрасить жизнь человѣка!—продолжалъ онъ уже задумчиво.

А на слѣдующій день они уже везли домой купленную на аукционѣ городского ломбарда, поддержанную, но довольно еще исправную швейную машину.

Когда же Артемій объявилъ объ ихъ приобрѣтеніи Лукьяну со словами: „Эго, дѣдъ, твоей дочери... Наташѣ. Болѣетъ она отъ этой проклятой работы-то въ щеточной! Не это бы ей нужно... ну да что дѣлать, все-таки лучше...“—старикъ сначала не могъ ничего сообразить; онъ только изумленно ширилъ глаза и принимался усиленно нюхать табакъ, какъ бы надѣясь разогнать такимъ образомъ это неожиданное „наважденіе“. Когда же, казавшійся ему необыкновеннымъ, фактъ подтвердился врученіемъ ему Артеміемъ и самой машины, глаза его вдругъ странно замигали; онъ всколыхнулся възмъ туловищемъ и грузно повалился жильцамъ въ ноги.

— Не нужно, не нужно!..—быстро поднялъ его Артемій, при чемъ между бровей его легла мрачная складка.—Ты забываешь, что мы сами тебѣ обязаны! Развѣ ты не приютилъ насъ, когда мы не знали, куда преклонить свои головы?.. И даже не спрашивая, можемъ ли мы заплатить за это...

— По Божьему это, по... Божьему...—лепеталъ старикъ.

— Ну а мы? Мы-то, развѣ не люди?.. И мы по Божьему! Слишкомъ ужъ много черноты-то кругомъ... Неужели же всѣмъ быть неблагодарными! Самъ знаешь,—долгъ платежомъ красенъ,—ну вотъ и получи заслуженное!

— Кабы такъ заслуженное-то давали, жизнь-то бы она какая была! Такихъ благодѣтелей... Наташка-то моя?.. Эка, дѣвка красная, видывала ли она такихъ людей!—бормotalь растроганный старикъ.

Вечеромъ Наташа пробралась въ свой уголокъ и, увидавъ неожиданный сюрпризъ, болѣзненно вскрикнула:

— Тятя!.. Что это?..

Въ свою очередь, виновники событія странно обезпокоились вдругъ.

Когда же изъ-за ширмочки донеслись слова старика:

— Машина это, то ись, швейная... Тебѣ, значить, улагодворяють... по добротѣ. Въ ноги ты имъ теперича должна!.. Потому какъ...—Артемія заторопился куда-то, разыскивая шапку.

Исаакъ тоже засуетился и, вопросительно оглядѣвъ товарища, въ свою очередь, ухватилъ картузь, при чемъ по лицу его разлилось выраженіе смущенія.

— Ты куда?—остановилъ его Артемія.—Посидѣлъ бы...

— Нѣтъ ужъ... Мнѣ еще... на занятіе нужно...—И, прежде чѣмъ Артемія успѣлъ что-нибудь возразить, Исаакъ юркнулъ въ дверь, какъ бы спасаясь отъ преслѣдованія.

Артемія выскочилъ слѣдомъ.

На улицѣ они остановились и, взглянувъ другъ въ друга, разразились вдругъ долгимъ, счастливымъ смѣхомъ...

XV.

Наступила весна. На югѣ она не врывается такимъ жизне-радостнымъ блестящимъ контрастомъ зимѣ, какъ это бываетъ на сѣверѣ. Не слышно звона и ропота ручьевъ; не видно проталинъ. Только поглубѣвшее небо, сдѣлавшееся безконечно глубокимъ, только радостное щебетаніе птицъ и задумчивый шелестъ нарождающейся листвы возвѣщаютъ горожанину о наступленіи праздника природы.

Весна!.. Сколько надеждъ и восторженныхъ мечтаній волнуютъ сердце въ эту чудную, но мимолетную пору... Сколько тихой радости и примиренія овладѣваютъ душою въ эти мерцающіе благовонные вечера, подъ стихійную симфонію молодой распускающейся жизни... Нѣтъ смерти! Есть только сонъ, оканчивающійся пробужденіемъ. Всюду весна... Имя ея шепчетъ дѣвушка—эта живая весна,—и трепеть неяснаго предчувствія чего то волшебнаго-прекраснаго выливается изъ

ея груди неожиданнымъ вѣдохомъ. Имя ея зарождается и на устахъ старика, и какая то теплая волна поднимается въ его душѣ, смывая горечь былыхъ разочарованій; глаза его прищуриваются и смотрять куда то въ даль, быть можетъ— въ минувшее.

— Весна!..—облегченно восклицаетъ и обитатель подвала съ порога своего логовища, жмурясь съ непривычки отъ солнца и вдыхая истомленною грудью мягкую ласкающую струю весенняго воздуха.—Весна...—повторяетъ онъ уже грустно и снова исчезаетъ въ темной дырѣ подвала.

Быль чудный тихій день. Небо ясное, прозрачное, какъ кристалль, глядѣло съ высоты ликующею улыбкою благосклоннаго человѣчеству генія; ни одна тучка, ни одно облачко не омрачали его горизонта. Однако, солнце что то ужъ слишкомъ обильно разсыпало по землѣ свои золотыя стрѣлы; воздухъ что то ужъ черезчуръ былъ неподвиженъ и чистъ. Гигантскіе тополи не шевелили ни однимъ листкомъ. Вѣлыя и лиловыя грозды сирени повисли въ какой то истомѣ и какъ бы прислушивались къ чему то. Даже птицы, весело щебетавшія съ утра, какъ то странно смолкли и скрылись неизвѣстно куда. Стало душно и жарко. Слово неясное предчувствіе неожиданно накатилося откуда то и замерло съ природѣ..

А городъ пыхтѣлъ и гремѣлъ. Сотни трубъ извергали черные клубы дыма, безсильно повисавшіе тутъ же въ видѣ какихъ то безформенныхъ чудовищъ, напряженно взглядывавшихся въ землю. Пристань оглашалась зычными свистками пароходовъ, и маленькіе люди, нагруженные огромными тюками, быстро перебѣгали по сходямъ въ трюмы и обратно.

Исаакъ въ этотъ день былъ дома. Съ наступленіемъ жаркихъ дней здоровье его пошатнулось, и за послѣднюю недѣлю онъ почти не выходилъ на улицу. Онъ лежитъ на койкѣ; въ рукахъ его книга, но онъ не читаетъ ее и смотритъ куда то вдаль,—онъ думаетъ... Его неокрѣпшія умственные силы, подавленные тою массою впечатлѣній, которыя онъ вынесъ изъ разсказовъ своего товарища и кровника, силится самостоятельно разобратся въ развернувшейся передъ нимъ картинѣ жизненной драмы; и брови его хмурятся, а глаза принимаютъ мечтательно грустное выраженіе..

Артемія нѣтъ; онъ на работѣ.

Наташа сидитъ, склонившись надъ машинкою... Игла быстро, быстро мелькаетъ; колесо жужжитъ. Дѣвушка напряженно всматривается въ строчку; однако, по временамъ она

устало откидывается на спинку стула и задумчиво смотреть въ оконце на сияющій клочокъ неба.

Около полудня, на горизонтѣ показалось небольшое бѣленькое облачко; сначала оно какъ бы застыло на одномъ мѣстѣ, затѣмъ начало быстро расти и шириться. Вскорѣ оно вспыхнуло аловѣщею мѣдно-багровою окраскою и, развернувшись въ чудовищные размѣры, стремительно ринулось на городъ. Теперь это было не облачко; это была туча, мрачная и грозная, какъ воплощеніе гнѣва Божія, безобразная, какъ хаосъ. Нижнія звенья ея, образуя бахрому, ползли надъ самою землею, верхніе колебались на неомраченной еще лазури неба, подобно зубчатой коронѣ. Повременамъ отъ нихъ отрывались отдѣльные багровые клочья и, словно стаи крылатыхъ вѣстниковъ, неукротимо неслись впередъ, или медленно отступали и трепетали на одномъ мѣстѣ, поминутно мѣняя цвѣта и очертавія. Сама туча продолжала клубиться и волноваться; казалось, она жила, дышала... Словно чья то мощная грудь повисла надъ землею и содрогалась въ предсмертныхъ конвульсіяхъ...

Воздухъ пропитался запахомъ сѣры.

Странная полутьма покрыла землю.

Городъ окутался сизою дымкою и застылъ въ безмолвномъ ожиданіи; обычные звуки его ступевывались и замирали на мѣстахъ возникновенія.

Туча придвинулась ближе. И вотъ, словно глубокій вздохъ вырвался изъ ея взволнованной массы..

Деревья мгновенно согнулись и бессильно затрепетали листвою. Крыши загрохотали желѣзомъ.

Цѣлая сѣть ослѣпительныхъ молній разсыпалась надъ самыми зданіями; на мгновеніе они ярко освѣтились; словно призраки, выглянули они изъ окутывавшаго ихъ полумрака—блѣдныя, неподвижныя—и тотчасъ же снова утопились въ темь.

Оглушительные раскаты грома, шумъ дождя, хлынувшаго сплошнымъ водянымъ столбомъ, дикій ревъ вихря, трескъ расщепленныхъ и вывороченныхъ съ корнями деревьевъ—все это слилось въ одинъ непрерывный побѣдоносный гулъ... Казалось, небо задалось цѣлью разрушить эти величавыя зданія и сравнять ихъ съ тѣми подземными норами, въ которыхъ томились ихъ создатели. Но каменные колоссы непоколебимо выдерживали натискъ разъяренныхъ стихій—шипы ихъ башенъ и куполовъ попрежнему величаво тян

лись къ небу, стѣны незыблемо и гордо отражали нападеніе острыхъ, какъ иглы, водяныхъ струй.

Туча спустилась еще ниже и осыпала городъ ледяными осколками. Грохотъ еще болѣе усилился. Стекла, обращенныя на западъ, мгновенно разлетѣлись вдребезги... Зданія оставались непоколебимыми; они пріобрѣли теперь глаза—глубокіе, мрачныя, какъ алчныя души, и упорно смотрѣли ими въ лицо разгнѣваннаго врага. И только полотно желѣза, промосившіяся въ воздухъ, подобно хищнымъ птицамъ, свѣдѣтельствовали о понесенныхъ ими аваріяхъ.

Однако, ярость неба не хотѣла ограничиться этими трофеями; она искала дѣйствительныхъ жертвъ, спѣша вознаграждать себя за время, потраченное въ бесплодной борьбѣ. И она нашла ихъ...

Бурные потоки бѣшено ринулись въ окна и двери подвальныхъ помѣщій; жильцы ихъ были застигнуты врасплохъ; нѣкоторые успѣли выскочить; другіе, смываемые волнами, падали, захлебывались и кружились въ водоворотахъ; иные, отвоевывая нѣсколько минутъ жизни, взбирались на печи. Но вода съ глухимъ бульканьемъ и шипѣніемъ поднималась все выше и выше, пока не достигала потолка..

Теперь зазвучала новая какофонія—какофонія смерти.

Вверху любители сильныхъ ощущеній растворяли двери балконовъ и любовались блескомъ и очертаніями молній; внизу хрипѣли предсмертные вопли, и судорожная агонія смыкала костемѣющія объятія отцовъ, дѣтей и матерей. Вверху импровизировались на рояляхъ стихійные голоса бури; внизу носился сѣдой безсмысленный ужасъ, выпивая остатки жизни изъ обезумѣвшихъ жертвъ насилія, эгоизма и безсердечія. Крики о помощи... Но кто ихъ могъ слышать въ этомъ адскомъ грохотѣ?... И, наконецъ, развѣ въ иное время изъ этихъ мрачныхъ катакомбъ не раздаются тѣ же мольбы задыхающихся жизнью и съ тѣми же результатами?.. Они—эти люди—умирали съ полнымъ правомъ и сознаниемъ своей безпомощности.

Черезъ двадцать минутъ все было кончено... Туча промчалась; потоки схлынули. Солнце снова кротко заиграло по вымытой, словно отшлифованной мостовой. Около подваловъ задымились водокачки. Балконы запестрѣли нарядами дамъ, высыпавшихъ любоваться необычною картиною. И только вопли осиротѣлыхъ жильцовъ подземелій продолжали звучать надъ землею, уносясь къ безоблачному теперь небу вопіющимъ проклятіемъ Молоху и его бездушнымъ жрецамъ...

Вѣсть о результатахъ грозы достигла и Артемія. Оставивъ работу, онъ стремительно бросился домой. Улицы были полны народа. Изъ дворовъ доносились крики и плачь.

Артемій торопливо шагаль, поминутно сталкиваясь съ прохожими; на лицѣ его застыло тяжелое сосредоточенное выраженіе, какое-то ожиданіе, за которымъ какъ бы притаилась глухая буря, сдержанное мстительное чувство.

Подходя къ квартирѣ, онъ увидалъ впереди толпу народа, а надъ нею черные клубы дыма, выбрасываемые трубами водокачекъ. Растолкавъ встрѣчныхъ, онъ быстро вскочилъ въ отворенныя настежь ворота.

Первое, что ему бросилось въ глаза, это—чья-то сгорбленная фигура, неподвижно застывшая около длиннаго предмета, лежавшаго на разостланномъ на землѣ одѣялѣ.

Человѣкъ этотъ былъ Лукьянъ; голова его была низко опущена; легкій вѣтерокъ шаловливо игралъ сѣдыми прядями его волосъ...

Артемій приглядѣлся къ странному предмету и узналъ въ немъ Наташу; маленькая, худенькая, теперь она казалась еще меньше; смоченное платье плотно облегалo ея члены; она лежала на спицѣ, безпомощно откинувъ голову на бокъ, и ея побѣлѣвшее лицо, покоившееся на темномъ фонѣ распластавшейся косы, хранило выраженіе дѣтски-наивнаго огорченія... Казалось, вотъ-вотъ—эти скорбно сжатые безкровныя губы задрожать и раскроются, а изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ брызнутъ тихія жгучія слезы... Обнаженныя по локоть руки ея, худоба которыхъ странно поразила Артемія, были сложены на груди.

Дальше, изъ-подъ бураго полушалка, видѣлось еще чье-то безусое лицо съ полуоткрытымъ вѣкомъ, изъ-подъ котораго пристально сверкалъ остеклѣвшій глазъ.

Рядомъ сидѣла старушка; она растерянно оглядывалась по сторонамъ и, оцупывая покойнаго, поврежденнаго жалобно повторяла:

— Руки-то... Согрѣть бы!..

Какой-то человѣкъ въ пиджакѣ безуспѣшно пытался отвести ее отъ трупa.

Около воротъ, на разбитомъ телѣжномъ кузовѣ возвышалась фигура извѣстнаго уже Артемію слесарнаго подмастерья.

Онъ былъ безобразно пьянъ, однако, старался удержаться на своей позиціи и, горячо жестикулируя, что-то объяснялъ народу.

— Замолчи, иродъ ты этакій, безпечальная головушка!—

унимала его какая-то любопытная изъ толпы.

Артемій помялъ все. Онъ подскочилъ къ Лукьяну и сильно тряхнулъ его за руку.

— Исаакъ?..—рѣзко спросилъ онъ, почти крикнулъ.

Старикъ поднялъ голову, бессмысленно посмотрѣвъ въ лицо Артемію, какъ бы не узнавая его, и снова потупился.

— Тамъ кто-то еще есть...—тихо сказалъ человѣкъ изъ толпы, указывая туда, гдѣ пыхтѣли водокачки.

Тогда Артемій прошелъ къ зданію и, разыскавъ входъ въ свою квартиру, наклонился къ люку, ведущему въ помѣщеніе.

Оттуда глядѣли рѣзкіе острые отблески, колебавшіеся на черной массѣ воды, и доносилось однообразное, сладострастное хлюпанье.

Несмотря на усиленную дѣятельность водокачекъ, вода, казалось, не убывала.

Артемій выпрямился, оглядѣлъ высившіяся вдали громады городскихъ зданій и, встряхнувъ головою... улыбнулся.

Господинъ, стоявшій около него, испуганно попятился.

Артемій надвинулъ картузъ и, не взглянувъ уже ни на трупъ Наташи, ни на Лукьяна и какъ-то согнувшись вдругъ, медленно пошелъ со двора. Выраженіе его лица и взглядъ были настолько страшны, что люди невольно разступались передъ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ шелъ прямо на нихъ.

Между тѣмъ, слесаря уже куда-то тащили со двора. Онъ упирался ногами въ землю, оборачивался къ народу и, молодцовато закидывая голову и притопывая иногда, лихо отчеканивалъ теперъ:

„Пить будемъ и гулять будемъ!..

Смерть при-детъ,—помирать будемъ!“

И этотъ вакхическій дикій напѣвъ зловѣще повисалъ въ воздухѣ среди всеобщаго молчанія.

Выйдя на улицу, Артемій прошелъ нѣсколько кварталовъ, погруженный въ глубокую думу.

— Сгикійное бѣдствіе!..—услыхалъ онъ вдругъ въ кучкѣ собравшихся на углу людей.

На лицѣ его отразилось выраженіе нетерпѣнія. Онъ подошелъ къ говорившему, отвелъ его за руку и, повидимому, хотѣлъ что-то сказать ему, объяснить, но, простоявъ нѣкоторое время безмолвно съ пристально устремленнымъ въ

лицо незнакомца взглядомъ, обернулся вдругъ и пошелъ дальше.

„Странно...—размышлялъ онъ далѣе.—„Куда дѣвалось мое самообладаніе?.. Смерть, медленная, или мгновенная.. не все ли равно! Между тѣмъ“...—Онъ поправилъ воротникъ рубашки, какъ бы задыхаясь.—Исаакъ... Наташа... дымъ!.. Мечта!.. Гдѣ они?.. Ихъ нѣтъ. Трупы? Прахъ, матерія... Было бы странно, если бы я задумалъ проливать слезы надъ этими комками земли... Ясно, что дѣло мое адѣсь окончено... А что еще имъ полагается,—устроится отлично и безъ меня, ибо закопать въ землю мертвеца еще легче, чѣмъ живого... Однако я получилъ огромный урокъ... Очевидно, я былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, воображая себя только безстрастнымъ свидѣтелемъ жизни... Кажется—чего проще: умерли, и—конецъ! Отчего?.. Оттого же, отчего умирають преждевременно тысячи ихъ—Наташъ и... да... —Плохой, братъ, ты философъ!—съ невыразимою горечью добавилъ вдругъ Артемій уже вслухъ.

Въ воображеніи его мгновенно пронеслась вся его жизнь, жизнь душевнаго одиночества, лишеній, труда и борьбы, обидъ и оскорбленій... И вдругъ онъ почувствовалъ себя глубоко надломленнымъ и уставшимъ.

— „Сорокъ лѣтъ“...—промелькнуло въ его умѣ,—и миллионы терзаній, врачуемыхъ довольно шаткою философіей...—Сорокъ лѣтъ“... И жажда забвенія, тишины и покоя неожиданно и властно охватила все его существо; дикій ревъ готовъ былъ вырваться изъ его могучей груди.

Онъ зашелъ въ первый попавшійся трактиръ и выпилъ залпомъ чайный стакашъ вина, затѣмъ снова вышелъ и побрелъ куда-то, не избирая направленія.

Что-то горячее, щемящее проникло въ его организмъ и расплавленной массою поплыло въ крови. Онъ чувствовалъ бѣненіе своего сердца. Что-то бушевало въ немъ и искало выхода. Онъ сдѣлался безпокоенъ и озлобленными глазами приглядывался къ встрѣчнымъ.

На одномъ изъ угловъ передъ нимъ вырисовался силуэтъ женщины съ ребенкомъ на рукахъ. Она безучастно смотрѣла на прохожихъ, между тѣмъ какъ было ясно, что она ожидаетъ подаенія.

Артемій порылся у себя въ карманахъ, но ничего не нашель. Тогда онъ оглянулся вокругъ. На встрѣчу ему шли какіе-то два, джентльменски одѣтые, господина.

Въ глазахъ Артемія вспыхнулъ странный огонекъ, а углы губъ искривились въ неопредѣленную улыбку; голова ушла

въ плечи; мышцы рукъ сдѣлались какъ бы желѣзными. Подождавъ, пока эти господа поравнялись съ женщиною и затѣмъ, миновали ее, онъ быстро загородилъ имъ дорогу, почти столкнувшись съ ними.

— Милостивые государи!—началъ онъ тихимъ сдавленнымъ голосомъ, съ прежнею улыбкою на лицѣ.—Вы не замѣтили эту женщину?.. Не удѣлите ли ей что-нибудь на пропитаніе?.. У ней—малютка... Что-нибудь, хотя-что-нибудь!!—равкнулъ онъ неожиданно для себя и для нихъ умоляюще и въ то же время повелительно, съ затрясшимися отъ злобы губами.

— Позвольте... что это за... нахальство?—воскликнулъ одинъ изъ ошеломленныхъ подобною встрѣчею джемтльменовъ.—Городовой!..

Артемій какъ будто этого только и ждалъ. Страшнымъ ударомъ кулака онъ сшибъ съ ногъ говорившаго; другой такой же ударъ мгновенно обрушился на голову его спутника.

— Ка-рра-уль...—сдавленно прокричалъ кто то изъ нихъ.

Два городовыхъ подскочили къ Артемію и схватили его сади за руки.

Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе, какъ бы намѣреваясь вырваться и отбросить ихъ отъ себя, но вдругъ глаза его погасли; онъ недоумѣвающе оглянулся вокругъ и, увидѣвъ на рукѣ своей кровь, гадливо отряхнулъ ее. А черезъ минуту лицо его было уже совершенно спокойно и холодно, а глаза съ сосредоточенно-глубокою думою глядѣли куда-то далеко впередъ, надъ головами окружившихъ его людей.

Городовые что то шумѣли, кричали около него, ожидая, вѣроятно, сопротивленія, но видя что арестованный какъ бы совершенно не замѣчаетъ ихъ присутствія, стихли и повели его въ участокъ.

Очутившись въ арестантской, Артемій забрался на нары и застылъ въ неподвижности. Рядомъ съ нимъ дремалъ какой то равный субъектъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Почувствовавъ прикосновеніе сосѣда, онъ приподнялъ голову, взглянулъ въ него и, лукаво подмигнувъ, открылъ ротъ, какъ бы желая что то сказать, но испустивъ только нечленораздѣльный звукъ, снова безсильно опустилъ голову.

На полу тоже шевелились какія то фигуры.

„Н-ни-чего мнѣ тепе-ря-а не надо-о,
Н-ни-чего мнѣ тепе-ря-а не жалъ..“

неслось съ противоположнаго конца маръ, и монотонныя

звукѣ пѣсни, исполненныя безконечной, хаотической грусти, угасали, едва выплывая изъ груди пѣвца, и обезсиленно падали куда то на дно этой черной мрачной ямы. Казалось, пѣль не человекъ, а пѣла сама арестантская, оплакивая участь своихъ, осмѣянныхъ жизнью, постояльцевъ...

Стеклянные створки окна были растворены и тоскливо скрипѣли, стучаясь о переплетъ желѣзной рамы.

Съ каланчи сорвался ударъ часового колокола... еще... и еще... Послѣдній отзвукъ глухо оборвался, унесенный куда то порывомъ вѣтра.

— Такъ и жизнь моя... — думаль Артемій.—Однако, имѣю ли я право жаловаться на нее?.. Не самъ ли я сотворилъ ее такою, какая она есть?.. Очевидно—да. И если судить справедливо, я пожилъ... и даже не дурно пожилъ!.. Я испыталъ все!.. И въ самой горечи обстоятельствъ питалъ свою душу чувствомъ какого то высшаго удовлетворенія.. Безъ сомнѣнія, это даю не всякому. Я не кланялся раблѣпно тому, что для большинства является цѣлью и смысломъ жизни, и шель навстрѣчу высшему блаженству безстрастія!.. Съ одной стороны, я—знаменіе будущаго—воплощенное олицетвореніе правъ поработеннаго человекъ; съ другой... соотвѣтствуетъ ли мой идеаль совершенства, на высшей ступени котораго я вижу не болѣе, какъ Діогенъ въ бочкѣ,—соотвѣтствуетъ ли омъ настроенію дажнаго времени?.. Очевидно, нѣтъ... Сами поработенные стремятся сдѣлаться только поработителями...

Старо, какъ вѣчность... Время мое еще не пришло, вѣроятно, или уже безвозвратно миновало... Однако, все существо мое протестуетъ противъ насилія и страданія; я не могу оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ жизни!.. Самая мечта моя о безстрастіи не есть ли лишь вымыселъ смятенно блуждающаго духа?.. Что такое-я? Не есть ли я только чувствительный и притомъ больной нервъ жизни?.. Однако, спокойствіе, необходимое истинному дѣлателью ея, покидаетъ меня, и вмѣсто безстрастія во мнѣ закипаетъ озлобленіе... Это плохой сотрудникъ! Не лучше ли... очистить почву для болѣе приспособленныхъ элементовъ?.. Тѣмъ болѣе, что какая-то странная тоска и боль въ томъ мѣстѣ, гдѣ подобаетъ быть сердцу, еще болѣе убѣждаетъ меня въ необходимости покинуть этотъ лучшій изъ міровъ... Смерть моя, во всякомъ случаѣ, не причинитъ никому убытка“...

Человѣкъ въ фуражкѣ безпокойно заворочался и, вытянувшись поперекъ маръ, грузно опустил на грудь Артемія ноги, обутыя въ перевязанныя шишками башмаки.

Артемій не шевельнулся.

Я никогда не был ханжой, — продолжалъ онъ размышлять, — но вѣрю въ дальнѣйшую загробную жизнь... Какую?.. Не все ли равно?.. Не найдутъ ли примѣненія тамъ эти странно бушующія во мнѣ силы? Я хотѣлъ бы безстрашно заглянуть въ эту таинственную невѣдомую область бытія... Да здравствуетъ грядущее, какъ мое, такъ и человечества!.. Я вижу это послѣднее въ видѣ золотой колесницы, побѣдно несущейся въ океанѣ времени и пространства, среди божественной тишины и ослѣпительнаго сіянія... Самые міры раболѣпно несутся за нимъ, какъ потухшіе очаги его младенческаго состоянія!.. Да здравствуетъ грядущее“ — уже вслухъ крикнулъ Артемій, сбросивъ съ себя тяжелыя ноги сосѣда, и всталъ.

Въ дверномъ оконцѣ показалось усатое лицо городского; онъ испытующе приглядѣлся и, въ свою очередь, сурово замѣтилъ:

— Чаво орешъ, дьяволь!

Артемій подошелъ къ окну и вглядѣлся въ развертывавшуюся вдали панораму.

Городъ былъ видѣнъ, какъ на ладони. Тамъ и сямъ, на возвышенныхъ пунктахъ, царили каланчи полицейскихъ частей. Надъ зданіями плыла тяжелая смутная дымка; мѣстами въ ней сверкали искры выбрасываемаго изъ фабричныхъ трубъ пламени...

И вдругъ—глаза Артемія заблестѣли какимъ-то страннымъ блескомъ; ненависть, состраданіе и множество другихъ разнородныхъ чувствъ мгновенно отразились въ нихъ однимъ всеобъемлющимъ пламеннымъ настроеніемъ жажды жизни, жизни и... подвига!

— Нѣтъ! — прошепталъ онъ. — Нѣтъ!.. — И уже, глубоко вздохнувъ, дополнилъ: — Да здравствуетъ жизнь!..

А городъ чистился и починался. Подвальные помѣщенія спѣшно ремонтировались; владѣльцы ихъ огорченно вздыхали и, торопясь возмѣстить „убытки“, вывѣшивали на стѣнахъ этихъ обителей разложенія и смерти поучительныя надписи: „Сіи квартиры отдаются въ кортомъ“

О. Безпалова.

Сумерки.

Таеѣь долгіѣь, зимній день...
Все слилось во мглѣь туманной,
Всеобъемлющей и странной...
Въ домѣь сумерки и тѣнь.

О, мечтательный покой
Зимнихъ сумерокъ безбрежныхъ,
И ласкающихъ, и нѣжныхъ,
Полныхъ прелести нѣмой!..

Въ старомъ домѣь тишина,
Все полно дремотной лѣьни,
Въ старомъ домѣь рѣьютъ тѣьни...
Въ старомъ домѣь,—я одна...

Чуть доносится ко мнѣь
Шумныхъ улицъ гуль нестройный,
Словно кто-то беспокойный
Тщетно мечется во мглѣь!..

Ночь крадется у окна...
Съ блѣьдной, немощной улыбкой,
Таеѣь день больной и зыбкій...
Въ сердцѣь сумракъ... Тишина...

Наталья Крадѣьвская.

Тамъ, гдѣ кончается Висла.

Повѣсть Артура Грушецкаго.

(Переводъ съ польскаго А. Даманской).

(*Окончаніе*).

VIII.

Наканунѣ ярмарочнаго дня Урбанекъ зашелъ къ Рудзишовой. Онъ нашелъ ее у колодца. Взглянувъ на нее, онъ удивился происшедшей съ ней переменѣ.

— Что съ вами? Вы были больны? — спросилъ онъ.

— Да, мнѣ давно уже недужится. Еще съ тѣхъ поръ, какъ бѣда стряслась. А послѣдніе дни едва на ногахъ держусь. Кабы не Ягуса, дѣтишки и безъ обѣда бы сидѣли.

— Ну а что новаго у васъ?

— Да что же можетъ быть хорошаго? Какое житье одинокимъ женщинамъ, — всякъ надъ ними глумится, кому только не лѣнь.

— Что случилось? Васъ кто-нибудь обидѣлъ?

— Эхъ, я-то старуха довольно здѣсь натерпѣлась и притерпѣлась. Но чего имъ отъ Ягуси надо, не пойму — она мухи въ своей жизни не обидѣла.

— Еще бы — я знаю... Кто же ее обижаетъ?

— Да кто же, если не рыбаки и рыбачки. И виноватъ въ этомъ ты.

— Только не я! — быстро проговорилъ онъ.

— Ты опекунъ нашъ, зачѣмъ ты позволилъ ей записываться въ эту несчастную копильню?

— Да я, мама, не спрашивала позволенія, я сама записалась, — сказала Ягуса, смѣясь.

— Ну, и плохо сдѣлала. А онъ старше тебя, онъ долженъ былъ тебя удержать... Теперь вотъ тебя и клюютъ.

— Что же говорятъ? — неувѣреннымъ голосомъ спросилъ Стахъ, кое-что уже знавшій отъ Розальки.

— Да что уже повторять, — только чешутъ теперь всѣ языки и косятся на насъ.

— Вѣдь, не одна Ягуся, наконецъ, записалась, записалась и Маруся, — сказала Урбанекъ.

— Маруся уже отказалась, — замѣтила Ягуся, — и сегодня же потребуетъ обратно свой взносъ.

— Гмъ... ну, что же, выпишись и ты. Вѣдь, тебя никто не принуждаетъ оставаться. Я скажу Капъ, и дѣлу конецъ будетъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, я по доброй волѣ записалась въ коптильню и понимала, что я дѣлаю. А до людскихъ толковъ мнѣ дѣла нѣтъ. Пусть ихъ. Они не знаютъ, какъ трудно жить сиротѣ. Если бы не коптильня, къ чему-нибудь другому придрались бы. Все равно покою не дали бы. А если коптильня дастъ заработокъ и прибыль, я надъ ними смѣяться буду.

— Дастъ-ли?.. Что-то не вѣрится. Ужъ больно хаотъ всѣ.

— Дастъ, матушка, дастъ — весело сказалъ Стахъ. — Черезъ мѣсяць вотъ деньжонки будутъ, и лѣсъ строевой начнемъ сплавлять... А книжку, Ягуся, ты уже прочитала?

— О королѣ Владиславѣ, что побилъ нѣмцевъ подъ Грюнвальдомъ, сегодня или завтра кончу; дамъ мнѣ другую?

— Сколько хочешь... А пріятно читать книжки, правда, Ягуся?

— Еще-бы! Точно по морю плывешь и все дальше, дальше... И какъ-бы своими глазами видишь, что было сто лѣтъ тому назадъ и еще раньше.

— А Розалька много книжекъ прочитала? — спросила Рудвишова.

— Да...а... она читаетъ — уклончиво отвѣтилъ Урбанекъ. Ему стыдно было сказать, что она одной еще книжки не одолѣла и, желая перемѣнить разговоръ, онъ спросилъ:

— На ярмарку завтра утромъ поѣдете?

— Да надо-бы... Я сама-то не могу... силъ нѣтъ. Вотъ Ягуся поѣдетъ. Надо сѣти продать, что мы связали, и купить кое-что.

— Не надо-ли вамъ денегъ?

— Спасибо, не нужно — Ягуся продастъ сѣти, а на всякій случай возьметъ съ собою шесть талеровъ, что она заработала на казенной работѣ.

— Ого, да ты богачка, Ягуся! — засмѣялся онъ.

— Богатство-то не богатство, но мнѣ дороги эти деньги, потому что я сама заработала ихъ... И ты побѣдешь?

— Вѣроятно, надо только шкипера предупредить, что я на ночной смѣнѣ не буду.

— А какъ уловъ угрей? Хорошъ?

— Ничего, слава Богу. Денежки будутъ. Стало быть, Ягуся, завтра увидимся, я помогу тебѣ снести вещи на боть.

— До свиданія!

— Съ Богомъ!

Едва занялась на востокъ заря, какъ рыбаки изъ Ястарни уже стали собираться въ Пуцкъ на годовую ярмарку. Большинство ѣхало за покупкой хозяйственныхъ продуктовъ, какъ калуга, картофель, горохъ, зерна для куръ, сѣно, другіе ѣдидили за святочными поросятами, а многіе просто для того, чтобы поразвлечься. Когда Ягуся притащилась съ сѣтями къ берегу, нѣсколько большихъ лодокъ уже отчалили, оставалась еще одна, уже почти переполненная. Ягуся положила сѣти на землю и повернулась, чтобы итти домой за остальными сѣтями, и столкнулась съ Касей. Та тоже собиралась на ярмарку. Ягуся попросила ее посмотреть за сѣтями и побѣжала домой.

Вскорѣ пришла мать Каси, потомъ Розалька, Маруся и другія, и всѣхъ ихъ знакомые рыбаки переносили въ лодку. Наконецъ, побѣжала и Ягуся.

— Эй, возьмите и меня!—крикнула она.

— Мѣста нѣтъ!—отвѣтилъ чей-то грубый голосъ.

— Иди вбродъ!—предложилъ ей кто-то.

— Восьми лодку съ коптильни!—сострила одна изъ дѣвушекъ.

Слезы набѣжали ей на глаза, но она превозмогла себя и крикнула вслѣдъ отплывавшей лодкѣ.

— Розалька! Кася! Возьмите меня!

Она замѣтила, какъ Розалька отвернулась, а Кася о чемъ-то просила мать, должно быть, чтобы ее взяли... Но лодка быстро ускользала, черезъ нѣсколько мгновений она была уже подлѣ судна. Всѣ поспѣшно пересѣли, подняли якорь, и судно отплыло.

Ягуся сѣла на свои сѣти и горько заплакала. Ей больно было, что она осталась и не продастъ, стало быть, сѣтей, не сдѣлаетъ необходимыхъ покупокъ, и еще больнѣй было отъ шутокъ и насмѣшекъ своихъ пріятельницъ.

— А ты чего, дура, ревешь?—услышала она вдругъ за собою голосъ Корабельщика. Она, всхлипывая, рассказала ему, въ чемъ дѣло.

— Это тебѣ на всю жизнь,—сказалъ рыбакъ,—очень тебѣ

нужно было лѣзть въ эту коптильню. Да и самъ Урбанекъ достаточно наказанъ. Это рыба можетъ плыть противъ воды, человекъ же долженъ плыть по теченію. А заартачится, то и потонетъ.

— Стахъ не утонетъ, и мы съ нимъ не утонемъ, онъ умный.

— Глупости, что ты понимаешь... Но какъ же тебѣ добраться до Пуцка? Ты, видно, хотѣла сѣти продать и купить кое-что на зиму?

— Да, дяденька Михайло.

— Какъ-же это Стахъ тебѣ не помогъ... Гмъ... да вотъ и онъ!—воскликнулъ онъ.

Ягуся быстро вытерла глаза, оправила платье и, убѣдившись, что Стахъ еще далеко, подбѣжала къ морю и обмыла заплаканное лицо.

Корабельщикъ съ добродушной улыбкой проворчалъ:

— Всѣ онѣ одинаковы!

Урбанекъ удивленнымъ взглядомъ обвелъ Ягусю, старика, сѣти и спросилъ:

— Это что значить? Ты не въ Пуцкѣ?

— Опоздала изъ-за сѣтей!—сказалъ Корабельщикъ.

— Почему-же ты мнѣ не сказала вчера, что у тебя столько сѣтей, я бы тебѣ помогъ...

— Я думала, что сама справлюсь.

— И судна уже не застала.

— Да что теперь толковать,—вмѣшался въ разговоръ Корабельщикъ,—надо вотъ подумать, какъ-бы ее въ Пуцкъ доставить.

— Да это вовсе не такъ трудно. Лодка ваша свободна, дяденька?

— Свободна.

— И паруса есть?

— Есть и паруса.

— Такъ вотъ дайте мнѣ вашу лодку, я свезу Ягусю.

— Идетъ—и я тогда поѣду... ты одинъ съ ней не справишься.

Урбанекъ снесъ въ лодку сѣти и вернулся за Ягусей. Онъ взялъ ее на руки, какъ ребенка, и, войдя въ воду, заглянулъ ей въ глаза и шепнулъ:

— Ты помнишь?

— Какъ ты меня несъ,—отвѣтила она,—и говорилъ, что я тебѣ все равно, что сестра.

— Я не зналъ, что ты станешь мнѣ такъ мила,—сказалъ онъ и прижалъ ее къ груди.

Она вспыхнула, но молчала. Ей страшно было и стыдно и она не сознавала, передъ кѣмъ и чего.

Море было тихое, блѣдно-синее, порою гдѣ-то далеко мелькалъ бѣлый силуэтъ паруса и пропадалъ за горизонтомъ.

— Вотъ здѣсь, въ этомъ заливѣ, который мы называемъ малымъ моремъ,—говорилъ Стахъ, державшій руль,—когда-то была пристань военныхъ кораблей польскаго короля Владислава. А кораблей было множество, они плыли по всѣмъ морямъ и привозили несмѣтные богатства... И каждый корабль, нѣмецкій, французскій или англійскій, долженъ, былъ кланяться, когда капитанъ выбрасывалъ польскій флагъ, потому что король былъ могущественный и всѣ его боялись. Ну а потомъ... потомъ все измѣнилось... другіе корабли хотъ и остались, а флаги должны были перемѣнить, потому что наступило царство евангелистовъ.

— Стахъ, а почему побѣдили евангелисты? — спросила Ягуся.

— Гмъ... почему?... Разныя были причины, а главная та, что согласія въ народѣ не было... Одни хотѣли новыхъ порядковъ, увеличенія арміи, флота, потому что знали, что евангелисты точатъ штыки на нашъ народъ. Другіе говорили: пусть будетъ по старому, военныхъ силъ у насъ достаточно... А какъ дошло дѣло до большого сраженія, мы и проиграли.

Ягуся, слушая его, думала про себя, что такъ было когда-то въ народѣ, а теперь въ Ястарнѣ. Стахъ хочеть новыхъ порядковъ, а старики не желаютъ, и Стахъ выросъ въ ея глазахъ. Она взглянула на него украдкой, и онъ показался ей красивымъ, дѣльнымъ, умнымъ, какъ эти воины изъ-подъ Грюнвальда, про которыхъ она вчера еще читала.

— Знаю, знаю, на что ты намекаешь,—значительно взглянувъ на Стаха, сказалъ Корабельщикъ,—я, вѣдь, тебя не укоряю, какъ другіе... Чѣмъ-же ты виноватъ, что молодъ еще. Самыя слабыя созданія сильны, когда между ними царить согласіе и миръ... И мы вотъ о чемъ должны радѣть.

— Дяденька,—сказалъ Урбанекъ,—вотъ угри тоже въ согласіи, въ мирѣ и сообща живутъ, а отъ нашихъ сѣтей они умбють себя зашитить?

— Ба, кабы у нихъ силы были, да зубы, и они за себя постояли-бы.

— Стало бытъ, вся суть въ томъ, чтобы снабдить ихъ силой и зубами.

Ягусѣ вгрустнулось при словахъ Корабельщика, она понимала, что старикъ правъ, но, услышавъ про угрей, она просвѣтлѣла и съ спокойной гордостью взглянула на Стаха; ей

льстило сознание, что и она принадлежит къ этой молодежи, къ товарищамъ по новому дѣлу.

— Ты сравненіе дѣлаешь, ну вотъ и я... Что ты сказалъ-бы про корабль, на которомъ было-бы нѣсколько капитановъ. Одинъ правиль-бы на западъ, другой на востокъ; третій говорилъ-бы: они оба дурни, надо править на югъ. Ну и погубили-бы корабль, и весь экипажъ погибъ-бы. А при общемъ согласіи, корабль, раньше или позже, достигъ-бы цѣли. Ну довольно, впрочемъ.. Какъ-же мы тамъ въ Пудкѣ будемъ... Гдѣ и когда встрѣтимся?

Условились, по продажѣ сѣтей и закупкѣ необходимыхъ вещей, встрѣтиться въ пивной Шельта.

На пристани въ толпѣ Стахъ и Ягуся столкнулись съ дѣвушками изъ Ястарни.

— Однако, попала таки,—сказала Розалька Ягусѣ.

— Я со Стахомъ и Корабельщикомъ,—отвѣтила Ягуся зардѣвшись.

— И ты, Розалька, на ярмаркѣ... Почему ты мнѣ вчера ничего объ этомъ не говорила?—спросилъ Урбанекъ.

— Не хотѣла лишать Ягусю опекуна,—со злобой отвѣтила она.

— Ягусѣ везетъ,—сказала Валерія,—у нея цѣлыхъ два кавалера, одинъ подъ рукой, другой за горой.

— А мы, рыбаки, и вовсе безъ кавалеровъ обходимся,—добавила Розалька.

Въ это время подошелъ какой-то покупатель и сказалъ, обращаясь къ Стаху:

— Ну что-же, продали мнѣ тѣ сѣти, продайте и эти. Вотъ торгуетесь все, а молодая женка, навѣрно, къ дѣтишкамъ домой торопится...

Розалька и Валерія при этихъ словахъ злобно расхохотались, а Ягуся не знала, куда дѣваться, и съ досадой отвѣтила покупателю:

— Оставьте меня въ покоѣ, я ни гроша не уступлю.

— Ну хотя-бы марку,—настаивалъ тотъ,—мужъ вашъ добрѣ васъ—вотъ уступилъ мнѣ полторы марки. Ну, отдавайте. Богъ вознаградитъ васъ долгимъ счастьемъ и здоровенькими дѣтишками.

Дѣвушки опять фыркнули. Ягуся, вся дрожа отъ гнѣва, крикнула:

— Заплатите, и берите сѣти.

Рыбакъ еще разъ осмотрѣлъ сѣти, заплатилъ деньги, и добродушно посмѣиваясь, сказалъ:

— А теперь не откажитесь выпить стаканчикъ пива за ваше и мое счастье...

— Мнѣ некогда,—проворчала Ягуся.

— Нѣтъ, пожалуйста, ужъ у насъ положеніе, значить, такое... Вы, молодайка, быть можетъ, и не знаете этого, а я и сѣтей не желаю, если вы ихъ не отъ всего сердца мнѣ отдаете...

— Да я отъ всего сердца ихъ отдаю...

— А коли такъ, то пойдѣте выпить съ нами... для васъ сладкое поставимъ, а съ мужемъ вашимъ наше мужское разопьемъ...

Стахъ, злой, взбѣшенный на Розальку и Валерію за ихъ насмѣшки, всталъ и рѣшительно сказалъ Ягусѣ:

— Пойдемъ, выпьемъ съ нимъ пива.—А Розалькѣ онъ бросилъ:—Мы еще встрѣтимся.

— И вовсе надобности нѣтъ!—громко отвѣтила она и вмѣстѣ съ Валеріей смѣшалась съ толпой.

Въ ресторанѣ покупатель все потчивалъ Ягусю, которая съ усиліемъ тянула подслащенное пиво.

— Моя жена не привыкла пить пиво,—сказалъ Стахъ, смѣясь.

— Ну, одинъ стаканъ не повредитъ, а выпить надо,—уговарилъ рыбакъ.

— Коли надо, такъ выпей, женушка,—сказалъ Стахъ съ напускной важностью.

Она зардѣлась до ушей и опять пригубила, а рыбакъ продолжалъ любезно расспрашивать:

— А дѣтки ваши здоровы?

— У насъ нѣтъ еще дѣтей,—отвѣтилъ Стахъ.

Ягуся, которую смущала и сердила роль жены, вскочила съ кресла, говоря:

— Я пойду по своимъ дѣламъ, мнѣ некогда.

— погоди, вмѣстѣ пойдѣмъ,—остановилъ ее Стахъ.

— Да тебѣ въ одну сторону, мнѣ въ другую,—сурово отвѣтила она. Рыбакъ, видя, что молодымъ людямъ некогда, поспѣшно допилъ пиво и распростился съ ними.

— Ну поторговались мы съ тобой,—сказалъ Стахъ, — со всѣмъ, какъ мужъ съ женой?

— Тебѣ все шутки, забылъ что-ли, какъ Розалька на тебя разозлилась?

— Розалька?—съ напускнымъ удивленіемъ спросилъ онъ— за что?

— Еще спрашиваешь! И я разсердилась-бы, если-бъ мой женихъ оставилъ меня и пошелъ въ ресторанъ съ другой.

— Развѣ я могъ тебя пустить одну? Ты, вѣдь, знаешь, жену и лодку никому въ долгъ не даютъ.

— Не люблю я такихъ шутокъ, — отвѣтила она, нахмурившись, — и безъ того мнѣ пересудами покою не давали, а теперь-то еще что будетъ. Валерія тоже слышала, что городилъ этотъ мужикъ глупый.

— Да, вѣдь, всѣ же понимали, что это шутка была.

— Ладно ужъ, — сказала она совздохомъ, — я-то знаю, что могутъ наврать людскіе языки. А теперь, Стахъ, прошу тебя, иди, извинись передъ Розалькой. Ты виноватъ передъ ней.

— Хорошо, Ягуса, я пойду. А ты куда?

— Я за покупками.

— А у Шельта будешь.

— Конечно, вѣдь тамъ Корабельщикъ будетъ ждать насъ. Урбанекъ, разыскивая въ толпѣ Розальку, не переставалъ думать о Ягусѣ, о томъ, какъ ихъ принимали за мужа и жену, и какъ она справится съ покупками, какъ дотащить ихъ до лодки. Съ этими мыслями, онъ наткнулся на Розальку и Валерію.

— Я тебя искалъ — сказалъ онъ Розалькѣ.

— Ягуса тебѣ позволила? — язвительно спросила она.

— Я не спрашивалъ у нея позволенія.

— О, она разгнѣвается на опекуна — добавила Валерія.

— Я ея не боюсь, она добрѣе другихъ.

— Защищаешь жену свою, — со злымъ смѣхомъ сказала Розалька.

— Ты отлично знаешь, Розалька, кто будетъ моей женой,

— Скоро узнаемъ — злобно отвѣтила она. — А гдѣ же... она?

— Пошла за покупками. Мы встрѣтимся у Шельта. Насъ тамъ Корабельщикъ ждетъ.

— А потомъ опять вмѣстѣ поѣдете?

— Ну да, конечно.

— Довольно съ меня, Стахъ, этой опеки! День и ночь ты у нихъ торчишь. Гдѣ Стахъ? У Рудзишовой. Съ кѣмъ Стахъ? Съ Рудзишовой. Что онъ дѣлаетъ? Продаетъ ея сѣти. Это... это невыносимо!

— Что-же дѣлать... иначе нельзя, я имъ опекунъ. И назначила меня артель... Я не могъ отказаться. Развѣ это тебѣ мѣшаетъ?

— Не желаю и все... Мнѣ жаль и времени твоего, и труда. Всѣ меня выпучиваютъ, высмѣиваютъ. Довольно и того, что васъ принимаютъ за мужа и жену. И вотъ мое послѣднее слово — или она, или я.

— Да я уже выбралъ. Не она, вѣдь, моя невѣста, а ты.

— Я говорю про опеку.

— Это отъ артели зависить.

— Но, по крайней мѣрѣ, ради Розальки ты могъ-бы съ нами домой вернуться,—встала Валерія.

— А вы вмѣстѣ пріѣхали?

— Насъ много было,—Марыся, Юлька, Кася.

— И Ягуся васъ просила взять ее?

— Да.

— А ты, Розалька, слышала и не взяла ее въ лодку?—спросилъ онъ.

— Я знала, что ей пріятнѣе будетъ съ тобою, — огрызнулась она.

— А кто изъ рыбаковъ былъ?

— Людвигъ Длинный, Карлъ Лысый, Іоакимъ...

— Теперь я понимаю,—взволнованно отвѣтилъ онъ,—эти дурни безчестные нашли случай, чтобы мнѣ отомстить.

— А тебѣ жаль Ягусю?—насмѣшливо протянула Валерія.

— Я съ тобой не разговариваю,—раздражительно отвѣтилъ онъ.—Тебѣ какое до меня дѣло?

— Въжливый кавалеръ,—нечего сказать... Я пойду, ты меня еще выругаешь, какъ старшихъ рыбаковъ—и она быстро свернула съ площади въ боковую улицу.

— погоди, Валерка, и я съ тобой,—сказала Розалька, но Стахъ окрикнулъ ее. Она остановилась.

— Розалька, останься со мной.

— Нѣтъ.

— Но я тебя прошу, Розалька.

Розалька, желая похвастать передъ подругой своимъ вліяніемъ на жениха, сказала:

— Хорошо, я останусь, но ты съ нами поѣдешь въ Ястарню?

— Съ вами? — нерѣшительно повторилъ онъ. Розалька сладко улыбалась ему, соблазнъ былъ великъ, но когда онъ вспомнилъ Карла Лысаго и Людвига Длиннаго, съ которыми долженъ былъ-бы провести нѣсколько часовъ, и ради этого оставить Корабельщика и Ягусю, которую онъ самъ привезъ и, стало быть, долженъ былъ самъ отвезти, то рѣшилъ отказать Розалькѣ и сказалъ:

— Не требуй этого, Розалька, ты сама понимаешь, что это невозможно.

— Конечно, онъ предпочитаетъ Ягусю,—замѣтила Валерія.

Слова эти точно обожгли Розальку и она рѣзко заговорила:

— Что значить—не могу, ты рабъ? Выбирай, ну, ну?

— Я далъ слово Корабельщику вернуться вмѣстѣ съ нимъ. Онъ далъ мнѣ свою лодку.

— Это меня не касается... Съ нами или съ ними? Выбери!

— Я долженъ поѣхать съ Корабельщикомъ.

— Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать,—ступай къ нимъ,—сказала Розалька и ушла со своей подругой.

Стахъ, удрученный, опечаленный этой сценой, безо всякой цѣли вернулся на площадь. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уже иначе не представлялъ себѣ свою будущность, какъ въ бракѣ съ Розалькой, и она казалась ему не только красивѣйшей, но и наилучшей изъ всѣхъ дѣвушекъ.

Когда онъ былъ на службѣ, онъ тосковалъ о Ястарнѣ, или вѣрнѣе о Розалькѣ, о ея улыбкѣ, о ея поцѣлуяхъ. И такъ какъ онъ считалъ ее своей будущей женой, то ему казалось необходимымъ и естественнымъ, чтобы и она раздѣляла всѣ его мысли и намѣренія, потому что все, касавшееся его, должно было, по его представленію, такъ-же близко касаться и ея.

Когда по возвращеніи его со службы, Розалька не приняла участія въ его проектахъ и уклонилась отъ участія въ затѣянномъ имъ дѣлѣ, ему это было непріятно, но онъ это объяснял заботой о немъ и объ общей будущности.

Порою его раздражали ея сужденія о немъ и о людяхъ, но онъ приписывалъ это постороннему вліянію. Ему больно было за ея отношенія къ Ягусѣ, но онъ и въ этомъ видѣлъ отраженіе сплетень и пересудовъ. И вдругъ у него мелькнула мысль, что въ этой послѣдней его размолвкѣ съ Розалькой во всемъ виновата Ягуся. Захотѣлось ей во что-бы то ни стало, заупрямилась... И если-бы она не записалась въ эту коптильню, ни Розалька, ни кто другой его ни въ чемъ-бы не укорялъ и въ немъ видѣли-бы только добросовѣстнаго опекуна, а не человѣка, поддерживающаго товарку. А сегодня, если-бы она сразу разъяснила, что она не его жена, не дошло бы и до этой ссоры съ Розалькой. Въ душѣ его зашевелилось нехорошее чувство къ Ягусѣ, точно она и въ самомъ дѣлѣ виновата была въ его злоключеніяхъ, и когда онъ завидѣлъ издали ея золотистую головку, повернулъ въ другую улицу, избѣгая встрѣчи съ ней. Онъ сдѣлалъ это также отчасти изъ опасенія, что Розалька, увидя ихъ опять вмѣстѣ, еще пуще обозлится, что еще больше затруднитъ ихъ примиреніе. Онъ пошатался еще немного по городу и зашелъ къ Шельту. Корабельщикъ уже ждалъ его и тотчасъ замѣтилъ, что онъ не въ духѣ. Урбанекъ рассказалъ ему про продажу сѣтей и про ссору съ Розалькой.

— Что-жь, ревнуетъ,—сказалъ старый рыбакъ.—Если-бы не ревновала, то и женщиной не была-бы. Онъ всѣ другъ на друга

похожи. Къ дѣлу ревнуютъ, къ лодкѣ. Вотъ покойница моя къ морю меня ревновала. Женщина хочетъ своего мужа всего цѣликомъ для себя имѣть. Сама-же она вся, такъ сказать, для мужа. Вотъ также и Розалька твоя ревнуетъ.

— Что-же мнѣ дѣлать? Не отказать же мнѣ отъ этого опекунства?

— Богъ съ тобой. Я такихъ словъ и не ждалъ отъ тебя. Правду говоря, я и полюбилъ-то тебя вотъ за твои попеченія о вдовѣ и сиротахъ... И чѣмъ Ягуся виновата, подумай, или вдова, онѣ, вѣдь, за тебя въ огонь и воду пойдутъ... Послушай-бы ты, какъ Ягуся не далѣе, какъ сегодня утромъ, тебя расхваливала.

Въ эту минуту вошла Ягуся, румяная отъ холода, и, сѣвъ за столъ, сказала, улыбаясь:

— Вотъ и я.

— А покупи?—спросилъ Корабельщикъ.

— Въ лодкѣ.

— Закуси что-нибудь.

— Спасибо, у меня былъ съ собой завтракъ—я ужъ поѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣшь, ты устала.

— Мнѣ денегъ жаль.

— Я твой опекунъ и ты должна меня слушаться—пошутить Стахъ—должна поѣсть.

Онъ крикнулъ полового и заказалъ три порціи телячьей печенки.

— Стахъ, а ты Розальку видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Извинился передъ нею?

— Какъ-же, какъ-же, извинялся—сказалъ Корабельщикъ—онъ тутъ всю душу мнѣ открылъ.

Послѣ завтрака, Корабельщикъ предложилъ пойти въ городъ посмотрѣть панораму, но Ягуся хотѣла быть дома пораньше, чтобы изготовить еще обѣдъ для больной матери.

Корабельщикъ, при видѣ наполненной покушками лодки, шутливо воскликнулъ:

— Да побойся Бога, Ягуся, ты мнѣ лодку затонишь.

— Ээ.., съ вами я ничего не боюсь.

— А со мной?—спросилъ Стахъ, улыбаясь.

— Съ тобою?.. Не знаю... все-же съ дяденькой Михайлой вѣрнѣй.

— Ахъ, плохи дѣла мои,—видно, ужъ очень я старъ,—трунилъ надъ нею старикъ.

— Я вовсе не то хотѣла сказать,—пролепетала Ягуся, вся красная отъ смущенія.

Они выѣхали въ открытое море, разговоръ шелъ о ярмарочныхъ цѣнахъ, о знакомыхъ, о надвигавшейся зимѣ и предстоящемъ расчетѣ съ артелью.

Стахъ перенесъ на берегъ Ястарни покупки Ягуси, потомъ взялъ и ее на руки и, прижимая ее къ себѣ, тихо и нѣжно проговорилъ:

— Женушка ты моя!

— Стахъ, перестань, я на тебя разсержусь,—сурово сказала она, потому что ее сердили не только его объятіе и его слова, но и то, что помимо ея воли, ей это было пріятно.

Подавая ей руку на прощаніе, онъ ласково спросилъ ее:

— Ягуся, ты сердилась?

— Нѣтъ, на тебя нельзя сердиться, потому что ты человекъ хорошій.

IX.

Исторію поѣздки Ягуси на ярмарку и объясненіе Урбанека съ Розалькой деревенскія кумушки раздули въ скандальную скверную сплетню. Урбанека и Ягусю стали избѣгать, какъ зачумленныхъ.

Когда Корабельщикъ со Стахомъ нѣсколько дней спустя принесли Рудзишовой сумму, отсчитанную ей артелью, они не узнали Ягуси. Блѣдная, съ синими кругами подъ глазами, она ходила, какъ въ воду опущенная. Сплетни и издѣвательства мучили несчастную дѣвушку и ложились ей тяжкимъ бременемъ на сердце. Не легко было и Урбанеку.

Въ виду общей неприязни, онъ сильнѣе еще чувствовалъ необходимость въ любящемъ сердцѣ, которое было бы ему опорой и отрадой въ дни печали и сомнѣній. На людяхъ онъ старался казаться увѣреннымъ въ себя и въ счастливый исходъ своихъ предпріятій.

Но, когда онъ оставался одинъ въ безсонныя ночи, его опять одолѣвали сомнѣнія, и тоска одиночества угнетала его.

Онъ рѣшилъ помириться съ Розалькой, о которой грустилъ въ минуты горечи и сомнѣній. Онъ улучилъ удобную минуту и, встрѣтивъ ее одну на улицѣ, подошелъ къ ней и мягко сказалъ:

— Розалька, ты еще сердилась на меня?

— Самъ долженъ это понимать,—взволнованно отвѣтила она.

— Если я обидѣлъ тебя, то отъ всей души прошу прощенья,—сказалъ онъ и подаль ей руку.

— Я подаю тебѣ руку, потому что мы на улицѣ... и на насъ смотреть, но я сержусь на тебя.

— Куда ты идешь?

— Къ знакомой, по дѣлу.

— Я тебя провожу.

— Какъ тебѣ угодно.

Они пошли рядомъ.

— Розалька, ты сердиться, что я не поѣхалъ тогда съ тобою? Я, вѣдь, не могъ, пойми. Но ты мнѣ милѣе всѣхъ на свѣтѣ.

— Если-бы ты меня любилъ, ты не былъ-бы такъ упрямымъ, слушался-бы совѣта старшихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Розалька, этого касаться не будемъ. Когда будешь моей женой, тогда поймешь, что я ничего дурного не затѣвалъ. А теперь будемъ только о себѣ говорить. Помнишь, какъ ты клялась, что не забудешь меня, когда я уѣзжалъ на службу,—что не измѣнишь мнѣ? Тогда ты была такая добрая, ласковая...

— А развѣ я тебѣ измѣнила? Развѣ я забыла тебя?—сказала она съ укоризной въ голосѣ.

— Это правда, но ты теперь другая.

— Потому что и ты другой.

— Нѣтъ, я все тотъ-же... На службѣ, когда я получалъ твое письмо, я цѣловалъ каждую букву, я всѣ твои письма на память зналъ, и птицей летали мои думы къ тебѣ. И зачѣмъ придавать такое значеніе ничтожнымъ недоразумѣніямъ... ты-бы послушалась своего сердца.

— Говорить-то ты мастеръ, а дѣлаешь ты что?

— Что-же я дѣлаю?

— А эта опека?

— Я буду просить артель, чтобы меня освободили отъ этого опекуинства... И довольно съ насъ дуться другъ на друга... Перестань-же сердиться, Розалька.

— Да что-же я... я ничего,—сказала она, опуская свои красивые глаза,—только бы ты сталъ прежнимъ Стахомъ.

— Для тебя я такой-же—какой былъ.

— И для другихъ будь прежнимъ Стахомъ. Что это еще за затѣи? Живи въ согласіи со всѣми, и межъ нами будетъ миръ.

— Ты опять за свое, а я просилъ тебя: оставь, дай мнѣ покой. Ты не знаешь, какъ мнѣ порой бываетъ тяжело, и нѣтъ у меня никого, съ кѣмъ-бы я могъ душу отвести.

— Ты самъ виноватъ,—отвѣтила она,—не задирай старшихъ.

— И это твое послѣднее слово? Ты мнѣ ничего хорошаго не скажешь?

— Я? Что-же я могу тебѣ сказать... черезъ нѣсколько

дней будетъ срокъ мѣсяцу, приходи къ намъ, мы поговоримъ. Быть можетъ, столкнемся... А пока, до-свиданія!

Она кивнула ему головой и пошла къ своей подругѣ.

Въ воскресенье послѣ обѣдни Урбанекъ окружили на площади передъ костеломъ молодые пріатели. Они говорили межъ собой о томъ, гдѣ-бы имъ собраться для обсуждения проекта коптильни, какъ вдругъ къ нимъ подошли Іоакимъ Печальный и Филиппъ Ходатай, плотный, коренастый мужчина, извѣстный своей страстью къ кляузничеству, но цѣнимый всѣми какъ большой грамотей.

— «Члены рыбной артели по общему совѣту приняли рѣшеніе, о которомъ намъ поручено довести до свѣдѣнія.

Всѣ примолкли и столпились въ одну тѣсную группу. Филиппъ Ходатай продолжать:

— Артели—это союзы рыбаковъ и только такихъ, которые отдають всѣ свои силы и время рыболовству. И кто этимъ дѣломъ не занимается, членомъ артели быть не можетъ... До насъ дошли вѣсти, что нѣкоторые изъ молодыхъ рыбаковъ затѣвають бокъ-о-бокъ съ рыболовствомъ еще другія дѣла, а именно—копченье рыбъ и рыбную торговлю. Такъ вотъ, артель постановила не принимать въ союзъ ни одного рыбака, который намѣренъ будетъ заниматься побочными дѣлами, о чемъ предупреждаемъ тебя, Урбанекъ, при свидѣтеляхъ, какъ главнаго затѣйника.

И оба удалились, какъ пришли, и безъ всякаго привѣтствія.

Урбанекъ стоялъ блѣдный, огорошенный, и изумленный смотрѣлъ на костель, на людей, на своихъ пріателей, словно не соображая, о чемъ говорили, что случилось. Это продолжалось недолго, но всѣ замѣтили впечатлѣніе, произведенное на него этимъ заявленіемъ и съ любопытствомъ смотрѣли на него.

Капа взялъ его за руку и тихо сказалъ ему:

— Пойдемъ, на тебя всѣ обращаютъ вниманіе.

За ними пошли и другіе молодые рыбаки, всѣ опечаленные, удрученные. Они отправились, какъ раньше еще условлено было, на морской берегъ.

Урбанекъ тихо шепнулъ шедшему рядомъ съ нимъ Капѣ.

— Этотъ разъ они уничтожили меня

— Гмъ... Ихъ много, насъ всего двадцать человекъ. Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго.

— И они несправедливо поступили, потому что откуда у нихъ увѣренность, что коптильня помѣшаетъ рыбакамъ заниматься своимъ дѣломъ? Какое имъ дѣло, чѣмъ будутъ въ свободные часы заниматься рыбаки, если они всѣ свои обязательства въ отношеніи артели будутъ исполнять добросовѣстно.

— Конечно, вѣдь, ни за кѣмъ не слѣдять же, спать ли тотъ, или ѣсть, или отдыхаетъ, лишь бы онъ въ указанное время былъ на шtrandѣ и свое дѣло дѣлалъ...—со вздохомъ сказалъ Капа.

— Нѣтъ, — добавилъ Людвигъ, услышавшій его слова, — мы такъ легко не сдадимся, — надо противъ ихъ рѣшенія что-нибудь предпринять.

— Не горячися, Людвигъ, быть можетъ, еще какъ-нибудь уладимъ это.

На шtrandѣ всѣ заговорили разомъ, каждый высказывалъ свое мнѣнiе о словахъ старыхъ рыбаковъ. Урбанекъ, все время молчавшій, ударилъ въ ладоши и, когда говоръ стихъ, сказалъ:

— Заявленiе Филиппа Ходатая и меня, и всѣхъ васъ стало врасплохъ. Я въ первую минуту и сообразить не могъ, сонъ это или явь, я не могъ допустить мысли, что намъ, вольнымъ рыбакамъ, запрещаютъ въ свободные часы дѣлать то, что намъ нравится. Но мнѣ кажется, что мы слишкомъ слабы, что насъ слишкомъ мало, чтобы мы могли бороться съ ними. Быть можетъ, кто-либо изъ васъ знаетъ исходъ, говоритъ.

Въ тишинѣ, наступившей послѣ этихъ словъ, раздался голосъ Петра Вжоса изъ Бира:

— Вотъ что, товарищи, не будемъ обращать вниманiя на это предупрежденiе и построимъ коптильню. Не пожелають насъ принимать въ артель, — мы навязываться не будемъ. Напишемъ прошенiе въ главное управленiе, пусть назначутъ намъ тонъ, такъ какъ насъ двадцать человекъ, и учредимъ новую артель, это будетъ лучше всего.

— Хорошiй совѣтъ, — сказалъ Собекъ Брузда.

— А вотъ что скажу вамъ... Зачѣмъ намъ ссориться съ артелями? Это дѣло рискованное, — сказалъ Фавiанъ Перець, — мы для виду покоримся ихъ постановленiю... Но каждый изъ насъ пусть вноситъ деньги, выберемъ трехъ и пусть они хозяйничаютъ, а прибыль подѣлимъ по совѣсти. Тогда и коптильня будетъ и, кромѣ этихъ трехъ, изъ артели никто не выступить.

Эта мысль не встрѣтила сочувствiя. Обманъ никому не улыбался.

— Совѣтъ Петра хорошъ, — заговорилъ опять Урбанекъ, — но мы — можемъ впутывать начальство въ рѣшенiе нашихъ домашнихъ споровъ, потому что всѣ мы это знаемъ: чѣмъ дальше отъ начальства, тѣмъ лучше... Наконецъ, новая тонъ принесетъ намъ одно только горе, у другихъ урѣжутъ берегъ, пойдутъ разныя ссоры семейныя. По моему, надъ этимъ надо поставить

крестъ. Возьмите всѣ обратно свои взносы, больше ничего намъ не остается.

— Жаль нашей коптильни... Жаль!—раздавались восклицанія.

Въ нѣсколько минутъ всѣ отобрали свои деньги и разошлись по домамъ.

Капа подошелъ къ группѣ, окружавшей Стаха, и сказалъ: — Вотъ еще талеръ Рудзишовой. Быть можетъ, ты, Стахъ, отдашь его ей. Я очень далеко живу.

— Хорошо, давай. Стало быть, теперь по домамъ.

И они медленно пошли берегомъ.

— Стахъ, что ты теперь намѣренъ дѣлать? — прервалъ. Вжось тяжелое молчаніе.

— Не знаю еще... я такъ рассчитывалъ на эту коптильню, мнѣ рисовались за нею многія другія начинанія... теперь все погасло.

— Глупости! Ты еще что-нибудь лучшее придумаешь и добьешься своего.

— Мнѣ жаль нашихъ надеждъ.

— Зайдемъ въ трактиръ, выпьемъ пива. Надо горе залить...—предложили ему товарищи, когда они приблизились къ поселку.

Онъ отказался и, распростившись съ ними, пошелъ въ другую сторону. Изъ оконъ одного домика до него донеслось его имя, онъ обернулся и увидѣлъ двухъ старыхъ рыбаковъ, насмѣшливо смотрѣвшихъ ему вслѣдъ. И внезапно его точно обожгло чувство горечи и гнѣва. Онъ гордо выпрямился и ускорилъ шаги. Его намѣренія высмѣяли, ставили ему всякія препятствія и все лишь потому, что онъ молодъ и не сумѣлъ снискать благоволеніе старшихъ рыбаковъ, и они полагаютъ, что своими запрещеніями они сокрушаютъ его? Запретять ему додумываться до новыхъ затѣй... Онъ не одинокъ, наконецъ, за нимъ еще двадцать человекъ. Онъ молодъ, силенъ, у него около тысячи марокъ своихъ, у него есть друзья, и онъ еще не одну попытку сдѣлаетъ осуществить прекрасныя мечты, которыя онъ ледѣялъ въ душѣ. И, наконецъ, старики не вѣчны—придетъ время, когда молодежь станетъ во главѣ артели—и тогда онъ проведетъ все, о чемъ ему мечталось, и не только коптильня будетъ тогда, но и паровое судно для доставки рыбы въ Данцигъ, и онъ, высмѣиваемый теперь, презираемый, будетъ тогда руководителемъ всего дѣла.

У Барковъ, родителей Розальки, его встрѣтили насмѣшливо-торжествующими улыбками. Въ избѣ было жарко и душно, и скверно пахло ворванью, которой рыбаки смазываютъ свои сапоги..

— Ну, какъ же ты рѣшилъ, Стахъ?—спросилъ старикъ.

— Что-же рѣшать... Коптильни въ этомъ году, очевидно, уже намъ не наладить.

— Въ этомъ году?— съ иронической усмѣшкой повторилъ старикъ.—Я думаю никогда, вѣдь, тебѣ ясно сказано было.

— Что-же изъ того—нѣтъ такого рѣшенія, котораго нельзя было бы перемѣнить.

— На это не надѣйся.

— Поживемъ, увидимъ.

— Я полагалъ, Стахъ,— сказалъ старикъ, что ты поймешь наконецъ, что тебѣ со старшими тягаться не подь силу, но вижу, ты еще не перебѣсилъ... Не хочешь все понять, что ты не одинъ на свѣтѣ живешь, а къ людямъ надо приспособиться..

— Ну, давайте лучше о чемъ-нибудь другомъ говорить. Я вижу, что ни я васъ, ни вы меня ни въ чемъ не разубѣдите

— Гмь... а что же съ твоей артелью будетъ?

— Да что-же можетъ быть.. Я дамъ свою часть сѣтей и буду членомъ артели.

— Ну а передъ Карломъ Лысымъ ты извиняться не намѣренъ?

— И не думаю.

— Первымъ дѣломъ, помирись съ старшими рыбаками, а потомъ уже ставъ избу и женись.

— Да что вы, отецъ, смѣшиваете разныя вещи? Одно дѣло— моя ссора съ рыбаками, другое дѣло—постройка дома и моя женитьба.

— Я не для озорника, не для безпутнаго парня дочь вырастить. Я долженъ убѣдиться раньше въ томъ, что она не будетъ голодать, и что артель поддержитъ ее въ случаѣ несчастія.

— И это можно устроить—я застрахую себя, и въ случаѣ моей смерти жена получить премію. А теперь я начну сплавать матеріалъ и весною буду строиться..

— Объ этомъ потомъ рѣчь будетъ; первымъ дѣломъ, ты попроси прошенія у Карла Лысаго и откажись отъ всякихъ глупыхъ затѣй.

— И передъ Карломъ извиняться не стану, и отъ затѣй своихъ отказываться не намѣренъ.

— Ну тогда и свадьбѣ не бывать,— крикнулъ старикъ,— ищи себѣ такую-же шальную дѣвку, какъ и ты самъ.

— Это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее.

— Розалька, заступись, уговори отца, не отказывай мнѣ теперь, послѣ столькихъ лѣтъ,—просилъ онъ дѣвушку.

— Какъ татуся сказалъ, такъ и будетъ... Я тоже не желаю быть посмѣшищемъ.

Урбанекъ еще разъ взглянулъ на Розальку и, видя передъ собою непроницаемо-суровое лицо, вздохнулъ и сказалъ:

— Что-же, коли такова ваша воля, то и... счастливо оставаться... Спасибо за добро, а зла помнить не буду.

— Иди съ Богомъ,—грубо сказалъ старикъ,—и чтобъ ноги твоей больше не было у насъ, мы тебя знать не желаемъ.

— Счастливо оставаться,—повторилъ Стахъ и ушелъ.

Онъ подумалъ, куди ему итти? Домой не тянуло, тамъ ждали его колкости и насмѣшки матери, упреки отца.—Случайно опустивъ руку въ карманъ и нащупавъ деньги, онъ вспомнилъ, что долженъ отдать талеръ Ягусѣ. Солнце уже садилось, когда онъ пришелъ къ Рудзиковой.

Дома была одна Ягуся.

— Добрый вечеръ,—сказалъ онъ,—ты не у вечерни?

— Я къ обѣднѣ ходила, а къ вечернѣ мама пошла... А ты?

— Я не могу сегодня видѣть людей.

— Я знаю, знаю... садись, рассказывай, какъ было дѣло..

Въ комнатѣ было чисто, просторно, не пахло ни торфомъ, ни ворванью, потому что Ягуся провѣтривала часто комнаты.

— У васъ хорошо здѣсь, тихо,—сказалъ Стахъ, улыбаясь,—я бы хотѣлъ, чтобъ и у меня такъ было.

— Ну, Розалька—хорошая хозяйка,—быстро отвѣтила она—у васъ и лучше и чище будетъ, потому что у васъ достатку больше будетъ.

При напомниманіи о Розалькѣ онъ нахмурился и рѣзко проговорилъ:

— Не говори мнѣ о Розалькѣ. Между нами все кончено. Я былъ сегодня у нихъ—мы разошлись.

— Это нехорошо, Стахъ,—съ укоризной въ голосѣ сказала она.—Три года, вѣдь, она была твоей невѣстой, а теперь, когда ты можешь жениться, ты бросаешь ее—это нехорошо.

— Но что-же я могу сдѣлать, когда мнѣ указали дверь? Старикъ потребовалъ, чтобы я отказался отъ всякихъ глупыхъ затѣй и извинился передъ рыбаками... А если я не пожелаю, то онъ за меня Розальку не отдастъ.

— А Розалька что-же?

— Я просилъ ее заступиться за меня, но она давно уже зла на меня и отвѣтила, что рѣшеніе отца—для нея законъ.

— Странно, я этого и не допускала... Гдѣ же она найдетъ другого такого, какъ ты...—такого добраго—вырвалось у ней.

— Должно быть, я для нея былъ нехорошій, разъ она такъ легко отъ меня отказалась,—отвѣтилъ онъ, смѣясь.

— И то правда — ну, а что-же тамъ съ коптильной было? Онъ разсказаль ей.

— Что-же ты теперъ намѣренъ дѣлать?

— Не знаю еще... но во всякомъ случаѣ, я этого удовольствія рыбакамъ не доставлю, и не пойду на службу—на зло имъ всѣмъ останусь здѣсь и опять что-нибудь задумаю.

Они оба долго молчали.

— Слушай, Стахъ, — неувѣреннымъ голосомъ заговорила Ягуся, я давно уже думаю о чемъ-то но боюсь сказать, чтобы ты меня не вышутить...

— Не бойся, говори...

— Я думала, что если-бы я заработала много денегъ, много, много денегъ—то...

— Что-же бы ты сдѣлала, Ягуся?

— Я купила бы лодку большую и торговала бы рыбой...

— Гмъ... а какъ-же ты себѣ это представляешь?

— Да такъ вотъ, что цѣны на рыбы я знаю хорошо... Ну я закупала-бы здѣсь, какъ рыботорговцы, и ѣздила-бы въ Данцигъ со скупленной рыбой. Вѣдь, рыботорговцы зарабатываютъ, зарабатывала-бы и я... Вѣдь подумай, рыботорговецъ приѣзжаетъ къ намъ, живетъ здѣсь, платитъ за телеграммы, нанимаетъ лодку, а все это стоитъ денегъ. Уже одни его расходы были-бы доходомъ.

— Гмъ... а знаешь, Ягуся, быть можетъ, я это сдѣлаю. Денегъ у меня на судно хватить, товарищей мнѣ не надо, такъ что и артель ни къ чему придраться не можетъ. Ну а ты Ягуся, будешь мою рыбу продавать?

Она молчала, вспоминая шутки Стаха въ Пуцкѣ, какъ ихъ принимали за супруговъ, какъ онъ называлъ ее женушкой своей. Теперъ, когда онъ свободенъ, не связанъ съ Розалькой, неловко дѣвушка ѣздить съ нимъ вдвоемъ въ Данцигъ. Что бы люди сказали, какія сплетни пошли-бы? Она нерѣшительно отвѣтила:

— Если-бы, Стахъ, ты самъ былъ рулевымъ, я не могла бы съ тобою ѣздить...

— Зачѣмъ-же мнѣ самому ѣздить. Вѣдь, я въ артель хочу записаться и не желаю подавать артели поводъ къ придирамъ. Нѣтъ, я сговорюсь съ кѣмъ-нибудь изъ доброжелательныхъ мнѣ старыхъ рыбаковъ, быть можетъ, съ Адамомъ,—вотъ онъ и будетъ ѣздить съ тобой.

— Въ самомъ дѣлѣ, вотъ хотя-бы и Корабельщикъ?

— Да, если бы онъ только захотѣлъ. Вотъ онъ и самъ идетъ,—воскликнулъ онъ, выглянувъ въ окно, и, схвативъ шапку, бросилъ Ягусѣ:

— Пойду и спрошу его.

Через минуту они оба вошли въ комнату, и старикъ, закуривъ папиросу, которую предложилъ ему Стахъ, внимательно выслушалъ весь проэктъ и сказалъ:

— Мысль недурная и доходъ можетъ быть, и лодку можно за небольшія деньги купить у Вжоса, но гдѣ-же ты рулевого возьмешь. Если вступишь въ артель, то у тебя времени не хватитъ.

— Вотъ я и хотѣлъ васъ спросить, дяденька Михайло, не согласитесь-ли вы быть рулевымъ? Вы два раза въ недѣлю ѣздите въ Данцигъ съ артельнымъ судномъ, а четыре дня у васъ свободныхъ. Я-бы рыбу всего только три раза отправлялъ въ Данцигъ... И если-бы вы согласились быть рулевымъ, то я за судно былъ бы спокоенъ.

— Ну, конечно... гмъ... это правда, четыре дня у меня свободныхъ. А что-бы ты мнѣ платилъ?

— Каждый разъ по соглашенію, или проценты съ продажи.

— Гмъ... сначала попробуемъ на проценты... но дѣло въ томъ, что я долженъ еще спросить позволенія у артели... Если позволять,— а быть можетъ и позволять,—тогда заключимъ договоръ.

— Спасибо вамъ, дяденька Михайло, а когда вы мнѣ отвѣтъ дадите?

— Сегодня воскресенье... я въ среду дамъ тебѣ знать, а сейчасъ я пойду, потому что меня ждутъ.

— И я съ вами, дяденька... До свиданія, Ягуса.

Они оба ушли.

Х.

Внезапно налетѣли морозы, и море на нѣсколько шаговъ отъ берега покрылось ледянымъ стекломъ. Желтые пески покрылъ бѣлый снѣгъ и только сосновая зелень несмѣло выглядывала изъ подъ пушистаго снѣга. Зима не захватила рыбаковъ врасплохъ.

Всѣ лодки вытащены были на берегъ, стѣны домовъ закрыты съ сѣвера морскою травой, а рыбаки, въ теплыхъ козухахъ, ходили на сходки и обсуждали общіе интересы артели.

Урбанекъ въ условленную среду встрѣтился съ Корабельщикомъ.

— Ничего еще не могу тебѣ сказать,—я спрашивалъ у однихъ, у другихъ, но до общаго собранія ничего не удастся выяснить,—отвѣтилъ ему старый рыбакъ.

— Когда-же будетъ собраніе?

— Думаю, что на будущей недѣлѣ... А почему ты мнѣ не сказала, Стахъ, что разошелся съ Розалькой? Теперь противъ тебя вся самья Борковъ и всѣ ихъ родственники...

— Я этого ждалъ, но ужъ мнѣ все равно, десять ли имѣтъ враговъ или двадцать.

Они оба замолкли.

— Вы куда, дяденька?—первый прервалъ молчаніе Стахъ.

— Къ Рудзишовой... по дѣлу... не спрашивай... услышишь самъ...

Рудзишова удивилась посѣщенію Корабельщика.

— Садитесь и выслушайте внимательно, что я вамъ скажу.

— Слушаю, въ чемъ дѣло.

— Вы знаете Павла Сикорку.

— Знаю... онъ былъ у насъ два раза—разъ на прошедшей недѣлѣ и вчера второй разъ.

— Говорилъ съ вами?

— Да говорили о сѣтяхъ, онъ очень хвалилъ работу Ягуси.

Урбанекъ, услышавъ имя Сикорки, вспомнилъ, что Капа говорилъ ему, будто Сикорка собирается сватать Ягусю. Онъ заволновался и ждалъ, что расскажетъ далѣе Корабельщикъ.

— Такъ вотъ Павелъ, вдовець, дочка у него маленькая, у него хорошій домъ и онъ хотѣлъ-бы жениться. Онъ просилъ меня, чтобы я вывѣдалъ у васъ, отдадите-ли вы за него Ягусю? Если вы согласитесь, онъ пришлетъ сватовъ...

Рудзишову это предложеніе, повидимому, очень утѣшило, но, не желая выдавать своей радости, она молчала.

— Вѣдь Ягуся помолвлена съ Валекомъ,—вставилъ Урбанекъ.

— Нѣтъ, они не помолвлены,—сухо сказала Рудзишова.—Его дѣдъ съ бабушкой, правда, были у насъ, а родители не приходили, а безъ согласія родителей я бы за него Ягусю не отдала... Да къ тому же и сама Ягуся все порвала съ Валекомъ.

— Что вы рассказываете? — изумился Урбанекъ.—Когда? Какъ?

— Хорошъ ты опекунъ, нечего сказать,—разсмѣялся Корабельщикъ,—ты и не знаешь этого.

Рудзишова обстоятельно рассказала, какъ про сплетни, шедшія въ поселкѣ, довели до свѣдѣнія Валека, какъ тотъ написалъ Ягусѣ письмо укоризненное, убѣждалъ ее выписаться изъ копильни, не дружить съ Урбанекомъ и грозилъ отомстить Урбанеку, когда вернется со службы, и какъ Ягуся обидѣлась на него и отписала ему отказъ.

— Тѣмъ лучше...—сказалъ Корабельщикъ.—Сикорка дѣль-

ный, степенный человекъ, ему лѣтъ сорокъ, и если Ягуся противъ него ничего не имѣетъ, то надо ее отдать за него.

— Но, вѣдь, онъ вдовецъ, и при немъ мать живетъ,— замѣтил Урбанекъ.

— Да, вотъ эта мать меня беспокоитъ,— сказала Рудвишова.—Его всѣ хвалятъ, мать, говорятъ, очень почитаетъ... да вотъ еще дочка у него... но человекъ онъ степенный.

— И зажиточный. Домъ—полная чаша. Что-же вы скажете? Присылать ему сватовъ?

— По моему,—сказалъ Урбанекъ,—это не пара Ягусѣ. Онъ вдовецъ, уже въ лѣтахъ... Она еще молода... Только замужъ выйдетъ, а уже дитя есть, которое нянчить надо, а полной хозяйкой въ домѣ она не будетъ, потому что хозяйничать привыкла его мать. По моему, Сикорка не пара Ягусѣ.

— Да что ты понимаешь... Ягуся умница, она сумѣетъ себя поставить. Я противъ этого ничего не имѣю... но Ягусю я должна спросить.—Она вышла и тотчасъ привела съ собою Ягусю.

— Павелъ Сикорка хочетъ на тебѣ жениться,—сообщила ей Корабельщикъ.

— Павелъ Сикорка?—удивленно повторила она и пытливо въ взглядомъ обвела присутствующихъ. Она замѣтила задобривающую улыбку матери и волненіе Урбанека.

Корабельщикъ принялся расписывать сокровища Сикорки, а мать его достоинства.

У Ягуси заблестѣли слезы на глазахъ и она печально промолвила:

— Развѣ я для васъ такое бремя, мама, что вы хотите отъ меня отдѣлаться?

— Что-ты, Ягуся, ты мнѣ поддержка—ты столько въ этомъ году заработала, но я должна позаботиться о твоёмъ будущемъ, я хочу видѣть тебя обеспеченной.

— А ты, Стахъ, что скажешь?—спросила Ягуся.—Вѣдь, ты мой опекунъ.—И она заглянула ему въ глаза, словно желая отгадать его мысли.

— Я?.. Если онъ тебѣ нравится и ты чувствуешь, что будешь съ нимъ счастлива... выходи за него.

— У меня къ нему сердце не лежитъ,—сказала она, помолчавъ немного.

— Э, что тамъ сердце,—заговорила мать,—свыкнется—слюбится... нужды знать не будешь... А безъ хлѣба—хоть какая любовь разстроится...

— Ну что-же, говори,—нетерпѣливо спросилъ Корабельщикъ.—Что? Какъ?

— Нѣтъ, я за него не пойду,—отвѣтила она.

Корабельщикъ сдѣлалъ движеніе, точно хотѣлъ встать, Урбанекъ облегченно вздохнулъ, а Рудзишова заволновалась:

— Погодите, что она, дура, понимаетъ... Я знаю, я знаю... она стыдится... Ужъ я съ ней столкнусь... Черезъ нѣсколько дней я дамъ вамъ отвѣтъ, Михайло... А тѣмъ временемъ, пускай ходитъ, познакомится поближе—я передъ нимъ дверей закрывать не буду.

Корабельщикъ съ Урбанекомъ простились и ушли.

— Стахъ, а что съ твоей лодкой?—шопотомъ спросила его въ сѣняхъ Ягуса.

— На будущей недѣлѣ все рѣшится,—отвѣтилъ онъ, указывая глазами на шедшаго впереди его Корабельщикъ.

Нѣсколько дней спустя, Урбанекъ, вернувшись съ ловли, утомленный, разбитый, узналъ отъ мачехи, что товарищи искали его и ждутъ въ трактирѣ.

— Наконецъ-то! — крикнули нѣсколько человѣкъ, завидя его.

— Въ чемъ дѣло? Говорите.

Они нерѣшительно переглянулись и, наконецъ, Капа сказалъ:

— Ты исключенъ изъ артели.

— Что? Какъ?—вскрикнулъ онъ, вспыхнувъ до ушей.

— Артель рѣшила, что не принимаетъ тебя въ артель, такъ какъ ты каждый разъ поднимаешь новый бунтъ, и всѣхъ съ толку сбиваешь своими затѣями.

— Да? И всѣ были противъ меня?

— Людвигъ и я защищали тебя... и Корабельщикъ въ твою пользу говорилъ, и Горный. Даже Шимонъ былъ противъ рѣшенія!

— Что же они говорили?—спросилъ онъ, овладѣвъ собою.

— Что надо тебя смирить, что ты возстаешь противъ нашихъ старыхъ порядковъ и рыбацкихъ правилъ. Ну, словомъ, и, вѣдь, это правда...—добавилъ Людвигъ.

— Въ одной Ястарнѣ восемь артелей, не буду въ одной, такъ въ другой буду.

— Гмъ... вотъ въ томъ-то и дѣло, что артели сговорились межъ собою, и ты въ теченіе цѣлаго года ни въ одну артель принять не будешь.

— Быть не можетъ!—проговорилъ онъ, скорѣе удивленный, нежели опечаленный.

— У насъ въ Бору главари артелей такъ порѣшили,—сказалъ Петръ Вжась.

— И у насъ въ Кузницахъ,—добавилъ Собекъ Брузда.—

Мы вотъ и пришли съ Франекомъ, чтобы узнать, что ты намѣренъ съ собой дѣлать.

Урбанекъ помолчалъ, глотнулъ пива и сказалъ:

— Стало быть, въ теченіе цѣлаго года я ни въ одну артель на нашемъ островѣ не могу попасть. Ну, что же, пойду служить на какой-нибудь пароходъ.

— И я съ тобой пойду!—крикнулъ Людвигъ.

— И я, и я! — откликнулись Шимекъ Сора и Собека Брузда.

— Послушай, Стахъ,—тутъ рѣчь не объ одной только твоей судьбѣ идетъ—нѣсколько человѣкъ насъ рѣшили итти за тобой. Тебя не будетъ въ артели, и насъ не будетъ. Понимаешь? А это не игрушка, потому что у меня жена есть, и у Симона и у Франека, а на авось мы никуда двинуться не можемъ.

— Я васъ не принуждаю,—сказалъ Урбанекъ.—Меня исключили на годъ изъ артели. Богъ съ ними... А васъ я прошу—оставайтесь здѣсь, я же уѣду на годъ, на два, какъ это мнѣ ни тяжело.

— И мы съ тобою,—одновременно отвѣтили ему нѣсколько товарищей.

— Знаешь, Стахъ, — добавилъ Капа, — вѣдь, мы, то есть Петръ, Франекъ и я, заявили артели, что если тебя не будетъ, то не будетъ и насъ. Мы не на вѣтеръ слова бросили. Вѣдь, у насъ жены, дѣти.

— Что же я могу?.. Еще разъ совѣтую вамъ оставаться здѣсь. Свою артель учредить—не имѣетъ смысла. Во-первыхъ, не годится намъ вмѣшивать начальство въ наши дѣла, да и что мы выгадаемъ—урвемъ у другихъ немного рыбы... и все. Вотъ если бы въ далекое море пуститься...

— Что же... пустимся,—предложилъ Людвигъ.

— Да, если бы имѣть какой-нибудь катеръ, — замѣтилъ Собека.

— Это мысль хорошая,—помолчавъ нѣсколько мгновеній сказалъ Урбанекъ.—Но такой катеръ дорого стоитъ.

— И не такъ вовсе дорого,—отозвался Франекъ Ментусъ,—я былъ на торгахъ въ Гелѣ и слышалъ, какъ шведъ запросилъ три тысячи марокъ.

— Три тысячи!—повторилъ Урбанекъ.—И хорошій былъ катеръ?

— Отличный.

— А вы пустились бы въ море?—спросилъ Урбанекъ товарищей.

— Отчего же нѣтъ...

— Такъ вотъ что. У меня тысяча марокъ. Я дамъ задатокъ, а остальные выплатимъ. На экипировку судна каждый изъ насъ дастъ, ну, хотя бы десять талеровъ и пустимся въ открытое море.. была не была... идти?

— Идешь! Идешь!—подхватило нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ, погодите,—сказаль Собекеъ Брузда,—намъ, жена-тымъ людямъ, надо все это взвѣсить. А чѣмъ жены съ дѣтьми здѣсь жить будутъ?

— Да отдай ей, что получилъ изъ артели.

— Ну а если я не вернусь... Вѣдь, артель ихъ-то уже не поддержитъ.

— Да о чемъ вы толкуете? А страховыя общества на что существуютъ. Заплати нѣсколько талеровъ, а жена въ случаѣ твоей смерти получить тысячи.

— Вотъ спасибо, что надоумилъ, я такъ и сдѣлаю,—сказаль Шимекъ Скара.—Стало быть, ѣдемъ съ тобою.

— Я не шучу,—сказаль Урбанекъ,—говорите по совѣсти—согласны вы уѣхать со мной?

— Согласны! Согласны!

— Ну тогда сговоримся сейчасъ же, дабы потомъ ссоръ не было. Я покупаю, стало быть, и даю задатокъ, поручимся мы всѣ за него вмѣстѣ, хорошо?

— Да, да, согласны!

— Каждый внесетъ десять талеровъ на снаряженіе, потому что надо запастись кофеемъ, хлѣбомъ, мясомъ, пивомъ и другими мелочами.

— Не забудь про табакъ,—пошутилъ кто-то.

— Прибыль мы будемъ дѣлить на пять частей. Одна пятая на содержаніе судна, другая мнѣ, какъ капитану, а три пятыхъ на общій дѣлежъ.

— Ну... а наши десять талеровъ?—спросилъ Брузда.

— А твое содержаніе ничего не стоитъ?—отвѣтилъ Стахъ.

— Это правда.

— Ну такъ вотъ, значить, поѣдемъ въ Гель, а не будетъ тамъ шведовъ, поѣдемъ въ Данцигъ за катеромъ.

— Въ добрый часъ!—сказаль Капа со вздохомъ.

Вотъ удивятся-то рыбаки!—замѣтилъ Людвигъ.

— Да,—добавилъ Урбанекъ,—хотѣли отдѣлаться отъ меня. А вотъ когда черезъ мѣсяцъ, черезъ два мы пріѣдемъ въ Ястарю, что они тогда запоютъ.

— А вначалѣ намъ будетъ тяжело!—сказаль Шимекъ Скара.

— Зато узнаешь, что значить свобода! —отвѣтилъ ему Капа.

XI.

Въ февралѣ ледь сталъ уже таять, и отъ времени до времени теплый вѣтерокъ возвѣщалъ уже близость весны.

Въ Ястарнѣ уже цѣлую недѣлю поджидали катеръ, такъ какъ Капа писалъ изъ Данцига, что судно куплено и по окончаніи всѣхъ формальностей въ морскомъ управленіи и по полученіи разрѣшенія на рейсъ, они прїѣдутъ домой на нѣсколько дней, а тамъ выѣдутъ въ далекое море.

Рыбаки вначалѣ не вѣрили, что Урбанекъ купилъ судно, и усердно уговаривали его товарищей вступить въ артель.

Когда пришла вѣсть о покупкѣ,—сомнѣвались, получить ли Урбанекъ разрѣшеніе на курсированіе, и всему дѣлу предвѣщали дурной конецъ. Но, несмотря на это, прибытія судна ждали съ нетерпѣливымъ любопытствомъ, и въ рыбацкихъ поселкахъ это смѣлое предпріятіе было предметомъ непрерывныхъ разговоровъ.

Одинъ Корабельщикъ молчалъ и ко всеобщему изумленію часто задумывался и вздыхалъ.

— Что-ты, Михайло, такъ пригорюнился?—спросилъ его шкиперъ Шимонъ.

— Такъ... думаю о томъ, что было и никогда не вернется.

— Э, всѣхъ насъ смерть караулить—тутъ никакое раздумье не поможетъ

— Да, если бы только смерть... Но-вотъ когда человекъ оглянется назадъ и подумаетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ и что могъ-бы сдѣлать, тогда только ему по-настоящему тяжело. Эхъ, кабы молодость вернуть, прежнія силушки. Ээ... со-всѣмъ по-иному я бы жизнь свою направилъ.

— Гмъ... въ чемъ-же дѣло?—удивленно спросилъ шкиперъ.

— Да что тутъ разговаривать—сказалъ Корабельщикъ, махнувъ рукой.—Завидую я Урбанеку и все.

— Завидуешь ему, что онъ исключенъ изъ артели, что его не любятъ, что онъ молодежь нашу совратилъ.

— Эхъ, если бы и я могъ увидѣть еще разъ передъ собой море, только, только море, а надъ собою небо!

— Это-бы недурно—со вздохомъ сказалъ Шимонъ,—но ужъ мы стары... и жены... и дѣти...

Катеръ высыпала встрѣчать вся молодежь изъ Ястарни, вся дѣтвора и рыбацки.

Къ Корабельщику подошла Ягуся, одѣтая съ необычной для будней щеголеватостью, и спросила:

— Какъ выдумаете, дяденька, получилъ Урбанекъ разрѣшеніе?

— А ты еще сомнѣвалась? Безъ разрѣшенія его не пустили бы въ море изъ Данцига.

— А какое красивое, дяденька, судно!—сказала она, вглядываясь въ приближавшійся со стороны Данцига катеръ съ вздувавшимися парусами.

На палубѣ мелькали темные силуэты людей; но различить ихъ за далью разстоянія еще нельзя было. Шагахъ въ двухстахъ отъ берега катеръ остановился, спустили паруса, Людвигъ и Петръ бросили якорь, а Стахъ, стоявшій, на рукѣ крикнулъ такъ, что слышно было на берегу:

— Стопъ!

— Ястарня!—громко прочиталъ кто-то надпись на суднѣ.

— Хорошо назвалъ!—проворчалъ Корабельщикъ.

И всѣмъ было пріятно и лестно, что катеръ названъ въ честь родного поселка.

Корабельщикъ, слѣдя съ берега за маневрированіемъ катера и быстрымъ аккуратнымъ исполненіемъ распоряженій Урбанека, улыбался и приговаривалъ:

— Хорошо... такъ... такъ.

Когда же увидѣлъ, что въ лодку сѣло шесть человекъ, а Собекъ Брузда остался на стражѣ, то обернулся къ Ягусѣ и сказалъ:

— Изъ Стаха выйдетъ отличный капитанъ, онъ умѣетъ держать подчиненныхъ въ рукахъ.

Легкая лодка быстро подплыла къ берегу и почти врѣзалась въ песокъ.

Стахъ поспѣшилъ къ Корабельщику и Ягусѣ.

— Дяденька Михайло, прошу васъ ко мнѣ въ гости на пароходъ мой. И ты, Ягуся, приходи...

— Спасибо, вѣроятно, жена Капы будетъ тамъ... и я съ ней... Когда вы отправитесь?

— Дня черезъ три, четыре, если погода будетъ хорошая.

— А провизія есть?—спросилъ старый рыбакъ.

— Есть, только хлѣбъ изъ дому возьмемъ... Я муку купилъ, вотъ Ягуся добрая намъ испечетъ...

— Что же, испеку... Слушай, Стахъ,—тихо сказала она,— у тебя флагъ есть?

— Одинъ королевскій, потому что я—нѣмецкій подданный, а другой рыбацій, но онъ мнѣ не очень то нравится. А зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь?

— Потому что я спила тебѣ флагъ.

— Какой же?

— А помнишь, когда мы ѣздили на ярмарку, ты рассказывалъ

про нашъ старый флагъ... Вотъ я такой и сдѣлала... Вотъ, прими отъ меня на память...—Она подала ему пакетикъ.

— Какой сюрпризъ!—сказалъ онъ, искренне обрадовавшись.—Я о такомъ именно и мечталъ въ Данцигѣ... Спасибо, Ягуся, за память и работу.

Осмотръ судна вызвалъ цѣлую бурю восторговъ и удивлений. Восклипаніямъ и пожеланіямъ не было конца.

— А знаешь, какая новость въ Ястарнѣ?—сказала Ягуся.— Розалька выходитъ за Павла Сикорку!

— Да? И скоро свадьба?

— Уже было первое оповѣщеніе.

— Что-жъ, дай имъ Богъ счастья.

— А тебѣ и не жаль?—удивилась Ягуся.

— Я переболѣлъ обиду и теперь мнѣ ничего не жаль.

— Ягуся одну новость сообщила, а я другую,—сказалъ Корабельщикъ.—Родители Валека сговорились съ родителями Каси Трачевой и обручили молодыхъ.

— Не можетъ быть?!—воскликнула Ягуся.

— Ты не захотѣла, захотѣла другая.

— А Валекъ такъ любилъ Ягусю,—задумчиво сказалъ Стахъ...

— Гмъ... любовь длится до тѣхъ поръ, пока другое сердце поетъ ему въ отвѣтъ, а въ одиночествѣ какая любовь не меркнетъ...

Черезъ три дня катеръ снялся съ якоря, а на самой высокой мачтѣ развѣвался въ лучахъ солнца спитый Ягусею красный флагъ съ бѣлымъ мечомъ.

Почти весь поселокъ высыпалъ на берегъ проводить рыбаковъ, и долго звучали въ слѣдъ удаляющемуся судну добрыя пожеланія. Старшіе рыбаки недоувѣрчиво покачивали головами: вся эта затѣя казалась имъ чѣмъ-то страннымъ, неправдоподобнымъ.

Карлъ Лысый весело воскликнулъ:

— Наконецъ то, мы избавились отъ этого бунтовщика.

Шкиперъ Шимонъ тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— И вмѣстѣ съ нимъ лишились еще шести молодыхъ работниковъ, о чемъ мнѣ очень жаль.

— Они скоро вернутся,—замѣтилъ Людвигъ Длинный, смѣясь,—голые и босые, какъ блудный сынъ въ св. писаніи.

Шимонъ хмуро взглянулъ на него и добавилъ:

— Лишь бы только вернулись.

XII.

Первое время послѣ отъѣзда катера въ Ястарнѣ только и говорили, что объ Урбанекѣ и его товарищахъ, но когда въ мартѣ стали готовиться къ ловлѣ лососей, никто о нихъ больше не вспоминалъ, кромѣ ближайшихъ къ нимъ лицъ, встревоженныхъ отсутствіемъ вѣстей о судьбѣ судна.

Лососина почти не показывалась, рыбаки были удручены.

Однажды ночью, Ягуся, разбуженная шумомъ вѣтра, окликнула мать:

— Мама, мама, слышите, какой вѣтеръ.

— Слышу.

— Мама, а на морѣ буря... мнѣ такъ страшно.

— Кого морю надо было забрать, оно уже забрало.

Пусть себѣ бушуетъ буря.

— А судно, мама.

— Твои погибли...: какое тебѣ дѣло до чужихъ? Ложись и не буди меня.

Она повернулась лицомъ къ стѣнѣ и уснула.

Утромъ послѣ бессонной ночи, Ягуся побѣжала на берегъ моря. Волны налетали одна на другую. Съ пѣной на высокихъ гребняхъ, бѣшено летѣли волны и, встрѣтившись съ другими, съ шумомъ и злымъ ревомъ падали куда-то внизъ и опять съ неожиданною силой, взметнувшись вверхъ, яростно ударялись о песчаный валъ. Это была безумная борьба безъ конца, безъ жалости, безъ усталости.

Ягуся, глядя на неистовствующее море, думала о Стахѣ, о суднѣ и, упавъ на колѣни, стала трепетно читать молитву.

На обратномъ пути къ дому она встрѣтила Корабельщика и спросила его:

— Дяденька Михайло, они погибли?

— Богъ вѣдаетъ, — и замѣтивъ, какъ она поблѣднѣла, добавилъ:

— Судно старое, но прочное... ну и Стахъ—опытный морякъ... быть можетъ, и выберутся.

— Почему-же онъ не пишетъ? А обѣщаль...—чуть не плача проговорила она.

— Вѣрно, нельзя было, быть можетъ, и въ города не заходить...

Нѣсколько дней спустя Ягуся получила открытое письмо съ краткимъ сообщеніемъ:

— «Пароходъ «Ястарня» продалъ лососины на шестьсотъ талеровъ.

Ст. Урбанекъ.»

Она тотчас побѣжала съ письмомъ къ Корабельщику. Тотъ прочиталъ и улыбнулся:

— Ну, вотъ видишь, всѣ твои страхи напрасны. Стахъ въ сорокъ родился.

Вѣсть объ успѣхахъ «Ястарни» удручающе подѣйствовала на рыбаковъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы такіе молодые неопытные рыбаки могли наловить столько рыбы, и подозрѣвали ихъ въ умышленномъ хвастовствѣ съ цѣлью позлить ихъ, старшихъ земляковъ.

Въ концѣ апрѣля поселокъ облетѣла вѣсть, что «Ястарня» продала въ Штетинѣ рыбы на восемьсотъ талеровъ.

Молодые рыбаки, записавшіеся когда-то въ коптильню, ходили какъ въ воду опущенные и на всѣ обращенія къ нимъ старшихъ сердито грызались.

— Что это за рыболовство, — говорили они между собой умышенно громко, — такъ каждый мужикъ сумѣетъ ловить... Вотъ Урбанекъ — это голова.

Старшіе молчали. Да и о чемъ было говорить, когда до сихъ поръ для каждаго рыбака въ артели приходилось не болѣе двадцати шести талеровъ, а тѣ всемеромъ уже заработали тысячу четыреста.

Ягуся, наконецъ, дождалась общаемаго Стахомъ подробнаго письма.

«Милая Ягуся! — писалъ онъ — каждый разъ, когда я взгляну на флагъ, я вижу тебя передъ собою, и, тоскуя о «Ястарнѣ», я думаю о тебѣ...»

Она зардѣлась яркимъ румянцемъ и, взглянувъ на улыбавагося почтальона, быстро спрятала письмо.

— Приятное письмо? — спросилъ почтальонъ.

— Спасибо, — отвѣтила она и побѣжала въ лѣсъ.

Убѣдившись, что она одна, она вынула письмо и стала его читать.

Урбанекъ писалъ, что уловъ былъ очень удачный, и что въ концѣ мая они будутъ въ Ястарнѣ.

Она знала уже на память первыя фразы и, возвращаясь домой, мечтательно повторяла: «Каждый разъ, когда я взгляну на флагъ, я вижу тебя передъ собою...»

Недалеко отъ дома, она встрѣтила Корабельщика, который остановилъ ее и спросилъ:

— Получила письмо отъ Стаха?

— Да, въ концѣ мая пріѣдутъ.

— Покажи.

— Я куда-то его запрятала... не помню куда, — отвѣтила она, краснѣя.

— Въ сердце? Гмъ... или въ сундукъ?

— Вамъ все шутки, дяденька.

— А ты всегда правду говоришь—гмъ, гмъ... стало быть, въ концѣ этого мѣсяца. Рада, небось.

— Чего-же мнѣ печалиться?—отвѣтила она со смѣхомъ и побѣжала домой.

Въ одинъ прекрасный день, дѣти, игравшія на берегу, неистовымъ крикомъ извѣстили о прибытіи судна.

Молодежь бросилась къ лодкамъ и поплыла навстрѣчу.

Надъ бѣлымъ парусомъ, у верхушки мачты развѣвался красный флагъ съ бѣлой рукой и мечомъ.

Ягуся, вся красная отъ радости, повторяла мысленно фразы изъ письма Стаха, выписанныя въ ея воображеніи буквами яркими, какъ спитый ею флагъ: «Каждый разъ, когда я...»

Молодежь устроила Стаху овацію. Повдоровавшись съ отцомъ и Корабельщикомъ, онъ подошелъ къ Ягусѣ и сказалъ:

— Я сейчасъ съ отцомъ пойду домой, а ужинать буду у васъ... пусть Андриша пойдетъ на судно, Шимекъ дастъ ему все, что нужно.

Товарищи забрасывали Урбанека вопросами, а старый шкиперъ угрюмо спросилъ его:

— Опять поѣдешь?

— Долженъ, — рѣшительно отвѣтилъ онъ, — я заключилъ контрактъ на цѣлый годъ.

— Вошелъ во вкусъ, видно,—сказалъ Корабельщикъ,—теперь все будетъ его тянуть. А много заработали?

— Сто пятьдесятъ марокъ на человѣка.

— А Урбанекъ, — добавилъ Людвигъ, желая похвастать пріятелемъ,—какъ капитанъ, получилъ по предварительному уговору, конечно, триста талеровъ. А долю свою ассигновалъ на содержаніе судна.

— Ого, того... ты теперь важный баринъ,—раздавалось вокругъ.

Вечеромъ, когда Стахъ пришелъ къ Рудзишовой, Ягуся встрѣтила его съ упрекомъ:

— Какъ тебѣ не совѣстно, Стахъ,—и мясо, и вино, и булки, и печенье... Можно-ли столько денегъ на такія вещи тратить?

— О, бѣдная моя головушка—то-то достанется ей, когда я дамъ тебѣ подарокъ, что обѣщала за флагъ.

— Мнѣ не надо подарка, съ меня довольно того, что флагъ мой развѣвался на мачтѣ.

— Ну а за работу?

— Платы не возьму.

— Даже память отъ меня?

— Ну... ну... увидимъ...

Онъ вынулъ изъ кармана коробочку и открылъ ее. Передъ ней сверкнуло золотое колечко съ бирюзой. Глаза ея засвѣтились радостью, но она сдержала себя и съ напускной суровостью сказала:

— О, Стахъ, Стахъ, ты никогда не будешь богатъ... столько денегъ истратить.

— Я озолотилъ-бы тебя, брилліантами осыпалъ-бы, если бы ты захотѣла быть моею, Ягуся!

Она поблѣднѣла отъ волненія и, положивъ на столъ колечко, сказала:

— Стахъ, не смѣйся надо мной, я сирота, а ты теперь важный баринъ.

— Я не смѣюсь, не шучу, клянусь всѣмъ, чѣмъ хочешь, Ягуся моя... Я долго думалъ объ этомъ все это время... Съ первой-же минуты, когда мы встрѣтились съ тобою въ Данцигѣ, ты всегда была мнѣ милѣй и пріятнѣй всѣхъ. А если откажешь мнѣ, я уйду, куда глаза глядятъ, потому что быть счастливымъ безъ тебя я не могу.

Ягуся блѣднѣла и краснѣла, а когда онъ сказалъ, что уйдетъ, куда глаза глядятъ, она едва не разрыдалась и отвѣтила:

— Тогда возьми и меня съ собою на край свѣта, потому что и я безъ тебя жить не могу.

Стахъ схватилъ ее въ объятія и покрылъ ея лицо поцѣлуями. Въ эту минуту въ дверяхъ показалась мать:

— Ягусь! Стахъ! это что значить?

Урбанекъ подбѣжалъ къ ней, поцѣловалъ ей руку и сказалъ:

— Это наша помолвка... если вы благословите Ягусю на бракъ со мною.

— Ну, ну, Ягуся, этого я отъ тебя не ждала... До сговора, до вѣнца. А ты, Стахъ, знай, что если твои не придутъ къ намъ съ поклономъ, какъ принято, то Ягусь за тобой не бываетъ...

— Сегодня-же приведу къ вамъ отца!

Старый Урбанекъ въ тотъ-же вечеръ просилъ у Рудзишовой руки Ягуси для своего сына.

Стахъ и Ягуся опустили на колѣни, и мать проговорила сквозь слезы:

— Именемъ покойнаго отца и моимъ благословляю васъ... на счастливую, согласную жизнь.

Конецъ.

Корея и корейцы.

(По книгѣ англійской писательницы Изабеллы Вэрдъ Бишопъ „Корея и ея сосѣди“).

Впервые о Корей говорится въ книгѣ арабскаго географа IX в. по Р. Х., Кхордадбея—„Книга о дорогахъ и провинціяхъ“, о которой упоминаетъ баронъ Ричофенъ въ своемъ описаніи Китая. Легенды аборигеновъ полуострова чрезвычайно туманны и мичны; достовѣрно только то, что полуостровъ былъ населенъ въ то время, когда Кит-це, или Ки-я, и его преемники ввели сюда элементы китайской цивилизаціи 3,000 лѣтъ тому назадъ ¹⁾. Говорятъ, что Кит-це былъ выходцемъ изъ Китая, и въ 1122 году до Р. Х. основалъ въ Корей династію, царствовавшую въ Файонг-Яангѣ 700 лѣтъ. Затѣмъ, Корея распалась на три враждующихъ государства, изъ которыхъ, наконецъ, самому сильному, Синъ-ра, удалось объединить Корею; въ это время въ страну проникъ буддизмъ. Спустя 250 лѣтъ Синъ-ра добровольно призналъ себя вассаломъ Китая. Но недовольство правительствомъ, а также грабежъ чиновниковъ вызвали возстаніе, во главѣ котораго сталъ нѣкто Оан-Гіонъ; ему удалось основать новое королевство въ 935 году. Оан-Гіонъ былъ родоначальникомъ новой династіи, управлявшей страной до 1392 г.; послѣ нея вступила на престолъ нынѣ царствующая династія; при ней начались вторженія китайцевъ и японцевъ; особенно отозвались на народѣ вторженія японцевъ въ 1592 и 1597 гг., разорившія страну; отсюда вѣковая ненависть корейцевъ къ японцамъ. Послѣ этого обезсиленная страна снова сдѣлалась вассальнымъ государствомъ Китая до 1895 г.

8-го января 1895 г. корейскій король торжественно отказался

¹⁾ Память Кит-це до сихъ поръ пользуется почетомъ среди корейцевъ, и по дорогѣ къ его могилѣ въ тѣсу около Файонг-Яанга поставлена каменная доска, предупреждающая конныхъ о томъ, что они должны спѣшившись пройти мимо священнаго мѣста.

у алтаря Духовъ Страны отъ вассальной зависимости, и Китай, послѣ китайско-японской войны, Шимоносекскимъ договоромъ въ маѣ 1895 г. вынужденъ былъ признать полную независимость Кореи. Вскорѣ затѣмъ Корея попала въ руки японской партіи, и король долженъ былъ подчиняться всѣмъ ея требованіямъ; только послѣ убійства японцами корейской королевы Мины въ сентябрѣ 1896 г. король отдался подъ покровительство Россіи, ввелъ въ свои войска русское обученіе и русскія ружья, довѣрялся только русскимъ и укрывался до февраля 1897 г. въ домѣ русскаго посольства. Въ этомъ же году король съ необычайной пышностью въ храмѣ Нам-бель-Хеунъ принялъ титулъ императора корейскаго. Россія пользовалась своимъ вліяніемъ весьма умѣренно, а съ 1897 года, послѣ опубликованія русско-японскаго договора касательно Кореи, стала понемногу утрачивать его, между тѣмъ какъ японцы снова стали прибрѣтать вліяніе надъ страной.

Всѣ попытки иностранцевъ попасть въ Корею были долго безплодны; христіанскія миссіи утверждались ненадолго, а затѣмъ подвергались гоненію и изгнанію. Въ Сеулѣ, около Великаго Колокола (о которомъ ниже), прежде стоялъ камень съ надписью, призывающей всѣхъ корейцевъ убивать назойливыхъ иностранцевъ. Только въ 1876 году Японія, наконецъ, добилась заключенія трактата, по которому портъ Фузана былъ открытъ для японской торговли. Въ 1882 г. былъ заключенъ договоръ съ корейскимъ правительствомъ Соединенными Штатами, въ 1884 г.—Россіей, Великобританіей, Германіей и Италіей, въ 1892 г.—Австріей. Бельгія добилась договора только въ 1901 г. Благодаря заключеннымъ договорамъ, Сеулъ и гавани: Чемульпо (Чжен-чуанъ), Фузанъ и Вѣн-санъ (Ген-санъ) были открыты для вѣншей торговли, а въ 1897 г. сюда были включены гавани Мах-по и Чиннам-по. Послѣ подписанія трактатовъ иностранные представители поселились въ столицѣ: русскій, американскій и японскій посланники, французскій уполномоченный, германскій консулъ и британскій генеральный консулъ. Китай послѣ китайско-японской войны отдалъ своихъ подданныхъ въ Корею подъ покровительство британскаго генеральнаго консула. Уже въ январѣ 1897 г. въ Фузанѣ, Вѣн-санѣ и Чемульпо было 11,318 иностранцевъ и 266 иностранныхъ торговыхъ фирмъ, 10,711 японцевъ и 230 ихъ фирмъ.

Корея, или Кх'ао Хсиенъ („Тихое утро“, или „Прохладное утро“) — полуостровъ, лежащій къ сѣверо-востоку отъ Китая. Онъ тянется на протяженіи 600 миль по направленію съ сѣвера на югъ (между 34° 17', и 43° сѣвер. шир.). Всего въ немъ около 80 т. кв. миль, иными словами: Корея немногимъ меньше Великобританіи. Береговая линія составляетъ 1,740 миль. Съ сѣвера и сѣверо-запада рѣками Тюмень и Амнокой, или Ялу, она отдѣляется отъ китайской и русской имперій,—съ востока и юга ее омываютъ Желтое и Японское моря. На сѣверѣ общая граница Кореи съ Россіей тянется всего на 11 миль.

Объ пограничныя рѣки Тюмень и Ялу берутъ начало на Пэк-ту-Сань ¹⁾, „Вѣлоголовой горѣ“, отъ которой къ югу тянется большой горный хребетъ, выпускающій много боковыхъ вѣтвей; этотъ крайъ дѣлитъ страну на двѣ части: восточную, узкую, трудно-доступную, но чрезвычайно плодородную, и западную, всю покрытую крутыми холмами и безчисленными долинами и склонами, прекрасно орошенными и вполне пригодными для земледѣлія. На каждомъ шагу встрѣчаются кратеры давно потухшихъ вулкановъ, застывшіе потоки лавы и другіе слѣды вулканическихъ явленій. Озеръ немного, и они не велики. Рѣки судоходны всего на нѣсколько миль отъ моря; исключеніе составляютъ Амнокъ, Тань-дѳнгъ, Тай-дѳнгъ, Махъ-по и Ханъ. Послѣдняя беретъ начало въ Канг-вѳн-До, въ 30 миляхъ отъ Японскаго моря, и, пробѣжавъ почти полстраны, впадаетъ въ него при Чемульпо. Она годна для плаванія на разстояніи 170 миль отъ устья, затѣмъ начинаются стремнины, которыя далеко оставляютъ за собой знаменитыя стремнины Янгтце.

Корея—гористая страна по преимуществу, и ея немногія равнины даже не заслуживаютъ этого названія. На сѣверѣ изъ горныхъ группъ самая замѣчательная—священная гора Пэк-ту-Сань. Къ югу отъ него страна изрѣзана отрогами на множество узкихъ долинъ, и почти каждая изъ нихъ орошается бурнымъ горнымъ ручьемъ, протекающимъ по каменистому ложу. Главный крайъ, въ которомъ находится „Алмазная гора“, покрытъ прекрасными лѣсами и очень живописенъ. Къ югу онъ понижается и образуетъ мѣстами небольшія неплодныя равнины.

Берега Кореи не представляютъ хорошихъ гаваней, но тѣ, которыя существуютъ, свободны для плаванія въ теченіе всей зимы. Лучшія—Фузанъ и Вѳи-санъ при Броутонскомъ заливѣ.

Чемульпо, служащій портомъ для Сеула, хотя и занимаетъ, какъ гавань, первое мѣсто, но почти не можетъ быть названъ пристанью; во „внѣшней пристани“ военныя и вообще большіе корабли стоятъ на рейдѣ, а „внутренняя гавань“ вблизи города у устья Хана не можетъ дать убѣжище одновременно болѣе, чѣмъ пяти, шести судамъ незначительной вмѣстимости. Въ Чемульпо приливъ подымается и опускается ежедневно на 36 футовъ, а потому море у береговъ представляетъ въ теченіе большей части дня неглубокую илистую ровную поверхность; якорной стоянкой для кораблей служитъ узкій проходъ между мелями. Несмотря на то, что рѣка Ханъ судоходна на значительное разстояніе, правительнаго пароходнаго сообщенія между Чемульпо и рѣчнымъ портомъ Сеула Ма-пу нельзя установить изъ-за сильныхъ приливовъ и отливовъ, благодаря которымъ рѣка часто мелѣетъ, и мели послѣ cadaго прилива мѣняютъ мѣсто. Вообще по всему

¹⁾ Изысканіями инженера Н. Г. Михайловскаго въ 1893 году установлено, что Тюмень беретъ начало въ озерѣ въ 15 верстахъ отъ Пэк-ту-Сана, а Амнокъ въ пяти верстахъ отъ него на Маломъ Пэк-ту-Санѣ.

западному и юго-западному побережью приливъ достигаетъ 26—38 футовъ, между тѣмъ, какъ у восточнаго, крутого и скалистаго, онъ едва подымается на 1—2 фута.

Около восточныхъ береговъ Кореи находится замѣчательный архипелагъ. Нѣкоторые острова его представляютъ безплодные утесы, служащіе только пріютомъ для морскихъ птицъ, другіе населены и воздѣланы. Проходъ между ними для кораблей очень опасенъ.

Климатъ Кореи, несомнѣнно, одинъ изъ пріятнѣйшихъ и самыхъ здоровыхъ въ мірѣ. Иностранцы не подвергаются никакимъ климатическимъ заболѣваніямъ. Іюль, августъ и первая половина сентября—жаркіе и дождливые, но жара умѣряется морскими вѣтрами. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ небо ясно. Корейская зима прекрасна съ ея тихой погодой, яснымъ голубымъ небомъ, умѣренной сухостью и морозными ночами. Съ половины сентября до конца іюля совершенно нѣтъ рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ холоду и наоборотъ. Распредѣленіе осадковъ даетъ возможность воздѣлывать преимущественно рисъ.

Фауна Кореи очень богата: громадное число тигровъ и леопардовъ ¹⁾, медвѣди, антилопы, по крайней мѣрѣ, семь породъ оленей, лисицы, бобры, выдры, барсуки, тигровыя кошки, вепри, нѣсколько породъ кунницъ, соболь и полосатый бѣликъ. Домашнихъ животныхъ очень мало. Корейскіе пони—маленькіе, злые, очень выносливыя животныя—могутъ жить на скудной пищѣ и дѣлать по 35 миль ежедневно изо дня въ день съ неизмѣримымъ грузомъ на спинѣ; собаки въ полудикомъ состояніи, большія, съ длинной шерстью, очень трусливыя. Небольшое число овецъ разводится только для царскихъ жертвоприношеній. Свиньи—черныя, небольшія, худыя, съ торчащей щетиной. Главную роль среди домашнихъ животныхъ играетъ благородный красивый корейскій быкъ: онъ переноситъ тяжести, онъ пахетъ землю. Въ Корѣ подковываютъ и лошадей, и быковъ.

Между птицами встрѣчаются черныя орлы, фазаны, лебеди, гуси, простыя и мандариновыя утки, бѣлые и розовые ибисы, ястребы, королевскіе журавли, цапли, водяныя курочки, обыкновенныя и голубыя сороки, лѣсные жаворонки, дровды, вороны, голуби, горлицы, грачи, кукушки, трясогузки, зимородки, бекасы, соколы ²⁾. Благодаря недостатку наблюденій, трудно сказать,

¹⁾ Въ 1897 г. можно было еще встрѣчать тигровъ на улицахъ Сеула. Охотники на тигровъ образуютъ какъ бы отдѣльную корпорацію. Тигровая шкура—эмблема высокаго достоинства; тигровъ изображаютъ на королевскихъ знаменахъ. Леопардовыя шкуры—принадлежность низшихъ должностныхъ лицъ.

²⁾ Существуетъ соколиная охота, преимущественно на фазановъ; обученные охотничьи соколы стоятъ до 9 долларовъ; чтобы поймать сокола, три маленькихъ птички сажаютъ въ цилиндръ, свободно сплетенный изъ бамбука, горизонтально прирѣпленный къ палкѣ. Когда соколъ спускается на добычу, спрятанный птицеловъ накидываетъ на все съѣдъ. Три дня птицу держать въ узкомъ рукавѣ, затѣмъ ее выпускаютъ въ ком-

какія изъ птицъ принадлежать собственно Корей, а какія только останавливаются здѣсь во время перелетовъ. Пѣвчихъ птицъ очень мало; не слышно того пѣнья, чирканья, свиста, которые составляютъ весной прелесть европейскихъ лѣсовъ. Изъ домашнихъ птицъ разводятся куры, впрочемъ, далеко не ручьяы, утки и гуси; послѣдніе, какъ сторожа, и для свадебнаго церемоніала.

Лѣса встрѣчаются только въ горахъ, преимущественно у истоковъ рѣкъ Тюмень, Амнокъ, Тан-донгъ и Ханъ; они настолько обширны, что въ нихъ почти не замѣчается рука дровосѣка, хотя много стволовъ сплавляются ежегодно по этимъ рѣкамъ.

Между мѣстными деревьями встрѣчаются: *Abies excelsa*, *Abies microserpa*, *Pinus pinensis*, *Pinus pinea*, три сорта дуба, дикая ясень, береза, пять сортовъ клена, *Acanthopanax ricinifolia*, *Elaeagnus*, *Rhus semipinata*, можжевелникъ, орѣхъ, ива, грабъ, слива, персикъ, *Elaeagnus alatus* и т. д.

Флора богатая и интересная, но яркихъ цвѣтовъ не встрѣчается, за исключеніемъ развѣ азалеи и рододендрона. Экономическихъ растений очень немного; исключеніе составляетъ рана *quinquefolia*, драгоцѣнный жемчужникъ, дикіе корни котораго цѣнятся очень дорого.

Геологическое строеніе почвы очень просто. Мезозойныя скалы встрѣчаются въ Хвонгъ-хан-До, но преобладаютъ гранитныя и метаморфическія. Къ сѣверо-востоку отъ Сеула—большія пространства лавы, и вообще на сѣверѣ преобладаютъ скалы вулканическаго происхожденія и лава.

Минеральныя богатства еще не вполне опредѣлены. Золото почти не встрѣчается ни въ искусствѣ, ни въ украшеніяхъ. Но корейцы объявляютъ, что даже пылъ въ ихъ странѣ золотой, и рѣка Ханъ носитъ названіе рѣки „Золотого песку“. Дѣйствительно, на ней производится промывка золота самымъ примитивнымъ способомъ ¹⁾. Копаніе золота безъ разрѣшенія правительства строго воспрещается. Лучшими золотоносными мѣстностями Кореи считаются Файонг-Кангъ, недалеко отъ Хана, и Кеум-Санъ — въ Файонг-ан-До недалеко отъ Тан-донга. По неопоримымъ отчетамъ таможи въ 1896 г. вывезено было золотого песку на 1.360,279. цент.

Серебро и олово добывается въ незначительномъ количествѣ,

натѣ и учать слѣдить за кусочкомъ мяса, который тащатъ по полу на веревкѣ. Къ концу недѣли хозяинъ выноситъ ее на рукѣ и спускаетъ при видѣ добычи; но сокола не приучаютъ возвращаться къ охотнику; послѣдній бросается на птицу и отнимаетъ у нея добычу раньше, чѣмъ та успѣетъ съѣсть ее.

¹⁾ Приборъ состоитъ изъ сита или рѣшета, въ которое кладется золотоносная земля; это рѣшето вставляется въ глубокое корыто и въ такомъ видѣ его качаютъ подъ водой, пока не уйдутъ болѣе тяжелыя частицы; остатки потряхиваютъ въ ситѣ, ища въ нихъ блестящія крупинки золота, которое затѣмъ складывается въ битую глиняную посуду на берегу рѣки; около каждого такого сосуда сторожить одинъ человекъ. Для полученія золотоноснаго песку, снимаютъ тяжелый слой прибрежнаго ила и затѣмъ копаютъ песокъ на глубину двухъ футовъ.

ищи довольно много; есть неразработанные богатые залежи железной руды и каменного угля, послѣдній—превосходнаго качества.

Мануфактурная промышленность незначительная. Лучшее производство—бумага разной доброты, приготовляемая изъ коры растенія *Brunonettia Paruifera*; между прочимъ, готовится масляная бумага, съ виду похожая на нашу веленевую, и настолько прочная, что на одномъ листѣ можно поднять съ земли челоуѣка, ввязавшись за четыре угла листа.

Бумага въ Корей выдѣлывается болѣе 50 сортовъ и имѣетъ самое разнообразное примѣненіе. Болѣе грубые сорта выдѣлываются изъ старыхъ тряпокъ и бумаги, а тонкіе—изъ бумажной шелковицы. Масляной бумагой въ $\frac{1}{8}$ дюйма толщиною устилаются полы; ее можно мыть, а отъ сухого тренія она получаетъ красивый глянецъ. Во дворцахъ ее настилаютъ въ двѣ тѣни, что даетъ полу нѣкоторое сходство съ дубовымъ паркетомъ; ею же покрываютъ стѣны; болѣе тонкая идетъ на приготовленіе складныхъ футляровъ для корейскихъ шляпъ (эти футляры корейцы носятъ въ рукавѣ), ватерпруфовъ, брѣзентовъ. Изъ очень толстой бумаги, сбитой изъ нѣсколькихъ слоевъ болѣе тонкой, выдѣлываются сундуки, выдерживающіе предметы значительной тяжести. Фонари, кисеты для табаку, вѣера дѣлаются изъ бумаги; вмѣсто стеколъ вставляется прочная тонкая бѣлая просвѣчивающая бумага; и, наконецъ, для заворачиванія нѣжныхъ и цѣнныхъ вещей готовится прекрасная газовая бумага.

Изъ конопли готовится грубая траурная одежда, мѣшки и веревки. Волокна добываются примитивнымъ способомъ; на дно ямы, выложенной камнями, кладутъ большіе камни, раскаленные въ рядомъ устроенной грубой печи; на нихъ кладутся вязанки конопли, съ продѣтыми сквозь нихъ палками, сверху кладется трава и земля, и все это сильно убивается; затѣмъ палки вынимаютъ и въ получившіяся отверстія вливаютъ воду; попадая на раскаленные камни, она даетъ густой паръ, и черезъ 24 часа волокна конопли легко отдѣляются.

Гончарное ремесло даетъ различную посуду съ грубой свѣтло-зеленой обливой или черной съ радужнымъ отливомъ,—все очень грубой выдѣлки.

Рыбная ловля большею частью въ рукахъ японцевъ; корейцы не могутъ уходить въ море на своихъ непригодныхъ для плаванія джонкахъ и довольствуются тѣмъ, что попадетъ въ ихъ незатѣйливыя западни, устроенныя вдоль берега.

Соляной промыселъ также существуетъ, но соль добывается изъ морской воды самымъ примитивнымъ способомъ.

Выдѣлываются прекрасныя травяныя маты и складныя бамбуковыя шторы.

Народъ занимается земледѣіемъ слѣдующимъ образомъ: земля нанимается у Вангъ-бановъ (высшій классъ), которые даютъ сѣмена для посѣва, за что получаютъ половину урожая;

воздѣлывается ячмень, бобы, рисъ, просо, табакъ, кунжутъ, овесъ, рѣпа, горохъ, картофель и хлопчатая бумага; поля содержатся очень тщательно и старательно очищаются отъ сорныхъ травъ. Для искусственнаго орошенія рисовыхъ полей устраиваются бассейны. Камни собираются съ поля и складываются въ кучи; склоны холмовъ воздѣлываются подъ хлопчатникъ иногда на 1000 футовъ въ высоту; урожаи прекрасные, благодаря плодородной почвѣ и обильной влагѣ; нерѣдко изъ одного зерна выходитъ 12—18 колосьевъ. Во всей средней и южной Корей ежегодно снимается по два урожая; въ маѣ сѣется рисъ, который собирается рано въ октябрѣ, затѣмъ поле засѣвается ячменемъ и рожью, созревающими къ концу мая или началу юня слѣдующаго года. Если съ весны сѣется пшеница, ячмень и рожь, то послѣ нихъ садятъ бобы, горохъ и др. овощи.

Наиболѣе выгоднымъ оказывается разведеніе жень-шеня, который считается тоническимъ и желудочнымъ средствомъ, „настоящимъ жизненнымъ эликсиромъ“, и прибавляется къ вину каждымъ китайцемъ (жень-шень по преимуществу идетъ въ Китай), который можетъ себѣ позволить эту роскошь; но дикій корень дѣвится еще дороже воздѣлываемаго; онъ встрѣчается въ горахъ Кангъ-ге, но очень рѣдко и его такъ трудно найти, что простой народъ одѣлилъ его сверхъ-естественными свойствами и считаетъ, что только люди непорочной жизни могутъ отыскать его.

Санг-до окруженъ плантаціями жень-шеня; для него приготовляются грядки шириной въ 18 дюймовъ и вышиной въ 2 фута, аккуратно обложенныя плитками; жень-шень сѣютъ въ апрѣлѣ и пересаживаютъ слѣдующей весной, а затѣмъ снова черезъ три года въ спеціально приготовленный для него грунтъ. Ко второму году растеніе имѣетъ только два листа; на четвертый годъ оно достигаетъ шести дюймовъ высоты и имѣетъ четыре перпендикулярно стоящихъ къ стеблю листа; созреваетъ оно на шестой или седьмой годъ.

Во время роста его заботливо защищаютъ отъ вѣтра и солнца тростниковыми крышами и ставнями, которыя опускаются и поднимаются по мѣрѣ надобности.

Только что вырытый корень называется „бѣлымъ“ жень-шенемъ, послѣ обработки онъ уменьшается на двѣ трети своего вѣса и превращается въ „красный“, идущій въ продажу.

Обрабатывается онъ слѣдующимъ образомъ: жень-шень варится на пару въ теченіе 24 часовъ въ большихъ глиняныхъ котлахъ, а затѣмъ отчасти высушивается въ комнатахъ, нагрѣтыхъ углемъ. Сушка оканчивается на зимнемъ солнцѣ въ развѣшенныхъ на воздухъ плоскихъ корзинахъ. Общій видъ корня, напоминающій человѣческое туловище, отъ кипяченія не мѣняется, но затѣмъ срѣзываются „бороды“ и „хвосты“, и остается только стволъ, длиною отъ 3—4 дюймовъ, дымчато-янтарнаго цвѣта. „Бороды“ и „хвосты“ остаются для мѣстнаго употребленія,

а стволы тщательно укладываются въ удлиненныя корзиночки, вѣсомъ до пяти „катти“ каждая, предохраненныя отъ дѣйствія сырости и выложенныя рогожами. Такая корзина, смотря по качеству корня, стоитъ до 20.000. ц.

Прежде жень-шенъ составлялъ монополію короля, но теперь эта монополія уничтожена.

Земледѣльческихъ орудій не много: деревянный плугъ съ подвижнымъ лемешомъ, вскрывающимъ борозду въ сторону, противоположную нашимъ плугамъ; деревянный, окованный желѣзомъ заступъ, возбуждающій насмѣшки среди иностранцевъ, находящихъ, что работать имъ по способу корейцевъ—значить непроизводительно тратить силы; къ нижней части заступа прикреплено нѣсколько веревокъ, за каждую веревку тянетъ человекъ, между тѣмъ, какъ одинъ направляетъ заступъ, держась за его длинную рукоятку. Заостренная мотыга служить для трехъ цѣлей: вмѣсто лопаты, кирки и заступа; серпъ, короткій ножъ, таска и грабля.

Зерновой хлѣбъ, горохъ и бобы молотятъ цѣпами, часто прямо посреди улицы деревни. Муку мелютъ и рисъ очищаютъ отъ шелухи въ каменной ручной мельницѣ, въ каменной или деревянной ступкѣ съ чугуннымъ толкачомъ или же при помощи „муль“, т. е. водяной „панг-а“¹⁾.

Мѣстная торговля мало развита и большею частью сосредоточивается въ рукахъ торговцевъ разносчиковъ, снабжающихъ населеніе нужнымъ товаромъ. Въ немногихъ лавкахъ въ переносныхъ палаткахъ, иногда рядами стоящихъ по улицамъ, у разносчиковъ и продавцевъ, раскладывающихъ въ базарныя дни свой товаръ по бокамъ улицъ прямо на маттахъ, предметы торговли тѣ-же, конечно, въ зависимости отъ средствъ торговца: куски грубой бумажной матеріи, соломенная и веревочная обувь, деревянные гребни, трубки и кيسеты для табаку, сушеная рыба и водоросль, бумага всѣхъ сортовъ, ячменный почти черный сахаръ, бамбуковыя шапки, грубыя гончарныя издѣлія, подсвѣчники съ раскрашенными экранами, стеклянныя бусы, плевательницы, очки въ роговой оправѣ (въ модѣ у чиновниковъ), деревянные подставки-подушки, вѣера, чернильницы, большія деревянные сѣдла съ чепраками изъ зеленой кожи, украшенной серебромъ, валики для бѣлья, сушеные персимоны²⁾, отвратительный красный

¹⁾ Панг-а состоитъ изъ тяжелаго бревна, подвижно укрѣпленнаго посрединѣ на стержнѣ съ ящикомъ на одномъ концѣ и толчей на другомъ. Въ ящикъ проведена вода изъ ручья, падающая съ высоты нѣсколькихъ футовъ; наполненный водой ящикъ опускается и затѣмъ, перемещаясь, опорожняется,—такимъ образомъ приводится въ движеніе толча на противоположномъ концѣ бревна. Толча падаетъ въ выдолбленный камень, исполняющій роль ступки.

²⁾ Персимоны—по англ. persimmons или date-plums иначе „финики-сливы“,—плоды красноватаго цвѣта величиною въ вишню и больше; зеленые—они терпки и тверды, но зрѣлые очень вкусны.

и зеленый леденецъ, сушеные грибы, кубки для рису, андиновыя краски, шелковые шурки, съѣдобныя сосновыя шашки, рисъ, просо, маисъ, горохъ, бобы. Изъ иностранныхъ произведеній—ручныя зеркальца, блестящія вазочки, шестипешие керосиновыя лампочки.... Лучшимъ предметомъ торговли являются дѣйствительно очень красивые свадебные сундуки, сдѣланные изъ орѣховаго дерева, иногда съ инкрустаціями изъ клеюваго и персиковаго дерева, съ бронзовыми петлями и украшеніями, часто съ бронзовыми подѣсками длиною въ 6 дюймовъ.

Торговля идетъ не бойко, покупателей мало, быть можетъ, тѣмъ отъ того, что женщинамъ запрещено выходить днемъ и самимъ дѣлать покупки.

Иностранные товары нашли сильный спросъ среди корейцевъ, только шерстяныя ткани не пользуются популярностью—корейцы не измѣняютъ зимой своимъ бѣлымъ бумажнымъ стеганнымъ платьямъ.

Ввозъ американскаго керосина произвелъ цѣлый переворотъ въ вечерней жизни корейца, спички также вошли во всеобщее употребленіе. Бумажныя японскія ткани и европейскіе начетки нашли большое распространеніе въ странѣ. До китайско-японской войны торговля была преимущественно въ рукахъ китайцевъ: корейцы неохотно покупали товаръ у японцевъ, и хотя у послѣднихъ и были свои лавки, но покупателями въ нихъ являлись почти исключительно сами же японцы. Тѣмъ не менѣ морская торговля велась японцами, и послѣ китайско-японской войны она одержала верхъ надъ китайцами.

Внутренняя торговля затрудняется неудобствомъ путей сообщенія; товары переправляются на спинахъ людей, лошадей и быковъ. Другимъ большимъ препятствіемъ для торговли служатъ пошлины, взимаемыя на каждой остановкѣ мелкими чиновниками, которые за извѣстную сумму, уплачиваемую въ Сеулѣ правительству, получаютъ разрѣшеніе собирать пошлину со всѣхъ товаровъ (что и дѣлаютъ по собственному произволу); а такихъ остановокъ въ одной только провинціи Кайонг-сангъ 17.

Теперь въ Корей двѣ желѣзно-дорожныя линіи: Сеулъ—Чемульпо и Сеулъ—Фузанъ. Еще двѣ линіи строятся: Сеулъ—Файонгъангъ и Сеулъ—Ы-чжу. Всѣ четыре линіи въ рукахъ японцевъ.

Предметами вывоза служатъ бобы, сушеная рыба, воловьѣя кожа, жень-шень, бумага, рисъ, водоросль.

Предметами ввоза: всевозможныя бумажныя матеріи, металлическія надѣлія, керосинъ, шелкъ, галантерейные товары, разныя бездѣлушки, вина и гастрономическіе товары.

Вся внѣшняя торговля, главнымъ образомъ, сосредоточивается въ рукахъ японцевъ; въ нихъ же рукахъ почта и телеграфъ, ими же учреждены отдѣленія національнаго банка Дан-Ичи-Джинго, въ Сеулѣ и портовыхъ городахъ. Только въ 1900 году Корея примкнула къ всемірному почтовому союзу, и теперь въ вѣдѣ-

ни корейцевъ находится 352 почтовыхъ конторъ, изъ нихъ 37 почтамтовъ. Телеграфныя линіи, числомъ 5, съ ихъ развѣтвленіями находятся подъ управленіемъ датскаго инспектора.

Мореплаваніе въ рукахъ японцевъ: японскіе пароходы совершаютъ рейсы изъ Нагасаки черезъ Фузанъ во Владивостокъ, и изъ Нагасаки-же черезъ Фузанъ, Мок-по и Чемульпо въ Таку; японцы также учредили каботажное пароходство, и только одно корейское общество составилось для каботажной торговли.

Дороги, по которымъ ѣдутъ или идутъ путешественники и переносятся товары, возмутительны; искусственно устроенныхъ дорогъ очень мало, и на нихъ лѣтомъ утопаютъ въ пыли, а зимой въ грязи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ каменистаго грунта. По большей части это тропинки, протоптанныя скотомъ и людьми. Мостовъ почти нигдѣ нѣтъ, а тѣ, которые существуютъ, устроены изъ вѣтвей и земли, сносятся дождями въ началѣ каждаго іюня и не починяются до октября. Среди горъ дорогами служатъ ложа горныхъ потоковъ.

Постоялые дворы, или гостиницы, въ Корей двухъ родовъ.

Одни изъ нихъ почти ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ деревенскихъ мазанокъ; единственная разница заключается въ томъ, что при нихъ есть дворъ, наполненный кадками, и можно найти пищу для людей и скота.

Другіе, въ городахъ и большихъ селеніяхъ, имѣютъ грязный дворъ, гдѣ ямы смѣняются сорными кучами. Въ него ведутъ ворота съ дороги, которая обыкновенно выше двора. Тутъ же одна или двѣ свиньи, привязанныя за уши, большія желтыя собаки, куры, мальчики, быки, пони, ма-пу (слуги).

Съ одной или двухъ сторонъ двора устроены грубые навѣсы, гдѣ привязываются пони цѣпями, настолько короткими, чтобы они не могли высоко поднять головы. Передъ ними стоятъ выдолбленные стволы, въ которые три раза въ день наливаются темная похлебка ¹⁾, приготовляющаяся для пони.

Рядомъ устроена печь, гдѣ варится эта похлебка; изъ этой печи проведены трубы, согрѣвающія кангъ ²⁾ въ общей комнатѣ.

Другія маленькія печи устроены для приготовленія пищи проезжающимъ.

Низкая рѣшетчатая дверь, обитая грязной бумагой, ведетъ въ комнату съ землянымъ поломъ, покрытымъ истертой тростниковой циновкой, по которой разбросаны деревянные подставки, замѣняющія подушки. Часто на низкихъ тяжелыхъ потолочныхъ балкахъ разставлены хозяйственныя орудія и коробки для шляпъ.

Въ этой комнатѣ толпятся ма-пу, путешественники и вообще низшій классъ странствующаго люда. Чиновники и фангъ-баны останавливаются въ ближайшемъ зданіи магистратуры.

¹⁾ Эта похлебка варится изъ бобовъ, рубленной просяной соломы, рисовой шелухи и отрубей съ водой и дается пони въ горячемъ видѣ.

²⁾ Кирпичный или земляной полъ, устланный маттами и отопляемый снизу системою трубъ.

Гостиницы изобилуют насекомыми. Чтобы предохранить себя от их нападенія во время сна, путешественники разстилают на полу либо бумагу, либо кусокъ бумажной ткани, пропитанные варенымъ льнянымъ масломъ; сверхъ этого устраивается постель. Это средство оказывается вполне дѣйствительнымъ.

Въ большинствѣ гостиницъ можно достать рисъ (на сѣверѣ Кореи рисъ замѣняется просомъ), яйца, овощи, супъ, вермишель, водоросли и тѣсто, замѣшанное изъ муки, сахару и растительнаго масла. Чаю нѣтъ нигдѣ.

Воду для питья достаютъ изъ колодца, устроеннаго большею частью такъ, что въ него стекаетъ грязь со двора.

Плата въ гостиницахъ низка до смѣшного; за комнату съ отопленіемъ ничего не берутъ. Ъда, подаваемая три раза въ день, обходится путешественнику до 200, 300 кешъ въ день.

Въ виду того, что трубы подъ кангомъ проведены изъ той печи, на которой постоянно готовится пища для людей и для скота, температура его (канга) доходитъ до 107°.

До позднѣйшаго времени ходячей монетой въ Корей была мѣдная кеша (500 въ долларѣ), очень затруднявшая торговлю: чтобы взять въ дорогу сумму приблизительно въ сто рублей кешами, надо ихъ нагрузить на шесть человекъ или на одного пони. Для большаго удобства кеша нанизываются сотнями на шнурки, свитые изъ соломы.

Но теперь введены новыя монеты: чеканится двадцати-центовая никкелевая монета, пятицентовая, тоже никкелевая, пятикешная и въ одну кешу; послѣднія—мѣдныя. Красивый японскій іенъ, или долларъ, въ большомъ употребленіи. Іенъ равняется приблизительно нашему рублю.

Корея или Кхао-Хсиенъ управляется королями настоящей династїи съ 1392 года. Престолъ наследственный и, хотя были внесены нѣкоторыя измѣненія въ конституціонномъ направленіи въ ближайшія времена японскаго преобладанія, на дѣлѣ императоръ пользуется неограниченной властью, и его эдикты—тотъ же законъ.

Министровъ десять: — главный министръ, министръ императорскаго двора, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, военный, юстиціи, земледѣлія и торговли, народнаго просвѣщенія и полиціи; но императорская власть выше какъ и отдѣльныхъ, такъ и совмѣстныхъ постановленій.

Государственный совѣтъ, или Чуи-чїенъ-Пу, состоитъ изъ всѣхъ министровъ и четырехъ членовъ по назначенію императора, но онъ вполне подчиненъ послѣднему, и въ введеніи изданнаго въ сентябрѣ 1896 года декрета, утверждающаго это учрежденіе, въ ясныхъ выраженіяхъ говорится о неограниченности императорской власти.

Корея раздѣлена на 13 провинцій или „кунъ“ и 339 округовъ или „майенъ“. Сеулъ имѣетъ свое особое управленіе.

Каждая провинція управляется губернаторомъ, получающимъ

содержаніе въ 2.500 руб. на наши деньги; каждый округъ находится въ завѣдываніи начальника округа, получающаго 1.200 руб. Начальнику округа принадлежит полная административная и судебная власть надъ округомъ. Исключенія составляютъ особо важныя преступленія, которыя подлежатъ разсмотрѣнію губернатора или особому суду въ Сеулѣ. Штатъ губернатора составляютъ 7 писмоводителей, два старшихъ полицейскихъ чиновника, 30 полицейскихъ, 10 писцовъ, 4 курьера, 15 рассыльныхъ, 8 кули и 8 мальчиковъ. Чиновники вообще назначаются либо непосредственно императоромъ, либо императоромъ по представленію министровъ, или непосредственно министрами.

Чрезвычайно интересенъ древній церемоніалъ, при назначеніи губернаторомъ начальника округа; онъ существуетъ и теперь, хотя нѣсколько упрощенъ. Вновь назначенный начальникъ округа долженъ былъ сидѣть за воротами *ямена* (аданіе регистратуры), а въ это время губернатору носылали большой сложенный листъ бѣлой бумаги съ написаннымъ на немъ именемъ назначаемаго. Получивъ его, губернаторъ посылалъ своихъ личныхъ курьеровъ привести начальника округа. При его прибытіи, т'ойцы, какъ называли курьеровъ, кричали „Са-райенгъ“, на что слуги губернатора отвѣчали нѣмемъ. Губернаторъ садился, а чиновникъ, не входя въ комнату, за дверьми клалъ земной поклонъ; тогда губернаторъ поднималъ руки надъ своей головой, спрашивалъ имя и лѣта начальника округа, давалъ какой-нибудь стереотипный совѣтъ и отпускалъ его во-своая. Послѣ этой церемоніи губернаторъ обязанъ отвѣчать на поклонъ начальника округа, и разговоръ между ними сопровождается знаками величайшаго взаимнаго почтенія, при чемъ начальникъ округа называетъ себя „ха-коаномъ“ (вашъ покорный слуга).

Въ составъ cadaго округа входитъ извѣстное число деревень — „ни“.

Правительственный составъ каждой деревни слѣдующій:

1) Старшина, — долженъ быть старше 30 лѣтъ и выбирается на годъ собственниками домовъ. Должность очень почетная.

2) Писмоводитель, — избирается на тѣхъ же основаніяхъ, что и старшина, подъ надзоромъ котораго онъ завѣдываетъ книгами и пишетъ бумаги.

3) Староста, — избирается тѣмъ же порядкомъ, замѣняетъ въ случаѣ надобности старшину.

4) Стражникъ, — избираемый на годъ (при условіи хорошаго поведенія) одновременно со старшиной, исполняетъ обязанности слуги и рассыльнаго.

Соотвѣтствующія власти округа: старшина округа, писмоводитель, стражникъ и курьеръ, — послѣдній несмѣняемый (безъ особаго проступка); всѣ эти должности выборныя, но подчинены начальнику округа.

Деревенскій сходъ составляется изъ жителей деревни, по одному съ дома, подъ предсѣдательствомъ старшины, и завѣды-

ваетъ образованіемъ, списками домовъ и земель, санитарнымъ дѣломъ, дорогами и мостами, общиною между обществами сѣмянъ, агрономическими улучшеніями, общими лѣсами и прудами, уплатой налоговъ, принатіемъ мѣръ въ случаѣ голода или другого несчастья. Предсѣдатель, кромѣ голоса, имѣетъ власть накладывать свое veto на рѣшеніе схода. Революція, санкціонированная старшиной, переходитъ къ старшинѣ округа, отъ него — къ начальнику округа, затѣмъ къ губернатору. Но всѣ рѣшенія дважды въ годъ представляются черезъ начальника округа и губернатора въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Окружный сходъ обязанъ собираться, по крайней мѣрѣ, два раза въ годъ.

Прежде для полученія официальныхъ должностей требовался экзаменъ, теперь онъ не представляется такой необходимостью, и должности сплошь и рядомъ покупаются за деньги. Система подкуповъ чрезвычайно развита. Чиновники грубы, исполнены важности и мало вникають въ нужды населенія.

Относительно преступниковъ до 1897 года практиковались пытки, но теперь онѣ официально уничтожены; тюрьмы тоже улучшены противъ прежняго ужаснаго состоянія. Обезглавленіе отмѣнено въ 1895 году спустя нѣсколько дней послѣ наступленія новаго корейскаго года, и замѣнено смертной казнью черезъ повѣшеніе и разстрѣляніе.

Населеніе страны дѣлится, главнымъ образомъ, на два класса: высшій — чиновный, и низшій — народъ. Для корейца высшимъ счастьемъ считается полученіе официальныхъ должностей; къ этому стремится каждый изъ нихъ.

Представителями высшаго класса являются йанг-баны. Они не должны сами заботиться о средствахъ существованія; получать поддержку отъ родственниковъ не считается поворнымъ, такъ же, какъ жить на тайные заработки жены шитьемъ или стиркой; йанг-банъ не несетъ для себя ничего, даже трубки; студенты изъ йанг-бановъ никогда не носятъ своихъ книгъ; когда йанг-банъ путешествуетъ, то, по обычаю страны, долженъ брать съ собой возможно большее число подчиненныхъ; его поддерживаютъ, когда онъ ѣдетъ на лошади, которую ведутъ подъ уады; слуги его грубо разгоняють и бьютъ народъ, стнимая у него безвозмездно птицу и яйца; йанг-баны не платятъ низшему классу за его работу, вымогають у него деньги; если онъ отказывается давать, то виновнаго въ отказѣ сажаютъ въ тюрьму по ложному доносу и стегаютъ кнутомъ, или же его схватываютъ и, заперевъ въ домъ йанг-бана, мучатъ голодомъ, пока онъ не дастъ требуемой суммы. Въ лучшемъ случаѣ деньги берутся подъ видомъ займа, но никогда не возвращаются; покупая домъ или поле, йанг-банъ не платитъ за него, нанимаетъ ли онъ лодку, онъ не платитъ за наемъ.

Цѣлые дни по улицамъ Сеула слоняются йанг-баны въ ожиданіи полученія высшихъ должностей.

Несмотря на реформы, раздѣленіе на эти классы — благород-

ный и простой, обрабатывающий и обрабатываемый—существует и въ находится подъ стоящее время.

Доходы казны достаточны для покрытія расходовъ; они, главнымъ образомъ, собираются таможеней, которая всегда находилась подъ управленіемъ иностранныхъ инспекторовъ, а послѣднее время подъ управленіемъ агента русскаго министерства финансовъ. Такъ продолжалось до 1898 г.; теперь таможи находятся подъ управленіемъ корейцевъ.

Налоги на землю: 6 центовъ съ cadaго воздѣланнаго кайеля (около $6\frac{1}{3}$ акр., 6,9 десятины), 5 ц. съ cadaго горнаго кайеля; домовый налогъ 60 центовъ съ дома, при чемъ дома столицы освобождены отъ этого налога; самый тяжелый налогъ на жень-шень: 16 съ cadaго катти. Помимо этого общаго бюджета, въ Корей существуетъ особый бюджетъ императорскаго двора, составляющійся изъ доходовъ земли, жень-шеня и рудниковъ.

Корейская армія обучалась попеременно то китайцами, то японцами, американцами и русскими. Она состоитъ приблизительно изъ 20.000 человекъ, которые, впрочемъ, какъ военная сила, не представляютъ никакого значенія, благодаря плохой выправкѣ. Въ Сеулѣ есть военная школа, основанная русскими въ 1896 г. Вооружена корейская армія очень пестро: ружья у нихъ всевозможныхъ системъ, начиная берданкой и кончая ружьями малаго калибра позднѣйшаго образца. Только въ 1901 г. Кореей приобрѣтены крѣпостныя и полевыя орудія.

До открытія Кореей входа иностранцамъ все здѣсь было китайское—управленіе, законъ, воспитаніе, этикетъ, общественныя отношенія и нравственныя правила—словомъ, Корея была вѣрнымъ сколкомъ съ Китая. Даже господствующимъ языкомъ былъ китайскій, правда, архаичный, существовавшій 1.000 лѣтъ тому назадъ и значительно разнящійся отъ современнаго. Корея имѣетъ и свой собственный языкъ со своей собственной письменностью—эн-мунъ; но до 1895 г. этотъ языкъ былъ достоинствомъ женщинъ, дѣтей и необразованныхъ классовъ; съ этого года онъ сталъ постепенно вводиться въ печать, а послѣ императорской клятвы въ независимости Эн-мунъ былъ сравненъ съ китайскимъ, и получилось смѣшанное нарѣчіе, на которомъ и теперь пишутся указы, официальные документы, газеты. Введеніе Эн-муна имѣло цѣлью привлеченіе „массъ“ и укрѣпленіе національнаго чувства.

Наука въ томъ значеніи, какъ понимаютъ ихъ европейцы, не существуетъ.

Въ деревняхъ есть школы, но онѣ не открыты для публики. Нѣсколько семействъ соединяются вмѣстѣ и приглашаютъ учителя, который преподаетъ только китайскую мудрость, составляющую первую ступень къ полученію высшихъ должностей, къ которымъ стремится каждый кореецъ.

Вообще корейское воспитаніе не можетъ создать ни патриотовъ, ни мыслителей, ни честныхъ людей. Въ обыкновенной ко-

рейской школѣ ученики сидятъ на полу, держа передъ собой китайскія книги, раскачиваясь вправо и влѣво, взадъ и впередъ съ утра до захода солнца, выкрикивая самымъ громкимъ и высокимъ голосомъ заданные уроки изъ китайскихъ классиковъ; они заучиваютъ ихъ на память или отвѣчаютъ ихъ, пишутъ китайскія буквы, набиваютъ себѣ голову отрывками изреченій китайскихъ мудрецовъ и исторіи міеологіи. Учитель въ очкахъ, ученый и надменный, съ розгой въ одной рукѣ и книгой въ другой, изрѣдка поправляетъ учениковъ нравоучительнымъ тономъ, заглушающимъ общій шумъ.

Послѣ 10 и болѣе лѣтъ такого занятія ученики допускались къ Ква-га, правительственному экзамену, существовавшему въ Сеулѣ до 1894 г., ведущему къ высшимъ официальнымъ должностямъ. Такой способъ обученія не возбуждаетъ дѣятельности мысли, не знакомитъ съ окружающимъ міромъ.

Слѣдствіемъ его являются: мелочность, пустота, самолюбіе, надменность, ложная гордость, поражающее презрѣніе къ ручному труду, эгоистичный индивидуализмъ, уничтоженіе общности интересовъ и общественнаго довѣрія, рабство, поддерживаемое 2.000 лѣтними традиціями; благодаря этому обученію, вырабатывается узкій умственный кругозоръ, поверхностность взгляда на нравственность, и унижительное отношеніе къ женщинамъ.

Съ уничтоженіемъ правительственныхъ экзаменовъ, измѣненіемъ правительственныхъ назначеній, дѣйствіемъ западнаго вліянія, введеніемъ Эн-муна, новыя мысли, новыя потребности появились въ Корей и стали измѣняться способъ обученія. Въ октябрѣ 1897 г. существовали уже Національная Правительственная школа и Правительственная школа для изученія иностранныхъ языковъ. Есть русскія, французскія, англійскія и японскія школы; въ первыхъ двухъ, т. е. русской и французской, студенты ежедневно обучаются военной дисциплинѣ русскими преподавателями.

Учрежденіе, наиболѣе выдающееся въ смыслѣ образованія и умственнаго и нравственнаго вліянія въ Корей,—это коллегія Пай-Чай („Залъ для воспитанія полезныхъ людей“), названное такъ королемъ въ 1887 г. Оно основано американцами и имѣетъ три отдѣленія: китайско-эн-мунское для изученія китайскихъ классиковъ, всеобщей исторіи и т. д.; небольшое геологическое и англійское, гдѣ преподаются: чтеніе, грамматика, сочиненія, разборъ, исторія, географія, ариметика и основныя понятія о химіи и естественной исторіи. Христіанское ученіе преподается на корейскомъ языкѣ; есть еще ремесленное отдѣленіе, содержащее типографію на трехъ языкахъ и переплетную мастерскую. Кромѣ этихъ заведеній, есть ремесленныя школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, основанныя иностранными миссіями.

Въ Сеулѣ Обществомъ Иностранныхъ миссій былъ основанъ сиротскій пріютъ и двѣ школы для мальчиковъ; главная цѣль этихъ учрежденій—воспитать сиротъ въ строгомъ католицизмѣ.

Дѣвочекъ изъ пріюта въ пятнадцать лѣтъ выдаютъ замужъ за католиковъ.

Въ Районг-санѣ, вблизи Сеула, основана теологическая семинарія для желающихъ принять священство.

Въ 1898 г. въ Корей было уже 900 студентовъ, обучавшихся въ иностранныхъ школахъ, и число это увеличивается съ каждымъ годомъ; конечно, новое воспитаніе и образованіе внесутъ новый потокъ въ корейскую жизнь.

Однако, еще въ 1896 г. министромъ народнаго просвѣщенія, Синъ-ки-Суномъ, была издана книга подъ названіемъ: „Конфуціанская карманная книга для учениковъ о широтахъ и долготяхъ“ (съ введеніемъ двухъ членовъ совѣта департамента образованія); въ ней встрѣчаются слѣдующія сентенціи: Стр. 62.: „Европа слишкомъ удалена отъ центра цивилизаціи, т. е. Средней Имперіи; поэтому русскіе, турки, англичане, французы, нѣмцы и бельгійцы болѣе походятъ на птицъ и скотовъ, чѣмъ на людей, и ихъ языки звучатъ какъ чириканіе птицъ.“

И еще: „то, что западные иностранцы называютъ христіанской религіей, есть заблужденіе поверхностное и грубое; это остатокъ низкихъ варварскихъ обычаевъ, который не заслуживаетъ серьезнаго обсужденія... они чтятъ небесныхъ духовъ и не приносятъ жертвъ предкамъ, они всячески оскорбляютъ Небо и разрушаютъ общественныя связи...“

„Европейцы рассяяли свои сѣмена по всѣмъ частямъ свѣта, исключая Китая, котораго религію они чтутъ (!). Но насъ удивляетъ, что китайскіе студенты и народъ не избѣгли ихъ вліянія.“

На 42 стр. говорится: „Въ послѣднее время такъ называемый Іе-зу-Кайо (Jesus Christus) пытался распространить въ мірѣ свое варварское ученіе. Оно вводитъ массы въ заблужденіе своими рассказами о раѣ и адѣ; оно уничтожаетъ почитаніе предковъ и запрещаетъ поклоненіе богамъ Неба и земли. Это бредъ разстроенаго ума, о которомъ не стоитъ говорить.“

На 50 стр.: „Какъ велика и славна Китайская имперія, Среднее королевство! Это величайшее и богатѣйшее государство въ мірѣ! Всѣ величайшіе люди вышли изъ Средней Имперіи“.

Искусство въ Корей въ настоящее время почти не существуетъ. Но есть нѣсколько интересныхъ памятниковъ древней живописи и скульптуры.

Въ Сеулѣ и въ Файонгъ-йангѣ, въ храмѣ бога Войны, стѣны коридоровъ и одного двора покрыты прекрасными древними фресками; гигантскія фигуры вокругъ жертвенника и утварь для жертвоприношеній очень красивы. Въ Сеулѣ Мраморная пагода вся сплошь покрыта прекрасными рельефными украшеніями, изображающими индусскія божества, а также сцены странствованій души по дорогѣ къ Нирванѣ.

Въ одномъ изъ храмовъ Алмазной горы, называемомъ „Храмомъ 10 Судей“, изображены на стѣнахъ адскія мученія съ дья-

вольскимъ гёніемъ адскаго искусства, превышающимъ всякое человеческое представленіе.

Звуки корейской музыки странны и непріятны, вѣроятно, потому, что европейцы не могутъ ни знать, ни понять, что хотятъ выразить ею корейцы. Европейцы, прежде всего, требуютъ отъ музыки темпъ, который у корейцевъ чрезвычайно своеобразенъ.

Надо сказать, что корейцы такъ же, какъ и японцы, не любятъ европейской музыки—она имъ чужда, а потому недоступна ихъ пониманію.

Одна изъ причинъ нестройности звуковъ та, что между корейской гаммой и европейской существуетъ громадная разница. Поэтому, въ ту минуту, когда, казалось бы, корейская музыкальная фраза должна достигнуть вѣнца гармоніи, внезапный диссонансъ рѣжетъ европейское ухо.

Музыкальныхъ инструментовъ много, но они не доведены до совершенства.

Ударные инструменты: барабанъ, цимбалы, гонги и родъ кастаньетъ. Духовые: рога безъ ключей, флейты, длинныя и короткія трубы. Струнные: большая гитара, 25-ти-струнная гитара, мандолина и пятиструнная скрипка.

Вокальная музыка дѣлится на три разряда; первый изъ нихъ си-чжо,—„классическій стиль“, *andante tremuloso*, подчеркнутый барабанами. Впрочемъ, барабанъ указываетъ пѣвцу, что онъ слишкомъ долго тянетъ ноту. Си-чжо поется очень медленно и тянется очень долго; оно требуетъ спеціальнаго изученія, и только танцовщицы располагаютъ достаточнымъ временемъ для того, чтобы выучиться хорошо исполнять его. Къ одному изъ отдѣловъ си-чжо принадлежатъ застольныя пѣсни. Вотъ примѣръ подобной пѣсни:

Много лѣтъ прошло, какъ съ Кимомъ
Мы, ударивъ по рукамъ,
Поклялись, что какъ бы тяжко
На душѣ ни было намъ,
Какъ бы жажда ни томила,
И языкъ ни пересохъ,—
Не искать въ винѣ забвенья,
Ни утѣхъ. Давно то было.
Я достигъ ужъ верхней точки
Жизни, и теперь отливъ
Начинается; въ грядущемъ
Мрачно все. Вина жъ приливъ
Не изсякнетъ. Съ нимъ я буду
Тризну о быломъ справлять
И о попоранномъ обѣтъ
Юности я позабуду.
Прочь печаль, воспоминанья!
Въ сердцѣ бодрость поддержать
Сможетъ кубокъ мнѣ веселый.
Другъ! не знаешь, гдѣ достать
Здѣсь вино? гдѣ продается?
Да? за переикомъ? вонъ тамъ?
Добрый путь тебѣ, прохожій,
Мнѣ туда свернуть придется.

Заклоченный всю зиму въ маленькихъ, темныхъ, грязныхъ зловонныхъ комнатахъ, безъ пылающаго очага, безъ яркой лампы, разсѣвающей окружающій мракъ, кореецъ съ увлеченіемъ привѣтствуетъ весну, требуетъ музыки и ея естественнаго спутника—пѣнія. Корейцы чутки къ красотамъ природы.

Вотъ классическая пѣсня, выражающая эти чувства:

Почки пушистыя ивы весной распускаются,
Зимняго мрака и холода нѣтъ.
Птичка привольно въ зеленыхъ вѣтвяхъ колыхается,
Лѣто пророчить и шлѣть намъ на землю привѣтъ.
Бабочка, крылышкомъ легкимъ безшумно играя,
Тоже о лѣтѣ намъ вѣсти несетъ.
„Мальчикъ, дай цитру! настроены-ль струны? Прекрасно!
Пѣть я хочу, какъ высоко тамъ птичка поетъ“.

Второй стиль корейской вокальной музыки—ха-ч'и, или народный стиль. Наибольше популярная пѣсня—А-ра-рунгъ, состоящая изъ 782 куплетовъ.

А-ра-рунгъ занимаетъ въ музыкѣ то же мѣсто, что рисъ въ пищѣ.

Хоръ А-ра-рунга не мѣняется, но безконечные стихи его носятъ попеременно то лирической, то эпической, то дидактической характеръ.

Есть еще третій стиль, о которомъ почти не стоитъ упоминать.

Въ пѣсняхъ корейцевъ особенно чувствуется грустный оттенокъ, присущій всѣмъ пѣснямъ восточныхъ народовъ. Ансамбли нѣсколькихъ инструментовъ рѣжутъ европейскій слухъ, но соло на флейтѣ бываютъ очень мелодичны.

Пѣсни о любви распространены, нѣкоторыя очень граціозны, иногда въ нихъ случайно проскальзываетъ юморъ, какъ, напр., въ послѣднихъ строчкахъ третьяго куплета прилагаемыхъ стиховъ:

ПѢСНЬ ЛЮБВИ.

Прощай—это огонь, сожигающій сердце.
Хоть слезы отчасти загасятъ его,
Но вотъ поднимаются вздохи и снова,
Какъ вѣтеръ, раздуютъ огонь высоко.
Душевную боль я виномъ утоляю,
Изъ кубка я пью и на днѣ я ищу
Подъема для духа, убитаго горемъ:
Залѣчить всѣ раны, тоску всю—вино.
Серебряный мѣсяцъ, морозное утро,
Смѣняютъ тьму ночи веселый разсвѣтъ,
И дикіе гуси по небу несутся.
„О, гуси, примите мой ранній привѣтъ!
Быть можетъ, вы встрѣтите дальней дорогой
И ту, по которой я сердцемъ скорблю,
Вы ей передайте, что съ нею разлука
Мнѣ то же, что смерть, что ее лишь люблю“.
Мнѣ гуси тутъ, хлопнувъ крыломъ: „Помнить будемъ,
Если мы словъ твоихъ не позабудемъ“.

Деревни корейцевъ бѣдны и грязны, улицы узки, мазанки построены изъ глины, полы тоже глиняные. Отопляютъ онѣ системой трубъ,—самый экономный способъ отопленія, такъ какъ для поддержанія температуры въ 70° въ теченіе 12 часовъ въ двухъ комнатахъ достаточно того количества сухихъ листьевъ и травы, которое можетъ принести мальчикъ. Для выхода дыма изъ трубъ въ стѣнахъ оставляются отверстія.

Каждый домикъ обнесенъ бамбуковымъ заборомъ и обсаженъ фруктовыми деревьями.

Въ одной комнатѣ (большую частью на женской половинѣ) стоятъ „анг-паки“, глиняные сосуды въ человѣческой ростъ, съ рисомъ, просомъ, ячменемъ и водой.

Въ мужской комнатѣ нѣтъ почти ничего, кромѣ разостланнаго на полу матта, подушки, или, вѣрнѣе, головной подставки изъ прочнаго дерева, и большихъ красныхъ и зеленыхъ футляровъ для волосяныхъ шляпъ, уставленныхъ на балкахъ. Мазанки крыты тростникомъ или бамбукомъ; вдоль каждаго жилища пристроенъ свиной хлѣвъ—болѣе прочный, чѣмъ самый домъ. Черепичныя крыши и оконныя и дверныя рамы, „застекленныя“ бумагой, принадлежатъ болѣе зажиточнымъ людямъ.

Селенія, въ которыхъ жители занимаются земледѣліемъ, обыкновенно удалены отъ дорогъ. Въ тѣхъ же деревняхъ, жители которыхъ живутъ отчасти заработкомъ отъ провзжихъ, почти при каждомъ домѣ есть особое крытое мѣсто, гдѣ можно подержать пищу, и пищу можно найти. Что же касается убѣжища для путешественниковъ и животныхъ, то ихъ можно найти въ очень немногихъ селеніяхъ.

Деревни корейцевъ, поселившихся въ Сибири, имѣютъ уже совсѣмъ другой, зажиточный видъ. Дома, хотя и построенные по корейскому образцу, состоятъ изъ пяти, шести комнатъ. Трубы, нагрѣвающія комнаты, соединены въ одинъ общій выходъ. Внутри комнаты содержатся очень чисто, и въ нихъ можно встрѣтить такой комфортъ, какой въ Корей увидишь развѣ только у мандариновъ.

Жители встрѣчаютъ посѣтителей охотно, выходятъ даже женщины. Большая часть корейскихъ поселенцевъ исповѣдуютъ православную вѣру, и корейскіе мальчики учатся въ школахъ вмѣстѣ съ русскими.

Г-жа Бишопъ, англичанка, извѣздившая Корею и прилежачія къ ней мѣстности, вполне опредѣленно выражаетъ свое мнѣніе о томъ, что склонность корейцевъ къ русской цивилизаціи и обрусѣнію происходитъ отъ общности ихъ вѣрованій въ демоновъ.

Прототипомъ всѣхъ корейскихъ городовъ можетъ вполне служить Сеулъ. Въ той части города, гдѣ живутъ европейцы, улицы довольно широки, и многіе дома построены по европейскому образцу. Но часть, населенная корейцами, не отличается отъ деревень.

Улицы настолько узки, что два нагруженные быка не могут разойтись.

Мазанки выходят на улицу грязной стѣной съ маленькими неправильно расположенными бумажными окнами подъ самой крышей, указывающими, что съ этой стороны находится мужское помѣщеніе.

На улицѣ около каждаго дома стоитъ кадка для твердыхъ и жидкихъ отбросовъ, почему всюду царитъ страшное зловоніе. Впрочемъ, нагія или полунагія дѣти, играющія на улицѣ, повидимому, совершенно не замѣчаютъ его.

Торговцы сладостями перекладываютъ дощечки черезъ эти кадки и затѣмъ заманчиво раскладываютъ на нихъ свой товаръ.

На высотѣ двухъ, трехъ футовъ надъ кадками устроено въ стѣнѣ дымовое отверстіе.

Даже дома, крытые черепицей, не имѣютъ лучшаго фасада.

Узкія улицы—царство дѣтей и полудикихъ собакъ. Въ каждомъ дворѣ есть собака, для которой въ заборѣ оставлена дыра.

Изрѣдка только здѣсь проходятъ быки, нагруженные хворостомъ, водоносы съ ведрами и кули съ тяжелыми ношами на деревянныхъ ярмахъ, которыя надѣваютъ въ Корей носильщики для переноски тяжестей.

Въ каждомъ городѣ есть йамень, большею частью въ самомъ жалкомъ видѣ.

Сеулъ, построенный на крутыхъ холмахъ надъ рѣкою Ханъ, производитъ внушительное впечатлѣніе.

Съ одной стороны его защищаетъ стѣна, начинающаяся вблизи рѣки; стѣна эта взбирается на горы Нам-санъ, перебрасывается черезъ Пук-ханъ, огибаетъ то лѣсъ, то равнину, спускается въ котловины, то скрывается изъ виду, то вновь неожиданно появляется. Это земельная насыпь, отъ 25—40 футовъ вышины и длиною въ 14 миль; мѣстами облицованная камнемъ, мѣстами сплошь каменная, она имѣетъ видъ такой же прочности, какъ и холмы, по которымъ она тянется по направленію къ Пекину.

Она украшена зубцами на всемъ своемъ протяженіи и прорѣзана восемью воротами, носящими громкія названія „Ворота Веселой Любезности“, „Ворота Высокой Церемоніи“, „Ворота Возвышенной Гуманности“.

Они снабжены желѣзными болтами и запираются отъ захода до восхода солища.

Одни ворота—Ворота Смерти,—черезъ нихъ можно провозить только царскій трупъ.

Изъ другихъ воротъ выпускали преступниковъ, подвергавшихся смертной казни посредствомъ обезглавленія.

За третьими выставались послѣ казни головы казненныхъ.

Сѣверныя ворота, высоко на Пук-ханѣ, отворяются только въ томъ случаѣ, если король долженъ спастись бѣгствомъ въ одной изъ такъ называемыхъ крѣпостей на этой горѣ,

За стѣной, съ наружной стороны Западныхъ воротъ Сеула, на

равнинѣ, вблизи Пекинской дороги, построена крытая украшенная арка, называемая „Цѣйлоу“, а рядомъ съ ней родъ дворцоваго зала, гдѣ каждый новый правитель Кореи ждалъ посольство изъ Пекина. Онъ встрѣчалъ его у Цѣйлоу и провожалъ въ залъ, гдѣ получалъ отъ него инвеституру своей власти.

Прекрасная Мраморная пагода, которой приписываютъ семи-сотлѣтнюю древность, скрыта въ глубинѣ двора дома, въ одной изъ самыхъ узкихъ и грязныхъ улицъ Сеула.

Посреди города въ башнѣ виситъ „Великій Колоколъ“, считающійся третьимъ въ мѣрѣ по величинѣ. На немъ надпись:

„Въ 12-й годъ Ман-ча (циклъ года) и луны, 4-й годъ царствования великаго императора Минговъ Хсюан-Хуна (1468 г.), Саи-чо Великій, начальникъ Царскаго бюро экспедицій, носящій титулъ Са-ка-чюнгъ, вoadвигъ эту башню и повѣсилъ этотъ колоколъ“.

Тяжелый звонъ этого колокола слышенъ во всемъ Сеулѣ и, въ теченіе пяти столѣтій, возвѣщалъ время, когда должны были отпираться и запирались городскія ворота.

По дорогѣ изъ Сеула въ Чемульпо встрѣчаются отъ времени до времени деревянныя знаки съ грубымъ изображеніемъ человѣческаго лица; это въ большинствѣ случаевъ лицо Чанг-сѣна, предателя, жившаго 1.000 лѣтъ назадъ.

Чемульпо, Фузанъ и вообще портовые города не представляютъ ничего выдающагося, если не считать того обстоятельства, что вездѣ настолько преобладаютъ японцы, что корейцы почти исчезаютъ среди нихъ, и ихъ можно видѣть только въ корейскихъ частяхъ города.

Портъ Кѣн-хѣнъ, построенный на границѣ съ Россіей, открытъ только для русской торговли.

Несмотря на то, что покореніе Манджуріей и частыя иммиграціи изъ этой страны не могли не оказать своего вліянія на корейскій типъ, тѣмъ не менѣе корейцы рѣзко отличаются отъ обѣихъ своихъ ближайшихъ сосѣдей—китайцевъ и японцевъ, и между ними встрѣчается чрезвычайное разнообразіе типовъ, особенно замѣтное при однообразіи одежды.

Правда, приподнятые виѣшніе углы монгольскихъ глазъ мы видимъ у всѣхъ, такъ же, какъ и бронзовый оттѣнокъ кожи; однако, цвѣтъ лица отъ оливковаго доходитъ до очень легкаго смуглаго оттѣнка.

Есть и прямые, и орлиные носы, и широкіе, толстые съ растянутыми ноздрями; волосы то жесткіе, то шелковистые, хотя и темные, но встрѣчается иногда рыжеватый оттѣнокъ, требующій большого количества сажи и масла, чтобы быть приведеннымъ въ приличный черный цвѣтъ.

Нѣкоторые мужчины носятъ полныя усы и широкія козлиныя бороды, у другихъ, какъ у китайцевъ, ихъ замѣняютъ нѣсколько волосковъ, которые содержатся чрезвычайно заботливо; у многихъ большія окладистыя бороды. Ротъ представляетъ изъ себя или широкое, толстогубое зѣвающее отверстіе, постоянно встрѣчающееся

въ низшихъ классахъ, или же онъ маленькій, съ полными губами, и даже очень изящный у людей высшаго класса.

Глаза отъ орѣховаго до темно-каряго цвѣта; скулы выдаются; лобъ, насколько обычай позволяетъ открывать его, часто гордый и умный; уши маленькія, хорошо поставленныя. Выраженіе лица веселое съ отгѣнкомъ удивленія—въ общемъ, въ немъ виденъ больше воспріимчивый умъ, чѣмъ сила воли.

Корейцы очень красивы. Впрочемъ, это можно сказать преимущественно о мужчинахъ; они достигаютъ ростомъ пяти футовъ $4\frac{1}{2}$ дюймовъ; женщины гораздо, непропорціонально ниже, при чѣмъ недостатки ихъ и безъ того некрасивой привемистой фигуры подчеркиваются уродливѣйшей въ мірѣ одеждой.

Руки и ноги обоихъ половъ и всѣхъ классовъ очень малы, бѣлы и красивы, а срѣзанные угломъ миндалевидные ногти содержатся чрезвычайно тщательно. Мужчины обладаютъ значительной физической силой—100 фунтовъ считаются носильщикомъ-корейцемъ весьма умѣреннымъ грузомъ.

Походка ихъ очень красива, будто изученная волнообразная походка патриціи или короткій твердый шагъ плебея, идущаго на работу.

Умственно корейцы богато одарены. Ихъ иностранные учителя съ похвалой отзываются объ ихъ сообразительности и ихъ талантѣ къ быстрому усваиванію чужеземныхъ языковъ, на которыхъ они говорятъ болѣе бѣгло и съ лучшимъ выговоромъ, чѣмъ китайцы или японцы.

Восточные недостатки—подозрительность, скрытность, отсутствіе правдивости—присущи корейцамъ, и взаимное довѣріе отсутствуетъ.

На первый взглядъ корейцы представляются народомъ лѣнивымъ, но они живутъ при такихъ условіяхъ, гдѣ они не могутъ быть спокойны за свой заработокъ; если пройдетъ слухъ, что какой-нибудь кореецъ хорошо зарабатываетъ или же достигъ такой роскоши, какъ пріобрѣтеніе чугунной посуды для домашняго обихода, немедленно же на немъ сосредотчивается корыстное вниманіе ближайшаго мандарина и его приближенныхъ, или же къ нему обращается за займомъ какой-нибудь йанг-банъ. Поэтому живутъ корейцы очень бѣдно, и большинство ихъ обременено долгами. Любопытство крайне развито; г-жа Изабелла Бердъ Бишопъ, посѣтившая Корею съ цѣлью ея изученія, рассказываетъ, что во всѣхъ деревняхъ, гдѣ она ни останавливалась, ее окружала назойливая толпа любопытныхъ; когда она во время поѣздки по Хаву садилась въ лодку, любопытные собирались на утесистые берега и такъ неосторожно выдвигались впередъ, что падали въ воду; но нигдѣ среди народа она не встрѣчала грубаго обхожденія: къ ней всегда относились очень дружественно.

Пьянство чрезвычайно развито, но, повидимому, любовь къ нему занесена европейцами. Ими выдѣлываются напитки разныхъ сортовъ, начиная отъ очень слабого, бѣлаго цвѣта, похожаго на

пахтанье, до прозрачно-водяного спирта съ сильнымъ запахомъ и огненнымъ вкусомъ. Въ особенности корейцы любятъ рисовое вино или сюли—попросту водку. Корейцы въ постоянномъ движеніи; разносчики, снабжающіе товаромъ рынки, спуютъ безостановочно, а тысячи путешествуютъ по другимъ причинамъ: собираются у табличекъ предковъ, бродятъ отъ скуки, ку-кайонгъ, т. е. любятъся видами, посѣщаютъ могилы, мѣста охоты, держатъ экзамены, ищутъ мѣсть или стараются согнать съ мѣсть другихъ, судятся, ѣздятъ по дѣламъ. Боязнь тигровъ не позволяетъ имъ путешествовать по ночамъ иначе, какъ соединяясь цѣлыми обществами, съ фонарями, факелами, гонгами и криками. Боязнь тигровъ такъ велика, что ею вполне подтверждается китайская пословица: „Полгода кореецъ охотится на тигра, а полгода тигръ охотится на корейца“.

Если правительственныя свѣдѣнія вѣрны, то жителей насчитывается отъ 12 до 13 миллионъ, мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ. Семьи многочисленны и здоровы. Хотя рожденіе дѣвочекъ и не привѣтствуется родителями, но не считается и несчастьемъ; только, если первый ребенокъ дочь, то знакомые пишутъ родителямъ письма соболѣзнованія съ надеждой, что слѣдующій будетъ мальчикъ.

А. Ц.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воззрѣнія Б. Н. Чичерина на право и государство.

(Докладъ, читанный 28 февраля въ засѣданіи Томскаго юридическаго общества, посвященномъ памяти Б. Н. Чичерина).

Чувство безграничнаго почитанія къ имени Бориса Николаевича, котораго по многимъ причинамъ я горжусь назвать своимъ учителемъ, даетъ мнѣ смѣлость принять лестное предложеніе г. предсѣдателя нашего Общества, и, не взирая на отлично сознаваемую слабость силъ, попытаться изложить въ самыхъ общихъ чертахъ воззрѣнія Чичерина на право и государство и дать оцѣнку этихъ воззрѣній съ точки зрѣнія современной науки.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію, я позволю себѣ сказать два слова о той точкѣ зрѣнія, которую я считаю единственно правильной при исполненіи задачъ подобнаго рода.

Я думаю, что критикъ долженъ прежде всего самымъ добросовѣстнымъ образомъ, безъ предвзятыхъ мыслей изучить данное произведеніе и стать при этомъ на точку зрѣнія его автора, продѣлавъ всю ту духовную работу, которая привела автора къ тѣмъ или другимъ результатамъ.

Ничего нѣтъ легче, какъ, ставъ на противоположную автору точку зрѣнія и считая ее единственно правильной, подвергать придирчивой критикѣ весь ходъ мыслей автора и всѣ его выводы. Разрушать легче, чѣмъ созидать — это критикъ долженъ твердо помнить, и поэтому въ каждой добросовѣстной работѣ мы должны прежде всего цѣнить то положительное, что она даетъ, тѣмъ болѣе, что въ такихъ сложныхъ и трудныхъ проблемахъ, какъ проблемы права и государства, никто не можетъ считать себя обладателемъ истины во всей ея полнотѣ.

Воззрѣнія Чичерина, какъ извѣстно, не пользуются всеобщимъ признаніемъ. Ученые самыхъ противоположныхъ лагерей могутъ найти въ этихъ воззрѣніяхъ нѣкоторыя положенія, неправильныя съ ихъ точки зрѣнія.

Чичерина часто, — не без основанія, называютъ консерваторомъ. Но если бы тѣ, кто идеаломъ государственной жизни считаютъ нивелировку всѣхъ по указанной выше мѣркѣ, а отсутствіе общественной и личной самодѣятельности и административную опеку—верховными принципами общезитія, — если бы они раскрыли книги Чичерина и прочли бы его блестящую, сильную и горячую защиту принциповъ свободы и самодѣльности личности, необходимости твердыхъ гарантій правъ этой личности, защиту политической свободы, какъ одной изъ лучшихъ такихъ гарантій,—они бы не только не признали Чичерина консерваторомъ, но объявили бы его злѣйшимъ своимъ врагомъ.

Съ другой стороны, прочтя рѣзкія сужденія Чичерина о социализмѣ, его защиту принципа свободной конкуренціи, частной собственности, наслѣдства, его убѣжденную защиту монархическаго начала власти,—представители передовыхъ теченій мысли могутъ сказать, что Чичеринъ—ретроградъ, приверженецъ буржуазныхъ идеаловъ.

Далѣе, цѣлый рядъ ученыхъ не согласится съ Чичеринимъ въ его воззрѣніяхъ на социологію, ея содержаніе и методы, не согласится съ его взглядомъ на политику и ея роль въ наукѣ права, найдетъ недостатки въ его методологическихъ приемахъ.

Наконецъ, ученые, раздѣляющіе основныя воззрѣнія Чичерина, могутъ указать на недостаточно послѣдовательное проведеніе этихъ воззрѣній, на тѣ или другія противорѣчія въ развитіи отдѣльныхъ ученій, предложить нѣкоторыя болѣе или менѣе существенныя поправки или дополненія.

Какъ видимъ, открываεται самое обширное поле для отрицательной критики, подчасъ весьма остраго характера.

Но тотъ, кто много и добросовѣстно поработалъ надъ изученіемъ трудовъ Чичерина, знаетъ, что всѣ эти труды представляютъ собою результатъ такого цѣльнаго, гармоническаго и продуманнаго мировоззрѣнія, заключаютъ въ себѣ такое богатство содержанія, свидѣтельствуютъ о такой громадной эрудиціи, эрудиціи въ лучшемъ смыслѣ слова, что если даже и согласиться съ нѣкоторыми изъ дѣлаемыхъ Чичерину упрековъ, то недостатки теорій Чичерина будутъ только пятнами на солнцѣ. Это сравненіе сдѣлается еще болѣе обоснованнымъ, если мы будемъ имѣть въ виду замѣчательную ясность и искренность изложенія Чичерина и его художественный, кристально-прозрачный языкъ—несомнѣнные признаки большой духовной силы.

Съ другой стороны, мнѣ кажется, что если столкнуться относительно нѣсколькихъ основныхъ положеній, то всѣ разногласія, быть можетъ, удалось бы свести къ частностямъ, не имѣющимъ принципиальнаго значенія. Къ такимъ частностямъ я бы отнесъ, напр., всѣ чисто методологическія несогласія: вѣдь въ концѣ-концовъ важны достигнутые наукой результаты, а какимъ путемъ они достигнуты,—вопросъ второстепенный.

Перехожу къ изложенію сущности ученія Чичерина.

Исходный пунктъ всего ученія о правѣ и государствѣ есть личность. Личность есть движущая сила исторіи культуры и краеугольный камень всего общественнаго зданія. Человѣкъ составляетъ цѣль, для котораго существуетъ общественный организмъ. вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ—производящая сила, источникъ всей дѣятельности общества, *источникъ права*. Вотъ почему, если мы не будемъ знать природы и свойствъ человѣческой личности, мы ничего не поймемъ въ общественныхъ отношеніяхъ.

Въ наше время очень часто склонны забывать эти истины. Сплошь и рядомъ мы слышимъ разсужденія о правахъ общества, о томъ, что личность со всѣмъ ея духовнымъ міромъ есть лишь результатъ окружающей ея среды, что идеалы представляютъ собою нѣчто относительное, всецѣло зависящее отъ условій мѣста и времени, т. е. все отъ той же „среды“. Неизбѣжнымъ результатомъ послѣдовательнаго проведенія такихъ теорій является Гераклитовское *panta rei* въ худшемъ значеніи этой формулы: все условно, все относительно, ничто не имѣетъ абсолютной цѣнности. Отсюда *bellum omnium contra omnes, homo homini lupus* въ такихъ проявленіяхъ, возможности которыхъ и самъ Гоббесъ не подозрѣвалъ, вакханалія звѣря въ человѣкѣ. Не имѣя нигдѣ твердыхъ устоевъ, потерявъ вѣру въ идеалы, все выводя изъ низшихъ, матеріальныхъ основъ жизни, дѣлая силу рѣшительнейшей всѣхъ вопросовъ, человѣкъ или превращается въ сытое, довольное животное, ревниво оберегающее свой покой и создающую этотъ локоп обстановку, или въ отчаяніи бросается во всѣ крайности анархизма. И вотъ, горячая и талантливая защита индивидуализма, которую велъ Чичеринъ вмѣстѣ съ духовными дѣятелями человѣчества, является необходимымъ и въ высшей степени цѣннымъ противовѣсомъ многимъ современнымъ теоріямъ, забывающимъ о той простой истинѣ, что сколько бы мы ни складывали нулей, мы никогда не получимъ никакой величины. Вѣдь, общество состоитъ изъ лицъ, и если мы будемъ отвергать всякое *самостоятельное* духовное содержаніе за личность, то откуда такое содержаніе возьмется для суммы этихъ личностей?

Указывая односторонности въ теоріи борьбы за существованіе, Чичеринъ совершенно правильно говоритъ, что къ общественной жизни эта теорія въ чистомъ видѣ, во всякомъ случаѣ, не примѣнима.

Что борьба составляетъ одно изъ обычныхъ явленій въ общественной жизни, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался; несомнѣнно и то, что человѣческое развитіе происходитъ путемъ борьбы. Но задача человѣческихъ обществъ состоитъ именно въ томъ, чтобы умѣрчить эту борьбу и привести враждующія силы къ соглашенію. Государство установлено затѣмъ, чтобы люди не истребляли другъ друга въ борьбѣ за существованіе. Въ исторіи человѣчества существенное значеніе имѣетъ не процессъ борьбы, а тѣ начала, которыя проявляются въ этой борьбѣ и ко-

торыя часто не имѣютъ ничего общаго съ матеріальнымъ существованіемъ.

Эти начала вытекаютъ изъ духовной стороны человѣка, изъ его духовнаго міра, источникомъ котораго служатъ разумъ и воля. Исслѣдуя содержаніе этого духовнаго міра, Чичеринъ со всею силою своего громаднаго ума возстаетъ противъ ученія, по которому единственнымъ источникомъ человѣческаго знанія является опытъ, и которое требуетъ отреченія отъ познанія абсолютныхъ началъ, считая эти начала недоступными познанію. Человѣкъ прежде всего есть разумное существо. Природа разума состоитъ въ познаніи, а такъ какъ человѣческому разуму присуще сознаніе абсолютныхъ законовъ, общихъ всему существуемому, то стремленіе его идетъ на познаніе всей совокупности бытія. Духовная жажда человѣка можетъ удовлетвориться только полнымъ проникновеніемъ разума въ сущность вещей. Чичеринъ при помощи своей колоссальной эрудиціи, захватывающей не только общественныя науки и философію, но и естествознаніе и высшую математику, доказываетъ, что одного опыта далеко не достаточно для образованія духовнаго міра человѣка и что разумъ представляетъ собою совершенно самостоятельный и необходимый источникъ этого міра.

Разумъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ идеаловъ, которыми, въ сущности, и движется исторія, разумъ есть то начало, которое рѣзко отличаетъ человѣка отъ животнаго, разумъ есть способность человѣка *возвышаться до познанія абсолютнаго*, а слѣдовательно, онъ есть то начало, благодаря которому личность имѣетъ право на уваженіе къ себѣ, начало, обуславливающее существованіе *права*.

У меня нѣтъ въ распоряженіи достаточнаго количества времени, чтобы попытаться доказать, что въ этомъ пунктѣ теорія Чичерина можетъ быть примирена съ новѣйшей психологической теоріей права, несмотря на кажущееся существенное различіе этихъ теорій ¹⁾.

Опять-таки и здѣсь ученіе Чичерина о роли разума въ духовной жизни человѣка есть необходимый противовѣсъ многимъ современнымъ теоріямъ, переоцѣнивающимъ значеніе опыта. Среди хаоса мнѣній, относящихся къ области теоріи познанія, успокаивающее и импонирующее впечатлѣніе производитъ ученіе, къ числу защитниковъ котораго Чичеринъ присоединилъ свой авторитетный голосъ, ученіе о самостоятельности разума, какъ источника познанія и возможности познанія абсолютныхъ началъ.

Съ этимъ тѣсно связано имѣющее громадную цѣнность воззрѣніе Чичерина на роль и значеніе философіи. Дѣйствительно, только философія можетъ дать человѣку законченное и полное мировоззрѣніе, только философія можетъ открыть человѣку все

¹⁾ Этимъ я вовсе не хочу сказать, что психологическая теорія права выше теоріи Чичерина.

богатство духовнаго міра, только она может сообщить мыслямъ и стремленіямъ человѣка тотъ полетъ, который облагораживаетъ жизнь, даетъ ей смыслъ и значеніе, спасаетъ отъ узости взглядовъ, присущей многимъ современнымъ ученымъ, болѣе чѣмъ поверхностно знакомымъ съ философіей и, однако, отрицающимъ ея значеніе для спеціальныхъ наукъ.

Читая блестящія страницы Чичерина, посвященныя философіи, невольно проникаешься уваженіемъ къ этому замѣчательному идеалисту, еще разъ доказавшему односторонность мнѣній позитивистовъ и другихъ представителей мысли, пытающихся уложить науку въ Прокрустово ложе, ограничить ея задачи, изгнать изъ области науки творческой элементъ.

Во второй изъ указанныхъ областей духовной жизни человѣка—волю—Чичеринъ является послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ защитникомъ свободы воли. Конечно, здѣсь не мѣсто ни излагать аргументацію Чичерина, ни разсматривать великую проблему свободы воли. Скажу только, что и эта сторона ученія Чичерина имѣетъ большое значеніе. Аргументація его сама по себѣ обладаетъ большою цѣнностью, а ученіе его о свободѣ воли еще разъ доказываетъ всю ненаучность приемовъ тѣхъ писателей, и въ особенности юристовъ, которые однимъ почеркомъ пера сдаютъ въ архивъ едва ли не самый важный, трудный и сложный вопросъ изъ всей области знанія, вопросъ, глубоко занимавшій человѣчество и въ древности, занимающій и нынѣ, и разрѣшеніе котораго такъ же далеко отъ насъ, какъ оно было далеко отъ древнихъ грековъ. Уже одинъ фактъ, что такіе выдающіеся психологи, какъ Джемсъ, прямо заявляютъ, что вопросъ о свободѣ воли на почвѣ чисто-психологической неразрѣшимъ, долженъ былъ бы служить достаточнымъ предостереженіемъ тѣмъ криминалистамъ, которые объявляютъ вопросъ о свободѣ воли „давно и окончательно рѣшеннымъ наукой въ отрицательномъ смыслѣ“.

Между прочимъ, внимательное изученіе теоріи Чичерина о волѣ могло бы быть полезнымъ для нѣкоторыхъ новѣйшихъ теорій гражданскаго права (напр., въ области договоровъ), теорій, стремящихся перемѣстить центръ тяжести съ момента воли на другіе моменты. Теорія Чичерина могла бы служить во многихъ отношеніяхъ дополненіемъ этихъ теорій, а подчасъ и исправленіемъ ихъ.

Но самое важное значеніе для общей теоріи права имѣетъ ученіе Чичерина о свободѣ и самоцѣльности личности, какъ основѣ права. Что такое право?—это проблема, до сихъ поръ юристами нерѣшенная. Но если даже въ такихъ несовершенныхъ теоріяхъ, какъ теорія интереса, теорія силы и т. п., можно найти долю истины, то теорія свободы представляетъ собою наибольшее приближеніе къ истинѣ, т. к. свобода есть существеннѣйшій признакъ въ понятіи права. Громадная заслуга Чичерина и заклю-

чается въ томъ, что онъ выяснилъ все значеніе этого признака и доказалъ его первостепенную роль.

Въ самой тѣсной связи съ теоріей свободы и съ ученіемъ о значеніи идеаловъ находится воззрѣніе Чичерина на общій законъ развитія теории культуры. Этотъ законъ представляетъ собою одну изъ грандіознѣйшихъ концепцій человѣческаго ума. Онъ дѣлаетъ совершенно неосновательными возраженія въ родѣ слѣдующихъ: теорія свободы не охватываетъ всѣхъ фактовъ жизни и даже находится въ противорѣчій съ этими фактами, т. к. жизнь представляетъ, напр., цѣлые громадныя періоды существованія рабства. Такія кажущіяся противорѣчія легко объясняются закономъ развитія. Развитие есть постепенное осуществленіе внутренней природы развивающагося существа. Эта природа познается не на низшихъ, а на высшихъ ступеняхъ развитія. О томъ, что такое *человѣкъ* въ настоящемъ значеніи этого слова, *человѣкъ*, какъ носитель искры Божіей, могущій духовнымъ взоромъ охватить всю вселенную,—мы судимъ не по ребенку, не по первобытному дикарю, не по тѣмъ, къ сожалѣнію, очень многимъ, изъ современныхъ людей, о которыхъ сказалъ Гете, что они употребляютъ разумъ только для того, чтобы быть „звѣроподобіе всѣхъ скотовъ“. Но начала, господствующія на высшихъ ступеняхъ развитія, развиваются постепенно, и въ зачаткѣ находятся уже въ первоначальныхъ формахъ. Общій ритмъ развитія состоитъ въ томъ, что изъ первоначальнаго единства выдѣляются противоположности; каждая изъ нихъ развивается самостоятельно, а затѣмъ всѣ сводятся къ высшему, гармоническому единству, въ которомъ эти противоположности находятъ каждая свойственное ей мѣсто.

Зная законъ развитія и его ритмъ, зная, что принципомъ этого развитія является стремленіе къ осуществленію извѣстныхъ разумныхъ началъ, мы совершенно иначе отнесемъ къ цѣлому ряду печальныхъ явленій жизни. Мы не подчинимся этимъ явленіямъ, будемъ бороться съ ними, твердо вѣря, что свѣтлые идеалы истины, свободы, справедливости, всеобщаго братства и отсутствія насилія представляютъ собою реальность, гораздо болѣе сильную, чѣмъ все зло жизни, реальность, въ концѣ концовъ восторжествующую надъ этимъ зломъ.

Переходомъ отъ ученія о личности къ ученію о человѣческихъ союзахъ является положеніе, что *человѣкъ* всѣ свои силы и способности можетъ развивать только въ обществѣ, что онъ, по выраженію Аристотеля, есть существо общественное по преимуществу. И вотъ для соглашенія свободы одного со свободой другихъ необходимы взаимныя ограниченія свободы, необходимы гарантіи, обезпечивающія мирное существованіе людей, обезпечивающія возможность идеала, къ которому стремится общезжитіе. Этотъ идеалъ Чичеринъ видитъ въ *такой формѣ общезжитія, гдѣ царствуетъ наибольшая степень свободы личности и гдѣ нравственный законъ господствуетъ надъ всеми отношеніями.*

Нельзя болѣе ясно и глубоко выразить идеалъ всѣхъ стремленій человѣчества, идеалъ, указываемый всѣми великими учителями человѣчества. Разногласія въ формулировкѣ этого идеала — только кажущіяся. Напр., Левъ Толстой выставляетъ идеалъ всеобщаго братства при полномъ отсутствіи какого бы то ни было насилія, т. е., очевидно, тождественный съ Чичеринимъ идеалъ, несмотря на самую рѣзкую противоположность путей, предлагаемыхъ обоими мыслителями къ достиженію идеала. Толстой требуетъ немедленнаго упраздненія всякаго насилія и не признаетъ за государствомъ, правомъ и судомъ никакого положительнаго значенія. Чичеринъ, отлично сознавая присутствіе въ человѣкѣ темныхъ силъ, выдвигаетъ *право*, какъ необходимый элементъ общежитія, именно гарантирующій это общежитіе отъ проявленія звѣря въ человѣкѣ, выдвигаетъ государство, какъ высшую форму общежитія, объединяющую всѣ другія формы и осуществляющую наиболѣе высокія культурныя задачи.

Для успѣшнаго разрѣшенія своей задачи право вооружено такимъ оружіемъ, какъ принужденіе, крайней формой котораго является наказаніе.

Это свойство права, въ свою очередь, требуетъ гарантій противъ злоупотребленій. Чичеринъ строго раздѣляетъ область права, допускающую принужденіе, и нравственности, гдѣ принужденіе не можетъ имѣть мѣста, области свободы внѣшней и внутренней. Кромѣ того, въ области права онъ указываетъ на сферу отношеній, куда государство можетъ проникать лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, сферу, которая должна быть предоставлена ничѣмъ не стѣсняемой личной свободѣ.

Эта теорія Чичерина имѣетъ громадную научную цѣнность. Несомнѣнно, что анархизмъ есть заблужденіе человѣческаго ума, ибо власть является необходимымъ элементомъ всякаго общежитія, и ограниченіе свободы безусловно необходимо для совместнаго существованія людей. Но несомнѣнно, съ другой стороны, что личности должна быть обезпечена возможность свободнаго развитія, должна быть обезпечена область, гдѣ личность можетъ чувствовать себя полнымъ хозяиномъ, не опасаясь ничьихъ вторженій.

И вотъ, когда мы станемъ на эту точку зрѣнія, мы совершенно иначе отнесемъ къ той части воззрѣній Чичерина, которая возбуждаетъ болше всего сомнѣній. Разумѣю его теорію собственности, наслѣдства, его взгляды на принципъ свободной конкуренціи, на капитализмъ, на вмѣшательство государства въ договорныя отношенія между рабочими и капиталистами. Съ точки зрѣнія Чичерина значительная часть новѣйшихъ законодательныхъ стремленій, направленныхъ на облегченіе участи рабочихъ, должна быть объявлена зломъ. Онъ переоцѣниваетъ моментъ „свободнаго“ соглашенія между трудомъ и капиталомъ, забываетъ, что трудъ есть товаръ совершенно особаго рода, обладающій такими свойствами, которыя исключаютъ всякую возможность под-

чиненія купли-продажи этого „товара“ тѣмъ условіямъ, которыя регулируютъ цѣны вещественныхъ товаровъ. Чичеринъ слишкомъ много вѣритъ въ благодѣтельные эффекты свободной конкуренціи, слишкомъ много вѣритъ въ гуманныя чувства людей, считая ихъ недостаточными для парализованія всѣхъ бѣдствій, которыя приноситъ человѣчеству эта свободная конкуренція.

Очевидно, что государство не можетъ быть равнодушнымъ къ этимъ бѣдствіямъ. Выполняя свою культурную миссію, государство обязано обезпечить всѣмъ и каждому возможность человѣческаго существованія, зная, что всё свои силы оно получаетъ только изъ соединенія силъ личностей, зная, что чѣмъ полнѣе и интенсивнѣе жизнь каждой отдѣльной личности, тѣмъ полнѣе и интенсивнѣе жизнь самого государства.

Это признаетъ и Чичеринъ. Онъ указываетъ на односторонность тѣхъ теорій, которыя всю дѣятельность государства сводятъ лишь къ охраненію безопасности, предоставляя все остальное самодѣятельности гражданъ. Онъ высоко ставитъ культурную миссію государства, ставитъ ему очень серьезныя задачи, требуетъ вмѣшательства государства во многія стороны общественной жизни. Но въ экономической области онъ является врагомъ этого вмѣшательства. Всѣ темныя стороны принципа свободной конкуренціи могутъ быть, по его мнѣнію, сглажены во-первыхъ, тѣми благами, которыя вытекаютъ изъ свободы личности, а во-вторыхъ— нравственными началами. А эти начала возможны лишь на почвѣ свободы, т. е. принудительная нравственность есть безнравственность.

Вотъ почему Чичеринъ говоритъ, что если выбирать изъ двухъ золъ меньшее, то слѣдуетъ предпочесть ограниченіе роли государства охраненіемъ безопасности, т. е. теорія безграничной государственной регламентаціи въ концѣ концовъ погубитъ самый источникъ всей государственной жизни—личность. Эта личность, опутанная цѣлою сѣтью стѣсненій и запрещеній, не могущая шагу ступить свободно, чувствующая себя только частью огромной машины, превратится въ какое-то вьючное животное, въ раба самаго худшаго изъ деспотовъ—общества.

И, дѣйствительно, читая страницы Чичерина, направленные противъ социализма, страницы подчасъ проникнутыя страстной нетерпимостью, нельзя не согласиться съ авторомъ, что социализмъ не даетъ твердыхъ и прочныхъ гарантій свободы личности, этому могучему стимулу всякаго прогресса, источнику общественной жизни. При всѣхъ своихъ недостаткахъ господствующія теоріи права указываютъ болѣе или менѣе точныя границы, за которыми личность можетъ чувствовать себя полнымъ хозяиномъ ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ, можетъ возникнуть вопросъ: дѣйствительно ли экономическая область такъ тѣсно связана съ принципомъ свободы личности, что расширеніе государственнаго вмѣшательства въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній неизбѣжно влечетъ за собою стѣсненіе правъ личности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ?

Конечно, *primum vivere, deinde philosophari*, конечно, человекъ прежде всего долженъ быть матеріально обезпеченъ; онъ сплошь и рядомъ готовъ пожертвовать свободой, чтобы имѣть возможность быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. Но, вѣдь, матеріальная обезпеченность вовсе не есть конечная цѣль всѣхъ стремленій человека: это только необходимая основа для жизни, единственно достойной человека—высшей духовной жизни. А эта высшая духовная жизнь можетъ развиваться только при условіи свободы личности. *Наука, искусство, религія,—все это область свободы, область, не терпящая никакого принудительнаго вмешательства, никакой вышней регламентаціи.* Блестящее доказательство этой истины составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ Чичерина. Вполнѣ естественно, поэтому, что онъ, ревниво оберегая личность отъ опасности превращенія во вьючное животное и не находя въ теоріяхъ социализма *принципальныхъ* границъ, могущихъ гарантировать личности свободу, такъ страстно возсталъ противъ этихъ теорій, что проглядѣлъ цѣнные ихъ стороны ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ съ возраженіями Чичерина социализмъ долженъ серьезно считаться. Эти возраженія непременно должны быть приняты во вниманіе при построеніи теоріи отношенія личности къ обществу.

Большую научную цѣнность представляетъ ученіе Чичерина объ обществѣ и объ отношеніи его къ государству.

Общество есть совокупность частныхъ отношеній,—экономическихъ, умственныхъ и нравственныхъ—между лицами. Ни по объему, ни по содержанію оно не совпадаетъ съ государствомъ. Общество образуется изъ взаимодействія свободныхъ единичныхъ силъ, оно есть сплетеніе частныхъ интересовъ и зависимостей, не представляющее никакого организованнаго единства. Это единство вносится дѣятельностью государства, управляющаго совокупными интересами народа, вносящаго гармонію въ эти интересы. Надо только всегда твердо помнить, что всѣ свои силы и средства государство черпаетъ изъ общества, и что государственнй быть только тогда имѣетъ прочныя основы, когда покоится на господствующихъ въ обществѣ убѣжденіяхъ и потребностяхъ.

Такимъ образомъ, государство есть форма, содержаніе которой дается обществомъ.

Тѣмъ не менѣе форма эта безусловно необходима, ибо безъ государства борьба противоположныхъ интересовъ, предоставленная самой себѣ, породила бы состояніе вѣчной *bellum omnium contra omnes*.

Необходимыми элементами государства являются: 1) власть, 2) законъ, 3) свобода и 4) общая цѣль, идея,—гармоническое

¹⁾ Главной причиной страстнаго отношенія Чичерина къ социализму слѣдуетъ, казалось бы, признать крайности нѣкоторыхъ францій социалъ-демократіи, крайности, противъ которыхъ горячо возстаетъ, напр., такой видный теоретикъ социализма, какъ Шеффле въ своей книгѣ *Die Quintessenz d. Socialismus*.

сочетаніе всѣхъ элементовъ общежитія и руководство общими интересами для достиженія общаго блага.—Что государство, въ свою очередь, оказываетъ воздѣйствіе на общество, доказывается многими историческими примѣрами. Въ частности Чичеринъ указываетъ на благотворное вліяніе законодательства Александра II, реформы котораго онъ совершенно справедливо называетъ фундаментомъ, на которомъ покоится вся будущность Россіи.

Въ высшей степени трудный и сложный вопросъ о гарантіяхъ, необходимыхъ для того, чтобы предотвратить злоупотребленія правомъ принужденія, чтобы государство не переступало своихъ границъ, не нарушало бы правъ личности, Чичеринъ разработалъ образцово. Полученные имъ результаты представляютъ въ высшей степени цѣнный вкладъ въ науку.

Признавая безусловную необходимость твердой и сильной власти, Чичеринъ превосходно доказалъ, что главная внутренняя сила власти есть ея нравственный авторитетъ. Сильной можетъ считаться только та власть, которая находитъ опору въ обществѣ. Поддержку власти могутъ дать только живыя общественныя силы, а для этого онѣ должны стоять на своихъ ногахъ и пользоваться подобающей имъ самостоятельностью. Такимъ образомъ, призваніе общественныхъ силъ къ участию въ государственной дѣятельности служить только къ укрѣпленію власти. Настойчиво предупреждаетъ Чичеринъ отъ весьма опаснаго заблужденія: смѣшивать силу власти съ господствомъ произвола. Вообще голое право силы покоится на весьма шаткихъ основаніяхъ и не въ состояніи утвердить тотъ внутренній порядокъ и то матеріальное и духовное благосостояніе, которые составляютъ высшую цѣль государства.

Твердость законнаго порядка есть необходимая основа нормальной государственной жизни: уваженіе къ закону, когда оно утверждается долгой практикой и входитъ въ нравы, составляетъ самую надежную опору государственнаго строя. Отсюда огромная важность *суда*, съ одной стороны, какъ охранителя закона, а съ другой—какъ охранителя правъ личности. Занимая положеніе безпристрастнаго третьяго между спорящими сторонами, между личностью и государствомъ, судъ долженъ быть независимымъ. Судья подчиняется только безличному закону и является первымъ его хранителемъ. Но такъ какъ приложеніе закона къ данному случаю всегда имѣетъ индивидуальный характеръ, то приговоръ долженъ быть дѣломъ личнаго внутренняго убѣжденія. Никакая власть не имѣетъ права предписать приговоръ, подобно тому какъ предписываются дѣйствія административнымъ органамъ. Всякое посягательство на независимость суда искажаетъ его характеръ: онъ перестаетъ быть органомъ правосудія и низводится на степень простого орудія власти. Первою и важнѣйшею гарантіей независимости суда является несмѣняемость судей; это, говорить Чичеринъ, столпъ, на которомъ держится все зданіе судебныхъ установленій.

Изъ всего ученія о судѣ Чичеринъ дѣлаетъ слѣдующіе цѣнные выводы: 1) Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе какъ судомъ, послѣ установленія его вины законнымъ порядкомъ; 2) Судъ долженъ быть одинъ для всѣхъ, и всѣ должны быть равны передъ судомъ; 3) всякій гражданинъ долженъ найти въ судѣ всѣ возможныя средства для защиты своихъ правъ; 4) всякій споръ о правѣ долженъ подлежать рѣшенію обычныхъ судовъ: административная юстиція противорѣчитъ основному принципу суда.

Позволю себѣ прочесть одну страницу изъ III тома „Курса государственной науки,“ гдѣ Чичеринъ блестяще излагаетъ свои мысли о роли суда. „Кромѣ силы власти въ государствѣ, необходимъ прочный законный порядокъ. Безъ твердыхъ правилъ, служащихъ ей руководствомъ, власть способна установить только порядокъ внѣшній: она можетъ положить преграды насиліямъ и заставить подданныхъ повиноваться ея приказаніямъ. Но она не въ состояніи водворить ту обеспеченность общественнаго и частнаго быта, то постоянство отношеній не только между лицами, но и между учреждениями, которыя составляютъ первый признакъ гражданственности. При чисто внѣшнемъ порядкѣ можетъ существовать союзъ господина и рабовъ, но нѣтъ благоустроеннаго гражданского общества. Законъ возвышаетъ и нравственное значеніе власти.—Нельзя съ достаточной силой выразить то высокое значеніе, которое имѣетъ для государственной жизни развитіе права и тѣ неисчислимыя выгоды, которыя оно приноситъ. Право служитъ первою и главною охраной человѣческой личности и всего того, что ей принадлежитъ. Ограждая человѣка отъ насилія, оно даетъ ему увѣренность въ прочности его быта, обеспеченность будущаго и вмѣстѣ силы для дѣятельности. Съ другой стороны, внушая человѣку сознаніе своей силы, чувство права возвышаетъ нравственное его достоинство. Уважая другихъ, онъ требуетъ уваженія къ себѣ. Даже безкорыстная дѣятельность на пользу общественную развивается лишь тамъ, гдѣ она опирается на твердую почву права. Административной власти долженъ быть предоставленъ достаточный просторъ для охраненія общественнаго порядка и для исполненія тѣхъ мѣръ, которыя требуются совокупными интересами государства и общества, но когда она въ своей дѣятельности сталкивается съ правами гражданъ, она должна прибѣгать къ содѣйствію суда. И съ своей стороны граждане должны имѣть право прибѣгать къ защитѣ суда въ случаѣ притѣсненій; иначе они отдаются въ жертву административному произволу. Въ соглашеніи этихъ противоположныхъ интересовъ, общественнаго и частнаго, въ установленіи дружнаго дѣйствія администраціи и суда въ виду достиженія государственной цѣли, состоитъ высшая задача политики управленія. Только тамъ, гдѣ эта задача сознается и достигается, можно говорить о законномъ порядкѣ и государственномъ благоустройствѣ. Исполненіе этой задачи требуетъ времени; надобно, что-бы отношенія сгладились

и вошли въ должную колею; надобно, чтобы порядокъ упрочился и согласіе установилось силою привычки. Этого можетъ достигать только правительство, ясно понимающее свою задачу и неуклонно стремящееся къ ея осуществленію, не обращая вниманія на жалобы администраторовъ, стѣсняемыхъ въ своемъ произволѣ, и требуя отъ нихъ строгаго исполненія закона. Охраненіе права есть дѣло не администраціи, а суда. Поэтому установленіе нелицеприятнаго суда составляетъ первую обязанность государства и основное требованіе внутренней политики.“

Въ сферѣ управления Чичеринъ находитъ безусловно необходимымъ участіе независимыхъ общественныхъ силъ. Только это участіе можетъ гарантировать внимательное отношеніе къ мѣстнымъ нуждамъ и интересамъ и основательное знаніе этихъ интересовъ. Только это участіе можетъ парализовать зло, которое неизбежно происходитъ при чисто бюрократическомъ управленіи: бумажную дѣятельность, официальную ложь, произволъ къ низу, раболѣпство къ верху и т. п. Между тѣмъ, при участіи самостоятельныхъ общественныхъ силъ, бюрократія становится въ высшей степени полезной культурной силой ¹⁾.

Вся система гарантій завершается такою организаціей власти, при которой сами граждане становятся участниками этой власти. При этомъ Чичеринъ указываетъ на большія трудности такой организаціи, напоминая, что власть можетъ принадлежать только наиболѣе способнымъ, а не толпѣ, и горячо защищаетъ монархическій принципъ власти. Только монархъ можетъ обладать наибольшими возможными для человѣка гарантіями безпристрастія, а потому только онъ одинъ можетъ возвыситься надъ всѣми партіями, примирять всѣ интересы и имѣть въ виду единственно благо страны. Поэтому монархическая власть является четвертою властью на ряду съ законодательною (парламентъ), правительственной (министры) и судебною.

Драгоценнымъ результатомъ системы гарантій является пышный расцвѣтъ государственной и общественной жизни, полнота и гармонія этой жизни, горячая привязанность гражданъ къ отечеству и готовность ихъ жертвовать всѣмъ для блага отечества. Этотъ расцвѣтъ жизни характеризуется свободой совѣсти, слова, печати, свободой науки и искусства, самымъ широкимъ и ничѣмъ не стѣняемымъ распространеніемъ просвѣщенія между народными массами.

Попытаюсь въ заключеніе резюмировать сущность мировоззрѣнія Чичерина (по возможности собственными его словами).

¹⁾ „Высшая цѣль государства состоитъ не въ усиленіи власти, а въ томъ, чтобы каждый собственный элементъ получилъ надлежащее развитіе и занялъ подобающее мѣсто въ общемъ организмѣ. Эта цѣль достигается только ослабленіемъ централизаціи и предоставленіемъ большей самостоятельности мѣстному управленію“ (Курсъ госуд. науки, II, 492).

Идеаломъ познанія всѣми и всегда выставляется сведеніе всѣхъ законовъ къ единому, верховному закону, изъ котораго все остальное выводится, какъ послѣдствіе. Этимъ самымъ признается, что всѣ законы образуютъ единую, разумную систему, ибо логически выводить можно только то, что заключаетъ въ себѣ логическую связь. Если же всѣ законы вселенной составляютъ единую, непреложную и разумную систему, то, значить, въ основаніи ихъ лежитъ единая, абсолютная и разумная сила, ибо законъ есть не что иное, какъ способъ дѣйствія силы, и, когда мы познаемъ законъ, мы тѣмъ самымъ познаемъ и природу проявляющейся въ немъ силы. Это познаніе разумныхъ силъ, лежащихъ въ основаніи явленій, составляетъ задачу философіи (метафизики), которая по самому существу дѣла должна отправляться не отъ внѣшнихъ явленій, а отъ разума и его законовъ, ибо для того, чтобы понять разумность явленій и управляющихъ ими законовъ, необходимо предварительно имѣть мѣрило въ самомъ познающемъ разумѣ. Безъ этого наука превращается въ груды несвязанныхъ фактовъ, и всякая твердая точка опоры исчезаетъ. Познаніе фактовъ, опытъ—даетъ лишь матеріалъ.

Единая, абсолютная, творческая сила, лежащая въ основѣ мірозданія, даетъ матеріи все высшее и высшее строеніе, приготовляя ее къ воспріятію духа. Въ человѣкѣ исторія развитія органическаго міра завершается. Дальнѣйшее движеніе представляется уже духовнымъ началамъ.

Вся исторія человѣчества представляетъ одно преемственное движеніе, управляемое общими законами и ведущее къ одной цѣли—къ раскрытію существа духа. При этомъ главнымъ двигателемъ развитія здѣсь являются не слѣпя влеченія, не матеріальные интересы, а разумъ. Значеніе его состоитъ въ томъ, что онъ вноситъ свѣтъ въ хаосъ борющихся силъ и стремленій и тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ способными служить высшимъ цѣлямъ человѣчества.

Практическая сторона дѣятельности человѣчества заключается въ томъ, чтобы 1) покорить природу и создать матеріальную основу для высшей духовной жизни и 2) создать нравственный порядокъ общезитія.—Перенесеніе на исторію тѣхъ законовъ развитія, которыя коренятся въ свойствахъ матеріи, не имѣетъ смысла. Сюда, между прочимъ, относится борьба за существованіе. Если бы это начало играло въ исторіи такую первенствующую роль, какую ему приписываютъ, то человѣчество не только не подвинулось бы впередъ, а вѣчно осталось бы на степеняхъ животныхъ. Борьба за существованіе ничего не можетъ развить, кромѣ животныхъ инстинктовъ. Чѣмъ ниже цѣль, за которую борются люди, тѣмъ ниже возбуждаемая борьбою страсти, тѣмъ хуже будетъ результатъ. Только прогрессивныя цѣли способны дать и прогрессивный характеръ борьбѣ, изъ чего ясно, что развитіе человѣчества опредѣляется развитіемъ разумныхъ цѣлей;

борьба же (и притомъ борьба преимущественно духовнымъ оружіемъ)—только средство.

Исполненіе задачи исторіи культуры принадлежитъ человѣку, не въ отдѣльности взятому, а въ союзѣ съ другими. Поэтому правильно устроенное общежитіе является необходимымъ условіемъ духовнаго развитія и высшей его цѣлью.

Вотъ почему личность считаетъ высшимъ своимъ призваніемъ служить отечеству или человѣчеству.

Но общежитіе не должно развиваться въ ущербъ самостоятельности отдѣльныхъ лицъ, ибо природа духа состоитъ въ томъ, что онъ развивается путемъ сознанія и свободы, а сознаніе и свобода принадлежатъ не обществу, а отдѣльнымъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи лицо стоитъ выше общества и составляетъ для него цѣль. Разрѣшить великую проблему примиренія свободы и самоцѣльности личности съ необходимостью подчиненія этой личности требованіямъ, вытекающимъ изъ существа общежитія, можетъ только такая организація общежитія, гдѣ въ основу построения будетъ положенъ принципъ уваженія къ личности и гдѣ гармонически сочетаются всѣ необходимые для общежитія элементы.

Такая форма есть государство, какъ верховный союзъ, обладающій необходимою властью для сдерживанія антисоціальныхъ наклонностей человѣка и для поддержанія авторитета закона, союзъ, охватывающій всѣ другіе союзы, но не растворяющій ихъ въ себѣ, предоставляющій каждому необходимую для свободнаго развитія сферу дѣятельности; этотъ союзъ всѣ свои силы черпаетъ изъ единенія живыхъ и самостоятельныхъ общественныхъ и личныхъ силъ, а потому уважаетъ эти силы и заботится объ ихъ процвѣтаніи.

Путеводною звѣздой высшей духовной жизни, расцвѣтающей подъ эгидой государства, является философія. Она, между прочимъ, учитъ, что при всей необходимости разнообразія народовъ и государствъ нельзя забывать, что народы составляютъ только отдѣльное выраженіе общей духовной сущности (человѣчество), и чѣмъ выше историческое призваніе народа, тѣмъ ближе онъ стоитъ къ этой сущности и тѣмъ полнѣе ее отражаетъ. Поэтому для всѣхъ народовъ, подвизающихся на историческомъ поприщѣ, важнѣе всего должны быть не узко-національныя, а общечеловѣческія начала.

Не такъ давно культурное человѣчество праздновало 100-лѣтній юбилей со дня смерти одного изъ величайшихъ своихъ гениевъ—Канта. Не могу не замѣтить по этому поводу, что такъ часто раздающійся въ современной наукѣ призывъ: „назадъ къ Канту“, имѣетъ глубокія основанія, несмотря на всѣ недоразумѣнія, связанныя съ этимъ призывомъ. Философія Канта заключаетъ въ себѣ рядъ истинъ, которыя всегда должны быть въ основѣ правильнаго научнаго мировоззрѣнія. Эти истины, которыя, какъ вы увидите, заключаются и въ мировоззрѣніи Чичерина, слѣдующія: 1) разумъ есть совершенно самостоятельный, независи-

мый отъ опыта, источникъ познанія; 2) за міромъ, доступнымъ внѣшнимъ чувствамъ, доступнымъ звѣшванію, измѣренію и т. п., находится міръ, доступный только духовному взору, міръ, служащій основой внѣшнему міру; 3) сущность духа заключается въ свободѣ, живой дѣятельности; 4) человѣкъ, какъ носитель нравственнаго закона, есть самоцѣль, имѣетъ право на безусловное уваженіе и 5) міръ покоится на извѣстныхъ раціональныхъ началахъ.

Какъ извѣстно, въ современной наукѣ господствуетъ историко-генетическое направленіе. Оно отказывается отъ абсолютныхъ истинъ вообще, подчеркиваетъ постоянное, безконечное измѣненіе, движеніе, эволюцію дѣйствительности. Это направленіе дало наукѣ очень много цѣннаго, но само по себѣ не достаточно. Оно должно быть дополнено тѣмъ направленіемъ, къ которому принадлежали Платонъ, Спиноза, Лейбницъ, Гегель, Кантъ. Безъ такого дополненія вся область знанія, какъ правильно говорилъ Чичеринъ, превратится въ груды несвязанныхъ фактовъ, исчезнутъ всякія твердыя точки опоры, и въ этомъ хаосѣ относительнаго, условнаго, ничто не будетъ имѣть абсолютной цѣнности.

У всѣхъ насъ передъ глазами печальные результаты этого преклоненія передъ принципомъ относительности. Въ связи съ нѣкоторыми другими условіями оно породило путаницу понятій, духовный и практическій анархизмъ, нравственную безпринципность, вызвало проявленіе темныхъ силъ, произвола, разгулъ низшихъ страстей, слѣдую вѣру въ грубую силу. Неудивительно, что, созерцая такую мрачную картину, многіе теряютъ вѣру въ лучшее будущее, проникаются пессимизмомъ, высшую духовную жизнь считаютъ излишнею роскошью и верховнымъ принципомъ дѣятельности ставятъ: *après nous le déluge!*

Въ такія минуты взоръ невольно обращается къ тѣмъ духовнымъ сокровищамъ, которыя дали человѣчеству его геніи, и, созерцая эти сокровища, человѣкъ успокаивается, отдыхаетъ душой въ этомъ мірѣ идей, приобретаетъ вѣру въ высшій нравственный порядокъ, вѣру въ силу разума, вѣру въ окончательное торжество великихъ принциповъ истины, свободы, справедливости.

Въ частности, всѣ испытанія, которыя теперь посылаетъ судьба нашему отечеству, не должны поколебать вѣру въ силу русскаго генія, вѣру въ будущее Россіи. Страна, которая дала человѣчеству Глинку, Чайковскаго, Васнецова, Пушкина, Тургенева, Толстого, Менделѣева, Мечникова, Чичерина, не можетъ опасаться заимствованій всего лучшаго у Запада, не можетъ опасаться потери самобытности отъ этихъ заимствованій; она можетъ смѣло и бодро глядѣть впередъ, зная, что ея духовная сила далеко еще не изсякла и что долго еще она можетъ пополнять плеяду звѣздъ, освѣщающихъ человѣчеству путь къ лучшему будущему. А среди этихъ звѣздъ яркимъ и чистымъ блескомъ вѣчно будетъ сіять имя того, чью память мы чествуемъ въ сегодняшнемъ собраніи!

И. В. Михайловскій.

Значеніе учительскихъ курсовъ по отзывамъ земскихъ учителей.

За послѣднія 8—9 лѣтъ, послѣ 20-лѣтняго перерыва, земства снова стали устраивать на лѣтнихъ вакаціяхъ курсы для учащихся народныхъ школъ. Быстрое развитіе насущныхъ нуждъ и запросовъ живого школьнаго дѣла, потребность найти ихъ разрѣшеніе и правильное теоретическое обоснованіе у опытныхъ руководителей, обмѣняться мыслями со своими товарищами и освѣжиться въ бодрящей атмосферѣ дружной товарищеской работы, научной и педагогической мысли, наконецъ, пониженіе уровня общеобразовательной и спеціальной подготовки учащихся (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ) въ виду быстрого количественнаго роста нашей земской школы за послѣдніе годы—все это побудило многія земства прибѣгнуть къ давно оставленному средству,—правда, далеко не совершенному въ настоящее время, но все же единственному: къ устройству краткосрочныхъ учительскихъ курсовъ¹⁾. Послѣдовавшее вскорѣ (1899 г.) изданіе правилъ объ устройствѣ учительскихъ сѣздовъ, ставящихъ послѣдніе въ узкія и стѣснительныя рамки, что достаточно выяснено и компетентными лицами, и въ печати, и, наконецъ, на сѣздѣ при московскомъ учебномъ округѣ въ 1901 г., конечно, не могло восполнить недостатка, создаваемаго ненормальной постановкой учительскихъ курсовъ по положенію 1875 года. Да и кромѣ того, на нашъ взглядъ, учительскіе сѣзды и курсы не могутъ исключить или замѣнить другъ друга, такъ какъ имѣютъ дѣло съ разными областями школьной жизни: первые—скорѣе съ вопросами внутренняго распорядка и ея, такъ сказать, внѣшнихъ отношеній (отношеніе учащихся къ населенію, къ мѣстнымъ сельскимъ вла-

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ касаться исключительно *земскихъ* учительскихъ курсовъ, такъ какъ матеріалы, которыми мы располагаемъ, взяты изъ земской практики.

стямъ и т. п., а вторые — съ вопросами преподаванія и общеобразовательныхъ знаній. Такимъ образомъ, учительскіе курсы были и понынѣ остаются необходимыми. Но жизнь быстро идетъ впередъ, запросы и нужды современной народной школы за 30 лѣтъ далеко переросли тѣ узкія рамки устава 1875 г., которыя и въ свое-то время были очень тѣсными, и потому естественно, что съ первыхъ же шаговъ по возобновленіи курсовъ устроителямъ ихъ пришлось выходить изъ рамокъ устава и обходить его; такіе случаи были отмѣчены и министерствомъ народнаго просвѣщенія. ¹⁾

Что касается постановки дѣла на учительскихъ курсахъ за послѣднее время, то здѣсь особенно ярко бросается въ глаза, съ одной стороны, все усиливающееся значеніе теоретическихъ занятій по вопросамъ педагогическимъ въ связи съ психологіей, а съ другой—роль общеобразовательныхъ предметовъ, которые съ каждымъ годомъ приобрѣтаютъ все большее и большее значеніе и получаютъ все болѣе широкое распространеніе и постановку. Практика курсовъ и школьнаго дѣла вообще показала, что современный народный учитель нуждается не столько въ усвоеніи методологическихъ свѣдѣній и развитіи приѣмовъ преподаванія, сколько въ теоретическомъ научномъ освѣщеніи педагогическихъ вопросовъ и еще болѣе въ приобрѣтеніи общеобразовательныхъ знаній, въ расширеніи умственного кругозора, что дастъ ему возможность шире и глубже понять свои задачи, освѣтить свою дѣятельность руководящими идеями и съ большимъ успѣхомъ способствовать развитію учащихся и взрослому населенію ²⁾. И вотъ за послѣднія 4—5 лѣтъ нѣкоторыя земства стали вводить въ курсовыя занятія общеобразовательные предметы, которые по правиламъ 1875 г. только *допускаются* въ качествѣ необязательныхъ предметовъ: напр., въ Саратовѣ на курсахъ 1899 г. и послѣдующихъ лѣтъ читались: міровѣдѣніе, психологія, гигиена, новѣйшая русская литература, географія и этнографія, въ Курскѣ (въ 1899—901 г. г.) лекціи по естествознанію, физикѣ, психологіи, исторіи русск. литературы, въ Самарѣ (1901 г.)—по міровѣдѣнію и географіи. Кромѣ того, въ 1901 г. въ Курскѣ для учащихся земскихъ школъ, а въ Киевѣ и Москвѣ—для учителей и учительницъ второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ были организованы практическія занятія по естествознанію съ цѣлью подготовить учащихся къ производству простѣйшихъ опытовъ и наблюденій въ сельской школѣ и къ пользованію наглядными

¹⁾ Объ этихъ фактахъ, а также объ исторической обстановкѣ, въ которой были созданы учительскіе курсы по положенію 1875 г., можно найти свѣдѣнія, напр., въ интересной статьѣ *Е. Заягинцева*: „Учительскіе курсы, педагогическіе и общеобразовательные“, въ „Вѣстн. Воспит.“ за 1902 г., № 4.

²⁾ Ср. въ „Отчетъ о земск. педагогич. курсахъ въ Тамбовѣ въ 1901 г.“ (стр. 98—99) мнѣніе извѣстнаго педагога Н. Ф. Бунакова, что „прежняя, сводящаяся главнымъ образомъ, къ методикѣ элементарнаго обученія, программа курсовъ не удовлетворяетъ болѣе современнымъ потребностямъ“.

пособіями, такъ какъ эти пріемы преподаванія все болѣе и болѣе распространяются и въ начальной школѣ.

Были и примѣры учительскихъ курсовъ съ чисто общеобразовательнымъ характеромъ: земскіе курсы въ Тамбовѣ въ 1901 г. ¹⁾ (съ лекціями по физикѣ, химіи, біологіи и русской исторіи) и еще ранѣе въ болѣе широкихъ размѣрахъ въ г. Павловскѣ, начиная съ 1899 г., повторяющіеся ежегодно.

Съ каждымъ годомъ число общеобразовательныхъ (или частью общеобразовательныхъ) учительскихъ курсовъ замѣтно возрастаетъ, и прошлымъ лѣтомъ такіе курсы устраивались въ Курскѣ, Тулѣ, Пензѣ, Воронежѣ, Рязани, Екатеринославѣ, Павловскѣ и нѣкоторыхъ друг. городахъ.

Министерство народнаго просвѣщенія въ лицѣ своихъ представителей также не разъ заявляло о возможности и пользѣ общеобразовательныхъ чтеній на педагогическихъ курсахъ и признало Павловскіе курсы „достигающими намѣченныхъ цѣлей, отчасти въ смыслѣ пополненія знаній учащихся, отчасти и, главнымъ образомъ, въ смыслѣ возбужденія въ нихъ умственныхъ интересовъ“ ²⁾.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны—по крайней мѣрѣ, *принципально*—разногласій не встрѣчается. (Къ сожалѣнію, какъ сейчасъ увидимъ, далеко не такъ благополучно обстоитъ дѣло на практикѣ).

Но вопросъ о курсахъ заключаетъ въ себѣ немало сторонъ, вызывающихъ сомнѣнія и разногласія. Въ виду новаго характера, какой за послѣднее время фактически приобрѣтаютъ курсы, необходимо *основательно* выяснить, слѣдуетъ ли устраивать чисто-общеобразовательные или чисто-педагогическіе курсы или же комбинировать тѣ и другіе предметы и занятія, и въ такомъ случаѣ какому изъ составныхъ элементовъ дать преобладающее значеніе?

Какія слѣдуетъ произвести измѣненія въ постановкѣ курсовъ *по даннымъ опыта*?

Эти вопросы по своей новизнѣ требуютъ особаго вниманія и разработки. Далѣе, въ виду тѣхъ затрудненій и тормазовъ, какіе встрѣчаются у земства въ выборѣ руководителей на курсахъ и приводятъ къ тому, что курсы или совсѣмъ не могутъ состояться (случаи, довольно частые за послѣдніе годы), или ведутся при такихъ условіяхъ, что, повидимому, не оправдываютъ своего назначенія ³⁾, и въ силу другихъ внѣшнихъ неблагоприятныхъ

¹⁾ Скорѣе смѣшанные, но съ замѣтнымъ преобладаніемъ общеобразовательныхъ предметовъ.

²⁾ См. отзывъ учен. комит. мин-ва нар. проsv. въ „Русск. Начал. Учит.“ за 1901 г., № 8—9, II, стр. 8.

³⁾ Чтобы не быть голословными, сошлемся на нѣкоторые заимствованные нами изъ земскихъ матеріаловъ и періодич. печати типичные факты. Въ 1900 г. Тамбовское губ. земство постановило устроить учительскіе курсы, но по независимымъ отъ земства обстоятельствамъ они не состоялись: одни изъ руководителей отказались, другіе (г.г. Душеч-

обстоятельствъ—невольна возникаетъ вопросъ, окупаютъ ли въ такомъ случаѣ курсы солидные расходы губернскихъ и уѣздныхъ земствъ и затрату времени, средствъ и силъ со стороны народныхъ учителей, устроителей и руководителей курсовъ?

Наконецъ, среди гласныхъ при обсужденіи вопроса о курсахъ на земскихъ собраніяхъ раздаются голоса (правда, немногочисленные), принципиально отрицающіе пользу курсовъ.

При разрѣшеніи подобнаго рода серьезныхъ вопросовъ, само собою разумѣется, очень важно знать мнѣніе о курсахъ самихъ учащихся сельскихъ школъ—тѣхъ именно лицъ, которыя непосредственно въ этомъ заинтересованы, и для которыхъ и устраиваются эти курсы. Такую задачу взяла на себя Саратовская губ. земская управа и при изслѣдованіи положенія школьнаго дѣла въ губерніи черезъ учащихся земскихъ школъ включила въ свою

книжъ и Вахтеровъ) не были утверждены, несмотря на то, что раньше они уже не разъ бывали руководителями на земскихъ педагогическихъ курсахъ, и г. Душечкинъ за руководство на курсахъ въ г. Макарьевѣ получилъ почетный отзывъ отъ попечителя московскаго учебн. округа, а въ это время занималъ должность смотрителя тамбовскаго земскаго сиротскаго дома (sic!) Любопытно при этомъ отмѣтить, что позднѣе тотъ же В. П. Вахтеровъ былъ утвержденъ руководителемъ на курсахъ въ Курскѣ, а Я. И. Душечкинъ—въ Чернигов. губ. Въ слѣдующемъ (1901) году Тамбовскому земству удалось устроить курсы, но они остались безъ руководителя по русскому яз.: намѣченный губ. управой въ руководители Н. Ф. Бунаковъ не получилъ утвержденія, хотя тѣмъ же лѣтомъ онъ былъ утвержденъ руководителемъ курсовъ въ Самарѣ, а приглашенный по предложенію мѣстной дирекціи народн. училищъ преподаватель гимназій г. Созонтьевъ послѣ двухъ бесѣдъ и одного пробнаго урока отказался, ссылаясь на то, что не можетъ вести занятія по предложенной ему программѣ, по которой онъ не имѣлъ времени подготовиться. Въ этихъ фактахъ, какъ видимъ, много поучительнаго. (См. „Отчетъ о педагог. курсахъ въ Тамбовѣ 1901 г.“, изд. Тамбов. губ. земства, интересную замѣтку Кир. Левина въ „Вѣстн. Восп.“ за 1901 г., № 6, и „Русск. Вѣд.“ отъ 5 сент. 1902 г.). Подобная же причина помѣшала состояться и ржевскимъ педагог. курсамъ (Твер. губ.) въ 1902 г.: за неутвержденіемъ г. Бунакова и въ виду невозможности найти другого опытнаго руководителя за позднимъ временемъ пришлось отказаться отъ устройства курсовъ („Докладъ Тверск. губ. управы по народ. образ. за 1902 г., часть I, стр. 52). Въ Саратовѣ, по словамъ „Рус. Вѣд.“,—*съ теченіемъ 2 лѣтъ* (1902 и 1903 гг.) не могли состояться учительскіе курсы, такъ какъ губ. земство просило разрѣшенія организовать ихъ по расширенной программѣ съ отступленіями отъ правилъ 1876 г., на что получило отказъ. А вотъ еще яркій фактъ изъ практики Курскаго губ. земства въ прошломъ году. На курсахъ въ г. Курскѣ не разрѣшены бесѣды съ учащими по обзору дѣтской и народной литературы (!) На ходатайство, посланное земствомъ г. попечителю округа 24 февраля, послѣдовалъ лишь 10 июня, уже послѣ открытія курсовъ, отрицательный отвѣтъ наблюдателя курсовъ, мотивированный какъ многопредметностью ихъ, такъ и тѣмъ, что въ библиотеки начальныхъ школъ допускаются только книги одобренныя министерствомъ, а о нихъ даются отзывы въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, да и, кромѣ того, выборъ книгъ принадлежитъ-де не учителямъ, а главнымъ образомъ, учебному начальству. Не разрѣшены также лекціи по отечественному законовѣдѣнію подъ руководствомъ проф. Гессена („Русск. Вѣд.“, № 166, 1903 г.). И подобныхъ фактовъ изъ земской практики можно привести сколько угодно.

программу также вопросы о педагогических курсахъ. Полученныя такимъ путемъ свѣдѣнія даютъ цѣнный матеріалъ, которымъ мы и воспользуемся въ настоящей статьѣ, дополняя его, гдѣ окажется возможнымъ, и другими данными ¹⁾. Хотя эти отвѣты земскихъ учителей относятся почти исключительно къ одной Саратовской губерніи, но въ виду общаго устава курсовъ и однородныхъ въ значительной мѣрѣ условій, при которыхъ ведется дѣло народнаго образованія (по крайней мѣрѣ, въ земскихъ губерніяхъ), эти данныя, по нашему мнѣнію, получаютъ гораздо болѣе широкой смыслъ.

Было бы весьма желательно, чтобы и другія земства послѣдовали прекрасному примѣру Саратовскаго земства; результатомъ этого явилась бы масса цѣннаго и разносторонняго матеріала, который могъ бы лечь въ основу практическихъ мѣропріятій и нововведеній въ данной области, что отчасти уже имѣло мѣсто въ Саратовскомъ земствѣ.

Приводимые ниже матеріалы для удобства мы будемъ излагать приблизительно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они сгруппированы въ „Обзорѣ“.

Отвѣты по интересующему насъ вопросу получены Саратовскимъ земствомъ отъ 250 учащихся, что составляетъ 30,7% всего числа земскихъ учителей и учительницъ въ губерніи. „Немногочисленность отвѣтовъ, по словамъ „Обзора“, объясняется тѣмъ, что 1) программа изслѣдованія не разсылалась помощникамъ и вторымъ учащимъ, а только завѣдующимъ ²⁾, на курсахъ же участвуютъ обыкновенно и тѣ, и другіе; 2) не бывшіе на курсахъ воздержались отъ отвѣтовъ на эти вопросы, за исключеніемъ лишь 42 чел.; 3) нѣкоторые учащіе и вообще не отвѣтили на программу губ. управы, иные же отвѣтили, когда разработка матеріала была почти закончена“ (стр. 65). Изъ приведенной въ „Обзорѣ“ таблицы видно, что изъ 250 отвѣтовъ лишь 42 принадлежатъ учащимъ, не бывшимъ на курсахъ. Сравнивая по годамъ цифры отвѣтившихъ въ % къ общему числу слушателей, мы видимъ, что наибольшій % отвѣтившихъ (67%) падаетъ на курсистовъ двухъ послѣднихъ лѣтъ (1899 и 1900 г.).

Указанное число отвѣтовъ можно считать достаточнымъ для

¹⁾ Свѣдѣнія эти сгруппированы въ „Обзорѣ“ началн. народ. образов. въ Саратов. губ. за 1900—1901 учебн. годъ (3-ій годъ изслѣдованія)⁴ изд. Саратов. губ. земства (часть I, глав. 4, стр. 64—113). Нѣкоторыя данныя (правда, скудныя и черезчуръ въ общей формѣ) можно подчеркнуть изъ сборника „Текущая школ. статистика за 1899—1900 годъ“, изд. Курск. губ. земства, и изъ доклада Новгородской губ. земской управы очередн. собранію сессіи 1901 г. Вотъ все, что мы могли найти въ земскихъ сборникахъ и докладахъ по данному вопросу.

²⁾ Слѣдуетъ пожалѣть, что Саратовская губ. управа не разослала вопросныхъ бланковъ *всѣмъ* учащимъ безъ различія ихъ положенія, т. е. и завѣдующимъ школами, и помощникамъ; тогда мы имѣли бы болѣе обильный матеріалъ по вопросу о курсахъ.

выяснения вопроса о значении курсовъ и о желательныхъ измѣненіяхъ въ ихъ постановкѣ, особенно если принять во вниманіе, что многіе изъ отвѣтившихъ были на всѣхъ курсахъ, начиная съ 1897 г., и, такимъ образомъ, ихъ отвѣты являются результатомъ опыта и наблюденій нѣсколькихъ лѣтъ. Но въ то же время, самъ „Обзоръ“ отмѣчаетъ, что „собранный матеріалъ представляетъ (оставляетъ?) желать многого въ смыслѣ полноты содержания и удобства для систематизаціи“ (стр. 66). Недостатки эти больше всего ощущаются въ такихъ важныхъ пунктахъ программы, какъ, напр., вопросы о пользѣ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ предметовъ, о степени примѣненія въ школьномъ дѣлѣ слышаннаго и узнаваемаго на курсахъ и т. д.

Выясненіе значенія общеобразовательныхъ предметовъ, какъ справедливо замѣчаетъ „Обзоръ“, представляетъ для саратовскихъ учащихся значительныя трудности 1) потому, что собранныя свѣдѣнія относятся къ курсамъ 1897—1900 г. и совершенно не касаются курсовъ 1901 г., когда эти предметы прошли особенно успѣшно и, слѣдовательно, дали возможность и губернской управѣ, и курсистамъ выяснить значеніе общеобразовательныхъ занятій въ программѣ курсовъ, и 2) оттого, что „вліяніе подобнаго рода занятій настолько широко и многосторонне затрагиваетъ разнообразныя стороны человѣческой души, что разобратъ въ этомъ вліяніи подчасъ представляется дѣломъ далеко не легкимъ, а для народнаго учителя—тѣмъ болѣе“¹⁾. Несмотря на это, какъ увидимъ дальше, и по данному вопросу въ отвѣтахъ саратовскихъ учащихся мы находимъ рядъ разнообразныхъ и важныхъ указаній.

1) Первый по существу вопросъ о курсахъ формулированъ въ программѣ такъ: „признаетъ ли слушатель курсы полезными и въ чемъ именно видитъ ихъ пользу?“ Изъ 250 отвѣтовъ попадаетъ *только одинъ* не вполне благопріятный для курсовъ. Одна учительница пишетъ, что лѣтніе курсы совпадаютъ съ самымъ горячимъ временемъ сельско-хозяйственной отрасли службы, въ виду чего она убѣдительно просила начальство уволить ее отъ посѣщенія курсовъ. Маневровка эта, по ея мнѣнію, не можетъ принести существеннаго ущерба, такъ какъ педагогическіе приемы при долготѣней практикѣ должны быть, въ общемъ, извѣстны, а пополненіе и обновленіе знаній она считаетъ возможнымъ почерпнуть изъ книгъ, журналовъ и изъ подробныхъ отчетовъ о тѣхъ же курсахъ. Здѣсь прямо бросается въ глаза узкій взглядъ на школьное дѣло спеціалиста-ремесленника. Остальные (249) отвѣты въ общемъ вполне благопріятны для курсовъ.

Очень важно отмѣтить, что, какъ видно изъ приведенной въ „Обзорѣ“ таблицы, $\frac{1}{3}$ всѣхъ отзывовъ о курсахъ (81 изъ 250)

¹⁾ „Обзоръ начал. народ. образ. въ Сарат. губ. за 1900—1901 уч. г.“; стр. 67.

приписали имъ громадную пользу *общественно-педагогическаго характера* (по терминологіи „Обзора“) ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ этихъ отвѣтахъ мѣтко схвачены и такія стороны курсовъ и ихъ вліянія на слушателей, которыя, какъ трудно поддающіяся анализу, не были затронуты управой въ программѣ изслѣдованія въ видѣ отдѣльныхъ вопросовъ.

Вотъ какъ оцѣниваютъ эту сторону курсовъ наиболѣе характерные отзывы. „Курсы полезны, какъ средство общенія между учащими“; „курсы полезны главнымъ образомъ сближеніемъ корпораціи всѣхъ учителей“; „считаю полезными, но не въ смыслѣ пріобрѣтенія познаній, а какъ средство, которое даетъ возможность имѣть между собою *общеніе и единеніе* (курсивъ нашъ)“.

Нѣкоторые отвѣты только въ этомъ и видятъ значеніе курсовъ. Но громадное большинство не ограничивается такимъ краткимъ и общимъ отзывомъ, а даетъ болѣе или менѣе определенныя указанія, чѣмъ именно дорого это „объединеніе“ и „общеніе“ съ товарищами. „Всякое общеніе людей, гдѣ бы оно ни происходило, полезно, а на курсахъ и тѣмъ болѣе (писать одинъ учитель),—здѣсь каждый учитель можетъ услышать столько новаго и интереснаго, чего онъ, живя въ деревнѣ, никогда бы не услышалъ и не узналъ“. Нѣсколько отвѣтовъ и ставятъ въ заслугу курсамъ, какъ мы выше сказали, предоставляемую ими возможность „свободнаго обмѣна между учителями знаніями и мыслями“ и вообще возможность услышать „живое слово“, котораго не могутъ замѣнить для учителя никакія книги и журналы. Этотъ обмѣнъ мыслей и знаній, по мнѣнію учащихся, особенно полезенъ въ педагогическомъ дѣлѣ. „Всѣ трудные вопросы, которые могутъ встрѣтиться въ дѣлѣ преподаванія, на курсахъ рѣшаются совмѣстно и обсуждаются всесторонне“. „Польза курсовъ,—читаемъ въ другомъ отвѣтѣ,—въ общеніи учителей между собою, въ обмѣнѣ взглядовъ и пріемовъ преподаванія, а для учителей, мало знакомыхъ съ дѣломъ преподаванія, отъ курсовъ прямо практическая польза“.—Эта сторона вліянія курсовъ особенно рельефно и детально выяснена въ слѣд. отзывѣ: „Польза курсовъ, по моему мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ: на курсахъ учителя имѣютъ полную возможность обмѣниваться со своими товарищами опытомъ и наблюденіями: туда же они везутъ свои промахи, ошибки и сомнѣнія; тамъ они коллективно разрѣшаютъ назрѣвшіе школьные вопросы и выясняютъ свои нужды“. Другой учитель добавляетъ еще, что „курсы даютъ возможность познакомиться съ положеніемъ школьнаго дѣла въ другихъ уѣздахъ“. Такихъ отзывовъ можно привести еще много, но изъ приведенныхъ выше, намъ кажется, уже достаточно ясенъ взглядъ учащихся на этотъ предметъ.

¹⁾ См. стр. 70. Въ выдержкахъ изъ „Обзора“ мы соблюдаемъ почти исключительно курсивъ подлинника, употребляя свой курсивъ въ немногихъ случаяхъ съ особымъ обозначеніемъ (курсивъ нашъ).

Далѣ, способствуя обмѣну мыслей между учителями, курсы, по многочисленнымъ отзывамъ, дѣйствуютъ на учащихся *освѣжающимъ* образомъ: „они поднимаютъ энергію учителя общеніемъ его съ товарищами, освѣжаютъ отъ зимняго одинокаго труда, отъ захолустной замкнутой жизни“. „Несомнѣнно, что курсы—дѣло полезное: учащіе подвергаются на нихъ воздѣйствію какъ образовательному, такъ равно и воспитывающему“.

Первое заключается въ *усвоеніи знаній*, а второе—въ *подъемѣ духа, бодрости отъ пребыванія среди людей одного дѣла*¹⁾.

Какимъ же образомъ курсы содѣйствуютъ освѣженію и подъему духа учащихся?—Это объясняютъ многочисленные мотивированные отвѣты.

„Курсы безусловно полезны: кромѣ того, что на нихъ пополняются наши знанія новыми свѣдѣніями, намъ даютъ возможность и между собой обмѣняться живымъ словомъ. Кто живетъ въ городѣ, среди интеллигентныхъ развитыхъ людей, тотъ, пожалуй, и не пойметъ, что значить для насъ, обитателей медвѣжьихъ угловъ, поговорить о своемъ дѣлѣ съ людьми, близко стоящими къ дѣлу“.

Каждый думаетъ найти здѣсь отвѣты на всѣ вопросы школьнаго дѣла, можетъ подѣлиться съ товарищами своими приемами преподаванія и выслушать о нихъ мнѣніе своихъ коллегъ. Одинъ въ полѣ не воинъ! То же можно сказать и про учителя, по его одинокому положенію часто въ такой глуши, что не только людей, а и книгъ-то не достанешь. Открывая курсы, земство приходитъ на помощь одиночеству учителя и даетъ ему возможность набраться новой энергіи на одинокое существованіе зимой. Часто учитель, особенно неопытный, становится втупикъ: по книгамъ всѣ методы хороши, а на практикѣ не примѣнимы. Что дѣлать?..

Вотъ, собираясь на курсы, онъ и ждетъ тамъ совѣта добраго. „Только на курсахъ возможенъ обмѣнъ мнѣній и взглядовъ въ обыкновенное время разрозненныхъ и одинокихъ работниковъ“.

Кромѣ курсовъ, врядъ ли гдѣ учителю удается такъ отдохнуть душой и обновить свои нравственные силы. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ слѣдующій отзывъ: „Къ концу учебнаго года чувствуется сильное физическое и душевное утомленіе, энергія и интересъ къ школьному дѣлу ослабѣваютъ,—во время каникулъ физическое утомленіе само собою проходитъ

1) Такой же отзывъ намъ пришлось встрѣтить и о тамбовскихъ педагог. курсахъ 1901 г. „Огромный подъемъ настроенія, извѣстную идейную приподнятость въ средѣ очень большого числа курсистовъ признавали даже лица, несочувственно относившіяся къ самымъ курсамъ. Признакомъ вліянія курсовъ въ этомъ направленіи нельзя не считать характерное признаніе довольно многочисленной группы слушателей: „только теперь“, говорили они въ концѣ курсовъ, „мы почувствовали, какъ мало мы знаемъ, какъ много еще надо учиться и работать“.

(См. замѣтку Ф. Ч. „Отголоски учительскихъ съѣздовъ, курсовъ и совѣщаній“ въ „Вѣстн. Восп.“, № 9, 1901 г.)

вслѣдствіе отдыха; но что излѣчило бы психическое утомленіе, что возбудило бы ослабѣвшую энергію и прежній интересъ къ дорогому школьному и внѣшкольному дѣлу, если бы не было педагогическихъ курсовъ?“

Вліяя такъ могущественно на психику учащихся, курсы не только помогаютъ имъ разобраться въ спеціальныхъ вопросахъ педагогической теоріи и практики, но *способствуютъ также выработкѣ у нихъ широкаго взгляда на самое педагогическое дѣло*. „Возбуждая энергію своей общественностью, курсы освѣщаютъ общее развитіе учащихся, а слѣдовательно — и учебное дѣло, такъ какъ, главнымъ образомъ, *отъ общаго развитія учащаго зависитъ та или иная постановка учебнаго дѣла*“. „Они выводятъ деревенскаго учителя изъ затхлой атмосферы грамматики и правописанія, прогоняютъ зарождающійся за учебный годъ педантизмъ; вообще будятъ его мысль“. „Курсы объединяютъ учащихся, развиваютъ въ нихъ критическое отношеніе къ себѣ и къ своему дѣлу; отчасти даже признаю за ними воспитывающее значеніе“, — читаемъ въ другомъ отзывѣ.

Это воспитывающее значеніе курсовъ заключается не только въ повышеніи профессиональныхъ достоинствъ учителя, но еще и въ томъ, что они (курсы) содѣйствуютъ, какъ увидимъ изъ приводимыхъ ниже отзывовъ, *всестороннему развитію личности учителя* (курс. нашъ), его самосовнанія, его человѣческаго достоинства, будятъ благородные инстинкты его души („Обзоръ“, стр. 74). „Курсы полезны безусловно. Какъ сѣвздъ лицъ, объединенныхъ общимъ дѣломъ и интересами, они служатъ для заброшеннаго всѣми учителя побужденіемъ къ самообразованію и саморазвитію; курсы заставляютъ невольно быть на высотѣ своего призванія, быть, такъ сказать, въ курсѣ дѣлъ“. „Здѣсь (на курсахъ) учителя видятъ себя рельефнѣе, и въ душѣ ихъ можетъ зародиться желаніе оправдать тѣ надежды и обязанности, какія возлагаютъ на человѣка-учителя общество и его званіе“.

Мало того: курсы также пробуждаютъ въ народныхъ учителяхъ *сознаніе той неразрывной идейной связи ихъ съ обществомъ, съ земскимъ отломъ и земскими людьми*, на желательность которой такъ горячо указываетъ нашими лучшими общественными дѣятелями и недавно бывшимъ въ Москвѣ (въ дек. 1902 г.) сѣвздомъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи, на которомъ предлагались и прекрасныя мѣры къ проведенію въ жизнь этихъ стремленій ¹⁾. И на эту сторону вліянія курсовъ мы находимъ указанія въ нѣсколькихъ отвѣтахъ саратовскихъ учителей. „Большую пользу вижу въ общеніи большаго числа учителей и учительницъ другъ съ другомъ и въ сочувствіи земскихъ дѣятелей и руководителей курсовъ къ школѣ

¹⁾ Этой цѣли служить, между прочимъ, комиссія и совѣщанія съ участіемъ представителей отъ начальныхъ учителей, образованные уже въ нѣкоторыхъ земствахъ; объ этомъ будетъ рѣчь въ концѣ статьи.

и учителю. Видя такое множество людей, отдавших себя деревенской школѣ, видя заботы объ этой школѣ земскихъ дѣятелей, учитель ободряется и уѣзжаетъ въ свою деревню значительно ободренный и освѣщенный“. „Только съ 1897 года, — читаемъ въ другомъ отзывѣ, — учитель Саратовской губерніи взглянулъ на себя, какъ на личность, которая имѣетъ связь съ правительствомъ и земствомъ, и только съ этого времени онъ понялъ, что о немъ заботится просвѣщенный слой Россіи, и это значительно повліяло на подъемъ нравственный его духа“. Разумѣется, мы разобрали лишь немногіе, наиболѣе типичные отвѣты саратовскихъ учителей, но и эти подлинныя и столь разнообразныя отзывы, намъ кажется, краснорѣчиво доказываютъ, какъ высоко цѣнить сами учащіе народныхъ школъ общее значеніе педагогическихъ курсовъ въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія.

Такую же оцѣнку ихъ даютъ и курскіе учителя. „Учителя не находятъ словъ, чтобы выразить свою благодарность по поводу устройства курсовъ и выяснить ихъ значеніе для себя. Здѣсь они могутъ, по ихъ словамъ, пополнить и освѣжить ихъ знанія, познакомиться съ новыми методами и видѣть примѣненіе ихъ на практикѣ, оцѣнить свои силы путемъ сравненія себя съ товарищами, разбраться въ своемъ преподаваніи, понять и исправить свои недостатки. А общеніе съ товарищами, рѣчи и бесѣды руководителей, теплое отношеніе къ учителямъ ихъ и представителѣй земства поднимаютъ духъ учителей, пробуждаютъ нравственныя силы, помогаютъ переносить подчасъ тяжелую дѣятельность“¹⁾.

2) Далѣе въ программѣ слѣдуетъ вопросъ: „находите ли полезными бесѣды и практическіе примѣрные уроки руководителей по русскому яз. и ариметикѣ? Если нѣтъ, то почему?“ Изъ лицъ, отвѣты которыхъ вполнѣ признаютъ пользу бесѣдъ и примѣрныхъ уроковъ руководителей, нѣкоторые считаютъ не только полезными, но и „необходимыми“, „обязательными“. Двое учащихся даже находятъ, что „если эти предметы бесполезны, то не нужно и курсовъ“, и что въ этихъ-то бесѣдахъ и урокахъ и заключается „душа курсовъ“.

Но громаднѣйшее большинство утвердительныхъ отвѣтовъ (изъ 190 отвѣтовъ 150, т. е. около 80%) ограничивается лаконическимъ признаніемъ пользы этихъ бесѣдъ и уроковъ, безъ всякой мотивировки: „признаю“, „нахожу“, „да“ и т. п., и лишь 38 отвѣта, т. е. 17,4%, изъ этой группы являются обоснованными, впрочемъ, неопредѣленно и чисто-формальнымъ образомъ. Напр., „бесѣды ведутъ къ подробному ознакомленію съ руководствомъ (?), а уроки служатъ лучшимъ примѣромъ и на практикѣ выясняютъ приемъ педагога“, „полезны потому, что русскій яз. и ариметика есть главные предметы начальнаго обученія“ и

¹⁾ „Текущая школ. статистика за 1899—900 г.“, издан. Курск. губ. земства, стр. 108.

т. д. „Такая неопредѣленность формулировки, по нашему мнѣнію,—говорится въ „Обзорѣ“,—свидѣтельствуетъ о слабости впечатлѣнія слушателей. Очевидно, эта часть курсовыхъ занятій не оказываетъ глубокаго вліянія на нихъ, заслоняясь другими сторонами курсовыхъ занятій“ (стр. 77).

Что касается отвѣтовъ условно-утвердительныхъ или же отрицательно относящихся къ данному вопросу, то въ нихъ мы находимъ нѣкоторые существенныя замѣчанія. Нѣсколько отзывовъ находятъ эти бесѣды и уроки полезными только для „начинающихъ“, „для малоопытныхъ“ учителей и учительницъ или для тѣхъ, „которые не получили спеціальнаго образованія“. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ высказывается пожеланіе, чтобы „руководители вносили въ предметы всегда что-либо новое, строго провѣренное, а не ограничивались перечнемъ давно извѣстныхъ методическихъ правилъ и приѣмовъ“. Наконецъ, часть отзывовъ указываетъ на особый характеръ временной начальной школы при курсахъ, а потому и пробныя занятія въ ней мало примѣнны къ сельской школѣ: „школа на курсахъ и сельская школа—вещи, одна на другую совсѣмъ не похожи“. „Руководители—не въ обиду будь имъ сказано—урокъ съ цѣлымъ отдѣленіемъ чело- в. въ 15—20 сводятъ обыкновенно къ уроку съ 3—4 (лучшими, конечно) учениками, что будетъ совершенно ненормально въ обыкновенной школѣ, отъ которой потребуются извѣстные результаты. Пусть руководители проработаютъ за цѣлыя курсы хоть одинъ какой-нибудь отдѣлъ изъ учебнаго предмета, но проработаютъ основательно,—мы увидимъ, сколько времени они на то потратятъ, и сообразимъ, насколько примѣнны ихъ приемы въ деревенской школѣ, да пусть проработаютъ не съ лучшими только учениками, а съ средними (не будемъ ужъ говорить о малоспособныхъ). Въ противномъ случаѣ на курсахъ нельзя будетъ научиться преподаванію; на нихъ только можно будетъ послушать витіеватую рѣчь руководителей, да учителямъ на разборѣ уроковъ немножко развить диалектику“. Въ виду этого нѣкоторые учащіе, признавая нужными бесѣды руководителей, отрицаютъ пользу ихъ уроковъ по русск. яз. и арием. „Бесѣды руководителей нахожу полезными, что же касается до примѣрныхъ уроковъ, то въ нихъ рѣшительно не вижу никакой пользы, ибо каждому изъ насъ нужна *руководящая мысль* (курс. нашъ), а до изобрѣтенія формы передачи ея учащимся каждый учитель давно уже выросъ“. „Бесѣды руководителей по арием. и русск. яз.,—читаю въ другомъ отвѣтѣ,—нахожу полезными, а примѣрные уроки только въ томъ случаѣ, если руководитель хорошо знакомъ *практически* съ сельской народной школой“.

Изъ того же источника, т. е. *искусственнаго* строя начальной школы при курсахъ, отчасти вытекаютъ взгляды, совершенно отрицающіе какую бы то ни было дидактическую роль и за бесѣдами, и за примѣрными уроками руководителей. Полезны ли эти занятія?—„Нѣтъ,—говоритъ одинъ отвѣтъ,—такъ какъ ни

одному учителю не придется примѣнить въ своей школѣ всего видѣннаго и слышаннаго имъ отъ руководителей по рѣзкой разницѣ въ обстановкѣ курсовой школы и школы народной. „Находимъ (бесѣды и уроки руководителей) совершенно бесполезными: по теоріи преподаванія имѣется масса руководствъ, съ которыми каждый учитель имѣетъ возможность ознакомиться непосредственно. Примѣрные уроки поучительны только у рѣдкихъ талантливыхъ руководителей. Но и послѣдніе уступаютъ опытному и съ темпераментомъ учителю: учитель — специалитъ (конечно, умственно развитой), руководитель — дилетантъ (?) Учитель менѣе развитъ умственно, почему, въ большинствѣ случаевъ, узко понимаетъ школьное дѣло. Руководитель поверхностно знакомъ съ практической стороной школьнаго дѣла“...

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что отвѣты на этотъ пунктъ программы въ смыслѣ цѣльности и единодушія оставляютъ желать многого, хотя нѣкоторые изъ нихъ (въ группѣ условно-утвердительныхъ и отрицательныхъ) содержатъ въ себѣ дѣльныя возраженія по поводу существующей постановки этой стороны курсовъ.

3) Четвертый (по порядку) вопросъ программы: „считаете ли вообще необходимыми примѣрные уроки руководителей (и почему)?“—касается той же части курсовыхъ занятій, что и предыдущій пунктъ, выдѣляя лишь роль примѣрныхъ уроковъ. Поэтому коснемся ихъ по возможности короче, дополняя лишь сказанное нами выше. Отвѣты на этотъ вопросъ представляютъ большой интересъ въ виду того важнаго мѣста, какое отводятъ урокамъ руководителей правила о курсахъ.

По своему характеру отзывы учащихся располагаются по слѣд. рубрикамъ:

	Чис. лицъ.	Въ%.
1) Дали отзывы въ положительномъ смыслѣ мотивированные.	132	68,4
2) Дали отвѣты немотивиров.	39	
3) „ „ въ отриц. смыслѣ мотивированные.	10	4,9
4) Дали отвѣты немотивиров.	2	0,8
5) Отвѣты отчасти или условно-положительные.	36	14,4
6) Не отвѣтили.	31	12,4
Итого	250	100

При этомъ надо отмѣтить, что въ первую графу включено не мало отвѣтовъ, которые не могутъ считаться мотивированными въ настоящемъ смыслѣ, заключая въ себѣ тавтологію и неопредѣленную мотивировку. Таковы, напр., отзывы: „Примѣрные уроки руководителей считаю необходимыми, потому что они

„служать образцовыми уроками для учителей“; „считаю необходимыми, потому что руководитель даетъ примѣрный урокъ“, и т. п.

Изъ отзывовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе опредѣленную мотивировку, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего тѣ, въ которыхъ указывается на *опытность* и *авторитетность* въ педагогическомъ дѣлѣ руководителей и возможность узнать отъ нихъ новые методы и приемы преподаванія. „Считаю необходимыми, какъ примѣрные уроки людей уже опытныхъ въ педагогическомъ дѣлѣ“. „Считаю (примѣрные уроки) полезными, такъ какъ земствомъ приглашаются въ руководители извѣстные педагоги, не ремесленники-методисты, но люди, широко смотрящіе на дѣло воспитанія и обученія“.—„Необходимы потому,—говорится еще въ одномъ отзывѣ,—что многіе изъ начинающихъ учителей и учительницъ, хотя и взялись за дѣло преподаванія, но не имѣютъ о немъ понятія, и имъ приходится бродить впотьмахъ, тогда какъ эти уроки указываютъ, какъ именно надо вести дѣло преподаванія“. Объ этомъ „усовершенствованіи въ приемахъ“ и возможности узнать, какъ примѣнять на дѣлѣ тѣ или другія отвлеченныя педагогическія положенія—трактуеть большая часть отзывовъ первой категоріи. „Видя, какъ ведетъ дѣло руководитель, и самъ стараешься у себя въ школѣ дѣло поставить такъ же“.—вотъ краткая формулировка основной мысли этой группы отвѣтовъ въ одномъ изъ нихъ. Въ нѣсколькихъ отзывахъ урокамъ этимъ отводится довольно видная роль въ виду „преимуществъ живой рѣчи передъ книгой“.

Вотъ наиболѣе типичные изъ отзывовъ, безусловно благоприятныхъ для уроковъ руководителей.

Перейдемъ теперь къ отвѣтамъ, признающимъ пользу ихъ лишь *условно* или отчасти. Большинство ихъ считаетъ уроки руководителей полезными *только для начинающихъ* или не имѣющихъ достаточной педагогической подготовки учителей и учительницъ, считая, повидимому, ихъ слишкомъ элементарными для учащихся со среднимъ уровнемъ умственного развитія и педагогической опытности. Другіе изъ учащихся неизрѣмное условіе плодотворности этихъ занятій видятъ въ обязательной *образцовости*¹⁾ уроковъ и *самомъ близкомъ знакомствѣ* руководителя съ жизненными нуждами и требованіями начальной школы. „Необходимыми не считаю, но нахожу полезными, если руководитель—*хорошій практикъ* въ начальномъ преподаваніи и обученіи“—вотъ образецъ подобныхъ отзывовъ.

Близко къ нимъ подходятъ такіе отвѣты, авторы которыхъ считаютъ примѣрные уроки мало примѣнными къ условіямъ *настоящей* народной школы, а не курсовой, „образцовой“. Напр.: „необходимыми уроки руководителей не считаю, такъ какъ они мало примѣнны на практикѣ. Такъ, напр., во многихъ школахъ не только нѣтъ наглядныхъ пособій (которыми приходится поль-

¹⁾ Курс. нашъ.

зоваться только на курсах), но даже недостает учебниковъ и учебныхъ пособій“.

Выше мы приводили нѣкоторые отзывы объ искусственности курсовой школы. Въ отвѣтахъ на 4-ый пунктъ программы мы опять встрѣчаемъ подобнаго рода указанія. Нѣкоторые учащіе высказываютъ даже пожеланіе, чтобы курсы устраивались въ селѣ: „Желательно было бы устраивать курсы въ селѣ и давать уроки крестьянскимъ дѣтямъ, а не городскимъ“. Нѣкоторые, наконецъ, признаютъ эти уроки полезными, но только въ маломъ количествѣ, „не въ продолженіе всѣхъ курсовыхъ занятій“, отводя, очевидно, слишкомъ малую роль этимъ урокамъ въ общей системѣ курсовыхъ занятій.

Перейдемъ теперь къ категоріи отвѣтовъ отрицательныхъ. 4 отвѣта высказываются противъ уроковъ руководителей, считая ихъ бесѣды болѣе вѣрнымъ средствомъ къ приобрѣтенію педагогическихъ знаній и выработкѣ приѣмовъ преподаванія. Другіе отрицаютъ пользу уроковъ по непримѣнности ихъ результатовъ въ сельской школѣ. „Не считаю (необходимыми), потому что такіе уроки непримѣнимы въ нашихъ школахъ за недостаткомъ учебнаго времени, когда приходится ограничиваться 120 днями“. Одинъ изъ отвѣтившихъ отрицаетъ ихъ пользу потому, что „народная школа менѣе всего имѣетъ нужду въ методахъ, да и было бы печально предлагать *всѣмъ* какой бы то ни было шаблонъ за примѣрный“.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, отвѣты на этотъ пунктъ программы по своему характеру и содержанію вполне сходны съ отзывами по поводу предыдущаго (3) пункта. Нельзя, однако, оставить безъ вниманія того, что отвѣты отрицательные и условно-положительные, критически относящіеся къ примѣрнымъ урокамъ руководителей, составляютъ въ суммѣ довольно значительный %: 48 изъ 250, т. е. почти $\frac{1}{5}$ всѣхъ отзывовъ ¹⁾

4) Пятый пунктъ программы спрашиваетъ: „признаете ли полезными и желательными примѣрные уроки курсистовъ (товарищей)?“. Эти уроки въ теченіе курсовъ отнимаютъ много времени, доставляя курсистамъ массу хлопотъ по подготовкѣ и волненій при ихъ исполненіи. Поэтому чрезвычайно важно выяснить, какое значеніе уроки эти имѣютъ для учащихся, и приносятъ ли они имъ пользу?

Изъ 29 лицъ, высказавшихся за примѣрные уроки и давшихъ нѣкоторую мотивировку своего взгляда, одна учительница одобряетъ ихъ потому, что „при разборѣ ихъ можно много затронуть интересныхъ сторонъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ“, но не указываетъ, какія именно и какимъ образомъ. Другой учащій

¹⁾ Приходится пожалѣть, что въ саратовской программѣ не былъ поставленъ отдѣльный вопросъ: „что считаютъ учащіе болѣе полезнымъ: бесѣды руководителей по русск. яз. и арнем., или ихъ примѣрные уроки?“. Несомнѣнно, въ такомъ случаѣ эта важная сторона курсовыхъ занятій явилась бы предъ нами въ болѣе яркомъ освѣщеніи.

цѣнить въ этихъ урокахъ то, что на нихъ „видно, насколько хорошо ведется преподаваніе другими учителями“, но вслѣдъ за тѣмъ дѣлаетъ оговорку: „хотя, впрочемъ, уроки, проведенные на курсахъ, всегда должны быть лучше, чѣмъ въ школахъ, въ силу, конечно, различныхъ условій“. Нѣсколько лицъ (7 изъ указанныхъ 29 чел.) находятъ возможнымъ получить изъ уроковъ товарищей новыя методологическія свѣдѣнія, „лучше усвоить систему преподаванія“, и потому высказываются за эти уроки. „Уроки курсистовъ, по словамъ одного отвѣта, даютъ матеріалъ для критическаго разбора тѣхъ или другихъ приѣмовъ“.

Надежда на ознакомленіе съ методологическими вопросами преподаванія и основывается, главнымъ образомъ, на *данныхъ* разбора уроковъ, а не на самыхъ примѣрныхъ урокахъ курсистовъ, которые большинствомъ признаются далеко не примѣрными и образцовыми.

Любопытно замѣтить, что нѣкоторые отвѣты этой группы какъ разъ потому и находятъ эти уроки полезными и желательными, что въ нихъ проявляются одни недостатки... „Они (уроки курсистовъ) помогаютъ дать (?) понятіе о правильномъ урокѣ путемъ разбора урока“. „Уроки товарищей полезны и желательны: каждому самому трудно видѣть свои ошибки преподаванія, а слушающіе товарищи ихъ замѣтятъ и помогутъ на будущее время избѣжать“. (Этотъ отзывъ данъ учительницей, ни разу не посѣщавшей курсовъ и уроковъ, слѣд., судящей а priori). Подобный же отзывъ данъ и другой учительницей, также не бывшей на курсахъ.

Вотъ образцы отвѣтовъ этой категоріи. Два лица видятъ въ урокахъ товарищей одну образцовость (?), за что и цѣнятъ ихъ. Наконецъ, нѣкоторые цѣнятъ эти уроки и за ихъ достоинства, и за недостатки. „Нахожу полезными и желательными, такъ какъ на нѣкоторыхъ видны ошибки преподавателя, что очень полезно для избѣжанія оныхъ, а хорошіе уроки служатъ образцомъ“.

„Болѣе послѣдовательны и согласны между собою въ общей оцѣнкѣ этихъ уроковъ, по словамъ „Обзора“ (стр. 87), „условно-положительные отвѣты“. „Но разнообразіе мотивовъ въ нихъ такъ-же велико, хотя и не доходитъ до такой противоположности одного отвѣта другому“. Поэтому изъ нихъ можно сдѣлать опредѣленный выводъ относительно вліянія этой стороны курсовъ на довольно значительную (26%) часть слушателей. Одни изъ нихъ безъ всякихъ разъясненій относятъ уроки курсистовъ въ разрядъ малополезныхъ или допускаютъ самое ограниченное ихъ число; другіе существенный недостатокъ ихъ видятъ въ неестественности, искусственной обстановкѣ курсовой школы, въ неудачно подражательномъ характерѣ по отношенію къ урокамъ и бесѣдамъ руководителей или въ неискренности приѣмовъ и поведенія курсиста, дающаго урокъ. (Въ дальнѣйшемъ изложеніи изъ самыхъ отвѣтовъ учащихся мы увидимъ причины этихъ недостатковъ). Иные считаютъ полезными только на *самомъ дѣлѣ* образцовые

уроки учителей, опытных въ педагогическомъ дѣлѣ или менѣе другихъ стѣсняющихся въ непривычной обстановкѣ при веденіи урока. Значительная часть учащихъ, давшихъ условно-положительные отзывы, считаетъ эти уроки полезными только въ томъ случаѣ, если они даются *по собственной волѣ* курсиста и по излюбленнымъ его приемамъ, и если они сопровождаются разборомъ, при *полной свободѣ обсуждения*. Многие изъ отвѣтовъ совмѣщаютъ въ себѣ нѣсколько такихъ мыслей, что дѣлаютъ ихъ еще болѣе рельефными и доказательными. Всю эту группу отвѣвовъ можно раздѣлить на слѣд. подгруппы:

А. Немотивированные, (11 отвѣтовъ). Напр. „особенной пользы въ примѣрныхъ урокахъ курсистовъ не вижу“; „желательно, чтобы примѣрныхъ уроковъ курсистовъ было по возможности меньше, а вмѣсто нихъ больше бесѣдъ руководителей“.

В. Полезны только уроки образцовые, проводимые наиболѣе опытными и умѣлыми учителями; уроки же новичковъ и неопытныхъ бесполезны (20 отвѣтовъ). Беремъ изъ нихъ наиболѣе содержательные. „Уроки курсистовъ желательны,—только опытныхъ, могущихъ внести что-либо свое, приобретенное многолѣтней практикой. Уроки же новичковъ ничего не приносятъ: практикантъ волнуется, смотритъ на товарищей, какъ на судей, и изъ практическаго поучительнаго урока получается экзэмень, дѣлаемый одному въ присутствіи 200 неизвѣстныхъ лицъ“.—„Если урокъ хорошо проработанъ съ руководителемъ или съ умѣлыми товарищами—хорошо обдуманый и обработанный урокъ желателенъ, но плохо проработанный урокъ, которыхъ было много на прошлыхъ курсахъ (1900 г.), очень нежелателенъ; онъ только вреденъ ученикамъ, да и вообще на курсахъ учениковъ не учатъ, а мучатъ“.

С. Примѣрные уроки курсистовъ полезны, если они обязательно сопровождаются критическимъ разборомъ или образцовыми уроками руководителя (4 отвѣта). „Такъ какъ многие изъ уроковъ товарищей будутъ отличаться недостатками, на которыхъ выучиться преподаванію нельзя, то, по моему мнѣнію, уроки товарищей можно допустить только съ тѣмъ условіемъ, чтобы вслѣдъ за уроками слѣдовали образцовые уроки руководителей на ту же тему, съ устраненіемъ допущенныхъ недостатковъ. Черезъ это учителя наглядно увидятъ недостатки товарищей и указания, какъ избѣжать ихъ“. Вотъ наиболѣе типичный изъ такихъ отвѣтовъ.

Д. Полезны уроки только тѣхъ курсистовъ, которые сами изъявили желаніе дать ихъ и по своему методу, а не по предписанію наблюдателя курсовъ, и которые умѣютъ не теряться въ непривычной обстановкѣ, точно также необходимо, чтобы учитель, давая примѣрный урокъ, придерживался своихъ обычныхъ приемовъ и педагогическихъ воззрѣній, а не настраивалъ себя искусственно подъ типъ того или другого руководителя;

при несоблюденіи этихъ условій уроки курсистовъ нежелательны (въ такомъ родѣ 23 отвѣта).

Вотъ нѣкоторые образцы:

„Примѣрные уроки курсистовъ также желательны, но только не по принужденію, а по желанію“. „Примѣрные уроки курсистовъ, конечно, весьма желательны, но они, по моему мнѣнію, могутъ быть полезными только въ томъ случаѣ, когда будутъ вестись по личному желанію курсистовъ¹⁾, а не по назначенію наблюдателя курсовъ. Мнѣ, напр., извѣстно, что на курсахъ нѣкоторые изъ курсистовъ, извѣстные своей многолѣтней практикой и успѣшно ведущіе дѣло въ своихъ школахъ, дали примѣрные уроки на курсахъ очень слабо, и даже одинъ изъ нихъ не рѣшился явиться на разборъ своего урока: очевидно, что не всѣ опытные учителя могутъ быть опытными ораторами при многочисленной публикѣ и въ особенности въ присутствіи начальства“. „Да, если эти уроки будутъ даваться по желанію своихъ товарищей-учителей, по ихъ планамъ и безъ всякаго контроля со стороны руководителей. Желательно, чтобы эти учителя, выразившіе желаніе давать урокъ, накануне урока сказали бы свой планъ урока и его цѣль. Разборъ такихъ уроковъ долженъ вестись не иначе, какъ въ этотъ же день; при чемъ курсисты дѣлають замѣчанія, затѣмъ всѣ эти замѣчанія резюмируются руководителемъ. Если эта оцѣнка не удовлетворитъ учителя,—предоставить ему право возражать руководителю, доказать справедливость своихъ пріемовъ“. „Примѣрные уроки курсистовъ-товарищей полезны, но стоятъ (состоять?) единственно въ подражаніи руководителямъ; что-либо свое курсистъ къ уроку прибавить стѣсняется и можетъ случиться, что курсистъ, давая урокъ, отъ не привычки владѣть собой въ многолюдной средѣ, равной и неравной ему, надѣбляетъ много неточностей, даже и въ подражаніи, а потому полезны они въ томъ случаѣ, если курсистъ, не стѣсняясь, изъявитъ желаніе дать урокъ по извѣстному предмету“. Полагаемъ, что всѣхъ приведенныхъ выше примѣровъ вполне достаточно для характеристики этой группы — условно-положительныхъ отвѣтовъ.

Обратимся теперь къ послѣдней группѣ отвѣтовъ,—отрицательно относящихся къ урокамъ курсистовъ; они составляютъ значительную часть (84,8%) отвѣтовъ на данный пунктъ программы. Большинство отвѣтовъ указываетъ на *искусственность и непристѣчность обстановки*, въ которой приходится давать уроки, какъ на главную причину, лишающую ихъ всякаго пракческаго значенія. На это обстоятельство указывается, какъ мы уже видѣли, и въ условно-положительныхъ отвѣтахъ, но въ отрицательныхъ оно выясняется болѣе рельефно. Приведемъ нѣсколько наиболее важныхъ. „Напротивъ: примѣрные уроки курсистовъ я не

¹⁾ Въ такомъ же духѣ высказывается и Н. Ф. Бунаковъ въ статьѣ „Какъ я сталъ и пересталъ быть учителемъ учителей“ въ „Образованіи“, авг. 1903 г., стр. 55.

признаю полезными и достигающими цѣли. Огромная аудиторія... Сотни устремленныхъ глазъ... руки и ноги трясутся... во рту сохнетъ, холодный потъ прошибаетъ... Какой ужъ тутъ примѣрный урокъ, — мученье только одно!“ „Уроки товарищей, — читаемъ въ другомъ отзвѣтѣ, — были бы полезны, если бы товарищи, дающіе уроки, обладали такимъ опытомъ, который давалъ бы слушающимъ курсистамъ что-либо новое. Прошлые же уроки (1900 г.) показали, что товарищи новаго ничего не могутъ, что товарищи показываютъ, *какъ не слѣдуетъ вести урокъ*, а потому уроки товарищей не только не полезны, но даже *вредны* (курс. нашъ): товарищъ, давшій урокъ, хвораетъ цѣлую недѣлю отъ волненія, а курсисты теряютъ напрасно время на прослушиваніе урока, да на разборъ его, а на это требуется 2 часа!“ Слишкомъ неблагоприятнымъ для уроковъ курсистовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ учащихся, является и *обязательный* ихъ характеръ. „При необычайной обстановкѣ, по данному въ руки аршину, и при связанности конспектомъ, въ рамкахъ котораго долженъ держаться учитель, эти уроки положительно не даютъ никакого понятія и освѣщенія работоспособности учителя и положенія дѣла въ его школѣ“.

Кромѣ этой обязательности, сильно вліяетъ на характеръ уроковъ также вольное или невольное стремленіе учителя, дающаго примѣрный урокъ, подавляя свою индивидуальность, подражать во всемъ руководителю, да и его приемы онъ схватываетъ налету, не успѣваетъ ихъ проработать, что только портитъ урокъ. „Уроки курсистовъ пользы никакой не приносятъ, а только отнимаютъ время; всѣ эти уроки въ большинствѣ случаевъ (почти всѣ) подражаніе, копировка руководителя, и иногда весьма плохая. Лучше смотрѣть оригиналъ, чѣмъ копію, да еще плохую; да, кромѣ того, уроки товарищей мы можемъ видѣть въ близкихъ школахъ“.

Далѣе, нѣсколько человекъ указываютъ на недостаточную теоретическую подготовку курсистовъ къ тому, чтобы дать дѣйствительно примѣрный урокъ. „Уроки курсистовъ совсѣмъ нежелательны, такъ какъ большинство курсистовъ не настолько обладаетъ педагогической опытностью, чтобы дать примѣръ своимъ товарищамъ, прибывшимъ на курсы слушать уроки извѣстныхъ педагоговъ“. Поэтому нѣкоторые предлагаютъ замѣнить уроки курсистовъ бесѣдами и уроками руководителей или занятіями по общеобразовательнымъ предметамъ. Наконецъ, въ одномъ отзвѣтѣ, который мы приводили выше, говорится о необходимости для учителя общихъ *руководящихъ идей*, а форму передачи знаній учащимся онъ и самъ выработаетъ...

Въ такомъ же духѣ высказываются и курскіе учителя. „Принимая во вниманіе“, — читаемъ далѣе въ курскомъ сборникѣ, — „что многіе учителя жалуются на утомленіе и на черезчуръ короткіе промежутки между занятіями, можно было бы, казалось,

на будущее время нѣсколько сократить число этихъ уроковъ безъ особаго ущерба для дѣла“¹⁾.

Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію саратовскаго „Обзора“ (стр. 94),—„если говорить о примѣрныхъ урокахъ курсистовъ въ настоящей формѣ ихъ организаціи, то принципиальной разницы между условными и отрицательными отвѣтами въ большинствѣ случаевъ не окажется, такъ какъ большая часть условныхъ отвѣтовъ считаетъ настоящую постановку этихъ уроковъ тоже очень неудовлетворительною. Значить, число отзывовъ, безусловно отрицательно относящихся къ *современной* постановкѣ примѣрныхъ уроковъ курсистовъ (87), придется увеличить почти на всю сумму (65) отвѣтовъ, которые мы назвали „условными“, и тогда число всѣхъ отрицательныхъ отзывовъ опредѣлится въ 130—140, т. е. болѣе половины общаго числа всѣхъ отвѣтовъ“. При этомъ надо замѣтить, что весьма многіе изъ условныхъ и отрицательныхъ отвѣтовъ являются отвѣтами не формальнаго характера, а наиболѣе обоснованными и вдумчивыми изъ всѣхъ данныхъ на этотъ пунктъ программы отвѣтовъ.

5) Слѣдующій пунктъ ея формулированъ такъ: „считаете ли полезными общеобразовательные предметы на курсахъ — (почему?)“ Какъ извѣстно, эти предметы, по правиламъ 1875 г. о курсахъ, не считаются обязательными, а только *допускаются*. Съ 1899 г. Саратовское земство ввело ихъ въ видѣ опыта въ курсовыя занятія. Въ теченіе 1899—1901 гг. изъ необязательныхъ предметовъ на курсахъ въ Саратовѣ читались: міровѣдѣніе, психологія, гигиена, географія и этнографія, педагогика и новѣйшая русская литература.

Въ настоящее время введеніе общеобразовательныхъ предметовъ въ систему курсовыхъ занятій практикуется (или предполагается) во многихъ земствахъ, и среди учащихся также замѣтенъ къ нимъ усиленный интересъ. Подобное явленіе замѣчаемъ мы не въ одной Саратовской губ. Чѣмъ, напр., какъ не этой жаждой общеобразовательныхъ знаній, желаніемъ освѣжиться въ атмосферѣ научной мысли, можно объяснить сильный наплывъ слушателей на учительскіе курсы въ Павловскѣ въ 1901 г. (чисто-общеобразовательные). Тутъ были, кромѣ учителей С.-Петербургской и другихъ сѣверныхъ губерній, и учащіе изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ нашей родины, напр., изъ Кубанской области (2) и даже изъ Иркутской губ. (1 чел.)!²⁾ На запросъ новгородскаго губернскаго земства, которое живо интересовалось павловскими курсами и вообще вопросомъ о введеніи общеобразовательныхъ предметовъ въ программу занятій на своихъ курсахъ,—25 учителей новгородскихъ земскихъ школъ, бывшіе на

¹⁾ См. указ. сборн. „Текущ. школ. статист. за 1899—1900 г.“, стр. 109.

²⁾ Они были командированы туда на земскій счетъ.

павловскихъ курсахъ ¹⁾, высказали пожеланіе, чтобы курсы съ общеобразовательными предметами устраивались и въ Новгородѣ, и составили примѣрный перечень этихъ предметовъ (см. о немъ ниже).

Въ общемъ, всѣ они остались весьма довольны павловскими курсами, а нѣкоторые прямо съ восторгомъ отзываются о нихъ и ходатайствуютъ о вторичной командировкѣ на счетъ земства въ Павловскъ въ 1902 году. Въ 1897 г. на учительскихъ курсахъ въ Тамбовѣ учащіе земскихъ школъ также выразили пожеланіе, „чтобы Тамбовское земство почаще устраивало періодическіе курсы для учителей и учительницъ, и чтобы въ составъ ихъ занятій входило общеобразовательное чтеніе по предметамъ, имѣющимъ отношеніе къ учебно-воспитательному дѣлу“ Такое же пожеланіе высказано было многими изъ тамбовскихъ земскихъ учителей и учительницъ въ 1899 и 1901 гг. и курскими учащими на запросъ губ. управы ²⁾. Такимъ образомъ, усиленный, самый живой интересъ къ общеобразовательнымъ предметамъ среди народныхъ учителей — явленіе общераспространенное на нашей родинѣ. Конечно, и Саратовское губернское земство сочло нужнымъ узнать по этому вопросу мотивированное мнѣніе самихъ учащихся.

Какъ видно изъ таблицы, помѣщенной въ „Обзорѣ“, громадное большинство (85,6%) отзывовъ безусловно признаютъ пользу общеобразовательныхъ предметовъ на курсахъ, а если присоединить къ нимъ еще 9 условно-положительныхъ отвѣтовъ, принципиально согласныхъ съ ними, то число отзывовъ въ пользу общеобразовательныхъ предметовъ достигнетъ 89,5% общаго ихъ числа. Важно еще отмѣтить, что отрицаютъ пользу общеобразовательныхъ предметовъ всего только *два* отвѣта, а это само по себѣ очень характерно ³⁾. Приводимъ ихъ цѣликомъ. „Нахожу не нужными, такъ какъ общеобразовательные предметы достигаются изъ чтенія книгъ“. „Всѣ четыре года я посѣщаль курсы на собственные деньги, воихъ на весь срокъ не хватало, и приходилось уѣзжать раньше, чѣмъ начинались лекціи по общеобразовательнымъ предметамъ, а посему говорить о нихъ ничего не могу. Правда, я знакомъ съ ними по „Сборнику бесѣдъ“, который губернская земская управа разослала по земскимъ школамъ, и думаю, что всякій учитель при извѣстномъ желаніи саморазвитія можетъ почерпнуть то же самое изъ другихъ болѣе систематически изложенныхъ руководствъ. Слѣдовательно, со стороны учителя нужно стремленіе къ развитію, а удовлетворить его можно тѣмъ или другимъ способомъ, лишь были бы на то средства“.

¹⁾ См. Докладъ Новгород. губ. земск. управы, стр. 22.

²⁾ См. „Текущ. школ. статист. за 1899—1900 г.“, стр. 110 (изд. Курск. губ. земства).

³⁾ При этомъ, какъ увидимъ ниже, одинъ изъ давшихъ отрицательный отзывъ ни разу не слушалъ лекцій на курсахъ по общеобразов. предметамъ.

Изъ условныхъ отвѣтовъ большинство, признавая принципиально общеобразовательные предметы желательными на курсахъ, недовольны ихъ современной постановкой. Одни указываютъ на то, что имъ отводится на курсахъ недостаточно времени: „если общеобразовательные предметы по недостатку времени будутъ проходиться въ такихъ же размѣрахъ и сжатой формѣ, какъ въ 1900 г., то не могутъ быть полезными“. Три отвѣта приписываютъ вообще этимъ предметамъ мало значенія: „хотя они и полезны, но слишкомъ много отнимаютъ у насъ на курсахъ времени, необходимаго для приобрѣтенія болѣе нужныхъ свѣдѣній по преподаванію“, „могутъ быть полезными для лицъ, мало подготовленныхъ, а не для всѣхъ“.

10 учащихся дали отвѣты, въ которыхъ указывается польза общеобразовательныхъ предметовъ на курсахъ съ узко-педагогической точки зрѣнія. Вотъ наиболее рельефный изъ подобныхъ отзывовъ. „Такъ какъ начальная школа воспитываетъ дѣтей крестьянъ, и учителю часто приходится отвѣчать на вопросы учениковъ, то общеобразовательные предметы — міровѣдѣніе, гигиена, медицина (?) и проч.—хоть сколько-нибудь должны быть извѣстны учителю, чтобы умѣть дать отвѣты на вопросы учениковъ и тѣмъ самымъ дать имъ хоть самыя элементарныя понятія по интересующимъ ихъ предметамъ“. Въ такомъ же родѣ и другіе отзывы этой категоріи.

Но наибольшій интересъ и содержательность представляютъ отзывы послѣдней группы—самыя многочисленные (60% всего числа), въ которыхъ приводятся мотивы *общаго* характера. Очень многіе изъ этихъ отзывовъ указываютъ просто на то, что лекціи по общеобразовательнымъ предметамъ даютъ учащимъ новыя свѣдѣнія или же возобновляютъ въ ихъ памяти старыя и вообще *освежаютъ запасъ ихъ знаній*, но ничего не говорятъ о ихъ вліяніи на психику слушателей, очевидно, потому, что такое вліяніе считается понятнымъ само-собою. Нѣсколько отвѣтовъ указываютъ на пользу общеобразовательныхъ чтеній *для занятій въ школѣ*: „чтобы учитель могъ больше дать знаній ученикамъ, ему необходимо пополнять и свои собственныя знанія, чего онъ отчасти и достигаетъ, прослушавъ лекціи по нѣкоторымъ общеобразовательнымъ предметамъ“. — „Общеобразовательные предметы пополняютъ знанія, а безъ серьезнаго знанія невозможно составить простого, понятнаго и правильнаго объясненія какого-либо предмета“. При этомъ въ массѣ отвѣтовъ подмѣчена и рельефно выяснена еще одна важная черта значенія общеобразовательныхъ предметовъ на курсахъ, зависящая отъ условій жизни сельскаго учителя. Приведемъ нѣсколько наиболее характерныхъ отзывовъ. „Общеобразовательные предметы также полезны и необходимы на курсахъ, такъ какъ они расширяютъ познанія учителя или же восстанавливаютъ въ памяти эти познанія. Деревня лишаетъ почти возможности пользоваться хорошими и полезными книгами; въ этомъ случаѣ общеобразова-

тольшие предметы и были бы полезны учителю“. „Несомненно, полезны,—читаемъ въ другомъ отзывѣ,—потому что большинство учителей получило лишь низшее образование, а работать при такихъ условіяхъ, чтобы пополнить свое образование, не представляется возможности, а иногда деревенская жизнь и совсѣмъ убиваетъ охоту къ самообразованію“. „Считаю необходимыми, потому что они пополняютъ знанія учителя. Зимой учитель имѣетъ мало свободнаго времени для чтенія; да часто не имѣетъ и средствъ, чтобы выписывать журналы и книги“.

Въ виду такихъ неблагоприятныхъ условій жизни народнаго учителя двѣ учительницы въ своихъ отзывахъ высказываютъ еще пожеланія „имѣть больше учительскихъ библиотекъ въ уѣздѣ, чтобы предоставить учащимъ возможность самимъ слѣдить за современнымъ состояніемъ педагогическаго дѣла и пользоваться указаніями современной педагогической литературы“.

Громадное большинство положительныхъ отзывовъ (105 изъ 152) дѣляютъ общеобразовательные предметы на курсахъ за то, что они сильно содѣйствуютъ *общему повышенію умственнаго развитія учащихся* (помимо обогащенія познаніями), что имѣетъ не только не меньшее, но, по мнѣнію многихъ учащихся, даже большее значеніе для педагогическаго дѣла, чѣмъ приобрѣтеніе специально-педагогическихъ навыковъ на этихъ же курсахъ. Приведемъ наиболѣе характерные изъ отзывовъ этой категоріи. „Это самая желательная сторона курсовъ и, если бы можно было, слѣдовало бы программу общеобразовательныхъ предметовъ систематически разграничить на нѣсколько лѣтъ.“ „Курсы должны быть не только педагогическими, но и общеобразовательными“,—читаемъ въ другомъ отзывѣ,— „такъ какъ для учителя недостаточно быть только хорошимъ педагогомъ, нужно еще обладать общими свѣдѣніями и развитіемъ. Кромѣ того, дѣло учительское усложняется, школьныя программы увеличиваются; слѣд., отъ учителя требуется все больше разностороннихъ свѣдѣній, чтобы быть въ курсѣ дѣла“. „Общеобразовательные предметы необходимы на курсахъ, такъ какъ каждый общеобразовательный предметъ имѣетъ свою просвѣтительную область, но всѣ они, вмѣстѣ взятые, ведутъ къ одной общей цѣли—къ воспитанію въ человѣкѣ *человѣка*“.

Одинъ изъ отзывовъ мотивируетъ безусловную пользу и необходимость общеобразовательныхъ предметовъ на курсахъ *непривычкой* большинства изъ учителей *самостоятельно и систематически пополнять свое образование*. Кромѣ того, „ни одинъ учитель не въ состояніи обставить себя такъ хорошо наглядными пособиями, безъ которыхъ изученіе еще болѣе затрудняется“, тогда какъ на организованныхъ земствомъ курсахъ бесѣды и практическіе уроки по естествовѣдѣнію прекрасно демонстрировались наглядными пособиями и опытами, „а безъ этой демонстраціи“,—говорить далѣе учитель въ своемъ отзывѣ,—„я буду знать предметъ только вполонину“.

Самый вопрос о томъ, полезны ли общеобразовательные предметы на курсахъ и почему,—представляется нѣкоторымъ изъ учащихся страннымъ и даже, пожалуй, оскорбительнымъ: настолько для нихъ очевидна польза этихъ предметовъ. „Мы не только ремесленники“,—пишетъ одинъ,—„и ничто человѣческое намъ не чуждо. Чтеніе для народа, напр., по исторіи, полезно, поднимаетъ интересы народа, а относительно общеобразовательныхъ предметовъ для учителей задается вопросъ: „почему?..“

Многіе отвѣты указываютъ, кромѣ того, на особую важность и необходимость общеобразовательныхъ предметовъ для учителя. Во всѣхъ этихъ отзывахъ ярко просвѣчиваетъ прекрасная мысль, высказанная въ одномъ изъ нихъ, что *„только разносторонне образованный человекъ можетъ быть хорошимъ воспитателемъ“* (курс. нашъ). „Да, общеобразовательные предметы—самое главное (курс. нашъ) на курсахъ“,—говоритъ авторъ другого отзыва. „Учителю денно и ношно слѣдуетъ учиться и учиться, такъ какъ народной школѣ да и вообще сельской жизни нужны образованные люди, а не искусники только“. Такихъ отзывовъ довольно много. Симпатичную черту ихъ, несомнѣнно, составляетъ вдумчивое отношеніе къ своему дѣлу, широкій взглядъ на его задачи, въ силу котораго учащіе настойчиво подчеркиваютъ мысль, что „учитель долженъ прогрессировать вмѣстѣ съ жизнью“, что сельская школа и жизнь нуждаются въ *разносторонне образованныхъ учителейхъ*, а не въ „шаблонныхъ мастерахъ“ школьнаго дѣла. Это сознаніе среди самихъ учащихся весьма дорого для правильного веденія учебно-воспитательнаго дѣла въ сельской школѣ, и нашимъ земствамъ слѣдуетъ устройствомъ общеобразовательныхъ курсовъ еще болѣе развивать это убѣжденіе и содѣйствовать расширенію умственнаго кругозора учащихся и распространенію въ ихъ средѣ возможно болѣе широкаго пониманія своихъ задачъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести еще рядъ подобныхъ же отзывовъ, но думаемъ, что и указанныхъ достаточно для выясненія отношенія учащихся къ общеобразовательнымъ предметамъ; желающихъ же детальнѣе ознакомиться отсылаемъ къ самому „Обзору“. Несомнѣнно, что введеніе общеобразовательныхъ предметовъ въ кругъ курсовыхъ занятій отвѣчаетъ назрѣвшимъ, самымъ сильнымъ запросамъ учащихся и, если можно такъ выразиться, затронуло въ ихъ внутреннемъ мірѣ самую чувствительную струну; это ясно отражается въ массѣ отвѣтовъ. „Приглядываясь и вдумываясь въ нихъ,—справедливо говорить „Обзоръ“¹⁾,—легко замѣтить рѣзкую разницу между ними и отвѣтами по поводу *обязательныхъ* (курс. нашъ) курсовыхъ предметовъ. Тамъ, какъ мы видѣли выше, отвѣты по преимуществу формальнаго характера, а здѣсь же они въ большинствѣ случаевъ отличаются живостью мысли, свидѣтельствуютъ о цѣль-

1) Стр. 105.

ности впечатлѣній отъ этой части курсовыхъ занятій, о вдумчивости и наблюдательности авторовъ.

6) Мы видѣли, съ какимъ единодушiемъ и искреннимъ сочувствiемъ относятся учащiе Саратовской и друг. губерній къ вопросу о введенiи общеобразовательныхъ предметовъ въ кругъ курсовыхъ занятій. Но для практическаго рѣшенiя этого вопроса необходимо выяснитъ еще одно очень важное обстоятельство: *какiе* именно изъ общеобразовательныхъ предметовъ учащiе считаютъ полезнымъ прослушать на курсахъ? Поэтому такой вопросъ былъ также включенъ въ программу Саратовскимъ губерн. земствомъ; при чемъ саратовскими учащими было дано на него 385 отвѣтовъ. Изъ нихъ видно, что наибольшiй спросъ предъявляется на слѣд. предметы: естествовѣдѣнiе и мировѣдѣнiе (93 требованiя), исторiю литературы (72), затѣмъ—анатомiю, физиологiю и психологiю (63). Значительно меньше спросъ на гигиену (39) и исторiю—всеобщую и русскую (26). Послѣднiя мѣста занимаютъ философiя и логика (19 требованiй), общественно-юридическiя и экономическiя науки (18), педагогика и педагогич. литература (17), географiя (11) и математика съ астрономiей и космографiей (6). Сравнительно небольшой спросъ на педагогичку и педагогическую литературу „Обзоръ“ объясняетъ тѣмъ, что этотъ предметъ до 1901 года не читался на курсахъ въ Саратовѣ. На нашъ взглядъ, быть можетъ, въ данномъ случаѣ еще болѣе важную роль играетъ то обстоятельство, что современный народный учитель нуждается не столько въ методическихъ указанiяхъ, сколько въ широкой общеобразовательной подготовкѣ (выше мы приводили мнѣнiе такого авторитета, какъ Н. Ф. Бунаковъ).

Въ отвѣтъ группы новгородскихъ учителей на запросъ Новгородской губ. управы о желательныхъ общеобразовательныхъ предметахъ на курсахъ центръ тяжести, какъ сейчасъ увидимъ, перенесенъ на другую серiю предметовъ. По ихъ мнѣнiю, лекцiи желательны по слѣд. предметамъ:

- 1) Исторiя главнѣйшихъ религiй.
- 2) Русская исторiя 18 и 19 вѣк.
- 3) Средняя и новая русская литература.
- 4) Исторiя педагогики.
- 5) Практическая медицина.
- 6) Свѣдѣнiя изъ юридич. наукъ, болѣе необходимыя для деревни.
- 7) Общiя свѣдѣнiя по геологiи и астрономiи.
- 8) Общiя понятiя по физикѣ и химiи.

Кромѣ того, нѣкоторые изъ новгородскихъ учащихся добавляютъ педагогическую психологiю, географiю, естественную исторiю и школьную гигиену и указываютъ на желательность экскурсiй. При этомъ учителями высказывается желанiе принять участiе въ совмѣстной съ губернской управой болѣе детальной разработкѣ будущей программы общеобразовательныхъ предметовъ ¹⁾.

¹⁾ См. цит. выше Докладъ Новгор. губ. земск. управы очередн. губ. собранiю 1901 г., стр. 14.

По отзывамъ курскихъ земскихъ учителей видно, что назрѣла потребность въ общеобразовательныхъ курсахъ (въ 32 учащіе, приславшіе отзывы на запросъ губ. управы, отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно). Большинство желаетъ прослушать курсъ литературы (21), общей педагогики (15), русской исторіи (6), нѣсколько человекъ желаютъ лекцій по естеств. исторіи, гигиенѣ и практическимъ ремесламъ ¹⁾.

7) Слѣдующій вопросъ саратовской программы касается непосредственнаго вліянія курсовыхъ занятій на преподаваніе учащихся и степени этого вліянія: „примѣняете ли Вы въ своей школѣ то, что Вамъ пришлось слышать и узнать на курсахъ? Если примѣняете, то что именно, въ чемъ произвели измѣненія въ своемъ преподаваніи, въ учебникахъ и т. д.“ На этотъ вопросъ отвѣтили 173 изъ 250 приславшихъ отзывы учащихся (69,2%). Въ отрицательномъ смыслѣ отвѣтили лишь 24 чел. Какъ на причины непримѣнимости, обыкновенно указываютъ на экономическія затрудненія при покупкѣ новыхъ учебниковъ или на то, что уже и раньше дѣло въ школѣ велось такъ, какъ указываютъ руководители. Нѣкоторые даютъ неопредѣленные отзывы, что они примѣняютъ слышанное на курсахъ „по мѣрѣ силъ“, „насколько возможно“, и т. п. Лишь 115 чел. (46%) дали болѣе ясныя и опредѣленные указанія.

Въ числѣ ихъ имѣется особенно много указаній (62) на перемѣны въ способѣ преподаванія по ариметикѣ: учащіе стали больше обращать вниманія на устные задачи, на устный счетъ, различать задачи по степени практической надобности приемовъ ихъ рѣшенія для крестьянской жизни и т. п. При этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ введены и новыя учебныя книги (Гольденберга и Арженикова).

Въ 41 отвѣтѣ отмѣчаются перемѣны въ преподаваніи русскаго языка, при чемъ въ громадномъ большинствѣ ихъ указано на вліяніе руководства Д. И. Тихомирова; между прочимъ, въ 25 отвѣтахъ указывается на введеніе учебника его учащими вмѣсто другихъ (Паульсена, Бунакова и др.).

Отмѣчено и нѣсколько перемѣнъ въ техническихъ приемахъ по обученію грамотѣ и письму. Значительное число (30) отвѣтовъ отмѣчаютъ измѣненія въ веденіи объяснительнаго чтенія и самостоятельныхъ письменныхъ работъ учениковъ: подъ вліяніемъ курсовъ, на нихъ обращается больше вниманія, сократилось число уроковъ диктанта и списыванія съ книги, а, напротивъ, больше дается пищи для *самодѣятельности и работы мысли учащихся*. 6 учащихся попробовали вести бесѣды въ школѣ по мировѣднію и изъ нихъ одна учительница говорила ученикамъ о суточномъ и годовомъ движеніи земли и о значеніи ея шаровидности. Наконецъ, имѣется на этотъ пунктъ программы нѣсколько отвѣтовъ саратовскихъ учителей болѣе общаго характера. Напр.: „въ частности

¹⁾ См. „Отчетъ текущ. школьн. статистики Курск. губ. земства за 1899—1900 г.“, стр. 110.

не могу указать, но, въ общемъ, вліяніе курсовъ чувствуется въ *большей осмысленности и живости преподаванія* (курсъ нашъ)“— „Обученіе всѣмъ предметамъ курса начальной школы ведется болѣе правильно, преслѣдуются преимущественно тѣ стороны дѣла, которыя раньше часто игнорировались, а именно: *воспитаніе челоѵка* въ лучшемъ смыслѣ этого слова, возможное развитие всѣхъ умственныхъ способностей ученика“. „Для практической дѣятельности даются тѣ свѣдѣнія, которыя въ будущемъ могутъ быть полезны ученику“.

Такое же благотворное вліяніе руководителей курсовъ на школьную жизнь отмѣчено и въ отвѣтахъ курскихъ учителей. У Д. И. Тихомирова всѣ отвѣтившіе заимствовали объяснительное чтеніе, и, кромѣ того, многіе заимствовали способы веденія другихъ занятій по русскому яз. У Н. Ф. Бунакова заимствовали, главнымъ образомъ, объяснительное чтеніе, а также письменное, и устное изложеніе прочитаннаго и предметныя бесѣды по картинкамъ, а двѣ учительницы—звуковой методъ. Были также замѣчены случаи вліянія руководителей по ариметикѣ¹⁾.

Полезное вліяніе указаній руководителей, по отзывамъ учащихся, несомнѣнно, проявлялось бы еще чаще и рельефнѣе, если бы не постороннія причины, стѣсняющія самостоятельность учащихся въ постановкѣ и веденіи дѣла въ своей школѣ. „Я перемѣнилъ бы нѣкоторые учебники“,—пишетъ одинъ учитель, —„если бы это отъ меня зависѣло, но насъ не спрашиваютъ“ (Сердобск. у.) „Въ интересахъ лучшей постановки школьнаго дѣла нѣкоторые учителя хотѣли замѣнить существующіе учебники по чтенію Баранова—учебниками Тихомирова, но инспекторъ не нашелъ это нужнымъ“ (Саратовск. уѣзд.) „Что касается какой-либо перемѣны въ учебникахъ, то это очень трудно сдѣлать, такъ какъ земство возлагаетъ покушку учебниковъ на самихъ крестьянъ, которые по своей бѣдности отказываются покупать“ (Аткар. уѣзд.)—„Такимъ образомъ, выясняя практическое примѣненіе въ преподаваніи слышаннаго на курсахъ, эта группа отвѣтовъ выдвигаетъ впередъ извѣстный вопросъ въ дѣлѣ улучшенія школьнаго дѣла—вопросъ о *свободѣ выбора учебниковъ и руководствъ въ школахъ*. При настоящихъ условіяхъ, когда учитель стѣсненъ въ этомъ, благотворное вліяніе курсовъ въ значительной мѣрѣ парализуется вышними условіями“.²⁾

8) Наконецъ, послѣдній вопросъ саратовской программы (о курсахъ) касался неудобствъ и недостатковъ въ современной постановкѣ курсовъ. Не отвѣтили на этотъ вопросъ 138 чел. (55,2%), не находятъ недостатковъ—81 (12,4%), указанія на недостатки даны въ 81 отвѣтѣ (или 32,4%, т. е. около $\frac{1}{3}$ всѣхъ отвѣтовъ). „Обзоръ“ не указываетъ причинъ умолчанія большинства учащихся; но, на нашъ взглядъ, этотъ фактъ легко объяс-

¹⁾ См. курскій отчетъ, стр. 109

²⁾ „Обзоръ начал. народ. образ. въ Саратов. губ. за 1900—1901 уч. годъ“, стр. 110.

няется „щекотливымъ“ характеромъ даннаго вопроса въ глазахъ сельскихъ учителей. Въ отрицательныхъ отвѣтахъ преобладаютъ указанія на *формализмъ, принудительный характеръ и строгое недопущеніе самостоятельности слушателей въ ходѣ курсовыхъ занятій*, давленіе наблюдательскаго надзора на всю курсовую жизнь и на личность курсиста и т. п. Вотъ характерные отзывы: „Обыкновенно учитель свободно идетъ на курсы. Но только онъ придетъ на нихъ, какъ ему начинаютъ говорить про разныя обязательства: онъ обязанъ дать урокъ, онъ обязанъ ходить на спѣвки, онъ обязанъ и то, и се... Человѣкъ вѣдь *хвалъ самъ, свободно*, всю дорогу онъ считалъ себя свободнымъ; началъ онъ посѣщать курсы тоже свободно, а потомъ вдругъ ему говорятъ про обязательства. И вотъ, когда учитель самъ свободно ходитъ на курсы, онъ аккуратно посѣщаетъ ихъ, а когда учитель услышитъ про обязательства, онъ начинаетъ макировать курсами. Однимъ словомъ, человѣкъ становится въ ненормальныя условія, что, безъ сомнѣнія, нежелательно“. „Недостатки курсовъ въ излишнемъ формализмѣ: кому пріятно себя чувствовать, когда тебѣ приказываютъ, указываютъ, наказываютъ? При такой постановкѣ педагогическихъ курсовъ не будетъ общей дружной работы, которая принесла бы столько пользы и добра и курсистамъ, и школамъ“. „Учителю мало дается свободы въ смыслѣ предложенія вопросовъ, которые могли бы быть разрѣшены руководителями“, и т. п.

16 отвѣтовъ указываютъ на ненормальное современное положеніе общеобразовательныхъ предметовъ на курсахъ, высказываясь иногда также противъ примѣрныхъ уроковъ курсистовъ и руководителей. Объ этой сторонѣ курсовъ мы говорили выше, поэтому въ дополненіе возьмемъ лишь нѣсколько отзывовъ. „Недостатокъ въ постановкѣ курсовъ тотъ, что на нихъ и педагогическіе, и общеобразовательные предметы преподаются вперемѣшку. *Необходимо ихъ раздѣлить* (курс. нашъ): недѣли 2 исключительно должны идти на общеобразовательные предметы, и недѣли 2 исключительно на педагогическіе; необходимо потому, что многіе учащіе вѣдутъ на курсы только ради предметовъ общеобразовательныхъ, и задерживать такихъ лицъ въ продолженіе пѣлаго мѣсяца и неудобно въ смыслѣ успешности занятій, и нецѣлесообразно, такъ какъ при современной постановкѣ курсовъ вниманіе учащихся двоятся на занятіяхъ обѣихъ группъ, а при той постановкѣ, о которой идетъ рѣчь, вниманіе аудиторіи будетъ сосредоточиваться только на одной группѣ занятій“. „Черезчуръ большое количество времени удѣляется на уроки курсистовъ; *было бы гораздо полезнѣе удѣлить это время на чтеніе по общеобразовательнымъ предметамъ* (курс. нашъ)“. Нѣсколько учащихся выражаютъ неудовольствіе по поводу составленія учителями протоколовъ всѣхъ бесѣдъ ¹⁾. Эти протоколы,

¹⁾ Протоколы составляются курсистами по очереди для отчета наблюдателя курсовъ.

по ихъ словамъ, только „мучать“ учителей. Нѣкоторые (6 чел.) видятъ недостатокъ курсовъ въ ихъ кратковременности при массѣ работы. И, наконецъ, 12 отвѣтовъ не подходятъ подъ перечисленные категории: они говорятъ о бѣльшей желательности учительскихъ сѣздовъ, а не курсовъ, о предоставленіи курсистамъ права писать рефераты и т. д.

Подводя итогъ всѣмъ приведеннымъ выше даннымъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Учительскіе курсы для народныхъ учителей необходимы: а) съ профессионально-педагогической точки зрѣнія, б) для пополненія и освѣженія общеобразовательныхъ знаній учащихся и развитія у нихъ „руководящихъ идей“ и широкаго взгляда на задачи народнѣй школы и в) какъ средство единенія учащихся между собою, съ дѣятелями по народному образованію и съ общественными дѣятелями.

2) Курсы должны имѣть характеръ по преимуществу общеобразовательный, посвящая обязательнымъ (спеціально-педагогическимъ) предметамъ возможно меньше времени, при чемъ занятія обѣими группами предметовъ должны быть отдѣлены другъ отъ друга (см. выше).

3) Уроки слушателей мало полезны, и потому желательно замѣнить ихъ, напр., бесѣдами и лекціями руководителей или, по крайней мѣрѣ, сократить ихъ число до minimum'a, уничтоживъ при этомъ обязательный и стѣснительный для учащихся характеръ, какой они носятъ въ настоящее время.

4) Въ общей постановкѣ курсовъ должна быть произведена существенная перемѣна въ смыслѣ предоставленія курсистамъ бѣльшей свободы дѣйствій (самодѣятельности) и сужденій, для чего необходимо отмѣнить тѣ пункты курсовыхъ правилъ, по которымъ учащіе ставятся въ положеніе учениковъ.

5) Для обезпеченія болѣе плодотворнаго вліянія курсовыхъ занятій на преподаваніе въ начальной школѣ необходимо дать учителямъ извѣстный просторъ въ выборѣ и перемѣнѣ ихъ учебниковъ въ школѣ и вообще въ измѣненіи въ нихъ постановки учебнаго дѣла. (Въ этомъ отношеніи весьма полезны совѣщанія и комиссіи учителей вмѣстѣ съ земскими управами и училищными совѣтами, какъ было, напр., въ Ельцѣ; подобныя же совѣщанія устраиваются земствомъ въ Торжкѣ, Тверск. губ. ¹⁾). По послѣднимъ свѣдѣніямъ, такіе же школьные совѣты или комиссіи при земск. управахъ съ участіемъ народныхъ учителей рѣшено учредить въ Московскомъ и Дмитровскомъ уу. земствахъ (Москов. губ.) и Богородицкомъ (Тулск. губ.) ¹⁾.

6) Желательно, чтобы земства предоставили своимъ учащимъ право участія въ совмѣстной съ управами болѣе детальной раз-

¹⁾ См. „Журн. д. всѣхъ“, сент. 1903 г. („Внутр. хроника“); „Русск. Вѣд.“, 1903 г., № 255.

²⁾ „Русск. Школ.“, дек. 1903 г. („Педагог. хрон.“, стр. 35).

работѣ программы курсовъ (миѣнія группы новгородскихъ земскихъ учителей) ¹⁾.

„Введя въ организацію курсовъ для учащихся земскихъ школъ отмѣченныя измѣненія ²⁾,—заключаетъ „Обзоръ“ (стр. 113),—губернское земство удовлетворить самой насущной потребности народныхъ учителей въ самообразованіи и расширеніи ихъ знаній и тѣмъ окажетъ громадное содѣйствіе улучшенію дѣла народнаго образованія“...

Съ такимъ заключеніемъ нельзя не согласиться. Если при этомъ мы упомянемъ еще о настоятельной потребности законодательнымъ путемъ предоставить какъ можно больше самостоятельности земствамъ и вообще устроителямъ курсовъ въ организаціи ихъ, составленіи программъ, выборѣ руководителей, допущеніи курсистовъ и вольнослушателей и т. п., что уже съ достаточной очевидностью выяснено и земствами и печатью ³⁾, то, на нашъ взглядъ, мы довольно полно и всесторонне освѣтимъ вопросъ о значеніи учительскихъ курсовъ и необходимыхъ измѣненіяхъ въ ихъ современной постановкѣ съ точки зрѣнія интересовъ начальной школы и сельскихъ учителей.

Вал. Денисовъ.

¹⁾ См. также саратов. „Обзоръ“, стр. 113.

²⁾ Въ „Обзорѣ“ указаны только первыхъ 4 пункта выводовъ, и въ болѣе сокращенномъ видѣ.

³⁾ Для примѣра укажемъ упомян. выше стат. *Е. Зялинцева* (въ „Вѣстн. Восп.“ за 1902 г.) и *А. Пругавина* „Какъ у насъ устраивались педагогическіе курсы“ (Образов., № 9, 1902 г.), гдѣ подробно разсмотрѣнъ этотъ вопросъ.

Шопенъ.

ЭКСПРОМПТЪ

Ст. Пшебышевскаго.

(Съ польскаго)

Онъ лежалъ, распростертый на звѣздахъ, въ тяжеломъ раздумьѣ, потому что наступилъ страшный мигъ, когда невѣдомая рука невѣдомаго Бога приказала ему сойти на землю и воплотиться.

Вокругъ него всѣ міры съ бѣшеной быстротой катились въ своихъ огромныхъ орбитахъ. Передъ его глазами проносились громадныя шары, красныя, какъ раскаленное желѣзо, зеленые и блестящія, какъ чешуя ядовитыхъ змѣй; міры, потухшія, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, съ бездонными пропастями и острыми чудовищныхъ скалъ; міры, убранныя зеленью и цвѣтами, какъ дѣвственный рай; то снова міры, кипящія огнемъ и лавой первоначальнаго хаоса; огромными дугами проносились черезъ небо падающія звѣзды и тонули въ океанахъ. Но глаза его скользили равнодушно по всѣмъ чудесамъ неба.

Онъ грезилъ, грезилъ и смотрѣлъ внизъ на бѣдную землю, едва свѣтящуюся вдали, оскверненную, застывшую въ скорби, терзаемую распутствомъ; на землю, пропитанную насъвозь кровью и усѣянную костями всякихъ твореній.

Кровавымъ заревомъ пожара подымались надъ землею страданіе и стоны боли; какъ жертвенный дымъ, возносились къ нему среди всякихъ звѣздъ вопли отчаянія; потоками огненной лавы вырывались жаркія моленія и страшныя проклятія: а онъ смотрѣлъ на бѣдную обезумѣвшую землю, поглощалъ ея крики и страданія, обгарялся ея кровью, и болѣзненной дрожью пробѣгало по его нервамъ ея безуміе.

* * *

Тотъ, кто не только ухомъ схватываетъ звуки, музыкальныя фразы и ихъ связь, но душой проникаетъ въ музыку Шопена, пусть припомнитъ характеръ нашей родной земли ¹⁾.

Широкія пространства голыхъ паровыхъ полей, убѣгающія въ даль, какъ звуки гудящихъ колоколовъ; море песку, мѣстами заросшаго голубыми цвѣтами лупина; огромныя пастбища, погруженныя въ сонное затишье отъ полуденнаго зноя; тутъ и тамъ блестящій, какъ стекло, бѣлый песокъ рѣчки, надъ которой повисли въ печальной задумчивости высохшія вѣтви полусгнившей вербы; кой-гдѣ островки желтаго „царскаго скинетра“ или раскидистые кусты голубоватаго циворія.

То снова равнина, насколько хватятъ глазъ, изрѣзанная на куски посѣвами ячменя; красноватыми полосами тяжелыхъ, какъ плеть, колосьевъ пшеницы; цвѣтущими бѣлыми полями гречихи. Кой-гдѣ небольшой прудъ, заросшій молодымъ тростникомъ и камышомъ или глубокій придорожный ровъ, обсаженный серебряными тополями.

Въ каждое время года мѣняется земля, но общій тонъ задумчивости, безконечной тоски, мечтательности и грусти остается всегда одинъ и тотъ же. Нѣтъ ничего безотраднѣе нашей поздней осени, когда бѣлыми днями дождь стучитъ въ окна и точно хочетъ растворить всю землю, а по ночамъ бунуетъ вѣтеръ и зловѣще воетъ между голыхъ вѣтвей липы и яворовъ.

А какая невыразимая тоска ложится на сердце, когда въ осеннія ночи мѣсяцъ одѣваетъ таинственными чарами нави сжатая нивы и пустыя поля и когда на эти уныло недвижныя равнины опускается обломавшій свои крылья вѣтеръ, съ тихимъ шелестомъ волочитъ среди пожелтѣвшей травы—и вдругъ встрепетутся и забьются другъ о друга съ печальнымъ шумомъ послѣдніе чуткіе листики серебристаго тополя.

И даже тогда, когда земля, опыленная неистовствомъ творчества, гордая своимъ цвѣтущимъ великолѣпіемъ, какъ-будто поетъ радостныя гимны веснѣ,—даже тогда осѣняетъ душу темное крыло печали.

И въ то время, когда наступающій вечерній сумракъ начинаетъ постепенно все болѣе и болѣе ограничивать и уменьшать доступное нашему глазу пространство и вся роскошь красокъ тонетъ мало по малу во мракѣ, и когда въ удушливый лѣтній полдень уныло покачиваются истомленные зноемъ нивы и ложатся на землю тощими колосьями, тогда со дна души вдругъ выплываютъ какія то неясныя предчувствія, какая то тревога и грусть—невѣдомо, о чемъ, какая то тоска—невѣдомо, по чему.

Это и послужило основаніемъ древнимъ славянскимъ народамъ къ созданію образа „Марены“—богини жизни и смерти,

¹⁾ Авторъ подразумѣваетъ Польшу.

любви и плодородія, а еще лучше олицетворили Венды зловѣщій часъ полудня въ своей „Полудницѣ“, когда она тайкомъ находитъ спящихъ на полѣ жнецовъ и навѣваетъ на нихъ вѣчный сонъ.

И передъ взоромъ того, кто не только ухомъ, а сердцемъ воспринимаетъ безконечное очарованіе музыки Шопена, проносятся нескончаемыя вереницы образовъ и картинъ. Вотъ нашъ крестьянинъ со всѣмъ своимъ фатализмомъ и смиреніемъ, когда онъ въ тупой покорности волѣ провидѣнія склоняется надъ гробомъ послѣдняго ребенка и, разводя руками, шепчетъ: „Богъ далъ—Богъ вьзялъ!“ Или когда онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ подвергаетъ свою жизнь вѣрной опасности.

Нашъ мужикъ со всей своей удалью и безпечностью о будущемъ, когда онъ пляшетъ въ корчмѣ, пока не свалится съ ногъ, и пропиваетъ весь свой заработокъ, добытый кровавымъ трудомъ, или когда онъ бросается съ ножомъ или съ вилами на своего управителя.

Нашъ крестьянинъ со всѣмъ своимъ первобытнымъ религиознымъ мистицизмомъ, когда онъ цѣлыми часами лежитъ распростертый крестомъ на холодныхъ плитахъ мрачныхъ костеловъ и молитъ Бога о прощеніи, или когда онъ униженно, на колѣняхъ, тащится по грязи на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ.

И безконечный рядъ картинъ изъ жизни этого народа проходитъ передъ глазами. Его свадьба, крестины, похороны. Вотъ слышится рыданіе скрипки и гудѣніе контрабасовъ, мѣрные и визгливыя выкрикиванія: „Эй, наша!“ То снова жалобныя рыданія. Виднѣются широкіе волнистыя затылки танцующихъ, которые пляшутъ съ рюмкой на головѣ и ни капли изъ нея не проливаютъ; то снова гиканье и топотъ неистовой пляски, отъ которой гудеть полъ въ корчмѣ или погребкѣ.

Итакъ, въ родной землѣ и народѣ заключается главная сущность творчества Шопена. Родина съ ея безграничной тоской, ея задумчивостью и печалью начертала и опредѣлила тотъ путь, по которому должна была развиваться его душа, проложила то русло, по которому должны были излиться могучей волной его чувства, а народъ далъ ему первыя, правда, чрезвычайно первобытныя, но основныя формы, въ которыхъ онъ уже отъ начала вѣковъ выражалъ свою тоску, печаль и раздумье.

* * *

Эта музыка, которая едва владѣетъ нѣсколькими тонами и въ которой народъ выражаетъ только свои элементарныя чувства, а изъ нихъ, главнымъ образомъ, чувства печали и тоски,—потому что даже его самая веселая пѣсня состоитъ изъ непрерывныхъ неожиданныхъ переходовъ отъ веселыхъ возгласовъ къ тихому раздумью или жалобѣ,—эта музыка, которая является какъ бы

выраженіемъ всей природы, среди которой народъ этотъ выросъ, придама всему творчеству Шопена его отличительный характеръ.

Шопень въ своей музыкѣ—это вся наша родина.

Есть въ нашей душѣ нѣчто, что я назвалъ бы психической мимикріей. Внѣшняя мимикрія имѣетъ громадное примѣненіе у животныхъ. Извѣстно, что звѣри, живущіе въ пустыни, принимаютъ окраски этой пустыни, мотыльки, сидящіе на извѣстныхъ цвѣтахъ, принимаютъ форму ихъ листьевъ и крылья ихъ представляютъ тотъ же узоръ, что нервы листа; морская фауна заимствуетъ формы у кристалловъ—и такъ до безконечности.

Симпатическая окраска и мимикрія примѣнимы и къ душѣ.

По особому свойству нашей психики, мы обо всѣхъ внѣшнихъ явленіяхъ можемъ судить только при помощи того, что въ насъ самихъ дѣлается: для того, чтобы понять, что кто то упалъ, я самъ долженъ мысленно упасть и, если я слышу чью-нибудь рѣчь, то долженъ повторять ее или, вѣрнѣе, одновременно произносить то же самое; вслѣдствіе этого основного психологического закона я воспроизвожу въ душѣ все то, что происходитъ внѣ меня, въ природѣ. А если эти явленія повторяются и мнѣ приходится постоянно воспроизводить ихъ въ себѣ, то создается извѣстная основная линія, извѣстное направленіе чувствъ, такъ что въ концѣ концовъ реакція души моей будетъ совершаться только такимъ, а не инымъ способомъ.

Такъ взоръ человѣка, выросшаго въ равнинахъ, привыкнувъ къ большимъ пространствамъ, будетъ всегда устремляться вдаль. А такъ какъ каждое мускульное движеніе всегда неразрывно связано съ извѣстнымъ чувственнымъ тономъ (*ton uczuciowy*) и мы лучше отдаемъ себѣ отчетъ въ этомъ движеніи только съ помощью этого чувственного тона, то въ душѣ нашей рождается какое-то таинственное стремленіе къ широкимъ перспективамъ, къ далекимъ пространствамъ и на фонѣ господствующаго въ душѣ меланхолическаго начала переходитъ въ вѣчную, неутолимую тоску.

Но что мы знаемъ о чувственныхъ тонахъ, сопровождающихъ каждое наше движеніе?

Случайное движеніе глаза, безцѣльно блуждающаго по различнымъ предметамъ, можетъ вызвать и вызываетъ цѣлый рядъ неуловимыхъ, невыразимыхъ словомъ ощущеній, которыя сливаются въ какой-либо общій тонъ настроенія; случайное раздраженіе слухового нерва претворяется въ цѣлую мелодію, въ пѣсню.

Что мы знаемъ о томъ, какъ претворились, съ чѣмъ соединились въ душѣ Шопена весеннія впечатлѣнія, когда онъ шелъ вдоль полей, засѣянныхъ сурѣпкой, и смотрѣлъ на цѣлое море мелкихъ желтыхъ цвѣтовъ, когда слышалъ жужжаніе пчелинаго роя, облѣпившаго старые сухіе стебли; что мы знаемъ о томъ, какія отдаленныя и разнообразныя ассоціаціи вызывало въ душѣ его кваканье лягушекъ въ тихія лѣтнія ночи и какая безконечная вереница впечатлѣній образовывалась въ немъ при видѣ

длинныхъ тѣней деревьевъ въ ясныя осеннія ночи и какую безмѣрную волну чувствъ подымало въ немъ рыданіе скрипки, которую онъ такъ часто слышалъ.

Я уже сказалъ, что Шопенъ заимствовалъ характеръ своей музыки и основныя формы у народа или, лучше сказать, долженъ былъ ихъ заимствовать, потому что тѣ же самыя впечатлѣнія, которыя получалъ народъ и переливалъ въ звуки, должны были найти и въ его душѣ подобный же откликъ.

Только, если впечатлѣніе, которое получалъ крестьянинъ, оставалось само по себѣ, и которое соединялось только съ наиболѣе однородными, накопившимися еще ранѣе въ душѣ его впечатлѣніями,—то въ душѣ Шопена каждое новое впечатлѣніе связывалось съ тысячью другихъ, ассоціировалось съ самыми отдаленными и самыми разнородными чувствами, расходилось каждый разъ все большими и большими кругами и, наконецъ, наполняло всю его душу.

Родина образовала душу Шопена, указала ей ту форму, въ которую должны были потомъ выливаться всякія другія впечатлѣнія.

Въ этомъ и кроется причина продолжительности его творчества, его обособленности, его индивидуальности и въ этомъ заключается то, что мы называемъ „метамузыкальнымъ“ въ его музыкѣ.

Понятіе это новое, но такъ какъ я вѣрю, что оно когда-нибудь послужитъ для созданія истинно-творческой критики, то хочу въ грубыхъ чертахъ развить его.

Когда первобытный человѣкъ творилъ первое слово, то онъ не подражалъ голосамъ природы и не называлъ по-просту первымъ понравившимся словомъ какой-нибудь предметъ внѣ его, но это происходило иначе.

Чтонибудь производило въ душѣ его глубокое впечатлѣніе; первоначальное чувство—любви, мщенія, страха или удивленія—разливалось въ немъ могучей волной, рвалось къ гортани, вздымало ему грудь такъ, что въ ухахъ его раздавался его собственный протяжный крикъ, выражавшій то изумленіе, то ужасъ, то желаніе.

Первобытный человѣкъ не умѣлъ высказывать своихъ ощущений, но ихъ какъ-бы пѣлъ, т. е. изливалъ въ протяжныхъ звукахъ; онъ непосредственно выражалъ голосомъ всю продолжительность и силу своего чувства.

Вотъ этотъ-то способъ высказыванья, т. е. непосредственнаго выраженія своихъ ощущений звуками, я и называю „метасловомъ“ или „метазвукомъ“.

Но, по мѣрѣ того, какъ впечатлѣнія накаплились и повторялись, они уже не дѣйствовали съ прежней силой на чувства. Слово перестало быть тягучимъ, нечленораздѣльнымъ звукомъ, оно становилось болѣе сжатымъ, точнымъ, превратилось въ извѣстное сочетаніе гласныхъ и согласныхъ и, наконецъ, совер-

шенно потеряло свой первоначальный характер—свое непосредственное „чувственное“ значеніе: человекъ забылъ, что онъ когда-то выражалъ свое чувство — предметы и событія внѣ его не проваждали на него того впечатлѣнія и представлялись ему лишь въ видѣ названія.

Такимъ образомъ, утратился „метазвукъ“ и остался только символъ, простой математическій знакъ.

Мы не имѣемъ уже понятія о первоначальномъ значеніи словъ. Слово стало ходячей монетой, привычнымъ способомъ выраженія, условнымъ терминомъ. Оно совсѣмъ утратило свой священный характеръ; мы стали создавать слова на извѣстныхъ данныхъ, по мѣрѣ нашихъ потребностей и необходимости примѣнять ихъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Короче сказать — слово стало общимъ достояніемъ.

И тутъ произошло раздѣленіе между словомъ и звукомъ, пѣніемъ и музыкой.

У первобытнаго же человекъ все это было связано.

Но, когда онъ уже все выразилъ звуками, а потомъ передалъ словами, онъ понялъ, что у него есть еще извѣстныя чувства, которыхъ онъ не въ состояніи высказать ни тѣмъ, ни инымъ путемъ, потому что они или такъ сильны и такъ необъятны, что у него не хватаетъ голосовыхъ средствъ для выраженія разнѣровъ этихъ чувствъ, или они такъ неуловимы, что самый легкій шопотъ, самый тихій вздохъ не можетъ непосредственно передать ихъ.

И тутъ совершилось чудо.

Появилась одна изъ самыхъ первыхъ проецій органа голоса: человекъ создалъ музыкальный инструментъ.

Удивительно это странный, но неоспоримый фактъ, что всякій инструментъ, который мы употребляемъ, есть не что иное, какъ только воспроизведеніе и расширеніе дѣятельности нашихъ собственныхъ органовъ или такъ называемая проеція органа.

Однако-жъ, всѣмъ извѣстно, что камера-обскура не произошла путемъ подражанія функціи человѣческаго глаза, но открыта совершенно нечаянно и съ тѣхъ поръ только поняли устройство нашего глаза. Значитъ, человекъ творить безсознательно и, можетъ быть, повинуюсь только очень неяснымъ настроеніямъ чувствъ, съ которыми неразрывно связано каждое наше движеніе, какъ мускульное, такъ и нервное.

И такъ, первобытный инструментъ былъ, быть можетъ, только безсознательной проеціей гортани, во всякомъ случаѣ нервы его, т. е. струны, выражали то, чего высказать человекъ не умѣлъ. Съ помощью этой искусственной гортани онъ развивалъ возможность непосредственнаго выраженія своихъ чувствъ до безконечности.

Первобытная музыка была творческой, она сопровождалась необыкновеннымъ усиліемъ, напряженнымъ вслушиваніемъ въ себя, она была чрезвычайно мучительна, потому что была вѣщей,

какъ было вѣщимъ первобытное слово, а вѣщей она была потому, что возвѣщала и открывала тайны и чары, скрытыя въ душѣ. Первобытная музыка была „*метамузыка*“.

Но, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ старался закрѣпить то состояніе души, которое онъ вдохновенно выразилъ музыкой, оно утрачивало первоначальный характеръ непосредственнаго чувства и становилось образцомъ, схемой, охлаждалось, теряло свою важность, дѣлалось символомъ; правда, гораздо позже, чѣмъ слово.

Теперь мы добрались до сути дѣла.

Человѣкъ, который въ своемъ творествѣ въ состояніи придать слову или звуку чувственную окраску и для котораго, слѣдовательно, слово—не символъ, не отвлеченное названіе, а *непосредственное* выраженіе ощущенія и, съ другой стороны, для котораго звукъ не является лишь *принятой* формой для передачи того или другого чувства, а непосредственнымъ выраженіемъ хотя бы самаго малѣйшаго ощущенія,—этотъ человѣкъ творецъ, онъ творитъ *метаслово* или поэзію и создаетъ нѣчто „*сверхъ*“ музыки, т. е. *метамузыку*.

Мы имѣемъ двухъ такихъ великихъ творцовъ—Мицкевича и Шопена. Даже обыкновенный человѣкъ, если онъ хочетъ высказать какую-нибудь отдаленную идею, одну изъ тѣхъ полубезсознательныхъ идей, которыя усваиваются скорѣе нашими чувствами, чѣмъ умомъ, подыскивая новыя, не обычные слова, создаетъ новыя метафоры, старается отгнѣнить ихъ голосомъ, помогаетъ себѣ жестами, приемлетъ ихъ, однимъ словомъ, старается воротить слову его первоначальное значеніе, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ воспѣваетъ свои чувства.

И все это, но съ необыкновенной силой и талантомъ проявилъ Мицкевичъ.

Онъ первый изъ польскихъ поэтовъ уловилъ именно это „чувственное“ значеніе слова, создавая самъ новыя понятія, комбинируя самыя разнородныя ощущенія, чтобы дать яркое и непосредственное впечатлѣніе того, что хотѣлъ выразить, а также посредствомъ того, что съ интуитивнымъ геніемъ группировалъ и складывалъ слова въ рѣмы такъ, что они становились музыкой.

Каждое его слово—это живое сердце, которое трепещетъ, бьется, дрожитъ и содрагается въ вашей рукѣ, или же оно, какъ острое долото, оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ вашемъ сердцѣ.

Шопену было гораздо легче высказываться.

Музыка не успѣла еще сдѣлаться общимъ достояніемъ; она всего болѣе подходитъ къ абсолюту, она не зависитъ отъ міра случайныхъ явленій, она ближе къ своему первоначальному источнику и къ сущности вещей, она есть душа и разумъ слова. Это прекрасно изобразилъ въ символахъ Платонъ, говоря о тѣхъ временахъ, когда мы почивали на лонѣ вѣчности. Идей не были тогда матеріальны, такъ же, какъ и мы, и были пѣснью. Но въ тотъ мигъ, когда мы пожелаали познать себя въ тѣлесной оболочкѣ, мы упали на землю—и идеи вмѣстѣ съ нами: мы матеріа-

лизировались, а материализация идей совершилась въ словѣ. Только нѣкоторыя идеи сохранили въ себѣ воспоминаніе о своемъ прежнемъ существованіи и звучатъ какъ пѣснь до сихъ поръ.

Такимъ человѣкомъ, въ которомъ идеи не перестали пѣть, былъ именно Шопень.

Одаренный нервами, чуткость которыхъ была до такой степени изощрена, что самое малѣйшее впечатлѣніе—они отвѣчали пѣлымъ вулканическимъ взрывомъ, нервами, тончайшими, какъ щупальцы, которыя могутъ ощущать тамъ, гдѣ уже кончается обыкновенная человѣческая способность ощущенія, онъ зачаровывалъ въ звукъ каждое чувство, которое не переступило еще порога сознанія.

Каждое настроеніе, которое уяснить себѣ нельзя и которое существуетъ, какъ „je ne sais quoi“ чувствъ, вызывало въ душѣ его надлежащій отзывъ; каждое самое малѣйшее, самое неуловимое явленіе въ его душѣ превращалось въ соответствующее звуковое выраженіе.

И дѣйствительно, кажется, что къ Шопену нельзя примѣнить закона о специфической энергіи чувствъ. Въ душѣ его былъ пунктъ соединенія, родъ связи всѣхъ чувствъ между собой такъ, что ощущеніе свѣта, осязанія, вкуса, обонанія легко и просто переходило въ звукъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что у всякаго человѣка каждое впечатлѣніе обладаетъ соответствующей звуковой окраской, что весь міръ мы воспринимаемъ сильнѣе и глубже въ видѣ звуковъ, что специфическая сущность cadaго ощущенія есть звукъ и все можно свести къ нему, какъ къ первоначальной единицѣ, атому; но мы рѣдко можемъ себѣ это уяснить, такъ какъ скала различаемыхъ нами и воспроизводимыхъ звуковъ очень ограничена.

Для Шопена не существовало такихъ границъ. Онъ выражалъ звуками все то, что въ душѣ нашей расплывается и замираетъ, какъ отдаленный шумъ крыльевъ, все то, что рвется изъ тьмы къ свѣту, все то непостижимое, пугающее—невѣдомо, отчего и почему, то чему нѣтъ словъ и при первой попыткѣ опредѣленія разлетается, какъ карточный домъ.

Въ противоположность Вагнеру, который рисовалъ въ своей музыкѣ характеръ своихъ героевъ, открывалъ извѣстныя состоянія ихъ души, руководился идейнымъ аналитическимъ разумомъ, согласовалъ музыку съ тѣмъ, что совершалось на сценѣ, Шопень—безусловно субъективенъ: онъ избралъ единственно только голыя состоянія *своей* души въ ихъ самыхъ широкихъ и разнообразныхъ проявленіяхъ, потому что онъ заключалъ въ своей душѣ цѣлый міръ, всю его боль и страданія.

Итакъ, звукъ у Шопена можно назвать сверхъ-музыкальнымъ, абсолютнымъ и единымъ выраженіемъ его чувствъ или, вѣрнѣе, его чувство было а priori звукомъ, снова въ противоположность, но на этотъ разъ Листу, Брамсу и Рубинштейну, для которыхъ музыка была виртуозной техникой, даже геніальной комбинаціей

музыкальныхъ тоновъ и фразъ, но все же она не могла придать звуку чувственной окраски (характера ощущенія), а давала только общее представленіе о настроеніи въ грубыхъ чертахъ.

* * *

Какъ я уже сказалъ, душа Шопена формировалась подъ вліаніемъ родной страны; она создала въ немъ барацентрическое ядро, отъ котораго получали жизнь и движеніе всѣ другія наплывающія впечатлѣнія. Природа съ ея меланхоліей, ея печалью и задумчивостью оставила въ душѣ его сильный осадокъ тоски, черезъ который должно было пройти каждое впечатлѣніе и получить отъ нея соответствующую окраску. Тоска эта была какъ бы центромъ всепоглощающей матеріи, которая все впитываетъ въ себя, все насыщаетъ своимъ огнемъ и разлагаетъ всякія другія чувства—въ душѣ его все становится тоской.

Но это не та тоска, что у здоровыхъ натуръ вдыхаетъ грудь и носитъ сѣмя новой жизни въ материнскомъ сокѣ, и не тоска Заратустры, который въ восторженномъ упоеніи солнцемъ вдохновенно поетъ гимны неизвѣстнымъ богамъ, — тоска Шопена иного рода.

Она имѣетъ блѣдный, анемичный цвѣтъ лица съ прозрачной кожей, черезъ которую видна тончайшая сѣть голубоватыхъ жилъ и жилокъ, ея хрупкая и колеблющаяся фигура стройными и въ высшей степени изящными формами въ каждомъ своемъ движеніи выражаетъ несравненную грацію вымирающихъ аристократическихъ родовъ, а въ бездонно глубокихъ глазахъ просвѣчиваетъ та необычная одухотворенность, какая бываетъ у дѣтей, которыхъ люди называютъ недолговѣчными.

Это—тоска, которая выражается первымъ трепетомъ у людей, одаренныхъ чрезмѣрной чуткостью; это—боль открытыхъ ранъ, вѣчный приливъ и отливъ повышенной впечатлительности, вѣчная неудовлетворенность и терзаніе отъ слишкомъ развитой утонченности чувствъ.

Но она въ то же время бѣшеная страсть, судороги и агонія предсмертной борьбы, страстное желаніе уйти отъ самого себя, желаніе исчезнуть, уничтожиться, болѣзненное „*Cupio dissolvi*“, или же тупой, глухой полусонъ, полудѣйствительность—состояніе полной одеревенѣлости, апатіи, когда смотрятъ передъ собой, но ничего не видятъ и долго нужно собраться съ мыслями, чтобы сообразить, что было вчера, а что сегодня.

Зародыши болѣзни, которые съ дѣтства корѣнились въ немъ и подтачивали его слабый организмъ, превратились въ его мукъ въ страданіе чахоточнаго, съ вѣчной смѣшной настроеній, которыя, какъ тихіе осенніе вѣтры идутъ по пустыннымъ, голымъ полямъ, мечутъ передъ собою сухіе листья и приближаютъ природу къ смерти среди однообразныхъ и печальныхъ минорныхъ аккордовъ.

Это—страданіе, полное боли и наслажденія съ тонкой, без-

конечно печальной и тихой усмѣшкой на блѣдныхъ губахъ, это—страданіе, разлитое въ томительномъ однообразіи степей съ выжженной солнцемъ травой и засохшими бурьяками, или которое слышится въ непрерывныхъ движеніяхъ Океана среди его молитвъ передъ Вѣчностью.

У Шопена часто повторяется одно удивительное чувство, которое служитъ ему обыкновенно финаломъ, особенно въ мазуркахъ. Это чувство, которое испытываетъ внезапно освобожденный: какъ будто онъ, наконецъ, глубоко вздохнулъ послѣ долгого удушья, какъ будто съ души его сняли тонкую, какъ нить паутины, оболочку; то же испытываемъ мы, когда съ осеннихъ полей вдругъ сходитъ и разсѣивается туманъ и надъ клубящейся, покрытой инеемъ равниной встаетъ солнце въ ясномъ, холодномъ величіи.

И постоянно черезъ все его творчество красной нитью проходитъ неотступное воспоминаніе о нашихъ деревенскихъ костелахъ и вечернихъ службахъ.

Въ „*Vigilia*“ я старался выразить словами эти возвышенныя и прекрасныя настроенія въ музыкѣ Шопена.

„Вечерній мракъ въ деревенскомъ костелѣ. Тишина ожиданія таятъ въ сводахъ и стѣнахъ, тишина въ опьяняющемъ дымѣ кадильницъ, тишина въ глухихъ, какъ бы подземныхъ звукахъ органа... И вотъ, какъ отдаленное дрожаніе воздуха, растетъ что то и плыветъ черезъ костель, подымается вверхъ, какъ тихое дыханіе, напрягается, какъ тигръ, готовый прыгнуть; и вдругъ разомъ прерывается тишина, грянули органы и изъ желѣзныхъ объятій тишины и ожиданія вырывается страшная, могучая тѣнь, которая раздвигаетъ стѣны, сокрушаетъ гроба,—тѣнь скорби и суднаго дня“...

Но наиболѣе гениальнымъ является онъ тамъ, гдѣ смерть уже простираетъ надъ нимъ свои крылья вампира.

Можетъ быть, онъ чувствовалъ тогда, какъ безтѣлесный и неосязаемый призракъ—предчувствіе смерти—всплывалъ по его нервамъ, бросая тѣнь на его сознание и простирая надъ душой его черный покровъ, какъ будто наступала ночь: и свѣтили мелкія звѣзды матовымъ блескомъ, и весь міръ кругомъ казался ему невыносимо тѣснымъ, дыханіе спиралось, потому что страшная тяжесть воздуха сдавливала ему грудь.

И вдругъ вырывался страшный крикъ отчаянія и ужаса.

Помните конецъ *Sostenuto* въ *Скерцо Н—мо!*

Среди безконечно грустной, монотонной задумчивости, жалобы, мольбы вдругъ вырывается бурный, дикій аккордъ.

Это—внезапный ревъ раненаго копьемъ звѣря среди глухого, полусоннаго колыханія степей, это—рѣзкій крикъ послѣдней агоніи боли, это—дикій, безумный аккордъ смѣха среди грустнаго впечатлѣнія осеннихъ ночей. Это уже не музыка, это—голый непосредственный крикъ души, извивающейся въ корчахъ ужаса, это—*выше* музыки, это—то, что стоитъ *надъ* музыкой.

И когда онъ сознавалъ, что приближается конецъ, онъ сдѣлался великимъ, единымъ, неслышаннымъ, какъ, напримѣръ, въ своемъ *Polonezъ F's—moll*, какъ въ *Sonattъ B—moll*, какъ въ *Баркароллѣ*.

Еще разъ приведу собственную цитату изъ „*Godziny sidu*“ („Часы чуда“).

„Онъ былъ тѣмъ, кто сидѣлъ на Голгоѣ у ногъ цѣлаго чело-вѣчества, распятаго на крестѣ. Цѣлыя вѣка мученій и скорби, цѣлая вѣчность страшныхъ страданій, криковъ объ искупленіи, разъяренныхъ проклятій и завыванія осужденныхъ на вѣчную муку, жаждущихъ одного мига счастья,—ураганомъ пронеслось въ его душѣ. Жизнь всего чело-вѣчества разрѣшилась адской мукой въ его сердцѣ; онъ сидѣлъ у подножія креста и всматривался въ темную ночь, а надъ нимъ за чернымъ покровомъ ночи скры-валось вѣчное солнце.

„Онъ былъ тѣмъ, кто съ неистовымъ бѣшенствомъ стучалъ во врата небесныя и проклиналъ Провидѣніе, которое дало ему жизнь. Ужасное сознание своего полного безсилія отомстить раз-дражало его мозгъ и изъ охрипшаго горла рвался дикій, отчаян-ный крикъ: Гдѣ же конецъ? И гдѣ начало? Гдѣ причина и цѣль?“

„Онъ былъ тѣмъ, кто съ обманчивой звѣздой на челѣ и съ кровавымъ факеломъ въ рукахъ велъ за собой трусливую и по-раженную толпу. Во мракѣ темныхъ ночей пробирались они среди ужасовъ и чудесъ къ подземелью, гдѣ были скрыты неиз-вѣстныя, призрачныя, желанныя сокровища. Онъ шелъ впередъ гордо и отчаянно, велъ за собой темную толпу, а въ душѣ спрашивалъ себя:

„Найду ли я ихъ? Но, вѣдь, я общалъ имъ ихъ“.

„Долго ли я еще буду блуждать?“

„И въ тотъ мигъ онъ заключалъ въ себѣ весь міръ.

„Могущественный Богъ, что рассыпался въ миллиарды звѣздъ, расчленился на миллиарды твореній, разломился на части и особи, соединился въ немъ снова, сдѣлался Единымъ, безконечностью чувствъ и безконечностью твореній и міровъ.

„Онъ былъ богомъ, огромное солнце несъ въ своей груди, подымался вверхъ все выше и выше, утратилъ чувство своего всемогущества, воли, существованія, — бѣлыя крылья раскинулъ отъ одного полюса до другого и тяжелый думой повисъ надъ землей въ часы сумерекъ.

„Стихли гнѣвъ и скорбь жизни, притаились страданіе и тоска, потому что земля спала въ часы сумерекъ.

„А тамъ далеко внизу колыхались нивы въ сонномъ затишѣ, чуть маячили голыя поля; тамъ внизу пугали взоръ блуждающіе огни въ темныхъ болотахъ; тамъ разстидалось небо въ черныхъ урочищахъ озеръ, а со дна ихъ глядѣли блѣдныя звѣзды и по-дымались на стеклянную поверхность тихія призраки потонув-шихъ костеловъ.“

Но что значатъ всѣ слова, описанія и цитаты даже такихъ

близкихъ съ нимъ по духу людей, какъ Корнелій Уйхскій, ничто не въ состояніи передать всей силы и очарованія, всѣхъ видѣній и грезъ Шопена.

Нужно вникнуть въ тайну музыки его, нужно помнить, что каждый его звукъ — это не отрывочный музыкальный символъ, но обнаженное сердце, живое, бьющееся, вырванное изъ груди; нужно погрузиться въ скорбь и страданія великаго мастера; нужно такъ глубоко проникнуться ими, чтобы обѣ души—творца и слушателя—слились во-едино; нужно, однимъ словомъ, чувствовать музыку „надъ“ музыкой, т. е. воспринимать метамузыкальное.

Странствующій виртуозъ, какихъ тысячами расплодилъ Листъ, этотъ замѣчательный музыкальный феноменъ, затемнилъ въ насъ пониманіе Шопена.

Эта дерзкая головокружительная бѣготня вышколенныхъ пальцевъ по клавиатурѣ можетъ дать намъ въ высшей степени понятіе о виртуозной техникѣ, о виѣшней формѣ, но ни на мигъ не подниметъ передъ нами завѣсы съ великой тайны.

Мы имѣли великихъ геніевъ, которые творили метамузыку:—Бетховена, Шумана, Шопена...

О, если бы нашлись такіе, которые могли бы воспроизвести ихъ!

Единственной цѣлью этого эскиза, который не что иное, какъ бѣглый набросокъ, лишь одинъ слабый штрихъ, запечатлѣнный въ моей душѣ для широкой картины мастера, — было именно показать, что въ музыкѣ Шопена кроется вся несравненная красота и очарованіе нашей родной земли, что въ этой музыкѣ заключается огромное море человѣческой души, всеобщей души, потому что только одинъ Шопенъ въ нашей музыкѣ имѣлъ право сказать вмѣстѣ съ бессмертнымъ поэтомъ:

— Я—милліонъ!

Съ польскаго перевода

Н. Корнилова.

Къ исторіи сектантства.

Назарены въ Венгріи и Сербіи.

(Окончаніе.)

VI.

Свое отношеніе къ воинской повинности назарены строятъ на пониманіи евангельскаго текста 5 главы 44 стиха отъ Маттея, въ которомъ сказано: „а я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“.

Этотъ евангельскій текстъ даетъ нерушимую стойкость назаренамъ въ борьбѣ съ воинской повинностью.

Надо здѣсь замѣтить, что когда въ Венгріи вводилась „всеобщая воинская повинность“ и притомъ лично обязательная, министерство военныхъ дѣлъ отнеслось къ назаренамъ весьма терпимо.

Въ распоряженіи отъ 12 августа 1869 года сказано ¹⁾: „Лица, подлежащія отбыванію воинской повинности и принадлежащія къ непризнанной закономъ сектѣ „Назареевъ“, призываются въ окружныя управленія къ зачисленію въ ряды постоянного войска и исполненію воинскихъ обязанностей. Въ случаѣ же отказа ихъ отъ принятія оружія, по нравственному ихъ убѣжденію, дозволять имъ отбывать эту повинность въ военныхъ госпиталяхъ, согласно § 67 отдѣла 3 въ инструкціяхъ о примѣненіи военныхъ законовъ“. А въ § 67 отдѣла 3,—продолжаетъ Л. Пантелѣвъ,—значится:

„Принадлежащія къ сектѣ Менонитовъ въ Галиціи... освобождаются отъ ношенія оружія съ тѣмъ, что отбываютъ службу при госпиталяхъ... и освобождаются отъ наученія управлять оружіемъ. Тѣми же льготами они пользуются въ военное время“.

¹⁾ Цитирую по статьѣ Л. Пантелѣва „Назарены въ Венгріи“.

Но уже въ 1875 г.,—пишетъ Л. Пантелѣевъ,—это гуманное распоряженіе было отмѣнено и 18 іюня этого года было издано нижеслѣдующее постановленіе: „Дошло до свѣдѣнія военнаго управленія, что принадлежащіе къ постоянно возрастающей сектѣ „назареевъ“ переходятъ въ эту секту, если не въ самый годъ обязательной явки для отбыванія воинской повинности, то не болѣе какъ за годъ, или за два, что наводитъ на мысль, что это продѣлывается не столько въ силу внутренняго убѣжденія, сколько для того, чтобы уклониться отъ воинской повинности. Поэтому, чтобы избѣжать разрастанія подъ такимъ предлогомъ секты, государственное военное министерство, по соглашенію съ венгерскимъ министерствомъ народнои обороны, признаетъ приказъ отъ 12 августа 1869 г. не имѣющимъ силы и приказываетъ, чтобы лица, принадлежащія къ сектѣ „назареевъ“, призывались не только къ отбыванію воинской повинности, но и къ ношенію оружія“.

Появленіе этого приказа повлекло за собой, какъ мы увидимъ ниже, цѣлый рядъ невѣроятныхъ жестокостей, жертвами которыхъ являются стойкіе духомъ назарены. Австро-венгерскія власти, издавая этотъ приказъ, очевидно, не имѣли достаточно яснаго представленія объ ученіи назаренъ, иначе они бы не ссылались на то, что только къ сроку отбывтія воинской повинности, или года за два раньше, сектанты официально присоединяются къ сектѣ. Выше мы уже пояснили, что назарены считаютъ почти совершенно недопустимымъ, чтобы ребенокъ или юноша, еще не находящійся „въ полномъ разумѣ“, могъ вступить въ секту. Такое вступленіе должно быть совершено сознательно, почему само собой понятно, что возрастъ обязательный для отбыванія воинской повинности и возрастъ вступленія въ „общину“ назаренъ почти что совпадаютъ. Чисто бюрократическое отношеніе чиновниковъ правительства, которые никогда не берутъ на себя трудъ вдуматься въ истинное положеніе вещей, а разсуждаютъ по очень простой формулѣ „да—да; нѣтъ—нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго“, ни что же сумняшеса, пишутъ указы и приказы, которыми они предають звѣрскому мучительству ежегодно цѣлыя сотни людей, губятъ цѣлыя сотни жизней и разрушаютъ множество семей.

Правда, преслѣдованія назареновъ начались гораздо раньше появленія приказа 1875 г. Такъ, А. П. Биръ, протестантскій богословъ, старавшійся въ 1870 году возвратить назареновъ въ лоно церкви, пишетъ въ статьѣ „Назарены въ Бачкѣ“ слѣдующее: „Если хорошо помню, въ 1857 г. случилось, что, между прочими, отобрали въ солдаты трехъ назаренскихъ парней. Ихъ отвели на мѣсто пребыванія полка, но когда пришлось присягать, они отказались наотрѣвъ. Арестъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, жестокое біеніе палками не были въ состояніи заставить ихъ отречься отъ своего исповѣданія. Одного, какъ наиболѣе непослушнаго, — разстрѣляли, другіе же два умерли отъ много-

кратнаго біенія палками, но они до послѣдней минуты остались вѣрными своей вѣрѣ“¹⁾.

Послѣ объявленія приказа отъ 18 іюня 1875 г. наступила самая ужасная пора для назареновъ. Вѣроятно, въ виду того, что въ приказѣ было прибавлено „съ ослушниками поступать по всей строгости законовъ“,—немедленно начался цѣлый рядъ военныхъ судовъ, которые,—по свидѣтельству Себерини,—не милосердно преслѣдовали назареновъ. „Вначалѣ случалось,—пишетъ онъ,—что военныя власти многихъ назареновъ разстрѣливали по военнымъ законамъ. Потомъ военный судъ,—прибавляетъ Себерини,—сталъ милостивѣе относиться къ нимъ, примѣромъ чего можетъ служить то, что во время оккупациі Босніи отказывавшихся назареновъ не приговаривали къ смерти, какъ того требуетъ законъ, а только въ тюрьму“. Но въ такой категорической формѣ не приходится говорить о времени оккупациі Босніи и Герцеговины. Въ это время, правда, военныя власти уже нѣсколько смягчились, но все-таки и въ этотъ періодъ они обогрѣли свои руки въ назаренской крови. Доктору А. Шкарвану лично рассказывалъ одинъ изъ назареновъ-вожаковъ слѣдующій фактъ, бывшій во время оккупациі Босніи и Герцеговины.

„Во время завоеванія Австріей Босніи и Герцеговины, однажды былъ командированъ одинъ полкъ¹⁾ въ сраженіе. Два солдата-назарена заявили своему начальству, что стрѣлять они въ противниковъ не будутъ, такъ какъ всѣ люди—братья, и никто не долженъ убивать другого. Эти солдаты—назарены сейчасъ же были преданы военному суду и тутъ же разстрѣляны“.

Современемъ разстрѣливать назареновъ перестаютъ совершенно, но зато подвергаютъ всевозможнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, нерѣдко граничащимъ съ пыткой.

Отказавшійся отъ оружія назаренъ прежде всего переходитъ въ распоряженіе „унтеровъ“ и „фельдфебелей“, которымъ поручается „образумить“ непокорнаго. Этотъ пароль, данный обыкновенно кѣмъ-либо изъ офицеровъ, развязываетъ руки огрубѣлымъ и жестокимъ знатокамъ субординаціи и надъ крестьянскимъ парнемъ продѣлываютъ всевозможныя издѣвательства. Одно изъ особенно любимыхъ и часто примѣняемыхъ наказаній, или, лучше сказать, способовъ дисциплинарнаго воздѣйствія является такъ называемое „вывязываніе“, очень сильно распространенное въ австро-венгерской арміи.

„Такъ какъ, навѣрное, не многіе изъ читателей знаютъ,—пишетъ д-ръ А. Шкарванъ,—что обозначаетъ техническое выраженіе „вывязать“, то, думаю, умѣстно будетъ рассказать здѣсь объ этой средневѣковой, варварской пыткѣ, употребляемой до сихъ поръ въ австро-венгерской арміи и примѣняемой ежедневно сотни разъ

¹⁾ Цитировано по книжкѣ Dusan'a Makovicky'аго „Nazarénové v Uhřích“ стр. 19.

²⁾ Какой полкъ—забылъ. А. Шкарванъ. Назаренъ назвалъ его.
Прим. В. О.

и въ тюрьмахъ, и въ полкахъ всей монархіи. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: руки солдата на спинѣ складываются накрестъ, на перекресткѣ ихъ надѣваютъ кандалы, ножные кандалы также сковываютъ вмѣстѣ. Потомъ протягиваютъ крѣпкую веревку черезъ отверстіе ручныхъ кандаловъ и, затянувъ одинъ конецъ веревки узломъ, другой конецъ пропускаютъ черезъ желѣзные кольца, укрѣпленные въ стѣнѣ аршина на два надъ головой наказуемаго и тянуть веревку до тѣхъ поръ, пока не приподымутъ жертву настолько, что она едва прикасается земли носками сапогъ. Какъ только мускулы теряютъ свое напряженіе и солдатъ невольно опускается на всю подошву, повиснувъ на вывернутыхъ рукахъ,—такъ тотчасъ снова подтягиваютъ веревку. При этомъ многое зависитъ отъ того, насколько сильно совершающій экзекуцію солдатъ натягиваетъ веревку: если это дѣлается какъ слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ искусства истязанія, то даже самыя сильныя натуры не выдерживаютъ этой пытки и впадаютъ въ обморокъ. Когда случается это „непріятное осложненіе“, то веревку опускаютъ и ждутъ, пока истязуемый не придетъ въ сознаніе, и тогда снова продолжаютъ пытку“¹⁾.

Измученнаго такимъ образомъ человѣка, безжалостные „отцы-командиры“ нерѣдко бросаютъ въ холодный темный карцеръ, напоминающій скорѣй могильный склепъ, чѣмъ помѣщеніе для живого человѣка. Чтобы пребываніе въ карцерѣ было еще болѣе чувствительно и мучительно для арестованнаго назарена, его сковываютъ цѣпью, притягивая правую руку къ лѣвой ногѣ. Въ такомъ невозможномъ положеніи, лишенный свѣта и тепла, лишенный пищи, вполнѣ одинокій, но крѣпкій своей вѣрой, сидитъ и страдаетъ за свой принципъ молодой сектантъ, по большей части только недавно вступившій въ лоно „братства“ и взявшій на себя тяжелыя обязанности борца за „свободу даже до самой смерти“,—какъ говорятъ они.

Лѣтописи исторіи назареновъ полны сообщеніями о проявленіи истиннаго героизма самыми простыми крестьянскими парнями, которые, во имя принципа, охотно идутъ на какія угодно истязанія и рѣдко-рѣдко измѣняютъ равъ принятому на себя обѣту. Надо замѣтить, что такъ поступаютъ не только рекруты, но и запасные, т. е. такіе, которые уже послѣ отбытія дѣйствительной службы сдѣлались назаренами. И они, когда ихъ призываютъ на маневры, обыкновенно не хотятъ брать оружія въ руки. Зная, что ихъ за это, можетъ быть, приговорятъ къ пожизненному заключенію, они заблаговременно распоряжаются своимъ хозяйствомъ такъ, чтобы женѣ было легче управляться одной, и прощаются какъ бы на вѣки съ ней и съ своими дѣтьми.

Приведемъ нѣкоторые примѣры изъ этой области жизни назареновъ.

Юча Радовановъ (сербъ) изъ Вечбаса (Бачка). Зачисленъ въ

1) См. „Mon refus“, A. Skarvan, стр. 157—158.

октябрѣ 1892 г. въ Пештѣ въ 6 полкъ въ 6 роту. Когда ему давали оружіе, онъ сказалъ, что не можетъ его взять, потому что вѣра его не позволяетъ ему этого. Сначала его заперли на 6 часовъ, затѣмъ на 4 дня и потомъ онъ сидѣлъ 3 мѣсяца въ предварительномъ заключеніи, пока судъ не приговорилъ его къ заключенію на 2 года. Его старшій братъ тоже приговоренъ къ заключенію и въ 1894 г. сидѣлъ уже 10-ый годъ. Мать этихъ обоихъ братьевъ пришла навѣстить младшаго въ тюрьму. Начальство ей не разрѣшило свиданія съ нимъ. Она стояла и плакала на дворѣ тюрьмы. И въ это время увидала въ одномъ изъ оконъ лицо сына и сейчасъ же крикнула ему: „Синэ мой злати, не мой за Бога узети пушку“. (Сынокъ мой золотой, Бога ради не бери ты ружье!) ¹⁾.

Въ концѣ августа 1895 г. вызывались запасные Сегединскаго резервнаго полка. Когда имъ раздавали ружья, двое изъ нихъ не хотѣли принять ихъ, потому что имъ это не дозволяетъ назаренская вѣра. Капитанъ Олчвари пожалѣлъ ихъ и доказывалъ имъ, что Богъ всегда любилъ мадьярскихъ гонимыхъ—(земское войско, венгерское—не австрійское)—и что, вѣдь, теперь идутъ не на войну, а только на маневры, гдѣ никто не будетъ проливать крови. Назарены на это отвѣтили:

— Но насъ для того ведутъ на маневры, чтобы выучить убивать людей.

Капитанъ пытался подѣйствовать на нихъ примѣромъ. Онъ сказалъ имъ, что прошлой осенью одинъ назаренъ тоже такъ себя велъ и его нѣсколько разъ наказывали и, наконецъ, заключили на 17 лѣтъ въ крѣпостную тюрьму.

— Ничего, пусть насъ застрѣляютъ,—спокойно отвѣтили назарены.

Другіе запасные пошли къ семьямъ этихъ назареновъ, и жены ихъ,—не находившіяся еще въ сектѣ,—съ плачемъ просили мужей, чтобы тѣ покорились власти, но они не согласились. Капитанъ посадилъ ихъ предварительно на 10 дней тяжелаго ареста. Когда ихъ отводили, они, плача, разставались съ семьями.

— Оставайтесь съ Богомъ,—говорили они,—насъ заживо похоронятъ ради Господа Бога, ради святой невинности и чистоты душевной, потому что люди должны быть, какъ агницы Божіи.

Капитанъ Олчвари еще разъ испробовалъ одно средство надъ ними: велѣлъ повѣсить на нихъ ружья и препоясать сабли, но они скрестили руки на груди и стояли не шевелясь ²⁾.

Одинъ назаренъ — сербъ изъ Чурута подвергся жестокому истязанію: фельдфебель Иванъ Александръ подвѣсилъ его за ноги и оставилъ висѣть внизъ головой ³⁾.

Въ 1873 г. въ Любланахъ былъ въ Сентешскомъ полку одинъ

¹⁾ См. D. Makovicky. Nazarénové v Uhrách, стр. 21.

²⁾ Тамъ-же, стр. 22.

³⁾ Тамъ-же, стр. 22.

назаренъ, черезъ годъ пришли два другіе (все мадыры изъ Сегвару, Годмевервамаргелу и Макова). Перваго мучили въ теченіе 3 мѣсяцевъ голодомъ, арестомъ, привязывали ему два ружья и ранецъ, наполненный патронами и заставляли его, обвѣшеннаго этими тяжестями, дѣлать упражненія. Онъ дѣлалъ все, но только когда надо было брать ружье въ руки, не бралъ. Командовали: „бѣгомъ“,—онъ бѣжалъ, падалъ, долженъ былъ самъ подыматься и бѣжать дальше. Цѣлыя ночи долженъ былъ онъ протавать вооруженный около постели и падалъ отъ изнеможенія. Послѣ 3-хъ мѣсяцевъ его опредѣлили въ санитары. Изъ двухъ другихъ, которыхъ мучили подобнымъ же образомъ, одинъ покорился ¹⁾).

Рекрутъ Лоренцъ изъ Баната не хотѣлъ принять ружье. Майоръ велѣлъ солдатамъ зарядить ружья, на которыхъ были навинчены штыки, окружить назарена и взять ружья на-прицѣлъ. Мѣняя солдатъ, майоръ продержалъ назарена въ такомъ положеніи цѣлый день. Одинъ изъ солдатъ, который также долженъ былъ наводить свое ружье на назарена, выступилъ изъ рядовъ, отбросилъ въ сторону свое ружье и крикнулъ: „это слыхалъ, чтобы такъ мучили праведнаго человѣка!“ Солдата, конечно, арестовали ²⁾).

Докторъ А. Шварванъ записалъ со словъ своего знакомаго назарена слѣдующій случай:

„Былъ у меня товарищъ, — рассказывалъ назаренъ, — по имени Франко Новакъ, онъ долженъ былъ отбывать военную службу въ Темешварѣ. Когда его въ первый разъ повели вмѣстѣ съ другими рекрутами на учебный плацъ, онъ отказался принять оружіе. И такъ, и такъ хотѣли заставить его упражняться съ оружіемъ, но все было безуспѣшно. Объ немъ сейчасъ же рапортовали по начальству. На Новака набрасывались съ крикомъ и ругательствами, но и это не помогло, — онъ твердо стоялъ на своемъ. Замѣтивъ суету около Новака присутствовавшій на плацу генералъ прискакалъ къ этому мѣсту и спросилъ, что случилось. Ему доложили. Узнавъ, въ чемъ дѣло, генералъ ласково спросилъ Новака, почему онъ не хочетъ взять оружіе. Новакъ вынулъ изъ кармана маленькое евангеліе и сказалъ:

— Вышшія власти разрѣшаютъ печатать эту книжку, а также не запрещаютъ и жить по высказаннымъ въ ней завѣтамъ. Въ книгѣ же этой сказано: „люби ближняго, какъ самого себя“. Не принимаю оружія потому, что хочу слѣдовать завѣтамъ Спасителя.

„Генералъ спокойно выслушалъ до конца Новака, потомъ сказалъ ему:

— Однако, въ этой же книгѣ сказано: „кесарево — кесарю, Божіе — Богу“.

„Новакъ сначала смутился и молчалъ, но быстро спохватился, снялъ военную фуражку, оружіе, мундиръ и положивъ все это

¹⁾ Тамъ-же, стр. 23.

²⁾ Тамъ-же, стр. 23.

къ ногамъ генерала, сказалъ: „вотъ это все его величества кесаря, вотъ я и отдамъ ему все, что его“.

„Генералъ совершенно не зналъ, что ему отвѣтить, прищипнулъ коня и ускакалъ къ другому отряду“, — торжественно закончилъ свой рассказъ назаренъ.

Очень трогательный случай приводитъ венгерская газета „Budapesti Hirlap“ (сентябрь, 1897 г.). Въ замѣткѣ подъ названіемъ „Назаренъ“, она рассказываетъ, что „въ городскому нотаріусу Надъкикинды явился дрожащій, дряхлый старикъ. Въ рукахъ у него былъ поблекшій листъ бумаги—свидѣтельство о правѣ на пенсію инвалиду 48-го года.

— Извольте записать, господинъ нотаріусъ, — проговорилъ дрожащимъ голосомъ старикъ, — что я отказываюсь отъ трехъ гульденовъ ежемѣсячнаго вспомошествованія, которые до сихъ поръ получалъ отъ казны.

„Удивленный нотаріусъ спросилъ старика:

— Что вы, Вайда, развѣ нашли кладъ какой?

— Вѣрно, совершенно вѣрно, господинъ нотаріусъ, — отвѣтилъ взволнованный старикъ, — я, дѣйствительно, нашелъ кладъ. Нашелъ я, господинъ нотаріусъ, своего Господа, который дороже мнѣ всѣхъ кладовъ міра сего и которому не нравится, чтобы рабъ его питался бы хлѣбомъ, доставленнымъ ему оружіемъ.

„И свидѣтель славнаго времени, — заключаетъ газета, — бѣдный, изнеможенный старикъ отдалъ свое свидѣтельство нотаріусу, такъ какъ онъ уже оставилъ знамя, бросилъ оружіе и сталъ назаренномъ“.

Отказы назаренъ отъ воинской повинности являются не единичными фактами, но нерѣдко принимаютъ массовый характеръ. Такъ газета „Magyar Hirlap“ сообщаетъ, что „при наборѣ новыхъ рекрутовъ въ прошломъ (1897 г.) для австро-венгерскаго войска, оказалось 214 такихъ новобранцевъ, которые всѣ, какъ одинъ, объявили, что они вполне годятся для того, чтобы копать картофель, но не для того, чтобы воевать противъ непріятеля. Эти назаренскіе парни всѣ сербы изъ Бачской жупаніи, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Тиса впадаетъ въ Дунай“.

Назарены не избѣгаютъ пропагандировать свое ученіе и въ казармахъ, и военныхъ тюрьмахъ, за что нерѣдко бываютъ жестоко избиваемы, но иногда и тамъ имѣютъ успѣхъ.

„Такъ, въ „Новомъ-Базарѣ“ я зналъ двухъ рядовыхъ, — пишетъ А. Шкарванъ, — между солдатами роты. Прежде они были унтерами въ Сегединѣ, но за пьянство и буянство были разжалованы. Они были посажены въ Арадскую тюрьму, откуда въ наказаніе ихъ перевели въ нашъ Босенскій батальонъ. Въ это время, однако, эти оба пьяницы были уже самыми тихими, кроткими людьми: назарены бригадой (Арадской) тюрьмы обратили ихъ въ „вѣру вѣрующихъ“ и успокоили ихъ“.

Газета „Застава“ въ замѣткѣ въ номерѣ отъ 31 декабря 1895 г. сообщаетъ, что „одинъ назаренъ отправился въ казарму и началъ

проповѣдывать о томъ, что ружье брать въ руки грѣхъ, и пр. т. п. Солдаты сначала смѣялись надъ нимъ, потомъ избили проповѣдника, избили такъ сильно, что пришлось отнести его на носилкахъ въ госпиталь. Это произошло въ мадарскомъ городѣ Печутель, между Дунаемъ и Дравой“.

Одно изъ самыхъ послѣднихъ извѣстій о назаренахъ, сидящихъ въ тюрьмахъ за отказъ отъ воинской повинности, относится къ 1899 г. Мы имѣемъ въ виду замѣтку, напечатанную въ № 1 (январь 1900 г.) ежемѣсячнаго журнала „Pensée libre“.

Въ ней говорится:

„Въ октябрѣ мѣсяцѣ—(1899 г.)—одинъ назаренъ изъ Соединенныхъ Штатовъ получилъ разрѣшеніе посѣтить назареновъ, заключенныхъ въ военной тюрьмѣ въ Сегединѣ въ Венгріи. Ихъ было тамъ 33 человекъ. Всѣ они уже отбыли при своихъ полкахъ короткіе сроки ареста, а теперь присуждены на долгіе, многолѣтніе сроки. Американскій братъ ободрялъ и благодарилъ за ихъ мужественный примѣръ и твердость и убѣждалъ къ дальнѣйшему смиренному несенію своего креста“.

Многіе назарены (нѣсколько десятковъ), осужденные на долгіе сроки, сидятъ по тюрьмамъ еще въ слѣдующихъ городахъ въ Венгріи: въ Ороди и въ Коморнѣ; въ Хорватіи: въ Петровардинѣ; въ Нижней Австріи: Моллерсдорфѣ близъ Бадена.

Венгерскія газеты сообщаютъ извѣстія о нѣсколькихъ отказахъ отъ присяги и службы назаренъ-резервистовъ во время осеннихъ учебныхъ сборовъ.

VII

Всѣ эти преслѣдованія, конечно, не могли остаться безъ обсуждения среди назаренскихъ общинъ.

Назарены нѣсколько разъ собирались на свои „большія“ собранія и дѣлали постановленія и разъясненія, которыя и доводили до свѣдѣнія подлежащихъ властей. Сообщимъ здѣсь два наиболѣе типичныхъ:

1) Мѣстное годмезевашаргельское собраніе выразилось, относительно отказовъ отъ воинской повинности, слѣдующимъ образомъ: „Мы уже сказали,—пишутъ назарены,—что воздерживаемся отъ присяги передъ судомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда нашихъ парней берутъ въ солдаты, но мы по этому поводу должны сказать—(такъ какъ на насъ за это нападаютъ),—что мы всѣ подчиняемся королю и государственнымъ законамъ, хотимъ исполнять ихъ и то, что касается податей и военной службы и другихъ обязанностей, за исключеніемъ одной: что касается убиванія людей—этого мы дѣлать не можемъ, такъ какъ въ Новомъ Завѣтѣ сказано: „Любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ“ (Мат. 5,44). Чистить оружіе—возьмемъ, но упражняться съ нимъ—нѣтъ, потому что если бы пришлось употреблять его на дѣлѣ для убійства людей, то мы бы никакимъ образомъ не до-

тронутись до него, и императоръ ошибся бы въ насъ. Поэтому послѣдователи Христа, зачисленные въ солдаты, отказываются упражняться съ оружіемъ. Но, вѣдь, есть достаточно должностей, гдѣ они могутъ исполнять вѣрную службу, какъ, напр., военные служители, при чемъ мы бы согласились носить штыкъ и исполняли бы другія, подобныя этой, службы и думаемъ, что Вы, господинъ министръ, найдете это разумнымъ и будете имѣть возможность сдѣлать соответствующее распоряженіе. А мы бы нашимъ одновѣрцамъ, если бы это оказалось нужнымъ, давали бы свидѣтельства, для того, чтобы другіе не выдавали себя за такихъ же. Молодыхъ людей и такъ мало между нами, такъ что и случаевъ отказовъ можетъ быть немного“¹⁾).

Таково было заявленіе одного изъ самыхъ большихъ назаренскихъ собраний, въ которомъ насчитывается болѣе тысячи членовъ. Оно было бы чрезвычайъ умѣреннымъ, умѣреннымъ настолько, что шло бы въ прямой разрѣзъ со всѣмъ ученіемъ назареновъ, если бы въ изложеніи этого самаго „исповѣданія“ не было бы сказано, что государственными законамъ слѣдуетъ подчиняться только на столько, насколько они не противорѣчатъ законамъ Божескимъ, въ противномъ случаѣ надо слушать скорѣе Бога, чѣмъ людей,—говорится тамъ²⁾).

Это „на столько, насколько,“—общее почти всѣмъ сектантамъ основаніе для всевозможнаго неподчиненія, когда требованія властей идутъ въ разрѣзъ съ „требованіями совѣсти,“ которыя, въ послѣднемъ счетѣ, всегда являются нѣчѣмъ инымъ, какъ требованіемъ, волей-неволей, уже сознанныхъ политическихъ и общественныхъ правъ, идущихъ наперекоръ господствующему въ государствѣ режиму и властвующей политической системѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, и это болѣе чѣмъ смиренное, почти раболопное, заявленіе назареновъ было оставлено безъ всякаго послѣдствія военнымъ министерствомъ, и сектантовъ все такъ же, по старому, продолжали и продолжаютъ преслѣдовать за ихъ отказы отъ оружія.

Въ 1897 г. назарены сдѣлали еще попытку убѣдить властей перемѣнить отношеніе къ нимъ. Какъ сообщаетъ венгерская газета „Budapesti Hirlap,“ въ концѣ 1898 г. всѣ венгерскіе назарены подали прошеніе министру гонведовъ — (министръ венгерской милиціи)—въ которомъ просили слѣдующее: „1) Избавить назареновъ отъ ношенія и употребленія оружія. 2) Освободить ихъ отъ обязанности колѣнопреклоненія во время команды „на молитву.“ 3) Освободить ихъ отъ обязательной присяги. 4) Не принуждать ихъ, вмѣстѣ съ другими солдатами, посѣщать церкви остальныхъ вѣроисповѣданій.“

Но и это коллективное заявленіе всѣхъ венгерскихъ назареновъ, конечно, осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь. Бюрократическое стремленіе стричь всѣхъ подъ одну гребенку помѣшало

1) См. брошюру Маковицкаго, стр. 19.

2) См. 19 стр. брошюры Маковицкаго.

и здѣсь заправиламъ венгерскаго правительства войти въ обсужденіе сути дѣла, ходатайства были оставлены безъ разсмотрѣнія и преслѣдованіе назареновъ все такъ-же продолжалось и продолжается по наши дни.

Въ 1897 году назарены отправили депутацію къ президенту министровъ барону Банфи. Объ этой аудіенціи сообщила газета „Budapesti Hirlap“ въ номерѣ отъ 8 Ноября 1897 г. Газета писала: „Баронъ Банфи, президентъ министровъ, принималъ вчера у себя на аудіенціи депутатовъ назареновъ изъ нѣкоторыхъ густонаселенныхъ мѣстъ Южной Венгріи. Депутація просила президента министровъ заступиться за нихъ и ходатайствовать о разрѣшеніи свободно организовать имъ свою назаренскую церковь. Президентъ министровъ не обѣщаль имъ этого именно потому, что ихъ назаренская вѣра учитъ о военной службѣ совершенно противно законамъ страны. Банфи спросилъ ихъ, между прочимъ, что они дѣлали бы, если бы непріятель, внѣшній врагъ, напалъ на ихъ родину, неужели и тогда они не стали бы употреблять оружія? Ораторъ депутаціи ничуть не смутился этимъ вопросомъ и отвѣтилъ, что „Господь Богъ не оставилъ бы насъ; Онъ защитилъ бы и помогъ бы намъ!“ Но что можно было бы, хотя бы для самозащиты, употреблять оружіе, назарены ни въ коемъ случаѣ не хотѣли допустить.“ Личное ходатайство назареновъ, конечно, осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Все это ужасное, вполнѣ безправное положеніе назареновъ объясняется больше всего, конечно, общимъ законодательствомъ Венгріи относительно „свободы совѣсти.“ Вслѣдствіе того, что этотъ важный вопросъ разработанъ въ венгерскомъ законодательствѣ очень плохо, вслѣдствіе того, что онъ находится въ полномъ несоотвѣтствіи съ понятіемъ о конституціонномъ правомъ государствѣ, вслѣдствіи всего этого „указъ венгерскаго министра просвѣщенія 1868 г. и законъ 1875 г.,—пишетъ Д. Маковицкій,—не считаются законными ни самое назаренское исповѣданіе, ни отпаденіе назареновъ отъ церквей, къ которымъ они до сихъ поръ принадлежали, ни назаренскіе браки и дѣтей отъ нихъ и не освобождаетъ назареновъ отъ платежа податей церквямъ, изъ которыхъ они выступили“.

По новому закону о религіозной свободѣ 1895—6 г. назаренство остается исповѣданіемъ, не признаннымъ закономъ, и назарены должны еще 5 лѣтъ послѣ выхода изъ церкви, признанной закономъ, платить ей подати и должны дѣтей своихъ воспитывать въ какой-либо изъ закономъ признанныхъ церквей. До сихъ поръ,—вполнѣ правильно замѣчаетъ Д. Маковицкій,—они могли воспитывать своихъ дѣтей въ своей собственной вѣрѣ, по своему убѣжденію,—слѣдовательно, новымъ закономъ назареновъ, черезъ ихъ дѣтей, силою загоняють обратно въ тѣ церкви, которыя они оставили.

Въ Хорватіи - Славоніи государственнымъ закономъ 15 декабря 1893 г. постановлено: 1) Исповѣданія секты назареновъ и бап-

тистовъ считать закономъ не признанными. 2) Послѣдователей этихъ сектъ не принуждать исполнять обряды нѣкоторыхъ исповѣданій изъ признанныхъ закономъ. 4) Бракъ, заключенный по обряду назареновъ, и дѣтей отъ него считать незаконными. 5) Въ областяхъ, заселенныхъ сектантами, должны вестись записи о случаяхъ рожденій и смерти и о супружескихъ связяхъ у назареновъ. 10) Такъ какъ назарены должны исполнять всѣ областныя обязанности, то должны и дѣтей посылать въ школы. 11) Умершіе назарены должны быть похоронены на той части общиннаго кладбища, гдѣ хоронятся дѣти, умершіе до крещенія¹⁾).

Вотъ эти то драконовскія постановленія, внесенныя въ законъ „о религиозной свободѣ“ (!) специально для назареновъ, и должны были, по проекту „начальства“, „вразумить заблудшихъ“, но,—какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ,—они только еще сильнѣй возбудили назареновъ своей очевидной несправедливостью, подбавили имъ упорства и фанатизма и узаконеннымъ беззаконіемъ дали плохой прецедентъ, расчистивъ дорогу для всякаго насилія и безчинства любого „изъ представителей большой и малой власти“ надъ кроткими и убѣжденными сектантами.

Пробовали назарены обращаться за заступничествомъ и ходатайствомъ передъ высшимъ правительствомъ къ различнымъ яко-бы гуманитарнымъ обществамъ и, между прочимъ, обратились и къ извѣстной „Лиги мира“, черезъ предсѣдателя венгерскаго ея отдѣленія извѣстнаго писателя Мавра Юкайя. Отвѣтъ этого официальнаго представителя столь нашумѣвшаго въ Европѣ общества настолько характеренъ и интересенъ, что мы приведемъ его здѣсь полностью²⁾).

„Наканунѣ мнѣ было доложено,—пишетъ Мавро Юкай,—что ко мнѣ явится депутація. Съ полной готовностью я согласился принять ихъ. Мнѣ давно было извѣстно вѣроисповѣданіе назареновъ.

„Они явились точно, въ опредѣленный часъ Ихъ пришло семеро; это были представители отъ разныхъ многочисленныхъ южно-венгерскихъ назаренскихъ городовъ; между ними находились крестьяне, ремесленники, фабриканты, землевладѣльцы. Ихъ ораторъ былъ крестьянинъ, старикъ, съ хорошимъ лицомъ.

„На мой вопросъ, какое названіе имѣетъ то вѣроисповѣданіе, къ которому они принадлежатъ, онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Мы—вѣрующіе, послѣдователи завѣтовъ Христа.

„Я попросилъ ихъ сѣсть и передать мнѣ цѣль своего посѣщенія. Въ отвѣтъ на это ораторъ сталъ рассказывать, что за послѣднее время власти дѣлаютъ назаренамъ затрудненія въ приобрѣтеніи домовъ и земли при внесеніи ихъ именъ въ поземельную книгу; но главная жалоба ихъ заключается не въ этомъ, а въ томъ, что военныя власти съ ужасной строгостью поступаютъ

¹⁾ См. брошюру Д. Маковицкаго стр. 18.

²⁾ Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ газетѣ „Magyar Hirlap“, 4 ноября 1897 г.

съ ихъ сыновьями, которымъ религиозное убѣжденіе не позволяетъ брать въ руки оружіе: за это ихъ сажаютъ въ тюрьму, нѣкоторыхъ же въ теченіе 12 лѣтъ принуждаютъ служить при лазаретахъ. И вотъ они обращаются къ моему посредничеству и просятъ помощи для устраненія всего этого.

„Почему именно моего посредничества въ помощи?“

„Потому что я состою президентомъ „Лиги мира“ въ Венгріи.

„Дѣйствительно,—пишетъ Мавро Токай,—моя обязанность состоитъ въ распространеніи любви къ миру и даже болѣе того—въ этомъ мое искреннее сердечное намѣреніе.

„И я рассказалъ имъ свой взглядъ на то, какими средствами можно водворить миръ на землѣ.

„Я свято вѣрю, сказалъ я имъ,—пишетъ Токай,—что современное поколѣніе вполне можетъ пользоваться миромъ, но именно потому, что руки у него полны оружіемъ. Каждое большое государство, каждый монархъ, каждое правительство знаютъ очень хорошо, что другія государства точно такъ же вооружены, какъ и они; что ихъ народы точно такъ же готовы пролить свою кровь за отечество, какъ и ихъ народъ, и, зная это, всѣ они избѣгаютъ нарушить миръ, что было бы одинаково пагубно какъ для побѣжденныхъ, такъ и для побѣдителей. Тяжелымъ бременемъ лежитъ на насъ этотъ вооруженный миръ; однако, лишь только мы сложимъ оружіе, въ тотъ же моментъ на насъ бивутся войной наши сосѣди и раздѣлятъ между собою насъ, безоружныхъ. Я имъ рассказалъ, что всѣ народы во всемъ мірѣ имѣютъ еще, кромѣ своего отечества, родственные имъ народы—и нѣмцы, и французы, и англичане, и русскіе. Одни венгерцы въ цѣломъ свѣтѣ не имѣютъ другого отечества, кромѣ Венгріи. Если мы позволимъ иностранцамъ завладѣть нашей страной, то насъ ожидаетъ лишь рабское иго и исчезновеніе нашего народа. И среди этой катастрофы погибнуть и назарены такъ же.

„Также я выставилъ передъ ними то обстоятельство, что у насъ, кромѣ ученія Христа, есть еще ученіе Арпада, про котораго мы отнюдь не должны забывать, такъ какъ не кто иной, какъ онъ, вывелъ насъ изъ азіатскихъ пустынь, пригодныхъ лишь для уединенной аскетической жизни,—въ дѣятельный европейскій міръ, гдѣ мы со всѣхъ сторонъ окружены чужими народами, изъ которыхъ всякій поноситъ нашу славу, угрожаетъ нашей будущности, вырываетъ изъ подъ нашихъ ногъ кусками нашу землю.

„Если мы сами себя покинемъ, то покинетъ насъ весь міръ, покинетъ насъ самъ Богъ, и мы обратимся въ прахъ.

„На это назарены отвѣтили лишь, что Христось запретилъ воевать.

Тогда я предложилъ имъ мою біблію съ замѣчательной рѣзбой le Maistre de Sacy на переплетѣ и указалъ имъ, что изъ четырехъ евангелистовъ—Маркъ, Лука и Іоаннъ ничего не упоминаютъ объ изреченіи Христа о томъ, что „взявшій мечъ, отъ

меча погибнет“, и что это изреченіе есть только у одного Матеея. Но Христосъ этими словами, — продолжаетъ президентъ „Лиги мира“, — запрещалъ не военщину, не защиту отечества, такъ какъ въ его время Палестина была уже Римской провинціей, и евреи не обязаны были служить въ римскихъ войскахъ, но Спасительъ подразумѣвалъ подъ этими словами „убійство“, уголовное, которое карается мечомъ закона. Десять заповѣдей Іеговы, данныя на горѣ Синаѣ, тоже запрещаютъ „убійство“, и вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же самый Іегова далъ начальникамъ еврейскаго народа приказаніе, чтобы они въ городахъ филистимлянскихъ убили воѣхъ мужичиъ, и народъ израильскій, во имя Іеговы, брался за оружіе противъ чужихъ завоевателей. Богъ тоже дѣлаетъ разницу между убійствомъ и геройскою защитою отечества.

„На это назарены отвѣтили мнѣ, что Христосъ — (по Матѣ. V гл.)—приказалъ намъ любить даже враговъ нашихъ и творить добро тѣмъ, кто насъ преслѣдуетъ.

„— Я тоже слѣдую этой заповѣди,—отвѣтилъ я,—сказалъ назаренамъ Іокай,—я не убиваю людей чужого народа. Одинаково я уважаю нѣмца, русскаго, румына,—желаю имъ благополучія въ ихъ странѣ, желаю, чтобы и на нихъ сошелъ Духъ Святой, чтобы и они любили насъ. Никогда я не сочувствовалъ тому, чтобы молодое поколѣніе нашей страны напало съ оружіемъ на кого-нибудь изъ нашихъ сосѣдей; я лично переношу всякія нападки на меня и не мщу, однако, выпустить изъ рукъ средство для защиты—я не совѣтую.

„На это мои посѣтители отвѣтили мнѣ, что не въ томъ заключается ихъ желаніе, чтобы вся Венгрія сложила оружіе, а только, чтобы ихъ братья могли вмѣсто срока рядовой службы, отслуживать свой срокъ при занятіяхъ, гдѣ не требуется брать оружія.

„— Но въ такомъ случаѣ всякій заявить, что онъ назаренъ, лишь бы освободиться отъ военной службы.

„— Это не такъ,—отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ назареновъ, участвовавшій въ оккупациі Босніи, какъ лазаретный служитель,—это не основаніе всякому стать назареномъ, ибо для того, чтобы принадлежать къ нашей общинѣ, не достаточно не быть солдатомъ,—нужно прежде всего покаяться и очиститься отъ грѣховъ своихъ: наши братья не крадутъ, не обманываютъ, не прелюбодѣйствуютъ, не пьютъ, не ругаются, не дерутся, не присягаютъ, а сказанное слово исполняютъ. Братья наши не лѣнны, не гуляютъ, а работаютъ; имѣніе свое раздадутъ, Бога почитаютъ, любятъ всѣхъ людей. Вотъ какимъ требованіямъ долженъ удовлетворять мірянинъ, чтобы стать назареномъ. На свѣтѣ же много такихъ, которые не на этомъ поприщѣ ищутъ подвиговъ и удовлетворенія. Они всѣ, по своей совѣсти, могутъ идти на военную службу.

„Я долженъ былъ признаться,—лишетъ Іокай,—что дѣйстви-

тельно жизнь назареновъ заслуживаетъ уваженія. Также я признался и въ томъ, что самые вѣрные наслѣдники завѣтовъ Христа—назарены.

„Я самъ такой же, какъ и вы,—продолжалъ Мавро Локай,—я знаю наизусть Библию, спою до конца всѣ псалмы Давида. Въ то же время я—президентъ „Лиги мира“ въ Венгрии, и я все мое вліяніе употребляю на то, чтобы содѣйствовать сохраненію мира путемъ слова, писаній и жертвой имущества. *Однако, если моему отечеству будетъ угрожать непріятель—(чего не дай Боже)—то, несмотря на мою стѣдую голову, стѣдую бороду, я все-таки препояшусь мечомъ, сяду на коня и стану въ ряды защитниковъ отечества.* Священное писаніе полно мудрыхъ изреченій—это вѣрно, однако, я придерживаюсь народной желѣзной поговорки: *„не трогай мадьярина!“*¹⁾).

„Послѣ этого,—заканчиваетъ Мавро Локай,—мы, попросивъ другъ у друга прощенія, простились братскимъ пожатіемъ рукъ“.

VIII.

Интересно разсмотрѣть теперь, какъ же относится къ назаренамъ духовенство всѣхъ признанныхъ въ Венгрии церквей.

Въ началѣ очерка мы уже видѣли, какія каверзы чинилъ пасторъ фонъ-Пагокъ одному изъ первыхъ пропагандистовъ назаренства—Людвигу Хенгзеку.

Съ теченіемъ времени, когда пропаганда назареновъ развивалась все больше и больше, когда пасторы и патеры всѣхъ признанныхъ церквей воочію убѣдились, что ихъ „стадо“ грѣшныхъ душъ все уменьшается и уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются и тають тѣ приходскіе доходы, которые доставляли ихъ ранѣе „вѣрныя чада церкви“, спѣшили обратиться къ центральному правительству съ „докладными записками“, „мнѣніями“, „наблюденіями“, „доносами“, „извѣщеніями“ и пр. и пр. официальными бумажками, въ которыхъ вездѣ, какъ по мановенію волшебника, твердилось одно и то же: отечество въ опасности, міръ погибаетъ, на землѣ воцаряется анархія, народъ развращается и гибнетъ—вообще были пущены въ ходъ всѣ тѣ жупелы и страхи, которые обыкновенно всегда и вездѣ пускаются представителями правящихъ классовъ, разъ только „кровные“ интересы ихъ собственнаго существованія затронуты хоть сколько-нибудь серьезно.

Въ брошюрѣ доктора Душана Маковицкаго хорошо сгруппированы данныя объ отношеніи церквей къ назаренамъ. Онъ на страницѣ 16 и слѣдующихъ пишетъ: „въ Швейцаріи священники требовали помощи у правительства противъ назареновъ.“

„Въ Венгрии во время абсолютическаго правленія (1850—54 г.) происходило подобное же. Церковь жестоко преслѣдовала наза-

¹⁾ Курсивъ автора.

реновъ, судила, арестовывала, высылала противъ нихъ жандармовъ, и при ихъ же помощи были окрещиваемы въ церквахъ назаренскія дѣти. Точно такъ-же относились къ нимъ гражданскія власти еще въ 1875 г. въ Торонтальскомъ уѣздѣ, гдѣ жандармы разлучали назаренскихъ супруговъ, и даже въ 1893 г. въ Хорватославоніи, гдѣ при помощи жандармовъ священники крестили назаренскихъ дѣтей.

„Въ 1870 г. реформатскія церкви—Пачерская и Маковская—составили записку о назаренахъ. Пачерская церковь указываетъ въ слѣдующихъ 7 пунктахъ вліяніе назареновъ на государство, церковь и общество: 1) назарены заключаютъ браки безъ законной формы, вслѣдствіе этого умножаются беззаконныя сожителства и незаконныя дѣти; 2) назарены противятся военной службѣ; 3) кромѣ библіи, не признаютъ другой науки; 4) торговля, по ихъ понятію, вся основана на лжи; всѣ образовательныя учрежденія презираютъ; 5) не пользуются гражданскими и политическими правами; 6) къ другимъ исповѣданіямъ относятся отрицательно; 7) случается то, что, не имѣя права вести метрики, ни рожденія, ни смерти не дѣлаются извѣстными“.

„Пачерская церковь для „искорененія зла“ предложила хоть сколько нибудь въ нѣкоторыхъ пунктахъ осмысленныя и цѣлесообразныя мѣры, но, вѣроятно, именно поэтому эти мѣры и не были проведены въ жизнь, кромѣ пункта о „власти правительства“. Эта церковь рекомендовала: „Противъ § 1—учрежденіе гражданскаго брака. Противъ § 2—власть правительства. Противъ §§ 3, 4 и 5—учрежденіе общинныхъ школъ. Противъ § 6—уравненіе церковныхъ полатей назареновъ и не-назареновъ. Противъ § 7 — гражданскія метрики“¹⁾.

„Въ 1887 г.—пишетъ Маковицкій,—собрались священники разныхъ исповѣданій (лютеранскаго, кальвинистскаго, православнаго, униатскаго и католическаго) изъ бывшей Военной Границы въ Чрепаѣ (Торонтальскаго уѣзда). Нѣкоторые изъ нихъ были противъ насильственныхъ мѣръ, большинство же рѣшило требовать у правительства, чтобы оно способствовало строгому исполненію распоряженій „первей противъ назареновъ“.

Особенно сильно нападаютъ на назареновъ протестантскіе священники. Ихъ обвиненія назареновъ сводятся къ слѣдующему: назарены „хотя достигнутъ спасенія одной праведностью, а не черезъ Іисуса Христа; назарены духомъ горды и высокомѣрны; они проповѣдуютъ, что они правовѣрные христіане и что спасеніе возможно только въ ихъ вѣрѣ; что хотя это правда, что „добрые“, „набожные“ между ними строго исполняютъ Новый Завѣтъ, но что они дѣлаютъ отступленіе въ томъ, что отдаляются отъ „невѣрующихъ“ и относятъ къ нимъ слова Павла: „никакого дѣла общенія не имѣйте съ невѣрующими“; что однихъ одновѣрцевъ признаютъ братьями, однихъ ихъ привѣтствуютъ словами: „Богъ

¹⁾ См. брошюру Д. Маковицкаго стр. 16.

тебя благослови“, мимо же другихъ проходить съ наклоненной головой или, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, шевелятъ пальцами въ знакъ поклона. Затѣмъ обвиняютъ ихъ, что они нарушаютъ 10 Моисеевыхъ заповѣдей, именно 4-ю, когда въ родителяхъ своихъ видятъ только своихъ воспитателей, и говорятъ, что земля, которая кормитъ всѣхъ насъ, есть мать наша.

Затѣмъ, что они утверждаютъ, что только они вѣрно понимаютъ св. писаніе и что имъ, кромѣ него и собранія пѣсней, другой книги не надо, потому что другія книги—одна людская мудрость, что они даже сжигаютъ катехизисы и другія тому подобныя книги, ссылаясь на одно мѣсто въ Павловыхъ посланіяхъ.

Затѣмъ, что и между ними умнѣйшіе толкуютъ писаніе и совершаютъ миссіонерскія путешествія, и что этимъ „миссіонерамъ“ тоже платятъ изъ добровольныхъ приношеній, такъ что, хотя они и проповѣдуютъ: „даромъ получили, даромъ и давайте“, но не исполняютъ этого.

Затѣмъ, что плохо понимаютъ св. писаніе, когда, напримѣръ, „воздайте кесарево—кесарю“...“ и „всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ“—толкуютъ по своему и когда всѣ власти безъ исключенія признаютъ ненужными, отказываются платить государственнымъ и церковнымъ подати, не хотятъ защищать тронъ и отечество; что хотя они мірскимъ властямъ открыты и не противятся, но повинуются имъ только для того, чтобы не быть принуждаемыми; что не хотятъ продавать лошадей для войска, что они ставятъ себѣ цѣлью уничтоженіе государства, когда говорятъ: „намъ не надо ни священниковъ, ни учителей, ни начальниковъ ни судей. Мы слѣдуемъ истинѣ, не дѣлаемъ никому зла и поэтому судьи и всѣ власти становятся для насъ ненужными“. Насколько эта секта,—говорятъ протестантскіе пасторы,—опасна для государства и церкви, настолько же она противна и опасна образованію и всякому прогрессу въ наукахъ. Въ ихъ глазахъ только та работа законна и справедлива, отъ которой мозоли на рукахъ. Вся торговля, говорятъ они, основана на лжи. Они очень склонны къ коммунизму,—прибавляютъ протестантскіе пасторы,—и въ большинствѣ случаевъ, не имѣя собственности, говорятъ: „на что господамъ земля, вѣдь, они ее не могутъ обрабатывать“.

Много и еще всевозможныхъ обвиненій падаетъ на голову назареновъ. Представители всѣхъ церквей Венгріи выдѣляютъ изъ своей среды такихъ „священныхъ особъ“, которыя съ истиннымъ удовольствіемъ и наслажденіемъ клеветуютъ на назареновъ положительно все, что только имъ взбрѣдетъ въ голову.

Въ мадьярской газетѣ „Eggetértés“ отъ 26 іюля 1898 г. напечатана была статья подъ заглавіемъ „Противъ назареновъ“, въ которой былъ приведенъ слѣдующій весьма интересный образчикъ доноса одного изъ „батьшекъ“ на назареновъ:

Священникъ Кадичъ писалъ:

„Хотя § 25 XLIII статьи закона 1895 г. и разрѣшаетъ всѣмъ и каждому исповѣдывать именно ту религію, какую захочетъ

самъ каждый отдѣльный человѣкъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что эти исповѣданія будутъ находиться въ границахъ предписанныхъ законовъ страны и не будутъ нарушать общественную мораль.

„Вѣроисповѣданіе назареновъ, какъ извѣстно, закономъ не признано. Эта же самая статья закона также предписываетъ, что каждое отдѣльное „вѣроисповѣданіе“ должно учреждать и содержать свои приходы, должно заботиться объ обученіи своихъ дѣтей. Въ назаренской общинѣ моего прихода находятся самыя темныя личности, нравственно глубоко павшія. Объ обученіи своихъ дѣтей они совершенно не заботятся; праздникова нибогда не соблюдаютъ. Распространяютъ же они ложныя для общественнаго блага, крайне вредныя ученія. Ученія эти настолько бессмысленны, что вполнѣ резонно служатъ постоянной мишенью для насмѣшекъ и поруганія окружающихъ. Ученіе ихъ не похоже ни на какія другія религиозныя ученія. Противозаконно же оно, главнымъ образомъ, потому, что назарены провозглашаютъ ношеніе и употребленіе оружія противнымъ закону Бога. § 9 уже упомянутой статьи закона разрѣшаетъ всѣмъ признаннымъ и одобреннымъ вѣроисповѣданіямъ свободно исполнять свои богослуженія. Но назаренская секта, какъ извѣстно, не признана и неодобрена, но, несмотря на это, они все-таки вполнѣ открыто и свободно исполняютъ свои моленія.

„По § 19 той же статьи всѣ религиозныя собранія должны быть публичныя, открытыя и на нихъ дозволено толковать только о религіи,—назарены же часто собираются совершенно секретно, а протоколы свои они не показываютъ властямъ, какъ это слѣдовало бы по точному смыслу закона. Существованіе этихъ же тайныхъ собраній неволью наводитъ на мысль, что въ нихъ назарены ведутъ противогосударственныя бесѣды. Дѣла же назареновъ заключаются въ томъ, что они повсюду соблазняютъ народъ, сбивая его на плохую дорогу, и приходъ мой ежедневно теряетъ то того, то иного, казалось бы, вѣрнаго члена его“.

Въ такомъ же духѣ продолжаетъ священникъ и дальше, рисуя трепеть и ужасъ, которые должны охватить все человѣчество, разъ только эта „погибельная“ религія восторжествуетъ. Люди превратятся въ звѣрей, кинутся другъ на друга, начнутъ грабить, рѣзать и убивать всѣхъ и вся, вообще наступитъ... „всеобщая анархія“, — не утерпѣлъ включить въ свою „слезницу“ эту модную кличку священникъ Кадичъ.

Въ заключеніе прошенія встревоженный „духовный отецъ“ убѣдительно проситъ гражданскія власти проникнуться всѣми его соображеніями и немедленно закрыть всѣ молитвенные дома назареновъ, ибо § 20 LIII статьи закона гласитъ: „вѣрующіе какого-либо вѣроисповѣданія, не составляющіе свой особый церковный приходъ, должны присоединиться къ приходу наиболѣе родственнаго имъ вѣроисповѣданія, находящемуся въ территоріи мадарскаго государства“.

Исполнится ли когда-либо это завѣтное мечтаніе священника Кадича — мы не знаемъ, но знаемъ только одно, что, несмотря на всѣ преслѣдованія со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей, назаренскія собранія не перестаютъ функционировать.

Но мы должны здѣсь также отмѣтить, что среди этого общаго концерта человѣконенавистничества уже со стороны болѣе гуманныхъ представителей признанныхъ закономъ церквей раздался голосъ, останавливающий занесенную надъ назаренами руку и призывающій власть имущихъ остановить свое кровавое дѣло. „Оружія противъ назареновъ у церкви, — пишетъ Себе-рини, авторъ одной изъ лучшихъ брошюръ о назаренахъ, — не можетъ быть другого, кромѣ духовнаго. Съ одной стороны, самоотверженная вѣрность, усердіе, прилежность служителей церкви, съ другой — строгій надзоръ церковнаго начальства за тѣмъ, исполняютъ ли священники свои обязанности: это наши лучшія оружія“¹⁾.

„На Чрепайскомъ совѣщаніи, — пишетъ Д. Маковицкій, — греко-католическій священникъ М. Матейчъ сказалъ: „Назаренство не отрицаетъ христіанства, но лишь авторитетъ государства“. А лютеранскій пасторъ Ю. Швамъ выразился такъ: „Назаренство не болѣзнь, а скорѣе признакъ болѣзни самой церкви. Лѣчить ее — должно быть задачей самой церкви“.

Интересенъ также отзывъ лютеранскаго пастора М. Бодидцаго, помѣщенный въ № 1-мъ „Лютеранскихъ церковныхъ листковъ“ (1896 г.). М. Бодидцкій пишетъ: „Я имѣлъ возможность говорить съ назаренами. Ихъ главное обвиненіе противъ нашей церкви въ томъ, что, находясь въ ней, можно свободно грѣшить. А мы противъ этого обвиненія не имѣемъ никакой защиты. Не согласенъ я съ тѣмъ способомъ борьбы противъ назареновъ, — продолжаетъ М. Бодидцкій, — чтобы всю вину сваливать на нихъ. Было бы хорошо, если бы мы искали бревно въ своемъ собственномъ глазу и научились бы отъ этихъ — если можно такъ ихъ назвать — еретиковъ сектантовъ тому, чего намъ недостаетъ, чтобы мы могли назваться собраніемъ святыхъ“.

Одинъ лютеранскій пасторъ пишетъ въ частномъ письмѣ о томъ, что прежде, чѣмъ начинать бороться съ назаренами, самимъ „духовнымъ пастырямъ“ необходимо подумать о самихъ себѣ и своей нравственности. По мнѣнію этого пастора, „многихъ толкнула въ назаренство только преступная и распутная жизнь нашихъ южно-венгерскихъ священниковъ и нерадивое совершеніе ими богослуженія. Напримѣръ, священникъ проповѣдуетъ трезвость, а самъ валяется пьяный въ грязи; проповѣдуетъ о чистотѣ нравовъ, а самъ самый большой блудникъ, покровительствуетъ господамъ и не обращаетъ вниманія на жалобы паствы. Кромѣ 4 — 5 человѣкъ во всей Бачкѣ и Сремѣ

1) См: тамъ-же.

нѣтъ ни одного лютеранскаго священника, исполняющаго свои обязанности какъ слѣдуетъ“,—заключаетъ откровенный пасторъ.

Таково отношеніе духовенства господствующихъ церквей къ венгерскимъ назаренамъ. Это отношеніе, въ большинствѣ случаевъ сводящееся къ пропагандѣ „мѣръ строгости“, врядь ли можетъ подѣйствовать успокоительно на населеніе страны, уже захваченнаго въ сферу своего вліянія назаренскими общинами. Мы думаемъ, что случится какъ разъ обратное: чѣмъ прямолинейнѣй будетъ проводиться политика подавленія сектантскаго движенія, тѣмъ фанатичнѣй будутъ настраиваться сектантскія массы, тѣмъ большій ореолъ будутъ приобрѣтать сектантскіе мученики въ народѣ, тѣмъ легче назаренамъ будетъ вербовать своихъ послѣдователей. Освобожденіе этой секты отъ всякаго судебного и административнаго гнета, уравниеніе ея во всѣхъ правахъ съ другими существующими въ странѣ обществами и союзами — вотъ единственно правильный путь, по которому должна бы была пойти венгерская законодательная и административная власти, если бы онѣ захотѣли быть сколько-нибудь справедливыми къ назаренамъ.

И мы думаемъ, что въ Венгріи, — въ странѣ конституціоннаго права, — не далеко то будущее, когда изъ законодательнаго кодекса совершенно и безвозвратно исчезнутъ остатки старыхъ пережитковъ, и вмѣсто нихъ водрузится знамя полнаго гражданскаго равноправія, гражданской свободы и вѣротерпимости, какъ одного изъ проявленій этой свободы.

В. Ольховской.

«Живописатель нравовъ» А. И. Левитовъ.

Историческая справка.

Опредѣляя внутреннее содержаніе литературы, мы постоянно прибѣгаемъ къ терминамъ — очень и удобнымъ, дѣйствительно — „среда“, „моментъ“. На самомъ дѣлѣ, литературу представляетъ всегда та или другая современная „интеллигенція“, порожденная данною средою и моментомъ. И поскольку литература съ ея текущими явленіями, въ такомъ смыслѣ, *соціологична*, — ее легче расчленять и выяснять, легче отыскивать тутъ свои законы и мотивированныя правила. Но литература, вѣдь, и *психологична*. Она плодъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей.

Подмѣтить здѣсь извѣстныя причинныя связи, оцѣнить частныя воздѣйствія и вліянія — гораздо труднѣе. Нелегкость подобной задачи особливо ощущается, когда стараются освѣтить литературныя *моды*. Отъ нихъ несвободна и литература. мода—ничто преходящее, непомнящее родства, подчасъ и бесслѣдное; но она бываетъ и красочна, рельефна. мода указываетъ нерѣдко, что, какъ ни характеренъ въ исторіи человѣчества ростъ индивидуализма, — все-же и посейчасъ присуща „земнороднымъ“ и стадность. Видимо, Тардъ не безъ основаній столь увлеклся подведеніемъ своего закона подражательности у людей.

Отгнать моду болѣе или менѣе *соціологическаго* происхожденія—работа иногда вовсе не сложная. Скажемъ примѣрно. Обозначилось на Руси дворянское оскуднѣніе, сильнѣе забродило кулачество, завелось въ городахъ больше рабочаго люду—и вотъ обо всемъ этомъ заскрипѣли перья—чисто случайныя, безъ творчества и самостоятельныхъ думъ. И уже скорѣе ошибешься, пытаясь освѣтить *психологическую* моду, обусловленную писательствомъ выдающейся личности, которая погнала за собою толпу многихъ иныхъ, повторяющихъ и копирующихъ подлинникъ.

Въ настоящую минуту у насъ въ литературѣ усердно воспроизводятъ разнообразныя общественныя „низы и задворки“, и тому благопріятствуетъ, конечно, самый *соціологическій* моментъ. „Психологическія“ обстоятельства—менѣе возбуждательныя. „Властителя думъ“ Толстого не назовете вы какимъ-нибудь спеціалистомъ *бытописателемъ*. Равныхъ ему талантовъ въ этой области не видно на аренѣ литературы. „Модныхъ“ же произведеній нынѣ, пожалуй, даже и слишкомъ много. И тамъ, и тутъ—вездѣ писатели съ весьма умѣренными дарованіями и съ очень приличной литературной техникой какъ будто зорко слѣдятъ другъ за другомъ и заносятъ въ свои сочиненія однѣ и тѣ-же фигуры, декорации и настроенія.

И въ „философіи“ этихъ литераторовъ чувствуется несомнѣнное взаимотреніе. Можетъ быть, у насъ теперь такая пора, что число мыслящихъ и чувствующихъ увеличилось. Но нѣтъ еще силачей для подъема на свои плечи новыхъ широкихъ литературныхъ задачъ. Наличныхъ *дарованій* хватаетъ только на свѣжее, скажемъ, и яркое письмо разныхъ уголковъ, да на зарисовку того, что угождаетъ какой-то модѣ и кажется чѣмъ-то въ родѣ „общественнаго мнѣнія“.

Въ 1877 г. умеръ Некрасовъ. Въ *соціологическомъ* отношеніи его поэзія прямо отвѣчала на значительныя и опредѣленные запросы русской жизни. *Психологически* она создана недюжинной личностью. Некрасовъ и его время должны были породить извѣстную общественно литературную школу. Къ ней, думается, принадлежитъ и Александръ Ивановичъ Левитовъ, скончавшійся въ томъ-же 1877 г. Въ его сочиненіяхъ стихи Некрасова читаются, какъ особая настольная мудрая книга. Онъ также пѣвецъ волнений и злоключеній массы, толпы, русской деревенщины. И вмѣстѣ съ тѣмъ Левитовъ одинъ изъ талантливыхъ предшественниковъ нынѣшнихъ изобразителей нашей голытьбы, бродящихъ и шатающихся, „безпріютныхъ“, „выпивоховъ“ и всякихъ пролетаріевъ.

Это въ *соціологическомъ* отношеніи. О *психологии* Левитова—рѣчь впереди.

Левитовъ написалъ (или, пожалуй, точнѣе, напечаталъ) вовсе не много. Вдобавокъ по какому-то старому „3-му пункту“—„Степные очерки“ его и посейчасъ не выдаются въ частныхъ бібліотекахъ.

Но этотъ своеобразный „живописатель нравовъ“ (по его же собственному выраженію) не затирается и не меркнетъ среди сподвижниковъ своихъ въ литературной области и въ данную минуту. Зачастую весьма необдѣланные очерки его еще горять и движутся подъ давленіемъ неизжитой родной дѣйствительности. Онъ настоящій скиталецъ, и всѣ сочиненія его въ высшей степени субъективны и, такъ сказать, автобіографичны.

Г. Скабичевскій въ своей книгѣ „Беллетристы-народники“ рассказываетъ: „У меня вотъ лежитъ на конторкѣ одна еще нигдѣ ненапечатанная рукопись Левитова, поля которой испи-

саны выдержками изъ русскихъ поэтовъ, особенно приглянувшимися Левитову, и на первомъ планѣ красуется слѣдующее мѣсто изъ Лермонтова:

„Глупецъ, гдѣ посохъ твой дорожный?
Возьми его, пускайся въ даль.
Пойдешь-ли ты черезъ пустыню,
Иль городъ пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигдѣ притюжь себя не строй“.

Главный герой его рекомендуетъ себя въ такомъ стилѣ: „Такъ вотъ вамъ покажѣсть, на первый разъ пьяное описаніе того, какого ерундистаго горемыку изображаю самъ я, живописатель московскихъ нравовъ, Иванъ Петровъ, сынъ Сизой,—и затѣмъ, пойдемъ съ Господомъ дальше *по нашей горькой дорогѣ*“.

Натура, очевидно, весьма человѣчная, даже нѣжная, Левитовъ переиспыталъ „милліонъ терзаній“, и потому временами рѣзокъ безъ всякой мѣры: „Напиши (см. „Москов. норы и трущобы“) ты повѣстку такую общую и роднымъ, и знакомымъ моимъ, что, дескать, родственникъ или пріятель такой-то (какъ на балъ приглашаютъ!), *умирая*, изъявляетъ свое крайнее сожалѣніе, что не можетъ онъ вамъ на прощаньи всѣмъ въ глаза плюнуть“. Всяческую грязь „низовъ“ общества, въ городѣ ли, въ деревнѣ, Левитовъ воспроизводитъ съ большою откровенностью и реализмомъ. Онъ даже тутъ—полухуতা, полусерьезно—похвально извѣстною смѣлостью своихъ картинъ и снимковъ“. Но я не буду описывать всѣхъ подробностей бала, потому что, опиши я ихъ съ той *фотографической* вѣрностью, какая,—говорю это, покручивая усы,—всегда отличаетъ меня, моя героиня имѣла бы полное право до самаго гроба оплакивать свою жизнь“. Разочарованный въ своихъ поискахъ людской совѣстливости и правды, Левитовъ какъ-то мечтательно тяготѣетъ къ природѣ. Оригинальные лирическіе пейзажи, постоянныя олицетворенія разнообразнѣйшихъ предметовъ окружающаго виѣшнаго міра у него подчасъ выливаются въ чисто художественную форму. Зато для своихъ собратій онъ иногда не щадитъ никакихъ самыхъ черныхъ красокъ.

Не скудна его портретная галлея и озлобленными, негодующими, протестующими. Въ идеалѣ Левитовъ стремится къ любви и миру. Но люди, видимо, раздражаютъ его на каждомъ шагу. Иванъ Сизой постранствовалъ и сообщаетъ, что видѣлъ „молчаливое и безустанно работающее уныніе въ мужицкихъ избахъ. Бѣдность московскихъ дѣвственныхъ улицъ меня радуетъ, потому что она рычитъ и щетинится“. Сизой этотъ, однако, и самъ не изъ богатыхъ. Онъ когда-то любилъ нѣкую Катю. Она теперь замужемъ за мастеровымъ: это сдѣлка съ богатымъ офицеромъ. Мастеровой „учитъ“ свою супругу, и Катя вызываетъ къ Сизому: „Подлецъ, подлецъ! что же ты не заступилъ? Зачѣмъ же ты иное-то всегда мнѣ говорилъ? Зачѣмъ же въ книжкахъ

твоихъ про заступу всегда слабому говорилось?“ Незадачный старовѣръ, пьяный Милушкинъ, обращается съ такими попреками къ своей компаніи: „душѣ у васъ нѣтъ, сердце у васъ нѣтъ, а есть только однѣ утробы“. Иные левитовскіе герои, хотя бы и порывами, проявляютъ мощь своего я. Сапожникъ Кузьма Сладкій оралъ временами какой-нибудь другой пѣснѣ или гармошкѣ: „Держись крѣпше, расшибу, одинъ я на этой улицѣ пройтись желаю“. „Погибшее, но милое созданье“, Сапа высказывается: „Я очень любила въ свое время колотить и издѣваться, въ шутку будто бы, надъ разными тузами—и чѣмъ тузъ былъ толще и вельможнѣе, тѣмъ мнѣ было слаще“.

По-своему трактуетъ свое верховенство надъ обществомъ и гость московскаго трактира „Крымъ“:—„Вашу фразу объ изгнаніи изъ общества можно перевернуть такимъ образомъ: я самъ прогоню отъ себя общество, которое намѣревается ичгнать меня, потому что никто другой, какъ только одни впечатлѣнія, навѣянные на меня картинами этого общества, доставили мнѣ честь пьянствовать съ вами въ этомъ бездонномъ омутѣ“.

„Разночинецъ“ Левитовъ (по толкованію біографовъ—не то сынъ дьякона, не то—священника) категорически опредѣляетъ „мѣщанское счастье“ (см. очеркъ—„Запивоха“): „много ихъ, такихъ домовъ, краснорѣчивѣе, чѣмъ Писемскій, характеризуетъ нигилистовъ, говорящихъ про себя: меня выстроило мѣщанское счастье, съ тѣмъ, чтобы посредствомъ меня грабить и убивать и безъ того ограбленную и убитую столичную бѣдность“. Словомъ, какъ у Глѣба Успенскаго, такъ и у Левитова уже звучатъ тѣ бытовые и соціальныя мотивы, которые въ наши дни воскресаютъ и передаются въ многочисленныхъ очеркахъ изъ жизни—обдѣленныхъ, безправныхъ, удаленныхъ или сбѣжавшихъ. Они грозятся и жалуются, вспоминаютъ и презираютъ, недоумѣваютъ и гордо празднуютъ.

Но, быть можетъ, именно Левитовъ, а не Успенскій, ближе, по существу своей духовно-литературной личности, къ инымъ нашимъ современникамъ. Въ Левитовѣ больше неопредѣленнаго романтизма, который нынѣ опять сказывается на свой ладъ. И разносторонній умъ, и широко-содержательный талантъ, и большія, хотя бы и сырыя, художественныя силы, пусть даже и спорятъ еще о цѣльности и стройности его идейнаго синтеза... Богатѣйшая бытовая наблюдательность Успенскаго насыщали и насыщаютъ читателя. Левитовъ же какъ будто заколебался и смутился передъ сложностью общественныхъ явленій... И метался, обращаясь то къ старомодному мистицизму, то возвеличивая „свѣтлое лицо природы—единственное совершенство на всей землѣ“. (И теперь нѣкоторые писатели наши мыслятъ и чувствуютъ скачками: то ищутъ какого-то блестящаго пира жизни въ *природѣ*; то поклоняются самоновѣйшимъ пророкамъ метафизики). Отсюда оригинальность литературной фисіономіи Левитова, свѣжесть тѣхъ или другихъ его настроеній. Но въ этомъ же и сла-

бость даровитаго беллетриста. Ученика некрасовской школы словно слишкомъ рано ранили въ сердце и замкнули интеллектуально въ сферу однихъ отрывковъ, набросковъ, эскизовъ — не больше.

Такимъ образомъ, беллетристъ, умершій слишкомъ 25 лѣтъ тому назадъ, переживавшій въ своихъ сочиненіяхъ главнѣйшія характерныя минуты: столь недавно еще— „порвалась цѣпь великая, порвалась и— ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“ — напоминаетъ, однако, подчасъ сегодняшнихъ *модныхъ* авторовъ точно также *очерковъ, сценокъ и жанровыхъ картинокъ*. Не сладкое житіе выпало на долю Левитова: онъ рано познакомился съ матеріальными и нематеріальными невзгодами; лишенъ былъ обстановки, благопріятной для умственного совершенствования, наконецъ, страдалъ алкоголизмомъ. Но все же онъ не заглушилъ въ себѣ ни дарованій, ни чуткости къ мысли и красотѣ. Критика не однажды отмѣчала особую прелесть его степныхъ пейзажей. Не владѣя изысканнымъ стилемъ, онъ писалъ, однако, красочно, горячо и своеобразно. Съ мастерствомъ временами онъ умѣлъ передавать настроеніе, по обыкновенію сопоставляя природу и людей: „Придорожныя вѣшки, какъ человекъ въ неожиданномъ несчастіи, распустили свои запыленные вѣтви и молчаливо стояли, какъ окаменѣлыя. Десятки птицъ унижали ихъ корявые сучья. Идете вы и видите, какъ какой-нибудь воронъ, въ другое время чуткій и пугливый, теперь и не думаетъ примѣчать васъ. Навстрѣчу вамъ, время отъ времени, пробѣжитъ тощая, искалѣченная, съ пробитой ногой, собака, съ хвостомъ, волочащимся по землѣ. А по обѣимъ сторонамъ степной дороги изъ золотыхъ волнъ ржи мелькаютъ бѣлыя рубахи на трудящихся спинахъ людей... Но прихотливы бываютъ дорожныя думы... Идете вы и думаете: что было бы, ежели бы все это, не вынеся своей тяжелой боли, выкрикнуло вдругъ?“ „Или такъ, напр., описывается „гурьба халатниковъ“, растянувшихся по полу: „Только при тускломъ свѣтѣ лампадки можно было распознать, что это живые еще, а не мертвые люди: до того были мертвенно-блѣдны лица ихъ и до того, смотря на неряшливую и сердитую смуглоту этихъ лицъ, казалось справедливымъ, что это не сонъ людей, а какая-то чума, которая внезапно налетѣла на весь городъ, сразу повалила его и обезобразила и его, и жившихъ въ немъ мастеровыхъ своей смертной печатью“... Слишкомъ неровный фонъ на полотнѣ Левитова, и далеко не пышна его рѣчь; но онъ заражаетъ читателя собственными эмоціями.

Иррѣдка проясняется чело и у нашего скитальца-беллетриста, и онъ предлагаетъ такую картину: „Вечеръ. Съ неба, тихими, граціозно-волнующимися пушинками, падаетъ первый снѣгъ. Сквозь массу этихъ пушинокъ, какъ красавица изъ-подъ вуали, свѣтлый мѣсяцъ любопытно посматриваетъ на далекую отъ него землю. Тишина и ласка, самыя успокаивающія, лежатъ въ это первозимнее время на душѣ человекъ, *шатающагося* по ули-

цамъ“. Только люди портятъ на каждомъ шагѣ идиллію своими смрадными рѣчами: „Какъ не было? Да я сама *его* своими глазами видѣла. Хвостатый такой, зубами шелкаетъ. Попробовала за шерсть спарпать—склизкій, вывернулся. Опять же вонь отъ него“... Мальчикъ, берущійся ночью достать водку, заявляетъ: „Сейчасъ издохнуть—могу! Что-жъ такое? Мнѣ это все ничемъ. У насъ, ваше в-діе, весь родъ такой: три брата здѣсь на мастерствѣ пропали, отецъ пропалъ, двое дядей, материнъ племянникъ, такъ всѣ тутъ до одинаго лоскомъ и легли. Наши сельскіе говорятъ: это они отъ большого ума записались“.

Мы указали раньше, что сочиненія Левитова во все не какой-нибудь изобильный образный источникъ для обществовѣда, для беллетристическихъ вдохновеній. Для того у нашего „живописателя“ нѣкихъ правовъ не хватало слишкомъ многого. Напротивъ, мы даже находимъ въ Левитовѣ ту интеллектуальную и духовную вообще *неустойчивость*, которая полосами характерно сказывается въ литературѣ, которая замѣчается и въ наши дни (къ росту ли она въ ширину массы „интеллигенціи“, нѣтъ ли: сама по себѣ она непривлекательна). Для насъ очевидно одно. Творчество Левитова—искреннее и правдивое, сильно отражавшее жизнь; онъ писалъ о томъ людѣ, который, волею-неволею, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Левитовъ—нѣкая литературная единица, для понимающихъ—еще не угасшая звѣздочка на литературномъ горизонтѣ. Читатель не уйдетъ отъ книги этого автора—глухимъ и равнодушнымъ. Еще—и главное, разумѣется,—Левитовъ безусловно самобытенъ въ мѣру своихъ умственныхъ достатковъ. А мы... а мы именно позволили себѣ попрекнуть часть современной литературы въ подражаніи какимъ-то модамъ.

А. П. Налимовъ.

Лубочная литература о японско-русской войнѣ.

III.

Какъ мы и предсказали въ I-ой статьѣ¹⁾, лубочная литература дѣлаетъ быстрыя завоеванія на книжномъ рынкѣ, при чемъ особенно ходко идутъ каррикатуры, которыя пекутся, какъ блины.

Въ двухъ предшествующихъ статьяхъ мы рассмотрѣли пять каррикатуръ, а для настоящей статьи въ нашемъ распоряженіи имѣется восемь *новыхъ* произведеній лубочныхъ художниковъ.

Наиболѣе раннее изъ мартовскихъ произведеній называется: „Помогите на военныя нужды“.

На картинѣ изображены идущіе подъ руку: толстый англичанинъ въ клѣтчатомъ пальто и тощій американецъ въ бѣлыхъ штанахъ съ красными полосами и синемъ фракѣ; свади нихъ, въ повѣ просителя съ прогянутою рукою, стоитъ японецъ въ красныхъ штанахъ съ большою бѣлою заплатою назади, въ синей гусарской курткѣ и съ желтою лентою черезъ плечо. Подъ жаррикатурою такая подпись²⁾:

„Бѣдному Микадо
На войну денегъ надо.
Плачетъ убивается,
А гдѣ достать ихъ не догадается.
Около друзей онъ увивается,
Ни тогъ, ни другой дать не рѣшается.
(Американецъ). Дѣла твои плохи,
Не дамъ я ни крохи.
На такія нужды
Они давать не чужды“.

¹⁾ „Образованіе“ 1904 г. № 5.

²⁾ Вездѣ подписи проводятся въ подлинникѣ съ соблюденіемъ ихъ-оре ографіи и знаковъ препинанія.

(Англичанинъ). „Не поддуетъ!..
Моя хата съ краю,
Ничего не знаю“.

Одновременно съ вышеприведенною каррикатурою издана и другая: „Японскіе гусары“.

Отъ троицъ русскихъ казаковъ, — изъ которыхъ одинъ съ ужа-сающею рожею, — убѣгаютъ японскіе гусары; лошади послѣднихъ изображены худыми, слабыми клячами, не могущими бѣжать, а потому одни гусары тащутъ своихъ лошадей за поводья, другіе вовсе бросили лошадей и убѣгаютъ отъ казаковъ на собствен-ныхъ ногахъ, трое же гусаръ, усиленно погоняя клячъ, пытаются спастись на нихъ; одна лошадь пала и лежитъ, задравши кверху всѣ четыре ноги.

Внизу каррикатуры дается такое объясненіе:

„Вдуть въ жаркій бой Японскіе гусары
Кони то у нихъ не кормлены и стары.
Съ малыхъ лѣтъ ходилъ японецъ пѣшій,
На коня занесъ его какой-то лѣшій!
Выросъ онъ на лодкѣ въ синемъ морѣ
И сидитъ въ сѣдлѣ собакой на заборѣ.
Вдетъ онъ, саблю махаетъ,
На одрѣ своемъ на Русь итти мечтаетъ.
Вдругъ въ кустахъ мохнатыхъ папахи,
На героевъ желтыхъ и напали страхи,
Сабли ихъ упали, испугались сами—
Повернули коней къ казакамъ хвостами,
Гонятъ что есть силы черезъ горы, рѣки,
Да везти не могутъ бѣдныя калѣки.
А папахи близко. Предъ такой погоней
Всѣ кавалеристы послѣзали съ коней.
На „своихъ“ помчались лошадей скорѣе,
Пѣшимъ удираютъ удобнѣй изъ Кореи,
Тамъ лѣса да рѣки, да крутыя горы,
У „гусаръ“ остались лишь ножны да шпоры,
Коней, что получше, забрали казаки
И пошли пѣшечкомъ бѣдныя макаки“.

Дядя Гиляй.

Наконецъ, третья каррикатура мартовскаго производства на-зывается: „Атака на портъ-монэ“.

На громадномъ желтаго цвѣта портъ-монэ верхомъ сидитъ молодой американецъ въ желтыхъ ботинкахъ, зеленыхъ клѣтчатыхъ штанахъ, красномъ фракѣ и сѣрой шляпѣ съ широкою синею лентою, украшенною зелеными звѣздами; одною рукою онъ стиснулъ портъ-монэ, другой схватился за грудь и придерживаетъ, повидимому, бумажникъ; маленькіе японцы съ ружьями атакуютъ портъ-монэ и американца; они лѣзутъ на портъ-монэ по лѣстни-цамъ, взбираются по ногѣ на американца и т. д.; за американ-цемъ, на уровнѣ его спины, виднѣтся голубого цвѣта море, а на немъ два маленькихъ крейсера.

Подпись подъ каррикатурою гласитъ нижеслѣдующее:

„Косоглазые вояки,
 Ощетинясь въ Нагасаки,
 Воевать то собрались,
 Да деньгой не запаслись...
 Да пришлось купить косынку,
 Чтобъ прикрыть и грудь и спинку,
 А то можетъ продувать,
 Когда будутъ удирать!..
 Раньше имъ друзья повсюду
 Объщали денегъ груды,
 А какъ нужно—такъ шалишь:
 „Получай-ка, братецъ, шишъ“!..
 Были кой-какіе гроши,
 Да пришлось купить калоши,
 Чтобы насморкъ не схватить,
 Если въ грязь ногой ступить.
 Такъ что деньги всё помалу,
 Не дойдя еще до Ялу,
 Растранижить имъ пришлось,
 А въ запасъ не нашлось...
 Есть, положимъ, „Дядя Самъ“,
 Но не дастъ онъ денегъ самъ,
 И вотъ дѣлаютъ вояки
 На чужой кошель атаки“...

Въ первой половинѣ апрѣля появилась карриатура: „Русскій-гостинецъ“.

Центральное мѣсто на ней занимаетъ „богатырь“, въ видѣ мужика, конечно, съ нагайкою; подбоченясь, онъ сидитъ на берегу моря, опустивъ одинъ изъ зеленыхъ сапоговъ прямо въ воду,—и посматриваетъ на противоположный берегъ моря, гдѣ японецъ со слезами, вытекающими изъ одного глаза, что-то повѣствуетъ, а его слушаютъ: испуганный китаецъ, сосредоточенный американецъ и толстый англичанинъ.

Подъ карриатурою такіе „стихи“:

„Сидя въ чайной, въ Нагасаки,
 Похвалялся супостатъ:
 „Я де самый первый въ дракѣ
 Самый храбрый я солдатъ!“
 Я умѣю сильно, смѣло
 Со врагами воевать,
 Кто со мной имѣетъ дѣло,—
 Ужъ тому не сдобровать!
 Въ боевомъ, военномъ спорѣ
 Я отвагою горю...
 Вотъ я завтра выйду въ море,
 Сразу море покорю!
 Али русскихъ мнѣ бояться?
 Напугаю ихъ пальбой...
 Приходите любоваться,
 Какъ вступлю я завтра въ бой!“
 Трое слушали японца,
 Распивая вмѣстѣ чай:
 Пожелтѣвшій весь отъ солнца
 Мандаринъ Дунь-Шлюнь-Кисляй.

Дядя Самъ, американецъ,
 Англичанинъ, дядя Смитъ,
 У котораго румянецъ
 На щекахъ всегда горитъ.
 Имъ японецъ молвилъ снова:
 „Что-жь, придете завтра, что-ль?
 „Мы даемъ явиться слово,
 „Жди у моря насъ, изволь!“
 ...Ходятъ волны на просторѣ,
 Разгулялись вдоль и въ ширь,
 И сидитъ на бурномъ морѣ
 Русскій сила богатырь.
 Чудо-шапка упираетъ
 Прямо чуть не въ облака,
 Плеть казацкую сжимаетъ
 Богатырская рука
 Саади—крѣпость, флотъ и пушки,
 Солнце тамъ блеститъ свѣтлѣй,
 А у ногъ его—макушки
 Вражбихъ, битыхъ кораблей...
 Вотъ явились съ мандариномъ
 Дядя Самъ и дядя Смитъ,
 Глядь: японецъ съ кислой миной,
 Какъ ошпаренный, стоитъ!
 „Не забралъ чего-жь ты море,
 Хвастунишка и слюнтая?“
 Такъ съ насмѣшкою во взорѣ
 Говоритъ Дунь-Плюнь-Кисляй:
 „Эхъ, трусишка ты, макака!
 Говоритъ и дядя Самъ:
 „Ты, вѣдь, хвастался, однако,
 Въ Нагасаки, въ чайной, намъ!
 „Правды я отъ васъ не скрою!“
 Отвѣчаетъ тотъ; „не лгу:
 Я къ подобному герою
 Подступиться не могу...
 Онъ убьетъ щелчкомъ мизинца,
 Невозможна съ нимъ война...
 Охъ отъ русскаго гостинца
 Очень чешется спина!..“
 Такъ кричатъ вояка-горе,
 Море плещетъ вдоль и въ ширь,
 И сидитъ на этомъ морѣ
 Русскій сила-богатырь...
 На спинѣ же у японца
 Синяки горятъ... „Герой!..“
 И побѣды русской солнце
 Выплываетъ за горой!..

Р. Мечъ.

Слѣдующая карриатура, также изданная въ первой половинѣ
 апрѣля, называется: „Въ погоню за деньгами (мисня японцевъ)“. *Мисня*
 Она по содержанію близко подходитъ къ „Атакѣ на портъ-монзъ“. *Мисня*
 Только въ послѣдней карриатурѣ, какъ мы видимъ, молодой
 американецъ сидитъ верхомъ на портъ-монзѣ, а „Въ погоню за
 деньгами“ солидный американецъ въ коричневомъ фракѣ и въ
 штанахъ съ голубыми полосами стоитъ, разставивъ ноги, и вы-

нимають деньги изъ бумажника; пѣшіе и конные японцы атакуютъ американца и лѣзутъ по его ногамъ къ бумажнику; на заднемъ планѣ виднѣется море съ большими судами, а за моремъ—горы.

Въ подписи подъ каррикатурою, вѣроятно, изложена „пѣсня японцевъ“. Содержаніе ея таково:

„Дядя Самъ“—богаты деньгами
И считаетъ насъ друзьями...
Но не хочетъ намъ помочь,
А безъ денегъ намъ не въ мочь...
Мы сожрали все, что было...
Вмѣсто риса—жремъ ужъ мыло...
Въ долгъ корейцы не даютъ,
Такъ что намъ пришелъ капуть...
Но нахальствомъ мы богаты—
На уловки—тароваты,
И нашъ милый „дядя Самъ“
Наконецъ дастъ денегъ намъ!!

Къ этому же періоду относится и нелѣпѣйшая каррикатюра „Послѣ неудачной попытки японцевъ загородить входъ въ Портъ Артурскую гавань“.

На ней изображенъ злорадно смѣющийся мужикъ, стоящій на „Портъ-Артурѣ“ и указывающій пальцемъ на убѣгающаго японскаго, вѣроятно, адмирала Того, какъ это можно заключить изъ нижеприводимой подписи; стремительность бѣга адмирала такова, что онъ представленъ, такъ сказать, перелетающимъ изъ „Портъ-Артура“ въ... Нагасаки, да еще черезъ... Корейскій заливъ!! Въ этомъ положеніи „Портъ-Артура“, отдѣляющагося отъ Нагасаки Корейскимъ заливомъ, сказывается такая глубина невѣжества, такое отсутствіе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о странѣ и народѣ, являющихся предметомъ лубочнаго зубоскальства, что стыдно дѣлается за отечественную тѣму.

Совершенно безграмотная подпись подъ этою каррикатурою еще болѣе усугубляетъ стыдъ.

Она имѣтъ особый заголовокъ: „Добрый советъ пока не поздно“. А „советъ“ заключается въ слѣдующемъ:

„Удирай-ка Того-Таши
Не отвѣдай такой каши
Осмотришь кругомъ,
Слушай добраго советъа
А не то случится это,
Вотъ какимъ путемъ.
Хоть и стыдно такъ и скверно,
Согласится ужъ навѣрно
И Микадо самъ.
Добрый путь до Нагасаки
Всѣмъ вамъ храбрые вояки,
Ну и дальше тамъ,

Скажешь ты своему Микадо,
 Драться-бъ съ нами вамъ не надо
 И не крожи ⁽¹⁾ вамъ.
 Сообщи у Портъ-Артура,
 Какъ трещала ваша шкура
 Все какъ было тамъ.
 Расскажи все безъ утайки,
 О казачкой ты нагайкѣ
 Не забудешь самъ.
 Какъ, скажи, о Того-Таши,
 Моряки герои наши
 Встряску дали вамъ“.

Трудно придумать большую галиматью и бессмыслицу!

Вторая половина апрѣля открывается совершенно дикою каррикатурю. Она называется: „*Заетракъ Казака*“

На картинѣ изображено какое-то сказочное чудовище съ желтою, въ видѣ помела, бородою, въ громадной шапкѣ съ краснымъ верхомъ, въ красной рубахѣ и синихъ штанахъ, заткнутыхъ въ сапоги; чудовище это, стоя на берегу моря, схватило за шиворотъ маленькаго японца на противоположномъ берегу и, разинувъ пасть, думаетъ пожрать японца, у котораго выпало знамя.

Подпись подъ каррикатурою такова:

„Врешь, японская натура,
 Не вертись въ рукахъ.
 Посмотрю, какъ ваша шкура
 Рвется на зубакъ!!
 Будеть помнить родъ твой хилый
 Въчно казака.
 И сражаться съ нимъ, мой милый,
 Лишь издалека.
 Разъ пришелъ ко мнѣ ты въ гости
 — Милости прошу!
 Я тобой, совсѣмъ безъ злости,
 Малость закушу...“

Наконецъ, майская каррикатура является скучнымъ повтореніемъ излюбленной лубочниками темы о японской несостоятельности и стремленіи ихъ добыть денегъ. Раньше мы видѣли объектомъ японскихъ вождельнѣй американцевъ, — въ названной каррикатурѣ, называющейся: „*Невыгодные друзья*“, центральною фигурою является толстый англичанинъ въ клѣтчатыхъ штанахъ, красномъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ и въ цилиндрѣ; японцы, какъ и на прежнихъ каррикатурахъ подобнаго рода, атакуютъ англичанина, лѣзутъ по его толстымъ ногамъ къ карману, изъ котораго англичанинъ сыплетъ деньги; другая часть японскихъ войскъ приступомъ беретъ громадный мѣшокъ, на которомъ выставлена цифра—

1) Предлогъ слить съ существительнымъ: къ рожѣ.

100.000.000. На заднемъ планѣ виднѣтся море и суда на немъ.

Подпись подъ этою каррикатурою такого содержания:

„Джонъ Буль“ японцевъ
 расхвалиять
 О силѣ ихъ крича...
 Потомъ, устроивши скандалъ,
 Овъ задалъ „стрекача“
 „Пускай“, молъ, трепку зададутъ
 Японцамъ казаки.
 А я попользуюсь, молъ, тутъ,
 Что будетъ мнѣ „съ руки“!..
 Но „Джонъ“ ужасно прогадалъ,
 Наживъ такихъ друзей:
 Они его весь капиталъ
 Растащатъ, ей-же-ей..
 И вотъ отъ дружеской страны
 Идетъ большая рать,
 Чтобъ снять послѣдніе штаны
 У друга, такъ сказать..
 И не доволенъ тутъ нашъ „Джонъ“
 Попался, вишь, впросакъ..
 И только шепчетъ грустно онъ:
 „Какой же я дуракъ“!

Такимъ образомъ, за четыре мѣсяца войны въ лубочныхъ каррикатурахъ не замѣчается никакого прогресса. Поражающая скудость мысли, убогая фантазія, грубость и однообразіе изображаемыхъ лицъ, ужасающее невѣжество и безграмотность—красною строкою проходитъ по всѣмъ каррикатурамъ. И, не смотря на это, картины вообще, а каррикатуры въ особенности, какъ мы уже говорили, ходко идутъ на рынкѣ и приносятъ немалый доходъ лубочникамъ. Достаточно сказать, что, при условіи покупки всѣхъ новыхъ каррикатуръ, нижеподписавшемуся каррикатуры продаются по 15 коп. пара, въ одномъ же экземплярѣ картины и каррикатуры продаются по 10, 15 и даже 20 копеекъ, при чемъ, чѣмъ невѣжественнѣе покупатель, тѣмъ дороже онъ и платитъ.

А невѣжественности у насъ, какъ извѣстно, хоть отбавляй.

Весьма естественно поэтому, что онъ стремится къ наглядности, которая могла бы уяснить ему то или иное выдающееся событіе. Лубочники и удовлетворяютъ этому совершенно понятному спросу, съ удивительной быстротою улавливая подходящий моментъ. Вотъ этого-то послѣдняго качества и недостаетъ интеллигентнымъ издателямъ, весьма медленно реагирующимъ на злобы дня и почти совершенно игнорирующимъ наглядность, въ видѣ хорошо исполненныхъ картъ, картинъ и т. п.

Намъ думается, что время еще не упущено, и названнымъ издателямъ слѣдовало бы вступить въ борьбу съ лубочною литературою, именно пользуясь *современной войною*. Не говоря уже о громадной пользѣ, которую они принесутъ, сообщая народу истинныя

знанія о войнѣ, широкій спросъ на литературу среди массы познакомятъ послѣднюю съ лучшими фирмами, которыя, такимъ образомъ, пріобрѣтутъ извѣстность и на будущее время.

Настоящею статьею мы и заканчиваемъ обзоръ лубочной литературы о японско-русской войнѣ, оставляя, однако, за собою право сказать нѣсколько словъ, если появятся какія-либо выдающіяся лубочныя произведенія въ теченіе войны, а также привести нѣсколько образчиковъ этого рода литературы по окончаніи военныхъ дѣйствій.

И. П. Бѣлоконскій.

Пересмотръ законодательства о крестьянахъ.

За послѣдніе годы въ нашемъ обществѣ проявился усиленный интересъ къ крестьянскому вопросу. На московскомъ агрономическомъ, петербургскомъ кустарномъ, ярославскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздахъ, на земскихъ собраніяхъ, въ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, съ рѣшительной энергіей проводилась мысль о необходимости поднятія силъ крестьянства. Одновременно съ этимъ происходила разработка крестьянскаго вопроса и въ разнаго рода правительственныхъ учрежденіяхъ—въ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, въ комиссіи объ оскудѣніи центра, въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, въ особомъ совѣщаніи по пересмотру началъ переселенческой политики. Ни для кого не было тайной, что экономическая и юридическая стороны крестьянскаго вопроса неразъединимы, что критическое положеніе огромной массы крестьянства является слѣдствіемъ его обособленности. Эту мысль—такъ увѣряла печать—будто бы раздѣлялъ и бывшій министръ финансовъ, заявлявшій, что среди причинъ отсталости нашего крестьянства имѣеть гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ темнота народныхъ массъ, „неопредѣленность имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающая многообразныя затрудненія въ распорядкѣ веденія личнаго хозяйства, въ наиболѣе выгодномъ распоряженіи силами и средствами и въ накопленіи послѣднихъ, что обусловливается неполнотой законодательства о сельскихъ обывателяхъ, а главнымъ образомъ — недостаточнымъ его соотвѣтствіемъ потребности въ прочномъ правопорядкѣ“. Но С. Ю. Витте не указывалъ, что надо понимать подъ „прочнымъ правопорядкомъ“. Утверждая, что „неполнота и недостатки узаконеній о крестьянахъ... требуютъ разрѣшенія общихъ принципиальныхъ

вопросовъ сельскаго хозяйства, отъ того или иного направленія которыхъ зависитъ весь ходъ дальнѣйшаго законодательства“, бывшій министръ финансовъ изводилъ, въ сущности, „прочный правопорядокъ“ на почвѣ узкихъ, чисто-техническихъ вопросовъ и задачъ, а при такой перестановкѣ темы программа бывшаго министра финансовъ приобрѣтала очень скромное значеніе. Рѣшить ли правительство сохранить общину, судѣйствовать хуторовому расселенію крестьянства и веденію хозяйства на отрубныхъ участкахъ, поддерживать переходъ къ усовершенствованнымъ системамъ и орудіямъ производства, не препятствовать развитію въ деревнѣ различнаго рода технически-профессіональных союзовъ,—всѣ эти и многіе другіе вопросы отступали и отступаютъ на задній планъ передъ тѣмъ, что образуетъ истинную сущность крестьянской реформы. Будетъ ли уничтоженъ крестьянскій сословный строй, будетъ ли поставлена крестьянская личность въ то же положеніе, что и другіе обыватели, будетъ ли приближено крестьянство къ другимъ группамъ населенія, будетъ ли на основѣ общности селенныхъ (не земельныхъ) интересовъ крестьянъ съ интересами всѣхъ, живущихъ въ деревнѣ обывателей, создана новая самоуправляющаяся единица, будутъ ли на крестьянство распространены общіе суды и общее управленіе—вогъ что составляло сущность правильно понятаго крестьянскаго вопроса.

Знакомые съ деревней люди не замедлили дать опредѣленный отвѣтъ. Печать и различныя общественныя учрежденія стали истолковывать официальныя заявленія правительства въ томъ смыслѣ, въ какомъ желательно было видѣть осуществленіе крестьянской реформы. Только этимъ и можно объяснить, почему такое неопредѣленное выраженіе, какъ „прочный правопорядокъ“, покрыло собою чуть ли не все содержаніе раздѣляемыхъ обществомъ идей. Но къ такому отождествленію русская дѣйствительность не представляла никакихъ основаній. Наоборотъ, съ самаго начала обнаружилось различіе во взглядахъ правительства и общества на сущность крестьянскаго вопроса и способы къ его разрѣшенію. Когда приглашенные въ комиссію объ оскудѣніи цента земскіе дѣятели представили необычайно скромную по своимъ требованіямъ записку, то ни одинъ изъ поднятыхъ въ ней вопросовъ общаго характера не былъ подвергнутъ рассмотрѣнію комиссіи, „какъ не относящійся къ ея компетенціи“. Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности имѣло въ первую половину 1903 года 32 засѣданія, но ни въ одномъ изъ нихъ не были подняты коренные вопросы жизни, безъ рѣшенія которыхъ не можетъ быть и рѣчи о подъемѣ экономическаго благосостоянія крестьянства. Говорилось о вредномъ вліяніи на производительность земледѣльческаго труда чрезмѣрнаго числа праздниковъ, о мѣрахъ къ развитію птицеводства, объ улучшеніи торговой освѣдомленности, о

развитіи путей сообщенія, объ элеваторахъ, объ организаціи хлѣбной торговли, мелкаго кредита,—словомъ, о чисто-техническихъ мѣропріятіяхъ, влияние которыхъ на жизнь могло бы проявиться только въ томъ случаѣ, если бы дана была крестьянину возможность свободнаго развитія творческихъ силъ. Въ необходимости полной реформы законодательства о крестьянахъ и заключался главный выводъ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Почти всюду высказывалась одна и та же мысль. „Для возможности проведенія въ крестьянскую среду мѣропріятій по улучшенію сельскаго хозяйства необходимо поднять самосознаніе и самостоятельность крестьянъ“—вотъ въ краткой формулировкѣ вологодскаго комитета основной взглядъ мѣстныхъ людей на задачи и пути крестьянской реформы. „Обособленное законодательство, въ которомъ до сихъ поръ удерживается тѣлесное наказаніе, шаткость и неопредѣленность имущественныхъ правъ, полная безотвѣтственность въ обязательныхъ отношеніяхъ, — говорила Тульская губернская управа въ своемъ докладѣ комитету,—все это создаетъ обстановку, дѣйствующую на правовое міросозерцаніе народа совершенно деморализующимъ образомъ, привижаетъ въ немъ чувство личности, подавляетъ инициативу и самостоятельность“... Крестьянину при современныхъ условіяхъ негдѣ проявить свою инициативу: „даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ пользованіи своею надѣльною землею крестьяне связаны по рукамъ и ногамъ административной опекой, даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя лица... При такихъ условіяхъ нельзя и думать о свободномъ развитіи крестьянской личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подъемъ хозяйственной дѣятельности“—такъ заявлялось предсѣдателемъ смоленскаго уѣзднаго комитета ¹⁾. Необходимо отмѣнить обособленность крестьянства, т. е. особое сельское и волостное управленіе, волостной судъ, примѣненіе обычнаго права, натуральныя повинности; необходимо освободить крестьянскую личность какъ внѣ, такъ и внутри семьи и міра, уничтожить многочисленные остатки крѣпостного права, приблизить крестьянъ къ другимъ группамъ населенія и т. д. Свое убѣжденіе въ необходимости именно такой коренной реформы комитеты черпали изъ наблюденій надъ практической жизнью. Не надо думать, чтобы выразителями подобнаго убѣжденія были люди радикальнаго образа мыслей или слишкомъ отстаивавшіе интересы крестьянъ. Наоборотъ, то говорили представители дворянства и земства—учрежденій, полная лояльность которыхъ нашла себѣ такое яркое выраженіе въ многочисленныхъ всепод-

¹⁾ Цитируемъ по книгѣ г. Толмачева, „Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей“, Москва, 1903, стр. 126, 127.

даннѣйшихъ адресахъ по поводу только-что начавшейся войны; то говорили представители помѣстнаго землевладѣнія, за послѣдніе годы начинающіе ясно сознавать свои классовые аграрные интересы и проводить ихъ въ жизнь (вспомнимъ хотя бы ходатайства дворянъ о поддержаніи землевладѣнія, приведшія къ закону о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи, или объ отводѣ имъ на льготныхъ условіяхъ земель въ Сибири, закончившіяся изданіемъ закона 1901 г., вспомнимъ ходатайства саратовскихъ дворянъ о крестьянско-дворянскомъ групповомъ переселеніи и т. д.). То говорили дѣатели, которые въ лицѣ авторовъ извѣстной записки, поданной въ комиссію т. с. Коконцева, выражали желаніе равенства крестьянъ и не крестьянъ не только въ правахъ, но и въ *обязанностяхъ*, политично избѣгая возбуждать ходатайства объ урегулированіи экономическихъ отношеній между деревней и имѣніемъ и въ частности арендной платы, объ уничтоженіи неравенства въ льготахъ должниковъ дворянскаго банка и крестьянскаго, — дѣатели при другой обстановкѣ, напр., въ Псковскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, не останавливавшіеся передъ ходатайствомъ (года три тому назадъ) о запрещеніи крестьянскихъ переселеній въ Сибирь, о принятіи „экстренныхъ“ мѣръ противъ неблагонадежныхъ людей, склоняющихъ крестьянъ къ переселенію. То были представители тѣхъ же интересовъ, которые (т. е. интересы) и въ Комитетахъ о нуждахъ с.-х. промышленности побуждали требовать обезпеченія взыскапія убытковъ съ неисправныхъ рабочихъ и усиленія ответственности за самовольный уходъ, стѣсненія сельско-хозяйственнаго отхода запретительными мѣрами, недробности и неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ для созданія въ деревнѣ „прочнаго и консервативнаго ядра“; то были тѣ же лица, которые, открыто называя себя „аграріями“ (Новомосковская уѣздная земская управа), выскивали мѣры для „подавленія интересовъ и нуждъ партій, имъ экономически противоположныхъ“. Если тѣмъ не менѣе и въ комитетахъ, и въ земствахъ, несмотря на довольно ясно проглядывающее въ нихъ сознаніе помѣстныхъ, аграрныхъ интересовъ, дружно проводилась идея уничтоженія сословныхъ граней крестьянства, то это лишь доказываетъ, какъ велико убѣжденіе мѣстныхъ людей во вредномъ вліяніи существующаго законодательства на производительность крестьянскаго труда.

Взгляды общества на крестьянскую реформу были совершенно выяснены, когда появился указъ 8-го января Правительствующему Сенату объ учрежденіи губернскихъ совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Ближайшее изученіе этого акта и очерка работъ редакціонной комиссіи не оставляетъ мѣста сомнѣнію, что правительство сохранило свою прежнюю точку зрѣнія на вопросъ, и ни по одному изъ основныхъ пунктовъ не сочло нужнымъ и возможнымъ провести въ проектированный законъ предло-

женныя земствами и комитетами заключенія. Законодатель отправлялся отъ основной мысли, что Положенія 19 февраля 1861 г. „оставили нѣкоторыя стороны обновленнаго сельскаго быта безъ законодательнаго опредѣленія“, тогда какъ мѣстные люди съ опредѣленностью выставляли тезисъ о несоотвѣтствіи, противорѣчій установленныхъ Положеніями нормъ съ опередившимъ ихъ содержаніемъ современной крестьянской жизни. Уже изъ этой отправной точки зрѣнія было ясно, что цѣлью пересмотра являлось не столько измѣненіе основъ крестьянскаго права, сколько дополненіе ихъ, и дѣйствительно, въ согласіи съ такимъ взглядомъ, указъ повелѣваетъ произвести пересмотръ „на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 года, положивъ въ его основу неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, при условіи облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины, сохраненіе крестьянамъ сословнаго строя и неотчуждаемость отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель“.

Правительственное сообщеніе 14 января 1902 г., установившее направленіе реформы, появилось за 10 дней до объявленія повелѣнія о созывѣ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и тѣмъ самымъ какъ бы предрѣшалось, что взгляды совѣщанія и комитетовъ не могутъ имѣть значенія для правительственной работы по пересмотру законодательства о крестьянахъ. И дѣйствительно изъ разбираемаго нами „очерка“ не видно, чтобы редакціонная коммиссія пользовалась трудами мѣстныхъ комитетовъ, считала нужнымъ подвергнуть критикѣ основныя положенія казановской коммиссіи, земскихъ собораній, агрономическаго съѣзда, комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Получивъ наказъ, редакціонная коммиссія пошла въ своихъ работахъ особымъ путемъ: вмѣсто того, чтобы начать съ изложенія крестьянскихъ нуждъ и затѣмъ уже формулировать выводы, коммиссія прежде всего занялась выясненіемъ того, что надлежитъ признать главными началами Положенія 1861 г. Коммиссія рѣшила, что такими началами должны быть признаны: „обособленность крестьянскаго сословія и установленныя въ соотвѣтствіи съ этимъ особый порядокъ управленія крестьянами и неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель, а также неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ вѣреннаго, велѣніемъ закона, измѣненія“. Итакъ, надъ крестьянами долженъ быть сохраненъ сословный строй со всеми вытекающими отсюда послѣдствіями. Въ этомъ первомъ тезисѣ программы заключается самое главное содержаніе намѣченной въ коммиссіи реформы, и мы должны со всей серьезностью остановиться на ея доводахъ въ пользу сохраненія того сословнаго строя, отрицательное дѣйствіе котораго на крестьянство съ такой настойчивостью проводилось всей почти земской

Россіей. Разсужденія комисіи заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что въ нихъ провозглашенъ принципъ: правительство сохраняетъ крестьянскій сословный строй потому, что этого требуютъ интересы государства. Вотъ что говоритъ редакціонная комисія: „Постоянная близость къ землѣ въ связи съ особенностями сельско-хозяйственнаго труда и быта наложили неизгладимый отпечатокъ на самую личность русскаго крестьянина, отразились на всемъ его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи и создали весь внутренній складъ крестьянскихъ общественныхъ союзовъ. Воспитанные въ неустаннымъ упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, приученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанию своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне болѣе, чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и, такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и беспочвенныхъ теченій. Въ этомъ издавна сложившемся и устоявшемъ въ теченіе вѣковъ бытовомъ своеобразіи нашего крестьянства лежитъ залогъ прочности его особливаго строя. Сельское населеніе является сословнымъ цѣлымъ не по имени, не по буквѣ закона, но по своей внутренней крѣпости и сплоченности“.

Таковъ первый аргументъ въ пользу сохраненія сословнаго строя въ крестьянской средѣ. Крестьянскій укладъ жизни является, слѣдовательно, опорой существующаго государственнаго порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ естественной основой сословной его организаціи. Какъ догматъ вѣры, первое заключеніе редакціонной комисіи не подлежитъ нашей критической оцѣнкѣ. Для насъ важно въ подобномъ исповѣданіи, что такъ смотритъ на дѣло комисія, и разъ крестьянство, по ея убѣжденію, служитъ оплотомъ существующаго порядка, то вполне естественно, что ея симпатіи должны были оказаться на сторонѣ средствъ, поддерживающихъ „особливое“ существованіе крестьянства и предохраняющихъ его отъ вліянія „всякихъ разлагающихъ силъ и беспочвенныхъ теченій“. Для удержанія крестьянства въ обособленности нѣтъ лучшаго средства, какъ сохраненіе сословнаго строя и сословныхъ учреждений, и что-жъ удивительнаго, если правительство, предпринимающее въ послѣдніе годы рѣшительныя усилія къ поддержанію исторически преемственныхъ началъ русскаго государства, съ такой же рѣшительностью декретировало принципъ крестьянскихъ сословныхъ учреждений. Но вопросъ имѣетъ оборотную сторону: дѣйствительно ли сельское населеніе по своей внутренней крѣпости и сплоченности является такимъ сословнымъ цѣлымъ, что нельзя

себѣ и представить крестьянство внѣ сословной организаціи, и—что еще важнѣе—выгодна ли эта обособленная сословность интересамъ самого крестьянства. Вопросъ этотъ неизбежно долженъ былъ быть поставленъ, потому что всякая законодательная реформа по крестьянскому вопросу могла у насъ имѣть смыслъ лишь постольку, поскольку ея отрывался путь помощи крестьянству. Отвѣчая на этотъ естественный вопросъ, можно сказать: сохраненіе надъ крестьянами сословнаго строя едва-ли отвѣчаетъ современнымъ экономическимъ и социальнымъ условіямъ русской деревни. Сословныя крестьянскія учрежденія и сословная обособленность никогда не были исконными началами крестьянской жизни. Крестьянскія сословныя учрежденія были созданы Полож. 19 февр., но какъ сельскія общества, такъ и волости носили всѣ черты временныхъ учрежденій. Изученіе работъ редакціонныхъ комиссій приводитъ къ выводу, что комиссіи совсѣмъ не предполагали устанавливать коренныхъ постоянныхъ началъ не только крестьянскаго управленія вообще, но даже управленія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; Положенія 19-го февраля 1861 г. были мѣстными переходными нормами, а не основными крестьянскими законами, и даже поземельныя общины, по первоначальному плану комиссій, должны были имѣть временное значеніе впредъ до обращенія ихъ въ подворное землевладѣніе. Въ трудахъ редакціонныхъ комиссій очень трудно даже найти точное формулированіе принципа объ обособленіи на вѣчныя времена всего крестьянскаго управленія; отвергнутое комиссіями предложеніе объ образованіи всесословныхъ волостей произошло не по принципиальнымъ соображеніямъ: комиссіи только опасались подчиненія едва освобожденныхъ крестьянъ вліянію помѣщиковъ въ случаѣ введенія послѣднихъ въ составъ всесословныхъ волостей. Словомъ, черезъ всѣ труды редакціонныхъ комиссій проходила красной нитью мысль, что „общественное устройство крестьянъ направлено было противъ помѣщиковъ и преслѣдовало лишь временныя цѣли эмансипаціи, не разрѣшая и даже не предрѣшая вопроса о коренныхъ, постоянныхъ формахъ сельскаго общественнаго управленія“ ¹⁾.

Идиллическое представленіе редакціонной комиссіи о крестьянствѣ, „почти исключительно“ занимающемся земледѣльческимъ промысломъ, и представляющемъ „сословное цѣлое по своей внутренней крѣпости и силочности“, давно уже отошло въ область преданій. Введенное въ круговоротъ хозяйственной жизни страны съ ея товарнымъ обмѣномъ, желѣзнодорожной сѣтью, фабрично-заводской промышленностью, привлеченное къ

¹⁾ См. статью И. М. Страховскаго „Крестьянское сословное самоуправленіе“ въ сборникъ „Мелкая земская единица“ стр. 249, 250 и др.

платежу всякаго рода податей, тяжелѣе всего падавшихъ на крестьянство, натуральное хозяйство деревни и соответствовавшій ей складъ жизни подверглись рѣшительному измѣненію. Капитализмъ, проникнувъ туда въ видѣ денежнаго, товарнаго и даже промышленнаго капитала, съ неудержимой силой сталъ разлагать патріархальный и однообразный крестьянскій строй, дифференцируя его и выдвигая крайнія группы безхозяйныхъ и безземельныхъ пролетаріевъ, лишь номинально связанныхъ съ землей, и крестьянскую буржуазію съ совершенно отличными отъ тѣхъ потребностями, интересами и функциями. Въ разныхъ мѣстахъ процессъ этотъ проявлялся съ разной силой, въ большей или меньшей степени измѣняя сущность общиннаго землевладѣнія и значеніе его для отдѣльныхъ лицъ „крестьянскаго сословія“. Ростъ населенія, значительно опередившій ростъ крестьянскаго землевладѣнія, съ своей стороны, приводилъ также къ образованію избыточнаго земледѣльческаго населенія. Крестьяне поступали частью на работу къ хозяйственному мужичку, но еще въ большей степени уходили на сторону, какъ сельско-хозяйственные, или какъ фабрично-заводскіе рабочіе. Какъ велико избыточное населеніе, видно изъ слѣдующихъ данныхъ: по расчету канцеляріи комитета министровъ, въ началѣ 90-хъ г. изъ 15¹/₂ милліоновъ взрослыхъ рабочихъ, могущихъ заниматься хлѣбопашествомъ, дѣйствительно нужны были для веденія хозяйства на земляхъ не только крестьянскихъ, но и частновладѣльческихъ, казенныхъ и удѣльныхъ, всего около 13¹/₂ милліоновъ, такъ что избыточное рабочее населеніе опредѣлялось въ 50-ти европейскихъ губерніяхъ въ 2.074.755 человекъ! ¹⁾). Въ 1900 году, по даннымъ департамента окладныхъ сборовъ, средній для 50 губерній процентъ излишнихъ рабочихъ по отношенію къ наличному ихъ числу составлялъ 52%, достигая въ земледѣльческихъ губерніяхъ 64—68%. По даннымъ департамента окладныхъ сборовъ, мѣстными и отхожими промыслами занято было 14,2 милліона душъ обоого пола или 32% всего крестьянскаго населенія.

Яркой иллюстраціей тому, какихъ размѣровъ и какое значеніе получили отхожіе промыслы для русской деревни, можетъ служить Ярославская губернія. Въ 1901 году ушло на заработки 235.735 человекъ, или около одной четверти всего живущаго въ губерніи крестьянскаго населенія, такъ что въ настоящее время нѣтъ ни одного крестьянскаго двора, который не бралъ бы паспорта на отлучку кого-либо изъ своихъ членовъ (на 100 дворовъ въ губерніи приходится 110 паспортовъ). Въ возрастѣ 18—20 лѣтъ мужское населеніе отсутствуетъ на три четверти. Хотя пас-

¹⁾ „Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи“. СПб. 1894, стр. XI.

порта выдаются только краткосрочные (не свыше 1 года), но промышленныя занятія отхожепромышленниковъ отличаются необыкновеннымъ постоянствомъ — средняя продолжительность отхода составляетъ отъ 10 до 13 лѣтъ. Разумѣется, при такомъ постоянствѣ занятій огромное большинство отхожепромышленниковъ теряетъ связь съ землей—свыше 75% совсѣмъ не возвращаются на сельско-хозяйственныя работы. Но всего интереснѣе то, что деревня живетъ, главнымъ образомъ, на заработки отхожаго населенія: въ то время какъ чистый доходъ отъ всей (надѣльной и купчей) земли составляетъ для крестьянства Ярославской губерніи 8 милліоновъ рублей, одни только 160.000 отхожепромышленниковъ присылаютъ и приносятъ въ деревню 16 милліоновъ рублей ¹⁾. И Ярославская губернія отнюдь не представляетъ единичнаго исключенія — отхожіе промыслы въ такой же степени развиты и въ губерніяхъ: Рязанской, Калужской, Тверской, Костромской, Смоленской и др.

Можно ли послѣ всего этого сомнѣваться въ томъ, что въ жизни русской деревни между 1861 и 1903 гг. произошла колоссальная перемѣна, что „внутренняя крѣпость и сплоченность“ крестьянства не болѣе, какъ эфемеризмъ, столько же далекій отъ истины, какъ и бывшее народническое представленіе о мужикѣ. Но изъ этихъ же непреложныхъ фактовъ съ неизбежностью слѣдуетъ, что правовыя нормы Положеній 1861 г. самымъ рѣшительнымъ образомъ расходятся съ современными экономическими и социальными условіями русской деревни. Наша деревня состоитъ изъ рабочаго пролетаріата, вынужденнаго рыскать по всей Россіи за заработкомъ, и хозяйственныхъ мужиковъ, которые арендуютъ надѣлы порвавшихъ съ землей односельчанъ, жадно скупаютъ землю, нанимаютъ батраковъ, имѣютъ большую запашку, производятъ значительныя продажи зерна, рѣшаютъ дѣла „міра“ и поземельной общины (наиболѣе обычная форма распредѣленія земли по рабочимъ сплать или флоткамъ всего выгоднѣе именно богатымъ, какъ многосемейнымъ), и обѣ эти группы вмѣстѣ съ третьей группой крестьянства, ведущей лишь продовольственное хозяйство, подводятся педь одну категорію сельскихъ обывателей и подчиняются одному и тому же сословному законодательству, составленному изъ нормъ, рассчитанныхъ на примитивный хозяйственный оборотъ. Сопоставляя различныя явленія крестьянской жизни съ соответствующими нормами права, не трудно раскрыть все противорѣчіе между тѣми и другими. Крестьянская семья разрослась; въ интересахъ наиболѣе выгоднаго использованія рабочихъ силъ или по чисто личнымъ

¹⁾ Кл. Воробьевъ, Отхожіе промыслы крестьянскаго населенія Ярославской губерніи. Яросл. 1903.

соображеніямъ она рѣшила раздѣлиться. Что, казалось бы, могло быть естественнѣе права личности распоряжаться по - своему въ кругу своей семьи! Но у крестьянъ нѣтъ этого права: для раздѣла необходимо разрѣшеніе сельскаго схода, которое подлежитъ еще утвержденію... со стороны земскаго начальвика. Нужда гонить крестьянина изъ деревни, а такихъ крестьянъ миллионы. Но крестьянинъ не можетъ отлучиться, не получивъ паспорта, а это право на отлучку, за небольшими исключеніями, зависитъ отъ воли сельскаго общества, и если желающій отлучиться является неотдѣленнымъ членомъ семьи, то необходимо согласіе домохозяйна; но даже получившій паспортъ еще не гарантированъ въ томъ, что ему дадутъ спокойно работать въ городѣ и кормиться: по разнымъ основаніямъ и предлогамъ могутъ потребовать его явки въ деревню „міръ“ (для отбыванія общественной службы, вслѣдствіе податной неисправности и т. д.) или „домохозяинъ“ (ссылаясь на интересы „двора“, этого удивительнаго крестьянскаго института, возведеннаго на степень живого существа, требующаго человѣческихъ жертвоприношеній), хотя бы такимъ „домохозяиномъ“ былъ старшій братъ или дядя. И воля „міра“ непреклонна; полиція отбираетъ у несчастнаго паспортъ, и тотъ въ семидневный срокъ высылается къ мѣсту приписки; все, что было добыто его трудомъ и энергіей, его семейная жизнь въ новомъ, но ставшемъ ему роднымъ, мѣстѣ—все безжалостно разрушается по приказу свѣѣжественнаго и жестокаго „міра“, руководимаго нѣсколькими міроѣдами. Не говоримъ ужъ о томъ, что живущій въ мѣста приписки крестьянинъ подвергается всякаго рода денежнымъ поборамъ за землю, хотя бы онъ ее давнымъ-давно забросилъ, за несеніе сторожевой службы, хотя бы его изба была давно заколочена, за отсутствіе на сельскихъ сходахъ (потому что деревенскіе тратятъ на это цѣлый день, а въ это время находящійся въ отлучкѣ имѣетъ заработокъ), за выдачу новаго паспорта или пересрочку стараго и т. д.; мало того, если отлучившійся имѣетъ несчастье состоять въ нераздѣленной семьѣ и оставшіеся въ деревнѣ какъ-нибудь провѣдаютъ, что у того имѣются сбереженныя въ городѣ деньги, то при семейномъ раздѣлѣ и эти трудовые гроши идутъ въ общую массу. Пойдемъ дальше. Крестьянинъ, порвавшій всякія связи съ древней, создавшій себѣ въ городѣ или другомъ мѣстѣ независимое существованіе и не имѣющій больше ни силъ, ни желанія носить желѣзныя цѣпи, связывающія его съ мѣстомъ приписки, пожелаетъ воспользоваться предоставленнымъ ему по закону правомъ „перечисляться въ другія общества, соотвѣтственно избираемому имъ роду жизни и занятій“, и потребуетъ увольненія своего отъ сельскаго общества. Для выхода изъ крестьянскаго сословія онъ долженъ отказаться навсегда отъ участія въ мірскомъ надѣлѣ и сдать свой надѣлъ обществу (о дру-

гихъ требованій закона мы не станемъ говорить). Вѣдь, просто! Нѣтъ, на сцену снова выступаетъ мѣръ: съ увольненіемъ даннаго лица общество лишается тягловой единицы—во многихъ мѣстахъ доходъ съ надѣльныхъ земель не покрываетъ падающихъ на нихъ платежей,—и „мѣръ“, по этимъ ли основаніямъ (такъ было до отмѣны круговой поруки) или по разнымъ другимъ, несмотря на то, что законъ признаетъ ненужнымъ разрѣшеніе сельскихъ обществъ для увольненія, отказывается принять надѣлъ; крестьянинъ остается попрежнему прикрѣпленнымъ къ мѣсту приписки; такъ же поступаетъ мѣръ, желая сорвать съ увольняющагося кушъ. Разумѣется, желающій спастись отъ „власти земли“ прибѣгаетъ къ подкупамъ, угощеніямъ и только послѣ огромныхъ усилій, да и то не всегда, вырывается на свободу ¹⁾).

Возьмемъ теперь крестьянство, какъ одно „сословное“ цѣлое, и мы еще ярче увидимъ, въ какомъ противорѣчій находится сословный принципъ съ жизнью. Мы знаемъ уже, что милліоны крестьянъ уходятъ на заработки, устраиваются на новыхъ мѣстахъ и, если позволяютъ средства, добиваются увольненія изъ общества. Съ другой стороны—всѣ крестьяне, получившіе высшее и среднее образованіе, дослужившіеся чина на государственной службѣ, возведенные въ званіе почетныхъ гражданъ, обязательно исключаются изъ сословія сельскихъ обывателей. Другими словами, всѣ наиболѣе образованные, предприимчивые, сильные элементы крестьянства бѣгутъ изъ деревенской обстановки, прорываются на волю сквозозъ сословныя грани, навсегда покидаютъ сельское общество. Кто же приходитъ на смѣну этимъ лучшимъ силамъ крестьянства? Экономическая жизнь полна движенія, и если одни интересы удаляютъ часть населенія изъ деревни въ города, то другіе интересы передвигаютъ волну людей изъ городовъ въ деревню. Но законъ крѣпкой стѣной ограждаетъ крестьянское сельское общество отъ сліянія со свѣже-прибывшими лицами. Никто изъ высшихъ сословій не можетъ войти въ составъ крестьянскаго сословія, хотя бы на то было согласіе обществъ (сельскаго или волостного)—дворяне, купцы, почетные граждане, дѣти чиновниковъ, священнослужителей и т. д. не могутъ вступить въ крестьянское общество. Туда принимаются только крестьяне другихъ обществъ, мѣщане, ремесленники, рабочіе; лица другихъ неподатныхъ сословій обращаются въ сельское состояніе только..., если они лишаются особыхъ правъ и преимуществъ за проступки и преступленія. Такимъ образомъ, крестьянское общество, отдавая лучшія

¹⁾ Для подробнаго ознакомленія съ правовымъ положеніемъ крестьянства мы особенно рекомендуемъ прекрасную книгу г. Страховскаго „Крестьянскія права и учрежденія“ (СПБ. 1904).

свои силы и не получая взамен новых, задерживается в своем развитии на уровне неподвижной и невежественной массы, и здесь кроется коренная причина наблюдающегося оскуднения деревни. Получается удивительный круг: делом рядом ограниченной, искусственных мер, правительство создало обособленное положение крестьян, которое в каждый момент и на всем протяжении России разрывается неумолимыми экономическими законами, подвинувшими крестьян в круговорот борьбы экономических интересов, не различающей ни крестьян, ни дворян, ни мещан; но законодатель попрежнему говорит о сословии „сельских обывателей“, как об однородной и связанной одними общими интересами массе, и „сельскими обывателями“ в юридическом смысле оказываются порвавшие всякую связь с деревней и временно отлучающиеся из нее, безхозяйственные пролетарии и ведущие большую запашку на надельных и купчих землях. Капитализм разрушает всякие сословные перегородки, разбывая горизонтально расположенные слои сословных групп в вертикальном направлении, обращая одних в пролетариат, других в буржуазию (сельскую или торгово-промышленную), опускает на дно и подымая наверх капиталистического общества людей всякого звания и состояния. Вчерашний дворянин может с таким же успехом очутиться в рядах босаков, как и рядовой мужик стать владельцем огромного имения. Но редакционная комиссия не обратила внимания на все эти перемены. Обращаясь к действительности, она увидела, что крестьяне не могут разорвать установленный для них сословных ограничений, но позабыла, что эта сословность установлена самой же государственной властью и только ею может быть отменена.

Что современное крестьянство не имеет ничего общего с тем, каким его изображает редакционная комиссия, что Положения 19 февраля 1861 г. отжили свой век, лучшим тому доказательством служить отмена круговой поруки, составлявшей до сих пор одну из коренных особенностей „мира“, один из печальных атрибутов крестьянской сословности. „В настоящее время“ говорило министерство финансов в пояснение закона 12 марта 1903 г., „условия нашей деревни существенно изменились. В прежнее время, когда все члены общины были тесно связаны между собою однородными интересами, когда источники материального благосостояния были тождественны и распределялись более равномерно, круговая порука находила себя оправдание в условиях нашей деревни. Нынче в строе нашей деревенской жизни замечен факт обособления личности, развития личной инициативы и предприимчивости и стремление наиболее развитых и энергичных крестьян улучшить свое положение. Между тем круговое ручательство, посягая на свободу личного труда и поработая

обществу отдѣльныхъ его членовъ, убиваетъ частную ихъ иниціативу и парализуетъ стремленіе ихъ улучшить свое благосостояніе“ (Вѣстникъ Финансовъ, № 12, 1903). И круговая порука была отменена. Но спрашивается, развѣ тяжелая рука „міра“, имѣющаго права вернуть къ себѣ отлучившагося, не допустить семейнаго раздѣла, наложить на любого своего члена исполненіе общественной службы, развѣ не „посягаетъ на свободу личнаго труда и не поработаетъ обществу отдѣльныхъ его членовъ“ съ такой же силой, какъ круговая порука?

Въ сущности, редакціонная комиссія собственными же словами доказала, что основное ея представленіе о крестьянствѣ, какъ одномъ сословномъ цѣломъ, абсолютно не отвѣчаетъ дѣйствительности, что сословный крестьянскій строй разрушается самъ собою, что понятіе сословія замѣнено въ современной жизни понятіемъ класса. Редакціонная комиссія подтвердила, что „нынѣ крестьянскія общества считаютъ въ своемъ составѣ многихъ лицъ, находящихся въ постоянномъ и долговременномъ отсутствіи, обществу совершенно неизвѣстныхъ и въ большинствѣ случаевъ порвавшихъ не только всякую фактическую связь со своими однообщественниками, но и утратившихъ крестьянскій обликъ, всецѣло, по всему складу своему умственныхъ и нравственныхъ понятій, слившихся съ другими, преимущественно городскими, сословіями“. Слѣдовательно, сама комиссія разрушила ея же собственное представленіе о крестьянствѣ, какъ о обь однородномъ цѣломъ; отсюда могъ быть одинъ только выводъ, что юридическая квалифікація крестьянства, какъ сословія, не соответствуетъ дѣйствительному составу крестьянства, какъ экономической группы, и потому должна быть уничтожена. Комиссія, какъ мы знаемъ, не сдѣлала этого вывода, а если такъ, она не могла исключить утратившихъ крестьянскій обликъ членовъ общества, потому, что понятіе „сословія“ есть число юридическое, а не экономическое. Подобно тому какъ дворянинъ не перестаетъ быть дворяниномъ отъ того, что онъ потеряетъ свою земельную собственность, перейдетъ изъ деревни въ городъ и опустится здѣсь до нищеты, точно также крестьянинъ, какъ членъ сословія, не можетъ перестать быть крестьяниномъ, если онъ перейдетъ изъ деревни въ городъ, аккуратно уплачивая всѣ повинности и не выписываясь изъ состава общества: сословность крестьянства опредѣляется не его занятіями и не мѣстомъ его пребыванія, а припиской къ обществу. Но тутъ мы встрѣтили совершенно неожиданный поворотъ. Комиссія признала, что по истеченіи извѣстнаго срока потерявшія „крестьянскій обликъ“ лица должны быть исключены изъ состава общества, „независимо отъ выраженнаго ими на то согласія“. Комиссія, слѣдовательно, въ корнѣ подорвала свой собственный тезисъ о

сословности. Почему? Да потому, что комиссія урѣгла въ такихъ лицахъ опасность для деревни.

Комиссія не трудно было высказать, что „грознымъ мечомъ висятъ эти отщепенцы отъ общества надъ всѣмъ его хозяйственнымъ укладомъ“; „интересы всей сельской жизни“ требуютъ „сохраненія деревни отъ насильственнаго вторженія въ ея составъ отбросовъ городской жизни“. Словами этими комиссія совершенно опредѣленно вскрываетъ мотивы, руководившіе ею, и даетъ ключъ къ уразумѣнію причинъ, по которымъ она ни словомъ не обмолвилась о припискѣ къ сельскому обществу лицъ неподатныхъ сословій, желающихъ войти въ его составъ. Комиссія, очевидно, рѣшила сберечь деревню отъ разлагающаго, какъ принято говорить въ охранительной печати, вліянія интеллигенціи. Несмотря на то, что комиссія высказалась за разграниченіе поземельной общины отъ сельской, несмотря на то, что въ настоящее время въ деревняхъ проживаетъ масса лицъ, имѣющихъ мѣстные интересы и самымъ непосредственнымъ образомъ заинтересованныхъ въ участіи въ этомъ селеніи самоуправленія, несмотря на то, что вся земская Россія въ одинъ голосъ говорила о необходимости созданія такой мельчайшей сословной или безсословной самоуправляющейся административной единицы,—редакціонная комиссія обошла этотъ вопросъ глухимъ молчаніемъ. Ея идеаломъ является полное обособленіе крестьянства, остающагося на мѣстахъ, отъ всякаго соприкосновенія со всѣми другими обывателями, и потому комиссія требуетъ, съ одной стороны, удаленія изъ деревни всего, что не отвѣчаетъ ея представленію о крѣпкомъ и вѣрномъ крестьянствѣ, и съ другой—недопущенія въ крестьянскую среду самой жизнью придвинутыхъ туда людей.

Редакціонная комиссія не преминула сослаться и на „правосознаніе крестьянъ, вылившееся въ обычно-правовыхъ нормахъ“, какъ на доводъ въ пользу сохраненія крестьянскаго сословнаго строя. Она преклоняется передъ благоразуміемъ составителей Положеній 1861 года, потому что „непосредственное внесеніе нормъ нашего общаго гражданскаго права, рассчитанныхъ на опредѣленіе правоотношеній, возникающихъ на иной почвѣ и въ иной средѣ, въ своеобразную среду имущественныхъ отношеній крестьянства не могло отвѣчать правовымъ нуждамъ деревни“. Пока этотъ источникъ „самобытнаго крестьянскаго права не уступитъ безслѣдно мѣста какому-либо опредѣленному общегосударственнымъ нормамъ права писаннаго, до тѣхъ поръ отпаденіе сословныхъ граней крестьянства совершенно немислимо“. И здѣсь выводъ предрѣшилъ доказательства. Было время, когда въ обычномъ правѣ сѣлоны были видѣть проявленіе народнаго творчества, выраженіе народнаго „духа“ и, противопоставляя народному правосознанію „искусственныя“ нормы законодательства, признавали

за первымъ всё преимущества и совершенства. Этотъ романтическій націонализмъ, пробудившійся въ началѣ XIX в. въ Германіи, перешелъ и къ намъ, гдѣ его культивировали славянофилы и народники; но все это народное правосознаніе при ближайшемъ знакомствѣ съ жизнью оказалось источникомъ не права, а всякаго рода безправія и насилія. „Неудобства“ этого своеобразнаго народнаго права раньше всего дали себя знать лицамъ, имѣвшимъ дѣловыя сношенія съ крестьянствомъ и не принадлежавшимъ къ его средѣ. Обычныя правовыя воззрѣнія народа, оказалось, недостаточно обезпечиваютъ исполненіе крестьяниномъ принятыхъ на себя обязательствъ по договору личнаго найма съ помѣщиками. Но вскорѣ и мужикъ заговорилъ о неудобствахъ обычнаго права въ кругу крестьянскихъ интересовъ и отношеній, и когда въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ зашла рѣчь объ обычномъ правѣ, то не только представители аграріевъ, но крестьяне высказывались противъ него. Обычное право—доказывали комитеты—перешло къ намъ отъ крѣпостной эпохи; но о какомъ правѣ, о какой мѣрѣ свободы, предоставляемой отдѣльному человѣку всякой правовой нормой, могла быть рѣчь, если творцомъ этого „права“ былъ крѣпостной рабъ, могшій быть только объектомъ, но не субъектомъ права. При новыхъ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ нормы обычнаго права, созданныя при крѣпостномъ режимѣ, должны были самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчить правосознанію и потребностямъ вышедшей на волю народной массы, и дѣйствительно, содержаніе народнаго права стало быстро отмирать, замѣняясь „какими то сколками законовъ, циркуляровъ и инструкцій въ толкованіи волостныхъ писарей“. Лишь нѣкоторые комитеты высказали робкое пожеланіе о кодификаціи крестьянскаго обычнаго права, другіе же прямо заявили, что такого права нѣтъ. „Юридическіе обычаи, если только они и были въ нашей мѣстности (Епифанскій уѣзд. ком.), уже давно исчезли; ихъ замѣнило усмотрѣніе—начиная съ усмотрѣнія волостнаго суда и кончая губернскимъ присутствіемъ“. Въ докладѣ Тихвинскому комитету г. Бѣляка, положенія котораго были приняты комитетомъ, заявлялось, что при обслѣдованіи волостныхъ судовъ сами крестьяне говорили: „обычаи не существуютъ, ихъ позабыли“, „кореннаго обычая у насъ нѣтъ и судьи такихъ обычаевъ у насъ не знаютъ“, „сходы и волостной судъ не руководствуются обычаями, которыхъ теперь не существуетъ“; даже волостные судьи признали, что они руководствуются при разборѣ дѣлъ собственнымъ благоусмотрѣніемъ, не считая для себя обязательнымъ соображаться съ обычаями. Исслѣдованіе Орловской губернской управы обнаружило поразительную противорѣчивость практики волостныхъ судовъ, никогда притомъ не ссылающихся на мѣстные обычаи, а на разныя „законы“. Экономическое развитіе Россіи въ сторону капита-

лизма, кореннымъ образомъ измѣнивъ хозяйственный строй деревни и вызвавъ въ немъ появленіе антагонистическихъ по своимъ интересамъ группъ, сообщивъ населенію подвижность и знакомство съ иными неземледѣльческими „состояніями“, вмѣстѣ съ гибелью патріархальнаго уклада принесло смерть и обычному праву, которое по своему содержанію оказалось въ непримиримомъ противорѣчій съ содержаніемъ жизни и было отброшено ею. Съ другой стороны, неустойчивость населенія, непрерывная смѣна профессиональныхъ занятій его отдѣльныхъ членовъ не могли создать и той спокойной обстановки, того постоянного однообразія въ рѣшеніи житейской мудростью вновь появляющихся запросовъ, при которомъ возможно было бы появленіе новаго обычнаго права въ старомъ смыслѣ слова. Волостные судьи и писаря поставили на смѣну обычаямъ произволъ, и такъ какъ произволъ есть не что иное, какъ проявленіе силы, то подобное „правосознаніе“ должно было создать экономически-сильной крестьянской буржуазіи новое средство къ эксплуатаціи пролетаріатскихъ элементовъ въ деревнѣ. И по самому своему существу обычное право никогда не было ни идеальной системой народной правды, ни надежнымъ руководствомъ въ юридической жизни. Обычное право санкціонируетъ нормы, установившіяся только вслѣдствіе господства однихъ классовъ надъ другими и приниженности послѣднихъ или преобладанія интересовъ господствующихъ лицъ.¹⁾ Волостная, писарская же юрисдикція и подавно служила интересамъ однихъ только сильныхъ. Словомъ, все, что мы знаемъ объ обычномъ правѣ крестьянъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчатъ утвержденіямъ редакціонной комиссіи. „Правосознаніе крестьянъ, вылившееся въ обычно-правовыхъ нормахъ“, въ настоящее время перестало служить источникомъ права, какъ и обычно-правовыя нормы перестали регулировать крестьянскую жизнь: обычнаго права уже не знаютъ ни тяжущіеся, ни судьи. Несотвѣтствія нормъ общаго гражданскаго права съ „своеобразной средой имущественныхъ отношеній крестьянства“ также нѣтъ: по своему экономическому содержанію отношенія эти совершенно тождественны съ имущественными отношеніями другихъ группъ, и если въ извѣстной сферѣ, напр., землевладѣнія, отношенія эти отмѣчены специфическими особенностями данной среды, то исключительно потому, что эти особенности законодатель создалъ. Этого несоотвѣтствія не знаетъ и дѣйствительность, такъ какъ общіе законы стали играть роль первенствующаго фактора въ правовой жизни деревни. При такихъ условіяхъ долженъ пасть и выводъ комиссіи о неммыслимости отпаденія сословныхъ граней крестьянства, пока обычное право не уступитъ мѣста.

¹⁾ См. В. Нечаевъ. Обычное право, Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. XXII, стр. 912.

общегосударственнымъ нормамъ. Обычное право уже потеряло почти все свое значеніе; оставалось только этотъ фактъ, признать въ правѣ, распространить на крестьянъ дѣйствіе общаго права, но это зависѣло не отъ крестьянъ, не отъ жизни, а отъ одного лишь законодателя. Единственнымъ выходомъ изъ существующаго положенія, какъ это признано было большимъ числомъ комитетовъ въ самой категорической формѣ, представляется распространеніе на крестьянъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ.

Всего, однако, удивительнѣе, что, высказавъ въ категорической формѣ мысль о необходимости сохраненія сословныхъ граней, въ виду существованія у крестьянъ своего особаго обычнаго права, комиссія въ дальнѣйшихъ своихъ предположеніяхъ привела огромное множество данныхъ и соображеній, подтверждающихъ полную архаичность, неопредѣленность и негодность значительной части обычно-правовыхъ нормъ. Оказалось, что по историческимъ условіямъ народное творчество въ Россіи лишено было „возможности выразиться въ ясныхъ, бесспорныхъ общихъ обычаяхъ“, что „крѣпостное право тормазило развитіе обычнаго права вещнаго и обязательственнаго“, что „экономическая жизнь крестьянства во многихъ мѣстностяхъ усложнилась и видоизмѣнилась до неузнаваемости“, что, кромѣ несложныхъ земледѣльческихъ интересовъ, возникли интересы и сдѣлки характера торговаго, для разрѣшенія которыхъ вовсе не существуетъ обычаявъ; „вообще подъ современнымъ обычнымъ правомъ должно понимать существованіе у крестьянъ множества *практическихъ приемовъ и правилъ* въ разрѣшеніи старыхъ правовыхъ вопросовъ“, что „въ большинствѣ случаевъ имѣются не обычаи, а простое обыкновеніе“, и проч. и проч. Прямымъ послѣдствіемъ подобнаго положенія оказалось даже „полное незнаніе ни своего, ни чужого права, ни своихъ, ни чужихъ обязанностей“.

Послѣ подобной оцѣнки обычнаго права было бы вполне естественно ожидать одного только вывода о необходимости замѣны обычаявъ общегосударственными нормами. Комиссія, однако, вывела отсюда, что нужны для волостного суда особые уставы—о наказаніяхъ, и гражданскій. Не будь такихъ уставовъ, пришлось бы уничтожить сословныя грани, и комиссія закрѣпила особую сословно-судебную организацію для крестьянъ. Комиссія поступила съ своей точки зрѣнія вполне послѣдовательно, создавъ для волостного суда даже одинъ общій процессуальный кодексъ по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ, несмотря на органическое различіе этихъ двухъ видовъ процесса: надо же было подчеркнуть, что крестьяне образуютъ своеобразную среду, для которой требуются особыя учрежденія на особыхъ правовыхъ основахъ. Но общій процессуальный кодексъ не имѣшалъ, однако, редакціонной комиссіи проявить въ уставахъ граждан-

скомъ и о наказаніяхъ совершенно различное отношеніе къ крестьянству. Гражданскій сельскій уставъ долженъ, „не теряя связи съ общими гражданскими законами, быть согласованъ съ основными началами, принятыми наукой права для всякаго гражданского кодекса, а также съ правовыми понятіями среды“, въ виду чего обычному праву придано субсидіарное значеніе въ обязательственномъ и преобладающее въ наследственномъ правѣ; уставъ же о наказаніяхъ по степени наказуемости предусматриваемыхъ имъ поступковъ „долженъ по возможности приближаться къ мѣрамъ карательной репрессіи, установленнымъ для однородныхъ преступленій новымъ уголовнымъ уложеніемъ“. Почему же установлена такая различная степень приближенія къ общему праву для гражданскихъ и уголовныхъ началъ волостныхъ уставовъ, меньшая для первыхъ и большая для вторыхъ? Да потому, что комиссія одной изъ пѣлей пересмотра законодательства о крестьянахъ поставила „упорядоченіе въ сельскомъ населеніи чувства законности и уваженія къ чужимъ правамъ“; по ея мнѣнію, въ силу „вполнѣ понятныхъ причинъ“, у крестьянства „не могло упрочиться сознанія о неприкосновенности чужой собственности“. Съ точки зрѣнія редакціонной комиссіи подобныя правонарушенія должны бы, слѣдовательно, разсматриваться какъ продуктъ особаго „народнаго правосознанія“, и комиссія, считаясь съ этимъ правосознаніемъ, обязана была бы сдѣлать ему такую же уступку, какую сдѣлала она въ гражданскомъ уставѣ, сохранивъ въ немъ обычное право. Но комиссія отказалась отъ послѣдовательнаго проведенія своей же теоріи и высказалась за усиленіе уголовныхъ наказаній въ волостныхъ судахъ, забывъ объ установленномъ ею же принципѣ: „простымъ изданіемъ закона нѣтъ возможности сгладить тѣ органическія особенности, которыя рѣзко различаютъ крестьянство отъ остальныхъ классовъ населенія“.

Редакціонная комиссія осталась вѣрной себѣ и въ вопросѣ о крестьянскомъ общественномъ самоуправленіи. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ въ трудахъ земствъ и въ совѣщаніяхъ кахановской комиссіи было обращено вниманіе на то, что Положенія 19 февраля соединили въ „сельскомъ обществѣ“ („сельское общество составляетъ изъ крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика“) общину поземельную и административную. Дѣйствительно, сельское общество является, съ одной стороны, поземельнымъ союзомъ крестьянъ, объединенныхъ общностью землепользованія, и потому въ его вѣдѣніи находятся всѣ поземельныя дѣла, какъ передѣлы, свалки, навалки, приемъ и увольненіе членовъ и т. д.; съ другой — поселеннымъ административно-хозяйственнымъ центромъ, объединеннымъ общими интересами совмѣстнаго жительствова: въ качествѣ такой организаціи сельское общество завѣдуетъ дѣлами общественнаго благоустройства и

Благосостоянія—призрѣніемъ, образованіемъ, пожарной, санитарной, продовольственной частью и т. д. Редакціонныя комиссіи, выработывавшія Положенія 19 февраля, предполагали, что поземельная и поселенная общины будутъ совпадать, что сельское общество будетъ состоять изъ одного селенія, образующаго одну земельную общину; но этого не оказалось въ дѣйствительности: сельскія общества сплошь и рядомъ обнимаютъ нѣсколько поземельныхъ общинъ, а также нѣсколько отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ, или же, наоборотъ, заключаетъ въ своемъ составѣ только часть жителей одного селенія. Отсюда получалось такое явленіе, что полный сельскій сходъ, если въ составъ сельскаго общества входило нѣсколько селеній, призывался къ рѣшенію поземельныхъ дѣлъ, касающихся одной только части сельскаго общества; такой же сходъ рѣшалъ дѣла о благоустройствѣ отдѣльныхъ селеній, такъ какъ послѣднія не имѣли права соборныхъ сходоу для разрѣшенія своихъ собственныхъ дѣлъ; если сельское общество состояло изъ части селенія, такіа селенія въ дѣломъ лишены были всякаго общественнаго устройства, такъ какъ закономъ не предусматривалась соединенные сходы сельскихъ обществъ. На практикѣ появились частные сходы крестьянъ однообщинниковъ или односельчанъ, и, такимъ образомъ, сама жизнь выдвинула необходимость отграниченія поземельной общины отъ поселенной¹⁾. Какъ ни проста эта логическая и жизненная необходимость подобнаго разграниченія, потребовалось слишкомъ двадцать лѣтъ, чтобы нынѣшняя редакціонная комиссія, высказалась, наконецъ, за раздѣльность „земельнаго общества“ отъ „сельскаго общества“ (т. е. союза, „объединеннаго совместной жизнью въ ближайшемъ другъ отъ друга сосѣдствѣ“),—за тотъ самый принципъ, который былъ отвергнутъ послѣ ожесточенной борьбы въ кахановской комиссіи. Но, разъ признана необходимость такого раздѣленія, естественно было ожидать, что нынѣшняя редакціонная комиссія свяжетъ съ этимъ принципомъ вопросъ о дальнейшей реорганизаціи селеннаго общества. Дѣйствительно, разъ основнымъ принципомъ поселеннаго общества принято „проживаніе въ чертѣ одного селенія“, то неизбежно долженъ былъ возникнуть вопросъ о включеніи въ составъ общества проживающихъ въ чертѣ селенія лицъ некрестьянскаго сословія, объ объединеніи тѣхъ и другихъ элементовъ въ одно селенное общество, подобно тому какъ всѣ проживающіе въ предѣлахъ городской черты образуютъ одно городское самоуправляющееся общество независимо отъ ихъ сословности; другими словами, неизбеженъ былъ выводъ о признаніи поселеннаго общества *безсословнымъ*. Такой выводъ и былъ

¹⁾ Объ этомъ см. подробно у г. Страховскаго, у В. М. Гессена („Вопросы мѣстнаго управленія“).

сдѣлавъ совѣщаніемъ при кахановской комиссіи и нѣкоторыми земствами (еще въ началѣ 80-хъ), а теперь, какъ видно изъ резолюцій комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, изъ новѣйшихъ земскихъ постановленій и публицистической литературы, идея безусловнаго сельскаго общества (административнаго) получила всеобщее распространеніе.

И дѣйствительно. Если при освобожденіи крестьянъ крестьянское сельское общество носило сословный характеръ, то не потому, чтобы составители Положеній 19 февраля принципиально установили сословность, какъ необходимое основаніе сельскаго управленія: сословность управленія вытекала изъ факта сословнаго состава сельскаго населенія того времени. Съ тѣхъ поръ въ составѣ сельскаго населенія, т. е. живущаго въ селахъ и деревняхъ, произошла огромная перемѣна. Уже въ 80-хъ годахъ, когда поднятъ былъ вопросъ о безусловности сельскаго самоуправленія, существовало множество селеній, въ которыхъ на-ряду съ крестьянами проживали лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію, — ремесленники, торговцы, личные собственники, представители интеллигентныхъ профессій и т. д. Всѣ эти лица, заинтересованныя въ общественномъ сельскомъ управленіи, съ одной стороны, лишены права какого-либо въ немъ участія и, съ другой, свободны отъ платежа мірскихъ сборовъ по благоустройству селенія (въ дѣйствительности пользуясь тѣмъ убогимъ „благоустройствомъ“, которое создается въ деревнѣ на средства крестьянскаго общества). Въ интересахъ крестьянской и некрестьянской части населенія необходимо соединеніе тѣхъ и другихъ въ составѣ сельскаго общества, и такимъ образомъ мѣстное самоуправленіе могло бы привлечь интеллигентныя силы деревни и освободить крестьянъ отъ тяжелыхъ мірскихъ повинностей. За послѣднее двадцатилѣтіе перемѣщеніе некрестьянскихъ элементовъ въ деревню достигло во многихъ мѣстахъ огромныхъ размѣровъ, и потому, казалось бы, ненормальность и безжизненность сословнаго строя административной общины не могли вызывать никакихъ сомнѣній. Комиссія прямо не говоритъ, почему она не сочла возможнымъ признать безусловность сельскаго общества, но изъ многочисленныхъ ея сужденій не трудно понять, что организація эта должна сохранить устои крестьянской жизни отъ вліянія „разлагающихъ“ элементовъ. Мы знаемъ, что и въ 80-е годы славянофильская печать и нѣкоторые члены кахановской комиссіи проводили подобную точку зрѣнія. „Всякое вторженіе въ этотъ народный строй чуждой его духа стихіи, говорила „Русь“, могло бы только ослабить самую ту основу, которую крѣпка и стоитъ Россія“¹⁾.

¹⁾ В. Ю. Скалонъ. Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго самоуправления. М. 1884, стр. 86.

„Введеніемъ въ составъ сельскаго общества разночинцевъ—разсуждали реакціонные дворяне въ кахановской комиссіи—быль бы нарушенъ тотъ строй сельской жизни, который оставался нетронутымъ въ теченіе тысячелѣтій“, и, чтобы доказать всю тлетворность „всякихъ разночинцевъ“, имъ приписывались „разныя скрытыя интриги“. Не трудно понять, что подобная аргументація (включавшая, между прочимъ, и мысль о *полезности* сословной обособленности для крестьянъ) не могла выдержать ни малѣйшей критики. Уже современники той эпохи, не увлеченные ни славянофильствомъ, ни узкимъ народничествомъ, могли констатировать полную ложность представленія о крестьянствѣ, какъ „носителя начала общественности“ (такъ называла его *Русь*). „Со времени освобожденія крестьянъ—говорилъ противъ этой доктрины В. Ю. Скалонъ—интересъ личный, нерѣдко совершенно противоположный общественному, сильно выдвинулся въ крестьянской средѣ и вступилъ въ непрестанную борьбу съ интересомъ общественнымъ. Въ крестьянской средѣ выдѣлился типъ, самимъ народомъ окрещенный характернымъ именемъ *міроѣда*, который поѣдаетъ, подтачиваетъ міръ, стремясь подчинить его интересы своимъ личнымъ. Множество статистическихъ данныхъ констатируютъ тотъ фактъ, что во многихъ мѣстностяхъ крестьянство распалось на двѣ неравныя группы — людей зажиточныхъ, благосостояніе которыхъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, и бѣдноту, утратившую всякую хозяйственную силу... Мы могли бы указать много фактовъ, несомнѣнно, свидѣтельствующихъ, что сельское самоуправленіе, попавши въ руки *міроѣдовъ*, перестаетъ служить интересамъ мірскимъ, дѣлается орудіемъ одной господствующей группы“¹⁾... Вся эта борьба, весь этотъ процессъ разслоенія деревни происходитъ теперь несравненно сильнѣе, и сохраненіе въ немъ „общности и солидарности хозяйственныхъ интересовъ“ давно стало мнѣомъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что цѣль редакціонной комиссіи не будетъ достигнута, не можетъ быть достигнута, такъ какъ не въ ея силахъ уничтожить „разлагающее вліяніе“ чуждыхъ крестьянству элементовъ. Передвиженіе некрестьянъ къ деревнѣ вызывается экономическими причинами: не участвуя въ крестьянскомъ управленіи, эти лица живутъ рядомъ съ крестьянами, вступаютъ съ ними во всякаго рода сношенія, матеріальныя и культурныя, и невольно подвергаютъ ихъ своему вліянію, тѣмъ болѣе сильному, что законодатель и комиссія приняли всѣ мѣры къ удаленію изъ среды крестьянства наиболѣе образованныхъ его людей. Для огражденія крестьянъ отъ этого вліянія оставалось бы одно средство—выселить некрестьянскій элементъ изъ деревни, какъ это сдѣлано было

1) В. Ю. Скалонъ, *op. cit.*, стр. 87.

по отношенію къ евреямъ, но одиозность подобной мѣры была слишкомъ велика, чтобы на нее можно было рѣшиться.

Устанавливая подобное пониманіе возложенной на нее задачи, редакціонная комиссія свела реформу къ пересмотру лишь нѣкоторыхъ частей законодательства о крестьянахъ. Такъ, она признала неподлежащимъ пересмотру: положеніе о выкупѣ—на томъ основаніи, что выкупная операція близится къ концу, затѣмъ—всѣ положенія о крестьянскихъ установленіяхъ, потому что „возложенный на комиссію трудъ заключается въ новомъ соображеніи собственно крестьянскаго законодательства, т. е. тѣхъ законовъ, которые опредѣляютъ внутренніе распорядки крестьянской жизни, а отнюдь не тѣхъ, которые устанавливаютъ приемы управленія крестьянами и характеръ правительственнаго надзора за сословными крестьянскими учрежденіями и возникающими въ крестьянской средѣ отдѣльными явленіями“. Комиссія, сочувствуя сохраненію опекающихъ крестьянство учреждений, считаетъ превышеніемъ предоставленныхъ ей полномочій пересмотръ законодательства въ этой части, своеобразно истолковывая терминъ—крестьянское законодательство. Ограничивъ такимъ образомъ предѣлы своихъ работъ, комиссія и въ своей положительной программѣ, и въ своихъ соображеніяхъ о необходимыхъ, по тому или другому вопросу измѣненіяхъ высказалась за малозначительныя поправки къ существующему кодексу. Всѣ реформы состава обществъ сводятся къ облегченію условій выхода изъ обществъ отдѣльныхъ его членовъ, въ обязательномъ исключеніи „отбросовъ городской жизни“, въ урегулированіи положенія усыновленныхъ. Комиссія сознаетъ, что уровень должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія долженъ быть повышенъ, что онъ зависитъ отъ многосложности ихъ обязанностей и „полной подчиненности рѣшительно всѣмъ органамъ уѣздной администраціи“, тѣмъ не менѣе, по ея заключенію, „не представляется возможности идти далѣе нѣкоторыхъ частичныхъ въ этомъ дѣлѣ улучшеній“. Необходимо возможное облегченіе крайней обременительности для крестьянъ существующаго мірскаго обложенія, но какое—этого не касается комиссія. Главное вниманіе удѣлено вопросу о замѣнѣ обычнаго права особымъ кодексомъ, но и здѣсь комиссія не менѣе рѣзко подчеркнула обособленное и сословное положеніе крестьянства. Институтъ опеки, съ земскими начальниками во главѣ, сохраненъ въ неприкосновенности.

Изученіе основныхъ началъ, принятыхъ редакціонной комиссіей при пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ и нашедшихъ себѣ выраженіе въ выработанныхъ ею проектахъ, съ очевидностью показало намъ, какая непроходимая пропасть раздѣляетъ взгляды правительства и общества на крестьянскій вопросъ. Нельзя отыскать ни одной принципиальной идеи,

которая могла бы послужить переходнымъ мостомъ между тѣми и другими. Правительство въ лицѣ редакціонной комиссіи возвело временныя нормы 1861 года на степень исконныхъ, непреложныхъ и живыхъ устоевъ крестьянской и государственной жизни, тогда какъ жизнь убѣдительно доказываетъ, что нормы эти отжили свой вѣкъ, и что необходима отмѣна сословности и опеки, уравненіе крестьянства въ правахъ съ другими группами населенія и широкое самоуправленіе.

М. Лунцъ.

Въ тискахъ идейной растерянности.

По поводу книги г. Пѣшехова: На очередныя темы. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изданіе журнала „Русское Богатство“. СПБ. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Пѣшеховъ называетъ сборникъ своихъ статей матеріалами для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Это, конечно, вѣрно въ томъ общемъ смыслѣ, что каждая публицистическая работа имѣетъ предметомъ общественныя отношенія и, слѣдовательно, можетъ служить матеріаломъ для ихъ характеристики. Но есть матеріалы и матеріалы... Тѣ которые предлагаетъ читателямъ г. Пѣшеховъ, едва ли помогутъ кому-либо составить ясное представленіе о сложныхъ явленіяхъ современности. Тѣмъ не мѣняе, и они не лишены нѣкотораго общественнаго значенія. Дѣятельность публициста даже тогда, когда она не имѣетъ объективной цѣнности, представляетъ большой субъективный интересъ, отражая взгляды и настроенія той группы, къ которой принадлежитъ авторъ. Это свойство публицистической работы въ особенности замѣтно по отношенію къ г. Пѣшехову. Яркій и талантливый защитникъ ветхой крѣпости народничества, ничего не забывшій и ничему не научившійся, онъ является типичнымъ выразителемъ тѣхъ идей, которыя доживаютъ свой вѣкъ среди эпигоновъ громаднаго нѣкогда общественнаго движенія, умирающаго на нашихъ глазахъ, несмотря на героическія „эксциративныя“ усилія его рѣдующихъ приверженцевъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ служитъ показателемъ и дальнѣйшей судьбы своего направленія. Съ этой точки зрѣнія мы и рассмотримъ книгу г. Пѣшехова. Ни обстоятельнаго опроверженія, ни истерпяющей критики взглядовъ автора читатель не встрѣтитъ въ нашей замѣткѣ. Эта работа цѣлкомъ сдѣлана въ періодъ побѣдоносной борьбы марксизма съ народничествомъ. И тѣхъ, кто снова пожелалъ бы пересмо-

трѣтъ старыя факты и мысли, мы отсылаемъ къ литературѣ того времени. Забывчивый русскій читатель найдетъ тамъ много поучительнаго. Намъ же интересуютъ сейчасъ, главнымъ образомъ, настроеніе г. Пѣшехова, какъ выразителя опредѣленнаго теченія въ литературѣ и жизни.

I

Общій фонъ русской современной жизни рисуется эпитономъ народничества въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Вся пореформенная эпоха нашей исторіи—только рядъ грѣхопаденій, ввергнувшихъ Россію въ безпросвѣтную тьму. Уже самая освободительная реформа была, по мнѣнію г. Пѣшехова, грѣхопаденіемъ. Правда, онъ относится къ ней очень мягко. Она будто бы пыталась обезпечить труду такія экономическія и правовыя условія, „при которыхъ трудъ пошелъ бы на пользу самого народа, а не какаго-либо отжившаго института, не какой-либо маленькой группы, ранѣе или позднѣе трудящейся массы выбившейся изъ крѣпостной опеки.“¹⁾ Но... „реформы были прерваны прежде, чѣмъ было перестроено зданіе, складывавшееся вѣками“²⁾. Послѣдствія не замедлили обнаружить, что сдѣланнаго далеко недостаточно, чтобы обезпечить интересы трудящейся массы. Паденіе крѣпостнаго права не только не создало народу рая, но сдѣлалось источникомъ новыхъ страданій для крестьянства, обреченнаго вынести на своихъ плечахъ тяжесть капиталистическаго развитія страны. Первое грѣхопаденіе повлекло за собою всѣ другія. Государство послѣ преждевременнаго окончанія эпохи реформъ уже не могло стать на поперекъ дороги. „Всѣ ресурсы, какими располагаетъ экономическая политика, въ ущербъ исконнымъ формамъ народнаго труда, были направлены на развитіе денежнаго хозяйства и поощреніе крупной промышленности. Техника производства, несмотря на купленное дорогою цѣною содѣйствіе джентльмена-капитала, прогрессировала крайне медленно, далеко отставая отъ не въ мѣру развитыхъ имъ аппетитовъ. Удовлетвореніе духовныхъ потребностей населенія было обставлено крайне неудовлетворительно“³⁾. Это ошибочное направленіе экономической политики, уклонившейся отъ „исконныхъ формъ народнаго труда,“ привилось настолько прочно, что трудно предсказать: измѣнится ли оно когда-нибудь. По крайней мѣрѣ, и въ статьѣ о дѣятельности г. Витте, т. е. о вчерашнемъ днѣ нашей финансово-экономической политики, г. Пѣшеховъ принужденъ отмѣтить, что „въ своемъ

1) Крестьянскій вопросъ. Стр. 7.

2) Ibid.

3) Ibid. Стр. 8.

отремленіи къ поднятію страны на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы государственная власть не стала искать опоры въ тѣхъ исконныхъ формахъ, въ какія отлилась неземледѣльческая дѣятельность населенія, въ органически выросшихъ и связанныхъ со всѣми другими частями народнаго хозяйства кустарныхъ и домашнихъ промыслахъ. Медлительному процессу ихъ соціального и технического совершенствованія она предпочла готовыя, поражавшія своей техникой, хотя и выросшія на чуждой почвѣ, крупно-капиталистическія формы“¹⁾. Увлеченіе „чуждыми“ формами промышленности вызвало еще одно грѣхопаденіе. „Государственная власть, отчасти органически, въ силу свойственнаго ей строенія, отчасти сознательно—изъ нежеланія чѣмъ-либо стѣснять людей смѣлаго почина, поддерживалась, насколько это было возможно, отъ активнаго вмѣшательства въ пользу труда въ его борьбѣ съ капиталомъ“²⁾. Въ будущемъ, „исконнымъ формамъ“ угрожаетъ еще болѣе тяжелый ударъ, такъ какъ „министерство финансовъ обратило свое вниманіе на общину, дворъ и другіе институты, содѣйствующіе живучести натурального хозяйства“³⁾. Всѣ дѣйствія государственной власти въ области экономическихъ отношеній вызываютъ у эпигона народничества только скорбь объ утраченномъ раѣ натурального хозяйства, кустарныхъ и домашнихъ промысловъ, общины и т. д. Обращаясь отъ высшихъ сферъ къ болѣе скромнымъ, современный народникъ также не видитъ ничего отраднago. Орловскій сѣвѣдъ сельскихъ хозяевъ, гдѣ впервые раздались вятныя рѣчи о необходимости простора мѣстной самостоятельности, о расширеніи общественныхъ правъ, сѣвѣдъ, который, какъ теперь очевидно даже г. Пѣшеонову, бывшій предтечею современнаго оживленія въ земской средѣ, вызываетъ у народническаго публициста грустныя строки. „Въ этой средѣ, по увѣренію нѣкоторыхъ (т. е. марксистовъ, тогда же отиѣтившихъ буржуазно-прогрессивный характеръ требованій сельскихъ хозяевъ. Н. І.), мы должны были встрѣтить представителей прогрессивной силы капитала и въ ихъ увѣренныхъ рѣчахъ начертать успокоеніе на счетъ будущаго. (Послѣднее—вольное толкованіе г. Пѣшеоновымъ того звона, который онъ слышалъ, но не понималъ. Н. І.). Выше того, мы встрѣтили аргонавтовъ, собравшихся въ знакомый имъ походъ за золотымъ руномъ, и героев современной идилліи.“⁴⁾ Эти аргонавты грозятъ, послѣ закона о насажденіи дворянскаго землевладѣнія въ Сибири, „испортить“ и этотъ край. Г. Пѣшеоновъ, нѣсколько неожиданно

1) Централизація экономической власти. Стр. 193.

2) Ibid. Стр. 195.

3) Ibid. Стр. 199.

4) Современные аргонавты. Стр. 97.

подражая известному „письму Маркса къ Михайловскому,“ съ чувствомъ пишетъ: „поражающая доселѣ безлюдьемъ страна стала быстро заселяться; лежащія втуне богатства появились на мировомъ рынкѣ; въ странѣ, по которой еще бродятъ полудикіе инородцы, уже функционируютъ высшія школы, уже внятно звучитъ идейное слово печати“¹⁾. Читатель ожидаетъ, что все это „оживленіе“ Сибири, явившееся какъ результатъ вовлеченія ея въ капиталистическій процессъ, покажетъ автору, что законъ о крупномъ землевладѣніи не играетъ существенно важной роли въ громадномъ историческомъ переворотѣ, переживаемомъ нашею окраиною. Но это ожиданіе не оправдывается. Г. Пѣшеховъ, раскланявшись съ одними плодами нарождающагося капитализма, по поводу возможности образованія въ Сибири крупной земельной собственности считаетъ долгомъ воскликнуть: „передъ Сибирью, начавшей новую жизнь, открылась заманчивая перспектива: опираясь на „последнее слово“ многовѣковой культуры и научнаго знанія, не повторяя чужихъ ошибокъ и не страдая отъ тяжкихъ ихъ послѣдствій, сдѣлать новый шагъ на пути къ высокимъ идеаламъ человѣческой жизни“ Но современные аргонавты - землевладѣльцы грозятъ изгнать народничество даже изъ Сибири, готовой показать „всѣмъ Европамъ“ примѣръ некапиталистическаго развитія. Есть отъ чего въ отчаяніе притти! И г. Пѣшеховъ изливаетъ на „аргонавтовъ“ весь „гнѣвъ оскорбленной чести“ и всю „скорбь наболѣвшей совѣсти.“ Недовольный крупной буржуазіей, г. Пѣшеховъ отнюдь, однако, не жалуется мелкой. Когда, послѣ ремесленнаго съѣзда въ Петербургѣ, одинъ изъ зловредныхъ марксистовъ г. Изгоевъ написалъ вполне основательно: „намъ гораздо симпатичнѣе тѣ ремесленники-хозяева, которые прямо и грубо говорили, чего они хотятъ, въ чемъ они видятъ осуществленіе своихъ классовыхъ интересовъ, ... чѣмъ интеллигенція, пытающаяся „общими фразами“ замазать классовыя противорѣчія,“ то г. Пѣшеховъ съ благороднымъ негодованіемъ обрушился и на г. Изгоева, и на ремесленниковъ, представителей „темнаго царства,“ и наговорилъ много неприятностей по адресу членовъ съѣзда и ихъ „укрывателей“ марксистовъ. Въ число преступленій ремесленниковъ г. Пѣшеховъ занесъ, между прочимъ, и отрицательное отношеніе ихъ къ коопераціи, излюбленному лѣкарству народниковъ. „Фабрика сильна своими размѣрами. Тѣхъ же выгодъ ремесленники могутъ достигнуть только коопераціей, а они... освистали ее“²⁾,—съ горечью пишетъ г. Пѣшеховъ. Но что говорить объ „аргонавтахъ“ - землевладѣльцахъ,

1) По поводу одного аграрнаго закона. Стр. 127.

2) Господа ремесленники и ихъ комментаторы. Стр. 348.

ремесленникахъ, интеллигентахъ-марксистахъ? Все общество, все русское общество никуда не годится: оно потеряло честь и совѣсть. „Про честь и совѣсть въ наши дни совѣсьмъ почти не слышно“... И литература, и въ особенности интеллигентный обыватель совѣсьмъ забыли объ этихъ словахъ. Нѣтъ сомнѣнія, плохо живется интеллигентному обывателю. „Плевковъ въ его сторону и стоновъ вокругъ него чрезчуръ ужъ много, а гнѣва оскорбленной чести и скорби наболѣвшей совѣсти, какъ будто, въ немъ и вовсе нѣтъ“¹⁾. Однимъ словомъ, „одинокъ я, нѣтъ отрады; стѣны голыя кругомъ.“ Все разлагается, все гибнетъ, что дорого и свято. На долю „вѣрнаго завѣтамъ прошлаго“ народника остается только обличать нечестивый мѣръ и вспоминать о „святомъ, великомъ, невозвратномъ Иліонѣ.“ И закачывавая почти пятьсотъ страницъ книги г. Пѣшехонова, читатель невольно вспоминаетъ о томъ героѣ Глѣба Успенскаго, который, „несмотря на всѣ свои дореформенные дослѣхи, такъ растерялся отъ „новыхъ временъ“, что могъ лишь слезливо поддѣвывать за церковнымъ хоромъ: „конецъ приближается“²⁾.

II.

Въ чемъ же заключается корень зла? Гдѣ причины такого глубокаго упадка нравовъ среди современнаго русскаго общества? По мнѣнію г. Пѣшехонова, онѣ лежатъ въ томъ равнодушіи къ крестьянству, которымъ охвачены въ послѣдніе годы представители передовой русской мысли. „Крестьянскаго вопроса у насъ теперь нѣтъ... Еще недавно онъ... составлялъ неотвязную заботу и думу всей мыслящей части русскаго общества... Съ нимъ и для него мы готовились жить, надъ нимъ работать... И вотъ теперь нѣтъ этого вопроса. Его нѣтъ не только среди „поставленныхъ на очередь“ для переписки разныхъ канцелярій между собою; его нѣтъ—что несравненно важнѣе—въ умахъ и сердцахъ современнаго поколѣнія. Избавившись отъ труднаго вопроса и тяжелой заботы, мы, казалось бы, должны были испытывать чувства удовлетворенія и отрады. Но... нѣтъ въ насъ этихъ чувствъ: безъ крестьянскаго вопроса общественное самочувствіе стало не лучше, а хуже. Частные вопросы, лишеныя объединявшаго ихъ центра, задвигались внѣ связи съ ихъ смысломъ и значеніемъ. Граница между правымъ и неправымъ, разумнымъ и нелѣпнымъ, важнымъ и ничтожнымъ — стерлась. Изъ жизни исчезли всѣ яркія краски, вещи потеряли опредѣленность въ своихъ очертаніяхъ, перспектива сдѣлалась туман-

1) Изъ исторіи чести и совѣсти. Стр. 370.

2) Изъ земской жизни. Стр. 306.

ной въ однихъ направленіяхъ и нелѣпо извращенной — въ другихъ“¹⁾. Это объясненіе вполнѣ приемлемо, но съ двумя существенными оговорками. Во-первыхъ, оно изображаетъ положеніе только эпигоновъ народничества, къ которымъ принадлежить г. Пѣшеховъ; во-вторыхъ, крестьянскій вопросъ исчезъ изъ поля зрѣнія интеллигенціи только въ томъ его специфическомъ пониманіи, которое отмѣчало народничество. Однородная масса крестьянства, выброшенная въ экономическую борьбу уничтоженіемъ крѣпостного права, въ пореформенный періодъ нашей исторіи разслонилась на различные и противоположныя по интересамъ классы. Деревня настолько измѣнила свое социальное строеніе и свой духовный обликъ, что идеологія разночинной интеллигенціи, выработанная въ предшествующій періодъ натуральнаго хозяйства, необходимо должна была повиснуть въ воздухѣ. Если и въ прежніе годы хожденіе въ народъ вызвало съ его стороны лишь суровый окрикъ: „не суйся“, то теперь обстоятельства для разночинныхъ интеллигентовъ складывались еще болѣе печально. По компетентному сознанію г. Пѣшехова, народники, дѣйствительно, потеряли „объединяющій центръ“, частные вопросы задвигались предъ ихъ глазами безъ смысла и значенія; изъ ихъ жизни исчезли всѣ яркія краски, перспектива сдѣлалась туманной и нелѣпо извращенной. Мы нисколько не дѣлаемъ народничество отвѣтственнымъ за потерю „центра“. Этимъ центромъ было дореформенное крестьянство, и оно должно было исчезнуть въ процессѣ экономического развитія Россіи. вмѣстѣ съ нимъ должны были отмереть и народническая идеологія, и народническая тактика. Болѣе чуткіе, болѣе подготовленные научно элементы разночинной интеллигенціи въ хаосѣ распадавшагося историческаго зданія умѣли уловить камни для новой постройки. Народники, по крайней мѣрѣ, значительная часть ихъ, не могли сдѣлать этого. Въ результатъ—вся жизнь окрасилась въ черный цвѣтъ и потеряла смыслъ и значеніе. Эта идейная растерянность и практическое безсиліе нашли выраженіе въ позиціи, занятой въ 90-хъ годахъ покойнымъ Михайловскимъ. Какъ превосходно выяснилъ въ нашемъ журналѣ г. Изгоевъ²⁾, *вождь*, всегда отличавшійся способностью облекать *положительныя* идеи своего времени въ краткія, сильныя, опредѣленныя формулы, превратился только въ *критика*, зло указывавшаго на отдѣльные промахи и нелѣпости своихъ многочисленныхъ оппонентовъ, но лишеннаго способности уловить біеніе пульса новой эпохи общественнаго развитія Россіи. Если такое безсиліе поразило Михайловскаго, то что же говорить о другихъ, маленькихъ богахъ народническаго Олимпа и ихъ рядовыхъ

1) Крестьянскій вопросъ. Стр. 1.

2) Образованіе. Апрѣль. Изгоевъ. Н. К. Михайловскій.

поклонникахъ? На ихъ долю оставался только плачь на рѣкахъ вавилонскихъ. Г. Пѣшеховъ, разумѣется, не согласится съ нами. Онъ укажетъ на то, что новое направленіе забыло о крестьянствѣ, а народники, какъ весталки, все время хранили священный огонь любви къ деревнѣ. Но, вѣдь, теперь едва-ли кто-либо изъ одаренныхъ зрѣніемъ станетъ отрицать, что роль почтенныхъ весталокъ сводилась только къ народолюбивому пустословію. Ничто изъ храбраго на словахъ народническаго лагеря не доказало на дѣлѣ справедливость своихъ упрековъ и правоту своихъ совѣтовъ, никто не попытался, въ опроверженіе „узкихъ“ марксистовъ, положить тропу къ сознанію крестьянства. Въ настоящій моментъ положеніе нѣсколько измѣнилось, но объ этомъ мы еще скажемъ ниже. Во всякомъ случаѣ, г. Пѣшеховъ счелъ возможнымъ даже въ настоящій моментъ переиздать для поученія читателей свои статьи, гдѣ онъ, оставшись безъ руля и безъ компаса, на пятистахъ почти страницахъ поетъ не то Лазаря, не то пѣсню Еремушки. Марксисты этимъ, дѣйствительно, не занимались и не занимаются. Съ самаго своего появленія на общественной аренѣ они отказались отъ народолюбиваго пустословія, прикрывавшаго отсутствіе положительной общественной программы, и замѣнили филантропическое добротство эпигоновъ народничества исторически цѣлесообразною дѣятельностью. Они очистили умы отъ пережитковъ устарѣлаго прошлаго, съ успѣхомъ доказали развитіе капиталистическихъ отношеній въ Россіи, популяризировали идеи экономическаго матеріализма, выяснили прогрессивное значеніе растущаго городского уклада. Въ противоположность народникамъ, которые, какъ мы видимъ на примѣрѣ г. Пѣшехова, замазывали черными полосами всю русскую жизнь и разсматривали ея теченіе, какъ непрерывный рядъ грѣхопадений и уклоненій по отношенію къ прошлому, какъ обратное движеніе,—марксисты, отнюдь не отказываясь отъ критики существующаго, взглянули на жизнь, какъ на процессъ движенія впередъ, признали въ ней прогрессивное наростаніе условій лучшаго будущаго. Это, какъ будто, только „точка зрѣнія“. Но тѣ, кто помнятъ моментъ появленія марксизма, единодушно признаютъ, что въ этой точкѣ зрѣнія заключалось все. Личь съ ея появленіемъ вновь образовался потерянный народниками объединяющій центръ, частные вопросы приобрѣли опредѣленный смыслъ, а народолюбивое пустословіе и слезливое безсиліе смѣнились ясною программой общественной работы на пользу народа вообще и крестьянства въ частности. Марксисты не плакали о грѣхахъ и ошибкахъ государственной власти или правящихъ классовъ. Чуждые какого-либо фетишизма, они внесли въ общественное сознаніе матеріалистическое пониманіе событій, т. е. признали наличность данныхъ условій и въ нихъ нашли возможность соціального творчества.

Но они, какъ узкіе доктринеры, должны были „выбросить за бортъ крестьянство, какъ не имѣющій значенія обломокъ прошлаго, и сосредоточить свое заботливое вниманіе лишь на небольшой части трудящейся массы“¹⁾. Они утверждали, что „мужика, прежде, чѣмъ призвать его въ общественному устройству, нужно еще „выварить въ фабричномъ котлѣ“, нужно еще послать его на выучку къ капитализму“²⁾. Это положеніе марксизма возбуждало и возбуждаетъ въ народникахъ такое нетодованіе, словно марксисты на самомъ дѣлѣ намѣреваются сварить въ котлѣ живого „мужика“. Многіе изъ народниковъ полагали, по крайней мѣрѣ, что марксисты „способны“ на это. Ходъ разсужденій обыкновенно былъ таковъ: марксисты увѣрвали въ неотвратимость капиталистическаго развитія; въ этомъ развитіи они черпаютъ свою силу и думаютъ, что оно ведетъ къ торжеству ихъ идеаловъ; слѣдовательно, — марксисты должны стараться ускорять это развитіе, обезземеливая крестьянъ или, въ лучшемъ случаѣ, препятствуя всему, что затрудняетъ ихъ обезземеливаніе, что поддерживаетъ живучесть натурального хозяйства. Всѣ эти обвиненія—сказка. Въ свое время Бельтовъ не мало посмѣялся надъ этимъ силлогизмомъ, справедливо указывая, между прочимъ, что „обезземеливаніе“ крестьянъ нисколько не благоприятствуетъ капиталистическому развитію. Но... предразсудки отличаются живучестью. Г. Пѣшеховъ, печатая въ 1904 году старыя обвиненія, очевидно, до сихъ поръ вѣритъ въ ихъ смыслъ. Въ дѣйствительности, если марксисты сосредоточили, по понятнымъ причинамъ, свое вниманіе на городскомъ населеніи, то марксистская мысль неустанно работала и надъ крестьянскимъ вопросомъ еще съ конца восьмидесятыхъ годовъ. Но она ставила себѣ иную задачу: не пытаясь возвратитъ прошлое, она стремилась найти научно-обоснованный исходъ изъ современнаго невыносимаго положенія русской деревни, исходъ, который не былъ бы въ корнѣ отравленъ иллюзіями и мечтательными настроеніями. Сложность вопроса увеличивала трудность задачи, но теперь она разрѣшена, и г. Пѣшехову не мѣшало бы упомянуть объ этомъ, перепечатавая свои декламации противъ марксистовъ. Какъ извѣстно, современный марксизмъ и въ области аграрныхъ отношеній Россіи признаетъ центральнымъ фактомъ классовую борьбу, но осложненную тѣмъ обстоятельствомъ, что деревня наша еще не находится въ условіяхъ, свойственныхъ буржуазному хозяйственному строю. Поскольку въ нашей деревнѣ крѣпостное общество вытѣсняется „современнымъ“ буржуазнымъ обществомъ, постольку крестьян-

1) Крестьянскій вопросъ. Стр. 11.

2) Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи. Стр. 345.

ство перестаетъ быть классомъ, распадаясь на сельскій пролетаріатъ и сельскую буржуазію различнаго калибра. Поскольку въ деревнѣ живы еще многочисленныя остатки крѣпостныхъ отношеній, постольку крестьянство еще продолжаетъ существовать какъ нѣчто цѣлое, какъ классъ, но классъ—сословіе не капиталистическаго, а крѣпостнаго общества. Поэтому, несмотря на внутренней антагонизмъ деревенскаго населенія, оно является нераздѣльно заинтересованнымъ въ освобожденіи отъ крѣпостническихъ пережитковъ экономическаго и юридическаго характера. Пути гражданскаго безправія должны пасть, и, въ числѣ ихъ, тѣ остатки крѣпостныхъ отношеній, которыя, какъ показываютъ статистическія изслѣдованія, мѣшаютъ правильному развитію крестьянскаго хозяйства: отрѣзки, спеціальныя налоги, падающіе исключительно на крестьянство, какъ на „податное“ сословіе, стѣсненія крестьянъ въ распоряженіи землей и т. п. Это—обычныя нынѣ требованія, можно сказать, голосъ жизни. За нихъ высказываются и юристы, и агрономы, и практики-хозяева, какъ это было на засѣданіяхъ уѣздныхъ комитетовъ. Марксистская мысль только подчеркиваетъ временное значеніе этихъ улучшеній механизма и сознательно раскрываетъ ихъ классовый характеръ. Можно, конечно, считать эту мысль недостаточно обезпечивающей интересы крестьянства, хотя въ области практическихъ минимальныхъ требованій и союзники г. Пѣшехова не придумали ничего другого и только повторили сказанное марксистами; но говорить, что „крестьянскаго вопроса у насъ нѣтъ“, г. Пѣшеховъ не имѣлъ основаній даже въ то время, когда впервые писалъ свою статью, вошедшую въ настоящій сборникъ. Въ главныхъ основаніяхъ марксистское пониманіе русскихъ аграрныхъ отношеній уже и тогда вполне сформировалось. Каково бы ни было это пониманіе, но оно размѣщало жизненныя явленія въ опредѣленномъ порядкѣ; оно позволяло видѣть смыслъ и значеніе и взаимную связь отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, оно, наконецъ, имѣло тотъ объединяющій центръ, котораго недоставало народничеству. Вотъ почему какъ общее печальное состояніе русской жизни, нарисованное г. Пѣшеховымъ, такъ и указанная авторомъ причины его, — характерны только для народническаго міросозерпанія. Каждый день погребая какой-либо изъ „институтовъ, поддерживающихъ живучесть натурального хозяйства“, народники, естественно, не могли, какъ марксисты, повторить извѣстныя слова нѣмецкаго гуманиста начала XVI вѣка, который, оглядываясь на величавую картину разрушенія всего традиціоннаго и освященнаго вѣками, радостно восклицалъ: весело жить!

Ш.

Народничество послѣднихъ лѣтъ только и дѣлало, что хоронило своихъ мертвецовъ. Но оно не могло остановиться на этомъ. Съ исчезновеніемъ почвы, питающей общественное движеніе, исчезаетъ или принимаетъ новую форму и само движеніе. Народничество не исчезло, оно переродилось. Старый народникъ-разночинецъ былъ, разумѣется, большимъ утопистомъ. Это знаютъ теперь даже школьники, но они не знаютъ, что по отношенію къ основамъ общезнѣнія онъ былъ гораздо большимъ реалистомъ, чѣмъ многіе и многіе изъ такъ называемыхъ трезвыхъ людей. Онъ чувствовалъ себя солидарнымъ съ народными массами и на нихъ возлагалъ свои упованія; онъ вѣрилъ, что громадныя силы, скрытыя въ только что освобожденномъ отъ крѣпостного права крестьянствѣ, способны создать новый міръ общинной артельной Россіи. Поэтому народникъ добраго стараго времени не рядился въ костюмъ маркиза Позы, не ждалъ временныхъ ему давайцевъ никакихъ подарковъ, не сводилъ счетовъ безъ хозяина и не пытался принять участіе въ постройкѣ общественнаго зданія, зная, что планъ строенія находится въ чужихъ рукахъ. Онъ вѣрилъ только въ мірскаго человѣка, былиннаго Илью Муромца. Мы знаемъ, что народники ошиблись. Илья Муромецъ остался сидѣть сиднемъ. Вѣра въ крестьянство рухнула безвозвратно. Съ нею погасла энергія, увяла демократизмъ. Гибель извѣстнаго представленія о народѣ, какъ сокровищницѣ обновляющихъ силъ, неминуемо повлекла и историческую гибель разночинца народника. Начались восьмидесятыя годы. Обломки когда-то гордыхъ кораблей разбросало по волнамъ. Унылая и тусклая жизнь напоминала кладбище. Разночинная интеллигенція, отрекшаяся „отъ массы“, возвращалась къ „обществу“. Первоначальный демократизмъ уступалъ мѣсто или смѣшивался съ либерализмомъ. Тогда именно и зародился тотъ романъ „третьяго элемента“ съ „мѣстными людьми“, при расцвѣтѣ котораго мы имѣемъ счастье присутствовать. Не станемъ обсуждать, выиграли ли отъ этого либерализмъ, но демократизмъ, несомнѣнно, проигралъ очень много: свою принципиальную чистоту и практическую твердость. Разночинецъ успокоился на гостепримномъ лонѣ „народолюбиваго“ общества. Переживъ старую вѣру и не наживъ новой, онъ ушелъ съ головою въ культурническую работу, увлекся жаждою „положительной“ работы, жаждою строительства. „Развился,—говоритъ г. Пѣшеховъ,—тотъ ужасающій поессибилизмъ, девизъ котораго: хоть что-нибудь, хоть какъ-нибудь“ ¹⁾,

¹⁾ Крестьянскій вопросъ стр. 10.

1904 г. № 7. Отд. Ш.

Ног. Пѣшеховъ не говоритъ о болѣе важномъ измѣненіи. Масса изъ субъекта товарища, какимъ она являлась для первыхъ народниковъ, для ихъ эпигоновъ превратилась въ объектъ жалости, скорби или ужаса, изъ активного агента стала предметомъ культурнаго воздѣйствія, народолюбивыхъ заботъ со стороны „общества“. Примкнувъ къ послѣднему, разночинная интеллигенція неизбежно выработала новую точку зрѣнія. По словамъ одного изъ современныхъ публицистовъ, это точка зрѣнія чело-вѣка, смотрящаго на существующій міръ общественныхъ отношеній приблизительно такъ же, какъ рачительный хозяинъ смотритъ на запущенное имѣніе. Вотъ домъ покосился—его надо подправить; дорожки въ саду заросли—ихъ слѣдуетъ почистить. Деревья не привиты, гряды не вскопаны, скотъ безъ призора. Надо скорѣе распорядиться по хозяйству, наверстать упущенное. И если, сосѣди производятъ опыты съ самоновѣйшими приемами обработки земли, необходимо воспользоваться уроками этихъ опытовъ, избѣгать ихъ ошибокъ. Народолюбивая демократія также мечтаетъ о „хозяйскомъ“ положеніи въ великой запущенной „усадебѣ“ Россіи. Не бѣда, что на дѣлѣ ей приходится довольствоваться ролью третьестепеннаго приказчика, она болтаетъ, какъ власть имущая, въ дѣловито-распорядительномъ тонѣ. Не бѣда, что въ подлинной дѣйствительности она занимаетъ скромныя мѣста по земскому хозяйству, въ либеральныхъ профессіяхъ или мало-значущихъ канцеляріяхъ,—она чувствуетъ себя частью того грандіознаго цѣлага, которое руководитъ Россіей. Это цѣлое, правда, страдаетъ различными недостатками, но оно подлежитъ преобразованію согласно указаніямъ западно-европейскаго опыта и доморощенныхъ умныхъ совѣтниковъ. Плохое сегодня, оно станетъ превосходнымъ завтра. „Антиномичность цивилизаціи“ была основательно забыта. Менторство и опекуство смѣнили прежнюю вѣру въ задатки красоты и правды, скрытыхъ въ народѣ подъ корой грубости и невѣжества. Эти черты эпигоновъ народничества въ полной мѣрѣ выразились и въ статьяхъ г. Пѣшехова. Если оставить въ сторонѣ громкія, но расплывчатыя фразы о необходимости слиться въ общемъ большомъ дѣлѣ, о гибельности POSSIBILISMA и т. п., то получается характерный наборъ рецептовъ изъ аптеки народолюбивой демократіи. Прежде всего, г. Пѣшеховъ, чувствуя себя частью руководящаго цѣлага, дѣловито-распорядительнымъ тономъ читаетъ, при каждомъ подходящемъ случаѣ, поученія государству отъ имени „общества“. „Необходимость измѣненія экономической политики и сознательнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь въ цѣляхъ воспособленія деревнѣ не отрицается теперь и въ правящихъ сферахъ... Главное же, потребуется планообразная и сознательная дѣятельность, чтобы приспособить государственную организацію для обслуживания новой идеологической задачи,

которую ставить на очередь исторія. Въмѣсто національной независимости и національнаго богатства, которымъ она служила до сихъ поръ. цѣлью всей политики предстоить сдѣлать народное благосостояніе“¹⁾, „Противорѣчіе между интересами предпринимателей и рабочихъ значительно осложнитъ задачу примиренія городскихъ интересовъ съ деревенскими и роковымъ образомъ окраситъ предстоящій поворотъ въ политикѣ, необходимость котораго все болѣе и болѣе чувствуется не только въ обществѣ, но и въ правящихъ сферахъ“²⁾. „Назрѣваетъ необходимость кореннаго поворота въ экономической политикѣ. Необходимость этого поворота все болѣе и болѣе сознается въ правящихъ сферахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе выясняются въ общественномъ сознаніи тѣ условія, при которыхъ онъ сдѣлается возможнымъ“³⁾. „Теперь предъ русскимъ государствомъ другая задача: нужно обезпечить создавшему его народу если не благосостояніе, то хотя бы сносное существованіе“⁴⁾. Удовлетворимся этими цитатами: онѣ ясно показываютъ, какъ народолюбивая демократія въ порывахъ свойственнаго ей фетишизма старается навязать государству собственныя пожеланія, не взвѣсивая ихъ осуществимости. Для себя же эти доброты оставляютъ, несмотря на громкія слова, очень малыя задачи. Разказавъ обычную деревенскую исторію о крестьянскомъ безправіи, сопровождающемся обычнымъ такъ называемымъ сопротивленіемъ властямъ, г. Пѣшеховъ нашелъ возможнымъ прибавить только указаніе на необходимость „просвѣщенія“ и „призыва къ планомѣрной работѣ“ деревни. „Просвѣтите того же мужика, выведите его на настоящую дорогу, дайте исходъ накопившимся въ деревнѣ силамъ, призвавъ ихъ вмѣсто нелѣпаго сопротивленія къ творческой и планомѣрной работѣ надъ улучшеніемъ ихъ быта и хозяйства,—и, право, онъ скорѣе дойдетъ до собственнаго благополучія, чѣмъ если пойдетъ черезъ фабрику“⁵⁾. Да, полезно просвѣщеніе—слова нѣтъ о томъ, но... это зналъ еще дѣдушка Крыловъ. Такъ перерождается старое народничество. Эффектная фразеологія—какъ наслѣдіе прошлаго, и мелкое добротство—какъ дѣло настоящаго. Огромныя задачи сводятся къ микроскопическимъ мѣропріятіямъ. „Ты можешь-ли левиафана на удѣ вытянуть на брегъ?“ — спрашиваетъ жизнь эпигоновъ народничества, а они указываютъ въ качествѣ „уды“ только мѣсто земскаго агронома или завѣдующаго складомъ кустарныхъ издѣлій.

1) Централизація экономической власти. Стр. 188.

2) Ibid. Стр. 196.

3) Ibid. Стр. 203.

4) Ibid. Стр. 204.

5) Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи. Стр. 349.

А когда имъ указываютъ на другіе пути, обоснованные научнымъ разсмотрѣніемъ дѣйствительности, они съ негодованіемъ кричатъ: „насъ предпочитаютъ держать на высотѣ чисто теоретическаго вывода!“, требуютъ практическаго указанія, приглашающаго къ дѣвствіямъ, хотя бы въ видѣ учреждений... Невскаго общества народныхъ развлеченій, и съ чувствомъ объясняютъ, что „крестьянство—не категория только. Это прежде всего стомилліонная масса живыхъ людей“, которой интеллигентъ, по извѣстному выраженію Н. К. Михайловскаго, обязанъ подать милостыню своего вниманія. Да! жажда стронтельства, стремленіе занять мѣсто среди руководящихъ зодчихъ, и въ ихъ рядахъ какъ бы втихомолку, [незначай по-работать и на себя, охватило народолюбивую демократію и наложило на нее печать бюрократическаго мышленія, бюрократическаго міропониманія. Вотъ почему въ 90-хъ годахъ эпигоны народничества столь часто смѣшивались съ лѣвымъ крыломъ „Вѣстника Европы“, почему ихъ „вожди“ превращались въ „критиковъ“, ихъ дѣятельность—въ печальное оплакиваніе прошлаго и еще болѣе печальное отрицаніе настоящаго.

IV.

Наша замѣтка растянулась, но мы должны сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ сказанному. Статьи г. Пѣшеконова, такъ ярко отражающія идейную растерянность народничества, относятся къ періоду до 1902 года. Быть можетъ, теперь обстоятельства измѣнились? По крайней мѣрѣ, народники съ торжествомъ кричатъ о смерти марксизма, о возрожденіи за-вѣтныхъ идеаловъ семидесятихъ годовъ, вообще, довольно ловко „производятъ по своему дѣлу шумъ“, какъ выражается одинъ изъ героевъ Успенскаго. Мы не отрицаемъ этого оживленія. Русская жизнь, оплодотворенная марксистскою мыслью, заиграла въ послѣдніе годы болѣе яркими красками и подняла эвергію всѣхъ теченій русской общественности. Капли живой воды упали и на народниковъ. Но мы отнюдь не можемъ усмотрѣть въ современномъ „возрожденіи“ народнической *группы* возрожденія первоначальныхъ народническихъ *идей*. Наоборотъ, мы полагаемъ, что это возрожденіе постольку и отличается жизненностью, поскольку оно кончается съ „антиномичностью“ цивилизаціи, красотой и правдой крестьянскаго „уклада“, приверженностью къ натуральному хозяйству и т. п. пережитками добраго стараго времени, и изъ народолюбивой демократіи, связанной остатками народнической идеологіи, превращается просто въ мелко-буржуазную демократію, въ ласточку буржуазной весны. Такое превращеніе, несомнѣнно, является громаднымъ шагомъ впередъ, такъ какъ оно снова даетъ народничеству потерянный „объединяющій центръ“, снова дѣлаетъ разношнница-интеллигента товарищемъ конкретнаго социаль-

наго слоя и активнымъ агентомъ въ общественной борьбѣ. Но, къ сожалѣнію, современное народничество еще не дифференцировалось окончательно. Старые предразсудки еще живы, еще стѣбуютъ „свободу дѣйствій“, хотя ликвидация ихъ идетъ достаточно успѣшно. Еще немного времени—и разношерстный составъ современной народнической группы распредѣлится въ должномъ порядкѣ. Одни уйдутъ къ социальнымъ низамъ, другіе—размѣстятся въ среднихъ этажахъ социальнаго зданія. Признаки этого перемѣщенія уже намѣчаются въ статьяхъ г. Пѣшехонова, хотя онѣ и относятся къ вчерашнему дню нашей жизни. Такъ, наприимѣръ, г. Пѣшехоновъ посвятилъ цѣлую статью „равносу“ современныхъ идеалистовъ, сладкопѣвцевъ наступающей буржуазной весны, провозвѣстниковъ социальнаго мира, прогрессивнаго мирнаго развитія. Но сердитые укоры, которыми г. Пѣшехоновъ осмыслъ идеализмъ, просто таки—черная неблагодарность, потому что самъ г. Пѣшехоновъ, въ нынѣшней стадіи своей эволюціи, живетъ капиталомъ, принесеннымъ въ „сокровищницу русской мысли“ гг. Булгаковыми, Вердяевыми и другими апостолами новаго течения. Правда, г. Пѣшехоновъ сообщаетъ читателямъ, что, постоянно внимая „голосу совѣсти, какой слышать въ своей душѣ люди“ онъ, отвлеченной усиленными трудами въ области земской статистики, не успѣлъ продумать, что „тутъ замѣшая еще абсолютъ съ его предвѣчными цѣльями“¹⁾, но, вѣдь, извѣстно, что „сова Минервы вылетаетъ по ночамъ“, и надо надѣяться, что когда-нибудь г. Пѣшехоновъ признаетъ абсолютный характеръ своего „категорическаго императива“. Пока же онъ заимствуетъ у новѣйшихъ метафизиковъ оружіе для борьбы съ ненавистною буржуазно-демократическому уму марксистскою идеологіею, и въ особенности идею классовой борьбы, какъ двигателя исторіи. „Ремесленный съездъ,—пишетъ г. Пѣшехоновъ,—съ особою наглядностью показалъ недостаточность борьбы интересовъ, какъ единственнаго регулятора жизни. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему ведетъ ничѣмъ не сдержанная борьба интересовъ?.. Въ перспективѣ, вѣдь, видѣется тотъ строй жизни, въ которомъ человекъ человеку волеѣ... Чтобы подняться до классового самосознанія (?), чтобы не давить слабѣйшаго хотя бы въ своей средѣ, нужно участіе интеллектуальнаго фактора. И если при его содѣйствіи возможенъ обобщенный классовой интересъ, то почему же невозможенъ еще болѣе обобщенный интересъ общечеловѣческій, а интересы „человѣка“—вѣдь, это именно и есть то, что знаетъ и чего хочетъ интеллигенція. Мы вовсе не хотимъ сказать, что нѣтъ такой группы, интересы которой совпадали бы съ общечеловѣческими. Нижнимъ слоемъ общественной формации давить некого, и уже поэтому для нихъ

¹⁾ Проблемы чести и совѣсти въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. Стр. 394.

остается одна линия движения—вверхъ. И пока они движутся въ этомъ направленіи, ихъ интересы совпадаютъ съ самой благородной потребностью человѣчества—подниматься выше и выше. Но это не значить, что они именно несутъ знамя „высокихъ идеаловъ“...

Можно и должно искать опоры въ тѣхъ группахъ, интересы которыхъ совпадаютъ въ данное время съ общечеловѣческими, но было бы наивно думать, что интересы какой либо группы могутъ замѣнить общечеловѣческую правду ¹⁾. Какая убѣдительная и какая... буржуазная аргументація! Въ полномъ согласіи съ новѣйшими метафизиками г. Пѣшеоновъ бѣжить подъ сѣнь „абсолюта“—общечеловѣческой правды. Для него и непонятна и неприглядна классовая борьба—этогъ изумительный механизмъ, при посредствѣ котораго элементарныя потребности и простѣйшія побужденія трудового человѣка отшлифовываются въ алмазы чистѣйшаго идеализма. Конкретные классы, конкретныя общественныя отношенія для г. Пѣшеонова только „опора“ для осуществленія идеаловъ интеллигенціи, весталки общечеловѣческой правды. Принадлежность къ этому „ордену“, а не принадлежность къ какому либо классу опредѣляетъ цѣнность человѣка, какъ водчаго лучшаго будущаго. Однимъ словомъ, предъ нами—знакомая теорія взаимодѣйствія между личностью и средою. Какую же общечеловѣческую правду несутъ интеллигентное воинство? Г-нъ Пѣшеоновъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ „матеріалахъ для характеристики русской интеллигенціи“. Статья, представляющая попытку обработать адреса, полученные Н. К. Михайловскимъ въ день его юбилея, исходитъ изъ болѣе, чѣмъ смѣлой мысли, будто бы привѣтствовавшая покойнаго публициста группа интеллигенціи не только цѣнила его выдающуюся сорокалѣтнюю работу, но и считала его „своимъ вождемъ и важнѣйшимъ своимъ теоретикомъ“, тѣмъ не менѣе даетъ нѣкоторый любопытный сырой матеріалъ. И вотъ въ этой статьѣ г. Пѣшеоновъ даетъ такую „программу интеллигенціи“: благо личности, какъ цѣль, сознательное внимательство ея въ исторической процессѣ, какъ средство, общественный идеализмъ, какъ двигатель. Благо личности заключается въ ея самоопредѣленіи, въ свободномъ и всестороннемъ развитіи всѣхъ ея силъ и способностей. Благо личности, вмѣстѣ съ тѣмъ, для интеллигенціи — синонимъ блага общественнаго, блага народа, какъ совокупности трудящихся массъ. Благо личности, наконецъ, не мыслимо для интеллигенціи внѣ соответствующихъ социальныхъ формъ ²⁾. Всѣ эти положенія—очень красивыя общія мѣста, цѣнность которыхъ опредѣляется лишь конкретнымъ содержаніемъ, вкладывае-

¹⁾ Господа ремесленники и ихъ комментаторы, стр. 343.

²⁾ Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи. Стр. 427.

мымъ въ нихъ каждую историческую эпоху. И если мы вспомнимъ, что теперь это содержаніе, по мнѣнію г. Пѣшехова, должно оторваться отъ „узкихъ“ классовыхъ интересовъ и расширяться до предѣловъ общечеловѣческой правды, то, по современнымъ историческимъ условіямъ, предъ нами раскроется общая буржуазно-демократическая программа съ извѣстной долей соціальной романтики для успокоенія „нижнихъ слоевъ общественной формациа“, обреченныхъ послужить „опорю“ весталкамъ демократіи. Для народолюбивыхъ доброхотовъ и это недурно. Но... какъ далеко это отъ духа первоначальнаго народничества! Sic transit gloria mundi.

Резюмируя свои впечатлѣнія отъ книги одного изъ эпигоновъ великаго движенія, мы можемъ констатировать, что народничество находится въ состояніи полнаго разложенія. Скорбь о бѣдствіяхъ существенныхъ, какъ настроеніе, жалобы „высѣченныхъ прекрасныхъ душъ“, по выраженію Маркса, какъ отвѣтъ на сложныя явленія дѣйствительности, догорающая лучина старой идеологіи, какъ традиціонный аксессуаръ, яркая электрическая лампа буржуазныхъ воззрѣній, какъ руководящій свѣточъ, и идейная и практическая растерянность, какъ результаты этой мѣшанины, свойственной перерождающейся или вырождающейся группѣ,—вотъ тѣ черты, которыя, прежде всего, бросаются въ глаза. И чѣмъ скорѣе распадется это странное „товарищество на вѣрѣ“ на свои составныя части, тѣмъ больше выиграютъ и эти части, и даже сама священная общечеловѣческая правда, т. е., въ переводѣ на простой языкъ, вѣкая совокушность демократическихъ принциповъ. Да будетъ!

Ник. Іорданскій.

Хроника русской жизни.

Объ интересъ къ войнѣ и его законности.—Калужское общество взаимопомощи народнымъ учителямъ. — Культурно-просвѣтительныя начинанія въ Черниговѣ и ихъ судьба.—Резолюція петербургскаго общества врачей по дѣлу генерала Ковалева.—Циркуляръ Казанскаго губернатора.—Экстренная сессія Саратовскаго губернскаго земскаго собранія.—Судебные процессы въ Могилевѣ-губернскомъ и Смоленскѣ.—Убійство финляндскаго генералъ-губернатора Вобрикова.

Война, конечно, занимаетъ всеобщее вниманіе на всемъ пространствѣ Россіи. Желаютъ знать про войну и мужички изъ самыхъ глухихъ мѣстъ нашего отечества, да вотъ бѣда, откуда узнать-то, а если и попадетъ ненарокомъ въ руки газета, такъ что еще скажетъ на это „начальство“? Въ „Самарской Газетѣ“ изображена не фантазія досужаго журналиста, а сценка съ натуры:

„Въ глухую степную деревушку П—ку, Самарскаго уѣз., неожиданно нежданно кѣмъ-то была завезена газета.

„Что могло быть удивительнаго и необыкновеннаго въ небольшомъ печатномъ листѣ бумаги, однако, появленіе его среди п—цевъ произвело сенсацию.

„Газета... Писано въ этой газетѣ про войну съ Россіей и Японіей... Сраженіе было... Пишутъ, дюже бились...—слышится смутный говоръ изъ толпы собравшихся мужиковъ.

— Читай, Тереха, а мы послушаемъ... Читай... Какъ наши азіята мутятъ...

„Старъ и младъ съ захватывающимъ интересомъ слушають несвязное чтеніе Терехи; у нѣкоторыхъ отъ наплыва чувствъ вырываются невольныя восклицанія: „Такъ ихъ и надо! За насъ Царица Небесная... А враги—нехристи“...

„Медленно и нудно льется тягучее чтение п—скаго грамотея; кругомъ торжественная тишина; на лицахъ слушателей и напряженное вниманіе, и прорывающаяся наружу радость и умиленіе.

— Что собрались? а? Зачѣмъ собрались?—вдругъ раздается окрикъ откуда-то налетѣвшаго урядника.

„Мужики стаскиваютъ панки и кланяются.

— А вотъ газету слушаемъ...

— Какую газету? Давай сюда газету!

— Какъ же это... Послушать еще охота...

— Подай сюда, говорить... Газета... Газетчики какіе... Время за кашню приниматься, а они газе-сту...

„Газета въ рукахъ „начальства“.

— Да, почтенный, хоть дочитать-то бы даль... Любопытно...

— Я вамъ дочитаю...—угрожающе сказалъ урядникъ и ускакалъ.

„И пропала, къ огорченію п—цевъ, чудомъ появившая къ нимъ газета; а выдастся ли случай еще разъ услышать желанныя вѣсти оттуда, гдѣ совершается великое міровое событіе, куда обращено вниманіе всего міра—сомнительно...“

* * *

Въ майской книжкѣ „Образованія“ намъ пришлось уже коснуться условій, при которыхъ протекаетъ жизнь Калужскаго Общества взаимопомощи народныхъ учителей. Нынѣ намъ сообщаютъ по этому же поводу нѣкоторыя весьма характерныя для жизни такого рода обществъ новыя данныя. Оказывается, что Калужское Общество взаимопомощи народныхъ учителей подняло уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ вопросъ объ организаціи библиотекъ для учителей. Необходимость такого рода учрежденій для лицъ, живущихъ зачастую въ страшной глуши и томимыхъ, потому, въ буквальномъ смыслѣ слова духовнымъ голодомъ, слишкомъ очевидна для того, чтобы имѣло какой-нибудь смыслъ останавливаться на доказательствахъ полезности задуманнаго обществомъ предпріятія. Послѣ долгихъ хлопотъ Обществу удалось таки добиться утвержденія устава, которымъ допускались въ проектированную библиотеку всѣ книги, разрѣшенныя къ обращенію въ библиотекахъ публичныхъ. Казалось бы, и всѣмъ преградамъ конецъ, но не тутъ то было, ибо директоръ народныхъ училищъ г. Богдановъ вкупѣ и любѣ съ инспекторомъ г. Рождественскимъ находились на этотъ счетъ при особомъ мнѣніи. Къ чему учителямъ читать книги въ ихъ специальности, зачѣмъ имъ пополнять свое общее образованіе, узнавать, что дѣлается на Вожьемъ мірѣ за предѣлами російскаго педагогическаго околотка, расширять умственный горизонтъ, познавать структуру

природы, человека и человеческого общества? Вѣдь, все это вещи, вредныя, конечно, и сами по себѣ, еще болѣе вредны для *учителя*, для человека, призваннаго, по самому существу его профессіи, *учить* другихъ. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстно, что человекъ тѣмъ лучше и тѣмъ продуктивнѣе будетъ *учить* другихъ, чѣмъ меньше онъ знаетъ самъ, чѣмъ меньше обременена его голова всякимъ ненужнымъ балластомъ, именуемымъ знаніемъ и наукою? Все это глупости, пороженіе нашего „лукаваго времени“, какъ выразился не такъ давно на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ одинъ изъ отечественныхъ премудрыхъ педагоговъ, вредныя затѣи, подлежащія „предупрежденію и пресѣченію“ со стороны квартальныхъ надзирателей педагогическаго вѣдомства.

Таковъ, надо думать, былъ ходъ мысли гг. Богданова и Рождественскаго, когда они на собраніяхъ Общества 8 сентября прошлаго и 3 января настоящаго года пускали въ ходъ всю убѣдительную силу душевноразрешительныхъ аргументовъ, въ цѣляхъ недопущенія Общества къ реализаціи его мысли о созданіи бібліотеки для учителей и внесенія предложенія съ своей стороны наполнить бібліотеку, буде существованіе такого зла для учителей уже неизбежно, исключительно учебниками и книжками, трактующими вопросы дидактики, методики и т. п., съ грѣхомъ пополамъ допустимыхъ для учителей наукъ.

Не говоря уже обо всемъ прочемъ, но этимъ почтеннымъ педагогамъ едва ли извѣстно даже и знаменитое изреченіе, облетѣвшее послѣ Садовой и Седана весь міръ, что въ современной войнѣ „*побѣждаетъ не армія, а народный учитель*“.

Но развѣ гг. Богдановымъ и К^о доступны какія-нибудь иныя точки зрѣнія, кромѣ бюрократическихъ, возможно иное историческое предвидѣніе, кромѣ чиновничьяго, мыслимо иное отношеніе къ дѣлу, кромѣ околоточнаго?

За доказательствами ходить недалеко:

„Послѣднее общее собраніе Общества 23 мая,—пншуть намъ изъ Калуги,—ознаменовалось слѣдующимъ инцидентомъ: при чтеніи журнала прошлаго собранія, директоръ народныхъ училищъ г. Богдановъ выступилъ съ *требованіемъ* (!!!) объ исключеніи при печатаніи этого журнала словъ заключительной рѣчи предсѣдательствовавшаго въ собраніи помощника присяжнаго повѣреннаго Н. Х. Фосса относительно положенія и обстановки жизни народныхъ учителей: „вашъ врагъ—это тройственный союзъ, членами котораго являются антиобщественность, безправіе и нищета“. Г. директоръ вмѣстѣ съ г. инспекторомъ пытались убѣдить собраніе признать эти слова невѣрными по существу, а положеніе учителей вполнѣ удовлетворительнымъ, но такъ какъ нельзя же убѣдить здравомыслящихъ людей въ томъ, что дважды два даже и не пять и не три

съ половиной, а стеариновая свѣчка,—а такую именно нелѣпицу и заключали въ себѣ „доводы“ г. Богданова, то оратору оставалось прибѣгнуть къ испытанному средству: ежовымъ рукавицамъ. На указаніе председателя собранія, что предложеніе директора будетъ рассмотрѣно на годичномъ общемъ собраніи, когда будетъ утверждаться для печати годичный отчетъ, такъ какъ въ данномъ собраніи рѣчь можетъ идти лишь о правильности и точности журнала прошлаго засѣданія, г. Богдановъ заявилъ, что, „если это предложеніе его не будетъ обсуждено и исполнено теперь же, то онъ немедленно закроетъ собраніе и отправится къ губернатору съ представленіемъ о закрытіи Общества“.

Общество уступило натиску, и непріятныя г. Богданову слова были изъ журнала исключены. Напрасно,—скажутъ многіе. Непростительная слабость, которая способна только разжигать административные аппетиты Кить Катичей Самодуровыхъ! И въ этомъ будетъ много правды. Но что подѣлаете съ создающимся положеніемъ? Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ земець за иллюзію спасенія путемъ уступчивости земскихъ учрежденій отъ конечной гибели, профессоръ—того учебнаго заведенія, въ которомъ онъ преподаетъ, дѣятель частнаго общества—этого самаго общества, въ которое онъ нерѣдко вложилъ всю свою душу. Такова уже психологія людей, слагающаяся подъ вліяніемъ специфическихъ условій нашей дѣйствительности. Но жизнь—этогъ верховный рѣшитель всѣхъ вопросовъ, а въ томъ числѣ и вопросовъ о цѣлесообразности той или иной „тактики“,—давно уже сказала по этому поводу свое вѣское слово. Смыслъ этого слова можно прослѣдить и на дальнѣйшей судьбѣ Калужскаго общества взаимопомощи народныхъ учителей.

Общество уступило г. Богданову въ его развязно-заносчивомъ „требованіи“ („Не-по-тер-плю! плю!..“), но отъ этого его дѣла не пошли лучше.

Уставъ Общества, какъ мы уже говорили, былъ утвержденъ и воспроизведенъ учрежденію библіотеки для учителей господина Богданова *формально* не имѣли возможности, но это еще далеко не означало, чтобы и *реальная* возможность осуществить свое начинаніе осталась на сторонѣ Общества. „Принципъ“ противниковъ просвѣщенія Россіи „не потерплю!“ скоро далъ себя почувствовать имѣвшему всѣ *формальныя* права Обществу.

Вотъ что случилось:

Общество постановило библіотеку открыть, ассигновало на этотъ предметъ первоначально 750 рублей и составило каталогъ наиболѣе желательныхъ для приобрѣтенія въ библіотеку книгъ. Предполагалось дѣлать затѣмъ ежегодно дополнительныя ассигновки. Согласно уставу, отдѣленія

библиотеки могли производить между собою обменъ книгами, вслѣдствіе чего предполагалось снабдить каждое изъ отдѣленій различнымъ отъ другихъ составомъ книгъ. Затѣмъ приступлено было къ организациі сѣти отдѣленій по губерніи. Въ виду тѣхъ требованій, которыя ставитъ уставъ для помѣщенія библиотеки („свободное отъ классовъ помѣщеніе съ особымъ входомъ“ и „особое каждый разъ разрѣшеніе директора народныхъ училищъ“) пріисканіе помѣщеній для отдѣленій въ избахъ и лицъ, которыя согласились бы взять на себя завѣдываніе этими отдѣленіями, оказалось дѣломъ далеко не легкимъ. Тѣмъ не менѣе правленію удалось остановиться на восьми пунктахъ. Послѣ этого, согласно уставу, губернатору былъ представленъ перечень лицъ, изъявившихъ согласіе завѣдывать отдѣленіями (большая часть этихъ лицъ—учителя, затѣмъ жена врача и нѣкоторыя другія; центральное же отдѣленіе въ Калугѣ предполагалось помѣстить въ квартирѣ предсѣдателя правленія). Но на это представленіе послѣдовалъ недавно отвѣтъ, что всѣ поименованныя лица не могутъ быть утверждены въ ихъ званіяхъ, если отдѣленія библиотеки будутъ находиться въ квартирахъ этихъ лицъ. Но, вѣдь, это равносильно полному краху всего предпріятія, такъ какъ иныхъ помѣщеній для отдѣленій найти въ предположенныхъ пунктахъ почти физически невозможно...

И вотъ Общество стало передъ неразрѣшимою задачею. Не мытьемъ—такъ катаньемъ, но жить ему не дали...

Такъ обстоятъ дѣла въ Калугѣ. Не лучше того они и, напр., въ Черниговѣ. Выписываемъ въ подтвержденіе того двѣ слѣдующихъ корреспонденціи изъ Чернигова, напечатанныя въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

1) „Въ половинѣ декабря прошлаго 1903 года по приглашенію губернскаго предводителя дворянства А. А. Муханова состоялось въ залѣ дворянскаго собранія учредительное собраніе членовъ „Общества содѣйствія народному образованію въ Черниговской губерніи“, давшее А. А. Муханову полномочіе ходатайствовать объ учрежденіи сего Общества и утвержденіи проекта устава его.

„Нынѣ получено извѣщеніе, что „въ виду имѣющихся свѣдѣній министерство народнаго просвѣщенія не признаетъ возможнымъ удовлетворить ходатайство учредителей Общества содѣйствія народному образованію въ Черниговской губерніи объ учрежденіи сего Общества и объ утвержденіи проекта устава его“.

2) „Согласно постановленію губернскаго земскаго собранія послѣдней —очередной сессіи, губернская земская управа предполагала лѣтомъ текущаго года устроить въ Черниговѣ образовательные курсы для народныхъ учителей губерніи. Во всѣ уѣздныя управы разосланы программы предполагаемыхъ лекцій, полученныя въ губернской управѣ отъ приглашен-

ныхъ лекторовъ. Были предположены лекціи по общей и агрономической химіи (В. В. Курловъ), физикъ (В. А. Волжинъ), ботаникъ (И. Я. Акинфѣевъ), зоологіи (С. Г. Григорьевъ), землевѣднію (А. Ивановскій), педагогической психологіи (А. Нецаевъ), школьной гигиенѣ (В. Я. Игнатьевъ) и русской исторіи (М. Довнаръ-Запольскій). Нынѣ въ губернской земской управѣ получено официальное увѣдомленіе, что курсы эти не разрѣшены“.

* *
*

Въ Перми, какъ сообщаютъ „Пермскія Губернскія Вѣдомости“, закрыть на неопредѣленное время книжный складъ губернскаго земства. Въ той же Перми,—какъ пишутъ оттуда „Русскимъ Вѣдомостямъ“,—совѣтъ пермскаго научно-промышленнаго музея получилъ отъ городского головы г. Сулина предложеніе очистить въ возможно скорѣйшемъ времени городское зданіе музея для помѣщенія въ немъ раненыхъ и больныхъ воиновъ.

„Журнальнымъ постановленіемъ пермскаго городского распорядительнаго по эвакуаціи больныхъ и раненыхъ комитета 1-го сего мая,—какъ сообщаютъ „Русскимъ Вѣдомостямъ“,—между прочимъ, опредѣлено войти съ надлежащимъ ходатайствомъ объ отводѣ на предметъ распредѣленія эвакуированныхъ больныхъ и раненыхъ воиновъ принадлежащаго городу дома, въ которомъ нынѣ находится пермскій научно-промышленный музей, при чемъ комитетомъ при вырѣшеніи этого обстоятельства имѣлось въ виду, что занимаемое музеемъ помѣщеніе какъ нельзя болѣе подходитъ къ размѣщенію въ немъ больныхъ и раненыхъ; кромѣ того, комитетомъ принято во вниманіе, что въ данное, тяжелое для нашего отечества время совершенно свободно и безъ существеннаго для кого-либо ущерба можно обойтись безъ музея, предоставивъ занимаемое имъ помѣщеніе для болѣе потребнаго дѣла, а именно для распредѣленія тамъ пострадавшихъ за отечество воиновъ“. Въслѣдствіе этого предсѣдатель комитета г. Кокоринъ просилъ городскую управу принять всѣ зависящія отъ оной мѣры къ удовлетворенію ходатайства эвакуаціоннаго комитета. Музей этотъ существуетъ уже около 14-ти лѣтъ; въ его 12-ти отдѣлахъ находится болѣе 15-ти тыс. предметовъ; онъ ежедневно и бесплатно открытъ для публики, которая въ 1903 г. сдѣлала болѣе 13-ти тыс. посѣщеній. Музей этотъ находится въ вѣдѣніи научнаго общества, которое ежегодно имѣетъ отъ 33-хъ (1903 г.) до 62-хъ (1901 г.) публичныхъ засѣданій, на которыхъ прочтено отъ 47-ми до 81-го докладовъ и рефератовъ. Зданіе музея (каменное) дѣйствительно дано ему отъ города, но въ полуразрушенномъ (послѣ пожара и многолѣтнаго стоянія) видѣ; музей самъ отремонтировалъ его и значительно расширилъ новою пристройкой. Дума по журнальному поста-

новленію 18-го декабря 1896 г. уступила этотъ домъ (пожертвованный городу А. С. Любимовой) „въ бесплатное пользованіе на все время существованія музея и бібліотеки“.

* * *

Въ одномъ изъ нашихъ предыдущихъ обзорѣнъ мы писали о случаѣ возмутительнаго насилія надъ врачомъ З. со стороны генерала Ковалева. Дикій поступокъ Ковалева вызвалъ повсемѣстное негодованіе. Общества врачей въ разныхъ губерніяхъ приняли резолюціи, выражающія глубокое сочувствіе пострадавшему и столь же глубокое негодованіе облеченному въ мундиръ дикарю. Между другими проявленіями общественнаго протеста противъ Ковалева, мы находимъ въ газетѣ „Русскій Врачъ“ текстъ нижеслѣдующаго письма, посланнаго Обществомъ русскихъ врачей въ Петербургъ, врачу З.: „Многоуважаемый товарищъ! Общество русскихъ врачей въ Петербургѣ, ознакомившись въ засѣданіи своемъ 13-го мая изъ замятки, помѣщенной въ газетѣ „Русскій Врачъ“, съ исторіей возмутительнаго оскорбленія и предательскаго насилія, которому вы подверглись со стороны генерала Ковалева при исполненіи вами врачебнаго долга, преисполненное чувствомъ глубокаго негодованія, постановило выразить вамъ, почтенный товарищъ, свое искреннее и глубокое сочувствіе. Да послужитъ вамъ всеобщее выраженіе чувствъ глубокаго душевнаго возмущенія передъ дикой расправой, жертвой которой вы стали, хоть нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ постигшемъ васъ тяжеломъ испытаніи. Предсѣдатель академикъ Л. Поповъ. Товарищъ предсѣдателя профессоръ И. Павловъ. Секретарь приватъ-доцентъ Ф. Чистовичъ“.

Сообщая объ этихъ выраженіяхъ сочувствія и негодованія, „Русскій Врачъ“ не сомнѣвается, что этому благому примѣру послѣдуютъ и другія врачебныя общества: потерпѣвшій въ этихъ общихъ выраженіяхъ сочувствія, безъ сомнѣнія, найдетъ нѣкоторое удовлетвореніе, а совершившій возмутительный поступокъ, подъ громъ общаго негодованія врачей, къ которымъ присоединится и все интеллигентное русское общество, не спрячется за свое относительно высокое служебное положеніе, чтобы не понести заслуженной кары“.

Отъ всей души присоединяемся ко всему сказанному почтенной газетой .

* * *

Изъ области земскаго дѣла въ нашу хронику надлежитъ внести напечатанный въ газетѣ „Волгарь“ циркуляръ Казанскаго губернатора всѣмъ предсѣдателямъ уѣздныхъ земскихъ управъ Казанской губерніи. Циркуляромъ этимъ губернаторъ предлагаетъ принять всѣ зависящія

мѣры — „къ недопущенію управъ къ какимъ-либо сношеніямъ и соглашеніямъ съ земскими учрежденіями другихъ губерній“. Въ циркулярѣ, между прочимъ, говорится, что „изъ получаемыхъ губернаторомъ свѣдѣній усматривается, что нѣкоторыя земскія собранія и управы, при обсужденіи разнаго рода мѣропріятій, относящихся къ сферѣ дѣятельности земскихъ учреждений, не ограничиваются возбужденіемъ и разсмотрѣніемъ вопросовъ въ порядкѣ, установленномъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г., но приглашаютъ къ соучастію въ совѣщаніяхъ представителей земствъ сосѣднихъ и другихъ губерній и входятъ съ ними въ сношенія и соглашения. Между тѣмъ подобныя соглашения представителей земскихъ учреждений разныхъ губерній вовсе не предусмотрѣны закономъ, на основаніи котораго кругъ дѣйствій земскихъ учреждений ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда, а потому не должны быть допускаемы безъ особаго на то разрѣшенія высшей власти“.

Циркуляръ этотъ перепечатанъ во многихъ газетахъ.

* *
* *

Намъ присланъ изъ Саратова отчетъ объ интересныхъ дебатахъ, имѣвшихъ мѣсто недавно въ экстренной сессіи Саратовскаго губернскаго земскаго собранія по одному спеціальному поводу.

Въ засѣданіи 29 мая, по разсмотрѣніи всѣхъ докладовъ управы, председатель собранія предложилъ выслушать заявленіе графа Уварова по поводу напечатанной въ „Саратовской Земской Недѣлѣ“ статьи „Земство и война“.

Гр. Уваровъ. Во второй книжкѣ „Земской Недѣли“ помѣщена статья: „Земство и война“, которая наводитъ меня, какъ гласнаго, на очень грустные размышленія. На стр. 54 этой статьи есть такія строки, къ которымъ я никакъ не могу присоединиться. Вотъ я прочту ихъ (читаетъ): „Истинный націонализмъ Россіи въ настоящее время заключается не въ могуществовѣ ея оружія, не въ военныхъ успѣхахъ надъ врагомъ, кто бы онъ ни былъ, а въ мирномъ преуспѣяніи. „Руководящимъ мотивомъ политики, говоритъ нашъ знаменитый философъ Вл. Соловьевъ, должны быть не корысть и не самолюбіе національное, а долгъ и обязанность“, которыя, по его словамъ, состоятъ „въ духовномъ освобожденіи Россіи“. И въ силу этого не просто для существованія Россіи, а „для достойнаго существованія“ не могутъ быть существенно важны военные успѣхи, намъ не могутъ быть обидны и неудачи. Эти неудачи едва-ли могутъ ослабить внутреннія силы, таящіяся въ русскомъ народѣ, едва-ли могутъ доказать національную слабость Россіи. При тѣхъ или иныхъ условіяхъ, но скорѣйшее

осуществленіе мира есть наиболѣе истинно-національное стремленіе“. Убѣжденія,—продолжаетъ гр. Уваровъ,—конечно, бываютъ разныя, и я знаю,—есть люди, которые раздѣляютъ эти взгляды. Но я думаю, что печатать такія вещи въ земскомъ органѣ, употребляя выраженіе „намъ“,—это значить брать на себя отвѣтственность за взгляды земства. Но этого права не имѣютъ, по моему, ни редакторъ „Недѣля“—предсѣдатель управы, ни анонимный авторъ ¹⁾; они не могли дѣлать этого на страницахъ земскаго органа. Мнѣ кажется, что разъ въ статьѣ употребляется выраженіе „намъ“, то, значить, тутъ рѣчь идетъ о земствѣ, и я, какъ гласный, имѣю право гораздо большее говорить отъ имени земства, но все-же я не сталъ-бы выдавать свои взгляды за взгляды земства. Поэтому я прошу занести въ протоколъ это мое заявленіе.

Предс. управы А. Д. Юматовъ. Я какъ отвѣтственный редакторъ „Недѣля“...

Гр. А. Д. Нессельроде. Позвольте мнѣ, прежде чѣмъ скажетъ А. Д. Юматовъ, предложить вамъ поставить вопросъ: угодно-ли собранію имѣть какое-либо сужденіе по данному поводу? Мнѣ кажется, что давать объясненіе по этому поводу—ниже достоинства управы.

Гл. Оздобининъ. Не одинъ гр. Уваровъ имѣетъ такое мнѣніе. Я тоже присоединяюсь къ его заявленію.

Гр. Уваровъ. Я не предлагаю никакого обсуждения, я просто прошу занести въ протоколъ мое заявленіе...

Гл. Львовъ. Я не понимаю смысла этого заявленія. Къ чему оно? При чемъ тутъ собраніе?

Гл. Мотовиловъ. Какъ можно дѣлать заявленія, основанныя на фальсификаціи текста статьи?

Многіе другіе *гласные* просятъ слова, говорятъ, прерывая другъ друга.

Гл. Масленниковъ. Я тоже не понимаю этого заявленія. Представьте, если-бы я прочиталъ какую-нибудь статью въ какой-нибудь газетѣ и явился сюда съ требованіемъ запротоколировать ее. Какой тутъ протоколъ? При чемъ онъ. Или ужъ судите все, какъ слѣдуетъ, или ничего не надо.

Предсѣд. собранія. Каждый гласный имѣетъ право дѣлать заявленія.

Вновь поднимается несистематическій обмѣнъ репликами и отдѣльными замѣчаніями.

Предсѣдатель управы усиленно проситъ слова и, наконецъ, получаетъ его.

¹⁾ Статья въ „Недѣль“ подписана инициалами, а не анонимна. Очевидно, графъ недостаточно знакомъ съ самыми употребительными литературными приемами.

А. Д. Юматовъ. Дѣло въ томъ, что гр. Уваровъ совершенно напрасно взволновался. Его никто и не думалъ приглашать раздѣлять взгляды, изложенные въ этой статьѣ. Статья помѣщена не отъ имени земства и не отъ имени управы, а отъ имени отдѣльнаго автора. Выраженіе „намъ“ употреблено, какъ это употребляется обычно, вмѣсто „я“, „мы“. Такъ вездѣ пишутъ; стоитъ взять любую газету, чтобы увидѣть, что это обычный оборотъ. Такимъ образомъ, гр. Уваровъ напрасно обезпокоился. Его никто не приглашалъ и никто не желалъ знать, раздѣляетъ или нѣтъ онъ это мнѣніе. Никому это совершенно не было интересно. (Аплодисменты).

Гр. Уваровъ (въ сторону къ аллодирующимъ). Подождите, подождите! (Къ собранію). Статья напечатана въ земскомъ органѣ, а не гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Когда находишь подобную статью въ газетѣ, то знаешь, что никакого отношенія не имѣешь къ ней. Но разъ она напечатана въ органѣ, изданіе котораго субсидируется и моимъ карманомъ, то тутъ другое дѣло. Я представитель интересовъ населенія, и, когда говорятъ въ земскомъ органѣ: „намъ“, „мы“, то я въ правѣ протестовать противъ этого.

Гл. Ознобишинъ поддерживаетъ гр. Уварова. Каждая редакція, говоритъ онъ, помѣщаетъ статьи, которымъ сочувствуетъ. Вотъ и желательно знать, сочувствуетъ большинство собранія этой статьѣ или нѣтъ.

Большинство гласныхъ энергично протестуетъ противъ этого предложенія гл. Ознобишина. *Слышны возгласы изумленія.*

М. С. Ермолаевъ. Необходимо поставить вопросъ, заносить-ли въ протоколъ заявленіе гр. Уварова.

Гр. Уваровъ. Вы не можете не внести.

Гл. Мотовиловъ. Гр. Уваровъ бросилъ обвиненіе автору статьи, надо дать автору отвѣтить.

Гласные протестуютъ. Слышно: „къ чему это? Не надо!“

Гл. К. А. Rogovskій. Для того, чтобы сдѣлать то или иное постановленіе, нужно обратиться къ самой статьѣ, войти во все ея содержаніе, взвѣсить ея доводы и аргументы, опредѣлить умѣстность или неумѣстность употребленныхъ въ ней выраженій, установить, какъ толковать эти выраженія и т. д. Значить, собраніе должно разрѣшить: входить или нѣтъ въ обсужденіе всего этого вопроса по всему его существу.

Гр. Уваровъ. Я не прошу никакого обсуждения.

Гл. Львовъ. Чего-же хотѣлъ гр. Уваровъ? Онъ выхватилъ изъ статьи отдѣльную фразу, которая, кстати сказать, принадлежитъ даже не автору статьи, а Владиміру Соловьеву. Надо прочесть внимательно всю статью. Нельзя прибѣгать къ такимъ приемамъ, какъ гр. Уваровъ, нельзя выдергивать отдѣльныя слова и фразы. И для чего все это, когда гр. Уваровъ

самъ говорить, что онъ не просить обсужденія. Чего-же ему было нужно? Неужели такъ можно поступать?

Предсѣдатель собранія. Я тоже присоединяюсь къ заявленію гр. Уварова. Я также не могу согласиться съ взглядами въ этой статьѣ.

Гл. Масленниковъ. А я все-таки никакъ не пойму, въ чемъ тутъ дѣло. Графъ Уваровъ просто хочетъ запротоколировать отдѣльно выхваченную фразу. Еслибъ-бъ онъ указывалъ на какое-нибудь направленіе журнала, а то онъ просто хочетъ протокола и больше ничего. Но къ чему это? Какой смыслъ намъ соглашаться съ этимъ? Будемъ обсуждать по существу, ужъ если на то пошло. Но у гр. Уварова нѣтъ никакихъ вопросовъ, у него, повторяю, есть только одно желаніе—„запротоковать“...

Гр. Уваровъ (перебивая). Уходя изъ земства, я ставлю себѣ въ особенную честь, что всегда шелъ противъ гл. Масленникова.

Гл. Масленниковъ. Изъ всѣхъ заявленій гр. Уварова мнѣ больше всего нравится это послѣднее. Мои понятія о чести не совпадаютъ съ его понятіями...

Въ собраніи поднимаются толки и просьбы о прекращеніи дебатовъ. Многіе гласные просятъ баллотировать вопросъ, нужно-ли вносить въ протоколъ заявленіе гр. Уварова.

Гл. Павловъ. Еслибъ дѣло шло объ одномъ гр. Уваровѣ, я понялъ-бы еще возможность постановки такого вопроса, хотя я не исполнѣ согласенъ съ тѣми гласными, которые находятъ, что онъ не имѣетъ права требовать занесенія въ протоколъ своего заявленія. Это право имѣютъ всѣ гласные. Но суть въ томъ, что гр. Уваровъ не одинъ. Присоединеніе къ нему вашего сіятельства (къ предсѣд. собранія кн. Ухтомскому) осложняетъ все дѣло. Въ какомъ положеніи находятся теперь остальные гласные, по крайней мѣрѣ, большинство? Можетъ быть, вы, ваше сіятельство, откажетесь присоединиться?

Гласные *Оздобининъ* и *Корбутовскій* заявляютъ, что они также всецѣло присоединяются къ гр. Уварову.

Графъ Нессельроде. Я ставилъ вопросъ, стоитъ-ли вообще обсуждать заявленіе гр. Уварова, и не снимаю этого вопроса. Дѣло въ томъ, что если просто занести въ протоколъ заявленіе гр. Уварова, то выйдетъ, что какъ будто все собраніе раздѣляетъ его заявленіе и его доводы, а этого нѣтъ, поэтому я прошу въ такомъ случаѣ занести въ протоколъ и мое заявленіе, что я ставилъ вопросъ, *стоитъ-ли* обсуждать заявленіе гр. Уварова. Вамъ угодно было, ваше сіятельство, не допустить баллотировки этого вопроса. Я очень сожалѣю объ этомъ, но, подчиняясь вашему распоряженію, я прошу занести въ протоколъ мою постановку вопроса.

Гл. Безобразовъ. Я поддерживаю всецѣло заявленіе гр. Нессельроде.

Гл. Унковскій. Я настаиваю, чтобы вопросъ гр. Нессельроде подвергся баллотировкѣ...

Предсѣдатель собранія. Я не могу, господа, ставить на баллотировку этого вопроса, я считаю это оскорбительнымъ для гласныхъ.

Голоса гласныхъ. Тогда снимайте съ очереди весь вопросъ.

Рѣшается: снять вопросъ съ очереди, занеся въ протоколъ все, что имѣло мѣсто въ настоящемъ засѣданіи. Затѣмъ объявляется перерывъ, во время котораго производится подсчетъ записокъ, поданныхъ для выбора члена управы.

Послѣ перерыва *гр. А. Д. Нессельроде* внесъ заявленіе съ просьбой приложить къ протоколу настоящаго засѣданія всю статью въ „Земской Недѣлѣ“ и, кромѣ того, два № (34 и 36) „Гражданина“, въ которыхъ кн. Мещерскій въ сугубой степени проводитъ ту-же мысль, что и авторъ статьи въ „Недѣлѣ“. Отсюда ясно, какъ бессмысленно заявленіе гр. Уварова: „Гражданинъ“-то, вѣдь, уже ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названъ анти-правительственнымъ органомъ. Предложеніе гр. Нессельроде принято.

Гл. Ознобишинъ представляетъ заявленіе, подписанное 8 гласными.

Начинаются толки о томъ, оглашать это заявленіе или нѣтъ.

Предсѣдатель собранія. Да, вѣдь, я могу получать разныя бумаги. Чего тутъ оглашать?

Гл. Обуховъ. Вотъ и новое заявленіе. Нельзя, значить, было снять вопроса съ очереди, въ тотъ моментъ, когда сыпятся инсинуаціи. Надо было дать высказаться гласнымъ.

Гр. Нессельроде. Законъ требуетъ, чтобы каждое заявленіе было оглашаемо.

Гл. Ознобишинъ. Да мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы огласить.

Предсѣдатель собранія. Я буду баллотировать: оглашать или не оглашать. У меня два заявленія.

Большинство собранія высказывается утвердительно.

Заявленія оглашаются.

Первое заявленіе гр. Орлова-Денисова слѣдующаго содержания:

„Не раздѣлая вполнѣ взглядовъ статьи въ „Земской Недѣлѣ“, но и не находя ее рѣзкой, я тѣмъ менѣе сочувствую недостойной выходкѣ гр. Уварова“. Второе заявленіе, подписанное 8-ю гласными, заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „Не считая удобнымъ въ чрезвычайномъ настоящемъ земскомъ собраніи обсужденіе направленія „Земской Недѣли“, мы, нижеподписавшіеся, присоединяемся къ заявленію гр. Уварова о неумѣстности помѣщенія въ № 2 „Недѣли“ статьи „Земство и война“, какъ выра-

жающей мяѣне, совершенно не соотвѣтствующее нашимъ взглядамъ“. Подъ этимъ заявленіемъ стоятъ слѣдующія подписи:

Отставной гвардіи ротмистръ *Измайловъ*, отставной артиллеріи поручикъ *Мономаховъ*, сердобскій уѣздный предводитель *Оздобинимъ*, гласные отъ Сердобскаго уѣзда *Н. Минхъ*, *Лихаревъ*, предсѣдатель сердобской управы *Черкаевъ*, гласные: *Корбутовскій* и *Готовицкій*.

Послѣ выборовъ гл. *Орловъ-Денисовъ* заявилъ слѣдующее: „Графъ Уваровъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ моимъ заявленіемъ. Я охотно выражаю, что это заявленіе было сдѣлано въ горячности, и прошу вернуть его обратно“.

Затѣмъ оглашается заявленіе, подписанное 24 гласными, такого содержания: „Мы, нижеподписавшіеся, не находимъ въ статьѣ „Земство и война“ какихъ-либо такихъ взглядовъ, изложеніе которыхъ было-бы нежелательно въ „Земской Недѣлѣ“, а самое заявленіе гр. Уварова, основанное лишь на отдѣльныхъ выдержкахъ изъ этой статьи, признаемъ въ собраніи неумѣстнымъ“.

Предсѣдатель управы *А. Д. Юматовъ* заявляетъ, что онъ не писалъ этого заявленія только потому, что его подпись стоитъ на той книгѣ „Недѣли“, въ которой помѣщена статья „Земство и война“.

Гл. *Павловъ* читаетъ свое заявленіе, въ которомъ выражаетъ, что недопущеніе обсуждения г. предсѣдателемъ собранія настоящаго вопроса по существу онъ признаетъ неправильнымъ.

Заявленіемъ гл. Павлова и заканчивается засѣданіе.

* * *

„Кіевскіе Отклики“ сообщаютъ, что 27 мая въ г. Могилевѣ-губернскомъ выѣздной сессіей Кіевской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей было разобрано дѣло по обвиненію Залмана Лаубгана, Тани Палыковского и др. въ числѣ 13 человекъ въ сопротивленіи властямъ и нападеніи на конвойныхъ, сопровождавшихъ 24 сентября 1908 г. въ г. Оршѣ партію арестантовъ, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 271 и 2-ю частью 286¹ ст. улож. о нак.

При открытіи засѣданія въ залѣ присутствовала масса публики. Предсѣдательствовалъ старшій предсѣдатель кіев. суд. пал. *Θ. Θ. Арнольдъ*, обвиненіе поддерживалъ тов. прок. той же палаты *А. С. Вайбаковъ*, защитниками выступили: пом. прис. пов. *М. И. Ганфманъ* (изъ Петербурга), прис. пов. *Н. В. Тесленко* (изъ Москвы), пом. прис. пов. *М. В. Ратнеръ* (изъ Кіева), прис. пов. *А. А. Иогансенъ* (изъ Смоленска) и пом. прис. пов. *И. Ф. Фуровичъ* (изъ Могилева). По предварительномъ опросѣ под-

судимыхъ и приведеніи въ порядокъ списка свидѣтелей г. предсѣдательствующимъ была доложена палатѣ полученная изъ министерства юстиціи телеграмма, на основаніи которой настоящее дѣло подлежало слушанію при закрытыхъ дверяхъ, послѣ чего находившаяся въ залѣ засѣданія публика была удалена, за исключеніемъ небольшого числа родственниковъ и знакомыхъ подсудимыхъ (согласно ходатайству защиты), а также представителей судебного сословія и адвокатуры, также согласно особыхъ ходатайствъ. Приговоромъ судебной палаты, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, отвергнуто какъ сопротивленіе властямъ, такъ и нападеніе на конвой, и всѣ подсудимые, по признаніи ихъ виновными лишь въ оскорбленіи дѣйствіемъ конвойныхъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1-ю частью 286¹ ст., приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ срокомъ: Лаубганъ—на 3 мѣсяца, остальные на 2 мѣсяца.

* * *

„Право“ сообщаетъ, что 29 мая временнымъ военнымъ судомъ въ г. Смоленскѣ было разсмотрѣно при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію рядовыхъ Ниселя Дайновскаго и Янкеля Ройзенбаума и младшаго писаря Ефима Руденко по ст. ст. 14, 251 и 252¹ улож. о нак. и ст. 273¹ и 273² воин. уст. о наказ. въ социально-революціонной пропагандѣ среди нижнихъ воинскихъ чиновъ. Предсѣдательствовалъ военный судья генераль-майоръ Шметинскій, обвинялъ помощникъ военного прокурора Валясинъ, защищали штабсъ-капитанъ Сиртлановъ и присяжный повѣренный Глинка. Приговоромъ, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, Ройзенбаумъ оправданъ, а Дайновскій и Руденко присуждены: первый—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока, а второй—къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и заключенію въ военной одиночной тюрьмѣ на 2¹/₂ мѣсяца съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ на 1¹/₂ года.

* * *

3 іюня финляндскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Вобриковъ, при входѣ въ сенатъ, былъ пораженъ тремя пулями изъ револьвера. Въ ночь на 4-е іюня генераль Вобриковъ скончался. Убійца, сынъ уволеннаго въ 1900 году сенатора Шаумана, покончилъ и съ собою на мѣстѣ преступленія.

Подробности этого происшествія изложены слѣдующимъ образомъ въ телеграммѣ „Новому Времени“ изъ Гельсингфорса отъ 4 іюня: „По четвергамъ генераль Вобриковъ обыкновенно предсѣдательствовалъ въ сенатѣ. 3-го іюня должно было состояться послѣднее засѣданіе передъ канику-

лами, и на слѣдующій день генераль Вобриковъ уѣзжалъ въ Выборгъ по собственнымъ дѣламъ. Въ 11 час. утра генераль Вобриковъ отправился въ сенатъ пѣшкомъ въ сопровожденіи губернатора генерала Кайгородова, чиновника особыхъ порученій полковника Львовскаго, адъютанта ротмистра Тимирязева и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна только утромъ пріѣхала въ Гельсингфорсъ. У подъѣзда сената генераль Вобриковъ со всеми простился. „Вы идите на службу,—сказалъ онъ Кайгородову.—Вы,—обратился онъ къ Тимирязеву и Львовскому,—проводите дочерей“. Обыкновенно адъютантъ провожалъ генераль-губернатора до лѣстницы, потому что полиція не могла входить: сенатъ заявилъ, что онъ принимаетъ на себя охрану генерала. Такимъ образомъ, Вобриковъ пошелъ одинъ. Каменная лѣстница, начинаясь темноватою площадкой, идетъ винтообразно маленькими уступами. Швейцаръ проводилъ генерала на нѣсколько ступеней и, никого не видя, ушелъ внизъ. Вобриковъ былъ въ пальто и съ портфелемъ. Во второмъ этажѣ въ обѣ стороны идутъ коридоры: налѣво—хозяйственный департаментъ, гдѣ происходятъ засѣданія, направо—судебный. Генераль Вобриковъ повернулъ налѣво. Въ это время со слѣдующаго марша раздались выстрѣлы. Первая пуля, какъ предполагается, ударила въ грудь во владимірскій крестъ, только контузя генерала; вторая, смертельная, въ животь, ударила о пугѳовицу пальто, измѣнила направленіе и пошла вдоль, произведя сильное пораненіе; третья—вдоль шеи, вырвала мясо. Генераль Вобриковъ не потерялъ присутствія духа и пошелъ дальше, придерживая рукой шею. На выстрѣлы приближалъ швейцаръ. Онъ видѣлъ, какъ съ верхней площадки бросился челоуѣкъ. Сперва швейцаръ сопровождалъ Вобрикова до дверей департамента. Генераль ничего ему не сказалъ и пошелъ въ дверь. Въ это время опять послышались выстрѣлы, сливавшіеся въ одинъ звукъ. Они слѣдовали моментально другъ за другомъ. Сторожъ увидѣлъ, что на площадкѣ у входа на лѣстницу лежалъ преступникъ съ руками, пригнутыми къ плечамъ; онъ былъ мертвъ. Между тѣмъ сенаторы, встревоженные выстрѣлами, пошли на встрѣчу къ Вобрикову. „Ваше высокопревосходительство ранены, куда?“—сказалъ Либбергъ, вице-предсѣдатель хозяйственнаго департамента. „Нѣтъ“,—сказалъ Вобриковъ. „Но у васъ кровь на шеѣ“.—„Въ такомъ случаѣ я раненъ“. Среди сенаторовъ произошло большое смятеніе. Вобрикова усадили въ кресло. Черезъ пять минутъ явился военный домашній докторъ Люба и губернаторъ. Дочерей возвратили съ пути. Тутъ же была сдѣлана предварительная перевязка, и произведено было первое дознаніе. На носилкахъ раненаго доставили домой. Тотчасъ же были призваны профессора Бонедорфъ и Пальчинъ, которые признали необходимость немедленной операціи. Начинаясь перитонитъ. Раненый испытывалъ сильныя мученія

но держался мужественно, отдавал распоряженія, причастился. Операцию необходимо было произвести въ больницѣ. Офицеры и солдаты на носилкахъ перенесли генерала въ хирургическій госпиталь въ 10-ти минутахъ ходьбы. Въ 1 часъ дня состоялась операція. Условія ея были благоприятны, такъ какъ Бобриковъ ничего не ѣлъ утромъ. Деформированная пуговицей пуля дѣйствовала какъ думъ-думъ. При вскрытіи оказалось пораненіе въ 30 сантиметровъ тонкой кишки. Потеря крови—главная причина смерти. Послѣ операціи, длившейся 55 минутъ, Бобриковъ ослабѣлъ и къ 6-ти часамъ находился въ полудремотѣ. Врачи рассчитывали, если раненый выживетъ ночь, то выздоровѣетъ. Въ 8 час. вечера появились неблагоприятные признаки упадка дѣятельности сердца; раненый заснул и, не выходя изъ этого состоянія, скончался въ 1 часъ 7 минутъ ночи. Въ 3 часа ночи родными и друзьями на носилкахъ покойный былъ перенесенъ домой. Еще раньше былъ вызванъ лейбъ-хирургъ Вельяминовъ, но онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Убийца Евгений Владиміръ Шауманъ—молодой человѣкъ, ему 29 лѣтъ. Онъ—сынъ сенатора Шаумана, уволенного по введеніи русскаго языка. Дядя убійцы—командиръ расформированнаго финскаго драгунскаго полка. Шауманъ окончилъ Александровскій университетъ въ 1899 году. Въ слѣдующемъ году онъ былъ прінятъ на службу въ сенатъ экстракопіистомъ. 1-го ноября прошлаго года Шауманъ поступилъ въ главное училищное управленіе. Ярый шведоманъ, онъ держался осторожно, знакомыхъ имѣлъ мало, былъ прекрасный стрѣлокъ, былъ даже учителемъ стрѣльбы, имѣлъ много призовъ. Онъ часто приходилъ въ сенатъ. 3 іюня пришелъ съ задняго входа съ Региринской улицы. Онъ не обратилъ на себя вниманія, какъ знакомый нѣкоторыхъ чиновниковъ. Изъ окна финансоваго департамента, гдѣ онъ раньше служилъ, онъ могъ слѣдить за прибытіемъ Бобрикова. Стрѣлялъ онъ изъ револьвера Браунинга въ восемь зарядовъ. Остались три пули. Въ себя онъ пустилъ двѣ пули въ сердце. Причина убійства предполагается политическая. Известно, что 10-го іюня долженъ былъ рѣшиться вопросъ созыва сейма. Судя по ходу рекрутскаго набора и настроенію, рѣшеніе должно было быть благоприятное. Въ этомъ смыслѣ ожидался докладъ Бобрикова. Такое положеніе было не въ расчетахъ шведомановъ, желавшихъ распространить смуту. Впрочемъ, убійца оставилъ письмо, въ которомъ пишетъ, что все сдѣлалъ по собственному убѣжденію и никакихъ сообщниковъ не имѣлъ. Убийца жилъ отдѣльно отъ отца, у котораго, кромѣ него, два сына и четыре дочери. Все финское населеніе въ страшномъ горѣ. Оно любило Бобрикова какъ человѣка всѣмъ доступнаго, чрезвычайно мягкаго. Къ серьезнымъ мѣрамъ онъ прибѣгалъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Особенно искренне и глубоко огорчены всѣ русскіе въ краѣ. Временное управленіе принялъ

на себя помощникъ ген.-губернатора ген. Турбинъ. Никакихъ безпорядковъ не замѣчается. Хотя ген. Бобриковъ не любилъ, чтобы его черзчуръ охраняли, но охрана была безукоризненна. Преступленіе было возможно только тамъ, гдѣ охрана не могла дѣйствовать. Къ характеристикѣ Шаумана можно добавить, что онъ принималъ участіе въ уличныхъ безпорядкахъ по поводу воинской повинности въ прошломъ году и былъ арестованъ, когда записывалъ фамиліи другихъ арестованныхъ“.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ перечислены новѣйшія перемѣны, происшедшія въ жизни Финляндіи въ періодъ дѣятельности тамъ покойнаго Бобрикова въ качествѣ финляндскаго генераль-губернатора. „Высочайшимъ манифестомъ 3-го февраля 1899 г. значительная область законодательныхъ вопросовъ была изъята изъ компетенціи финляндскаго сейма (законы, „касающіеся общегосударственныхъ потребностей или находящіеся въ связи съ законодательствомъ Имперіи“), и разсмотрѣніе подобныхъ законопроектовъ было возложено на государственный совѣтъ при участіи финляндскаго генераль-губернатора, министра статсъ-секретаря и назначаемыхъ по Высочайшему избранію сенаторовъ финляндскаго сената. 1-го іюня 1900 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о томъ, что публичныя собранія въ Финляндіи (за немногими, прямо оговоренными исключеніями) могутъ происходить только съ разрѣшенія генераль-губернатора или уполномоченныхъ имъ на то мѣстныхъ властей; 7-го іюня того же года послѣдовалъ указъ о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство финляндскихъ присутственныхъ мѣстъ и въ официальные ихъ сношенія. 29-го іюня 1901 г. былъ изданъ новый уставъ о воинской повинности для Великаго Княжества Финляндскаго. Всеподданнѣйшій адресъ финляндскихъ гражданъ по поводу новаго устава былъ оставленъ безъ послѣдствій. вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ адресъ, значились многія должностныя лица и сановники, призванные къ своимъ постамъ Высочайшимъ довѣріемъ, то разрѣшено назначать на эти посты, за отсутствіемъ подходящихъ кандидатовъ изъ финляндцевъ, уроженцевъ имперіи. Въ 1901 г. было издано распоряженіе объ увеличеніи числа уроковъ русскаго языка въ реальныхъ лицеяхъ Финляндіи до 30-ти въ недѣлю. Къ тому же году относится распоряженіе о томъ, чтобы ординарныя должности въ сенатѣ, центральныхъ и губернскихъ управленіяхъ замѣщались лицами, владѣющими русскимъ языкомъ; за неимѣніемъ таковыхъ, эти должности остаются вакантными. Высочайшимъ повелѣніемъ, обнародованнымъ въ Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго отъ 7-го сентября 1902 г., введено удаленіе со службы чиновниковъ и судей административнымъ порядкомъ (въ Финляндіи до изданія этого повелѣнія не только лица судебного вѣдомства, но и большинство чиновни-

ковъ пользовались несмѣняемостью, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ высшія („довѣренныя“) должности). Тогда же были обнародованы Высочайшія повелѣнія объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣйствующаго учрежденія финляндскаго сената въ смыслѣ значительнаго усиленія вліянія генераль-губернатора на дѣятельность сената и о расширеніи власти губернаторовъ. Въ 1902 же году окончательно упразднены финскія войска и войсковыя управленія, и произведенъ первый призывъ по новому воинскому уставу“.

Замѣстителемъ Бобрікова назначенъ кн. Оболенскій, извѣстный читателямъ, по дѣятельности своей, въ бытность его харьковскимъ губернаторомъ.

В. Б.

Письма изъ провинціи.

Монополія въ деревнѣ.

Изъ Курской губ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ нашей губерніи введена казенная продажа питей (3 г. назадъ), пьянство въ деревнѣ не только не уменьшилось, но еще осложнилось однимъ, никѣмъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ— частыми драками, принимающими иногда массовой характеръ. На первый взглядъ это кажется непонятнымъ и какъ будто не имѣющимъ никакой связи съ „монополюшкой“. А на самомъ дѣлѣ—это такъ. Прежде чуть ли не въ каждой деревнѣ былъ свой кабакъ, притомъ онъ былъ открытъ для желающихъ круглыя сутки. Но то теперь. Торговля въ будни сейчасъ продолжается не болѣе полусутокъ, а въ праздники и того меньше. Далѣе, винная лавка теперь учреждается только въ сильно населенныхъ пунктахъ и часто обслуживаетъ цѣлый районъ мелкихъ деревень. Примѣромъ этому можетъ служить наша лавка, которая поставяетъ свое „зелено вино“ для слѣдующихъ пяти деревень: Студенка, Александровки, Нижнемельницкаго Хутора, Парменовки и Ивановки. Вслѣдствіе этихъ обѣихъ причинъ у винной лавки почти всегда стоитъ толпа народа. Особенно большихъ размѣровъ достигаетъ толпа въ праздничные дни, когда лавка открывается поздно, а желающіе выпить являются рано. Мало-по-малу она увеличивается, и ко времени открытія лавки она достигаетъ сотни и болѣе душъ. Какъ только распахнулась дверь лавки, толпа наперерывъ одинъ передъ другимъ втискивается въ нее, беретъ нужную посудину вождѣльной влаги и спѣшитъ скорѣе выбраться наружу и проглотить ее. Такъ какъ выпивка сплошь и рядомъ начинается натошакъ и безо всякой закуски (въ прежнихъ кабакахъ, хотъ

скверная, но продавалась и закуска), то черезъ какихъ нибудь полчаса толпа становится неузнаваема: раньше она была тиха, сурова и молчалива, а теперь расходилась, разыгралась, какъ море въ бурную погоду. Языки развязываются, и начинается болтовня ради болтовни—безцѣльная и безтолковая: тутъ начинается публичное изліяніе дружескихъ чувствъ, отпущаніе крѣпкихъ русскихъ словечекъ и, наконецъ, споры и раздоры, доходящіе до драки. То, что произошло 27 мая, на третій день праздниковъ Троицы, и чему мнѣ пришлось быть случайнымъ очевидцемъ, можетъ служить отличной иллюстраціей ко всему сказанному. А произошло вотъ что. Къ 12 час. означеннаго дня около винной лавки собралась уже порядочная толпа народа изъ вышеназванныхъ деревень и преимущественно изъ с. Студенка и дер. Александровки. Вначалѣ эта толпа вела себя спокойно и ничѣмъ не обнаруживала предстоящаго страшнаго побоища. Но вотъ открылась завѣтная дверь, засуетилось и заволновалось стоголавое чудовище: каждая голова его, словно сказочнаго змѣя, потянулась въ эту дверь—началась попойка. Къ 3—4 часамъ дня это чудовище сдѣлалось страшнымъ: каждая голова его сдѣлалась неимовѣрно возбужденной и бурной—и уже видно было, что предстоитъ что-то ужасное: начинались ссоры между отдѣльными личностями, припоминались и раздувались стародавнія обиды и оскорбленія, сочинялись тутъ же новыя, никогда на дѣлѣ не существовавшія,—однимъ словомъ, получилась полная картина массоваго пьянства. Наконецъ, завязывается ссора, а затѣмъ и драка между двумя мужиками изъ разныхъ деревень (Александровки и Студенка), давно уже враждовавшихъ въ пьяномъ видѣ между собою. Одинъ изъ нихъ закричалъ: „Караулъ, братцы, убили меня!“ Въ этотъ моментъ вся толпа, словно ужаленная, подхватила со своихъ мѣсть, бросилась за кольями и, раздѣлившись на два враждебныхъ лагеря, съ криками: „бей ихъ проклятыхъ!“ ринулась въ свалку. Студенчане, страшно избивъ александровцевъ, прогнали ихъ за рѣчку, протекающую не далеко отъ „казенки“. Быть можетъ, на этомъ дѣло бы и кончилось, если бы сидѣлецъ въ это время закрылъ лавочку. Но онъ, будучи и самъ изрядно выпивши, не только ея не закрылъ, но еще сталъ мнѣ и г. К. грозить всякими карами, — когда мы стали упрашивать его объ этомъ, — что, дескать, мы не имѣемъ права этого дѣлать, такъ какъ стремимся причинить убытокъ казнѣ. Конечно, полуграмотный сидѣлецъ менѣе всего въ этомъ виноватъ: онъ не доросъ еще до того, чтобы понимать, что казна едва ли его погладитъ по головкѣ за прибыли, добытыя имъ путемъ преднамѣреннаго поддержанія и распространенія пьянства. А потому, повторяю, онъ менѣе виноватъ, чѣмъ тѣ, которые допускаютъ въ сидѣльцы совершенно невѣжественныхъ людей, понимающихъ интересы казны въ смыслѣ возможно большаго сбыта водки,

вопреки даже такимъ законамъ и правиламъ, какъ запрещеніе продавать водку пьянымъ или пьющимъ скопомъ, какъ это было здѣсь. Закрой сидѣлецъ своевременно лавку, и толпа понемногу начала бы расходиться. Но теперь случилось обратное явленіе. Въсть о дракѣ между двумя деревнями съ быстротой молніи разнеслась по всѣмъ окрестностямъ. Къ лавкѣ подбѣжали не только пьющіе, но и непьющіе, а также старики, женщины и дѣти. Къ 6 часамъ вечера толпа достигла съ обѣихъ сторонъ до 300 душъ и волновалась все болѣе и болѣе, подбодряя себя огромными дозами алкоголя. Александровцы, запасаясь кольями, возвращаются изъ-за рѣчки и овладѣваютъ опять „монополюшкой“, гдѣ подкрѣпляютъ свою храбрость все той же адской влагой, понося противниковъ всевозможной отборной бранью. Противная сторона, конечно, не оставалась въ долгу. Но вотъ одинъ изъ пьяныхъ забіякъ не выдержалъ и съ крикомъ „бей ихъ, ребята!“ бросился на александровцевъ; тѣ, было, кинулись на него, но въ этотъ моментъ огромная толпа студенчанъ съ кольями въ рукахъ, съ крикомъ и бранью ринулась на нихъ и обратила ихъ сразу въ бѣгство, сбивъ съ ногъ нѣсколькихъ человѣкъ. Надо было видѣть все происходившее, чтобы понять, что за звѣрь русскій человѣкъ въ пьяномъ видѣ. Онъ не разбираетъ, что воображаемый врагъ сбить съ ногъ и, быть можетъ, не дышитъ, онъ продолжаетъ его бить по чѣмъ попало, находя какое то дьявольское наслажденіе въ истязаніи себѣ подобнаго. Мало того, подбѣгаетъ десятокъ другихъ и тоже бьютъ недвижимо лежащаго и истекающаго кровью человѣка, словно, молотятъ цѣпами. И бросаютъ только уже тогда, когда ихъ отгонитъ противная сторона, или же найдется болѣе благоразумный человѣкъ и уговоритъ бросить. Сильно избитыхъ оказалось двое — одинъ александровецъ, а другой студенчанинъ. Первому выбили коломъ глазъ, расцѣпили лицо и разбили голову до крови; кровь у него лилась ручьями, и только благодаря семьѣ г. К., которая принимала всѣ мѣры къ прекращенію этихъ безобразій, съ опасностью быть избитой, обмывала холодной водой раны, — онъ пришелъ черезъ продолжительное время въ себя и былъ взятъ плачущей женой домой. Второго сбили коломъ съ мостка въ воду и тутъ били, какъ не бьютъ и животное, обреченное на казнь: кольями били и по головѣ, и по спинѣ, и особенно сильно по груди. Последняго тоже съ трудомъ привели въ себя. Эти два человѣка, если и останутся въ живыхъ, то во всякомъ случаѣ инвалидами. Болѣе же легко избитыхъ и раненныхъ было съ обѣихъ сторонъ довольно много. Безъ слезъ нельзя было смотрѣть на эту картину, но и прекратить ее было не въ нашей силѣ и власти.

Побойща, подобная описанному, происходятъ сравнительно рѣдко, но они все таки повсемѣстно происходятъ и приносятъ бѣднымъ семьямъ не

мало горя и страданій. Волѣ же мелкія стычки и драки около казенокъ обычное явленіе—это всякій знаетъ, живущій въ деревнѣ.

Невольно является вопросъ: что же надо сдѣлать, чтобы устранить вышеописанныя явленія въ будущемъ? Самымъ вѣрнымъ, хотя и не быстро дѣйствующимъ средствомъ, по моему глубокому убѣжденію, должно быть *просвѣщеніе* массы и поднятіе въ ней сознанія своего человѣческаго достоинства и чести, не совмѣстимыхъ съ подобнаго рода дѣяніями, какъ вышеописанныя. Путей для народнаго просвѣщенія много, но самый короткій и вѣрный путь лежитъ черезъ народную школу. Нужна школа съ увеличеннымъ курсомъ и расширенной программой, съ высокообразованными и подготовленными къ своему дѣлу учителями, обеспеченными достаточнымъ содержаніемъ и правовымъ положеніемъ и снабженными въ потребномъ количествѣ учебными пособиями и обстановкой. А для этого въ содержаніи школъ должно принять участіе и правительство—отчисленіемъ на это дѣло известнаго процента, хотя бы отъ питейныхъ доходовъ. Затѣмъ, попечительствамъ о народной трезвости слѣдовало бы проявить побольше энергіи въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ зломъ—пьянствомъ, чѣмъ то они до сихъ поръ дѣлали. Нашъ районъ даже не подозрѣваетъ о существованіи такихъ, — такъ ничтожна дѣятельность мѣстнаго попечительства. А между тѣмъ эти учрежденія могли бы сдѣлать въ этомъ отношеніи многое. Помимо устройства чайныхъ, библиотекъ и читаленъ, которыя могли бы хоть ничтожную долю молодежи отвлечь отъ кабака, слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на устройство такихъ учреждений, которыя соответствуютъ современному развитію крестьянина, какъ, напр., общественныя сады съ качелями, кеглами, крокетомъ и проч. подвижными играми, и, наконецъ, театръ, доступный по цѣнѣ и съ доступнымъ пониманію крестьянина репертуаромъ, воспитывающимъ благородныя чувства, а не потакающимъ грубымъ вкусамъ толпы. Временными же палліативами могутъ служить, во первыхъ, назначеніе сидѣльцевъ въ казенныя лавки съ известнымъ образовательнымъ цензомъ, напр., хотя бы не ниже двухкласснаго министерскаго училища, и абсолютно не пьющихъ водки; во вторыхъ, слѣдовало бы по праздничнымъ днямъ совершенно воспретить продажу питей, какъ то было въ древней Руси. Притомъ надо праздниками считать не только двенадцатые праздники и табельные дни, но и дни, считаемыя за праздники мѣстные, какъ престольные, девятая и 10-ая пятницы послѣ Пасхи, третій день Троицы и др. Далѣе, необходимо строго воспретить пьянство скопомъ и на площадяхъ и улицахъ. За выполненіемъ этихъ правилъ должна слѣдить полиція въ лицѣ урядниковъ и приставовъ, а не сотскіе и десятскіе, которые зачастую сами первые подають примѣръ всякимъ выпивкамъ и кулачной расправѣ.

Только при такой постановкѣ народнаго образованія и питейнаго дѣла, и можно еще рассчитывать на исчезновеніе такихъ нежелательныхъ явленій, какъ вышеописанное.

Несторъ Гришаковъ.

О нашихъ земскихъ дѣлахъ.

Изъ Калуги.

Калужское губернское земство по справедливости пользуется репутациею отсталого. Въ области начальнаго народнаго образованія оно не дѣлаетъ рѣшительно ничего; по извѣстному запросу министра внутреннихъ дѣлъ о цензѣ для участія въ земскомъ представительствѣ оно высказалось за сохраненіе сословнаго начала въ организаціи земства и противъ расширенія правъ крестьянскихъ обществъ; его лѣчебныя и благотворительныя учрежденія до сихъ поръ носятъ на себѣ печать приказа общественнаго призрѣнія, а общегубернской врачебной организаціи вовсе не имѣется, и т. д., все въ томъ же родѣ. Въ общемъ, губернское земское собраніе осталось вѣрнымъ себѣ и въ текущемъ году, но необходимо отмѣтить, что все же состоялись нѣкоторыя постановленія, какъ будто знаменующія приобщеніе и его къ общеземскимъ традиціямъ. Говорю „какъ будто“ потому, что въ постановленіяхъ, о которыхъ рѣчь ниже, элементъ случайности игралъ далеко не послѣднюю роль. Да и число ихъ невелико.

По отдѣлу начальнаго народнаго образованія земское собраніе сдѣлало, наконецъ, хоть одинъ шагъ впередъ, ассигновавъ на устройство въ Калугѣ педагогическихъ курсовъ для 100 учителей начальныхъ училищъ 3,900 руб. Въ программу рѣшено включить „мировѣдѣніе“ съ простѣйшими оцѣтами и ознакомленіе учащихся съ популярной народною и дѣтскою литературой, съ наглядными пособіями и съ устройствомъ школьныхъ музеевъ. Сумма 3,900 слагается изъ 1,400 р., назначенныхъ собственно на устройство курсовъ, и 2,500 р. на проѣзды учащихся до Калуги и обратно и на содержаніе ихъ въ Калугѣ ¹⁾.

¹⁾ Это ходатайство, однако, какъ и многія подобныя въ нынѣшнемъ году, потерпѣло неудачу. Попечителемъ московскаго учебнаго округа не были разрѣшены ему эти курсы, при чемъ какъ на одну изъ причинъ отказа въ разрѣшеніи указано на приглашеніе въ качествѣ лектора по исторіи русской литературы XIX вѣка преподавателя московскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Цезаря Павловича Балталона, „литературные взгляды котораго не соотвѣтствуютъ,—по мнѣнію попечителя округа,—положительнымъ требованіямъ отъ литературнаго развитія русскаго народнаго учителя“. Между тѣмъ потребность въ курсахъ въ Калужской губерніи весьма

Ходатайство Жиздринскаго уѣзднаго земства объ ежегодномъ отпускѣ изъ казны средствъ на увеличеніе жалованья учителямъ и учительницамъ, согласно извѣстному циркуляру министерства народнаго просвѣщенія, собраніе рѣшило поддержать, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы права земства по назначенію учителей не были уменьшены, и чтобы министерство не пріобрѣтало правъ учредителя школы. Отказаться отъ пособія собраніе не рѣшилось, не считая возможнымъ за свой счетъ увеличить жалованье

велика, судя по числу поступившихъ въ управу заявленій земскихъ учителей и учительницъ о желаніи быть на курсахъ. Курсы были предположены только для 100 учащихъ, а на дѣлѣ, сверхъ 100 лицъ, намѣченныхъ инспекторами народныхъ училищъ, поступили заявленія о желаніи слушать курсы еще отъ 138 учащихъ. Заявленій было бы, несомнѣнно, еще больше, если бы приемъ ихъ не былъ прекращенъ вслѣдствіе отказа въ разрѣшеніи устройства курсовъ. Вслѣдствіе низкаго размѣра жалованья, въ Калужской губерніи мало земскихъ учителей съ образованіемъ въ объемѣ полного курса среднихъ учебныхъ заведеній. Притомъ число такихъ учителей постепенно даже падаетъ: всѣхъ училищъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ въ губерніи въ 1900 году было—474; учащихся: 131 мужчинъ, 494 женщины; изъ нихъ окончившихъ курсъ учительскихъ семинарій—29 мужчинъ, учительницъ со спеціальной подготовкой—78. Въ 1901 году училищъ было—473; учащихся: 131 мужчинъ и женщинъ 484; въ томъ числѣ окончившихъ курсъ въ мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ—22; женщинъ со спеціальной подготовкой—85. Въ 1902 году училищъ было—473; учащихся: мужчинъ 125 и женщинъ 500; въ томъ числѣ окончившихъ курсъ въ мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ—17; женщинъ со спеціальной подготовкой—85. Эти данныя говорятъ объ ослабленіи педагогическихъ силъ въ Калужской губерніи. Единственный имѣющійся пока у Калужскаго губ. земства способъ повысить образовательный уровень земскихъ учителей Калужской губ.—устройство для нихъ временныхъ общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсовъ, отнять у него отказомъ въ разрѣшеніи устройства курсовъ. Отказъ допустить въ числѣ лекторовъ на курсахъ г. Балталона, по мнѣнію Калужской губернской земской управы, выраженному въ только что сообщенномъ намъ ея ходатайствѣ предъ мин. нар. просв., не вяжется съ выраженнымъ учебнымъ вѣдомствомъ въ лицѣ директора народныхъ училищъ желаніемъ, чтобы число учащихся въ земскихъ школахъ съ среднимъ образованіемъ увеличивалось. Если были основанія допустить г. Балталона въ число преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, воспитанники которыхъ признаются учебнымъ вѣдомствомъ желательными кандидатами въ народные учителя, то, казалось бы, тѣ же основанія говорятъ и въ пользу допущенія его въ число лекторовъ на курсахъ прямо для народныхъ учителей. Въ виду всего этого и принимая во вниманіе, что „безъ общаго распоряженія министерства народнаго просвѣщенія въ смыслѣ облегченія условій приглашенія руководителей и лекторовъ на учительскіе курсы не можетъ быть увѣренности и на будущее время, что всѣ усилія земства устроить курсы не сведутся къ безплодной тратѣ времени и труда“, губернская земская управа въ заключеніе своего ходатайства проситъ министра народнаго просвѣщенія сдѣлать распоряженіе, чтобы лица, состоящія на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія, безпрепятственно допускались въ руководители и лектора на курсы для земскихъ учителей и учительницъ.

Ред.

учителей до 300 р., какъ предлагается министерствомъ, а заявленія о необходимости расширить сферу земскаго обложенія никто не сдѣлалъ.

Насколько эти шаги нетверды и шатки, видно уже изъ того, что главный докладъ по отдѣлу народнаго образованія—объ увѣковѣченіи памяти Императора Александра II по случаю предстоящаго 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости путемъ составленія спеціальнаго капитала для нуждъ народнаго образованія—не былъ даже разсмотрѣнъ собраніемъ. Гласнымъ не удалось съ нимъ и познакомиться, такъ какъ онъ не былъ напечатанъ вслѣдствіе сокращеній, сдѣланныхъ въ немъ губернаторомъ при разрѣшеніи къ печати. Не была заслушана также и выработанная комиссіей программа брошюры объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Исторія этого вопроса довольно любопытна. Еще въ прошломъ году собраніе постановило издать названную брошюру и выбрало комиссію для составленія программы ея. Постановленіе это не было опротестовано губернаторомъ. Между тѣмъ передъ открытіемъ собранія въ текущемъ году управою было получено предложеніе губернатора никакого доклада объ изданіи брошюры въ земское собраніе не вносить, такъ какъ вопросъ этотъ къ предметамъ, подлежащимъ вѣдѣнію земскихъ учреждений, не относится. Управа отвѣтила, что она затрудняется исполнить это предложеніе, такъ какъ ни въ законѣ, ни въ рѣшеніяхъ Сената нельзя найти указаній на основанія для него, напротивъ, есть прямыя разъясненія, что губернаторъ не въ правѣ обращаться къ управѣ съ такими предложеніями. Исторія эта подробно рассказана въ № 9 „Саратовской Земской Недѣли“. Губернаторъ не передалъ отвѣта управы въ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе. Остается открытымъ вопросъ, какое направленіе получило бы дѣло, если бы докладъ былъ внесенъ въ собраніе. Въ перечень докладовъ, подлежащихъ обсужденію собранія, онъ былъ внесенъ и переданъ управою въ подготовительную комиссію, но послѣдняя почему-то ни доклада, ни своего заключенія собранію не представила.

Изъ того же отдѣла надо упомянуть еще объ увеличеніи пособія обществу взаимопомощи учащимъ и учившимъ въ начальныхъ школахъ Калужской губ. Въмѣсто назначавшихся равнѣ 100 р. собраніе ассигновало 500 р. Это небольшое увеличеніе важно какъ первый шагъ въ дѣлѣ улучшенія положенія учащихся начальныхъ школъ, на что Калужскому земству давно пора обратить вниманіе, такъ какъ вознагражденіе учителей чрезвычайно скудно—въ большинствѣ земскихъ школъ менѣе 200 руб. въ годъ.

Изъ остальныхъ отдѣловъ обращаетъ на себя вниманіе постановленіе собранія о возбужденіи ходатайствъ по поводу Высочайшаго манифеста 26 февраля 1903 г. Собраніе постановило ходатайствовать: 1) о предо-

ставленіи земскимъ собраніямъ права предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ законопроектовъ, составляемыхъ на основаніи Высочайшаго манифеста 26 февраля 1903 г., для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни, 2) о приглашеніи впредь земскихъ представителей въ совѣщанія при министерствахъ по мѣстнымъ дѣламъ—не посредственно, а черезъ земскія собранія съ предварительнымъ сообщеніемъ послѣднимъ свѣдѣній о предметахъ, назначенныхъ къ обсужденію.

Но и въ данномъ случаѣ собраніе не осталось послѣдовательнымъ. Приведенное постановленіе состоялось 2 декабря, а на другой день, 3 декабря, собраніе пришло къ противоположному рѣшенію: разсмотрѣвъ доклады гласныхъ А. М. Желябужскаго и Д. И. Ртищева по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ и постановивъ возбудить предъ правительствомъ ходатайство о примѣненіи для этого болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, чѣмъ казенная винная монополія и казенныя попечительства о народной трезвости, собраніе вмѣстѣ съ тѣмъ отвергло предложеніе нѣкоторыхъ гласныхъ ходатайствовать, чтобы мѣры, которыя будутъ выработаны правительствомъ, были переданы прежде ихъ примѣненія на обсужденіе земскихъ губернскихъ собраній.

Да и самыя доклады гг. Желябужскаго и Ртищева содержать въ себѣ мало земскаго. Въ нихъ проводится та мысль, что коренная причина всѣхъ золъ Россіи—народное пьянство, и что наилучшая мѣра для его прекращенія—полное запрещеніе винокуренія и виноторговли. Ни съ такимъ объясненіемъ причинъ „бѣдности и несовершенствъ“ русской жизни, ни съ вѣрой въ чудодѣйственную силу приказа свыше, разумѣется, нельзя согласиться. И собраніе не согласилось съ такимъ упрощеннымъ способомъ рѣшенія вопросовъ внутренней жизни, а постановило возбудить ходатайство въ той редакціи, какая изложена выше. Но и при этомъ остается открытымъ вопросъ, почему оно уклонилось отъ указанія опредѣленныхъ мѣръ: по неразработанности ли вопроса въ докладахъ или по соображенію, что земство въ этомъ дѣлѣ не должно смѣть свое сужденіе имѣть. Изображеніе въ докладѣ А. М. Желябужскаго русскаго мужика отъявленнымъ пьяницей вызвало протестъ со стороны только одного гласнаго К. А. Шумовскаго, который заявилъ, что эта часть доклада совершенно несправедлива: населеніе, производящее ежегодно колоссальныя богатства, не можетъ быть обвиняемо въ непробудномъ пьянствѣ.

Вообще собраніе представляло довольно грустное зрѣлище. Торжественная обстановка засѣданій еще болѣе подчеркивала мизерность ихъ содержанія. Смотри съ хоръ на собраніе, невольно думалось: „о поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?“

Калужанинъ.

Изъ г. Уржума.

(Отвѣтъ на письмо изъ г. Уржума: „Судьба маленькихъ людей“). ¹⁾

Въ февральской книжкѣ „Образованія“ за этотъ годъ въ письмѣ, главіе котораго приведено выше, рассказана исторія, которая въ отдаленной Нартасской больницѣ въ теченіе болѣе полутора лѣтъ сферу труда и сочувственной помощи больнымъ превращала въ сферу раздора и злобы. Приведены факты, цитированы документы, но весь рассказъ изложенъ до такой степени „своими словами“, разныя недомолвки и составленія такъ неправильно освѣщаютъ отношенія дѣйствующихъ лицъ, что для человѣка, знакомаго съ этими лицами и ихъ житьемъ за послѣдніе годы, неизбежно долженъ явиться вопросъ, мало ли освѣдомленъ корреспондентъ, или онъ намѣренно искажаетъ факты. Сущность письма состоитъ въ слѣдующемъ: въ Нартасской земской больницѣ между врачомъ, съ одной стороны, и его помощниками, съ другой, были примѣрно добрыя отношенія до 9 мая 1902 года. Врачъ учинилъ гнусность. Возмущенныя этой гнусностью фельдшерицы Двурѣченская и Шабалина перестали давать врачу руку. За благородный протестъ врачъ сталъ грубо и сильно притѣснять осмѣлившихся свое сужденіе имѣть и выжилъ ихъ изъ больницы.

Въ изложеніи корреспондента получился очень трогательный рассказъ, способный возбудить въ читателей добрыя чувства и справедливый протестъ противъ попиранія человѣческой личности, всякой гнусности, козней и т. д. Все это хорошо въ смыслѣ нравоученія, но такъ какъ въ рассказѣ приведены имена живыхъ людей, то ради справедливости полезно узнать, какъ переживала описанныя событія другая сторона—самъ врачъ-притѣснитель. Въ изложеніе корреспондента я долженъ внести слѣдующія поправки.

Тишь, да гладь, да Божья благодать давно исчезли изъ нашихъ отношеній. Какая ужъ тамъ тишь!? Двурѣченская, по своему характеру доминировавшая надъ своими подругами, обладала, по ея собственному выраженію „большимъ самолюбіемъ“, вспышки котораго были у всѣхъ на виду. Обидѣть ее было страшно легко. Разъ исторія поднялась даже изъ-за того, что я въ простомъ разговорѣ вспомнилъ, какъ она отпустила больному изъ аптеки стлянку съ сигнатуркой, но безъ лѣкарства. Мнѣ уже было заявлено, что она не желаетъ служить со мною и уходитъ. Конечно, она нигуда не ушла, но шумъ былъ. Я уже такую узналъ Двурѣченскую.

¹⁾ Настоящее письмо, присланное намъ въ Мартъ, не могло появиться до сихъ поръ, за недостаткомъ мѣста.

Ред.

Я думалъ тогда, что ея озлобленность вызвана была ея недавнимъ переводомъ изъ одного участка въ другой въ Нолинскомъ уѣздѣ, по настоянію врача, который отказался служить съ ней, и устроилъ переводъ ея въ Уржумскій уѣздъ, предвидя постоянныя столкновения, но рѣшивъ перенести ихъ ради способности Двурѣченской аккуратно работать. Часто наши столкновения заканчивались словами Двурѣченской: „не все врачамъ измываться надъ нами—будетъ и на нашей улицѣ праздникъ“. Двурѣченскую поддерживали ея близкія подруги Шабалина и Шкляева. Въ общемъ, всѣ оны, съ одной стороны, а я—съ другой—находили, что мы предъявляемъ другъ другу слишкомъ большія требованія. Въ основѣ сильной обидчивости и повышенной раздражительности фельдшеровъ по отношенію къ врачамъ лежать не дурное чувство. И правда, нести громадный трудъ и въ то же время не имѣть никакой самостоятельности и зависѣть часто даже отъ настроенія врача—это для чуткой души можетъ стать неносимымъ. Къ сожалѣнію, новый законъ о фельдшерскихъ школахъ не улучшилъ положенія фельдшеровъ, а понизилъ ихъ образовательный цензъ.

9 мая 1902 года провинившаяся сидѣлка больницы, которой предостояло увольненіе, заявила, что уходитъ сама, и въ пріемной бросила мнѣ при Двурѣченской и Шабалиной обвиненіе въ сожигательствѣ съ ней. Фельдшерицы переполошились. Ихъ возмущеніе, которое я считалъ искреннимъ, было настолько велико, что Шабалина отказалась подать мнѣ руку. Какъ ни бывали обострены наши отношенія, эта демонстрація меня глубоко задѣла, и я, желая показать своимъ помощницамъ, что сидѣлкѣ, по крайней мѣрѣ, нечѣмъ доказать своей клеветы, вызвалъ ее въ судъ, а ихъ—свидѣтельницами. Когда обвиняемая высказалась, я дѣло прекратилъ, простивъ ее, потому что наказаніе ея мнѣ не было нужно. Однако, прекративъ дѣло въ казенномъ судѣ, я не замолчалъ его, а передалъ о немъ въ первомъ же засѣданіи нашего земско-медицинскаго совѣта, состоящаго изъ управы, врачей, провизора и трехъ гласныхъ по выбору земскаго собранія. Совѣтъ выразилъ мнѣ сочувствіе и уваженіе за всю мою преддущую дѣятельность въ уѣздѣ, по поводу же „инцидента“ выбралъ комиссію изъ двухъ врачей и двухъ не врачей, которой и поручилъ разобратъ въ этомъ дѣлѣ. Долго и подробно члены комиссіи вели свое разслѣдованіе и въ концѣ доложили совѣту, что у нихъ нѣтъ данныхъ обвинять меня и не довѣрять мнѣ. Тогда же былъ поднятъ вопросъ объ удаленіи моихъ помощницъ изъ Нартасской больницы, но я просилъ ихъ оставить. Я рассчитывалъ все-таки, что чувство правды въ нихъ одолѣетъ, а главное, ни въ какомъ случаѣ не желалъ, чтобы ихъ удаленіе походило на месть съ моей стороны. Дальше отношенія наши не улучшились. Стали появляться упущенія по службѣ. Да и понятно, что у моихъ

помощницъ-противницъ не было уже расположенія хорошо работать подъ моимъ начальствомъ при установившихся отношеніяхъ. Въ управу пошли отъ нихъ жалобы на меня, было нѣсколько анонимныхъ доносовъ, потомъ появились корреспонденці въ родѣ того, что я съѣлъ червяка изъ супа больного и т. д. Случай удаленія мною изъ амбулаторіи фельдшерицы Шабалиной переданъ тоже „своими словами“, т. е. я тогда же связалъ Шабалиной, что удовлетворенъ ея объясненіемъ и ссылкой на головную боль. Удалиться я попросилъ ее послѣ того, какъ она настойчиво продолжала спорить, затрудняя пріемъ больныхъ. Осенью прошлаго года мнѣ уже пришлось объяснять въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“, что постановленія земско-медицинскаго совѣта по поводу нашихъ ссоръ были сдѣланы согласно съ рѣшеніями земскаго собранія. На послѣднемъ земскомъ собраніи снова говорилось объ анонимномъ письмѣ уже на имя предсѣдателя собранія. На основаніи этого письма и еще какихъ-то необъясненныхъ причинъ г. предсѣдатель, одинъ изъ всего, земскаго собранія, отказался примкнуть къ выраженію мнѣ благодарности за мою дѣятельность. Конечно, это обстоятельство „обидѣтъ“, да еще „очень“ меня не могло. Но, правда, работать въ больницѣ, гдѣ трое помощниковъ постоянно съ тобой на военномъ положеніи, чувствовать вѣчно натянутыя отношенія, получать напоминанія о злобѣ и враждѣ посредствомъ билетенъ, анонимныхъ пасквилей и живыхъ корреспонденцій—все это истощило мое терпѣніе, и, послѣ *полтора лѣтъ* ожиданія, я рѣшилъ уйти изъ больницы и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Я дважды просилъ медицинскій совѣтъ уволить меня, но меня *единогласно* просили остаться, и я остался, такъ какъ Двурѣченская и Шкляева были переведены въ другіе пункты. Остальное читатели знаютъ; Дв. и Шкл. не пожелали быть переведенными и ушли совсѣмъ изъ уѣзда. Корреспондентъ, можетъ быть, и не подозреваетъ, сколько правды въ словахъ его письма: „теперь Селенкинъ можетъ быть спокоенъ“. Дѣйствительно, я снова получилъ способность работать съ энергіей, снова полюбилъ больныхъ и дѣло, снова почувствовалъ смыслъ въ своей ежедневной работѣ, тѣмъ болѣе, что съ прочимъ младшимъ персоналомъ нашей больницы и уѣзда у меня совсѣмъ хорошія товарищескія отношенія. Я высказался. Полагаю, что отъ дальнѣйшей полемики я воздержусь.

Влад. Селенкинъ.

1904. Мартъ.

Тридцатилѣтіе ходатайства о средней школѣ.

Изъ Нахичевани-на-Дону.

Тускло и вяло текла дореформенная городская жизнь въ Россіи. Оглядываясь на нее теперь, изъ сравнительно прекраснаго далека, приходится сказать, что общій ея колоритъ, въ особенности въ провинціи, не содержалъ въ себѣ ничего отраднаго, на чемъ можно было бы хоть немного отдохнуть. Даже крупные городскіе центры въ тѣ „добрыя старыя времена“ отличались отъ современныхъ Глуховыхъ и проч. городскихъ поселеній, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ нихъ больше проживало „начальства“. Виѣшній же ихъ обликъ и въ особенности внутренней укладъ былъ удивительно однообразенъ и безцвѣтенъ. Интересы обывателей были настолько сужены, что, кромѣ своихъ личныхъ и семейныхъ примитивныхъ потребностей, онъ не хотѣлъ ничего знать; впрочемъ, имъ и приказывалось „дальше своего носа не совать“.

Эпоха великихъ реформъ, сильно всколыхнувшая деревенское народное море, — въ городахъ особенной предпріимчивости и энергіи не пробудила. Лишь городская реформа 1870 г., призвавшая впервые городского обывателя къ самостоятельности, произвела огромный переворотъ въ застывшихъ узкихъ формахъ городского прозябанія. Все, что не успѣло окончательно заглохнуть и потерять интересъ съ дѣятельной общинной жизни, приободрилось и сплотилось вокругъ „думскихъ“ людей.

Къ этому же знаменательному моменту городской реформы слѣдуетъ отнести и начало различныхъ „оздоровительныхъ“ работъ во всѣхъ областяхъ городского хозяйства въ городѣ Нахичевани-на-Дону, въ то время очень видномъ на югѣ торговомъ центрѣ, служившемъ въ области торговли передаточнымъ звеномъ между Москвою и Нижнимъ Новгородомъ, съ одной стороны, и Донской областью, значительной частью Сѣвернаго Кавказа и большимъ райономъ Екатеринославской губ.—съ другой ¹⁾. Вскорѣ за введеніемъ въ Нахичевани городского положенія, городская дума учредила особую комиссію „для устройства учебной части“. Ближайшимъ толчкомъ для этого послужило заявленіе гласнаго Н. Морозова (отъ 21 Мая 1873 г.), который, указывая на крайне ненормальныя условія учебнаго дѣла въ Нахичевани, настойчиво рекомендовалъ думѣ на первыхъ порахъ открыть ремесленную и земледѣльческую школы. Означенная выше комиссія очень энергично приступила къ дѣлу и

¹⁾ Впослѣдствіи это торговое значеніе г. Нахичевани утрачено и оно перешло къ сосѣднему городу Ростову-на-Дону.

уже 11 декабря 1873 г. Нахичеванская городская дума, рассмотрѣвъ подробный доклад комиссіи, постановила возбудить ходатайство объ открытіи въ Нахичевани *реального училища* съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями и городского двухкласснаго съ ремесленнымъ отдѣленіемъ училища. Ходатайство было безотлагательно возбуждено, и послѣ незначительной переписки, попечитель одесскаго учебнаго округа, которому въ то время подлежалъ г. Нахичеванъ-на-Дону, сообщилъ городскому головѣ, что министръ народн. просвѣщ. д. т. с. графъ Д. А. Толстой въ предложеніи, отъ 27 Апрѣля 1874 г., увѣдомлялъ его, попечителя, что г. Нахичеванъ отстоитъ отъ г. Ростова, въ которомъ имѣется уже реальное училище, только на 3 версты, тогда какъ ближайшая гимназія находится въ Таганрогѣ, на разстояніи болѣе 70 вер. отъ Нахичевани, поэтому министръ народн. просвѣщ. полагалъ, что Нахичевани болѣе необходима классическая гимназія, о чемъ и предложилъ попечителю войти въ сношеніе съ нахичеванскимъ городскимъ управленіемъ. Городская дума, по разнымъ соображеніямъ, стояла на своемъ и дважды подтвердила свое первоначальное рѣшеніе. Въ іюніѣ 1875 г., городской голова получилъ увѣдомленіе отъ попечителя учебнаго округа, что министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть въ Нахичевани-на-Дону съ начала 1875—1876 учебнаго года шестиклассное реальное училище съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 15 мая 1872 г. устава и штатовъ реальныхъ училищъ, съ обращеніемъ всѣхъ расходовъ по содержанию училища на средства города. Что же касается желанія мѣстнаго общества ввести въ училищѣ преподаваніе армянскаго языка и армянскаго закона божія, то такое *можетъ быть введено* (курсивъ нашъ. А. Л.), если мѣстное общество дастъ для сего средства; но преподаватели этихъ предметовъ, какъ не положенные при реальныхъ училищахъ ни уставомъ, ни штатами сихъ заведеній, не могутъ пользоваться служебными правами и должны будутъ получать вознагражденіе въ видѣ платы по найму. Городская дума, на ряду съ принятіемъ мѣропріятій для приспособленія городского зданія подъ реальное училище, возбудила ходатайство о внесеніи армянскаго языка и закона божія армяно-грегоріанскаго исповѣданія въ штатъ проектируемаго нахичеванскаго реального училища порядкомъ законодательнымъ.

Городское населеніе, боясь, какъ бы вопросъ о реальномъ училищѣ, фактически уже разрѣшенномъ, не затянулся на неопредѣленное время, подало въ сентябрѣ 1875 г. за 161 подписью заявленіе, въ которомъ настойчиво просило безотлагательно открыть хотя бы 3 первыхъ класса; рекомендуя вмѣстѣ съ тѣмъ устранить тѣ обстоятельства, которыя мѣшаютъ этому. Въ этомъ заявленіи, между прочимъ, говорится, что въ

ростовское реальное училище дѣтей нахичеванцевъ совсѣмъ не принимаютъ вслѣдствіе того, что въ Нахичевани имѣется въ виду открыть свое реальное училище. Но городская дума не нашла возможнымъ отказаться отъ возбужденнаго уже ходатайства относительно преподаванія армянскаго языка и закона божія армяно-грегоріанскаго исповѣданія; для ускоренія же дѣла она командировала городского голову въ Петербургъ для личнаго передъ министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства по этому предмету. Министръ народнаго просвѣщенія на докладную записку городского головы отвѣтилъ черезъ попечителя одесскаго учебнаго округа, что пока училище не будетъ фактически открыто, онъ не находитъ возможнымъ входить въ обсужденіе возбужденнаго нахичеванскимъ городскимъ управленіемъ вопроса о предоставленіи правъ государственной службы преподавателямъ армянскаго языка и закона божія.

Въ дальнѣйшемъ нахичеванское городское управленіе не только не отказывается отъ своей первоначальной мысли дать своимъ дѣтямъ въ реальномъ училищѣ на ряду съ общимъ образованіемъ, согласно программамъ, и знанія въ родномъ языкѣ, а также релігіозное воспитаніе, но идетъ еще дальше. Въ 1878 году вновь избранный городской голова И. М. Аладхаловъ (врачъ) вошелъ къ попечителю одесскаго учебнаго округа съ обширной докладной запиской, въ которой, указывая, что зданіе для реальнаго училища уже готово и послѣднее могло бы быть открыто даже въ 1878—1879 учебномъ году, но для этого желательно разрѣшеніе какъ уже возбужденныхъ ранѣе вопросовъ о преподаваніи и преподавателяхъ армянскаго языка и закона божія, такъ и вновь возникшія, по мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ, предположенія городского общественнаго управленія. Эти послѣднія заключались въ слѣдующемъ. 1) „Такъ какъ въ реальное училище имѣютъ поступать дѣти армяны, недостаточно знакомыя съ русскимъ языкомъ, обстоятельство же это должно оказывать вредное вліяніе какъ на развитіе ихъ умственныхъ способностей, такъ и на успѣхи въ наукахъ, то было бы весьма полезно, чтобы въ первыхъ трехъ классахъ преподаваніе совершалось на армянскомъ языкѣ, при усиленныхъ занятіяхъ по русскому языку, дабы ученики, не затрудняясь въ приобрѣтеніи элементарныхъ познаній, усвоили бы русскій языкъ въ такой степени, чтобы были въ состояніи продолжать на немъ свое обученіе въ высшихъ классахъ. 2) Хотя по закону право избранія директора училища принадлежитъ обществу, но въ устраненіе какихъ либо по сему предмету недоразумѣній было бы желательно, чтобы, примѣнительно къ уставу Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, было оговорено, что директоръ училища долженъ быть изъ армянъ, имѣющихъ по закону право на занятіе этой должности, такъ какъ лицо, знающее армянскій

языкъ, и знакомое съ условіями той среды, къ которой принадлежать воспитанники, могъ бы съ большимъ успѣхомъ слѣдить за преподаваніемъ и оказывать полезное нравственное вліяніе на дѣтей“.

Министръ народнаго просвѣщенія ходатайство о преподаваніи всѣхъ предметовъ въ первыхъ трехъ классахъ училища на армянскомъ языкѣ нашелъ неподлежащимъ удовлетворенію, во первыхъ, потому, что при такихъ условіяхъ для дѣтей, не знающихъ армянскаго языка, положительно закрывается доступъ въ первые три класса училища, и, во-вторыхъ, потому, что преподаваніе всѣхъ предметовъ на армянскомъ языкѣ, хотя бы и при усиленныхъ занятіяхъ русскимъ языкомъ, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть совершенно противоположныя послѣдствія, и ученики, перешедшіе въ 4-й классъ, настолько отвыкнувъ отъ русскаго языка, что не будутъ въ состояніи успѣшно проходить на немъ свое обученіе въ высшихъ классахъ. Что касается директора, то министръ народнаго просвѣщенія соглашался, чтобы онъ былъ назначаемъ изъ армянъ, но отказалъ въ ходатайствѣ, чтобы директоръ былъ непременно армянинъ. Ходатайство нахичеванскаго городского управленія относительно служебныхъ правъ преподавателей армянскаго языка и закона божія также признавалось заслуживающимъ уваженія, но отъ городского управленія не получалось сообщенія объ открытіи училища, и дѣло все остановилось...

Въ составѣ нахичеванскаго городского управленія произошли въ это время перемѣны; во главѣ стали лица, которымъ были ближе интересы другого сорта, и вопросъ о среднемъ учебномъ заведеніи совершенно заглохъ. Обыватели города пытались будировать купеческую думу, съ большимъ трудомъ собиравшуюся въ очередныя собранія, но изъ этого ничего не вышло. Такъ дѣло стояло до 1893 г. Только 8 октября 1894 г., т. е. черезъ 20 лѣтъ послѣ первоначальнаго ходатайства объ открытіи въ Нахичевани учебнаго заведенія, этотъ вопросъ вновь всплылъ на очередь. Но теперь уже въ докладѣ городской управы по этому поводу рѣчь шла не о реальномъ училищѣ, а о классической гимназій, которую также предполагалось открыть всецѣло на городскія средства.

На этотъ разъ попечитель харьковскаго округа, въ вѣдѣніи котораго перешелъ Нахичевань, запросилъ у городского головы слѣдующія свѣдѣнія: 1) о городскихъ имуществахъ города Нахичевани и городскихъ доходахъ; 2) сколько городъ расходуетъ на содержаніе женской прогимназій; 3) сколько расходуетъ городъ на содержаніе ремесленнаго училища въ Нахичевани; 4) сколько и каковъ составъ населенія г. Нахичевани, и какія государственныя и общественныя учрежденія въ немъ находятся, и 5) въ какомъ разстояніи г. Нахичевань лежитъ отъ другихъ городовъ, имѣющихъ мужскія гимназій и прогимназій? Городская управа увѣдомила,

что 1) общая сумма всѣхъ городскихъ имуществъ превышаетъ $2\frac{1}{2}$ миллиона рублей (одной земли городъ имѣлъ до 20,000 дес.); 2) доходы города выражались въ приличной цифрѣ въ 270,828 р.; 3) на содержаніе гимназій ассигнуется до 10—12 тыс. руб. (платы за ученіе поступаетъ въ городскую кассу до 7 и болѣе тысячъ рублей; 4) на содержаніе ремесленного училища ассигнуется 6,000 руб.; 5) населенія въ городѣ около 25 тыс. чел., и проч.

Въ іюль 1894 г. нахичеванскій городской голова получилъ увѣдомленіе отъ войскового наказнаго атамана (Нахичевань въ 1887 г. былъ присоединенъ къ области войска Донскаго), что министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ, въ виду близости къ Нахичевани новочеркасской и ростовской мужскихъ гимназій, не находилъ никакой существенной потребности для армянскаго населенія г. Нахичевани имѣть свою собственную мужскую гимназію. При этомъ и графъ Деляновъ въ своемъ отзывѣ по этому поводу высказалъ свое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что нахичеванскому городскому управленію слѣдовало бы обратить суммы, ассигнованныя на гимназію, на устройство при ростовской мужской гимназій пансіона, въ которомъ могли бы воспитываться дѣти тѣхъ родителей изъ Нахичевани, которые не желали бы отрывать дѣтей отъ родной семьи. Мнѣнія этого нахичеванская городская дума не раздѣлила и пансіона при ростовской мужской гимназій не выстроила, такъ какъ вслѣдствіе лаконичности мнѣнія трудно было понять, какого рода пансіонъ предлагалъ устроить графъ Деляновъ. По нашему мнѣнію, мысль о пансіонѣ признать удачною ни въ какомъ случаѣ невозможно.

Пока шла безконечная переписка объ открытіи мужского учебнаго заведенія въ Нахичевани, ростъ города шель быстрыми шагами. Населеніе его за 20 лѣтъ возросло съ 15—18 тыс. до 30—32 тысячъ душъ, т. е. почти удвоилось. Потребность же въ средней школѣ, смѣло можно сказать, удесятирилась. Если въ 70-хъ годахъ дать своимъ дѣтямъ среднее образованіе стремились лишь наиболѣе состоятельные элементы нахичеванскаго общества, то въ 90-хъ годахъ это стремленіе охватило широкіе слои. Несмотря на дороговизну обученія въ другихъ городахъ ¹⁾, часто очень удаленныхъ отъ Нахичевани, въ половинѣ 90-хъ годовъ мы видимъ (по справкамъ, собранымъ городскою управою) дѣтей нахичеванцевъ въ гимназіяхъ: ростовской, таганрогской, новочеркасской, ставропольской, харьковской, екатеринодарской, московскихъ, маріупольской и др., всего до 200 человѣкъ. Число это далеко не точное и такихъ дѣтей, по нашему

¹⁾ Ежегодный расходъ на каждого ученика, обучающагося въ другомъ городѣ, достигаетъ отъ 300 до 400 руб. А. Л.

мѣнѣнію, значительно больше. Само собою, нахичеванское население способно выдѣлить вдвое большій контингентъ учениковъ для средняго учебнаго заведенія, а если принять во вниманіе прежнее переполненіе вездѣ и всюду среднихъ учебныхъ заведеній, то не могло быть ни на одну минуту сомнѣнія, что вновь открытая гимназія или реальное училище—безразлично,—было бы немедленно же заполнено.

Въ 1898 г. вопросъ о гимназій вновь, по заявленію жителей г. Нахичевани, дебатруется въ городской думѣ и вновь рѣшается въ положительномъ смыслѣ. На этотъ разъ городская дума соглашалась вносить въ городскія смѣты на содержаніе гимназій до 34,000 руб. по отдѣлу обязательныхъ расходовъ, при чемъ плату за право ученія предполагалось установить во всѣхъ классахъ не свыше 40 руб. въ годъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ городъ намѣревался построить специальное зданіе для проектируемой гимназій. Въ ходатайствѣ городского головы объ открытіи въ Нахичевани гимназій указывалось на многолѣтнее ожиданіе нахичеванскаго общества своей средней школы и на важное значеніе того обстоятельства, что дѣти, обучаясь въ своемъ городѣ, не будутъ лишены семейнаго воспитанія, не будутъ оторваны отъ родного крова и нормальныхъ условій вѣтшкольной жизни. Отмѣчалось также и то, что проектируемая гимназія будетъ обслуживать не только городъ Нахичевань, но и довольно большой районъ Донской области.

Полагая, что личное ходатайство передъ министромъ народнаго просвѣщенія можетъ ускорить разрѣшеніе открыть гимназію, городская дума, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ возбужденія ходатайства, по заявленію нѣсколькихъ гласныхъ думы, постановила командировать въ Петербургъ особую депутацію. Наряду съ этимъ городскою управою были собраны цифровыя данныя о числѣ учащихся нахичеванцевъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ городовъ, и таковыя свѣдѣнія были доставлены въ канцелярію войскового наказнаго атамана на ея запросъ отъ 4 сентября 1898 г. Кроме того, канцеляріи были доставлены еще слѣдующія свѣдѣнія: 1) изъ числа домовладѣльцевъ г. Нахичевани русскихъ значилось 1,179 и армянъ 1,674; 2) всѣхъ избирателей числилось 588, изъ коихъ русскихъ 122, и 3) соотношеніе числа учениковъ русскихъ и армянъ въ существующихъ учебныхъ заведеніяхъ, открытыхъ для тѣхъ и другихъ, таково: въ Еватерининской женской гимназій изъ общаго числа 514 ученицъ—188 русскихъ, 183 армянокъ, 135 іудейскаго исповѣданія и 13 иныхъ исповѣданій; въ городскомъ 4-хъ классномъ училищѣ изъ 267 учениковъ—190 русскихъ, 45 армянъ и 32 другихъ исповѣданій.

Жители города съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за судьбою ходатайства нахичеванскаго городского управления объ открытіи гимназій и

продолжали обращаться съ письменными заявленіями о возможно энергичныхъ дѣйствіяхъ въ этомъ насущномъ дѣлѣ. Въ февралѣ 1899 г. депутація отъ города Нахичевани побывала въ Харьковѣ у попечителя учебнаго округа, и въ Петербургѣ—у министра народнаго просвѣщенія. По справкамъ, наведеннымъ депутаціей, оказалось, что вопросъ о нахичеванской гимназіи въ принципѣ принятъ министерствомъ, но рѣшено открыть ее на общихъ основаніяхъ. Депутація въ докладной запискѣ, поданной министру народнаго просвѣщенія, настаивала на принятіи министерствомъ условій, выработанныхъ нахичеванской думой: армянскій языкъ и законъ божій армяно-грегоріанскаго вѣроисповѣданія должны быть введены въ программу гимназіи. При этомъ въ докладной запискѣ доказывалось, что во всѣхъ, безъ исключенія, учебныхъ заведеніяхъ гор. Нахичевани преподаваніе закона божія армяно-грегоріанскаго вѣроисповѣданія происходитъ на армянскомъ языкѣ, и выражалась надежда, что министерство народнаго просвѣщенія дастъ возможность армянскимъ дѣтямъ изучать на своемъ языкѣ молитвы и понимать церковное богослуженіе. Затѣмъ въ октябрѣ 1899 г. была подана докладная записка по вопросу о скорѣйшемъ разрѣшеніи гимназіи попечителю харьковскаго учебнаго округа въ бытность его въ Нахичевани, въ которой подчеркивалось крайнее переполненіе мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Ростова, и что проектируемая къ открытію въ Нахичевани мужская гимназія обслуживала бы и ростовское населеніе. Но ни поѣздка въ Петербургъ, ни пространныя докладныя записки попечителю округа не помогли дѣлу. Въ началѣ декабря 1899 г. нахичеванскій городской голова получалъ отъ попечителя харьковскаго округа слѣдующее отношеніе (приводимъ *in extenso*). „Вслѣдствіе отзыва харьковскаго окружнаго учебнаго начальства по вопросу объ открытіи въ г. Нахичевани мужской гимназіи, министр народнаго просвѣщенія, отъ 17 ноября 1899 г., уведомилъ, что, хотя въ названномъ городѣ въ настоящее время состоитъ 30,145 чел. жителей, обоаго пола, но около 28 тыс. изъ нихъ составляютъ мѣщане, крестьяне, казаки, солдаты, иностранцы, инородцы и проч.; затѣмъ большинство жителей г. Нахичевани состоитъ, по преимуществу, изъ лицъ, занимающихся торговлею и промышленными предпріятіями или ремеслами. Эти данныя показываютъ, что мѣстное населеніе нуждается не въ гимназическомъ образованіи, а въ профессиональномъ. Въ виду сего, не признавая возможнымъ открыть въ Нахичевани гимназію, его высокопревосходительство полагалъ бы болѣе цѣлесообразнымъ учрежденіе тамъ учебнаго заведенія какого-либо иного типа.“

Такой отвѣтъ совсѣмъ вырвалъ изъ-подъ ногъ нахичеванскихъ городскихъ дѣятелей твердую почву, и они не знали, слѣдуетъ ли имъ возоб-

новлять свои ходатайства о средней школѣ. Вопросъ объ открытіи „учебнаго заведенія какого-либо иного типа“ усложнялся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что городъ Нахичевань долженъ былъ по духовному завѣщанію Н. Н. Аджемова, на капиталы, оставленные имъ послѣ смерти, открыть профессиональное училище такого типа, какой найдетъ дума наиболѣе соответствующимъ по мѣстнымъ условіямъ. Создавать же два однородныхъ учебныхъ заведенія при существованіи въ Нахичевани ремесленной школы не представлялось также цѣлесообразнымъ. Кромѣ того, городу было завѣщано М. В. Поповымъ 100 тыс. руб. на открытіе также профессиональнаго училища. Все это, вмѣстѣ взятое, поставило нахичеванское городское управленіе въ тупикъ, и оно приостанавливается дальнѣйшимъ ходатайствомъ о гимназій и вообще о среднемъ учебномъ заведеніи.

Жизнь, выдвинувшая на очередь вопросъ о средней школѣ, между тѣмъ неумолчно требовала осуществленія его. Потребность въ среднеучебномъ заведеніи чувствовалась съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, но нахичеванцы, обезкураженные исходомъ своихъ двухъ послѣднихъ ходатайствъ о гимназій, предпочитали молчать и ждать какого-нибудь счастливаго случая. Такой случай представился въ концѣ 1900 года. 6 декабря 1900 года, въ день тезоименитства Государя Императора, нахичеванская городская дума имѣла экстренное засѣданіе, въ которомъ, послѣ молебствія по случаю полного выздоровленія Его Величества, городской голова обратился къ гласнымъ съ рѣчью по поводу этого радостнаго событія и предложилъ ознаменовать такое какое-либо общепользнымъ дѣломъ. Дума единодушно выразила желаніе учредить въ городѣ Нахичевани реальное училище имени Императора Николая II. Расходы по содержанію училища принималъ городъ на себя, но опять ставилъ непремѣннымъ условіемъ включеніе въ программу учебныхъ занятій преподаваніе для дѣтей армянъ закона божія армяно-грегоріанскаго исповѣданія во всѣхъ классахъ и армянскаго языка, какъ вспомогательнаго предмета при прохожденіи курса закона божія. Для училища построить специальное зданіе также обязывался городъ. О такомъ постановленіи городской думы городской голова просилъ войскового наказнаго атамана повергнуть на благовозрѣніе Его Императорскаго Величества. На всеподданнѣйшемъ по сему докладѣ Государю Императору благоудно было собственноручно начертать: „прочелъ съ удовольствіемъ“. Въ маѣ 1901 года было возбуждено ходатайство о реальномъ училищѣ.

Вскорѣ послѣ возбужденія этого ходатайства министерствомъ народнаго просвѣщенія предпринята была реформа средней школы, и уже видно было, что уставы существовавшихъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній во многомъ измѣнятся, да и самое подраздѣленіе учебныхъ заведеній на

гимназіи и реальныя училища едва ли будетъ сохранено. Въ виду этого нахичеванская городская дума сдѣлала дополнительное постановленіе о томъ, что она готова, при сохраненіи всѣхъ прочихъ основаній (закона божія и армянскаго языка и проч.), открыть на свои средства учебное заведеніе такого типа, какой будетъ установленъ въ законодательномъ порядкѣ.

Въ концѣ декабря 1901 года нахичеванская городская управа получила увѣдомленіе отъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, что министерство народнаго просвѣщенія признаетъ возможнымъ дать дальнѣйшее движеніе ходатайству нахичеванской думы о реальномъ училищѣ, но съ тѣмъ, чтобы плата за ученіе въ проектируемомъ училищѣ поступала въ спеціальныя средства послѣдняго; 2) чтобы законъ божій армяно-грегоріанскаго исповѣданія преподавался въ будущемъ училищѣ на русскомъ, а не армянскомъ языкѣ, и 3) чтобы армянскій языкъ, а именно, церковно-богослужебный, преподавался въ немъ, какъ вспомогательный предметъ при прохожденіи курса закона божія.

Городская дума, обсудивъ это увѣдомленіе въ январѣ 1902 г., постановила: во-первыхъ, плата за ученіе, не составляя собственности города, должна поступать въ кассу будущаго училища и всецѣло расходоваться на его содержаніе. Городское же управленіе г. Нахичевани принимаетъ на себя обязательство выдавать училищу ежегодно субсидію въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ не покроется годовое содержаніе училища его средствами. Остальныя условія дума оставила прежнія, т. е. не нашла возможнымъ принять условія, предложенныя министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Затѣмъ городской управой были собраны свѣдѣнія, преподается ли гдѣ-либо въ средне-учебныхъ заведеніяхъ законъ божій армяно-грегоріанскаго исповѣданія на армянскомъ языкѣ. Оказалось, что армянскій законъ божій на армянскомъ языкѣ преподается въ тифлискомъ реальномъ училищѣ, пятигорской мужской гимназіи и въ нѣкоторыхъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ кавказскаго и казанскаго учебныхъ округовъ. Да и въ самой Нахичевани законъ божій армяно-грегоріанскаго исповѣданія преподается на армянскомъ языкѣ для дѣтей армянъ въ женской Екатерининской гимназіи и во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, въ законѣ (ст. 1132 т. IX ч. I св. зак.) говорится, что всѣ вопросы, касающіеся чисто духовныхъ дѣлъ, къ коимъ, несомнѣнно, должно быть отнесено, по толкованію городской управы, и преподаваніе закона божія армяно-грегоріанскаго исповѣданія, разрѣшаются Эчмиадзинскимъ верховнымъ патріархомъ. Въ виду изложеннаго, городская дума сдѣлала постановленіе обратиться на Высочайшее имя за разрѣшеніемъ открыть въ Нахичевани реальное училище имени императора Николая II на основа-

нияхъ, выработанныхъ городской думою, но впоследствии отказалась отъ этой мысли и вновь вошла въ установленномъ порядкѣ съ ходатайствомъ, но уже не о реальномъ училищѣ, а о классической гимназiи, такъ какъ послѣдняя болѣе отвѣчала образовательнымъ нуждамъ мѣстнаго населенiя, т. е. рѣшила возобновить свое ходатайство 1898 года.

Попечитель харьковскаго учебнаго округа просилъ думу сдѣлать постановленiе, въ которомъ бы опредѣленно были изложены всѣ основанiя, на которыхъ признается возможнымъ и желательнымъ учрежденiе въ г. Нахичевани мужской гимназiи. Городская дума, въ засѣданiи 7 — 10 марта 1908 г., постановила слѣдующее. Въ виду того, что въ настоящее время городомъ расходуется на народное образованiе, безъ всякаго пособия отъ казны, 92,847 руб. (26% бюджета) и что принятiе всецѣло на счетъ города всѣхъ расходовъ по содержанию проектируемой къ открытiю въ Нахичевани мужской классической гимназiи, при всемъ крайнемъ желанiи, безъ чувствительнаго ущерба для другихъ важнѣйшихъ городскихъ нуждъ совершенно невозможно, уполномочила городского голову войти съ ходатайствомъ объ открытiи съ 1908—1904 учебнаго года мужской классической гимназiи на слѣдующихъ основанiяхъ: 1) городъ обязывается за свой счетъ выстроить или переустроить существующее зданiе, вполне приспособленное для нуждъ гимназiи; 2) плата за ученiе, составляя собственность гимназiи и поступаая въ кассу послѣдней, должна расходоваться всецѣло на ея содержанiе, дума же принимаетъ на себя обязательство отпустить на содержанiе гимназiи, въ качествѣ обязательнаго смѣтнаго расхода, какъ по штатному, такъ и дополнительному, сверхштатному содержанiю, въ той лишь суммѣ, какая не покроется собственными средствами гимназiи, съ присовокупленiемъ платы за уроки закона божiя армяно-грегорiанскаго исповѣданiя и армянскаго церковно-богослужебнаго языка; 3) въ видахъ желательности дать армянскому юношеству наряду съ научнымъ образованiемъ и религиозна-нравственное воспитанiе, законъ божiй армяно-грегорiанскаго исповѣданiя преподается на армянскомъ языкѣ и долженъ быть включенъ въ программу занятiй гимназiи, и 4) армянскiй языкъ преподается, какъ вспомогательный предметъ, при прохожденiи курса закона божiя.

Въ отвѣтъ на это постановленiе городской думы, сообщенное своевременно черезъ попечителя учебнаго округа министерству народнаго просвѣщенiя, въ концѣ iюня текущаго года получился такого рода отвѣтъ. Министерство находитъ возможнымъ дать дальнѣйшее движенiе ходатайству объ учрежденiи въ г. Нахичевани мужской гимназiи лишь въ томъ случаѣ, если городъ приметъ на свои средства не менѣе половины расходовъ по

содержанію гимназіи и притомъ съ тѣмъ, чтобы законъ божій армяно-грегоріанскаго исповѣданія преподавался на русскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ, министерство народнаго просвѣщенія не нашло возможнымъ согласиться на условія, выработанныя городскою думою. Между тѣмъ въ отношеніи того, чтобы гимназія содержалась на собственные средства, поступающія въ ея кассу въ видѣ платы за ученіе, съ дополнительной (неограниченной) субсидіей отъ города, едва ли было достаточно основаній министерству не соглашаться. Вѣдь, въ Нахичевани-на-Дону уже существуетъ на такихъ основаніяхъ женская гимназія и ни малѣйшихъ неудобствъ отъ этого не происходитъ, тѣмъ болѣе, что городъ обязывался обезпечить и мужскую гимназію собственнымъ зданіемъ. Кроме того, и Правительствующій Сенатъ въ дѣлѣ по жалобѣ екатеринославскаго городского головы на министра народнаго просвѣщенія за отказъ въ удовлетвореніи ходатайства Екатеринославской городской думы объ обращеніи въ доходъ города Екатеринослава сбора за ученіе въ 3-хъ классномъ городскомъ училищѣ не призналъ достаточнымъ ссылки, сдѣланной министромъ, на ст. 3153 уст. учеб. зав. (т. XI, ч. I Св. Зак. изд. 1893 г.), согласно коей суммы, собираемыя за ученіе въ городскихъ училищахъ, какъ спеціальныя средства таковыхъ, составляютъ ихъ собственность и расходуются въ опредѣленномъ законѣмъ порядкѣ. Сенатъ нашелъ необходимымъ войти въ разсмотрѣніе самаго существа ходатайства Екатеринославской городской думы въ связи со всѣми тѣми условіями, которыя были поставлены думою для открытія училища и содержанія его. Основываясь на изложенномъ, Пр. Сенатъ опредѣлилъ (27 марта 1902 г.) поручить министру народнаго просвѣщенія войти въ новое разсмотрѣніе настоящаго дѣла.

Въ данномъ случаѣ, сенатъ преподалъ министерству народнаго просвѣщенія указаніе въ томъ смыслѣ, чтобы послѣднее въ угоду буквѣ закона, а не смыслу, не стѣсняло просвѣтительныхъ стремленій городскихъ управленій. Въ самомъ дѣлѣ, какая разница: будутъ ли нужды, предусмотрѣнныя ст. 3153 уст. учеб. зав., покрываться изъ городскихъ средствъ или изъ спеціальныхъ средствъ училища; важно то, чтобы они были удовлетворены. Последнее, несомнѣнно, преслѣдовалось и законодателемъ при установленіи ст. 3153 уст. учеб. зав. Изложенныя выше соображенія безусловно могутъ быть примѣнены и къ гимназіямъ. Естественно поэтому изумленіе, почему министерство для сохраненія буквы закона готово нести даже расходы въ половинномъ размѣрѣ на проектируемую въ Нахичевани мужскую гимназію, но не согласно уважить ходатайство нахичеванской городской думы, согласной отпустить на содержаніе гимназіи больше, чѣмъ обусловливаетъ министерство.

Впрочемъ, въ этомъ не безынтересномъ дѣлѣ приходится многому изумляться...

Какъ отнесется нахичеванская городская дума къ послѣднему предложению министерства народнаго просвѣщенія, мы не знаемъ, такъ какъ оно не было рассмотрѣно еще думою, но несомнѣнно одно: пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ нахичеванцы будутъ имѣть свою мужскую гимназію. Между тѣмъ уже истекло *тридцать лѣтъ* со дня возбужденія ходатайства о средней школѣ въ Нахичевани-на-Дону.

А. Л.

Родныя картинки.

О войнѣ и переопѣнкѣ цѣнностей.—Какъ отразилась война на журналистахъ: 1) г. Столыпинъ, 2) Вас. Ив. Немировичъ-Данченкѣ. — Споръ кievскихъ врачей о врачахъ - военнооплѣнныхъ.—Споръ о воинской повинности и о привилегіи талантовъ.—Г. Василевскій и его Троянскій конь.—Мелочи.

Война, какъ говорятъ, родить героевъ. Но несомнѣнно, что она же родитъ и болтуновъ, и хвастунишекъ, и цѣлые сонмы бѣсноватыхъ патріотовъ, которые ничего, кромѣ лжи, въ своемъ распоряженіи не имѣютъ.

Бѣсноватый патріотъ— это прежде всего человѣкъ, который задыхается отъ собственнаго ничтожества. Самолюбіе у него— чудовищное, воображеніе— разнузданное, но такъ какъ силенки Господь Богъ ему не далъ, то поневолѣ онъ ограничивается тѣмъ, что носить свое ничтожество на-бекрень и похода вретъ: вретъ на коварныхъ враговъ, вретъ на возлюбленное отечество, вретъ на достаточныхъ согражданъ, вретъ, наконецъ, на самого себя. Отъ Герострата такой бѣсноватый патріотъ отличается только масштабомъ: не только храма, но и собачьей будки онъ, разумѣется, не сожжетъ, но зато, по первому требованію, можетъ предъявить такое нахальство, что и настоящій Геростратъ передъ нимъ спасуетъ.

По обстоятельствамъ времени и мѣста, это нахальство чаще всего направляется въ сторону добровольнаго сыска, такъ какъ именно здѣсь лганье и безстыдство могутъ развернуться въ ихъ натуральную величину.

Въ числу такихъ бѣсноватыхъ патріотовъ можно, съ полнымъ основаніемъ, отнести редактора „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ г. Столыпина, который не такъ давно обвинилъ въ государственной измѣнѣ не болѣе, не менѣе, какъ городъ Москву, заявивъ, что москвичи подписываются на японскій заемъ и такимъ образомъ снабжаютъ врага русскими деньгами.

Исторія совершенно умалчиваетъ, какимъ образомъ столь шальная

мысль могла засѣсть въ обѣдную голову г. Столыпина, но самъ онъ объясняетъ, что про московскую измѣну ему сообщилъ одинъ изъ знакомыхъ, человѣкъ пріятный во всѣхъ отношеніяхъ и заслуживающій безусловнаго довѣрія. Однако, когда москвичи подняли шумъ, а газеты потребовали у г. Столыпина объясненій, то получилось вѣчто, чрезвычайно смахивающее на карикатуру.

— Какъ фамилія вашего знакомаго, кто онъ?—допытывались газеты.

— Не могу сказать, это секретъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Извините, но это тоже секретъ.

— Мѣстожителство его?

— Это опять таки секретъ. Я могу сказать только, что мой знакомый уѣхалъ.

— Навсегда?

— Нѣтъ, онъ не замедлитъ возвратиться, и когда возвратится, я не замедлю испросить у него разрѣшеніе сослаться на него печатно, а онъ, какъ я думаю, не замедлитъ выразить на это свое согласіе, и тогда все дѣло не замедлитъ выясниться.

Короче говоря, г. Столыпинъ, задумавши произнести „слово и дѣло“, произнесъ только „слово“, а „дѣло“ обѣщавъ предъявить „впослѣдствіи времени“.

Но столь необдуманное раздѣленіе доноса на двѣ части, изъ коихъ одна явно бессмысленна, а другая даже не приобщена къ дѣлу, не могло, разумѣется, не вызвать негодованія со стороны знатоковъ этого ремесла, и не удивительно, что „Московскія Вѣдомостя“ не только признали г. Столыпина бездарностью, но на ряду съ тѣмъ потребовали надъ нимъ суда и слѣдствія, предоставивъ ему всего-на-всего двухнедѣльный срокъ для вызова свидѣтелей и подачи апелляціонной жалобы: дескать, ежели ты, клеветникъ и лжець, не разыщешь своего свидѣтеля и не представишь его намъ ровно черезъ двѣ недѣли отъ сего нижеписаннаго числа, то мы тебя, клеветника и лжеца, представимъ по начальству для примѣрнаго, въ назиданіе прочимъ, наказанія.

Съ тѣхъ поръ прошло уже больше двухъ недѣль, но мы такъ и не знаемъ, пріѣхалъ ли знакомый г. Столыпина и давалъ ли онъ свои свидѣтельскія показанія передъ трибуналомъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Не знаемъ точно также, какая участь постигла обвиняемаго, и далъ ли ему г. Грингутъ, по крайней мѣрѣ, снисхожденіе, какъ человѣку, дѣйствовавшему безъ полнаго разумѣнія и притомъ въ состояніи патріотической запальчивости и полицейскаго раздраженія. Притомъ же и по-

словаца говорить: „милые бранятся—только тѣшатся“. Такимъ образомъ, все, чего можно пожелать—это, чтобы „милые“ тѣшились, но возможности, соблюдая правила благопристойности, т. е. не употребляли словъ и, выражений, произнесение коихъ приравнивается закономъ къ публичному совершению безстыдныхъ дѣйствій. Въ особенности это можно было бы рекомендовать г. Грингмуту, который „тѣшится“ совершенно какъ пароходный боцманъ.

Но, не соглашаясь съ г. Грингмутомъ въ главномъ и не придавая междуусобной брани петербургскихъ и московскихъ доносителей серьезнаго общественнаго значенія, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не согласиться съ нимъ въ подробностяхъ и цѣликомъ присоединяемся къ его оцѣнкѣ г. Столыпина, какъ человѣка, въ доносительскомъ смыслѣ, бездарнаго. Признаться сказать, первоначально мы были на этотъ счетъ другого мнѣнія: мы полагали, что г. Столыпинъ, если и не гений, то всякомъ случаѣ доноситель среднихъ способностей, то, что называется „полезность“. Но теперь, послѣ „японскаго займа“, мы вынуждены измѣнить свое мнѣние и считаемъ г. Столыпина совершенной бездарностью. Правда, „доброе желаніе“ у него есть, есть и нѣкоторая игра воображенія, но сообразительности, но умѣнья облечь вранье въ правдоподобную форму—никакого! Однимъ словомъ, по своимъ примитивнымъ приемамъ, г. Столыпинъ напоминаетъ того чеховскаго мальчика въ коротенькихъ панталонцахъ, который подсматрѣлъ, какъ его гувернантка цѣлуется съ его братомъ—студентомъ и потомъ, сидя за обѣдомъ, загадочно смѣялся и говорилъ:

— А я знаю... Гы-гы! А я знаю, гы!

Разница только въ томъ, что г. Столыпинъ даже и не подсматрѣлъ ничего, но все-таки это не мѣшаетъ ему подмигивать въ сторону Москвы и говорить:

— А я знаю, гы!...

Нѣсколько въ другомъ родѣ повліяла война на Василія Ивановича Немировича-Данченку, который, въ качествѣ военнаго корреспондента, снабжаетъ газету „Русское Слово“ сенсационными извѣстіями.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко—старый военный корреспондентъ. Еще въ русско-турецкую войну онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе и заслужилъ даже георгіевскій крестъ за подвиги личной храбрости. Но наряду съ несомнѣнной талантливостью и настоящимъ художественнымъ чутьемъ, есть у этого человѣка одинъ крупный недостатокъ—онъ слишкомъ долго путешествовалъ по Испаніи. До такой степени долго, что теперь даже малыя дѣти говорятъ о немъ: „да, Василій Ивановичъ—милый, очаровательный человѣкъ, но—что вы хотите—онъ путешествовалъ по Испаніи“. Впрочемъ, эта испанская особенность Василія Ивановича дѣйствуетъ

на его читателей далеко не одинаково: лично я, наиримѣрь, не только не сержусь, читая повѣсть о томъ, какъ Василій Ивановичъ видѣлъ въ Мадридѣ голубую лошадь, но даже готовъ принять его подъ свою защиту: ну что, въ самомъ дѣлѣ, за важность, если человекъ и увидѣлъ одну-другую лошадь голубого цвѣта—вѣдь, не табунъ же такихъ лошадей онъ видѣлъ!

А зато послушайте-ка, какъ вамъ Василій Ивановичъ расскажетъ про эту лошадь, сколько остроумія, сколько блестящей граціи внесетъ онъ въ свое описаніе!

И, вѣдь, не только лошадь человекъ опишетъ, но за-одно ужъ посадитъ на ея голубую спину такую хорошенькую испанку, съ такой очаровательной ножкой, съ такими горячими, знойными глазами, что невольно залюбуешься и скажешь: „къ чорту лошадь! Пусть она будетъ даже малиноваго цвѣта, но лишь бы на ней ѣздили такія неподражаемыя испанки“!

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что далеко не на всѣхъ испанская особенность Василія Ивановича производитъ такое безобидное впечатлѣніе. Старикъ Салтыковъ, наиримѣрь, не выносившій лганья во всѣхъ его видахъ, терпѣть не могъ голубыхъ лошадей и сочинилъ даже извѣстный анекдотъ о томъ, какъ В. И. Немировичъ-Данченко съ адвокатомъ Балалайкинымъ на Бѣломъ озерѣ рыбу ловили: Балалайкинь поставилъ котелокъ, развелъ огонь, а Василій Ивановичъ вызвался насчетъ рыбки позаботиться: сѣлъ на бережку, поглядѣлъ на воду и какъ крикнуть: ісі!—рыба такъ въ котелокъ и запрыгала. И до тѣхъ поръ прыгала, пока Вас. Ив. не сказалъ: „довольно“!

Къ большому сожалѣнію, и на театрѣ военныхъ дѣйствій Василій Ивановичъ тоже поѣхалъ не одинъ, а въ сопровожденіи своего друга Балалайкина,—по крайней мѣрѣ, на эту мысль наводитъ слишкомъ ужъ испанскій колоритъ его корреспонденцій: о чемъ бы онъ ни говорилъ, какія бы извѣстія ни сообщалъ, но почти въ каждой его телеграммѣ, въ каждомъ письмѣ неизбѣжно торчитъ хвостъ голубой лошади. Такъ что въ концѣ концовъ получается впечатлѣніе крайняго легкомыслія и непозволительной развязности, точно предъ вами не милый Василій Ивановичъ, а Хлестаковъ, обѣвшійся сытинскаго лабардана. Взять хотя бы розказни Василія Ивановича о сраженіяхъ: послушать его, такъ наши казаки за одну пику сразу по три японскихъ солдата нанизываютъ, да еще свободной рукой табачокъ понюхиваютъ. Или разказы о конфискаціи китайскихъ дѣвицъ для потребностей японской арміи: японцы, оказывается, нагружаютъ этихъ дѣвицъ, какъ телятъ, на повозки, затѣмъ привозятъ въ свой лагерь вмѣстѣ съ прочимъ фуражомъ и говорятъ: „солдаты! вотъ вамъ рисъ, вотъ вамъ рыба, а вотъ и женское продовольствіе. Пейте, ѣшьте и веселитесь“!

И замѣчательно, что никто изъ прочихъ корреспондентовъ насчетъ женскаго продовольствія ничего не сообщаетъ—одинъ только Василій Ивановичъ все вызналъ, все разспросилъ и не только знаетъ подробности такого рода реквизицій, но освѣдомленъ и насчетъ цѣны, какая стоитъ на китайскихъ дѣвушекъ: продаютъ, молъ, по-стольку-то долларовъ за голову. Впрочемъ, насчетъ прекраснаго пола Василій Ивановичъ и вообще дьявольски освѣдомленъ, такъ что если бы японцы сдѣлали его своимъ интендангомъ по этой части, то женское продовольствіе было бы у нихъ поставлено блистательно. Даже въ осажденномъ Портъ-Артурѣ женская часть у Василя Ивановича какъ на ладони; по крайней мѣрѣ, въ своихъ корреспонденціяхъ онъ обстоятельно сообщалъ, какъ живутъ тамъ „эти дамы“, какимъ образомъ онѣ устроились и какъ добывали рекомендаціи, безъ которыхъ ихъ выселяютъ вонъ изъ города (одна „дама“, будто бы, сослалась на 50 человекъ мячановъ, которымъ она лично извѣстна). Очень можетъ быть, что цифра—50 нѣскольکو преувеличена, но такъ какъ Василій Ивановичъ, навѣрное, все это доводино знаетъ, то мы не будемъ спорить. Да и вообще насчетъ женскаго вопроса, и въ мирное, и въ военное время, мы безусловно признаемъ авторитетъ Василя Ивановича и можемъ пожалѣть только объ одномъ—что милѣйшій Василій Ивановичъ внесъ слишкомъ много испанскаго элемента въ свой рассказъ о конфискаціи китайскихъ дѣвушекъ: если бы этотъ анекдотъ онъ рассказалъ въ компаніи 50-ти мячановъ за бутылкой вина, то вышло бы и мило, и занимательно,—но, вѣдь, онъ сообщаетъ анекдоты по телеграфу, сообщаетъ не мячанамъ, а русскому обществу, всей Россіи! Какъ же тутъ не пожалѣть лишній разъ, что Василій Ивановичъ такъ долго путешествовалъ по Испаніи и такъ удачно ловилъ съ Балалайкинымъ рыбу?

Но еще больше приходится сожалѣть, что Василій Ивановичъ выходитъ, такъ сказать, за предѣлы своей компетенціи и, сообщая сенсационные анекдоты по женской части, въ то же время распускаетъ небывлицы о жестокостяхъ и даже звѣрствахъ японцевъ и объ ихъ неслыханныхъ издѣвательствахъ надъ нашими ранеными и убитыми воинами. Это уже не болтовня и даже не сплетня, а нѣчто похуже,—это клевета на цѣлый народъ, на всю его культуру. Въ русскихъ газетахъ была приведена цѣлая масса писемъ нашихъ офицеровъ и солдатъ, находящихся въ плѣну у японцевъ, и всѣ эти письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что японцы перевязываютъ русскихъ раненыхъ раньше, чѣмъ своихъ, что русскихъ плѣнныхъ отлично кормятъ (даже пекутъ для нихъ русской хлѣбъ), что плѣнные пользуются хорошими помѣщеніями, что имъ разрѣшено переписываться съ родными, что свѣдѣнія о нихъ сообщаются по первому запросу и что вообще никакихъ обидъ, притѣсненій и придиорокъ

имъ не чиняютъ. Такъ пишутъ сами плѣнные. А г. Немировичъ-Данченко пишетъ: убитыхъ рубятъ на куски и разбиваютъ камнями головы, раненыхъ рѣжутъ, какъ пѣтуховъ, надъ умирающими издѣваются. Вообще, звѣрства неслыханныя, чудовищныя, и я, Немировичъ, ни за что не повѣрилъ бы, что возможны такія злодѣяства, если бы все вышеизложенное не подтвердилъ мнѣ свидѣтель и очевидецъ японскихъ звѣрствъ, плѣнный солдатъ Яшка, который какимъ-то чудомъ убѣжалъ изъ-подъ японскаго ножа. Но испанскій характеръ корреспонденцій г. Немировича выступить еще ярче, если сопоставить ихъ съ извѣстными приказами главнокомандующаго манчжурской арміей, генералъ-адъютанта Куропаткина, который не только предписываетъ относиться съ уваженіемъ къ храброму врагу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ благосклонно бесѣдуетъ съ плѣнными японцами и оказываетъ имъ знаки высокаго вниманія. Спрашивается: съ какой стати главнокомандующій удостоивалъ бы личныхъ бесѣдъ тѣхъ самыхъ японцевъ, которые превзошли башибузуковъ, которые издѣваются надъ мертвыми и тиранятъ раненыхъ.

Очевидно, стало быть, что солдатъ Яшка или наплелъ Василию Ивановичу небылицъ, или этотъ Яшка попалъ въ плѣнъ не къ японцамъ, а къ хунгузамъ, но по сѣрости своей не разобралъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. И во всякомъ случаѣ ясно одно: что военачальники ничего о японскихъ звѣрствахъ не знаютъ, что никакихъ официальныхъ сообщеній на этотъ счетъ они не дѣлаютъ и никакихъ мѣръ не предпринимаютъ,—а знаетъ и сообщаетъ объ этихъ звѣрствахъ одинъ Немировичъ-Данченко. Но если такъ, то является и еще одинъ вопросъ: какимъ же образомъ милѣйшій Василій Ивановичъ распустилъ по свѣту такую нехорошую ложь? Вѣдь, всѣ мы знаемъ его и знаемъ, что это совсѣмъ не въ его характерѣ: онъ можетъ (и даже очень можетъ) сочинить что-нибудь легкое, испанское, можетъ рассказать анекдотъ, какъ въ Мадридѣ одна испанка влюбилась въ Немировича, а другая въ Данченку, и что изъ этого вышло,—но назлую ложь, на ложь, позорящую цѣлый народъ, онъ рѣшительно неспособенъ, потому что въ глубинѣ души это добрейшій и симпатичнѣйшій испанецъ. Какъ же, однако, это вышло? Да думается, вышло очень просто: облако легкомыслія, которое вѣчно стоитъ надъ головой Немировича-Данченки, могло, подъ вліяніемъ войны, сгуститься, могло измѣнить свой обыденный нѣжно-розовый цвѣтъ на свинцовый и разразиться, наконецъ, патріотическимъ ливнемъ во вкусѣ Алексѣя Суворина. Такая внезапность тѣмъ болѣе возможна, что у слабыхъ натуръ война очень часто ведетъ къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей и расшатываетъ міросозерцаніе до такой степени, что мирный, добрый человекъ, который прежде не раздавилъ бы и жука, вдругъ съ восхищеніемъ начинаетъ говорить, какъ на одну пичку:

надѣли три человѣческихъ тѣла и какъ трудно было потомъ эту пику вытащить.

Вотъ полюбуйтесь, напримѣръ, какой диспутъ ведутъ гг. кіевскіе врачи. Одинъ изъ нихъ, нѣкій г. Акопенко (да будетъ прославлено его имя!) напечаталъ въ газетѣ „Кіевлянинъ“ фельетонъ, въ которомъ обвиняетъ въ измѣнѣ отечеству русскаго врача, попавшаго въ плѣнъ къ японцамъ и согласившагося лѣчить не только своихъ, но и чужихъ раненныхъ. По мнѣнію господина Акопенки, на войнѣ не слѣдуетъ дѣлать никакого различія между пулей и врачомъ, такъ какъ и пуля, и врачъ одинаково должны служить интересамъ своей арміи и никакими другими цѣлями не задаваться. Не беремся судить, какимъ логическимъ путемъ дошелъ г. Акопенко до столь блистательнаго афоризма, но думаемъ все-таки, что разницу между врачомъ и пулей слѣдуетъ дѣлать хотя бы изъ простой вѣжливости, такъ какъ кому же неизвѣстна знаменитая поговорка: „пуля—дура“. А впрочемъ, если г. Акопенко непремѣнно желаетъ, чтобы соотечественники считали его „пулей“, то, съ своей стороны, мы никакихъ возраженій представить на это не можемъ и даже готовы признать такое желаніе вполне законнымъ...

О полемикѣ, какая возникла по поводу фельетона г. Акопенки, я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, и здѣсь могу лишь отмѣтить, что полемика эта не ограничилась предѣлами одного Кіева, а перешла и въ столичныя изданія, гдѣ точно такъ-же серьезно ставился вопросъ: слѣдуетъ ли считать измѣнникомъ плѣннаго врача, оказывающаго помощь раненымъ врагамъ?

Но газеты, какъ видно, забыли, что этотъ вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ еще въ средніе вѣка однимъ французскимъ докторомъ, котораго судили за то, что онъ подавалъ помощь раненымъ непріятелямъ. Вотъ что сказалъ этотъ замѣчательный врачъ своимъ судьямъ: „я не лѣчилъ ни враговъ, ни соотечественниковъ,—я лѣчилъ только раненныхъ“.

Какъ видите, уже одна возможность пересмотра столь элементарнаго вопроса и споръ на эту тему между *интеллигентными* людьми вполне определенно говорить за то, какъ губительно подѣйствовала война на психику достаточныхъ согражданъ, и какіе узоры расписываютъ они и будутъ еще расписывать впоследствии на кровавомъ фонѣ истребленія и смерти. Очевидно, стало быть, что огнемъ и мечомъ уничтожаются не только люди и не только труды человѣческихъ рукъ, но до нѣкоторой степени разрушаются и гаснутъ идеи, т. е. лучшее и благороднѣйшее достояніе человѣчества.

Вотъ и еще примѣръ. Въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ возникъ горячій споръ на тему о томъ, слѣдуетъ ли призывать на военную службу людей, выдающихся по своимъ дарованіямъ, или въ интересахъ отечества было бы полезнѣе ограничиться бездарностями и вообще „пу-

печнымъ мясомъ“. Если не ошибаемся, вопросъ этотъ возбудилъ въ „С.-Пет. Вѣд.“ г. Ворскій, который, подобно своему редактору г. Столыпину, считается человѣкомъ неожиданнаго образа мыслей. Но статья г. Ворскаго встрѣтила серьезный отпоръ со стороны фельетониста газеты „Русь“ г. Аббадонны. Какъ и всегда, г. Аббадонна говорить умно, просто и дѣльно: „Требованіе, чтобы талантливые не-военными дарованіями люди избавлялись отъ всеобщей воинской повинности, ставить вверхъ дномъ ея основную демократическую идею и слагаетъ въ обществѣ новый привилегированный классъ—аристократію „свободныхъ профессій“. Пусть это будетъ лучшая изъ аристократій, аристократія умственного и образовательнаго ценза, однако, все же—аристократія, все же—классъ, которому государство почему-то уступаетъ права на жизнь въ размѣрахъ, большихъ, чѣмъ другимъ классамъ, а защитительныя общегражданскія обязанности котораго льготно сокращаетъ. Это—призывъ къ обратному дробленію демократически собраннаго общества, къ созданію особой сверхъ-гражданской касты, очень гордо привилегированной. И кто же дастъ критерій къ организаціи подобной касты? Изъ какихъ элементовъ должна она сложиться? Толчокъ къ статьѣ г. Ворскаго далъ призывъ на дѣйствительную службу нѣсколькихъ оперныхъ пѣвцовъ и одного адвоката. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы устройство голосовыхъ связокъ могло служить достаточнымъ фундаментомъ для классификаціи людей: на обязанныхъ умирать за отечество по востребованію и на избавленныхъ отъ такой обязанности. Эта разница потерѣла крушеніе на многихъ фундаментахъ посолдидѣе, не поддержали ее ни цензъ происхожденія, ни цензъ капитала, ни цензъ образовательный,—нельзя, конечно, построить ее и на томъ условіи, что Ивановъ въ состояніи закричать верхнее до-дѣззъ и прополоскать горло фіоритурами, а Сидоровъ подобныхъ возможностей лишень и, слѣдовательно, долженъ итти подъ вражескія пули, покуда Ивановъ будетъ пѣть въ оперѣ на утѣшеніе сытой буржуазіи Петербурга и Москвы. „Я не подлежу всеобщей повинности потому, что хорошо пою арію Ленскаго передъ дуэлью“,—вотъ, собственно говоря, все логическое построеніе предложеннаго требованія“.

Но даже если оставить въ сторонѣ арію Ленскаго и выбрать примѣръ изъ какой угодно другой области, то и тогда принципъ долженъ стоять неизмѣнно, и нѣтъ такого человѣка, нѣтъ такого таланта, ради котораго можно было бы этотъ принципъ принести въ жертву. Вѣдь, военная повинность—это „подать крови“, и пока эта ужасная подать существуетъ, ее должны платить всѣ: и таланты, и гениі, и бездарности—безъ всякаго различія, потому что своя кровь одинаково дорога и Ивану Непомнящему, и Льву Толстому.

* * *

Въ вышшемъ году столичныя газеты уже два раза принимались спорить на тему о томъ, обязательна ли для молодого писателя литературная чистоплотность и не слѣдуетъ ли установить за правило, чтобы, въ интересахъ общества, всякій молодой писатель, прежде чѣмъ сдѣлаться старымъ, хоть нѣсколько разъ вывалялся въ грязи?

Въ первый разъ этотъ странный споръ окончился вполне благополучно: большинствомъ голосовъ, чистоплотность была признана желательной и подлежащей сохраненію на будущія времена, и лишь кое-кто изъ сотрудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ остался на этотъ счетъ при особомъ мнѣніи.

Но съ тѣхъ поръ прошелъ мѣсяць-другой, и споръ возгорѣлся съ новой силой, при чемъ застрѣльщикомъ опять-таки выступилъ сотрудникъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ г. Василевскій (Не-Буква). Мы сейчасъ увидимъ, ради какихъ соображеній г. Василевскій пропагандируетъ купанье въ грязи, а пока скажемъ только, что подъ этимъ купаньемъ принято разумѣть сотрудничество въ такихъ органахъ, какъ „Свѣтъ“, „Родина“, „Петерб. Газета“ и тому подобныхъ литературныхъ заведеній, гдѣ печатаются и краденые, и оригинальные романы во вкусѣ г. Гейнце, при чемъ нѣкоторый преферансъ все-таки отдается вещамъ краденымъ (редакція „Петерб. Газеты“, на примѣръ, считаетъ даже дурной примѣтой, если за цѣлый годъ на ея столбцахъ не появится ничего ворованнаго).

Вотъ въ эти-то заведенія, во главѣ которыхъ стоятъ литературные подрядчики, и совѣтуетъ идти молодымъ писателямъ г. Василевскій. И притомъ совѣтуетъ, конечно, ради блага публики и ради блага самихъ писателей. Упрекая литературную молодежь въ „возмутительномъ и уродливомъ аристократизмѣ“, въ силу котораго она лишится къ „привилегированнымъ“ журналамъ, г. Василевскій пишетъ:

„Сплошь и рядомъ стремятся они туда цѣною крупныхъ уступокъ своей индивидуальности, стремятся туда, вмѣсто того, чтобы пойти въ „Родину“ и „Свѣтъ“ и, завоевавъ ихъ огромную, многотысячную аудиторію и по-новому, по своему образцу передѣлавъ тотъ матеріалъ, который даютъ читателю-простецу эти архаическія изданія, отдать свое выстраданное и выношенное слово туда, гдѣ оно дѣйствительно цѣнно и нужно, вмѣсто заваливанія своими рукописями и безъ того переполненныхъ корзины и портфелей „толстыхъ“, „привилегированныхъ“ журналовъ“...

Такъ говоритъ г. Василевскій, скорбя о потерянномъ для молодыхъ писателей раѣ г. Комарова. Но предположимъ на одну минуту, что „зараженные возмутительнымъ и уродливымъ аристократизмомъ“, писатели пожелали бы раскаяться и всей гурьбой навалились бы на лоно г. Комарова, — спрашивается, на какихъ условіяхъ могъ бы состояться этотъ противоестественный союзъ, и что должны были бы сказать писатели

г. Комарову въ объясненіе своего нашествія? Думается, что если бы онъ пожелали сохранить хоть тѣнь искренности, то рѣчь ихъ была бы приблизительно такова:

— Многоуважаемый! Вы уже двадцать лѣтъ играете на своемъ патристическомъ барабанѣ, и это, наконецъ, всѣмъ надоѣло. Поэтому, мы отнынѣ рѣшили: барабанъ на вѣчныя времена упразднить, васъ самихъ зачислить по инфантеріи съ сохраненіемъ присвоеннаго отставнымъ чинамъ содержанія и, вмѣсто военныхъ маршевъ, ввести въ вашей газетѣ музыку исключительно симфоническую, которую вы, по своей сѣрости, понимать не можете. Итакъ, милостивый государь, позаботьтесь о прискаваніи себѣ подходящихъ занятій, а буде имѣете земельную собственность, то займитесь сельскимъ хозяйствомъ!

Не трудно предугадать, что, выслушавъ такую рѣчь, Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ немедленно же принялъ бы всѣ „зависація“ мѣры, и, можетъ быть, на другой же день въ газетѣ „Свѣтъ“ появилась бы сенсаціонная замѣтка: „Вчера въ квартиру нашего редактора-издателя ворвалось нѣсколько человѣкъ нигилистовъ, которые назвали себя „завоевателями чужихъ газетъ“ и пытались силою отнять принадлежащій г. Комарову барабанъ, предлагая въ обмѣнъ за оный какое-то свое „выстраданное и выношенное слово“.

„Всѣ нигилисты задержаны и препровождены въ полицейскій участокъ на предметъ установленія личности и надлежащаго по сему дѣлу дознанія“.

Что г. Комаровъ распорядился бы именно такимъ образомъ, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. И, повидимому, самъ г. Василевскій готовъ признаться, что далъ, нѣкоторымъ образомъ, маху, совету литературной молодежи заняться блокадой чужого барабана. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ своемъ фельетонѣ онъ уже не настаиваетъ на завоеваніи „Свѣта“, а рекомендуетъ подводить мины подъ „Родину“ и „Сѣверъ“, и кстати даетъ нѣсколько небезполезныхъ совѣтовъ на случай, если хозяева этихъ изданій пожелали бы „выставить“ прищельцевъ: надо, молъ, такъ потрафлять, чтобы не васъ выставили, а чтобы вы выставили, а для этого и слѣдуетъ соорудить троянскаго коня и такимъ образомъ обмануть бдительность хозяевъ.

„Сдѣлайте себя необходимыми тамъ— говоритъ онъ,— или распишитесь въ своей дряхлости, въ своемъ безсиліи и худосочіи... Идите готовые къ борьбѣ, закаленные для нея! Идите не отдѣльными единицами, а организованными, правильными колоннами—исцѣлѣхъ за вами. Нетронутая многотысячная аудиторія, чуткая и отзывчивая, останется за вами, а не за безграмотными авторами quasi-народныхъ произведеній!.. Вѣдь, даже не въ челоѣконенавистнической „Свѣтъ“ и не въ „Дружескія Рѣчи“, гдѣ ни къ чему невозможно

прикоснуться изъ чисто физической брезгливости, предстоитъ вамъ итти: предъ вами безцвѣтныя, безъидейныя писанія „Родина“ и „Съвер“... Предъ вами неспаханныя, невоздѣланныя, заросшія чертополохомъ, дѣвственныя поля!..

— Но, вѣдь, передовые журналы...

— Работайте и тамъ, но не забывайте же и другого, главнаго читателя! Передовые журналы идутъ исключительно къ единицамъ и минуютъ десятки тысячъ. Передовые журналы ограничены въ числѣ. Они въ большинствѣ застыли на точкѣ замерзанія. Они не въ силахъ разбудить и привлечь къ себѣ новаго читателя. Они убѣждаютъ свою старую, количественно ограниченную и давнымъ давно уже во всемъ убѣжденную аудиторию.

— Наконецъ, „Родина“ и „Съвер“...

— Недостаточно „аристократичны“? Но, вѣдь, не на балъ, не на праздникъ идете вы! Вы идете на работу къ своему большому, великому дѣлу, къ наковальнѣ своей, наковальнѣ гордаго, гнѣвнаго слова. Долой съ рукъ „аристократическія“ бѣлыя лайковыя перчатки, разъ вы беретесь за гигантскій молотъ кузнеца искренней идеи! Вы идете къ своему читателю, честныя мозолистыя руки котораго не знаютъ, никогда не знали лайки“.

Мы съенъ сожалѣемъ, что въ нашемъ распоряженіи не имѣется никакой „наковальни“, чтобы достойнымъ образомъ привѣтствовать въ лицѣ г. Василевскаго „кузнеца искренней идеи“.

Поэтому, мы будемъ говорить, какъ Богъ на душу положитъ, и прежде всего замѣтимъ, что г. Василевскій выковалъ на своей наковальнѣ не только „гордое“ и не только „гнѣвное“ слово, но и цѣлую массу неумныхъ словъ (напримѣръ, его афоризмы о безсиліи журналовъ и неспособности ихъ привлечь новаго читателя). Но такъ какъ эти „гордо-пустыя“ и „гнѣвно-порожня“ слова могутъ быть опровергнуты простой справкой въ почтамтѣ, гдѣ знаютъ, какъ растеть тиражъ журналовъ, то мы и не будемъ на нихъ останавливаться, а перейдемъ прямо къ существу дѣла, т. е. къ основной идеѣ г. Василевскаго о необходимости утилизировать „невоздѣланныя поля“ уличной литературы. Предположимъ, что г. Василевскій, въ качествѣ кузнеца искренней идеи, захотѣлъ бы поставить свою наковальню въ какомъ-нибудь кабацкомъ листкѣ, гдѣ махровымъ цвѣтомъ цвѣтетъ шантажъ, плагиатъ и прочія прелести, приличествующія улицѣ и кабаку, — спрашивается, въ какомъ положеніи очутилась бы наковальня г. Василевскаго, а главное, въ какое положеніе попали бы тѣ „чуткіе“ и „отзывчивые“ читатели, ради которыхъ г. Василевскій хлопочеть? Вѣдь, практически это вышло бы такъ: г. Василевскій выковалъ.

положимъ, „гордое“ слово, а его сосѣдъ по редакціи, у котораго тоже есть своя наковальня, выковалъ продажное слово; г. Василевскій выковалъ „гнѣвное“ слово, а другой сосѣдъ выковалъ подлое слово; г. Василевскій выковалъ „свободное“ слово, а третій сосѣдъ выковалъ краденое слово.

Ясное дѣло, что „чуткая“ аудиторія пришла бы въ полное недоумѣніе: что, молъ, за диковинка такая: одинъ сотрудникъ про гордость говорить, а другой сукна на панталоны нахально требуетъ. Да и самъ г. Василевскій, въ качествѣ „кузнеца искренней идеи“, чувствовалъ бы себя, надо полагать, не совсѣмъ ладно, имѣя одесную „гигантскаго молота“—шантажиста, а ошую—плагиатора. Вѣдь, согласитесь, что положеніе и въ самомъ дѣлѣ не изъ пріятныхъ: вы куете, предположимъ, „искреннюю идею“, а въ это время сосѣда вашего ведутъ въ арестантскія роты!..

Хотя всѣ основныя положенія г. Василевскаго сильно отдають приготовительнымъ классомъ, но тѣмъ не менѣе назидательныя „совѣты“, которые онъ преподавалъ молодымъ писателямъ, вызвали ожесточенную полемику и цѣлый рядъ статей со стороны его colleg'ъ по „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“: одни съ г. Василевскимъ соглашались, другіе спорили, и вообще въ газетѣ г. Столыпина устроился, такъ сказать, домашній спектакль, въ которомъ принимали участіе не только свои „таланты“, но и гастролеры.

Изъ гастролеровъ, между прочимъ, выступалъ г. Фаресовъ, о которомъ я уже имѣлъ честь говорить въ прошломъ мѣсяцѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Фаресовъ пришелъ съ „грамофономъ“ и немедленно же сообщилъ почтеннѣйшей публикѣ, какого мнѣнія по возбужденному вопросу придерживаются литературные покойники.

„Когда въ присутствіи Н. С. Лѣскова,—такъ началъ рапортовать г. Фаресовъ,—возникалъ среди его гостей разговоръ объ участіи Лѣскова въ „Русской Мысли“ и въ „Новомъ Времени“, онъ спокойно замѣчалъ:

— Экая важность, подумаешь, что я пишу въ „Русской Мысли“ и въ „Новомъ Времени“! Я не перешелъ въ „Новое Время“, а пошелъ. Пошелъ подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ на борьбу съ произволомъ и тьмой, не хвастаясь направлениемъ и оберегая исключительно интересы общества. Чего еще нужно отъ меня! Я считаю скорѣе недостаткомъ нѣсколько аскетическія черты моей натуры, такъ какъ мало способенъ жить въ міру, идя съ людьми попутно... А многіе уважаемые люди, не хуже меня по нравственнымъ качествамъ, спокойно ходятъ даже къ врагамъ, оставаясь вездѣ самими собою и черезъ нихъ дѣлая добрыя дѣла. На злое дѣло они не пойдутъ къ нимъ и сейчасъ же бросятъ ихъ, а попутно, пока дороги не разошлись, они могутъ жечь вмѣстѣ... Такъ можно ѣхать съ ними до Москвы, а тамъ мы поѣдемъ порознь. Надо только,

чтобы къ вамъ не пристало отъ дурныхъ людей дурное, а ѣхать съ ними попутно можно. Я это понимаю, но самъ къ этому всегда былъ мало способенъ. Во мнѣ много нетерпимости, и я въ дорогѣ же разругаюсь съ моими попутчиками. Съ радикалами 60-хъ годовъ я разошелся при первомъ разногласіи, съ катковцами также, съ моими „архіереями“ и „редтокистами“ тоже не долго ладилъ, Л. Н. Толстого люблю, а толстовцевъ— нѣтъ. Всегда я былъ болѣе прямолинеенъ, чѣмъ желалъ бы...

„Конечно, Лѣсковъ очень уважалъ писателей строго опредѣленнаго типа и всегда восторгался ими, когда ихъ направленіе было одухотворено живымъ дѣломъ и обосновано резонно. Но онъ рѣзко отзывался о „чисто-плюяхъ въ литературѣ“, гордящихся своимъ направленствомъ и не имѣющихъ ни одного крупнаго литературнаго произведенія.

— „Какъ только восторжествуетъ ихъ направленіе, восклицалъ онъ, такъ эти „чистоплюи“ первые пожалѣютъ объ усвоеніи обществомъ ихъ идеаловъ и невозможности болѣе играть первую скрипку... Имъ нисколько не дорого живое дѣло, а занимаетъ всего болѣе собственная репутація“.

Какъ можетъ судить читатель, г. Фаресовъ и на этотъ разъ, конечно, воспроизводитъ рѣчи Лѣскова *слово въ слово*, какъ настоящій граммофонъ, и на этотъ разъ лѣсковскія рѣчи можно понимать и такъ, и этакъ (восторгался писателями опредѣленнаго направленія и ничего не имѣлъ противъ работы въ „Новомъ Времени“). Но, видно, таковы ужъ свойства фаресовскаго граммофона, что на каждый вопросъ онъ отвѣчаетъ и „да“, и „нѣтъ“.

Однако, граммофонъ граммофономъ, а сотрудничество Лѣскова въ „Новомъ Времени“ все таки ровно ничего не объясняетъ и не доказываетъ: вѣдь, и г. Меньшиковъ тоже заявлялъ, что онъ не „перешелъ“, а „пошелъ“ въ „Новое Время“, и тоже, разумѣется, пошелъ, имѣя въ виду „исключительно интересы общества“.

* * *

Среди какихъ условій приходится работать газетамъ, издающимся на Дальнемъ Востокѣ, показываетъ слѣдующая замѣтка „Никольско-Уссур. Листка“:

„Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ нашей газеты былъ помѣщенъ фельетонъ „Прискатели“, подавшій поводъ нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ обывателей считать себя „пропечатанными“, а стало быть, и „оскорбленными“. Наиболѣе воинственные представители затронутой „корпораціи“ грозятъ редакціи кулачной расправой, въ виду чего редакція „Ник.-Уссур. Лист.“, поставивъ мѣстную власть въ извѣстность о воинственныхъ замыслахъ воинствующихъ обывателей, считаетъ своею обязанностью преду-

предить послѣднихъ, что первая же попытка съ ихъ стороны свести личные счета на кулачной почвѣ ввести въ таковыя самый рѣшительный факторъ самообороны—револьверъ“.

А вотъ и еще двѣ замѣтки изъ „Вост. Вѣстн.“. „Легендарный городской Харихардинъ—1 уч., похваляющійся тѣмъ, что, не взирая на всѣ „Восточные Вѣстники“ міра, онъ все-таки будетъ всѣмъ „бить морды“, держать свое слово. 8 мая онъ опять искровянилъ на Мальцевской улицѣ двухъ китайцевъ... и опять-таки по физиономіи. Прямо несчастная страсть, хоть бы онъ часть тѣла перемѣнилъ!! Дѣло передано мировому судѣ“.

Въ другой замѣткѣ:

„На всѣхъ не угодить“. Ни въ однихъ шантанахъ „Восточный Вѣстникъ“ не нравится, даже и въ серьезной шайкѣ „Фрица“ имъ тоже недовольны. Редакторъ получаетъ уже дружескіе совѣты остерегаться не только на улицахъ, но даже и у себя дома.

„Сердятся на насъ, говорятъ, и въ городской управѣ, а все же живемъ...“

Угрозы, револьверъ, безостановочное „битие морды“ и снова угрозы—такова атмосфера газетнаго труда на Дальнемъ Востока... А вотъ обстановка редакціоннаго труда:

„Входная дверь скрипнула,—рисуетъ картину „Вост. Об.“.—Вошелъ тщедушный метранпажъ съ неизмѣнной трубкой во рту, продымившей, какъ говорятъ въ редакціи, „всю индивидуальность“, а равнымъ образомъ, бороду, усы и даже ту книгу, въ которой ведется менторомъ счетъ набраннымъ за день газетнымъ статьямъ...“

— Ну что?—вяло и серьезно спрашиваетъ редакторъ вошедшаго.

— Да ничего, — отвѣчаетъ тотъ и, поправляя очки, кладетъ книгу на столъ...

— Много у насъ убитыхъ?—продолжаетъ прежнимъ тономъ редакторъ.

— Да есть малость... Время военное. Безъ этого не обойдется...

„Метранпажъ разворачиваетъ корректурные отгасы и начинаетъ ихъ перелистывать, указывая пальцемъ на гранки набора, которыя перечеркнуты красными чернилами крестъ-на-крестъ...“

— Убить фельетонъ... легко ранена передовая статья... тяжело—заграничныя извѣстія... Взято въ плѣнъ три съ четвертью колонки „Благонамѣренныхъ размышлений Кукушкина“, и безъ вѣсти пропала корреспонденція изъ Харбина...

„Это „донесеніе“ заставило редактора улыбнуться...“

— Итого—убыло четырнадцать колонокъ,—между тѣмъ, невозмутимо продолжаетъ начатый подсчетъ менторъ.

— Съ чѣмъ же впередъ-то двинемся?—глухо спрашиваетъ редакторъ.

„Метранпажъ опять началъ перелистывать корректурные оттиски...

— Надо открыть мобилизацію... Въ заграничной хроникѣ есть строкъ семьдесятъ запасныхъ... Фельетонъ „О проглоченномъ языкѣ“ „переформировали“... теперь прошелъ... Да еще въ ополченіи есть три замятки „смѣсь“—никудышная. Есть корреспонденція изъ Иркутска, — маленькая.

— Пожалуй, и будетъ?—освѣдомился, глядя на собесѣдника, редакторъ...

„Метранпажъ подумалъ немного...

— Будетъ не будетъ, а номеръ верстать надо, — со вздохомъ сказалъ онъ.

* * *

„Въ Саратовской духовной семинаріи начались экзамены какъ устные, такъ и письменные. Между прочимъ, въ третьемъ классѣ по логикѣ воспитанники писали сочиненіе на слѣдующую тему: „Опредѣлить и оправдать логическую связь между восклицаніемъ“: „Нѣтъ, не легко скрыть безнравственность!“ и отвѣтомъ на него: „Вѣдь, все великое не легко“. Въ четвертомъ классѣ были предложены темы: 1) „Въ какой мѣрѣ справедливо изреченіе одного мыслителя, что умъ часто одурачивается сердцемъ, и не можетъ ли это изреченіе быть понято обратно?“ 2) „Справедливо ли выраженіе общаго смысла—„умъ заходитъ за разумъ“, и въ какой мѣрѣ это справедливо?“ („С. Д.“).

Очевидно, что выраженіе „умъ заходитъ за разумъ“ справедливо въ полной мѣрѣ, въ особенности для преподавателей Саратовской семинаріи.

* * *

„Кіевл.“ передаетъ о слѣдующемъ печальномъ случаѣ, происшедшемъ 11 іюня въ зданіи Кіевской духовной семинаріи. Въ 1 часъ дня воспитанникъ одного изъ послѣднихъ классовъ, сынъ священника, Іоакимъ Ясинскій, 21 года, по выходѣ изъ церкви встрѣтился въ коридорѣ съ инспекторомъ семинаріи іеромонахомъ Арсеніемъ и выстрѣлилъ въ него двараза изъ револьвера. О. Арсеній во-время спрятался за колонну и пули не попали въ него. Затѣмъ Ясинскій произвелъ себѣ въ голову два выстрѣла и пытался еще выстрѣлить, но одинъ изъ преподавателей, Чеховскій, обезоружилъ Ясинскаго. Послѣдній былъ весь въ крови, которая текла изъ двухъ ранъ. Какъ оказалось, одна пуля, попавъ въ скулу, вышла черезъ носъ, а другая засѣла въ надкостницѣ праваго виска. Немедленно прибылъ на мѣсто происшествія врачъ скорой помощи, который, послѣ сдѣланныхъ ему перевязокъ, отвезъ раненаго въ Александровскую больницу. Положеніе раненаго серьезное. Однимъ изъ поводовъ, вызвавшихъ Ясинскаго на этотъ поступокъ, пови-

дному, является то, что во время послѣднихъ экзаменовъ онъ получилъ три *перезкзаменовки*“.

* * *

Американскія газеты указываютъ на слѣдующій фактъ. Знаменитому русскому ученому Д. И. Менделѣеву было послано приглашеніе прочитать нѣсколько лекцій на выставкѣ въ Сентъ-Луи за гонораръ въ 5.000 долларовъ. Д. И. Менделѣевъ отвѣтилъ, что онъ болѣетъ глазами и принужденъ подвергнуться операціи, а потому отвѣтъ свой отлагаетъ. Теперь въ Америкѣ получился отъ него такого рода отвѣтъ: „я перенесъ операцію и, вернувъ себѣ зрѣніе, ясно увидѣлъ, что не мѣсто мнѣ, какъ русскому, ни за какую цѣну находиться среди американцевъ, выражающихъ свои симпатіи желтымъ“!

* * *

Какую репутацію завоевываетъ себѣ въ провинціи „Новое Время“, можно судить по слѣдующему инциденту, рассказанному елисаветградскимъ корреспондентомъ „С.-Пет. Вѣд.“.

„Интересный въ общественномъ отношеніи вопросъ разсматривался въ состоявшемся на-дняхъ общемъ собраніи членовъ общественной бібліотеки. Членъ дирекціи И. И. Макѣевъ заявилъ, что всѣ выписываемые бібліотечкой журналы и газеты—совсѣмъ не русскія изданія, такъ какъ они относятся къ инородцамъ или сочувственно, или безразлично. Единственныя же истинно-русскія газеты—„Новое Время“ и „Знамя“, всюду и вездѣ проводящія „истинное русское направленіе“, бібліотечкой не выписываются. Въ интересахъ справедливости г. Макѣевъ предложилъ дирекціи выписать для читальни хотя бы одну истинно-русскую газету „Новое Время“. Дирекція отклонила предложеніе г. Макѣева. Это произвело на него „крайне угнетающее впечатлѣніе“, и онъ перенесъ дѣло въ общее собраніе, представивъ особое мнѣніе, въ которомъ жалуется на то, что его „невинное желаніе, какъ русскаго человѣка“, не встрѣтило сочувствія со стороны дирекціи. Послѣдняя, въ свою очередь, представила собранію мотивированное заключеніе, въ которомъ указываетъ на то, что „Новое Время“ въ послѣднія 10—15 лѣтъ исключительно мѣшало развиваться русской жизни въ ея лучшихъ мирныхъ направленіяхъ. Эта газета не разъ роняла достоинство печатнаго органа въ послѣдовательной и жестокой травлѣ однихъ русскихъ противъ другихъ за ихъ вѣру, убѣжденія, племенное происхожденіе, языкъ, классовое различіе и пр. При настоящемъ своемъ изданіи „Новое Время“ значительно отстугаетъ отъ задачъ общественной бібліотеки, которая, какъ и всегда, хочетъ путемъ мирнымъ и культурнымъ, если не совсѣмъ сгладить, то хотя бы уменьшить общественную,

національную и племенную рознь, такъ сильно популярную у насъ вообще и въ нашемъ городѣ въ особенности. Кромѣ того, сознательнаго, живого интереса „Новое Время“ не возбудило въ средѣ нашихъ читателей, такъ какъ голосъ „особаго мнѣнія“ г. Макѣва—пока единичный и идетъ въ разрѣзъ съ общимъ желаніемъ нашихъ подписчиковъ, о чемъ свидѣлствуютъ два заявленія, подписанныя многими членами, тоже настоящими русскими людьми“. Въ заключеніе г. Макѣвъ объявилъ, что онъ оставляетъ собраніе и слагаетъ съ себя званіе члена бібліотеки.

„Собраніе приняло уходъ г. Макѣва изъ состава общества и единогласно выразило сожалѣніе по поводу неумѣстныхъ выраженій, къ которымъ прибѣгъ г. Макѣвъ для осуществленія своего „невиннаго желанія“. Дѣйствія же дирекціи и мотивированное мнѣніе ея также единогласно были одобрены собраніемъ“.

Замѣтьте, что въ Елисаветградѣ нѣтъ своей газеты (изданіе г. Липидуса не можетъ итти въ счетъ), — въ тѣхъ же городахъ, гдѣ пресса сколько-нибудь развита, „Новое Время“ получаетъ такіе комплименты ежедневно.

* * *

Издающаяся въ Одессѣ газета „Южное Обзорѣніе“ даетъ слѣдующій образчикъ адвокатскаго поведенія на судѣ.

„Въ окружномъ судѣ привлекался къ отвѣтственности за открытое похищеніе кошелька 19-лѣтній парнишка Моисей Ройсбургъ. Дѣло это, по своимъ обстоятельствамъ весьма заурядное, приобрѣло, однако, интересъ, благодаря оригинальному способу защиты, къ которому прибѣгъ прис. пов. Сциборъ-Мархоцкій, назначенный подсудимому въ защитники отъ суда. Г. Сциборъ-Мархоцкій находилъ, что его кліентъ совершилъ преступленіе ужасное, и что его право на снисхожденіе заключается, главнымъ образомъ, лишь въ томъ, что онъ еврей. Евреи, вообще, отличаются отъ остальныхъ людей и по условіямъ своей жизни и по принципамъ, которые выработала эта жизнь. Поэтому всякія средства, направленные къ достиженію какихъ-либо выгодъ, съ ихъ точки зрѣнія, не считаются безнравственными. Кто его знаетъ, какіе перлы краснорѣчія пришлось бы еще выслушать въ дальнѣйшей рѣчи этого „защитника“, но его въ концѣ концовъ остановилъ предсѣдательствующій на судѣ членъ окружнаго суда С. И. Андросовъ, заявивъ, что онъ не позволитъ ему набрасывать тѣнь на цѣлую націю.“

„Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей Ройсбургъ признанъ виновнымъ

безусловно, въ виду чего судъ, какъ несовершеннолѣтняго, приговорилъ его къ тюремному заключенію на 2 года и 9 мѣсяцевъ.“

* *
*

„Вол.“ приводитъ яркую иллюстрацію дивныхъ нравовъ провинціи, переданную мѣстнымъ учителемъ городского 4-класснаго училища, г. Мартынокомъ. Въ селѣ Харьковцахъ, Остропольской волости, недавно найденъ былъ мертвый мледенецъ; такъ какъ преступницу-мать трудно было найти, то мѣстный полицейскій урядникъ распорядился согнать всѣхъ дѣвушекъ села въ участокъ и, съ помощью бабы-„повитухи“, лично производилъ осмотръ. Для этой цѣли каждая изъ дѣвушекъ должна была раздѣваться до нага и тутъ же изслѣдовалось, даетъ ли грудь дѣвушки молоко. Нужно отдать справедливость „мудрому полисмену“, такимъ путемъ удалось обнаружить преступницу.

* *
*

Въ началѣ нынѣшней весны газеты много разъ говорили, что въ виду войны и неурожайнаго года слѣдовало бы своевременно предупреждать рабочихъ, ищущихъ труда, о состояніи посѣвовъ и вѣроятности заработка въ тѣхъ мѣстахъ, куда они направляются. Но, какъ показываетъ опытъ, такіа предупрежденія приносили пользу только въ тѣхъ случаяхъ, если этимъ дѣломъ завѣдывали земства,—административныя же учрежденія еще не приспособились къ новому для нихъ дѣлу и не разъ допускали недоразумѣнія.

По крайней мѣрѣ, на одно изъ такихъ недоразумѣній указываетъ газета „Южная Россія“.

„Въ „Вѣд. Одес. Градонач.“ недавно напечатано было официальное предложеніе отъ имени одесскаго градоначальника мѣстнымъ рабочимъ записываться на золотые пріиски олекминско-витимской системы, гдѣ будто бы ощущается большой недостатокъ въ рабочихъ рукахъ.

„Принимая во вниманіе, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ одесскаго градоначальства сокращается за послѣднее время производство, и уменьшается количество рабочихъ“, градоначальникъ самымъ обстоятельнымъ образомъ оповѣщалъ рабочихъ, оставшихся безъ заработка, объ условіяхъ найма рабочихъ на пріиска Ленскаго товарищества... съ такимъ заключительнымъ пунктомъ... „что для пріисковъ Ленскаго товарищества требуется преимущественно народъ, годный для горныхъ и земляныхъ работъ, при чемъ предпочтеніе отдается холостымъ за ограниченностью помѣщеній, пригодныхъ для семейныхъ“.

Этотъ документъ дошелъ до иркутскаго „Вос. Обзор.“, которое сдѣлало къ нему ошеломляющее примѣчаніе:

„Интересно откуда градоначальство получило свои свѣдѣнія. Дѣло въ томъ, что когда мы не такъ давно напечатали телеграмму золотопромышленниковъ съ подобными же извѣстіями, то отъ иркутскаго губернатора послѣдовало печатное предостереженіе относительно того, что подобныя сообщенія могутъ быть пускаемы въ цѣляхъ искусственнаго пониженія рабочей платы“.

Итакъ, поддаваясь благородному, безъ сомнѣнія, стремленію удружить своимъ мѣстнымъ безработнымъ, та или другая администрація рискуетъ стать невольнымъ пособникомъ и орудіемъ эксплуататорскихъ аппетитовъ какихъ-то сибирскихъ золотопромышленниковъ, что, само собою разумѣется, не могло никомъ образомъ входить въ виды администраціи... Какъ жаль въ то же время тѣхъ—будемъ надѣяться, хоть немногочисленныхъ—рабочихъ, которые соблазнились этой болѣе тѣмъ сомнительной приманкой, представляемой работой въ сибирскихъ рудникахъ...

* * *

Какъ извѣстно, Свят. Синодомъ предписано, чтобы больные и раненые воины, возвращающіеся съ театра военныхъ дѣйствій, помѣщались для лѣченія въ монастыряхъ. Нельзя не замѣтить что предписаніе это весьма своевременно, такъ какъ, по свидѣтельству „Восточн. Об.“:

„Сами монастыри по собственной инициативѣ не обнаруживаютъ склонности отозваться на огромную народную нужду въ тяжкое время. Жертвуютъ дворянства, земства, города, жертвуютъ чиновники, крестьяне, арестанты, — но лепты монастырской *до сихъ поръ* мы не видѣли.

„Передъ нашими глазами ежедневно мелькаютъ санитарные поѣзда великихъ княгинь, земствъ, дворянства, но поѣздовъ нашихъ колоссально богатыхъ лавръ мы еще не встрѣчали. Нужда страшная, огромная; она надвигается такой лавиной, что уже теперь поднимается вопросъ о расквартированіи раненыхъ и больныхъ по домамъ частныхъ лицъ, въ видѣ натуральной повинности“.

Быть можетъ, однако, этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ болѣе рачительно и, вмѣсто частныхъ лицъ, раненымъ будутъ предоставлять помѣщенія монастыри.

„Братія, правда,—замѣчаетъ „В. О.“—придется иногда потѣсниться; но аскетамъ это сдѣлать гораздо удобнѣе, чѣмъ семейнымъ мірянамъ; къ тому-же этимъ путемъ мы гарантируемъ населеніе отъ неизбѣжной дани смерти, такъ какъ монастырь легко изолировать. Населеніе уже внесло

„подать крови“, оно-же несет на себѣ финансовыя тяготы войны и покой войскъ. Монастыри вѣками собирали въ житницы, почти ничего не давая взаменъ населенію. Было-бы актомъ справедливости, чтобы въ году бѣдствія они были привлечены къ дѣлу призрѣнія больныхъ и раненыхъ“.

* *
*

Картинка ремесленныхъ правозъ. Въ Саратовѣ, по словамъ мѣстнаго листка, ремесленники платятъ налоги (3 руб. мастеръ, 1¹/₂ подмастерье, 20 к. ученикъ), а управа ихъ расходуетъ: 80% всѣхъ сборозъ идутъ старшинѣ и его товарищу, 10% въ общую управу, столько-то головѣ, затѣмъ награды старшинамъ и ихъ помощникамъ, жалованье и награды письмоводителямъ (ихъ много), сторожамъ и т. д. Остающіяся крохи идутъ „бѣднымъ ремесленникамъ“. А управа состоитъ изъ головы, десятка старшинъ и столькожъ-же помощниковъ!

Расточители ремесленники! Они содержатъ десятки совершенно ненужныхъ имъ людей, ничего не дѣлающихъ для нихъ, лишь собирающихъ съ нихъ для себя содержаніе. Стоитъ-ли *настоящая управа* такихъ громадныхъ тратъ?!

Однако, ей показалось и этого мало. Удачнымъ традиціоннымъ приѣмомъ вводятся новыя обложенія, которыя въ портновскомъ, напримѣръ, цехѣ доходятъ до 40 руб. съ заведенія. Аппетиты разыгрались хоть куда! Недовольные протестуютъ, а управа молчитъ-себѣ, да и только. Что ей? Все сдѣлано по закону, формально.

Кромѣ 30 проц. всѣхъ сборозъ, старшины и ихъ помощники получаютъ награды.

Вотъ какъ это было, наприм., въ нынѣшнемъ году въ сапожномъ цехѣ.

Выборное собраніе. Затѣмъ-то старшина г. Наумовъ читаетъ отчетъ о доходахъ и расходахъ за 1903 г. Поступлений много — слѣдовательно, старшина работалъ хорошо. „Провѣрять, гг., не стоитъ, все вѣрно, какъ слѣдуетъ“,—говоритъ г. Наумовъ.

— Дать ему награду!—кричитъ заплетающимся языкомъ пьяный сапожникъ съ передней лавки.

— Не надо! Къ Рождеству давали!—кричатъ сзади.

Старшина ставитъ вопросъ на открытую баллотировку. Поднимаются крики: „закрытой!“, „открытой!“ . Наконецъ, слышится лишь: „закрытой!“ . Одинъ старикъ говоритъ, что на время рѣшенія такихъ вопросовъ предсѣдательствующій, обыкновенно, покидаетъ залъ засѣданія.

— Ну, это совсѣмъ не относится къ дѣлу, — останавливаютъ его, и ставится вопросъ: кто за закрытую—тѣхъ прошу встать!

Отъ баллотировки этого вопроса отказываются.

— Не желаемъ такъ баллотировать! Не желаемъ вставать, и т. д.

— Вопросъ, господа, прошель! — провозглашаетъ г. Наумовъ.—Всѣ сидять (?!).

— Теперь, кто за награду мнѣ, тѣхъ прошу сидѣть, а кто противъ— тѣхъ встать.

Опять тѣ-же крики о нежеланіи баллотировать такъ вопросы и отказы вставать.

— Вопросъ прошель!—невозмутимо объявляетъ г. Наумовъ.—Теперь, господа, другой вопросъ: сколько? Какъ хотите, это ваша воля, а только мы трудились, работали... Вѣдь, вы видѣли отчетъ.

— Дадимъ ему, господа, 25 руб. Вѣдь, вы посмотрите, какой онъ у насъ хорошій!—кричитъ тотъ же пьяный сапожникъ.

— Не надо! Двадцать! Двадцать пять!

Крики все сильнѣе. Сзади кричать „двадцать“, впереди — „двадцать пять“. Старшина ставитъ 25. „Тридцать!“—кричитъ пьяный сапожникъ. Его поддерживаютъ сидящіе на переднихъ лавкахъ.—„Двадцать!“—кричатъ сзади. Старшина ставитъ 30 руб.—„Сорокъ!“—кричитъ опять сапожникъ. — „Двадцать!“ „Сорокъ!“ „Двадцать!“ „Сорокъ!“ Всякій старается перекричать противника.

„Вставать“ опять отказываются, и опять „вопросъ прошель“. Затѣмъ было выдано 25 руб. и помощнику старшины. Нѣсколько человѣкъ подали протестъ на такое „постановленіе“; управа дала какія-то свои объясненія (кстати, она не показываетъ ихъ), и дѣло затянuloсь.

Александръ Яблоновскій.

Критика и библиографія.

Евгеній Марковъ. Разбойница Орлиха. Изъ мѣстныхъ преданій 18 вѣка. Романъ въ 3 час. С.-пб. Изд. А. С. Суворина. 1904 г.

Авторъ (уже покойный) пояснилъ въ своемъ предисловіи: „Романъ мой „Разбойница Орлиха“—не есть плодъ одной фантазіи. Почти всѣ событія, въ немъ разсказанныя, случились въ дѣйствительности; я почерпнулъ ихъ большею частью изъ своихъ семейныхъ и другихъ мѣстныхъ преданій, еще въ дѣтствѣ слышанныхъ мною отъ старыхъ стариковъ; а о нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ можно найти свѣдѣнія въ архивахъ нашихъ старыхъ присутственныхъ мѣстъ“. И еще: „Главные характеры романа тоже воспроизведены съ лицъ дѣйствительно жившихъ,—большею частью; предковъ моихъ разныхъ степеней и ихъ близкихъ родныхъ,—насколько авторъ могъ усвоить себѣ ихъ психическія черты по разсказамъ знавшихъ ихъ людей“. Канва, хотя и не однажды служившая беллетристамъ, но ими, конечно, не исчерпанная и любопытная: на сценѣ пугачевщина, представители отмирающаго, старозавѣтнаго „боярства“, дворяне и вельможи „европейски-цивилизованные“, „вольтеріанцы“ и „масоны“, крѣпостные и болѣе или менѣе свободные крестьяне, разнаго рода „былые“ вольные „казаки“ и всяческая „чернь“, подводимая подъ ранжиръ устанавливающагося особаго „просвѣщеннаго абсолютизма“.

Авторъ весьма подробно и съ большимъ „реализмомъ“ воспроизводитъ передъ нами современные кулачные бои и разныя гулянья, барскую охоту и потѣхи знатныхъ и богатыхъ надъ „приказными“ и „подлородными“, „наивный“ развратъ и своеобразныя насилія и т. п.—иныя картины тутъ не одному читателю, думается, внушать отвращеніе къ доброму старому времени и побуждать къ разнымъ размышленіямъ и сопоставленіямъ. Не-волью раскидываешь здѣсь: вотъ, молъ, обладая такимъ матеріаломъ въ

своимъ хорошимъ литературнымъ стилемъ, какъ недурно бы Марковъ познакомилъ насъ съ „мѣстными преданіями“. Но въ томъ же предисловіи предуказано: „Нечего говорить, что какъ событія, такъ и лица, заимствованныя изъ дѣйствительной жизни, послужили только матеріаломъ для *художественной фантазіи* и были переработаны и комбинированы по свободному замыслу романиста, не стѣснявшагося тѣми или другими рамками“. Но „фантазія“ и „свободный замыселъ“ Маркова оказались въ тискахъ. Центральная фигура романа — демонически сильная, якобы, и душой, и тѣломъ и фанатически-религіозная Орлиха. Она — бѣдная дворянка, оскорбленная своимъ крестнымъ отцомъ, и обращающаяся, поэтому, въ Жанну д'Аркъ своего рода — угнетеннаго „чернаго“ люда, дѣлающаяся правой рукой Пугача. И портретъ ея, и романъ, и всѣ приключенія, — и всѣ узлы, и нити, вокругъ и около насочиненныя авторомъ — увы! какъ будто въ зависимости и отъ мелодрамы, и отъ Загоскина, и отъ суздальской мозаики, и отъ лубочныхъ святителей. Проза претворяется въ поэзію; но... не у Маркова.

А. Налимовъ.

Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Каллаша. Томъ I. Драматическія произведенія. Цѣна за 4 тома 3 р.

Крыловъ во время своей жизни не заботился о томъ, чтобы дать намъ полное собраніе своихъ сочиненій, и ограничивался перепечаткою однѣхъ только басенъ. Что касается стихотвореній, сатиръ и драматическихъ произведеній, то великій баснописецъ считалъ возможнымъ издать ихъ только въ „передѣланномъ“ видѣ: „Многое или, лучше сказать, все прежнее — говорилъ онъ Лобанову — надобно передѣлать. Я былъ молодъ, все писалъ, что мнѣ взбрѣдетъ, бывало, въ голову; много вздору. А, вѣдь, по смерти моей, можетъ быть, все напечатано“ (пред., с. VI). Послѣ смерти Крылова большая часть оставленнаго имъ литературнаго наслѣдства, дѣйствительно, была собрана Плетневымъ и напечатана въ трехъ томахъ, вышедшихъ въ 1847 году, при чемъ „по всему изданію прошлась редакторская рука, подновившая и вывеллировавшая стиль разновременныхъ произведеній Крылова, передѣлывавшая даже стихи“ (с. IX).

Изданіе, редактированное Плетневымъ и повторенное въ 1859 году, несмотря на неполноту и редакторскій произволъ, оставалось лучшимъ до послѣдняго времени. Даже послѣ 1894 года, когда прекратилось право литературной собственности на сочиненія Крылова, появились только „со-

кращенія и искаженія Плетневскаго текста“. Новое изданіе сочиненій Крылова, предпринятое книгоиздательскимъ товариществомъ „Просвѣщеніе“, по обѣщанію г. Каллаша, „впервые дастъ возможность русскому обществу познакомиться съ настоящимъ Крыловымъ“ (с. XIII). Въ это изданіе войдетъ все напечатанное и написанное Крыловымъ, „не включая черновыхъ набросковъ, мелкихъ, несущественныхъ варіантовъ и первоначальныхъ редакцій“ (с. XII).

Въ первомъ томѣ напечатана большая часть драматическихъ произведеній Крылова, а именно: комическія оперы „Кофейница“ и „Вѣшенная семья“, комедія „Сочинитель въ прихожей“, „Проказники“ и „Пирогъ“, трагедія „Филомела“, шуто-трагедія „Трумфъ“ (или „Подщина“) и отрывки комедіи „Лѣвтяй“. Изъ названныхъ произведеній „Кофейница“, „Пирогъ“ и „Лѣвтяй“ перепечатаны изъ VI т. „Сборника II Отд. Академіи Наукъ“ по сличенію текста съ рукописями. Шуто-трагедія „Трумфъ“, на самомъ дѣлѣ осмѣивающая ложно-классическую трагедію, но по недоразумѣнію слышная въ началѣ XIX вѣка политическимъ памфлетомъ и распространившаяся по Россіи въ массѣ списковъ, потребовала отъ редактора кропотливой работы для установленія своднаго текста на основаніи трехъ списковъ. Остальные драматическія произведенія, поправленныя въ изданіи Плетнева, перепечатаны изъ „Россійскаго Театра“—многотомнаго изданія конца XVIII вѣка, представляющаго „полное собраніе всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій“.

Каждому изъ драматическихъ произведеній Крылова предпослано предисловіе, дающее соотвѣтствующія историко-литературныя и библіографическія свѣдѣнія. Кромѣ того, дана вступительная статья, посвященная драматическимъ произведеніямъ Крылова, гдѣ отмѣчены общія ихъ достоинства и недостатки и сдѣланъ такой выводъ: „Крыловъ - драматургъ—скорѣе всего сатирикъ, взявшійся за дѣло, хотя бы и близкое къ его природнымъ дарованіямъ, но выходящее все же за ихъ предѣлы“.

Въ началѣ I тома напечатанъ біографическій очеркъ, основанный на печатныхъ матеріалахъ, тщательно собранныхъ и проверенныхъ. Этотъ біографическій очеркъ является цѣннымъ дополненіемъ и поправкой къ обширной біографіи Крылова, написанной Плетневымъ и въ настоящее время сильно устарѣвшей. Дополненіями г. Каллаша далеко еще не устранены многочисленные пробѣлы въ біографіи Крылова, но устранить ихъ было и невозможно, вслѣдствіе крайней скудости біографическаго матеріала. Можно упрекнуть г. Каллаша, что онъ только упомянулъ о такихъ фактахъ въ жизни Крылова, о которыхъ можно было бы сказать гораздо больше. Но подобныя пробѣлы будутъ, по всей вѣроятности, устранены въ предисловіяхъ, вступительныхъ статьяхъ и примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ

произведеніямъ Крылова. Такъ, напримѣръ, въ біографическомъ очеркѣ только упоминается о враждебныхъ отношеніяхъ Крылова къ Княжнину и Соймонову, а въ предисловіи къ комедіи „Проказники“ говорится объ этой враждѣ болѣе подробно.

Вообще, можно надѣяться, что въ новомъ изданіи сочиненій Крылова будетъ собрано все сколько-нибудь важное, что имѣетъ отношеніе къ жизни и творчеству нашего геніальнаго баснописца.

С. Ашевскій.

Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. С.-Пб. 1904. Цѣна 3 р.

Въ этой книгѣ собраны статьи автора, напечатанныя въ прошломъ году въ „Мірѣ Вожемѣ“ и „Русскомъ Богатствѣ“ и являющіяся теперь въ дополненномъ и болѣе обработанномъ видѣ. Первая и самая крупная изъ нихъ — „Эпоха обличительнаго террора“ — посвящена историческому очерку нашей сатирической литературы „шестидесятыхъ“ годовъ, т. е., собственно, періода съ 1857 по 1864 г. Здѣсь, послѣ небольшого введенія, характеризующаго времена севастопольской кампаніи, сгруппированы свѣдѣнія о первыхъ шагахъ нашей общественной и политической карикатуры, — о забытыхъ теперь изданіяхъ въ родѣ „Каррикатурнаго Листка“ Данилова, „Весельчакъ“, разныхъ уличныхъ листкахъ, память о которыхъ сохранилась только благодаря извѣстной статьѣ Добролюбова, и проч. Далѣе находимъ подробное обзорѣніе знаменитой „Искры“ за первые и лучшіе годы ея существованія (1859—64) и краткія замѣтки о современныхъ ей и болѣе или менѣе однородныхъ изданіяхъ: „Арлекинъ“, „Гудокъ“, „Зритель“, „Заноза“, „Оса“ и др. Характеристика этого бойкаго и боевого времени, когда наша общественная жизнь и литература шли оживленнымъ, быстрымъ темпомъ, представляетъ во многихъ отношеніяхъ глубокой интересъ. Жаль только, что авторъ, намѣренно сузивъ свою задачу выясненіемъ преимущественно цензурныхъ условій развитія нашей періодической печати, не удѣлилъ больше мѣста собственно литературной сторонѣ разсматриваемыхъ имъ изданій, — болѣе подробному разбору ихъ отношеній вообще къ современной журналистикѣ. Съ этой точки зрѣнія, положеніе, занятое нѣкоторыми изъ нихъ, — въ особенности „Искрой“, — заслуживаетъ исключительнаго вниманія.

Слѣдующій затѣмъ въ книгѣ рядъ очерковъ, которому, въ порядкѣ хронологическомъ, слѣдовало бы занимать первое мѣсто, носитъ заглавіе: „Эпоха цензурнаго террора“ и обнимаетъ собою время, непосредственно

предшествовавшее нашему „возрожденію“,—1848—55 годы. Авторъ подробно излагаетъ здѣсь, въ лѣтописномъ порядкѣ, изъ года въ годъ, исторію тѣхъ особыхъ цензурныхъ мѣропріятій, которыми ознаменовался этотъ памятный періодъ. Передъ нами проходитъ, въ рядѣ яркихъ иллюстрацій, дѣятельность особыхъ комитетовъ, учрежденныхъ для спеціальнаго надзора за печатью: сначала—„меншиковскаго“, потомъ—„бутурлинскаго“,—всѣ эти многочисленныя попытки лишить литературу всякаго содержанія, окончившіяся, несмотря на самыя напряженныя усилія, полнѣйшею неудачею. Подъ вліяніемъ времени, вслѣдъ затѣмъ наступившаго, значительно измѣнились и руководящіе взгляды на задачи цензурнаго воздѣйствія на литературу,—и отраженіемъ этихъ новыхъ взглядовъ явилась любопытная попытка учредить „бюро печати“, исторію котораго посвященъ третій очеркъ г. Лемке. Наконецъ, послѣднее мѣсто въ книгѣ занимаетъ небольшой очеркъ дѣятельности Булгарина,—по нашему мнѣнію, совершенно лишній, такъ какъ, не сообщая, въ сущности, ничего новаго, г. Лемке здѣсь только повторяетъ вещи, уже давнымъ-давно извѣстныя въ печати, основываясь преимущественно на статьяхъ покойнаго академика Сухомлинова, въ свое время дважды напечатанныхъ (въ „Историч. Вѣстникѣ“ и въ отдѣльной книгѣ). Вообще, работа г. Лемке, полезная для широкаго круга не особенно освѣдомленныхъ читателей, страдаетъ нѣкоторымъ диллетантизмомъ: авторъ, большею частью, только группируетъ факты, уже не представляющіе интереса новизны, рѣдко обращаясь къ первоисточникамъ, и далеко не всегда отдѣляетъ существенное отъ мелочей, увлекаясь подробностями чисто анекдотическаго характера. Впрочемъ, эти недостатки, въ виду общаго интереса книги, не должны имѣть существеннаго значенія. Къ другого рода недостаткамъ разсматриваемаго сборника нельзя не отнести слогъ автора, чрезчуръ размашистый и многословный, съ разными „цвѣтами краснорѣчія“, которые вмѣсто ожидаемаго отъ нихъ эффекта, только утомляютъ читателя. Книга, напечатана довольно небрежно, корректура была до того невнимательна, что въ одномъ мѣстѣ (стр. 339—340) даже двѣ страницы помѣнялись мѣстами..

Очень интереснымъ украшеніемъ сборника являются портреты разныхъ упоминаемыхъ въ немъ дѣятелей и въ особенности — снимки съ наиболѣ замѣчательныхъ карикатуръ нашихъ сатирическихъ журналовъ, большею частью—„Искры“.

П. Морозовъ.

А. С. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства. Вып. 1 и 2. СПб. 1904. Цѣна 2 р.

Авторъ этого сборника статей о различныхъ проявленіяхъ русскаго

религіознаго движенія, г. Пругавинъ, давно извѣстенъ въ литературѣ, какъ ревностный изслѣдователь и большой знатокъ этой стороны нашей жизни, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще очень недостаточно освѣщенной. Совершенно справедливо указываетъ онъ, что въ нашей печати почти совсѣмъ не появляется статей и изслѣдованій, которыя объективно и всесторонне знакомятъ бы съ духовною жизнью народа, съ ея современными теченіями, съ новыми потребностями и запросами, въ этой области возникающими. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, условій и событій текущей государственной и общественной жизни, со всѣми ея экономическими и соціальными факторами, а съ другой стороны—вслѣдствіе постепеннаго распространенія въ народѣ грамотности, начальнаго образованія, чтенія книгъ и т. д., новыя теченія религіозно-этическаго характера, новыя духовныя потребности постоянно нарождаются, постоянно возникаютъ въ народной средѣ, иногда отливаясь въ ненормальныя, уродливыя формы. Огромное вліяніе религіозныхъ воззрѣній народа на весь складъ его нравственныхъ понятій и руководящихъ жизненныхъ началъ, на всю его этику, также, конечно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. При такомъ положеніи дѣла, изслѣдованія, посвященныя сектантству, какъ одному изъ самыхъ крупныхъ проявленій народной религіозной жизни, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Въ этой области масса явленій, во многихъ отношеніяхъ неясныхъ, спорныхъ, загадочныхъ, и всякая попытка хоть сколько-нибудь въ нихъ разобраться представляетъ глубокой интересъ. Нельзя, поэтому, не поблагодарить г. Пругавина за то, что онъ рѣшился собрать и издать въ общедоступной формѣ свои статьи, посвященныя этому предмету и разбѣяныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ—преимущественно 80-хъ годовъ. Но, при этомъ, нельзя не пожалѣть, что всѣ эти статьи являются теперь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были напечатаны впервые, лѣтъ 20 тому назадъ: неужели у почтеннаго автора не было матеріала для того, чтобы нѣсколько освѣжить и дополнить сообщаемыя имъ свѣдѣнія?

Первый выпускъ „Религіозныхъ отщепенцевъ“ составленъ изъ очерковъ, основанныхъ на личныхъ наблюденіяхъ автора и потому представляющихъ особый, живой интересъ. Сюда вошла обширная статья о Сютаевѣ и его послѣдователяхъ, объ „апостолахъ“ Зосимѣ и объ узникахъ Соловецкаго монастыря, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ—нынѣ уже умершій—Адріанъ Пушкинъ. Во второмъ выпускѣ собраны болѣе мелкіе по объему этюды, составленные на основаніи разныхъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, рассказовъ и т. п. и отличающіеся, поэтому, болѣею сухостью и документальностью изложенія: „Немоляки“, „Медальники“, „Вредныя секты“, „Новая секта“, „Штунда среди великороссовъ“,

„Вѣлоризцы“ и „Интеллигентная секта“. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ написаны очень сжато и не столько разрѣшаютъ вопросы, вызываемые ихъ предметомъ, сколько возбуждаютъ любопытство, остающееся неудовлетвореннымъ... Нѣтъ сомнѣнiя, однако, что и эти короткiе очерки, при всемъ ихъ, такъ сказать, конспективномъ характерѣ, будутъ прочитаны съ живѣйшимъ интересомъ всѣми, кому близка и дорога духовная жизнь нашего народа. „Много вопросовъ назрѣло, и копошится, и роняется въ мужицкихъ головахъ, цѣлая куча недоумѣнiй мучить мужицкую душу“, говоритъ г. Пругавицъ. „Едва ли когда-нибудь жизнь среди народа могла представлять такой огромный, захватывающiй интересъ, какъ именно въ настоящее время. Каждый, кому только удавалось въ послѣднее время близко становиться къ народной средѣ, вѣроятно, согласится съ нами, что теперь, на нашихъ глазахъ, въ массѣ народа происходитъ какое-то смутное, глухое, сдержанное броженiе. Несомнѣнно, что мысль народа сильно возбуждена; этому способствовали весьма многiя условiя, многiя событiя послѣдняго времени. Въ воздухѣ деревни носится что-то новое, мало знакомое, что-то напряженное, недоумѣвающее и вмѣстѣ тревожное... Деревня чего-то ждетъ... Но это не то пассивное, вялое, инертное ожиданiе, которое съ удобствомъ можетъ тянуться долгiе годы, цѣлыя вѣка; нѣтъ, въ теперешнемъ ожиданiи деревни бьетъ напряженное, страстное чувство, въ немъ кроется давно затаенная активная сила. Старые устои жизни шатаются, а новыхъ нѣтъ: жизнь ихъ должна создать и выработать. Мы не знаемъ, разумѣется, и не можемъ указать, чѣмъ разрѣшится это броженiе, въ какую форму отольется оно. Знаемъ только, что теперь подобнаго рода броженiе весьма часто отливается въ форму особаго рода ученiя, въ основу которыхъ обыкновенно принимается тотъ или другой тезисъ Св. Писанiя, говорящiй о правдѣ, любви и добрѣ, который обыкновенно и служитъ для народа исходнымъ пунктомъ критики современныхъ порядковъ, современнаго строя жизни...“

Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ эволюцiей вполне естественной и логичной. Умственная жизнь нашего народа въ теченiе цѣлаго ряда вѣковъ протекала исключительно въ сферѣ понятiй церковно-религiозныхъ. Первые попытки самостоятельной критической мысли, какъ только она пробудилась въ народѣ, естественно, могли проявиться только въ этой же сферѣ, и естественно направились на рѣшенiе такихъ вопросовъ, которые требуютъ наименьшаго усилiя ума, вопросовъ формы, обряда, буквы. Затѣмъ по мѣрѣ того, какъ эта критическая мысль мало-по-малу росла и становилась болѣе зрѣлою, ея анализъ отъ вѣншей оболочки религiознаго ученiя переходилъ уже и на внутреннее его содержанiе къ вопросамъ нравственнымъ, общественнымъ, политическимъ и т. п. „Надо толковать

надо истины добиваться“, все чаще и чаще слышится теперь въ народной средѣ, и объектъ этой истины, и предъявляемые къ ней запросы въ наше время, конечно, уже не тѣ, что 250 лѣтъ тому назадъ: XVII вѣкъ постепенно исчезаетъ изъ нашего житейскаго обихода, уступая мѣсто болѣе новымъ понятіямъ. Но мы, все-таки, такъ привыкли къ отжившимъ понятіямъ прошлаго, что намъ все не вѣрится въ возможность какого бы то ни было идейнаго прогресса въ темной народной массѣ. Г. Пругавинъ обращаетъ вниманіе на одно очень характерное въ этомъ отношеніи обстоятельство: „если человѣкъ изъ привилегированной среды, изъ интеллигентнаго общества, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, измѣняетъ свои религиозные взгляды и убѣжденія, если онъ охладѣваетъ къ внѣшней сторонѣ религіи...—его называютъ вольнодумцемъ, либераломъ, философомъ, но никто не назоветъ его сектантомъ. Но разъ что-нибудь подобное случится съ крестьяниномъ или рабочимъ, сейчасъ же такой человѣкъ получаетъ страшную кличку сектанта, хотя у него и въ мысляхъ не было примыкать къ какой-нибудь сектѣ и еще менѣе основывать свою собственную... Эта разница въ опредѣленіи и оцѣнкѣ одного и того же явленія, наблюдаемаго лишь въ разныхъ слояхъ общества и народа, по-истинѣ поразительна. Можно подумать, что за крестьяниномъ не признается права измѣнять тѣ или другіе религиозные взгляды и убѣжденія. Какъ отцы и дѣды вѣрили, такъ и ты изволь вѣрить, а если мысль твоя работаетъ,... если ты хочешь вѣрить и молиться такъ, какъ подсказываетъ тебѣ твое внутреннее чувство, то, значить, ты—не кто иной, какъ сектантъ, т. е. вредный, опасный, подозрительный человѣкъ, отъ котораго необходимо сторониться и за которымъ нужно слѣдить и присматривать въ оба...“

Въ результатъ такого взаимнаго непониманія является, какъ и всегда, лишь взаимное раздраженіе. Широкое и свободное изслѣдованіе, чуждое какихъ-нибудь предвзятыхъ идей, является наилучшимъ средствомъ внести свѣтъ въ эту темную доселѣ область и подготовить для обѣихъ сторонъ почву разумнаго *modus vivendi*. Это сознаютъ и сами „сектанты“, усердно просившіе г. Пругавина писать о нихъ больше и „добиваться истины“. Нельзя не пожелать, чтобы почтенный изслѣдователь продолжалъ свой въ высшей степени полезный и поучительный трудъ и подѣлился съ читателями свѣдѣніями также и о другихъ явленіяхъ нашей народной религиозно-нравственной жизни, которыхъ въ изданной теперь книгѣ онъ или вовсе не коснулся, или коснулся лишь мимоходомъ.

П. Морозовъ.

Записки княгини Маріи Николаевной Волконской. С.-ПБ. 1904. Стр. XXXV+212. Цѣна 4 руб.

Когда въ 1873 году появились „Русскія женщины“ Некрасова, расположенными и нерасположенными къ поэту критиками и рецензентами былъ отмѣченъ цѣлый рядъ подробностей, производящихъ комическое впечатлѣніе или кажущихся неестественными и вообще болѣе умѣстными въ мемуарахъ, чѣмъ въ поэтическомъ произведеніи. Было даже прямо сказано, что „новая поэма Некрасова кажется не плодомъ свободнаго творчества, а какимъ-то часто неудачнымъ, очень прозаическимъ, но какъ будто буквальнымъ переложеніемъ въ стихи мемуаровъ княгини Волконской“. По заявленію другого газетнаго рецензента, поэма Некрасова „смѣло могла бы быть напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ или въ „Русской Старинѣ“, какъ образецъ стихотворныхъ мемуаровъ“.

Въ настоящее время вопросъ о тѣсной связи поэмы Некрасова съ мемуарами кн. Волконской не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. При самомъ бѣгломъ просмотрѣ того и другого произведенія оказывается цѣлый рядъ совпаденій въ отдѣльныхъ эпизодахъ и даже выраженіяхъ. Купанье княгини въ Одессѣ, сожженіе бумагъ ночью, тяжелые роды, поѣздка въ Петербургъ въ весеннюю распутицу, свиданье въ крѣпости, обмѣнъ платками, письмо государя, отцовское проклятiе, вечеръ у кн. Зинаиды Волконской, встрѣча и разговоръ съ Пушкинымъ, остановка въ Казани, встрѣча новаго года посреди дороги, грубый конвойный офицеръ и сердобольный солдатъ, ѣзда въ телѣгѣ, тароватый купецъ, встрѣча въ Нерчинскѣ съ кн. Трубецкой, посѣщеніе рудника, наконецъ, знаменитое цѣлованіе кандаловъ—все это и многое другое мы находимъ и у Некрасова, и въ „Запискахъ княгини Волконской“. А вотъ почти буквальное совпаденіе отдѣльныхъ выраженій. Конвойный офицеръ Фитингофъ на вопросъ княгини о здоровьѣ декабристовъ грубо отвѣчаетъ: „я ихъ не знаю и знать не хочу“. У Некрасова этотъ отвѣтъ переданъ словами: „несомнѣнно, здоровы, но я ихъ не знаю и знать не хочу“. По уходѣ офицера конвойный сказалъ княгинѣ: „я ихъ видѣлъ, они здоровы, они въ Нерчинскомъ округѣ, въ Благодатскомъ рудникѣ“. У Некрасова солдатъ говоритъ: „здоровы, я видѣлъ ихъ всѣхъ, живутъ въ рудникѣ Благодатскомъ“!

Въ предисловіи издатель „Записокъ“ рассказываетъ и обстоятельства, при которыхъ состоялось знакомство Некрасова съ мемуарами воспитанной имъ героини супружескаго долга. Сынъ княгини Волконской въ три вечера прочиталъ поэту „Записки“ въ русскомъ переводѣ.

Какъ ни велика зависимость „Русскихъ женщинъ“ отъ „Записокъ“, было бы, однако, большою ошибкой считать вторую часть поэмы Некрасова

только передоженіемъ въ стихи мемуаровъ кн. Волконской. Эти мемуары послужили для Некрасова только канвой и дали значительную часть того матеріала, который онъ собралъ, чтобы начертить образъ самоотверженной жены—одинъ изъ лучшихъ женскихъ образовъ, какіе только существуютъ въ русской литературѣ. Рядомъ съ указанными совпаденіями отдѣльных фактовъ и выраженій въ поэмѣ и въ „Запискахъ“, мы находимъ не мало крупныхъ и мелкихъ разногласій, которые свидѣлствуютъ о творческой работѣ поэта и не могутъ быть объяснены слабостью его памяти, такъ какъ, слушая переводъ „Записокъ“, Некрасовъ дѣлалъ замѣтки въ записной книжкѣ.

Поэма Некрасова, какъ извѣстно, оканчивается свиданіемъ княгини Волконской съ мужемъ въ рудникѣ (на самомъ дѣлѣ оно произошло въ острогѣ). Но въ „Запискахъ“ говорится, хотя и очень кратко, и о дальнѣйшей жизни княгини Волконской въ Сибири до возвращенія въ Россію. Къ сожалѣнію, рассказъ княгини очень кратокъ и ограничивается, главнымъ образомъ, мелочами домашней жизни декабристовъ, въ большинствѣ случаевъ извѣстными изъ другихъ источниковъ. Какъ бы то ни было, и лишенный почти прелести новизны, рассказъ княгини Волконской читается съ захватывающимъ интересомъ. Остается только пожелать, чтобы этотъ рассказъ по цѣнѣ сдѣлался такъ же доступенъ читателю, какъ „Записки“ Натальи Борисовны Долгорукой.

Къ „Запискамъ“ приложены портреты княгини Волконской и ея мужа, а также виды Благодатскаго рудника, Читинскаго острога и каземата въ Петровскомъ заводѣ. „Записки“ напечатаны параллельно по-французски и по-русски (переводъ) и занимаютъ только половину книги (112 страницъ). Остальная часть книги занята приложеніями и примѣчаніями, содержащими иногда цѣнные документы и свѣдѣнія о декабристахъ.

С. Ашевскій.

Е. Тарле. Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ. Спб. 1903. 367 стр. Ц. 2 р.

Книга составилась изъ семи очерковъ, чисто механически соединенныхъ въ одномъ томѣ. Пять изъ нихъ посвящены характеристикѣ Парнеля, Ройе-Коллара, Вабефа, Гамбетты и Каннинга, между которыми трудно было бы открыть что-либо общее. Кромѣ того, одинъ очеркъ, согласно заглавію, долженъ дать общую характеристику социальныхъ движеній въ Европѣ XIX столѣтія, но въ дѣйствительности имѣетъ „исторіософическій“ характеръ, какъ и еще одинъ очеркъ: „Къ вопросу о границахъ историческаго предвидѣнія“.

Впрочемъ, нельзя отрицать, что между очерками есть нѣкоторое внутреннее единство. Это—именно единство исторіософіи, которая иногда выступаетъ открыто, а иногда заявляетъ о себѣ просто какъ основное настроеніе, проникающее всѣ очерки. Постарайтесь представить себѣ, что героя драмъ Чехова, напр., „Трехъ сестеръ“, получили хорошее литературное образованіе, развили въ себѣ сильные интеллектуальные интересы и, не разставаясь съ своимъ основнымъ настроеніемъ, приступили къ разработкѣ исторіи, къ поискамъ въ парламентскихъ архивахъ и мемуарахъ,— и вы составите себѣ вѣрное представленіе о томъ углу зрѣнія, подъ которымъ г. Тарле видитъ теперь всѣ историческія событія, объ его исторіософіи. Разумѣется, другой вопросъ, насколько состоятеленъ, *allgemein-gültig*, общеобязателенъ взглядъ героевъ Чехова на явленія обыденной жизни,—и насколько состоятельна исторіософія г. Тарле. Въ короткой рецензій этого вопроса не изслѣдуешь, и мы намѣрены коснуться его въ другомъ мѣстѣ, въ особой статьѣ.

Еще въ своей книгѣ о Томасѣ Морѣ г. Тарле заявилъ о своихъ симпатіяхъ къ той исторической школѣ, виднѣйшимъ представителемъ которой является Э. Мейеръ (на рус. языкѣ: „Экономическое развитіе древняго міра“ и „Рабство въ древности“). Теперь симпатіи г. Тарле окончательно опредѣлились и упрочились. Только маленькіе отгѣнки, различія въ accentѣ, но не въ основномъ тогѣ, отдѣляютъ разсужденія г. Булгакова о „прогнозахъ въ исторіи“, исторіософическіе тезисы г. Тарле и главные положенія Э. Мейера въ новѣйшей работѣ послѣдняго: „*Zur Theorie und Methodik der Geschichte*“ Г. Булгаковъ говоритъ, что прогнозы—знахарство и шарлатанство. Такая фразеологія представляется г. Тарле „какъ будто совсѣмъ ужъ ненужнымъ сангвинизмомъ“, онъ мягкоъ по натурѣ и потому вызываетъ къ приличному обращенію со своими былыми убѣжденіями. Г. Булгаковъ говоритъ отъ себя, г. Тарле предпочитаетъ безъ конца цитировать Симковича и отсылать къ нему для дополнительныхъ цитатъ. Но при всей мягкости и нерѣшительности, г. Тарле приходитъ къ выводу, который лишь по формѣ отличается отъ булгаковскаго: „каждый добросовѣстный *соціологъ* признаетъ почти полное свое безсиліе, подавляющую ограниченность предѣловъ предвидѣнія, сводящую почти къ нулю практическое значеніе *соціальныхъ* предсказаній“ (курсивы мои). Ну, а недобросовѣстный или безсовѣстный *соціологъ* и впродъ будетъ ставить „прогнозы“. Вотъ и рѣшайте послѣ этого, за что же г. Тарле упрекаетъ г. Булгакова.

Характеристики политическихъ дѣятелей, въ особенности Гамбетты, при бѣдности нашей исторической литературы представляютъ значительный интересъ. У г. Тарле выработалась манера писать. Правда, она нѣсколько

однообразна, но это чувствуется лишь по прочтеніи нѣсколькихъ очерковъ. Тогда читатель уже напередъ предвидитъ даже вѣдннее построение слѣдующихъ очерковъ: онъ ожидаетъ маленькой главы—введенія, которая часто начинается красивой цитатой или какимъ-нибудь образомъ и переполнена сравненіями, антитезами и общими разсужденіями; потомъ—глава, сообщающая біографическія данныя о героѣ, и т. д. „Предѣлы предвидѣнія“ оказываются въ этомъ случаѣ очень широкими, „предсказанія“—отнюдь не шарлатанскими. Но, въ общемъ, несмотря на такой схематизмъ, очерки написаны хорошо, а нѣкоторыя страницы даже изящны.

Въ полномъ согласіи со своими историко-философскими воззрѣніями—или съ исторіософической растерянностью, что по существу то же самое,—г. Тарле интересуется преимущественно индивидуальной психологіей, какъ таковой. Выясняя генезисы своихъ героевъ, исторію ихъ воззрѣній, онъ останавливается прежде всего, если не исключительно, на встрѣчахъ и личныхъ знакомствахъ героевъ, на книжкахъ, которыя они прочитали. Соціальная психологія или совсѣмъ не выступаетъ, или остается въ тѣни. Это—историческій дальтонизмъ особаго рода. Методологическая невыясненность жестоко мститъ за себя. Въ стремленіи къ „историзму“, г. Тарле примкнулъ къ Мейеру.—и въ результатъ сдѣлался надъисторическимъ и внѣисторическимъ историкомъ, утрачивающимъ представление объ опредѣленіяхъ мѣста и времени.

* Чтобы пояснить это, я скажу нѣсколько словъ только объ очеркѣ, посвященномъ Бабефу. Сдѣлать такой выборъ заставляетъ меня полное отсутствіе въ русской литературѣ свѣдѣній объ этомъ дѣятелѣ,—если не считать бѣглыхъ замѣчаній въ общихъ работахъ по исторіи французской революціи, да книгъ такого типа, какъ „Исторія соціальныхъ системъ“ Щеглова.

Конечно, было бы бесполезно останавливаться на оцѣнкахъ г-номъ Тарле Бабефа, какъ публициста. По г. Тарле, онъ страдаетъ фразерствомъ, „бездарно“ высказываетъ свои идеи, вообще всегда покушается на публицистику съ негодными средствами. Этимъ голословнымъ утвержденіемъ я могу сейчасъ лишь противопоставить утвержденіе, что такого безотраднато впечатлѣнія статьи Бабефа никогда на меня не производили. Противорѣчія, вытекающія изъ различія оцѣнокъ, неразрѣшимы, и я просто напоминаю читателю, что сужденіе г. Тарле о Бабефѣ-публицистѣ именно только „оцѣнка“.

Нѣсколько больше простора для логическихъ доводовъ оставляетъ вопросъ о томъ, до какой степени былъ оригиналенъ Бабефъ. Г. Тарле находитъ, что оригинальности въ Бабефѣ не было и слѣда: онъ—простой ученикъ Руссо и Мабли, проникнутый „государственно-филантропическими

тенденціями“, страдающей полной неясностью положительных мѣръ, „невообразимой путаницей“, „высокопарной туманностью“ и т. д.

Я не знаю, почему г. Тарле, такой щедрый на цитаты изъ Сямковича, страшно скупъ по отношенію къ Бабефу. Иначе онъ могъ бы привести, напр., слѣдующее мѣсто изъ № 35 „Tribun de peuple“: „Единственное средство достигнуть этого (того, чтобы потребности вѣхъ членовъ общества получали удовлетвореніе) заключается въ томъ, чтобы учредить общее управленіе, уничтожить частную собственность, опредѣлять каждому человѣку ту профессію, ту сферу дѣятельности, къ которымъ онъ наиболѣе способенъ, всѣ результаты труда натурою доставлять въ общій магазинъ, организовать простое бюро для распредѣленія, управленія средствами для жизни, которое ведетъ инвентарь всѣмъ индивидуумамъ и вещамъ, и которое съ педантическимъ равенствомъ распредѣляетъ послѣднія и доставляетъ каждому гражданину въ его жилище“.

Нечего и говорить, насколько утопиченъ былъ такой планъ. Но уже этой цитаты—а для статей 1795 года она не представляетъ ничего исключительнаго—достаточно, чтобы видѣть, насколько необоснованы утвержденія г. Тарле ¹⁾.

Правда, въ 1796 году, когда бабунизмъ конституировался въ тайное общество, такія—выразимся эвфемистически—соціальныя ноты звучатъ глуше, и рѣшительнѣе выступаютъ обще-демократическіе мотивы. Г. Тарле упоминаетъ объ этомъ, но оставляетъ безъ всякаго объясненія или объясняетъ чисто-раціоналистически: какъ будто Бабефъ сознательно стремился къ присоединенію монтаньяровъ, хотя бы оно оставалось просто механическимъ.

Между тѣмъ нѣтъ никакой нужды въ такихъ натянутыхъ объясненіяхъ,—стоитъ только припомнить историческую обстановку. Слѣдя за Оларомъ, эпоху отъ 1792 до 1795 года можно съ небольшой натяжкой назвать періодомъ демократической республики. Но уже въ 1794 году, послѣ паденія Робеспьера, начинается торжество буржуазіи, отрывается періодъ неограниченнаго господства плутократіи, которая съ теченіемъ времени становится все смѣлѣе и безшабашнѣе, поднимаютъ голову роялисты. Въ первый періодъ можно было мечтать о дальнѣйшемъ развитіи демократіи, во второмъ—задача заключается прежде всего въ отпорѣ плутократическимъ вакханаліямъ. Не затѣмъ Бабефъ болѣе выдвигалъ въ своей

¹⁾ Впрочемъ, черезъ нѣсколько страницъ и самъ г. Тарле заявляетъ, что у Бабефа „имѣлся опредѣленный и сознательный идеалъ,—идеалъ вполне отчетливый и разработанный“. Слѣдовательно, мы могли бы ограничиться пожеланіемъ, чтобы г. Тарле внесъ въ свои представленія о Бабефѣ больше опредѣленности и отчетливости.

программъ общеполитическія требованія, чтобы присоединить къ себѣ остатки приверженцевъ Робеспьера; напротивъ, послѣдніе могли присоединиться къ Бабефу потому, что жизнь выдвинула передъ нимъ другую задачу.

Этимъ объясняется и стремительная переѣна во взглядахъ Бабефа на Робеспьера и на его дѣятельность. Ненавистникъ насилія, мягкій, любящій человекъ въ 1789 и даже въ 1794 году, Бабефъ уже къ 1796 году предлагаетъ такіе методы дѣйствій, которые по рѣшительности далеко оставляютъ за собой всѣ дѣйствія Робеспьера. Еще въ 1794 году онъ страстно ненавидитъ Робеспьера, какъ насильника и узурпатора,—а черезъ годъ ставитъ его образцомъ для подражанія. Г. Тарле, вѣрный индивидуально-психологическому методу, приписываетъ Бабефу такую послѣдовательность мысли: правительство нужно для того, чтобы „сдѣлать народъ счастливымъ“; правительство только тогда можетъ это сдѣлать, „когда оно демократично“; никогда, по мнѣнію Бабефа, оно не было болѣе демократично, чѣмъ при Робеспьерѣ. Прямой выводъ отсюда—апологія этого человека. Но вся эта силлогистика оказывается несостоятельной, едва лишь мы поближе взглянемъ на дѣло. Если бы „чтеніе мыслей“ г. Тарле было вѣрно, Бабефъ долженъ бы оказаться самымъ яркимъ гувверnementалистомъ (и поклонникомъ Робеспьера) не въ эпоху директоріи, а въ предшествующій періодъ, когда онъ рѣшительнѣе всего выдвигалъ социальныя элементы своей программы. Въ дѣйствительности и въ отношеніяхъ къ Робеспьеру рѣшающую роль играла не индивидуальная, а социальная логика,—логика борьбы общественныхъ группъ. Черезъ годъ послѣ 9 термидора Бабефъ долженъ былъ ясно увидѣть, какія силы и почему торжествуютъ побѣду надъ Робеспьеромъ. Послѣ паденія Робеспьера Франція оказалась еще дальше и все болѣе отдалялась отъ идеальнаго строя Бабефа, чѣмъ это было до 9 термидора.

Странности встрѣчаетъ читатель у г. Тарле и на тѣхъ страницахъ, гдѣ дается общая характеристика социальнo-политической литературы XVIII вѣка. „Заявленія о томъ, что „помощь несчастнымъ есть общественный долгъ“, говоритъ онъ, „отличались прежде всего, *по обычаю того времени* (курсивъ мой), крайней неопредѣленностью: говорилось лишь о помощи бѣднымъ, несчастнымъ и не дѣлалось попытокъ яснѣе опредѣлить, официальнѣе (?) классифицировать это сословіе „бѣдныхъ“. О комъ тутъ идетъ рѣчь? О рабочихъ? Или о парижскихъ санкюлотахъ? Или о крестьянахъ нѣкоторыхъ разоренныхъ мѣстностей?“

Здѣсь ясно слышится послѣдователь Мейера, такъ же успѣшно стирающій для себя различія между XVIII вѣкомъ и концомъ прошлаго, какъ учитель—между древнимъ міромъ и современностью. Г. Тарле не

видить, что, при неразвитости общественных отношений, Руссо, Мабли, Бабефъ могли говорить только объ интересахъ „бѣдныхъ“, „санкиюловъ“, „патріотовъ“ и т. д.,—какъ и въ позднѣйшее время вмѣсто опредѣленныхъ социальныхъ группъ выдвигаются туманныя понятія „трудящіеся“, „народъ“. Вмѣсто всякихъ объясненій, почему не могло быть иначе, г. Тарле выставляетъ дѣятелей XVIII вѣка какими то наивными путанниками и успокоивается на великолѣпномъ „по обычаю того времени“. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, индивидуально-психологической анализъ не идетъ дальше раскрытія литературной преемственности.

Приведу еще одинъ примѣръ, когда этотъ самый методъ „литературной преемственности“ приводитъ г. Тарле прямо къ комическимъ результатамъ. Касаясь одного изъ послѣднихъ произведеній бабувистовъ (*Acte d'insurrection*), г. Тарле находитъ, „что бабувисты вообще не любятъ иностранцевъ; противъ нихъ предполагаются мѣры непонятной жестокости; въ новомъ обществѣ всѣ иностранцы должны были являться какими-то царями, съ которыми администрація могла бы дѣлать все, что угодно, совершенно невозбранно“.

Культурный г. Тарле поражень такимъ варварствомъ. Но книжки, прочитанныя Бабефомъ, все объясняютъ. „Странный, довольно замѣтный архаизмъ, проникающій законы объ иностранцахъ, замѣчаетъ культурный г. Тарле, заставляетъ думать, что они навѣяны чтеніемъ того же Плутарха и классиковъ, и что бабувисты хотѣли такъ-же уберечь свою будущую общину отъ зловредныхъ иноземныхъ вліяній, какъ древніе спартанцы желали оградить свою“.

Объясненіе глубокомысленное,—но совершенно излишнее. Оно потребовалось только благодаря историческому дальтонизму, который мѣшаетъ г. Тарле читать историческіе документы. Вчитаемся въ *Acte d'insurrection*, на который ссылается г. Тарле, но котораго, по обыкновенію, не цитируетъ. Въ вступительной части мы встрѣчаемъ такую фразу: „въ виду того, что они (угнетатели) недавно опять впустили цѣлая толпы иностранцевъ, и что въ настоящее время главные европейскіе заговорщики находятся въ Парижѣ, чтобы выполнить послѣдній актъ контръ революціи“...

Одной этой фразы достаточно, чтобы показать, что не въ Плутархѣ дѣло, а въ защитѣ отъ роялистской реакціи, въ продолженіи дѣла конвента, въ отраженіи враговъ революціи, а не враговъ „будущей общины“ Бабефа. Логика событій ставила бабувистовъ въ такое положеніе, что они, дѣйствительно, могли считать себя продолжателями Робеспьера.

Читаемъ дальше,—и встрѣчаемъ яркое подтвержденіе такого объясненія. Статья 13-я того же акта проектируетъ самыя радикальныя мѣры

противъ „иностранцевъ, къ какой бы націи они ни принадлежали“, если ихъ въ извѣстный моментъ встрѣтятъ на улицахъ. И тѣми же мѣрами статья угрожаетъ „всѣмъ президентамъ, секретарямъ и вождямъ *вандемьерскаго роялистскаго заговора*“, которые въ тотъ же моментъ осмѣлятся показаться на улицахъ. Слѣдующая статья предлагаетъ посламъ иностранныхъ державъ сидѣть по домамъ.

Ничего непонятнаго въ этомъ нѣтъ. Роялисты устраивали за границей коалицію за коалиціей, наводняли Францію своими агентами, поддерживали возстаніе въ Вандеѣ, возбуждали возстанія въ другихъ мѣстахъ, вели черезъ иностранныхъ пословъ нескончаемыя интриги въ Парижѣ, устроили возстаніе въ октябрѣ 1795 года (13-го вандемьера),—значить, съ небольшимъ за полгода до открытія заговора бабувистовъ. Время было такое, что трудно было бы не отождествить понятій „роялистъ“, „эмигрантъ“, „иностранецъ“.

Если всего этого мало, приведемъ еще одно доказательство. Директорія, хотя она и расправлялась со всѣми элементами, которые, по ея мнѣнію, шли слишкомъ далеко влѣво, не меньше опасалась и роялистской реакціи. И вотъ въ тотъ самый день, когда были арестованы бабувисты, изданъ законъ, запрещающій пребываніе въ Сенскомъ департаментѣ, между прочимъ, всѣмъ иностранцамъ. Если они не покинутъ департаментъ въ 3 дневный срокъ, законъ угрожаетъ имъ немедленной ссылкой (“*Оларъ*, Политическая исторія французской революціи. М. 1892. Стр. 758),—т. е. такой же карой, какъ и одинъ законопроектъ бабувистовъ.

Слѣдуя своему методу, г. Тарле долженъ сказать, что директорія успѣла познакомиться съ захваченными у бабувистовъ документами,—если только ея члены не находились подъ болѣе непосредственнымъ вліяніемъ Плутарха.

Послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ мы можемъ сказать, что очерки г. Тарле, при всѣхъ своихъ крупныхъ достоинствахъ, страдаютъ серьезными недостатками. И причина заключается въ томъ, что методъ г. Тарле можетъ служить чѣмъ угодно, но только не орудіемъ дѣйствительнаго историческаго познанія.

И. Степановъ.

Н. В. Краинскій. Ученіе о памяти съ точки зрѣнія теоріи психической энергіи. С.-Пб. 1903. Стр. 59.

Правило Гоббса „ *nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu*“—исходный пунктъ воззрѣній нашего автора. Единственный источникъ психической дѣятельности это — вѣщныя раздраженія, которыя въ

нашемъ мозгу превращаются въ представленія. Наша психика, по мнѣнію автора, — аккумуляторъ съ запасомъ энергіи въ скрытой, потенціальной формѣ; эта энергія образовалась за счетъ химическихъ процессовъ въ мозгу, какъ результатъ вѣдшихъ раздраженій, и расходуется частями, по мѣрѣ перехода скрытыхъ силъ въ живую энергію. Стоя на почвѣ закона сохранения энергіи—энергіи всякаго рода, въ томъ числѣ и психической—и закона Вебера-Фехнера о количественной зависимости между силой раздраженія и силой ощущенія, можно принять, что наша психическая личность, наше „я“ опредѣляется исключительно объемомъ накопленной въ нашемъ мозгу *потенціальной* энергіи, — это съ одной стороны; съ другой стороны упомянутые законы даютъ возможность, по мнѣнію автора, уяснить себѣ истинную природу памяти, которая и занимаетъ, главнымъ образомъ, автора въ разсматриваемой книжкѣ. Память есть наиболѣ важная душевная функція; только благодаря ей возможна всякая душевная дѣятельность высшаго порядка, только на ней основана форма мышленія во времени. По закону Вебера-Фехнера съ ростомъ раздраженія въ геометрической прогрессіи ощущеніе нарастаетъ въ прогрессіи арифметической; если составить два соответствующихъ ряда чиселъ—отъ „порога“ ощущенія до его предѣла—боли, то арифметическая разность членовъ обѣихъ прогрессій и выразитъ собой величину памяти (плюсъ величина сопротивленія, потраченная на нервное возбужденіе и проведеніе по нерву). Такой взглядъ на сущность памяти даетъ, по мнѣнію автора, возможность объяснить всѣ проявленія этой функціи съ точки зрѣнія теоріи сохранения энергіи; равнымъ образомъ, авторъ отрицаетъ существованіе безсознательной психической дѣятельности и видитъ въ ней проявленіе перехода скрытой психической энергіи въ энергію живую, дѣятельную. За подробностями отсылаемъ читателя къ самой книжкѣ д-ра Краинскаго, несомнѣнно, очень любопытной, но еще одно замѣчаніе намъ кажется не лишнимъ. На стр. 42—43 авторъ, говоря объ образахъ воспоминанія, прибавляетъ: „они лишены эмоціональной окраски, по крайней мѣрѣ, въ сильной степени“. Это потому, что „эмоціональная окраска ощущенія зависитъ отъ силы раздраженія“ и „воспоминанія всегда слабѣ представленія, потому что количество разряжающейся энергіи меньше, чѣмъ полученной (при воспріятіи Л. В.)“. Но далѣе авторъ самъ приводитъ случаи, когда въ сновидѣніяхъ и галлюцинаціяхъ образы, воспроизведенные на счетъ памяти, настолько ярки, что... сопровождаются „эмоціональной окраской“; откудаже этотъ эмоціональный плюсъ берется? Авторъ не выясняетъ этого.

Л. В.

А. Елистратовъ, пр.-доц. Казанскаго университета. *О прикрѣпленіи женщины къ проституціи* (Врачебно-полицейскій надзоръ)
Стр. VI + 398. Казань. 1903. Цѣна 2 р.

Хорошая, горячо и убѣдительно написанная книга. Авторъ шагъ за шагомъ подробно разсматриваетъ регламентацію проституціи и врачебно-полицейскій надзоръ,—институты, дѣйствительно закрѣпощающія женщину-проститутку въ ея позорномъ промыслѣ. Изъ пестрыхъ рядовъ цифръ, изъ рамокъ сухихъ таблицъ вырисовывается и страшной тяжестью ложится на душу наболѣвшій вопросъ о „бѣлыхъ рабыняхъ“, о загубленныхъ женщинахъ, которыхъ принято мягко называть „жертвами общественнаго темперамента“. Во введеніи авторъ излагаетъ свою общую точку зрѣнія абolicіониста: регламентація проституціи и врачебно-полицейскій надзоръ стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ современными правовыми нормами, почти отрѣзываютъ проституткѣ пути возвращенія къ честному труду, санкционируютъ развратъ въ глазахъ общества и, главное, не имѣютъ оправданія даже съ санитарной точки зрѣнія, такъ какъ, давая иллюзію здоровья поднадзорныхъ проститутокъ, снимаютъ съ „потребителей“ чувство страха и сознание ответственности, увеличиваютъ число этихъ потребителей и значительно усиливаютъ сифилизацію современнаго общества. Выяснивъ въ первой главѣ закрѣпляющій характеръ надзора въ Россіи, авторъ переходитъ къ изученію источниковъ права, на которомъ покоится регламентація и надзоръ, и доказываетъ всю шаткость и спорность этихъ источниковъ. Далѣе слѣдуетъ глава объ идеологіи надзора; авторъ, справедливо считая санитарный моментъ самымъ существеннымъ въ этомъ вопросѣ, рядомъ цифръ опровергаетъ ходячее мнѣніе о томъ, будто кліенты поднадзорныхъ проститутокъ—на частныхъ квартирахъ и въ домахъ терпимости—меньше заражаются венерическими болѣзнями, чѣмъ кліенты проститутокъ „вольныхъ“, и подкрѣпляетъ этотъ выводъ парижскими и русскими данными о заболѣваемости и объ источникахъ зараженія. Въ послѣдней главѣ авторъ излагаетъ принципы абolicіонизма, даетъ его историческій очеркъ и, наконецъ, излагаетъ чаянія и надежды на будущее. Въ концѣ книги приложены статистическія таблицы, иллюстрирующія число больныхъ венерическими болѣзнями, по годамъ, въ англійской и итальянской арміи и въ гражданскомъ населеніи Христіаніи и Копенгагена; данъ также очень полный указатель русской и иностранной литературы вопроса.

Мы позволимъ себѣ остановиться на нѣсколькихъ поразительныхъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ. Что особенно цѣнно въ разбираемой книгѣ это—сильно бьющая въ ней струя общественности: авторъ вездѣ подчеркиваетъ разницу „нормъ“ или, вѣрнѣе, „усмотрѣній“ по отношенію къ

женщинамъ-проституткамъ низшихъ, немущихъ классовъ и проституткамъ класса привилегированнаго. Несомнѣнно, институтъ такого серьезнаго общественнаго значенія, какъ регламентація проституціи, отражаетъ основныя свойства эпохи, и если упомянутая „разница“ существуетъ вообще, она не можетъ не существовать и здѣсь. Но тѣмъ суровѣе надо отнестись къ заявленіямъ регламентистовъ, которые, провозглашая своей цѣлью единственно оздоровленіе народа, дѣлають при этомъ существенную разницу въ стараніяхъ оздоровить ищущіе и немущіе классы и въ отношеніяхъ къ представителямъ тѣхъ и другихъ. По § 156 Правилъ Рижскаго Врач.-Полиц. комитета, комитетъ, получивъ извѣстіе объ источникѣ заразы (венерической), если имѣетъ достаточныя къ тому поводы, вызываетъ къ себѣ указанное лицо, но только въ томъ случаѣ, „если оно принадлежитъ къ низшимъ классамъ населенія“. (0 прикрѣпленіи женщины, стр. 24, и далѣе). Сколько грубаго произвола дѣлается во имя регистраціи и надзора, трудно и считать; укажемъ для примѣра на не въ мѣру усерднаго полицейской пристава М., въ началѣ девяностыхъ годовъ, который „приказалъ своему помощнику съ наступленіемъ ночи арестовать *всѣхъ* женщинъ живущихъ во второй части г. Симбирска, и представить ихъ на слѣдующій день къ освидѣтельствованію!“ (стр. 45). Сколько холодной жестокости, игнорированія человѣческой личности и дикагосумбура вносятъ система-регламентаціи и надзора въ головы и сердца людей, быть можетъ, даже благожелательныхъ и культурныхъ. Таково пожеланіе ревельскихъ врачей въ докладѣ Съѣзду борьбы съ сифилисомъ въ 1897 годѣ въ Петербургѣ— „пожеланіе дѣлать непослушныхъ проституткоу въ арестныхъ помѣщеніяхъ при полиціи!“ (стр. 365) или пожеланіе „клеить у проституткоу видъ на жительство краснымъ клеймомъ съ буквами „р. р.“ („puella publica“ *ibid.*). Пропуская множество подобныхъ примѣровъ, мы остановимся только на одномъ еще.

Нѣкоторые комитеты врачей ходатайствуютъ передъ Съѣздомъ объ устройствѣ полковыхъ домовъ терпимости, указывая при этомъ на прецедентъ—устройство подобныхъ „домовъ“ генераломъ Скобелевымъ во время Ахаль-Текинской экспедиціи! (стр. 367). Еще болѣе тягостное впечатлѣніе производить „циркуляръ“ (въ 80-хъ годахъ) англійскаго правительства индійскимъ властямъ; циркуляръ „предписываетъ устроить публичные дома, обставленные съ надлежащимъ комфортомъ“, и „снабдить армію достаточнымъ числомъ привлекательныхъ женщинъ“ (стр. 368). Въ теченіе 5 лѣтъ послѣ приведенія этого циркуляра въ исполненіе венерическія болѣзни среди солдатъ въ Индіи поднялись съ 271 на 1000 до 372 на 1000 человекъ! „Государственная“ проститутки въ Индіи настолько не оцѣнили стараній правительства, что въ 1888 году число женщинъ, ускользнувшихъ

путемъ бѣгства, смерти или самоубійства изъ комфортабельныхъ правительственныхъ притоновъ, достигло 42,4% общаго числа поднадзорныхъ проститутокъ! (стр. 369, 370). Но довольно выписокъ; мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ и горячо рекомендуемъ эту страстную и трезвую въ то же время защиту идеаловъ свободы равенства и истинно-понятыхъ интересовъ народнаго здоровья.

Врачъ Л. Василевскій.

Аквариумъ. Руководство къ уходу за аквариумомъ и его населеніемъ, Описаніе водяныхъ растений и животныхъ. Составилъ В. П. Миллеръ членъ общества любителей комнатныхъ растений и аквариумовъ. Изд. 2-е дополненное и исправленное, А. Ф. Девриена. Съ 91 рисункомъ въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1903 г. Стр. 133. Цѣна 1 р. 35 к., въ папкѣ 1 р. 60 к.

Право гражданства, все болѣе завоевываемое въ нашей школѣ естествознаніемъ, тогда только будетъ жизненно и прочно, когда сами учащіеся не будутъ ограничиваться лишь школьными занятіями, въ большинствѣ случаевъ съ практической стороны обставленными весьма скудно, но воспользуются этими занятіями какъ толчкомъ, побуждающимъ къ самостоятельнымъ наблюденіямъ. Одной изъ областей, доступныхъ наблюденію каждаго круглый годъ, является мірокъ, заключающійся въ аквариумѣ, обитаемыми котораго могутъ быть довольно многочисленныя и разнообразныя представители животнаго и растительнаго царства. Обыкновенно начало очень трудно, и, навѣрно, многихъ даже имѣющихъ желаніе завести аквариумъ останавливала именно мысль объ этой трудности. Что такое желаніе хотъ бы только позабавиться напр. золотыми рыбками существуетъ, подтверждается уже однимъ тѣмъ, что на „вербахъ“ продаются тысячи этихъ рыбокъ и уносятся въ банкахъ и стаканахъ домой, но обыкновенно и кончаютъ свою жизнь въ этихъ же стаканахъ очень скоро, благодаря неумѣнью приспособить ихъ для болѣе продолжительнаго существованія. Книга г. В. П. Миллера очень удачно восполняетъ недостатокъ въ недорогомъ и въ то же время полномъ и удобопримѣнимомъ руководствѣ къ устройству аквариума и уходу за нимъ. Выборъ растений и животныхъ если и не полонъ, то во всякомъ случаѣ достаточно обилень и разнообразень для всякаго вкуса. Вполнѣ справедливо заключая, что имѣющій средства купить матеріалъ для устройства аквариума, сможетъ купить и самый аквариумъ (сосудъ) г. Миллеръ не даетъ совѣтовъ какъ любителю самому его сдѣлать, избавляя такимъ путемъ гг. любителей отъ многихъ огорченій и разочарованій, но въ другой области онъ зато открываетъ

широкій просторъ для самостоятельности, такъ какъ относительно всѣхъ нашихъ растений и рыбъ даетъ подробныя указанія, какъ ихъ добывать самому, не прибѣгая къ помощи торговцевъ. Точно также авторъ, на основаніи собственныхъ наблюденій, сообщаетъ приемы разведенія рыбъ въ своихъ аквариумахъ. Прекрасно исполненныя изображенія почти всѣхъ описанныхъ въ книгѣ обитателей аквариума, даютъ возможность начинающему любителю выбирать растения и рыбъ по своему вкусу. Почти вездѣ указанныя приблизительныя цѣны даютъ возможность дѣлать предварительный подборъ, сообразуясь со своими средствами. Написана книга простымъ, удобопонятнымъ языкомъ. Къ книгѣ приложены: 1) Списокъ сочиненій объ аквариумахъ, рыбахъ и водяныхъ растенияхъ и 2) Адреса торговцевъ аквариумами, рыбами, растениями и т. п., какъ русскихъ такъ и иностранныхъ. Последнее особенно важно для провинціи.

Издана книга прекрасно, и назначенная цѣна не является высокой.

И. Леонтьевъ.

Хрупъ. Воспоминанія крысы-натуралиста. Сообщилъ А. Л. Яценко, учитель естествовѣдѣнія и географіи въ спб. александровскомъ и всеніинскомъ институтахъ и въ женской гимназій Лохвицкой-Скалонъ. Иллюстрировано 305 орг. рис. перомъ и 6 автотипіями художника И. Ф. Никонова. С.-Петербургъ, 1903 г. Стр. 410. Цѣна 2 р.

Носящая это заглавіе книга представляетъ собою повѣствованіе о похожденияхъ крысы Хрупъ, все время ведущееся отъ лица самой крысы, и предназначена для ознакомленія юныхъ читателей съ жизнью и нравами многихъ, самыхъ разнообразныхъ животныхъ умѣреннаго и отчасти жаркаго климата, при чемъ большая часть животныхъ изображается въ условіяхъ ихъ естественнаго существованія, что особенно цѣнно для читателей городскихъ, не имѣющихъ возможности лично наблюдать жизнь природы. Въ имѣющихъ же эту возможность увлекательная книга должна пробудить желаніе своими глазами увидѣть, провѣрить написанное, такъ какъ способы наблюденія, практиковавшіеся крысой Хрупомъ, въ большинствѣ доступны и для юныхъ двуногихъ наблюдателей. Авторъ старается выяснитъ причинную связь между отдѣльными моментами и фактами и такимъ образомъ наталкиваетъ читателя на мысль объ общихъ законахъ природы, которымъ подчиняется все живущее на землѣ. Вообще съ этой стороны книга вызоветъ несомнѣнный интересъ у своихъ читателей.

Не такъ, однако, благополучно обстоитъ дѣло въ стилистическомъ отношеніи. „Книга дѣтской литературы, — говоритъ авторъ въ поясненіи, — должна удовлетворять *обязательно* двумъ требованіямъ: она должна быть

интересной, она должна быть *полезной*". Второе условіе авторомъ выполнено достаточно хорошо, противъ перваго же онъ грѣшитъ мѣстами очень сильно. Несмотря на цѣлую дюжину редакторовъ (поименованныхъ въ началѣ книги), а быть можетъ, благодаря именно этому обстоятельству, рассказъ мѣстами поражаетъ своею монотонностью и безжизненностью, при всей внѣшней вылощенности слога. Неудачны поддѣлки подъ простонародную рѣчь старика полѣсовщика и другихъ персонажей этого рода. Самой крысъ болѣе удается эпическій тонъ, лирической же непріятно поражаетъ сантиментальностью; тою же сантиментальностью отдають и разсужденія ученаго естествоиспытателя о его любви къ животнымъ и необходимости убивать ихъ для коллекціи, разсужденія, заканчивающіяся цѣлованьемъ убитыхъ птичекъ. Встрѣчаются фразы, которыя никакъ нельзя назвать удачными въ стилистическомъ отношеніи. Напр., „На мою же долю выпало нѣчто иное и такое иное, *что* теперь я на старости и дряхлости лѣтъ не могу не вспомнить всего, *что* со мной случилось, потому *что* то, *что* я пережила“... и т. д. (стр. 15). Кой гдѣ проскальзываютъ, думаемъ, по недосмотру, выраженія въ родѣ: „подобныя *сему* наблюденія“ (стр. 19), „*дабы* знать“ (стр. 20), умѣстныя, пожалуй, въ канцелярской бумагѣ, но никакъ не въ книгѣ для дѣтей. А то вдругъ наталкиваешься на совсѣмъ ужъ непонятное выраженіе: „*Вытря* ротъ“ (стр. 129). Вообще слогъ книги довольно тяжелъ.

Принявъ, однако, во вниманіе всѣ достоинства и недостатки книги, мы не можемъ не признать значительнаго перевѣса первыхъ надъ вторыми и отъ души желаемъ книгѣ распространиться, а г. Яценко — сгладить въ новомъ изданіи, о которомъ онъ упоминаетъ въ „поясненіи“, бросающіяся въ глаза шероховатости изложенія.

Издана книга изящно, многочисленные рисунки перомъ очень хороши и расположены удачно.

И. Леонтьевъ.

Изданія историческаго общества при императорскомъ московскомъ университетѣ. Подъ редакціей проф. Вл. Ив. Герье. „Людовикъ IX, король-подвижникъ“.

Изданія исторической комиссіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаний: 1) „Въ римскомъ циркѣ“, составила Е. Мельгунова. 2) „Будда, его жизнь и ученіе“, составилъ Платонъ Лебедевъ. 3) „Страна пирамидъ“, составила М. Мельгунова.

Названныя брошюры представляютъ собой образцы изданій двухъ ученыхъ обществъ, при чемъ изданія историч. общ. при московск. универси-

тѣтъ выходятъ подъ редакціей всѣмъ извѣстнаго профессора, Вл. Ив. Герье. Первый номеръ изданій этого общества сопровождается даже его предисловіемъ, гдѣ заслуженный профессоръ высказываетъ свой взглядъ на задачи популяризаціи всеобщей исторіи для *народа*. „Неоднократно высказывалось какъ въ печати, такъ и въ обществѣ“,—говоритъ проф. Герье, —„желаніе сдѣлать всеобщую исторію доступной для народа“. И вотъ, историч. общество московск. универс. идетъ навстрѣчу этому желанію и создаетъ „для народа“ историческую литературу. Такъ какъ такая литература можетъ служить полезнымъ пособіемъ для народныхъ чтеній, то общество и рѣшило составлять свои брошюры въ формѣ чтеній „для народа“. Но очевидно: одно дѣло—просто издавать популярную историческую литературу,—такая литература можетъ сослужить хорошую службу въ умственномъ развитіи всѣхъ тѣхъ читателей, которымъ недоступны серьезныя историческія сочиненія,—и совсѣмъ иное дѣло представляетъ изъ себя подборъ подобныхъ чтеній. Профессоръ Герье говоритъ, что при составленіи чтеній издательству историческаго общества приходилось прибѣгать къ такимъ упрощеніямъ, какъ, напр., въ брошюрѣ о *неграхъ* просто сказано, что Вильберфорсъ занималъ важную правительственную должность, такъ какъ „неудобно было бы объяснять читателю чуждый и сложный государственный строй Англіи“. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ составлять чтенія по всеобщей исторіи, если неудобно объяснять государственный, экономическій или какой-либо иной строй жизни другихъ народовъ. Дѣйствительно, русскій читатель изъ даннаго ученымъ обществомъ опредѣленія, навѣрное, вынесетъ представленіе, что Вильберфорсъ былъ просто вѣрнымъ чиновникомъ. Затѣмъ, профессоръ Герье старается подбирать „для народа“ рассказы, которые не были бы чужды „степени его развитія и міровоззрѣнію“, и особенно намѣренъ избѣгать всего того, что можетъ „вызвать въ немъ вопросы, на которые онъ не найдетъ отвѣта“. Почему проф. Герье предполагаетъ у такъ называемаго имъ „народа“ какое-то особое міровоззрѣніе, за предѣлы котораго ему не слѣдуетъ совѣщаться? Почему онъ не хочетъ его знакомить съ міровоззрѣніями другихъ временъ и народовъ и боится вызвать въ немъ какіе-то неподходящіе вопросы, и почему, наконецъ, онъ уже такъ увѣренъ, что на эти вопросы у „народа“ не найдется отвѣта? Итакъ, со всѣми такими „ограниченіями“, профессоръ Герье останавливается на нѣсколькихъ подходящихъ темахъ. Первой брошюрой издательства онъ выпускаетъ „короля-подвижника“, и въ самомъ дѣлѣ, кажется, видѣть въ Людовикѣ IX христіанскаго подвижника. Или, можетъ быть, такое отношеніе къ нему вырабатывается тоже специально „для народа“, чтобы не выходить изъ предѣловъ его міровоззрѣнія?

Брошюра „Людовикъ IX“ состоитъ изъ трехъ чтеній и начинается краткимъ описаніемъ положенія христіанъ въ Палестинѣ и первыхъ крестовыхъ походовъ. „Въ то время,—говоритъ авторъ брошюры,—еще не было ни одного изъ теперешнихъ сильныхъ христіанскихъ государствъ — ни Россіи, ни Германіи, ни Австріи, ни Итали; во Франціи же и въ Англіи не было *единой сильной* ¹⁾ власти—и *потому* ²⁾ некому было помочь грекамъ противъ арабовъ“. А затѣмъ далѣе, начиная біографію Людовика IX: „Много было во Франціи хорошихъ королей; но ни одинъ изъ нихъ не оставилъ такой доброй памяти, какъ Людовикъ IX“. Да, добрую память оставилъ по себѣ этотъ ограниченный, суевѣрный король, канонизированный католическимъ духовенствомъ за то, что онъ наводнилъ всю Францію доминиканскими монастырями; за то, что въ его царствованіе во всѣхъ ея большихъ городахъ царили инквизиціонные трибуналы, и дымъ многочисленныхъ костровъ, сжигающихъ еретиковъ, и стоны пытаемыхъ въ инквизиціонныхъ застѣнкахъ улаждали добрую душу благочестиваго короля. „Ты—не король, а монахъ на престолѣ!“ сказала ему въ глаза одна женщина, и король самъ не нашелся опровергнуть ее. Вся брошюра представляется изъ себя цѣлый панегирикъ сумасброднымъ походамъ этого недалекаго короля, лившаго, какъ воду, кровь своихъ подданныхъ, ради своихъ безумныхъ фантазій; а его злополучные крестовые походы противъ мусульманъ, которые не находятъ себѣ сочувствія даже ни въ одномъ самомъ отсталомъ учебникѣ исторіи, кажутся автору брошюры и ея редактору, профессору Герье, истинно-христіанскими подвигами. „Какъ христіанинъ, онъ остается образцомъ и для насъ“,—говоритъ авторъ. Это, вѣроятно, тоже предназначается въ поученіе тому самому „народу“, для котораго специально составлена данная брошюра. Отъ ученаго общества и отъ ученаго редактора мы могли бы требовать болѣе научнаго отношенія къ вопросу и болѣе правильнаго освѣщенія такого крупнаго событія среднихъ вѣковъ, какъ крестовые походы, а не однихъ только благочестивыхъ восторговъ передъ святостью неспособныхъ королей. Католическая церковь, ради своихъ опредѣленныхъ цѣлей, канонизировала не только такихъ полезныхъ для нея королей, но и множество инквизиторовъ, особенно пострадавшихъ за свои насилія отъ вспышекъ народнаго гнѣва. У насъ сейчасъ нѣтъ въ рукахъ остальныхъ изданій московскаго ученаго общества, но предисловіе редактора указываетъ на ихъ общее направленіе; и, по нашему мнѣнію, такое специально изготовленное для „народа“ изложеніе всеобщей исторіи не составитъ дѣйствительно развивающаго чтенія для читателя популярныхъ книгъ.

1) Курсивъ мой.

2) Курсивъ мой.

Зато мы съ удовольствіемъ останавливаемся на изданіяхъ другого ученаго общества, а именно, на изданіяхъ истор. комисс. учебн. отд. общества распротр. техн. знаній. Задача этой комиссіи, очевидно, тоже состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать историческія знанія доступными широкой массѣ читателей. И задачу эту она выполняетъ очень удовлетворительно. Въ брошюрѣ „Въ римскомъ циркѣ“ авторъ въ простомъ и толковомъ разказѣ знакомитъ читателей съ нѣкоторыми характерными чертами римской жизни и затѣмъ останавливается на основной темѣ своей брошюры, на описаніи римскаго цирка съ его играми и забавами. Описание составлено очень живо, картинно и читается съ интересомъ. Брошюра, какъ и всѣ остальные изданія исторической комиссіи, сопровождается недурными иллюстраціями.

Такъ-же живо и интересно составлена и брошюра „Будда, его жизнь и учение“. Тема эта много разъ популяризировалась и будетъ еще популяризоваться различными издательствами, потому что она, дѣйствительно, даетъ богатый матеріалъ для описанія древней индусской жизни и изложенія индусской философіи. Авторъ заканчиваетъ свою брошюру краткой исторіей буддизма и изображеніемъ его современнаго состоянія. Это—очень цѣнное дополненіе, потому что важно показать читателю, что древняя индусская философія не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ религіознымъ культомъ буддизма.

Недурно составлена и брошюра М. Мельгуновой „Страна пирамидъ“, дающая читателю описаніе древняго Египта. Но авторъ, очевидно, очень старается поддѣлать простоту языка и, благодаря этому, ему не удалось избѣжать нѣкоторой примитивности идеи. Такъ, наприм., вотъ какъ объясняетъ онъ, почему въ Египтѣ раньше, чѣмъ у другихъ народовъ, развилась цивилизація: „Много пришлось думать египтянамъ, какъ бы прожить безъ горя свою жизнь, а потому народъ этотъ сталъ много понимать изъ того, о чемъ другіе народы въ то время, то есть за 5000 лѣтъ до Р. Х., даже и не думали“. Такъ же примитивно изображаетъ онъ и всю сложную религію и древнюю философію египтянъ. Но во всякомъ случаѣ, брошюра составлена очень толково и добросовѣстно и даетъ не мало полезнаго матеріала для чтенія какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея. Ее съ интересомъ прочтаетъ и взрослый читатель популярныхъ книгъ.

Брошюры историч. комис. изданы очень изящно, напечатаны яснымъ, крупнымъ шрифтомъ и имѣютъ только тотъ серьезный недостатокъ, что онѣ очень дороги. Это, разумѣется, будетъ сильно тормазить ихъ распространеніе въ широкой массѣ читателей.

В. Величина.

Журнальные замѣтки.

(„Русская Мысль“—февраль и мартъ, „Миръ Божій“—мартъ).

Г. Тимковскій очень часто возвращается къ характеристикѣ *сильныхъ и слабыхъ* людей и ихъ взаимныхъ отношеній. Наиболее удачнымъ изъ произведеній, посвященныхъ этому вопросу, является его талантливая драма „Сильные и слабые“. Къ сожалѣнью, Дмитрій Претуровъ—*сильный* въ этой пьесѣ, обрисованъ гораздо тусклѣе слабыхъ, и самая сила его не возбуждаетъ особенной симпатіи. Чѣмъ силенъ Дмитрій Претуровъ?—Во первыхъ адвокатскими талантами, давшими ему хорошія жизненныя средства безъ нарушеній правилъ порядочности, во вторыхъ значительной безжалостностью съ слабыми. Другого мы ничего не видимъ. Насколько широкъ размахъ дѣятельности этого сильнаго? что онъ творить? съ кѣмъ, какъ и за что борется? Мы этого не знаемъ. Претуровъ силенъ, но въ границахъ обывательщины.

Тотъ же вопросъ объ особенностяхъ сильныхъ и слабыхъ и ихъ взаимныхъ жизненныхъ отношеніяхъ ставитъ г. Тимковскій и въ повѣсти „Вокругъ своей оси“, помѣщенной имъ въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“.

Но новая повѣсть г. Тимковскаго гораздо менѣе удовлетворительна, чѣмъ вышеупомянутая драма.

Г. Тимковскій сводитъ силу и слабость почти начисто къ состоянію здоровья. *Слабые* у него—больные эгоисты, все время ощущающіе свое несчастное, хворое я, сухіе, черствые люди, у которыхъ самая любовь къ близкимъ, необходимымъ для нихъ лицамъ искажается, преломляясь въ ихъ больныхъ сердцахъ. *Сильные* у Тимковскаго тоже эгоисты; всё у него вращается только „вокругъ своей оси“, но эгоисты съ здоровыми желудками и нервами.

Хиль, жалокъ и противень Налегинъ, но не менѣе противень докторъ, вѣчно спокойный, веселый, улыбающійся и прозябающій мѣщанскою жизнью въ свое удовольствіе. Героиня Тимковскаго, мятущаяся между слабыми и сильными, „видѣла, что этотъ добродушно посмѣивающійся человекъ несоизмѣримъ съ привычнымъ кодексомъ ея морали (впрочемъ, довольно шаткимъ и неяснымъ для нея самой), какъ несоизмѣримъ голый дикарь или ребенокъ съ обычными требованіями приличій“.

Дѣйствительно, доктору г. Тимковскаго нѣтъ дѣла ни до добра, ни до зла, но не потому, что онъ *переросъ ихъ*, а потому, что *не доросъ*: въ немъ нѣтъ личности, это просто здоровый желудокъ съ приложеніемъ остальныхъ необходимыхъ органовъ. Это ли человѣческая сила? Если мѣрить такимъ аршиномъ, то маленькая глыба сильнѣе всякаго существа, обладающаго нервами.

Героиня г. Тимковскаго въ жаждѣ личнаго счастья бросила свою хилую семью, разбивъ тѣмъ окончательно этихъ жалкихъ людей, попробовала пожить съ желудкомъ, докторомъ, и, конечно, скоро вернулась въ прежній лазаретъ. Пожелать *своего* пути она и не подумала. Почему? Развѣ нѣтъ много исхода для женщины, какъ мужъ или любовникъ? Развѣ нѣтъ людей, вертящихся эгоистически „вокругъ своей оси“, но не нуждающихся въ поддержкѣ, и все же не равнодушныхъ до животности?—Такихъ авторъ намъ не показываетъ. Напротивъ, словно желая подчеркнуть драму, пережитую его героиней, и ея смыслъ, г. Тимковскій рисуетъ параллельно ея брата. Этотъ—нищенникъ. Вотъ его исповѣдь вѣры: „Тебѣ, повидамому, кажется жестокимъ то, что я говорю. Но, вѣдь, это не мы съ тобой выдумали: это говорятъ законы жизни, законы природы, эволюціи. Посади черезчуръ тѣсно два растенія: одно изъ нихъ, болѣе сильное, болѣе живучее, вырастетъ за счетъ другого. Здѣсь дилемма: задушить или быть задушеннымъ. Существуетъ только одинъ вполне реальный несомнѣнный законъ, который говоритъ: расти, питайся, развивайся, крѣпни, ищи для себя простора, проявляй возможно шире и полнѣе свою индивидуальность и будь неумолимъ въ своихъ естественныхъ правилахъ. Всѣ остальные законы суть только фикція. Отживающее все равно не возродится къ жизни, чахнувшее зачахнетъ, безсильное, безличное будетъ стерто съ лица земли. Отступленіе отъ основного закона, изъ какихъ бы мотивовъ оно ни исходило, ведетъ неизбежно къ упадку жизни, къ пониженію ея уровня, къ регрессу. Это я началъ испытывать на самомъ себѣ. Хорошо, что я во время спохватился и расправилъ крылья“.

„Мнѣ говорятъ: у васъ жена, ребенокъ... Прекрасно-съ! Но что вы этимъ хотите доказать?—говорилъ онъ какъ бы въ пылу спора съ кѣмъ-то невидимымъ.—И жена, и ребенокъ хороши только тогда, когда есть

жизни, а если эту жизнь принципиально убивают во мнѣ и вокруг меня... убивают во имя той же семьи? И замѣть, безъ всякой необходимости, а прямо принципиально: „если женатъ, то будь клячей; если есть семья—то ты не смѣешь жить, мыслить, интересоваться чѣмъ-нибудь, кромѣ семейныхъ дрязгъ; ты обязанъ быть собакой при своей конурѣ“. Но позвольте: гдѣ же права человѣческой личности? Вѣдь, тутъ застой, конецъ развитію, смерть! Да я не хочу никакихъ узъ ни семейныхъ, ни общественныхъ, и *никогда не позволю себя обузять*. Собаку вы можете сдѣлать домашнимъ животнымъ, а волка никогда-съ. Всякій небезличный индивидуумъ есть по натурѣ волкъ и обязанъ быть таковымъ, иначе онъ сдѣлается дрянью, плѣсенью! А кому нужна плѣсень? На что она годится?“

„Я просто хочу быть самимъ собой.

„Прежде говорили „эгоизмъ“ и прописывали противъ него разныя моральныя микстуры, а теперь начинаютъ видѣть въ этомъ залогъ пышнаго развитія человѣческой личности, и стало-быть, и жизни. Серьезно любить мы должны только свое „я“, и все остальное—цѣнигъ постольку, поскольку оно нужно, интересно, полезно для нашего „я“. Семья способствуетъ росту моей личности—я принимаю семью, мѣшаешь росту—я отвергаю ее. Также и любовь, дружба, и наука, и... и всякая штука!“

Нищенисть г. Тимковскаго „расправилъ крылья“ и, чтобы не позволить „обузять“ себя, перелетѣлъ на своихъ расправленныхъ крыльяхъ въ номера отъ жены и дѣтей. Но столь смѣлый, трудный и рѣшительный шагъ не увѣчался успѣхомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ борьбы съ нуждой, герой нашъ вернулся подъ команду тещи.

— „Зачѣмъ же ты помирился съ ними?“ спрашиваетъ Налегина.

— „Зачѣмъ помирился?—хмыкнулъ Юрій Павловичъ съ горькой усмѣшкой.—Зачѣмъ, что вся наша жизнь наполнена обывателями, и вѣкъ ихъ нѣтъ спасенья. Всѣ сидятъ въ клѣткахъ или на своихъ насѣстахъ, а кто вылетитъ изъ клѣтки, тотъ съ голоду подохнетъ... или заклюютъ его тѣ же обыватели. Вотъ мнѣ отъ урока отказали; это все маменька моей жены, все ея штуки. Я давалъ уроки у ея знакомыхъ; она тамъ наговорила на меня,—ну и... Да и вообще омерзѣло мнѣ таскаться по номерамъ и комнатамъ: прямо одурь взяла. У насъ, вѣдь, это все такъ идиотски устроено... Да и пріятели мои тоже... чортъ бы ихъ побралъ. Ивашковъ отрицаетъ всякія рамки, проповѣдуетъ, что ни къ чему не надо прикрѣпляться, а самъ покупаетъ себѣ имѣнье въ Крыму, строитъ дачу, за которую хочетъ взять бѣшенныя деньги. Надоѣли мнѣ до апаемы всѣ эти разговоры! „Личность... свободная мысль... новыя формы жизни... полеть индивидуальности“...—а сами всѣ пристроились около какой-нибудь

лежанки и грѣются. А я вотъ буду курить и спать, а все остальное—къ чортовой матери“.

Такъ уничтожаетъ г. Тимковскій устами Юрія „новыхъ свободныхъ людей“.

Читатель видитъ, какъ узокъ кругозоръ повѣсти. Единственный сильный—силенъ своею свинской гармоничностью; остальные—безнадежнѣйшіе обыватели, которые даже *прокормить* себя не могутъ, и только шипятъ на какого-то Ивашкова за то, что онъ хорошо ведетъ свои коммерческія дѣла, что во всякомъ случаѣ нисколько не противорѣчитъ индивидуализму самому по себѣ. Всякое идейное, широкое значеніе повѣсти исчезаетъ, именно вслѣдствіе того, что ни сильные, ни слабые не выходятъ за рамки обывательской канители, не возбуждаютъ ни симпатій, ни жалости, а одно лишь чувство: пропадите вы всѣ пропадомъ, жалкіе, скучные людшки!

А, вѣдь, есть и другіе *слабые*, создающіе именно благодаря слабости своей своеобразную красоту любви, жалости, братства, солидарности, или хоть красоту утомленнаго жизнеогрицація... Есть сильные, которые, не переставая „вращаться вокругъ своей оси“, находятъ лучезарныя солнца идеаловъ, становящіяся источникомъ жизни, творчества, побѣд! Такихъ слабыхъ, такихъ сильныхъ, интересныхъ противниковъ, борющихся уже тысячу лѣтъ за преобладаніе въ моральномъ мірѣ, у г. Тимковского нѣтъ: только обыватели, обыватели да обыватели... Описываютъ ихъ, описываютъ... Много ихъ, это правда... но и надоѣли-же они, ужась!

Въ рассказѣ г-жи Милицыной „Идеалистъ“ мы находимъ идиллическое изображеніе священника-праведника. Рассказъ написанъ недурно, но священники-праведники описывались многократно и все приблизительно въ одномъ тонѣ.

Читаешь рассказъ г-жи Милицыной и кажется, что уже много-много разъ читалъ его. И далѣе: цѣлый рядъ „дурныхъ пастырей“ съ ихъ поборами, доносами и т. п. давно знакомъ, и юноша, сынъ идеалиста-священника, вступающій на другой путь служенія народу—то же уже гдѣ-то, и неоднократно, изображался. Идиллія хороша, но когда вспомнишь, съ чѣмъ неразрывно связана она, то думаешь: Богъ съ ней, скорѣе дальше и впередъ! И въ концѣ концовъ сознаешь, какъ она чужда и далека тебѣ, даже въ припомаженномъ и подсахаренномъ видѣ, въ каковомъ преподноситъ ее г-жа Милицына.

Недуренъ въ мартовской книжкѣ того-же журнала рассказъ г. П. Печелина „Милліонщикъ“. Правда, и милліонщиковъ, нажившихъ всеми неправдами свои милліоны и не находящихъ въ нихъ подъ старость никакого утѣшенія, мы знаемъ по цѣлымъ сотнямъ однообразныхъ повѣстей и

разказовъ, знаемъ и ихъ благочестивыхъ вѣчно-молящихся за грѣхи мужа женъ, всю ихъ обстановку... но въ разказѣ г. Пчелина намѣчено много интересныхъ подробностей, набросаны силуэты оригинальные, только все это вдругъ брошено посрединѣ, оборвано.

Не думаль-ли г. Пчелинъ развить свой разказъ? Все производить такое впечатлѣніе, словно онъ неожиданно для себя самого скомкалъ его. Не дано воздуху ни отцу Стефану, интересному священнику, перерождающемуся на старости лѣтъ подъ вліяніемъ судьбы, постигшей его непокорнаго сына, ни сыновьямъ милліонщика, которые до конца остаются какими-то загадками.

И это жаль; основная мысль повѣсти интересна: жизненный опытъ путемъ скорбныхъ разочарованій приводитъ стариковъ къ переоцѣнкѣ цѣнностей, и въ этой переоцѣнкѣ они неожиданно-близко подходятъ къ той молодежи, которая протестовала явно или тайно противъ того режима, которымъ старики душили вокругъ себя все живое, когда были полны силъ.

Совсѣмъ наивенъ разказъ г. Порошина „Ночь на Волгѣ“. Въ немъ есть босяки, рабочіе и проститутки, но не настоящіе, а до смѣшного такіе, какими представляютъ ихъ себѣ средніе гимназисты, начитавшіеся Горькаго. Чтобы г. Порошинъ дѣйствительно пережилъ изображенную имъ ночь на Волгѣ,—этому я никогда въ жизни не повѣрю: вмѣсто людей у него книжныя и неискусно состряпанные шаблоны, а посему и повѣсть его никому не можетъ быть нужной, кромѣ какъ автору въ качествѣ пробы пера.

Чрезвычайно сильное впечатлѣніе производитъ разказъ г. М. Арцыбашева „Бунтъ“, напечатанный въ мартовской и апрѣльской книжкахъ „Міра Божьяго“.

Въ этомъ разказѣ не только много чувства, искренняго негодованія и искренней любви, но весь онъ полонъ настоящими живыми людьми, цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ, реальныхъ, подлинныхъ образчиковъ представителей различнѣйшихъ общественныхъ группъ. Даже недостатки разсказа можно признать за достоинства. Такъ, г. Арцыбашевъ безусловно допустилъ слишкомъ много свѣтлыхъ и чистыхъ красокъ въ свое изображение проституттокъ. Ни на минуту не сомнѣваясь въ томъ, что въ этой глубоко несчастной средѣ, среди этихъ вопіющихъ жертвъ современнаго общественнаго строя, могутъ встрѣтиться и встрѣчаются дѣвушки на рѣдкость чистыя, милыя, глубокія, мы не думаемъ, однако, чтобы онѣ почти сплошь были такими, какъ хочетъ этого г. Арцыбашевъ; врядъ ли возможно

также, чтобы ужасная атмосфера „деми“ не накладывала на них печати почти неизгладимой. Но пусть г. Арцыбашевъ нарисовалъ „отверженных“ лучшими, тѣмъ дѣлаетъ ихъ наша подлая дѣйствительность, и *это* хорошо, хорошо потому, что усиливаетъ непосредственное впечатлѣніе, главный контрастъ всего разсказа: контрастъ между сознаниемъ преступленія общества передъ несчастными дѣвушками и картиной той высокомерной, лицемерной помощи, отравленной злобой, тайной завистью и трусостью, какую общество оказываетъ „кающимся“. Мастерски обрисовываетъ авторъ отношеніе къ этимъ бѣднымъ кающимся развращенныхъ до мозга костей свѣтскихъ дамъ-патронессъ, которыя не могутъ въ сущности ничѣмъ помочь и сами знаютъ существенную разницу между собою и ими; старыхъ, безобразныхъ и добродѣтельныхъ помощницъ этихъ дамъ, вымещающихъ на молодыхъ дѣвушкахъ обиду своего физическаго безобразія и вынужденной добродѣтели.

На самый искренній порывъ слѣдуетъ такой расколаживающей, злой отвѣтъ, такая формальная и жесткая „помощь“, что порывъ этотъ неминуемо долженъ исчезнуть. О тѣхъ же, кто „спасается“ лишь отъ усталости, бѣдности, и говорить нечего,—слишкомъ жалка та участь, которую готовятъ спасительницы дамы-патронессы. Мало-мальски умная „кающаяся“ сразу точно и ясно опредѣляетъ свое отношеніе къ нимъ:

„Съ ихними же мужьями гуляемъ, пока онѣ насъ спасаютъ! У этой Лидки Краузе (дамы патронессы), что ни туалетъ, то и тысяча, а для спасенья?.. Ради мужчинокъ же одѣваются, да оголяются, а что денегъ за это не берутъ, такъ только потому, что свои есть! Спасаютъ... Было бы отъ чего!..“

Но г. Арцыбашевъ не останавливается на этомъ. Съ большой тонкостью рисуетъ онъ, что переживаетъ молодой и искренній, хорошій даже, хотя и дюжинный, представитель „порядочныхъ людей“, сталкиваясь съ искреннимъ порывомъ поруганной обществомъ дѣвушки къ счастью, чистотѣ, къ человѣческой жизни.

Студентъ Рославлевъ съ удовольствіемъ протянулъ руку помощи Сашѣ, героинѣ разсказа, и сталъ, конечно, героемъ и богомъ въ ея глазахъ. Авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „Какъ у громаднаго большинства мужчинъ любовь начинается съ абсолютно физическаго влеченія, такъ у женщинъ она проявляется идеализаціей достоинства мужчины. И тѣмъ женщина болѣе угнетена и обижена нравственно, тѣмъ больше склонна она къ идеализаціи и любви. Если женщины дурнаго поведенія рѣдко любить искренне, то это только оттого, что мужчины подходятъ къ нимъ такъ, что не остается мѣста ни для какого чувства, кромѣ грубаго ощущенія. И у тѣхъ изъ нихъ, которымъ не пришлось любить до своего паденія,

именно послѣ него способность къ идеализаціи и любви вырастаетъ въ болѣе чистомъ и сильномъ видѣ, чѣмъ у такъ называемыхъ порядочныхъ женщинъ, ожидающихъ себѣ мужа и постоянно треплющихъ свою душу въ попыткахъ любить“.

Это, конечно, въ многихъ случаяхъ совершенно справедливо. Но ужъ на это-то, конечно, не могъ отвѣтить мало-мальски удовлетворительно студентъ Рославлевъ. Саша ему очень правилась: онъ съ увлеченіемъ, восторгомъ и влюбленностью цѣловалъ ее, свѣженькую, влюбленную и хорошенькую, въ бѣломъ передникѣ сидѣлки, но, даже будучи предоставленъ самому себѣ, онъ врядъ ли позволилъ бы этому чувству развиваться, такъ вѣлось въ него презрѣніе къ „дѣвкѣ“, а тутъ еще вся высокопородная среда его, съ насмѣшкой слѣдящая за его „романомъ“ съ проституткой.

Особенно хорошъ разговоръ Рославлева съ его отцомъ, либеральнымъ беллетристомъ. Этотъ почтенный человѣкъ дружески обращается къ нему съ такою рѣчью: „Я самъ былъ молодъ, конечно, — онъ робко улыбнулся, — и не безуреченъ въ этомъ отношеніи... да и никто не безуреченъ, всѣ люди, всѣ человѣки, — опять улыбнулся онъ и заторопился, — это физиологическая потребность, тутъ ничего не подѣлаешь, но зачѣмъ же подчеркивать это? Если ты чувствовалъ себя виноватымъ по отношенію къ этимъ жертвамъ общественнаго темперамента, то ты могъ бы принять такое или иное участіе въ обществахъ... благотворительныхъ, но такъ... право, Митя, выходить некрасиво!.. Ты прости меня“...

Дмитрій Николаевичъ покраснѣлъ и еще упорнѣе сталъ изучать узоръ на коврѣ. Ему ясно припомнилось, что онъ и самъ чувствовалъ все время что-то грязное въ этой исторіи и не могъ понять, что именно.

„Я, ты знаешь, — помолчавъ, точно дожидаясь отвѣта и не дождавшись, проговорилъ отецъ, — самъ не мало поработалъ надъ этимъ вопросомъ, лѣтъ десять тому назадъ меня звали даже въ шутку ангеломъ-хранителемъ этихъ дамъ, и врядъ ли не лучшія мои вещи написаны ради уясненія обществу его ответственности передъ этими несчастными“!..

Дмитрій Николаевичъ значительно кивнулъ головой. Въ глубинѣ души онъ чрезвычайно гордился отцомъ, какъ писателемъ.

„Ну, вотъ, — обрадовался отецъ, — и я не могу не радоваться тому, что ты сдѣлалъ по идеѣ... но это надо было не такъ... И знаешь, разъ уже ты запутался, я готовъ дать тебѣ денегъ... пристрой ее въ какую-нибудь мастерскую... Но самому тебѣ принимать близкое участіе не стоитъ... Невольно у всякаго является мысль о томъ, гдѣ ты съ ней познакомился и какія у васъ отношенія теперь... хотя я, конечно, увѣренъ, что теперь ничего нѣтъ... Это было бы уже совсѣмъ нехорошо!“ — съ искреннимъ чувствомъ сказалъ Николай Ивановичъ.

Какъ и сынъ, онъ не уяснялъ и не могъ бы уяснить, *почему* именно это *нехорошо*, но былъ твердо въ этомъ увѣренъ. А Дмитрію Николаевичу показалось, что онъ ударилъ его этими словами. Онъ безпокойно зашевелился и бросилъ папиросу, но въ слѣдующую минуту, какъ и всегда, когда онъ открывалъ въ себѣ что-нибудь дурное, Дмитрій Николаевичъ подыскалъ оправданіе:

„Но, вѣдь, теперь совсѣмъ не то, тогда было свинство, развратъ, а теперь я совершенно искренне, я...“

Но это оправданіе испугало его еще больше, чѣмъ слова отца.

И Николай Ивановичъ замѣтилъ это по его лицу и, понимая въ другомъ смыслѣ, заторопился кончить свое объясненіе:

— „Я понимаю, что тебѣ это тяжело, и мнѣ самому неприятно... Но ты понимаешь, что я рѣшился только для твоего же блага... Повторяю, исторія, въ основаніи которой лежитъ самое благородное чувство, благодаря обстановкѣ, такъ сказать, принимаетъ некрасивую окраску... Притомъ ты знаешь наши нравы, знаешь, какъ на это посмотреть... пойдутъ сплетни и даже, какъ я замѣтилъ, уже и пошли“...

Самъ Митя Рославлевъ прекрасно объяснилъ себѣ сущность своихъ мучительныхъ недоумѣній. Онъ говоритъ:

„Какой я дуракъ,—у другого бы это вышло просто, легко и красиво, а у меня вышло такъ грубо, стыдно... и самъ я запутался некрасиво!.. Какой я несчастный! Почему мнѣ ничего не удастся?.. Вѣдь, я хотѣлъ самого хорошаго, а выходитъ грязь!.. А почему грязь? Это не потому, что я ее вытащилъ, и не потому, что я раньше ходилъ туда... всѣ ходятъ, и не потому, что я ее пѣловалъ въ больницѣ... А почему-же? — съ отчаяніемъ подумалъ Дмитрій Николаевичъ. — А потому, что я на одну минуту допустилъ возможность какой-то близости между собой и ею, допустилъ, какъ будто... что я могу любить женщину, которая всѣмъ отдавалась... Я съ нею какъ-бы сталъ рядомъ и вмѣсто спасителя сталъ ей близкимъ человѣкомъ!.. Вотъ и грязь!“

И онъ посылаетъ бѣдной Сашѣ, въ самую тяжелую для нея минуту, когда только мысль о немъ поддерживаетъ ее въ той ужасной трудовой обстановкѣ, на которую только и позволяется промѣнять „грѣхъ“—„отверженнымъ“, посылаетъ ей черезъ товарища денегъ на „машинку“... Все рухнуло, осталась только перспектива той добродѣтельной нищеты, того медленнаго самоубійства, отъ котораго и бѣгутъ бѣдныя дѣвушки на улицу.

„Кающаяся“ Иванова прекрасно вскрываетъ самый корень затронутой Арцыбашевымъ драмы: „Я тогда и была честная, когда голодала... Отъ этой честности я и на улицу пошла!.. Потому всякому человѣку жить

хочется, а не... Что-жъ я скажу, правда—и на улицѣ не медь, я и не радовалась, когда на улицу пошла. А все-таки... Я вотъ, говорятъ, хорошенькая! Такъ, вѣдь, красота даръ Божій, говорятъ, счастье... Что-жъ мнѣ съ этимъ счастьемъ такъ было и сидѣть да думать! Сошью вотъ это, а тамъ надо юбку для офицерши перешить, а потомъ лифъ кончатъ, а потомъ еще... что принесутъ, а тамъ состарѣюсь, все лифы перешивать буду... такъ и до могилы... и въ могилѣ, должно быть, по привычкѣ пальцами шевелить буду... А тамъ на крестѣ хоть написать: честная была, честная померла, извините, что отъ этого никому ни тепло, ни холодно!.. Ха! Если-бы еще было ради чего... цѣль какая-нибудь въ жизни!.. Ну, тогда“...

Но не наивно ли требовать отъ благотворительныхъ обществъ, чтобы они еще и указывали „задачу жизни“ несчастнымъ труженицамъ, для которыхъ добродѣтель означаетъ голодъ, а любовь—грѣхъ!

Въ разсказѣ очень много яркихъ картинъ: напр., описаніе самоубійства въ „домѣ“, сцена между „взбунтовавшейся“ сидѣлкой Сашей и капризной, умирающей отъ рака баронессой, разговоръ между Рославлевымъ и его озлобленнымъ, больнымъ товарищемъ Семеновымъ, который все же чувствуетъ правду, хотя и не рѣшается высказать ее со всѣмъ откровеннымъ негодованіемъ.

Тема, затронутая г. Арцыбашевымъ не нова, но разсказъ его такъ яркъ, характеристики такъ мѣтки, что его положительно приходится отнести къ лучшимъ разсказамъ за послѣднее время, къ рѣдкимъ по силѣ впечатлѣнія и глубинѣ анализа произведеніямъ.

Въ томъ-же № „Мира Божьяго“ напечатана статья г. Хохловкина „Знахарство и шарлатанство“.

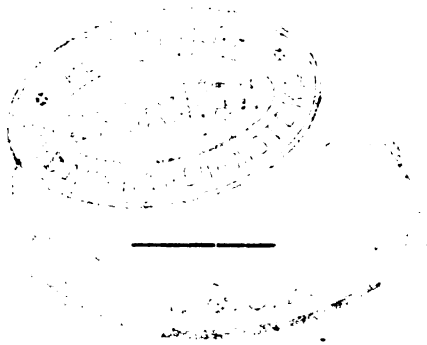
Авторъ приводитъ множество поразительныхъ примѣровъ самаго бессмысленнаго суевѣрія, самой наивной довѣрчивости по отношенію къ рекламѣ, беря эти примѣры, главнымъ образомъ, изъ среды культурныхъ, обеспеченныхъ классовъ. Г. Хохловкинъ указываетъ на несомнѣнный вредъ, приносимый рекламой разныхъ сомнительныхъ средствъ, патентованныхъ и секретныхъ.

Единственнымъ средствомъ борьбы съ этимъ настоящимъ общественнымъ бѣдствіемъ, дающимъ милліоны надувателямъ и десятки тысячъ повластнымъ „газетчикамъ“ и разстраивающимъ здоровье легковѣрнымъ потребителямъ, авторъ справедливо считаетъ естественно научное образованіе, какъ необходимый элементъ образованія вообще. Почему-то, однако, авторъ считаетъ осуществленіе этой мѣры—идеаломъ далекаго будущаго, и останавливается пока на законодательныхъ мѣрахъ противъ рекламы мнимощѣлебныхъ средствъ.

Объ интересной статьѣ г. Дегена „Всенародное Искусство“ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Въ прошлыя мои „Журнальныя замѣтки“ вкралось нѣсколько досадныхъ опечатокъ; нѣкоторыя изъ нихъ я считаю необходимымъ исправить: на стр. 159 послѣдняя строка вмѣсто *галенамъ* исторіи—надо читать „законамъ исторіи“. Прозвище одного персонажа г-жи Дмитріевой „*Барбарисычъ*“ превратилось въ „*Барбарниль*“, „*Барбарнелль*“ и даже „*Барабрненъ*“. На стр. 148 вмѣсто „врача“ надо читать „врага“, а вмѣсто „избранника“—„избранный“.

А. Луначарскій.

- народнымъ учителямъ.—Культурно-просвѣтительныя начинанія въ Черниговѣ и ихъ судьба.—Резолюція петербургскаго общества врачей по дѣлу генерала Ковалева.—Циркуляръ Казанскаго губернатора.—Экстренная сессія Саратовскаго губернскаго земскаго собранія.—Судебные процессы въ Могилевѣ губернскомъ и Смоленскѣ.—Убійство финляндскаго генераль-губернатора Бобрикова. **В. Б.** 40— 57
20. **ЛИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.** (Изъ курск. губ.) Монополія въ деревнѣ. **Несторъ Гришаковъ.** (Изъ Калуги). О нашихъ земскихъ дѣлахъ **Калужанинъ.** (Изъ г. Уржума) **Влад. Солонкинъ.** (Изъ Нахичевани-на-Дону). Тридцатилѣтіе ходатайства о средней школѣ. **А. Л.** 58— 80
21. **РОДНЫЯ КАРТИНКИ.** О войнѣ и переоцѣнкѣ цѣнностей. — Какъ отразилась война на журналистахъ: 1) г. Столыпинъ, 2) Вас. Ив. Немировичъ-Данченкѣ.—Споръ кievскихъ врачей о врачахъ-военноплѣнныхъ.—Споръ о воинской повинности и о привилегіи талантовъ.—Г. Василевскій и его Троянскій конь. — Мелочи. **Александра Яблоновскаго** 81—101
22. **КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.** 1. Евгений Марковъ. Разбойница Орлиха. **А. Налимова.** 2. Полное собраніе соч. И. А. Крылова. Т. I. **С. Ашевскаго.** 3. Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX стол. **П. Морозова.** 4. А. С. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы. **П. Морозова.** 5. Записки княгини М. Н. Волконской. **С. Ашевскаго.** 6. Е. Тарле. Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX в. **И. Степанова.** 7. Н. В. Краинскій. Ученіе о памяти, съ точки зрѣнія теор. психической энергіи **Л. В.** 8. А. Елистратовъ. О прикрѣпленіи женщинъ къ проституціи. **Л. Василевскаго.** 9. Аквариумъ. Составилъ В. П. Миллеръ. **И. Леонтьева.** 10. Хрупъ. Воспоминанія крысы натуралиста. **А. Л. Яценко. И. Леонтьева.** 11. I. Изданія Историческаго об-ва, при Московск. Универс.; II. Изданія Исторической комиссіи учебн. отдѣла, Об-ва распротр. технич. знаній. **В. Величкиной** 102—126
23. **ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.** („Русск. Мысль“ февраль и мартъ, „Міръ Божій“ мартъ) **А. Луначарскаго** 127—136

ВЫШЛО НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ОБРАЗОВАНИЕ“:

«ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ»

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ

Т. ГЕРЦЛЯ.

переводъ съ нѣмецкаго А. Даманской.

ЦѢНА 1 р.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ

Продолжается подписка на 1904 г.

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„Образование“.

Цѣна за годъ 6 р. съ перес., полгода — 3 р.,
за границу 8 руб.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: СПБ. Моховая, 33. Въ Москвѣ при книжн. магаз. П. Путиловой (Арбатъ, 17), „Трудъ“ н у Н. Печковской. Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образование“ (Ришельевская).

1) *Рукописи*, присылаемые въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ.

2) По поводу непринятыхъ статей редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) *Принятые статьи*, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятые же сохраняются въ теченіе *полугода* и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

5) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтамта направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

6) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ ваносовъ по разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году или сообщать его №.

7) Перемѣна адреса должна быть прислана не позже 10 числа *наждаго мѣсяца*, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 60 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Контора редакціи открыта ежедневно, *кромѣ праздниковъ*, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ *ежедневно отъ 11 до 1 часу, кромѣ праздничныхъ дней*.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

Вышло новое изданіе редакціи журнала „Образование“

ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ НА ЗАПАДѢ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

- I. Очерки современной журналистики П. Берлина.
 - II. Періодическая печать въ Германіи Г. Гроссмана.
 - III. Развитие печати въ Австріи П. Зепъдича.
 - IV. Очеркъ періодической печати въ Англіи Д. Сатурина.
 - V. Періодическая печать въ Италіи А. Лабріола.
 - VI. Періодическая печать во Франціи Е. Смирнова.
 - VII. Американская печать А. Гурвича.
- Приложеніе: Очеркъ исторіи развитія періодической печати въ Англіи Э. Пименовѣй.

Цѣна 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

